947.07
В-756

1812 1912

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ

СМОЛЕНСКОЙ

ГУБЕРНІИ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

88/10 28/I 63 г.

Колич. предыд. выдач.

Зак. 1653

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 г.

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ

СМОЛЕНСКОЙ

ГУБЕРНІИ

В. М. ВОРОНОВСКАГО

1812. ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ 1912.
СМОЛЕНСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА

947.07
В756

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ШЕСТАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.

50 въ кл. л.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	V
Отъ автора	VII
I. Отечественная война и значеніе Смоленской губ. въ ея эпоху	1— 29
II. Смоленскъ и его область	30— 66
III. Военныя дѣйствія 1812 г. въ Смоленской губерніи	67—236
IV. Народная война	237—283
V. Смоленская губ. во власти непріятеля и ея освобожденіе	284—333
VI. Памятники Отечественной войны въ Смоленской губерніи	334—345
Приложенія	349—412
Опись иллюстрацій	413
Списокъ плановъ и картъ	414
Перечень содержанія	415—428

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ минувшемъ 1911 году, въ виду приближенія столѣтія Отечественной войны, Смоленское Губернское Земство остановилось на мысли объ изданіи особаго труда по изслѣдованію значенія Смоленской губерніи въ эпоху войны 1812 года. Мысль эта обсуждалась на губернскихъ земскихъ собраніяхъ и встрѣтила общее сочувствіе. Земское собраніе постановило ознаменовать столѣтній юбилей Отечественной войны изданіемъ соотвѣтственнаго труда. Затѣмъ собраніе приняло докладъ редакціонной комиссіи, которая предложила ему, «взять на себя иниціативу освѣдомить широкія массы населенія съ событіями 1812 года въ предѣлахъ своей губерніи путемъ распространенія брошюры, которая, вмѣстѣ съ исторической правдой событій, напоминала бы доблестные подвиги нашихъ предковъ въ прошломъ и будила патріотическія чувства въ настоящемъ».

Имѣя въ виду издать ко времени юбилея какъ болѣе подробный трудъ, такъ и популярную брошюру, посвященные обзору событій войны 1812 года въ предѣлахъ Смоленской губерніи, земское собраніе ассигновало на этотъ предметъ 6.000 руб. и сверхъ того открыло управѣ кредитъ изъ оборотныхъ средствъ до 2.500 руб. Въ расходахъ по этимъ изданіямъ приняли участіе Смоленское Дворянство и городъ Смоленскъ, ассигновавъ дополнительно — Дворянство 1000 руб. и городъ—500 руб. Кромѣ того на тотъ же предметъ правительство ассигновало въ пособіе земству 3,000 руб. и поступило пожертвованіе отъ Н. К. Синягина 300 руб.

Для осуществленія постановленій земскаго собранія была образована особая издательская комиссія. Въ составъ ея вошли проживающіе въ Петербургѣ губернскіе гласные Смоленскаго Земства:

генералъ А. П. Скугаревскій, членъ Государственнаго Совѣта В. П. Энгельгардтъ, члены Государственной Думы—Н. А. Хомяковъ и Н. Н. Опочининъ.

Комиссія прежде всего озаботилась пріисканіемъ лица, преимущественно изъ среды земскихъ дѣятелей своей губерніи, которое взяло бы на себя авторскій трудъ. По просьбѣ комиссіи такой трудъ согласился принять на себя гласный Краснинскаго уѣзднаго земства В. М. Вороновскій. Программы изданій, составленныя и разработанныя авторомъ, были подробно обсуждены комиссіею. Кромѣ того комиссія, согласно желанію автора, выслушивала въ предварительномъ чтеніи составленный имъ трудъ.

Комиссія признала необходимымъ иллюстрировать изданія портретами и рисунками, выборъ и распредѣленіе которыхъ были предоставлены автору. Вопросъ объ иллюстраціяхъ сопровождался особыми осложненіями, какъ вслѣдствіе трудности пріисканія желательныхъ рисунковъ, такъ и вслѣдствіе дороговизны ихъ воспроизведенія; однако, все же удалось разрѣшить его успѣшно. Большая часть портретовъ исполнена со снимковъ «Военной аллереи 1812 г.», изданной по волѣ Государя Императора подъ редакціей Великаго Князя Николая Михаиловича, съ дозволенія Его Императорскаго Высочества. Рисунки воспроизведены изъ альбомовъ Faber du Faur и Albert Adam; нѣкоторые же изъ нихъ—съ подлинныхъ акварельныхъ картинъ художника Adam, составляющихъ собственность герцога Николая Николаевича Лейхтенбергскаго, который дозволилъ использовать для земскаго изданія свои драгоцѣнныя акварели. Всѣ иллюстраціи для земскихъ изданій исполнены Экспедиціей Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.—Нужныя для изданій планы и карты исполнены по тексту, согласно указаніямъ автора, капитаномъ корпуса военныхъ топографовъ В. Н. Адріановымъ.

Комиссія почитаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михаиловичу и Его Свѣтлости Герцогу Николаю Николаевичу Лейхтенбергскому, а также лицамъ, съ своей стороны, содѣйствовавшимъ успѣху земскихъ изданій: Г. Министру Финансовъ В. Н. Коковцову, оберъ-прокурору 1 департамента Сената Н. А. Добровольскому и отставному гвардіи полковнику Ѳ. Г. Козлянинову.

ОТЪ АВТОРА.

Принявъ на себя авторскій трудъ въ настоящемъ земскомъ изданіи, я старался по мѣрѣ силъ осуществить намѣренія своего земства, и правдиво изобразить участіе въ Отечественной войнѣ родной мнѣ губерніи, значеніе которой въ эпоху 1812 года представляется мнѣ совершенно исключительнымъ. Въ какой мѣрѣ удалось мнѣ достигнуть своей цѣли, вопросъ не моей компетенціи. Только въ качествѣ вспомогательнаго матеріала для разрѣшенія этого вопроса людьми компетентными, я хотѣлъ бы пояснить свой взглядъ на предстоявшую мнѣ задачу и указать на избранные мною средства и способы къ ея осуществленію.

Настоящее земское изданіе, имѣя юбилейный характеръ, должно представлять собою памятникъ, достойный воспоминаемыхъ событій. Цѣль его—ярко и полно возсоздать въ воображеніи современнаго читателя и твердо поставить передъ его духовнымъ взоромъ всю глубоко поучительную картину народной самозащиты, развернувшуюся въ одномъ углу нашего пространнаго отечества, отграниченномъ смоленской губернской межею. Для достиженія этой цѣли предстояло собрать воедино, по возможности, полный и правдивый матеріалъ о героической борьбѣ народовъ, происходившей въ 1812 году въ предѣлахъ Смоленской губерніи; разработать его въ реальномъ направленіи широкой русской національной идеи; одухотворить чувствомъ достойнаго, исторически засвидѣ-

тельствованнаго народнаго патріотизма и отлить въ яркую, наиболѣе усваиваемую и сердцемъ и умомъ, красочную форму описательнаго повѣствованія. Въ повѣствованіи этомъ, вокругъ главнаго его предмета—народной борьбы, въ цѣляхъ болѣе цѣлостнаго развитія и рельефнаго изображенія воспоминаемыхъ событій, должны были найти себѣ мѣсто и историко-географическій очеркъ губерніи и справочный матеріалъ, характеризующій нѣкоторыя бытовыя особенности мѣстности и эпохи.

Основными источниками для разработки поставленной темы служили, главнымъ образомъ, историческіе труды Михайловскаго - Данилевскаго, Богдановича, Бутурлина, Харкевича, а также матеріалы, извлеченные изъ смоленскихъ архивовъ губернскаго правленія, дворянскаго депутатскаго собранія, духовной консисторіи и изъ архива Правительствующаго Сената. Необходимымъ дополненіемъ, при сравнительномъ изученіи вопроса по всѣмъ означеннымъ источникамъ, служили, какъ это видно изъ приведенныхъ ссылокъ, довольно многочисленныя сочиненія и отдѣльныя статьи, разсѣянныя по разнымъ журналамъ. Обильный и разнообразный матеріалъ, имѣвшійся въ моемъ распоряженіи, давалъ мнѣ возможность пользоваться данными, критически провѣренными, не слѣдуя слѣпо указаніямъ отдѣльныхъ источниковъ.

Несомнѣнно въ трудѣ моемъ окажется много недочетовъ, еще больше пробѣловъ, но, думаю, въ немъ нѣтъ фальши.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить глубокую признательность памяти покойнаго земляка Н. К. Синягина, предоставившаго въ мое пользованіе свою богатую библіотеку. Приношу искреннюю благодарность многоуважаемому А. П. Скугаревскому за его неизмѣнно доброжелательное отношеніе къ моей работѣ и всегдашнюю готовность оказывать мнѣ содѣйствіе добрыми совѣтами, а также хранителю древностей смоленскаго музея В. И. Грачеву за его содѣйствіе при ознакомленіи со смоленской стариною.

2 Августа 1912 г.

I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ЗНАЧЕНІЕ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ ЕЯ ЭПОХУ.

«Какъ шелуха слетаетъ ложь, и какъ твердыя зерна остаются недвижныя истины».

Гоголь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣкъ цѣлый уже легъ между нами и той достопамятной эпохой Отечественной войны, «когда вся Россія, вздрогнувъ, стала на ноги и, съ умилительнымъ самоотверженіемъ, готова была на всякое пожертвованіе»[1].

Сотня тягучихъ годовъ въ пестрой смѣнѣ историческихъ событій неизмѣнной чредою канула въ бездну вѣчности, постепенно унося угаръ далекой современности. Отстоялись событія прошлаго, улеглись страсти, волновавшія предковъ — современниковъ, и въ состояніе равновѣсія приходитъ настроеніе потомковъ, когда въ стройномъ порядкѣ исторической перспективы размѣщаются факты минувшаго, и сокрытый въ нихъ смыслъ яснѣе и шире раскрывается охлажденному опытомъ разуму. Невозможное въ ничтожныхъ предѣлахъ текущаго дня съ его бушующими интересами становится возможнымъ и необходимымъ на широкой, спокойной поверхности исторической давности вѣка.

---

[1] Слова Ив. Андр. Крылова, см. «Письма русскаго офицера Ѳ. Глинки», стр. IV.

Все мелочное, случайное, привходящее, и потому непрочное, удаляется изъ области сужденій безстрастной рукой времени; все это сохраняетъ интересъ только обстановочнаго историческаго матеріала для болѣе живого созерцанія минувшей эпохи, какъ внѣшняя оболочка людей и событій, какъ характерная подробность отдѣльныхъ личностей и массовыхъ сценъ. Темный хаосъ преходящихъ людскихъ заблужденій смѣняетъ ясная и нерушимая правда исторіи. Время приближаетъ къ истинѣ, а высота помысловъ облегчаетъ дѣло времени. Михайловскій-Данилевскій, описывая событія Отечественной войны спустя всего 27 лѣтъ, пытался избрать себѣ единственнымъ руководствомъ «истину, безъ всякихъ прикрасъ». «Да и прилично ли», разсуждалъ онъ, «по прошествіи болѣе четверти вѣка, говорить обиняками, намеками, клеветать на побѣжденныхъ, когда годы и могилы отмежевали насъ отъ нихъ, и послѣ побѣды скрывать наши неудачи, неизбѣжныя въ каждомъ походѣ? Тамъ, гдѣ рѣшался вопросъ: оставаться ли Россіи въ ея величіи, или снизойти на стезю второстепенныхъ державъ, въ дѣлѣ близкомъ сердцу каждаго русскаго, нѣтъ случая, который дозволено бы было переиначить, нѣтъ личностей, которыхъ чувство къ истинѣ не должно бъ было побѣдить»[1]. Эти благородные помыслы тогда были еще преждевременны для практическаго руководства; только теперь, когда прошло еще три четверти вѣка, сужденія наши могутъ сблизиться съ требованіями истины.

Намъ, русскимъ, отчитываясь въ событіяхъ нашего историческаго лихолѣтья послѣ искусовъ цѣлаго вѣка, предъ лицомъ потомства, предъ судомъ исторіи можно не бояться—ни боли правды, ни свѣта истины. Не смотря на наши неудачи, ошибки и увлеченія, правда не будетъ намъ непокрытымъ укоромъ, истина—осужденіемъ: мы непостыдно отстояли правое дѣло и можемъ оставаться неизмѣнно правдивыми. Не блестящія побѣды надъ врагомъ, не покореніе земель и народовъ, не пріобрѣтеніе новыхъ областей приходится вспоминать намъ въ столѣтіе Отечественной войны; нѣтъ, наши воспоминанія скромнѣе, торжество наше безспорнѣе и

---

[1] Михайловскій-Данилевскій. «Описаніе Отечественной войны въ 1812 году». 1 стр. XIV, XV.

чище: мы вспоминаемъ объ избавленіи нашей родины отъ нашествія всѣхъ народовъ западной Европы подъ водительствомъ величайшаго въ мірѣ военнаго генія.

Мы спокойно можемъ взирать, какъ изъ далекаго прошлаго, изъ подъ грузнаго наслоенія сотни годовъ, встаютъ передъ нами образы, сцены, событія цѣлыя великой эпохи 1812 года, встаютъ въ современной имъ обстановкѣ и въ современномъ намъ освѣщеніи. Факты остаются неизмѣнны, но временное значеніе ихъ уже переработано процессомъ исторіи, устанавливающимъ ихъ подлинный смыслъ.

Распря императоровъ, вторженіе непріятеля, кровавыя битвы и многія тысячи смертей отъ убійства, насилія, холода и голода, униженіе національной гордости, подъемъ народнаго духа и побѣдное отмщеніе. Таковы факты. Въ глазахъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ факты эти, когда на нихъ не остыли еще страсти людскія, таили въ себѣ особый связанный со страстями этими поучительный смыслъ. Представлялось, что ссора властителей зажгла ненависть народовъ ихъ, что въ борьбѣ народовъ столкнулись между собой враждебныя начала монархизма и революціи, устойчивой государственности и политическаго авантюризма, что въ столкновеніи армій движущими силами явились завоевательные замыслы со стороны геніальнаго честолюбца, мечтавшаго о всемірномъ владычествѣ, и глубокій патріотизмъ, жажда спасительнаго подвига и вселенскаго мира со стороны благословеннаго вѣнценосца.

Такой непосредственный взглядъ на событія Отечественной войны отошелъ уже въ область исторической легенды; на смѣну ему становятся иныя воззрѣнія, по которымъ не единоличная воля императоровъ, сама по себѣ, не ихъ личныя стремленія и цѣли, а общая сложная совокупность причинъ даютъ смыслъ Отечественной войнѣ 1812 года, какъ и всякому другому историческому событію. Въ этой совокупности причинъ, гдѣ находитъ себѣ соотвѣтствующее мѣсто и могучая, часто непреоборимая воля народнаго вождя, генія человѣчества, все же выдѣляется главенствующее значеніе экономическихъ явленій жизни, которыя въ конечномъ результатѣ составляютъ преобладающій стимулъ дѣятельности народ-

ныхъ массъ. Съ такой точки зрѣнія Отечественная война 1812 года представляется прежде всего результатомъ экономическаго соперничества Франціи съ Англіей, втянувшихъ Россію въ сферу своего раздора; затѣмъ война эта какъ бы завершала послѣдствія естественнаго противодѣйствія общественныхъ силъ крѣпостной Россіи идеямъ раскрѣпощенной уже революціей Франціи.

Дѣйствительно, потрясеніе континентальною системою промышленнаго могущества Англіи, тѣснившей производительныя силы Франціи, было любимой мечтой Наполеона, но онъ самъ ясно сознавалъ и неоднократно говорилъ, что «безъ Россіи континентальная система есть пустая мечта». Съ другой стороны, господствующіе классы русскаго общества, недовольные послѣдовавшими въ началѣ царствованія Александра I либеральными преобразованіями, усматривали во Франціи самую серьезную угрозу крѣпостнымъ устоямъ русской жизни, и видѣли уже въ реформаторской дѣятельности Сперанскаго и въ иностранной политикѣ Румянцова опаснѣйшій очагъ революціоннаго движенія, направляемаго къ уничтоженію крѣпостного права и къ ограниченію самодержавія. Все зло приписывалось пагубному вліянію Сперанскаго, значеніе котораго въ глазахъ современнаго общества весьма характерно опредѣлялось отзывомъ одного современника: «близъ него мнѣ все казалось, что я слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземнаго міра»[1].

Немудрено, что при такихъ условіяхъ правящіе слои русскаго общества торжествовали ссылку Сперанскаго «какъ первую побѣду надъ французами»[2].

Но въ чемъ бы ни усматривать первичныя причины Отечественной войны, какъ бы ни толковать ея основной смыслъ на аренѣ міровой исторіи, и какъ бы глубоко не раскрывать ея послѣдствія, неизмѣнной остается одна основная идея этого великаго историческаго событія—героическая борьба русскаго народа за свою родину, за свою національную самобытность. Этой идеи не могутъ поколебать никакія историческія событія, никакія научныя изслѣдованія

---

1 Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Александръ I», т. III, стр. 32.
2 Ibid., стр. 45.

и изысканія. Все непосредственное фактическое содержаніе этой кровавой драмы исторіи заключается для насъ въ оборонѣ русскимъ народомъ своего отечества отъ пришлаго завоевателя. Народъ не зналъ ни честолюбивыхъ замысловъ Наполеона, ни великодушныхъ стремленій Александра, ни экономическаго соперничества Франціи съ Англіей, ни порожденной этимъ соперничествомъ континентальной системы, ни революціонныхъ идей Франціи, ни всего того, чего стремились достигнуть чрезъ посредство войны съ Россіей. Онъ зналъ и чувствовалъ, что пришелъ въ его страну врагъ, и потому, съ чѣмъ бы онъ ни пришелъ, его одинаково надо прогнать или уничтожить.

Народъ не могъ входить въ разсмотрѣніе и въ оцѣнку замысловъ этого непріятеля, но своимъ простымъ, здравымъ смысломъ глубоко сознавалъ, что люди, разорявшіе его имущество, опустошавшіе его страну, не могутъ радѣть о его благѣ. Поэтому попытки непріятеля, склонить на свою сторону простой закрѣпощенный тогда народъ обѣщаніями свободы, въ общемъ не имѣли успѣха. Къ тому же попытки эти, надо признать, были весьма умѣренны, не достигая значительнаго напряженія. Французскій историкъ, смотрѣвшій весьма презрительно на крѣпостную Россію, долженъ былъ признаться, что соблазнъ крестьянъ свободою не удался: въ этомъ смыслѣ можно было воздѣйствовать только на нѣкоторыхъ обездоленныхъ крестьянъ. При этомъ онъ справедливо отмѣчаетъ, что идея народнаго бунта была противна Наполеону, натура котораго влекла его болѣе на сторону правъ королей, чѣмъ правъ народа. Наполеонъ понималъ, что у варварскаго народа, какимъ представлялся французамъ русскій народъ и свобода должна быть варварской, принявъ формы необузданнаго своеволія; онъ опасался настоятельно возбуждать движеніе, которымъ онъ не могъ бы управлять [1]. Попытки соблазна простого народа свободою отмѣчаются многочисленными воспоминаніями и газетными замѣтками того времени. Въ одной изъ такихъ замѣтокъ разсказывается, какъ кавалерійскій генералъ французской службы Груши старался склонить на сторону французовъ русскихъ крестьянъ. Когда французскіе

---

1 Comte de Ségur «Histoire de Napoléon et de la grande armée», 144—145.

фуражиры, отбивъ скотъ у крестьянъ, привели трехъ изъ нихъ къ генералу Груши, стоявшему въ одной деревнѣ подъ Смоленскомъ, то генералъ приказалъ заплатить за скотъ и обратился къ крестьянамъ съ ласковой рѣчью, говоря: «зачѣмъ бѣжите отъ французовъ, которые вамъ не дѣлаютъ никакого притѣсненія и даже съ вами не имѣютъ войны. Напротивъ того, Наполеонъ хочетъ даровать вамъ свободу». На эти слова одинъ изъ крестьянъ отвѣтилъ, что «имъ нельзя измѣнять Царю и отечеству». «У васъ, чай, есть присяга,» сказалъ онъ, «ну, и у насъ присягали всѣ Государю Александру Павловичу», «а на волю вѣдь и господинъ отпуститъ, коли быть этому»[1].

Правда, пущенные въ народъ соблазнительные слухи о свободѣ и разныхъ льготахъ волновали крестьянъ, во многихъ мѣстахъ вызывали крестьянскіе бунты, при чемъ крестьяне грабили помѣщиковъ и производили надъ ними насилія.

Однако, всѣ эти бунты, насилія и грабежи, подавлявшіеся нерѣдко французскими же войсками[2], въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ они происходили, отнюдь не улучшали отношенія простого народа къ непріятелю. Бунтуя противъ помѣщиковъ, крестьяне одновременно съ большимъ усердіемъ истребляли непріятелей. Они были очень далеки отъ мысли получить свободу изъ рукъ врага, питая твердую увѣренность, что «коли быть этому», то оно и будетъ своимъ домашнимъ порядкомъ. Но «быть этому» еще было не время, вопросъ еще недостаточно назрѣлъ, какъ и показала побѣдоносная для насъ Отечественная война, доказавшая крѣпкую еще устойчивость старой Россіи. Мало того, война эта затянула на нѣкоторое время дореформенный періодъ нашей жизни. Судьба народовъ непреложно свидѣтельствуетъ, что всякая побѣдоносная война всегда укрѣпляетъ сопутствующій ей государственный и общественный строй, а всякая война проигранная колеблетъ или даже вовсе разрушаетъ его.

Война надвинулась на Россію, какъ великое бѣдствіе, какъ тяжкое испытаніе и роковая необходимость. При сложившихся

---

[1] «О вшествіи французовъ въ Смоленскъ», «Сынъ Отечества», 1813 г., ч. 7, стр. 79.

[2] См. «V Смоленская губернія во власти непріятеля...», гл. 2 «Мѣры управленія».

обстоятельствахъ ея уже не могло не быть. Истинныя причины, обычно болѣе отдаленныя и глубоко сокрытыя въ нѣдрахъ историческихъ наслоеній, проявляютъ свое дѣйствіе въ ближайшихъ къ порождаемымъ ими событіяхъ и болѣе поверхностныхъ поводахъ. Такихъ поводовъ всегда оказывается совершенно достаточно, чтобы поставить ихъ въ ближайшую причинную связь съ послѣдующими за ними событіями. Такъ случилось и въ эпоху Отечественной войны.

Между тильзитскими союзниками, Императорами Александромъ I и Наполеономъ, накопилось къ 1812 году очень много горючаго матеріала. Наполеонъ домогался руки великой княжны Анны Павловны, а Императоръ Александръ далъ сперва уклончивый, а затѣмъ и вовсе отрицательный отвѣтъ. Александръ стремился получить формальное обязательство, что царство Польское не будетъ возстановлено, конвенція о чемъ уже была подписана франц узскимъ посломъ въ Петербургѣ Коленкуромъ, а Наполеонъ уклонился отъ ея ратификаціи. Наполеонъ присоединилъ къ Франціи все побережье Нѣмецкаго моря и владѣнія герцога Ольденбургскаго; Александръ вступился за своего родственника и заявилъ предъ лицомъ всей Европы формальный протестъ. Въ экономическомъ соперничествѣ съ Англіей Наполеонъ навязалъ Россіи разорительную для насъ континентальную систему, и, не найдя въ Императорѣ Александрѣ добровольнаго союзника для борьбы съ Англіей, нашелъ выгоднымъ завоевать такого союзника въ лицѣ могущественной Россіи. Оставляя Парижъ передъ походомъ въ Россію, Наполеонъ сказалъ: «намъ необходимо сдѣлать три похода за Вислу, чтобы мирно владѣть Сеной». Онъ полагалъ, что идетъ въ Москву за миромъ. Позднѣе уже, въ предвидѣніи разныхъ случайностей, онъ писалъ по дорогѣ изъ Вязьмы въ Москву: «быть можетъ, я не найду мира тамъ, куда иду за нимъ»[1].

Всѣ эти и различныя другія причины въ концѣ концовъ учитывались на денежномъ рынкѣ, и курсъ нашего ассигнаціоннаго рубля упалъ въ 1810 году до 25 копѣекъ, тогда какъ за три года до того онъ держался на 67 коп. Съ паденіемъ денежнаго курса

---

[1] Fain «Manuscrit de 1812». 1 стр. 360.

цѣны на всѣ товары неимовѣрно возросли[1]. Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса, насколько такое паденіе курса отразилось на матеріальномъ бытѣ народной массы, надо признать, что оно въ корнѣ потрясло интересы высшихъ классовъ общества.

Очевидно, только война могла разрѣшить накопившіяся недоразумѣнія. Узелъ событій затянулся настолько туго, что его могла разсѣчь лишь вооруженная рука. Наполеонъ такъ мѣтко и вѣрно выразилъ существовавшее положеніе вещей: «Война разыграется вопреки мнѣ, вопреки императору Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи. Я уже не разъ былъ свидѣтелемъ этому, и личный опытъ, вынесенный изъ прошлаго, открываетъ мнѣ эту будущность. Все это уподобляется оперной сценѣ и англичане стоятъ за машинами...»[2].

Время выдвинуло на авансцену закулисныхъ машинистовъ. Представителемъ машиностроительной фирмы «Англія» былъ на мѣстѣ дѣйствія англійскій генералъ Вильсонъ, который находился при главной квартирѣ нашей дѣйствующей арміи. Онъ пристально слѣдилъ за ходомъ военныхъ операцій, своевременно извѣщая о нихъ свое правительство. Въ патріотическомъ увлеченіи онъ даже рискнулъ взять на себя весьма щекотливую роль «посланника мятежниковъ», какъ назвалъ его Императоръ Александръ. Прибывъ изъ главной квартиры въ Петербургъ, въ двадцатыхъ числахъ августа англійскій генералъ отъ лица всей русской арміи ходатайствовалъ передъ русскимъ Императоромъ о смѣнѣ министра иностранныхъ дѣлъ Румянцова, котораго подозрѣвали въ симпатіяхъ къ Наполеону. Такое домогательство было отклонено Государемъ, который нашелъ вмѣшательство въ дѣло выбора имъ своихъ министровъ, неумѣстнымъ и непристойнымъ[3].

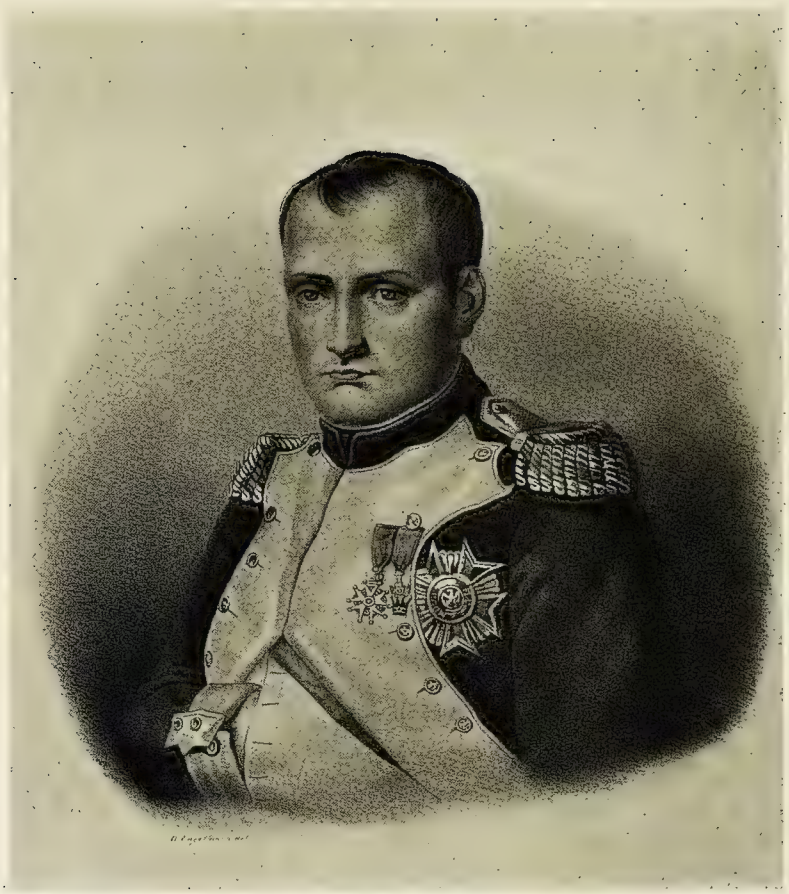
Когда періодъ всяческихъ осложненій миновалъ, наступила развязка. Наполеонъ двинулся на Россію «въ челѣ всей остальной Европы». Его великая армія, общей численностью въ 600 тысячъ

---

1 Въ 1811 году 1 аршинъ русскаго сукна стоилъ 21 рубль, фунтъ сахару—2 р. 50 к. «Воспоминанія Броневскаго» Русская Старина, 1908 г., 4—6.

2 Письмо Наполеона отъ 21 марта (2 апрѣля) 1811 г. къ королю Вюртембергскому. См. Шильдеръ «Императоръ Александръ I», т. III, стр. 24.

3 Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», стр. 102—106.



НАПОЛЕОНЪ

человѣкъ, болѣе чѣмъ на половину состояла изъ иностранныхъ войскъ, поставленныхъ его вассалами. На одну Россію шли двунадесять языковъ[1]. 12 іюня 1812 года Наполеонъ близъ Ковно перешелъ Нѣманъ и влилъ въ предѣлы Россіи полчища всей Европы. Война началась, хотя и не была формально объявлена. Съ этого времени «любимый сынъ молвы» и «могучій баловень побѣдъ» бросилъ свою судьбу въ руки чуждаго, загадочнаго народа, въ обстановку дикой природы, суроваго климата и огромныхъ пространствъ.

Ко времени вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи мы могли выставить вооруженныхъ силъ всего въ количествѣ до 210 тысячъ человѣкъ. И это незначительное войско было раздѣлено на три арміи. Первая западная армія, въ числѣ 120 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли была растянута на 120 верстъ по линіи отъ Россіенъ до Лиды съ главною квартирою въ Вильнѣ. Вторая западная армія, въ количествѣ 45 тысячъ человѣкъ, подъ командой князя Багратіона стояла между Нѣманомъ и Бугомъ, имѣя главную квартиру въ Волковыскѣ. Такимъ образомъ, обѣ наши западныя арміи имѣли растяженіе на пространствѣ до 350 верстъ. Наконецъ, со вступленіемъ Австріи въ союзъ съ Наполеономъ противъ Россіи, была образована подъ начальствомъ генерала Тормасова еще третья армія, такъ называемая резервная обсерваціонная, въ количествѣ до 45 тысячъ человѣкъ; она находилась на Волыни въ южной сторонѣ Полѣсья, имѣя главную квартиру въ Луцкѣ и прикрывая Вильну отъ австрійскаго вспомогательнаго корпуса[2].

Раздѣленіе нашихъ войскъ, назначенныхъ дѣйствовать противъ главныхъ силъ Наполеона, на двѣ неравныя арміи: большую—1-ую западную и меньшую—2-ую западную, было вызвано требованіями плана кампаніи, составленнаго нѣмецкимъ теоретикомъ ге-

---

1 «Двадцать народовъ, разныхъ языковъ, вѣрою сплотились въ ряды... Они суть: французы, австрійцы, поляки, баварцы, вюртембергцы, швабы, прусаки, голландцы, швейцарцы, саксонцы, итальянцы, долматы, иллирійцы, кроаты, гессенцы, датчане, гишпанцы, португальцы, венгерцы, неаполитанцы». Писаревъ А. А. «Военныя письма».

2 См. Н. К. Шильдеръ «Императоръ Александръ I», стр. 73; Скугаревскій «1812 годъ», стр. 30.

нераломъ Фулемъ и одобреннаго Государемъ. По этому плану, выработанному по всѣмъ правиламъ господствовавшихъ въ современной нѣмецкой военной литературѣ стратегическихъ системъ, предполагалось вести оборону страны двумя арміями: одною, большаго состава, дѣйствовать на фронтъ наступающаго непріятеля, а другою, меньшаго состава,—на его сообщенія. Позиція для боя была избрана сначала у Свѣнцанъ, а на случай дальнѣйшаго отступленія у г. Дриссы на Западной Двинѣ, гдѣ былъ подготовленъ для 1-ой арміи укрѣпленный лагерь. Казалось, что лагерь этотъ, находясь на самомъ узлѣ дорогъ въ Петербургъ и Москву, представлялъ собою достаточный заслонъ для обѣихъ столицъ отъ наступавшей арміи противника, въ тылу которой должна была дѣйствовать 2-ая армія. Однако, при самомъ открытіи кампаніи уже обнаружилась вся практическая несостоятельность принятаго плана обороны и вся опасность допущеннаго раздѣленія нашихъ армій. Укрѣпленный лагерь оказался въ пунктѣ, не имѣвшемъ военнаго значенія и въ сторонѣ отъ путей дѣйствій непріятеля: имъ даже не пришлось вовсе воспользоваться; раздѣленіе же арміи грозило опасностью облегчить противнику побѣду надъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Все это побуждало, оставивъ первоначальный планъ обороны, стремиться къ скорѣйшему соединенію нашихъ разрозненныхъ армій. Достигнуть такого соединенія сперва надѣялись у Дриссы, куда отступилъ съ 1-ой арміей Барклай, поджидая тамъ 2-ую армію—Багратіона. Но Багратіонъ, идя по Высочайшему повелѣнію въ Дриссу, успѣлъ достигнуть лишь Новогрудка, за которымъ нашелъ себя уже отрѣзаннымъ превосходными силами маршала Даву. Соединеніе армій у Дриссы оказалось невозможнымъ; оно осуществилось только черезъ 6 недѣль послѣ начала кампаніи въ Смоленскѣ, куда Барклай, оставя Дрисскій лагерь, пошелъ на Витебскъ, а Багратіонъ свернулъ чрезъ Ново-Быховъ и Мстиславль.

Въ то время какъ наши арміи употребляли всѣ усилія, чтобы соединиться, Наполеонъ, располагая между ними свои главныя силы, принималъ мѣры, чтобы воспрепятствовать такому соединенію. Онъ такъ вѣрилъ въ успѣхъ своихъ мѣропріятій, что съ полнымъ убѣжденіемъ говорилъ: «теперь Багратіонъ съ Барклаемъ уже болѣе не увидятся».

Карта общаго театра военныхъ дѣйствій.

Передъ походомъ черезъ Нѣманъ Наполеонъ въ своемъ приказѣ по войскамъ объявилъ, что «Россія увлечена рокомъ». Приказъ войскамъ Императора Александра заканчивался словами: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ! Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ». Вскорѣ оказалось, что рокомъ увлечена была не Россія, а самъ Наполеонъ, этотъ «мужъ рока», «мужъ судебъ», какъ называли его наши поэты[1].

Одинъ изъ участниковъ похода великой арміи, описывая ея расположеніе предъ переправой черезъ Нѣманъ, говорилъ: «трудно себѣ представить болѣе поразительную картину, чѣмъ та, которая развернулась передъ нами, когда 600 тысячъ человѣкъ расположились у подножья холма, гдѣ Наполеонъ разбилъ свою палатку. Съ этой высоты онъ могъ обнять взглядомъ всю свою армію и Нѣманъ съ перекинутыми черезъ него мостами»[2].

Надо думать, что великая армія дѣйствительно представляла собой въ это время зрѣлище по истинѣ великолѣпное. Если императоръ французовъ былъ увлеченъ своимъ рокомъ, то вся его нація была увлечена своимъ геніемъ. Походъ въ Россію пользовался во Франціи всеобщей популярностью, былъ вдохновленъ самыми смѣлыми надеждами и окруженъ самой пышной роскошью. По словамъ исправлявшаго должность гражданскаго интенданта Бѣлоруссіи, маркиза Пасторе, «уже давно не случалось французамъ, при всей ихъ привычкѣ къ побѣдамъ, идти на войну съ большей увѣренностью и отвагой». За исключеніемъ немногихъ генераловъ и маршаловъ, пресытившихся жизнью и почестями, «всѣ остальные были воспламенены одинаковымъ рвеніемъ, всѣ наперерывъ добивались разрѣшенія идти въ походъ, чтобы раздѣлить труды кампаніи или, лучше сказать, ея выгоды и награжденія. Военное управленіе уже высчитывало, что можно потребовать съ побѣжденныхъ, а гражданскія власти обдумывали новое административное устройство,

---

1 Лермонтовъ и Бенедиктовъ.

2 Тимирязевъ В. «Воспоминанія генерала Ванъ-Дедема о кампаніи 1812 и 1813 гг.», «Историческій Вѣстникъ», 1900 г., іюль.

которое нужно будетъ ввести въ отнятыхъ областяхъ». При выступленіи въ походъ офицеры были окружены всей возможной роскошью. За арміей, движенія которой замедлялись восемью стами орудій, тянулось до 20 тысячъ человѣкъ одной прислуги, до 3 тысячъ каретъ и до 40 тысячъ выѣздныхъ лошадей. Слѣдомъ же за арміей тащилась цѣлая арава людей легкой наживы, всегда готовыхъ «воспользоваться одновременно и оплошностью побѣдителей и несчастьемъ побѣжденныхъ». При такихъ условіяхъ похода войска часто задерживались въ своихъ передвиженіяхъ, а заготовленные для нихъ съѣстные припасы истреблялись «съ ужасающей скоростью, съ небрежностью и безпорядкомъ, еще болѣе ужасными»[1].

Красивая картина биваковъ, открывшаяся съ высоты холма, занятаго Наполеономъ передъ Нѣманомъ, быстро смѣнилась тяжелымъ походомъ. По словамъ другого участника кампаніи, зайдя за Нѣманъ союзная армія сперва думала, что она попала на кладбище: вначалѣ ни одна живая душа не попадалась навстрѣчу. Томила жара и душилъ прахъ чужой земли. Отъ засухи совершенно высохла почва, и тысячи ногъ подымали такія облака удушливой пыли, что было «почти невозможно» дышать, и въ десяти шагахъ нельзя было различать предметы. Приходилось барабаннымъ боемъ опредѣлять направленіе для солдатъ[2].

Едва ли въ своемъ нашествіи на Россію Наполеонъ руководствовался какимъ-либо строго обдуманнымъ и заранѣе составленнымъ точнымъ планомъ. Онъ вообще не составлялъ письменныхъ плановъ, а дѣйствовалъ согласно обстоятельствамъ—по осѣнявшему его вдохновенію, какъ онъ самъ признавался на островѣ Св. Елены[3]. Но очевидно, что въ общемъ задача его состояла въ томъ, чтобы, пользуясь численнымъ превосходствомъ своихъ войскъ, скорѣе вынудить нашу армію на генеральное сраженіе и разбить ее, если окажется возможнымъ, по отдѣльнымъ частямъ.

---

1 «Записки маркиза Пасторе о 1812 г.», «Русскій Архивъ», 1900 г. 12.

2 Штейнъ, В. «Воспоминанія Вюртембергскаго офицера о походѣ 1812 г.», «Историческій Вѣстникъ», 1901 г., іюль.

3 Скугаревскій «1812 годъ».

Въ противовѣсъ такому замыслу непріятеля намъ надлежало, избѣгая рѣшительныхъ столкновеній, собрать свои разрозненныя силы, увеличить число ихъ, и завлекать непріятеля въ глубь Россіи, противуставляя физической силѣ людей, силу природныхъ условій страны. Еще передъ войной графъ Ростопчинъ писалъ Государю: «Ваша имперія имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ—въ ея обширности и климатѣ... Русскій Императоръ всегда будетъ грозенъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани, и непобѣдимъ въ Тобольскѣ»[1].

Однако, въ то время патріотическаго увлеченія, очень немногіе оцѣнивали по достоинству могущественное значеніе физическихъ условій нашего отечества въ дѣлѣ обороны его отъ нашествія 1812 года. Идею эту глубоко понимали и, къ счастью нашему, имѣли власть осуществлять ее сперва Барклай-де-Толли, а затѣмъ Кутузовъ. Барклай носилъ въ себѣ эту идею еще долго до войны. Когда онъ раненый въ 1807 году лежалъ въ Мемелѣ, онъ говорилъ знаменитому нѣмецкому историку Нибуру: «Если бы мнѣ довелось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока французы нашли бы, вмѣсто рѣшительной побѣды, другую Полтаву»[2]. И ему въ дѣйствительности выпало на долю первому осуществлять задуманный имъ планъ.

По мѣрѣ наступленія непріятеля, въ виду огромнаго превосходства его силъ, наши войска начали отступать. Отступленія совершались въ образцовомъ порядкѣ. Сами непріятели признавали, что «это мастерское отступленіе возбуждало восторгъ». Вечеромъ непріятель созерцалъ ясныя линіи русской арміи, а на разсвѣтѣ не оставалось ни малѣйшихъ слѣдовъ ея: ни павшей лошади, ни брошенной телѣги, ни отсталаго солдата... Правда, французы говорили, что они не могутъ въ полной мѣрѣ оцѣнить отступленіе русскихъ, такъ какъ подобнаго слова не знаетъ французскій языкъ. Существуетъ мнѣніе, что русскій походъ обогатилъ французскій лексиконъ новымъ сло-

---

1 Шильдеръ, Н. К. «Императоръ Александръ I», т. III, стр. 74.

2 М. Богдановичъ «Исторія Отечественной войны 1812 г.», т. I, стр. 104.

вомъ «retirede»[1]. Однако, по свидѣтельству Сегюра, отступленіе русскихъ высоко оцѣнивалъ самъ суровый маршалъ Даву, находя, что оно совершалось въ удивительномъ порядкѣ, какъ бы по давно выработанному и тщательно обдуманному плану[2].

Углубляясь все дальше внутрь Россіи, наши войска какъ бы приглашали незванныхъ гостей вслѣдъ за собой, воспользоваться гостепріимствомъ страны. И въ самомъ дѣлѣ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи условія похода для непріятелей чрезвычайно облегчались доброжелательнымъ отношеніемъ къ нимъ польской шляхты. Наполеонъ, еще готовясь къ войнѣ, весьма предусмотрительно заранѣе подготовлялъ среди поляковъ благопріятное для себя настроеніе: онъ возбуждалъ у нихъ надежду на возстановленіе Польскаго королевства, вступилъ въ переговоры со старшимъ генераломъ варшавскихъ войскъ Понятовскимъ и приказалъ своему новому послу въ Варшавѣ, аббату де-Прадтъ, довести поляковъ «до восторга, но не до безумія»[3]. Весьма понятно до какой высокой степени напряженія такая политика могла поднять патріотическое увлеченіе у экспансивнаго польскаго народа. Горѣла Польша, пламенѣла Литва. Упованьямъ 1812 года Адамъ Мицкевичъ посвящаетъ вдохновенныя строки въ своемъ «Панѣ Тадеушѣ». «О весна, какъ ты памятна тому, кому привелось тебя пережить въ тотъ годъ въ нашемъ краѣ, какъ ты цвѣла хлѣбомъ и травами, какъ ты блистала людьми, какъ ты была полна событій и чревата надеждами! Я вижу тебя донынѣ, какъ какую-то грёзу. Рожденный въ неволѣ, повитый въ оковы, только одну такую весну я пережилъ въ своей жизни».

Въ кампанію 1812 года поляки, пламенѣя чувствомъ патріотизма, доблестно сражались съ русскими войсками за возстановленіе своего историческаго прошлаго, на смерть бились въ интересахъ своей родины. Патріотическій энтузіазмъ польскаго народа, который выставилъ своимъ девизомъ—«слава и отечество»,

---

1 «Воспоминанія генерала Вапъ-Дедема о кампаніи 1812 г.» и «Воспоминанія Вюртембергскаго офицера о походѣ 1812 г.». «Историческій Вѣстникъ», 1900 г., іюль и 1901, іюль.

2 Comte de Ségur «Histoire de Napoléon....», 157.

3 К. Военскій. «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества», т. 128, стр. XXVIII.

весьма наглядно былъ запечатлѣнъ въ современной печати. Въ издаваемомъ въ Вильнѣ «Литовскомъ Курьерѣ» было напечатано письмо, помѣченное «Смоленскъ, отъ 17—29 августа», въ которомъ отмѣчается значительная роль польскаго корпуса въ составѣ великой арміи и говорится: «по всей Польшѣ должна распространиться вѣсть о томъ, что въ битвѣ подъ Смоленскомъ польское войско составляло правое крыло великой арміи». Въ этомъ же письмѣ Смоленскъ называется: «нашъ Святой Смоленскъ, Могучій Смоленскъ!—этотъ ключъ къ Москвѣ».[1] Въ этомъ же органѣ было помѣщено частное письмо изъ Смоленска отъ 7—19 августа, въ которомъ такъ описывался бой подъ Смоленскомъ 5 августа: «Этотъ день былъ для насъ, поляковъ, днемъ славы: мы имѣли счастье увѣнчать славный нашъ народъ; мы дрались отъ 5 часовъ дня до 3 часовъ ночи и все время на глазахъ самаго Наполеона».[2]

Поляки устроили Наполеону въ Вильнѣ торжественную встрѣчу, а 3 августа праздновали день его тезоименитства. Минскъ съ цвѣтами и музыкой встрѣтилъ маршала Даву, который тамъ отъ имени императора французовъ объявилъ, что «непобѣдимая армія Наполеона пришла для возврата полякамъ отечества». Въ Витебской губерніи крестьянское населеніе переживало явное броженіе, производя грабежи и насилія, такъ что помѣщики безпрестанно искали защиты у французскихъ властей, осаждая своими жалобами витебскаго губернатора Шарпантье.[3] По вступленіи французовъ въ Могилевъ, тамошній архіепископъ Варлаамъ и самъ присягнулъ Наполеону, и распорядился о принесеніи такой же присяги во всей епархіи. Онъ отслужилъ въ каѳедральномъ соборѣ литургію и торжественное молебствіе, провозгласивъ моленіе «о великодержавномъ государѣ, французскомъ императорѣ и итальянскомъ королѣ, великомъ Наполеонѣ и супругѣ его императрицѣ и королевѣ Маріи Луизѣ».[4]

---

1 К. Военскій. «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества», т. 128, стр. 312—313.

2 Ibid., стр. 320.

3 «Воспоминанія генерала Ванъ-Дедема». «Истор. Вѣст.», 1900, іюль.

4 Хойнацкій, А. Ѳ. «Варлаамъ Шишецкій, бывшій архіепископъ Могилева». Изъ переписки 1812 г. «Истор. Вѣст.», 1881 г., іюль.

Однако, не взирая на доброжелательное отношеніе многихъ жителей окраинной Россіи, условія похода были весьма тягостны для союзной арміи, которая изнемогала отъ жары, задыхалась отъ пыли или заливалась проливными дождями и жила впроголодь.[1] Надежды всѣхъ были устремлены на Смоленскъ, который, по убѣжденію непріятелей, считался у русскихъ «святымъ городомъ». Смоленскъ представлялся какъ бы конечной цѣлью всего похода, заслоняя дальнѣйшее будущее военныхъ операцій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Горькое разочарованіе таила въ себѣ роковая для непріятеля смоленская граница. Она легла суровой гранью между льготнымъ прошлымъ похода и его гибельнымъ будущимъ. За ней впереди лежала коренная Россія и только здѣсь еще начиналась настоящая война съ русскимъ народомъ. Жители на пути разбѣжались, деревни и села опустѣли; многочисленные комиссіонеры, факторы, лазутчики остались позади, въ Могилевской губерніи. Самая возможность имѣть за деньги хоть какія-нибудь удобства жизни исчезла. Маркизъ Пасторе говоритъ: «Со времени Смоленска деньги совершенно утратили для насъ цѣну, и, по правдѣ сказать, это далеко не въ малой степени изумляло насъ». Деньги всегда и вездѣ имѣютъ большую силу. «Но вдругъ наступаетъ такое положеніе, что деньги оказываются лишенными власти, условные знаки—потерявшими свою цѣну; съ поясомъ, набитымъ монетами, приходится умирать отъ нужды и голода; солдатъ, идущій рядомъ съ вами, не обращаетъ вниманія на предлагаемый ему кошелекъ; крестьянинъ, которому протягиваете вы другой, такимъ же образомъ отвергаетъ его, и этотъ человѣкъ, лишенный всего на свѣтѣ, предпочитаетъ свой черный хлѣбъ и полусваренный картофель,

---

[1] «Воспоминанія Вюртембергскаго офицера о походѣ 1812 г.». «Историч. Вѣстн.», 1901 г., іюль.

которымъ питается, всему этому золоту, обезпечивающему надолго ему довольство. Все это нарушаетъ всякіе разсчеты, путаетъ всѣ соображенія, короче сказать, доводитъ до отчаянія, потому что извращаетъ всѣ понятія...».[1] Ту же черту русскихъ людей отмѣчалъ въ своемъ донесеніи Наполеону его посолъ въ Петербургѣ Коленкуръ. Онъ писалъ: «что касается до русскихъ, то даже и тотъ, кто возьметъ 500 рублей въ судѣ за несправедливое рѣшеніе дѣла, не приметъ отъ меня милліона за измѣну отечеству».[2]

Самый Смоленскъ, когда непріятельская армія вступила въ него, представлялся грудой развалинъ и пепла. Пусть Наполеонъ, занявъ городъ, самоувѣренно писалъ, что со взятіемъ Смоленска его министръ финансовъ можетъ считать доходъ казны на 80 милліоновъ больше, въ арміи пошелъ несдержанный ропотъ. Солдаты съ досадой недоумѣвали: «зачѣмъ ихъ заставили сдѣлать 800 лье (около 3,334 верстъ), если они нашли только болотную воду, голодъ и бивуакъ на пеплѣ? Они имѣли лишь то, что принесли съ собой. Если надо было нести Францію въ Россію, то зачѣмъ заставили ихъ покинуть Францію».[3] Тогда же появились признаки ослабленія дисциплины и участились случаи дезертирства. Въ этомъ отношеніи особенно отличались испанцы. Ихъ даже опасно было ставить часовыми на аванпостахъ, потому что при первой же возможности они разбѣгались.[4]

Продовольственныя затрудненія, недовольство въ арміи и начавшіеся въ ней безпорядки, а также настоятельные совѣты близкихъ Наполеону лицъ, и нѣкоторыя политическія и стратегическія соображенія заставили его задуматься надъ вопросомъ, продолжать ли немедленно наступленіе за Смоленскъ на Москву. Высказывались мнѣнія о томъ, чтобы остаться въ Смоленскѣ на зимнихъ квартирахъ, и, давъ необходимый для арміи отдыхъ, заготовить значительные продовольственные запасы для дальнѣйшаго похода весной. Въ то же время предполагалось объявить

---

1 «Записки маркиза Пасторе о 1812 г.» («Mémoires sur la Russie»). «Русскій Архивъ», 1900 г. № 12.

2 Fain. «Manuscrit de 1812».

3 Comte de Ségur «Histoire de Napoléon.....», стр. 131.

4 «Mémoires du general baron de Dedem».

143951

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

возстановленіе Польскаго королевства въ прежнемъ его объемѣ, и тѣмъ самымъ обезпечить тылъ союзной арміи. Эта мысль имѣла много сторонниковъ; среди нихъ были: вице-король, Бертье, Даву и Коленкуръ;[1] особенно настойчиво и горячо отговаривалъ Наполеона отъ немедленнаго похода на Москву Мюратъ, который, по свидѣтельству Сегюра, на колѣняхъ умолялъ его остановиться въ Смоленскѣ. Но Наполеонъ, «увлекаемый рокомъ», неудержимо стремился къ Москвѣ. Онъ самъ вѣрилъ и увѣрялъ другихъ, что въ войнѣ съ Россіей, въ его стремленіи къ Москвѣ имъ руководятъ не честолюбивые замыслы, а высшая политическая мудрость. Въ Смоленскѣ Наполеонъ говорилъ маркизу Пасторе: «Подумайте немного; меня обвиняютъ въ честолюбіи. Словно честолюбіе могло меня завести сюда! Я веду чисто политическую войну. Что могъ я выиграть придя сюда, въ такой климатъ, въ такую страну? Здѣсь нѣтъ ничего, что стоило бы самой худшей мѣстности во Франціи».[2] Разсуждая на ту-же тему, Наполеонъ выразился такъ: «Если бы я имѣлъ въ виду одну свою воинскую славу, то остановился бы въ Смоленскѣ, водрузилъ на его стѣнахъ мои орлы и удовольствовался бы тѣмъ, что вправо и влѣво протянулъ крылья, которыми досталъ бы до Витгенштейна и Тормасова. Идемъ въ Москву!».[3]

Такое рѣшеніе горячо привѣтствовалъ англійскій генералъ Вильсонъ. Послѣ занятія французами Смоленска онъ доносилъ въ Лондонъ: «Все погибло: Смоленскъ взятъ», а спустя два дня онъ шлетъ съ курьеромъ новую депешу: «Все спасено: французы идутъ въ Москву».[4] Хорошо сознавая, что побѣдоносною силою русскаго оружія несомнѣнно будутъ достигнуты интересы Англіи, Вильсонъ былъ самымъ ревностнымъ блюстителемъ нашихъ военныхъ успѣховъ. Кутузовъ очень хорошо понималъ роль генерала

---

[1] Fain «Manuscrit 1812», т. 1, стр. 330; Харкевичъ «Записки» 119.

[2] «Записки маркиза Пасторе о 1812 г.». «Русскій Архивъ», 1900 г. 12.

[3] Корпусъ Витгенштейна, охраняя дорогу въ Петербургъ, прикрывалъ пространство, между Новгородомъ и Двиною; армія Тормасова стояла на Волыни у Луцка, преграждая путь въ южныя области Россіи.

[4] «Воспоминанія генерала Ванъ-Дедема о кампаніи 1812 г.». «Историч. Вѣстн.», 1900 г., іюль.

Вильсона, который всегда являлся въ главной квартирѣ горячимъ сторонникомъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ французами. Нашъ искушенный опытомъ фельдмаршалъ говорилъ англійскому генералу: «Я вовсе не убѣжденъ, будетъ ли великимъ благодѣяніемъ для вселенной совершенное уничтоженіе имперіи Наполеона и его арміи. Наслѣдство его достанется не Россіи или какой-либо другой изъ державъ материка, а той державѣ, которая уже теперь господствуетъ на моряхъ и тогда преобладаніе ея будетъ невыносимо».[1] Кутузовъ, обладая обширнымъ государственнымъ умомъ, весьма предусмотрительно полагалъ, что Наполеона «слѣдуетъ поберечь для англичанъ».[2]

По мѣрѣ движенія непріятеля внутрь Смоленской губерніи къ Москвѣ и особенно при его отступленіи, все больше разгоралось пламя народнаго возстанія и увеличивались трудности похода. Губернія лежала передъ нимъ мертвымъ пространствомъ, а кругомъ закипала самая безпощадная народная война. Народъ исчезъ предъ лицомъ непріятеля, но незримо окружилъ его своимъ гнѣвомъ. Его нигдѣ нельзя было видѣть и никуда отъ него нельзя было уйти. Все предавалось огню по пути слѣдованія непріятеля, чтобы онъ ничѣмъ не могъ воспользоваться. О бокъ съ нимъ и въ отдаленныхъ селеніяхъ, въ глухихъ сосѣднихъ лѣсахъ и среди топкихъ непроходимыхъ болотъ, образовались и дѣйствовали партизанскіе отряды, которые тонкой сѣтью своихъ развѣтвленій все болѣе опутывали великую армію. Они наносили часто мелочный, но въ общемъ неисчислимый вредъ непріятелю, безпокоя и утомляя его своими постоянными и неожиданными набѣгами.

Только въ Смоленской губерніи, при ярко вспыхнувшемъ народномъ возстаніи, Наполеонъ разглядѣлъ всю серьезность и опасность своего предпріятія; только здѣсь онъ понялъ, что затѣянная имъ война ведется не съ русскимъ Царемъ и его правительствомъ, а со всѣмъ народомъ русскимъ, который одолѣть, самъ онъ понималъ, не представлялось никакой возможности. Это была война народ-

---

1 Шильдеръ, Н. К. «Имп. Александръ I», т. III, стр. 125.
2 Ibid., стр. 123.

ная, религіозная, національная, наконецъ, всѣ войны сразу, по выраженію историка.[1]

Вступивъ въ Смоленскую губернію съ западной ея границы, непріятельская армія всю ее прошла до восточныхъ окраинъ, а затѣмъ, отступая, совершила тотъ же путь въ обратномъ направленіи. Широкими, кровавыми полосами отмѣчены чрезъ всю губернію пути нашествія и отступленія непріятеля. Безъ боя непріятель не входилъ въ губернію и не покидалъ ее. Съ запада городъ Красный, а съ востока Колоцкій монастырь, поочередно впуская и выпуская непріятельскую армію, были мѣстами двукратныхъ боевъ. Все прохожденіе Смоленской губерніи было сплошной неудачей для императора французовъ: ни рѣшительныхъ побѣдъ въ сраженіяхъ, ни успѣха въ замыслахъ. Здѣсь одинъ за другимъ разрушались планы Наполеона.

Подъ Смоленскомъ послѣ долгихъ усилій удалось соединиться русскимъ арміямъ, чего такъ упорно не желалъ Наполеонъ. Первый шагъ его въ губерніи былъ неудаченъ: ничтожный по численности отрядъ Невѣровскаго, этого истиннаго героя смоленскихъ бранныхъ полей, воспрепятствовалъ арміи Наполеона занять беззащитный Смоленскъ въ тылу русской арміи. Смоленскія стѣны и доблестные ихъ защитники лишили Наполеона возможности вступить въ древнюю Русь, войти въ старый городъ торжествующимъ побѣдителемъ. Обмануты были и надежды его вовлечь подъ Смоленскомъ наши соединенныя арміи въ генеральное сраженіе. Напрасно, при видѣ спѣшившихъ къ Смоленску русскихъ армій, онъ радовался, что русскіе теперь въ его рукахъ. Русскіе опять продвинулись дальше въ глубь губерніи, а Наполеонъ, объѣхавъ стѣны разореннаго и покинутаго Смоленска, еще не вступая въ него, сѣлъ передъ его старыми стѣнами близъ крѣпостныхъ Днѣпровскихъ воротъ и далъ просторъ своему негодованію въ гнѣвной и бурной рѣчи. Онъ, спѣша и волнуясь, говорилъ окружавшимъ его маршаламъ о томъ стыдѣ, которымъ покрылъ свою голову Барклай, отдавъ безъ боя ключъ древней Россіи, не принявъ предложеннаго ему поля чести, на которомъ онъ имѣлъ такъ много преиму-

---

[1] Comte de Ségur «Histoire de Napoléon...», 195.

ществъ; говорилъ, что отнынѣ все кончено съ Россіей: армія ея можетъ лишь присутствовать при паденіи ея городовъ, но не защищать ихъ; утверждалъ, что больше нечего ждать отъ полководца, который «покинулъ этотъ Смоленскъ, названный имъ же самимъ святымъ Смоленскомъ, этотъ ключъ къ Москвѣ, оплотъ Россіи, провозглашенный могилой Франціи».[1] Могло показаться, будто Наполеонъ негодовалъ на то, что Барклай воздержался отъ чести разбить его, и что ему такъ легко досталась блестящая побѣда подъ Смоленскомъ.

Такъ передъ сѣдыми стѣнами Смоленска великій полководецъ изливалъ гнѣвъ свой. Наполеонъ сознавалъ, что жертва его, каковой онъ считалъ пока еще малочисленную русскую армію, ускользнула изъ его рукъ и сознаніе этой неудачи подняло въ его душѣ ту бурю бѣшенства, которая приняла столь траги-комическія формы выраженія. Говоря, что все кончено съ Россіей, онъ, быть можетъ, вдохновенно предугадывалъ, что все кончено съ нимъ.

Одна неудача слѣдовала за другой. Попытки разъединить отступавшія отъ Смоленска арміи были сокрушены боями при Гедеоновкѣ, у Валутиной Горы и Лубинскимъ сраженіемъ. Затѣмъ уже потянулось длительное, унылое наступленіе непріятеля по большой смоленской дорогѣ, гдѣ этапами роздыха служили пожарища; это было неизмѣнное шествіе по кострамъ. Пылали смоленскіе города, села, деревни. Смоленскъ первый далъ сигналъ къ всеобщимъ патріотическимъ пожарамъ. За нимъ послѣдовательно горѣли: Пнева Слобода, Дорогобужъ, Семлево, Вязьма, Гжатскъ. Дневникъ участника похода, доктора французской императорской гвардіи де-ла-Флиза, день за днемъ отмѣчаетъ повсемѣстные пожары. На бивуакахъ подъ пылавшимъ Дорогобужемъ онъ писалъ: «становилось очевиднымъ, что по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться, мы встрѣтимъ одни пылающіе города; русскіе придерживаются той системы, чтобы заставить насъ идти по пустынямъ, гдѣ намъ не найти ни жилья, ни пищи, ни даже воды, потому что жители засорили колодцы нечистотами и падалью. Прежде

---

[1] Comte de Ségur «Histoire de Napoléon....», 128, 129.

нежели поджечь жилые дома, они жгли запасные магазины, гумна и стоги сѣна; словомъ не желѣли ничего».[1]

Въ Смоленской же губерніи была осуществлена чрезвычайно важная мѣра, направленная къ объединенію власти надъ нашими дѣйствующими арміями въ лицѣ одного главнокомандующаго. Мѣра эта положила конецъ губительному разновластію въ нашей арміи, постоянному разномыслію и недоразумѣніямъ между двумя главнокомандующими. Объединеніе высшей въ арміи власти въ лицѣ опытнаго воина Кутузова, разумѣется, явилось новой помѣхой для Наполеона. Узнавъ объ этомъ, онъ назвалъ Кутузова «старой лисой сѣвера» (le vieux renard du Nord). Нашъ фельдмаршалъ оказался настолько любезенъ, что безъ отговорки принялъ это прозвище, говоря: «постараюсь доказать великому полководцу, что онъ правъ». Характеристика, данная Наполеономъ, не была бы болѣе мѣткой, если бы онъ лично услыхалъ, какъ передъ отъѣздомъ въ армію Кутузовъ сказалъ своимъ ближайшимъ друзьямъ: «Я бы ничего такъ не желалъ, какъ обмануть Наполеона». Кутузовъ самъ такъ искренно вѣрилъ въ свою предусмотрительность, что въ этомъ отношеніи не видѣлъ себѣ опаснаго соперника въ Наполеонѣ. Онъ утверждалъ, что Наполеонъ можетъ побѣдить его, но обмануть никогда.

Смоленскъ выпустилъ Наполеона изъ предѣловъ своей губерніи уже съ поколебленной вѣрой въ успѣхъ кампаніи и съ надломленными силами. Потери его при наступательномъ шествіи по губерніи превышали уже 30 тысячъ человѣкъ, что составляло около 6% введенныхъ имъ въ губернію войскъ. При этомъ на долю непріятеля не выпало никакихъ рѣшительныхъ успѣховъ со сколько-нибудь осязательными результатами. Напротивъ, во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ, при постоянномъ численномъ превосходствѣ силъ непріятеля, въ результатѣ неизмѣнно достигались цѣли, поставленныя себѣ русскими, а не французами.

Когда послѣ Бородинскаго сраженія и оставленія Москвы союзная армія не могла пробиться въ южныя губерніи, она оказалась вынужденною повернуть отъ Мало-Ярославца опять на ста-

---

[1] Записки де-ла-Флиза «Походъ великой арміи въ Россію 1812 г.». «Русская Старина» 1891 г., октябрь, стр. 40.

рый путь по большой смоленской дорогѣ, должна была вновь проходить роковую для нея Смоленскую губернію. Этотъ путь былъ по истинѣ путемъ ужасовъ и смерти, страшнымъ путемъ искупленія за зло, причиненное однимъ великимъ народомъ другому.

Союзная армія на обратномъ пути вступила въ Смоленскую губернію еще весьма грозной силою, хотя уже съ признаками явнаго упадка и даже разложенія. Здѣсь сила эта была окончательно сражена, и грозная армія пришла въ состояніе безпорядочнаго отступленія. Преслѣдуемая нашими войсками, опутанная по всѣмъ направленіямъ сѣтями партизанскихъ отрядовъ, она металась, какъ раненый звѣрь, съ трудомъ отбиваясь на поляхъ сраженій и безславно погибая отъ нужды и лишеній. Съ приходомъ въ Вязьму непріятель встрѣтилъ новаго безпощаднаго врага—лютую зиму; она наступила 23 октября. Съ этого времени союзница зима какъ бы отрядила намъ въ помощь «косматыя дружины своихъ морозовъ и снѣговъ». Голодъ и холодъ довершали дѣло преслѣдованія непріятеля вооруженной силою.

При обратномъ слѣдованіи союзной арміи, Вязьма явилась исходнымъ пунктомъ непрерывнаго и несомнѣннаго ея пораженія. Если наступательное движеніе непріятеля вплоть до Москвы имѣло внѣшній видъ побѣдоноснаго шествія, если отступленіе его до Вязьмы еще можно признавать отступленіемъ въ порядкѣ, то уже начиная съ Вязьмы непріятель въ совершенномъ безпорядкѣ спѣшилъ домой изъ негостепріимной страны. Сраженіе при Вязьмѣ въ своемъ результатѣ имѣло полное пораженіе непріятельской арміи, послѣ котораго она уже не могла оправиться. Съ этого сраженія побѣдная сила русскаго оружія была безповоротно установлена и несомнѣнно провозглашена. Далѣе слѣдовалъ, какъ въ логической преемственной связи событій, цѣлый рядъ пораженій непріятельской арміи: бой въ Дорогобужѣ, пораженіе корпуса вице-короля на Вопи, разгромъ бригады Ожеро, и наконецъ, знаменитые Краснинскіе бои, въ которыхъ русское оружіе какъ бы подвело итоги всей кампаніи 1812 года.

Изъ всѣхъ мѣстностей имперіи Смоленская губернія преимущественно служила кровавой ареной въ Отечественную войну. Она была занята и разоряема непріятелемъ три мѣсяца и пять дней;

въ ней полтора мѣсяца, почти безпрерывно, шли военныя операціи и въ теченіи 14 дней произошло 13 болѣе крупныхъ воинскихъ дѣлъ и сраженій; на поляхъ ея въ однѣхъ сраженіяхъ непріятель понесъ урона свыше 80 тысячъ человѣкъ. Ни одна изъ коренныхъ русскихъ губерній не была столь продолжительное время занята непріятелемъ; ни въ одной губерніи всей имперіи не длились такъ долго военныя операціи, не было такъ много сраженій и не причиненъ столь значительный уронъ непріятелю. За то и ни одна губернія не подверглась такому разоренію. По сравненію съ Московской губерніей, также наиболѣе пострадавшей въ Отечественную войну, въ Смоленской губерніи потери непріятеля были больше на одну четвертую часть, считая, конечно, и потери на Бородинскомъ полѣ; а разореніе жителей, если не брать въ разсчетъ ущерба городовъ Москвы и Смоленска съ ихъ уѣздами, какъ величинъ несоизмѣримыхъ, было болѣе въ два съ половиною раза.

Наибольшая тяжесть Отечественной войны легла на Смоленскую губернію именно потому, что въ ней собственно началась настоящая война и въ ней же она въ сущности закончилась, что въ этой губерніи завершились главные моменты военныхъ операцій и протекли центральныя части всей кампаніи 1812 года. Дѣйствительно, всѣ военныя операціи, происходившія до смоленской границы, имѣя лишь подготовительное значеніе, служили, такъ сказать, прологомъ исторической катастрофы 1812 года. Точно также всѣ военныя дѣйствія, уже на пути отступленія непріятеля за смоленскую границу, только довершали въ подробностяхъ дѣло уже безповоротно рѣшенное, имѣли лишь дополнительное значеніе и представляли собой эпилогъ закончившейся катастрофы. За весь періодъ кампаніи, въ первый разъ подъ Смоленскомъ и въ послѣдній разъ подъ Краснымъ, встрѣтились между собой лицомъ къ лицу всѣ дѣйствующія силы обѣихъ воюющихъ сторонъ; въ первый и въ послѣдній разъ произошли между ними серьезныя сраженія съ рѣшающими результатами. Событія кампаніи 1812 года протекали въ своемъ существѣ по особымъ періодамъ, соотвѣтствовавшимъ тѣмъ основнымъ задачамъ, которыя задавались намъ общей совокупностью условій обороны страны. Со времени вступленія непріятеля въ Россію нашей конечной цѣлью было его пораженіе и изгна-

ніе. Однако, непосредственное достиженіе этой цѣли представлялось невозможнымъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго для насъ взаимоотношенія вооруженныхъ силъ. Поэтому намъ было необходимо предварительно увеличить свои силы и ослабить противника. Такимъ образомъ сами собой назрѣвали, поочередно становясь передъ нами, три коренныя задачи; разрѣшенія ихъ, по исключительному вліянію на исходъ всей кампаніи, представляютъ собой цѣлыя эпохи въ происходившей гигантской борьбѣ.

Первая эпоха имѣла своей задачей соединить наши раздѣленныя арміи и увеличить ихъ численность; вторая—ослабить непріятеля, для чего служили многочисленныя средства: большія пространства, некультурность страны, тяжелые переходы, голодъ, холодъ, но главное—условія народной войны; третья—поразить непріятельскую армію. Всѣ эти эпохи протекли для насъ благополучно и предстоявшія задачи всѣ были успѣшно разрѣшены въ предѣлахъ Смоленской губерніи. Здѣсь, послѣ долгихъ усилій и тяжелыхъ переходовъ суворовскими маршами въ теченіи двухъ мѣсяцевъ огромныхъ пространствъ, соединились наши арміи подъ стѣнами Смоленска; здѣсь же къ нимъ начали присоединяться ополченскіе отряды. Затѣмъ, въ Смоленской губерніи настолько развились и обострились разрушительныя дѣйствія неблагопріятныхъ для непріятеля факторовъ, что ослабленіе его силъ сдѣлалось очевиднымъ, а его пораженіе стало неизбѣжнымъ; здѣсь же впервые вспыхнуло и отсюда разлилось повсемѣстно пожаромъ пламя народнаго возстанія. Наконецъ, въ Смоленской губерніи была окончательно поражена отступавшая отъ Москвы наполеоновская армія. Послѣ Краснинскихъ боевъ арміи этой, какъ правильно организованной боевой силы, уже не существовало; лишь малые остатки ея спѣшили какъ-нибудь выбраться изъ чужой страны на родину. Солдаты обгоняли другъ друга, они опережали своего императора, который сумрачно и медленно подвигался по дорогѣ изъ Краснаго на Ляды. Наступалъ часъ развязки, о которой впослѣдствіи такъ образно размышлялъ французскій историкъ. Пока непріятели углублялись во владѣнія «русскаго колосса», его руки, простертыя къ Балтійскому и Черному морямъ, не шевельнулись. Останутся ль онѣ неподвижны теперь, когда

пораженный непріятель уходитъ изъ русскихъ владѣній и не настало ли время сомкнуться этимъ рукамъ, чтобы захватить остатки неудавшагося нашествія.[1]

Опираясь на палку, Наполеонъ съ великою тяжестью въ душѣ пѣшкомъ шелъ впередъ, останавливаясь каждыя четверть часа. Казалось, ему мучительно трудно было оставить Смоленскую землю, покидать эту грань старой Россіи, «la frontière de la vieille Russie», какъ французы называли смоленскую границу.[2] За этой гранью онъ оставлялъ свои надежды на успѣхъ похода, славу своей непобѣдимости и своего вѣрнаго маршала-сподвижника Нея, за котораго готовъ былъ отдать значительную часть сокровищъ Тюльерійскаго дворца.

Въ Смоленской губерніи было нанесено величайшему полководцу и его великой арміи рѣшительное и полное пораженіе. Французамъ, такъ сказать, пришлось возмѣстить издержки русскаго пороха на свои торжества. На другой день по своемъ вступленіи въ Смоленскую губернію, 3 августа на маршѣ отъ Краснаго къ Смоленску Мюратъ и Ней, празднуя тезоименитство своего императора, которому они хотѣли предоставить честь своихъ сомнительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ съ Невѣровскимъ, приказали произвести салютъ изъ пушекъ въ 100 выстрѣловъ. Наполеонъ, не видѣвшій основаній къ устройству празднествъ, замѣтилъ съ неудовольствіемъ, что въ Россіи надо беречь французскій порохъ; но ему доложили, что стрѣляютъ изъ русскаго пороха, отбитаго наканунѣ подъ Краснымъ. Мысль, отпраздновать свои именины за счетъ непріятеля, смягчила императора французовъ и заставила его разсмѣяться. Но позже, и потому лучше, смѣялся фельдмаршалъ Кутузовъ, когда въ Вильнѣ 12 декабря на своемъ обѣдѣ, данномъ въ день рожденія Александра I, удостоившаго его своимъ посѣщеніемъ, онъ доложилъ государю, когда пили его здоровье при громѣ орудій, «что наши артиллеристы палятъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ французскимъ порохомъ».[3]

---

1 Comte de Ségur «Histoire de Napoléon....».

2 Ibid.

3 Ibid., стр. 119. Н. К. Шильдеръ «Императоръ Александръ I», т. III, стр. 134.

Въ эпоху Отечественной войны Смоленскъ и его земля вновь выступили въ своемъ спасительномъ историческомъ значеніи передъ всей Россіей. Въ 1812 году Смоленскъ сталъ во главѣ народнаго движенія, и первый выставилъ противъ непріятеля дружины своихъ ополченцевъ и отряды своихъ партизановъ. За двѣсти лѣтъ ранѣе, въ 1611 г., когда полный распадъ угрожалъ Русскому государству, когда на русскій престолъ готовилась вступить польская династія, изъ Смоленска раздался первый призывъ къ войнѣ съ врагами русской земли. Смоленскъ тогда одинъ воспротивился передачѣ русской короны въ польскія руки и послалъ воззваніе къ московскимъ жителямъ, призывая на защиту родины; подъ знамена Пожарскаго первыми прибыли войска изъ Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа.[1] Велико историческое прошлое Смоленска и въ его формулярѣ къ 1812 году значатся — и трехсотлѣтіе однѣхъ заслугъ и столѣтіе другихъ. Ко времени этихъ славныхъ историческихъ воспоминаній, къ двойному юбилею величайшихъ государственныхъ заслугъ своихъ, забытый Смоленскъ стоитъ съ осыпающимися стѣнами и заглохшей жизнью. А между тѣмъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ достаточно условій, чтобы воспрянуть къ достойной культурной дѣятельности. Молодыя поколѣнія, изучая славное прошлое Смоленска и глядя на его старыя стѣны, могли бы видѣть примѣры государственныхъ подвиговъ и воспитывать въ себѣ духъ гражданской доблести; наука могла бы на поучительныхъ обломкахъ старины освѣтить высокія начала государственности и идею отечества. Все прошлое Смоленска полно поучительнаго историческаго интереса. Оно представляетъ собой такой богатый запасъ назидательныхъ примѣровъ гражданской доблести, что изслѣдованіе и изученіе его на глазахъ подростающихъ поколѣній, въ настоящее время представлялось бы дѣломъ высокой государственной важности. Не даромъ изслѣдователи русской старины признаютъ, что городскія стѣны Смоленска—это «скрижаль уже съ истлѣвающими письменами и разрушающаяся, на которой кровавыми красками написана послѣдующая исторія города и самые тяжелые эпизоды жизни всей русской земли и ея народа въ 1612 и 1812 годахъ.

---

[1] Михайловскій-Данилевскій, т. I. 261.

На Смоленскихъ стѣнахъ, читая исторію города, читаемъ и самыя яркія и знаменательныя страницы отечественной исторіи»[1].

Много бѣдъ принесъ 1812 годъ Россіи, многихъ жертвъ и крови стоилъ онъ русскому народу, но вся горечь его съ избыткомъ искуплена народною доблестью; это годъ тяжкаго испытанія, чрезъ которое Россія съ честью прошла въ число немногихъ избранныхъ народовъ міра.

И нѣтъ, и не можетъ быть въ русскомъ сердцѣ, въ сердцѣ народа всечеловѣка, чувства непокрытой обиды, чувства мелочнаго озлобленія ни къ великому французскому народу, ни къ увлекшему его великому вождю, который, когда былъ живъ,

«Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Онъ на земныя племена».

Когда же онъ умеръ, то

«Какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой».

Мы могли бы, въ порывѣ удовлетвореннаго чувства, провозгласить грубую правду:

«И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!».

Но, оставляя эту правду, какъ твердый гранитъ подъ ногами, мы вмѣстѣ съ нашимъ поэтомъ, выразителемъ русскаго народнаго генія, возвысимся духомъ до высокой истины и скажемъ:

«Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!».

---

1 »Живописная Россія». Т. III, ч. 2, стр. 460.

Воспоминанія о славномъ для насъ 1812 годѣ нимало не омрачаютъ чувства доброжелательства къ великой и дружественной намъ французской націи. Прошлое еще больше должно насъ сблизить во имя нашего общаго высокаго жребія, предъ лицомъ вѣчной свободы міра. Прошлое проясняетъ будущее. Не въ разрушительной брани, а въ созидательномъ сотрудничествѣ два великіе народа могутъ обрѣсти всестороннее развитіе своихъ силъ и плодотворное осуществленіе своихъ интересовъ на благо всего человѣчества.

II. СМОЛЕНСКЪ И ЕГО ОБЛАСТЬ.

(Историко-географическій очеркъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Городъ Смоленскъ.

Смоленскъ расположенъ по обоимъ берегамъ Днѣпра въ чрезвычайно живописной мѣстности. Окрестности его прямо поражаютъ обиліемъ и разнообразіемъ красивыхъ видовъ съ глубокой, заманчивой перспективой; онѣ въ Отечественную войну привлекали общее вниманіе непріятелей и плѣняли воображеніе художника-артиллериста непріятельской арміи, который называлъ ихъ «веселыя окрестности Смоленска».[1] Дѣйствительно, смоленскія окрестности какъ-то бодрятъ силы, захватываютъ вниманіе и веселятъ духъ. Городъ раздѣленъ рѣкою на двѣ части: южную—старую, главную часть и сѣверную—торговую, именуемую «Заднѣпровье».

Лѣвобережная южная часть города, бывшая крѣпость, расположена на четырехъ крутыхъ горахъ: Соборной, Авраміевской, Воскресенской и Казанской. Это старѣйшая часть города, бывшая оплотомъ старой Руси. Она укрѣплялась въ разное время, начиная съ глубокой древности, и, наконецъ, вся кругомъ была обнесена толстой и высокой каменной стѣной. Но она представляется сверхъ

---

[1] G. de Faber du Faur «Campagne de Russie 1812».

того весьма огражденною и самой природой. Два глубокіе, крутобережные рва, образуясь съ юга, охватываютъ городъ съ западной и восточной стороны, какъ бы бережно пріючая его на сѣверъ къ рѣкѣ. Рвы эти мѣстами чрезвычайно обширны и глубоки, какъ напримѣръ, «Чертовъ ровъ» съ юго-восточной стороны города. Они начинаются близъ старой кіевской дороги и, обойдя городъ, вступаютъ въ русло Днѣпра, куда несутъ свои воды протекающія по этимъ рвамъ рѣчки: съ запада Чуриловка и съ востока Рачевка. Самый городъ прорѣзаютъ съ юга на сѣверъ, протекая также въ крутыхъ берегахъ и впадая въ Днѣпръ, три ручья: Пятницкій, Родницкій и Зеленый.

При взглядѣ на Смоленскъ съ долины Днѣпра прежде всего бросаются въ глаза—грандіозное зданіе Успенскаго собора и величавые остатки крѣпостной стѣны, это оборванное «дорогое ожерелье Россіи». Пятиглавый соборъ, расположенный среди крѣпости на значительной высотѣ, по древнему выраженію, «у Богородицы на горѣ», господствуетъ надъ всей мѣстностью. Остатки крѣпости, не смотря на осыпавшіеся зубцы, вывѣтрившіяся поверхности стѣнъ, на многочисленные проломы и даже полное уничтоженіе стѣны на значительномъ пространствѣ, представляютъ чрезвычайно строгій и величавый видъ. Они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о минувшей силѣ и боевой славѣ древняго города. Крѣпостная стѣна, полуразрушенная въ настоящее время, была еще въ достаточно исправномъ видѣ въ 1812 году и изъ общаго количества 36 ея башенъ къ тому времени сохранялось 30. Въ крѣпости имѣются и по нынѣ трое воротъ: Никольскія на востокъ, Молоховскія на югъ и Днѣпровскія на сѣверъ, прямо къ рѣкѣ. Надъ Днѣпровскими воротами помѣщается Богоматеринская церковь съ чудотворною иконой Смоленской Божіей Матери Одигитріи, которая въ Отечественную войну сопровождала наши войска, начиная со Смоленска и до полнаго пораженія непріятельской арміи подъ Краснымъ. Юго-западный уголъ крѣпостной стѣны занятъ большимъ земляным укрѣпленіемъ, такъ называемой Королевскою крѣпостью. Укрѣпленіе это тремя своими бастіонами выдается изъ каменной ограды въ поле, а двумя обращено въ сторону города.

Крѣпостная часть города окружена предмѣстьями. На сѣверовостокѣ лежитъ Рачевка, по которой пролегаетъ дорога изъ Смоленска черезъ деревню Шеинъ-острогъ въ селеніе Прудищево, гдѣ находятся броды на Днѣпрѣ. На востокѣ мѣстность настолько изрыта оврагами, что совершенно недоступна для поселенія: здѣсь не было и нѣтъ построекъ. Затѣмъ идутъ три южныя предмѣстья: Никольское, гдѣ находится Офицерская слобода, которое соединяется съ городомъ Никольскими воротами и черезъ которое идетъ дорога на городъ Ельню; Рославльское, по которому проходитъ рославльское шоссе, и Мстиславльское съ трактомъ на Мстиславль. Наконецъ, на западѣ тянется Краснинское предмѣстье съ Солдатской, Богословской и Свирской слободами; въ этомъ предмѣстьи начинается краснинскій большакъ на Красный и Ляды. На соединеніе дорогъ, пролегающихъ по тремъ послѣднимъ предмѣстьямъ въ города Рославль, Мстиславль и Красный, выходятъ изъ крѣпостной стѣны Молоховскія ворота.

На сѣверъ отъ крѣпостной части города, отдѣленное Днѣпромъ, на правомъ его берегу лежитъ Заднѣпровье, гдѣ помѣщаются Петербургское и, образовавшееся позднѣе, Московское предмѣстья. Сообщеніе черезъ рѣку происходило въ 1812 г. по старому мосту, на который выходятъ изъ крѣпостной стѣны Днѣпровскія ворота. Заднѣпровье расположено на отлогомъ болѣе ровномъ берегу Днѣпра. Здѣсь мѣстность представляетъ довольно широкую долину, растянутую по рѣкѣ съ запада на востокъ; съ сѣвера надъ этой долиной поднимается рядъ весьма значительныхъ высотъ, которыя господствуютъ надъ всей окружающей мѣстностью. Восточнѣе, противъ предмѣстья Рачевки, находится Печерская гора, на которой расположена церковь св. Гурія, Самона и Авива. Далѣе къ западу лежитъ Покровская гора, чрезъ которую идетъ петербургскій трактъ на Порѣчье; съ этого тракта въ 16 верстахъ отъ Смоленска отдѣляется вправо дорога на Духовщину. Еще далѣе къ западу высятся Лысая и Склянная горы. У подошвы этихъ высотъ вдоль рѣки пролегаютъ пути: въ западномъ направленіи на Витебскъ и въ восточномъ на Москву. Московскій трактъ отъ Смоленска къ Соловьевой переправѣ черезъ Днѣпръ проходилъ въ 1812 г. ближе къ рѣкѣ, южнѣе современнаго шоссе, проложеннаго въ томъ же напра-

вленіи значительно позже. Къ 1812 году Смоленскъ представлялся городомъ, въ которомъ насчитывалось 2517 казенныхъ и частныхъ домовъ, 27 церквей и 345 лавокъ. Населеніе его достигало до 12590 жителей обоихъ половъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ священникъ Мурзакевичъ въ 1804 году приводитъ слѣдующую любопытную характеристику смолянъ:

«Они всѣ почти росту средняго, видомъ предъ Московитянами томнѣе, въ поступкахъ просты, въ характерѣ тише, въ рѣчахъ медлительнѣе, сложеніемъ крѣпки, лѣтъ шестидесяти не считаются за стариковъ. Въ выговорѣ ихъ болѣе мягкости Бѣлорусской, нежели твердости Московской. Женщины дѣятельны, онѣ не ограничиваютъ себя исправленіемъ домашней экономіи: но входятъ во многія мужскія дѣла, производятъ торги, ѣздятъ за товарами въ Москву и Бѣлорусь, и оныя распродаютъ въ ярмаркахъ по губерніи. Убранство и покрой платья ихъ совсѣмъ отличенъ отъ прочихъ народовъ Россійскихъ; употребляютъ же на оное по большей части золотыя и серебряныя парчи и позументы, самые лучшіе батисты, кисеи, ситцы, штофы и сукна, также жемчуги и проч. Въ зимнее платье идутъ зайцы, лисицы и сибирскія бѣлки, на шапкахъ носятъ куницъ и соболей».[1]

Отечественная война 1812 года совершенно разорила Смоленскъ и ему пришлось вновь возрождаться изъ пепла. Прошли годы, старыя раны зажили, городъ оправился отъ постигшихъ его бѣдствій и зажилъ обычной жизней всѣхъ губернскихъ городовъ. Но Смоленскъ уже давно пережилъ свое значеніе и славу. Съ паденіемъ Литвы и Польши и съ расширеніемъ границъ Русскаго государства далеко на западъ, онъ теряетъ важное стратегическое значеніе пограничной крѣпости. Съ обмелѣніемъ Днѣпра, присоединеніемъ къ Россіи торговой Риги и съ проложеніемъ новыхъ, болѣе удобныхъ путей сообщенія, онъ утрачиваетъ и торговое значеніе—дѣятельнаго посредника въ международной торговлѣ. Историческая миссія Смоленска, казалось, была закончена. Онъ сдѣлался обычно мирнымъ городомъ и въ гербѣ его на смолкшемъ орудіи покоится мирная птица въ праздничномъ опереніи. Но вотъ въ го-

[1] Н. Мурзакевичъ. «Исторія губернскаго города Смоленска».

дину величайшей государственной опасности въ 1812 году Смоленскъ подымается изъ своей безвѣстности на славный подвигъ спасенія отечества, вновь становится оплотомъ Русскаго государства. Былъ ли это послѣдній подвигъ старой области? Если у Смоленска нѣтъ уже историческаго будущаго, то онъ имѣетъ такое великое прошлое, которое само по себѣ достойно жить въ будущихъ вѣкахъ. Прошлое это настолько важно, интересно и поучительно, оно стоитъ въ такой глубокой преемственной связи съ эпохой Отечественной войны, что нельзя не вспомнить, не почтить его въ годъ столѣтія этой эпохи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Образованіе и развитіе Смоленской области.

Много вѣковъ тому назадъ на верховьѣ Днѣпра среди дремучихъ смолистыхъ лѣсовъ былъ основанъ городъ Смоленскъ. Жители его гнали смолу, столь необходимую тогда при занятіи судоходствомъ, отчего и произошло, надо думать, названіе «Смоленскъ» и «Смольяне». Существуетъ, однако, другое предположеніе, что названіе это происходитъ отъ небольшого славянскаго племени «смолеанъ», которое перешло съ Дуная въ данную мѣстность.[1] Первыя опредѣленныя свѣдѣнія о Смоленскѣ, основанномъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, еще до Рождества Христова, относятся къ IX вѣку, когда въ 865 г. Аскольдъ и Диръ плыли по Днѣпру изъ Новгорода мимо Смоленска, но не отважились овладѣть имъ: «не явистася къ Смоленску, зане градъ великъ и многъ людьми». Они поплыли далѣе и завладѣли Кіевомъ.[2]

Смоленскъ быстро разростался, богатѣлъ, поднялся среди сосѣднихъ городовъ и сдѣлался средоточіемъ цѣлой весьма значительной области—«Смоленской земли». Область эта, не имѣя точно опре—

---

1 Такое мнѣніе высказывалъ С. П. Писаревъ.

2 Сводная лѣтопись Лейбовича, стр. 17.

дѣленныхъ политическихъ границъ, въ IX—XIV столѣтіяхъ, какъ видно изъ прилагаемой карты, занимала площадь нынѣшней Смоленской губерніи и части губерній: Витебской, Псковской, Московской, Калужской, Тверской, Орловской и Могилевской. Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, данная въ Смоленскѣ въ 1157 году, насчитываетъ въ Смоленской области 47 городовъ.[1] Есть также указанія на зависимость отъ Смоленской области Витебска и Полоцка.[2]

Смоленская земля сыграла въ древней Руси славную культурную и боевую роль. Она лежала въ мѣстности, издревле заселенной финскими племенами, которыхъ позднѣе вытѣснили литовцы, а на смѣну литовцамъ пришли славяне. Въ эпоху образованія Русскаго государства, мѣстность эта была заселена тремя славянскими племенами: главнымъ образомъ кривичами, отчасти дреговичами и очень малочисленнымъ племенемъ радомичей, съютившихся по берегамъ рѣки Сожа.

Уже въ то отдаленное время племена эти не были первобытными варварами. Они обладали значительной культурой, о чемъ свидѣтельствуютъ памятники ихъ быта, сохранившіеся въ могильныхъ курганахъ. Курганные предметы указываютъ, что отдаленные предки смолянъ занимались, главнымъ образомъ, земледѣліемъ, скотоводствомъ, звѣроловствомъ и торговлей. Среди этихъ предметовъ военные доспѣхи—большая рѣдкость; чаще—вѣсы, вѣсовой камень, множество разнообразныхъ украшеній и нерѣдко небольшія деревянныя ведра съ серебряными ручками—это «чары зелена вина»,[3] Спеціалисты находятъ, что «курганные предметы по своему матеріалу цѣннѣе, а по формѣ разнообразнѣе, затѣйливѣе, а иногда даже и изящнѣе нынѣшнихъ».[4] Мирный характеръ обитателей Смоленской земли, ихъ зажиточность и культурное развитіе

---

1 Довнаръ-Запольскій. «Очеркъ исторіи Кривичской и Дереговичской земель до начала XIII столѣтія».

2 Договоръ, заключенный въ 1228 году смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давыдовичемъ съ Ганзою.

3 В. П. Семеновъ «Полное географическое описаніе нашего отечества». Т. IX, стр. 58.

4 Профессоръ Завитневичъ.

стояли въ прямой зависимости отъ чрезвычайно выгоднаго географическаго положенія этой земли и, главнымъ образомъ, самаго города Смоленска. Смоленская земля, расположенная на Валдайскомъ плоскогорьѣ великой русской равнины, являлась средоточіемъ истоковъ главныхъ водъ Россіи. Здѣсь между живописными холмами среди дремучихъ лѣсовъ берутъ начало свое: Волга, Днѣпръ и Западная Двина, а также многочисленные ихъ притоки.[1] Располагая верховьями этихъ значительныхъ рѣкъ и находясь такимъ образомъ на великомъ водномъ пути, Смоленская область вліяла на историческую судьбу всей Россіи. Чрезъ эту область пролегалъ тотъ прямой водный путь, который издревле назывался «путемъ изъ Варягъ въ Греки», и по которому велись всѣ торговыя сношенія съ юга отъ Чернаго моря на сѣверъ вверхъ по Днѣпру. Съ этимъ продольнымъ путемъ здѣсь же пересѣкался путь поперечный на востокъ по Волгѣ и на западъ по Двинѣ къ Балтійскому морю. Кромѣ того смоляне владѣли и тѣми волоками, или водораздѣлами между системами трехъ важнѣйшихъ рѣкъ, по которымъ «волочились» на каткахъ лодки. Означенные водные пути служили единственными средствами сообщенія и торговаго обмѣна сѣверо-западной Европы съ древней Русью и прибрежій Балтійскаго моря съ Азіатскимъ востокомъ и Византійскимъ югомъ. Отсюда понятно все огромное значеніе этихъ путей для всемірной торговли и цивилизаціи того времени.

Въ узлѣ этихъ важнѣйшихъ торговыхъ путей, съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ, на крутомъ лѣвомъ берегу Днѣпра былъ основанъ городъ Смоленскъ. Онъ велъ обширную торговлю съ Ригою, островомъ Готландомъ и нѣмецкими городами; купцы его, по сказанію Константина Багрянороднаго, на судахъ приходили въ Грецію. Кромѣ того черезъ Смоленскъ происходили торговыя сношенія Новгорода съ Кіевомъ, и Норманны ходили въ Грецію. Смоленскъ вступилъ въ составъ великаго Ганзейскаго союза, и, будучи очень дѣятельнымъ его членомъ, заключалъ выгодныя торговые договоры. Извѣстно, что весною 1228 года Смоленскъ отправилъ въ Ригу и на островъ Готландъ посольство изъ трехъ

[1] Москва, Вазуза, Гжать и Угра; Межа и Каспля; Вязьма, Сожь и Десна.

Современная карта

Смоленской губерніи и бывшей Смоленской Земли.

Картогр. зав. Ю.Ю. Ланъ, СПБ. Арота 19

лицъ: «сотскаго, умна мужа Пантелея, лучшаго попа Еремѣя» и нѣмецкаго купца, жившаго въ Смоленскѣ, Тумана. Посольство заключило торговый договоръ, который чаще именуется «Смоленской торговою правдою»; этотъ любопытный историческій документъ дошелъ до нашего времени. Онъ свидѣтельствуетъ о значительной степени развитія гражданственности въ Смоленской землѣ и указываетъ на обширность ея торговыхъ оборотовъ. Надо замѣтить, что самые обстоятельные торговые договоры съ нѣмцами заключались именно Смоленскомъ. Надъ заключеніемъ перваго договора, по выраженію текста, «страдалъ», между прочимъ, смолянинъ Туманъ Михайловъ.

Нѣмецкіе гости имѣли въ Смоленскѣ свою церковь во имя Св. Маріи, и, какъ всѣ гости, пользовались равноправностью съ коренными жителями. Обыкновенно они приходили въ Смоленскъ по Западной Двинѣ «цѣлыми ѳлотиліями» «въ угонахъ», затѣмъ шли по рѣкѣ Касплѣ до волока, который находился близъ современной деревни Гаврики Порѣчскаго уѣзда, а отсюда около 30 верстъ сухопутьемъ до Днѣпра. Нѣмцы, которыхъ не любили горожане за ихъ гордость, но которымъ покровительствовали князья, останавливались въ бухтѣ, образуемой рѣчкой Смядынкой, при ея впаденіи въ Днѣпръ; купцы же литовскіе проводили свои суда въ Кловскую бухту, въ устье рѣчки Кловки.

Гости, остановясь у Смоленска, разгружали товары и производили торгъ на обширной ровной площади, которую представляетъ излучина Днѣпра внизъ по теченію отъ впаденія въ него рѣки Смядынки. Торжище это, какъ бы фортами, ограждалось тремя монастырями: съ востока Борисоглѣбскимъ при устьѣ Смядынки, съ запада Троицкимъ при устьѣ Кловки и съ юга Спасскимъ, на мѣстѣ теперешней деревни Чернушки. Въ этихъ монастыряхъ имѣлись огромные каменные подвалы и кладовыя, служившіе для склада и храненія привозныхъ товаровъ. По мѣрѣ надобности товары перевозились отсюда въ самый городъ на нѣмецкій дворъ. Перевозкой ихъ былъ занятъ особый классъ населенія—извозчиковъ, которые заселяли цѣлый посадъ, тянувшійся отъ Свирской церкви до подъема на Казанскую гору у церкви Іоанна Богослова. За правильностью торговли наблюдали княжескіе тіуны

и кромѣ того духовенство, которому поручено было храненіе образцовыхъ вѣсовъ. Смоленскіе священники не разъ выбирались народомъ для заключенія торговыхъ договоровъ. Самыя церкви были отчасти приспособлены къ торговлѣ: въ ихъ притворахъ вывѣшивались товары. Обширная и прибыльная торговля создала славу и богатство Смоленска и отдѣльныхъ его жителей. О величинѣ торговыхъ оборотовъ можно судить по тѣмъ огромнымъ налогамъ, оброкамъ и торговымъ сборамъ, которые города уплачивали Смоленскому князю. Доходъ его казны доходилъ въ первую половину XII вѣка до 600 тысячъ рублей въ годъ. По тогдашнему времени сумма эта была чрезвычайно велика. Въ началѣ XIII вѣка Смоленскъ уже имѣлъ 40 тысячъ жителей, 10 каменныхъ храмовъ, княжескіе терема, множество гостинныхъ дворовъ и лавокъ.

Благодаря живому общенію сперва съ Византіей, а съ XIII в. съ Западной Европой, Смоленскъ издавна стоялъ на высокомъ уровнѣ умственнаго развитія и въ стѣнахъ его монастырей создалась цѣлая литературно-просвѣтительная школа. Литература и просвѣщеніе на Руси, какъ извѣстно, развивались вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ народную массу христіанскихъ началъ и письменности, которая поддерживалась постоянными сношеніями съ Византіей. Появленіе монастырей и епархій всегда содѣйствовало распространенію просвѣщенія. Свѣтъ христіанства проникъ въ Смоленскую землю еще въ 1013 году: «святой Владиміръ крестилъ всю землю смоленскую въ 6521-е лѣто», говоритъ лѣтописецъ.[1] Въ 1137 году въ Смоленскѣ уже была учреждена епископская каѳедра и первымъ смоленскимъ епископомъ былъ ученый грекъ Мануилъ. Но и до того времени Смоленскъ обладалъ обширными просвѣтительными средствами. Въ этомъ удостовѣряетъ біографія одного изъ крупныхъ и интереснѣйшихъ дѣятелей древне-русской духовной литературы—Климента Смолятича. Схимникъ Климентъ жилъ въ Зарубинскомъ монастырѣ. Въ Никоновской лѣтописи говорится про него, что онъ «книжникъ и философъ, такъ яко же въ русской землѣ не бяшетъ». Въ 1147 г. Климентъ былъ возведенъ соборомъ русскихъ епископовъ въ санъ митрополита. Поль-

1 Сборникъ древняго хранилища Погодина, № 1600.

зуясь высшею славою подвижника и ученаго богослова, онъ былъ весьма талантливымъ и плодовитымъ писателемъ. Однако, до насъ дошла лишь ничтожная часть его произведеній. Перу его несомнѣнно принадлежитъ посланіе къ его старому другу—смоленскому священнику Ѳомѣ. Климентъ и его послѣдователи допускали въ своихъ трудахъ иносказательное толкованіе Св. Писанія, опираясь на творенія—Гомера, Платона и Аристотеля. Противникомъ такого направленія явился нѣкто Григорій, также смоленскій «книжникъ», который считалъ необходимымъ держаться буквы Св. Писанія. Обѣ спорящія стороны въ подлинникѣ читали указанныхъ греческихъ авторовъ.

Особенно поучительно жизнеописаніе знаменитаго смоленскаго просвѣтителя преподобнаго Аврамія, написанное ученикомъ его Ефремомъ. Аврамій, жившій въ концѣ XII столѣтія, былъ іеромонахъ монастыря «Святого Креста», развалины котораго находятся близъ загородной смоленской церкви св. Гурія, Самона и Авива.[1] Своими блестящими проповѣдями на самые существенные вопросы жизни преподобный Аврамій привлекъ къ себѣ все смоленское населеніе: именитые люди, бѣдняки и рабы—всѣ находили назиданіе и утѣшеніе въ его живой бесѣдѣ. Успѣхъ его былъ такъ великъ, что городскія церкви опустѣли. Слава его породила зависть, и противъ него, по свидѣтельству его біографа, «попы рыкали какъ волы». Впослѣдствіи онъ сдѣлался игуменомъ Богородицкаго монастыря.[2]

Въ монастыряхъ Зарубинскомъ и Богородицкомъ или Селищенскомъ, гдѣ долго училъ преп. Аврамій, завелись богатыя книгохранилища. По иниціативѣ многихъ частныхъ лицъ въ Смоленскѣ устраивались многочисленныя училища, учреждались школы писцевъ и живописцевъ; выписывались туда иностранные мастера для возведенія храмовъ художественной архитектуры; изящныя искусства, особенно живопись, находили здѣсь самыя благопріятныя условія для своего развитія. Первымъ каменнымъ зданіемъ въ Смоленскѣ былъ Успенскій соборъ, заложенный Владиміромъ Мо-

---

1 С. П. Писаревъ «Смоленскъ и его исторія», стр. 46.

2 Въ Селищахъ въ 8 верстахъ отъ Смоленска.

номахомъ 2 мая 1101 года.[1] Воздвигнутые въ концѣ XII вѣка, храмы Іоанна Богослова и Архистратига Михаила или Свирская церковь отличались такою красотой, что о нихъ далеко идетъ слава и любители церковнаго художества нарочно пріѣзжаютъ въ Смоленскъ для ихъ осмотра. О церкви Михаила Архистратига въ лѣтописи говорится, что такой церкви «нѣсть въ полунощной странѣ, и всѣмъ приходящимъ къ ней дивитися зѣло изрядной красотѣ ея, иконѣ златомъ и серебромъ, и жемчугомъ, и каменіямъ драгимъ украшены».[2]

Весьма понятно, что при значительномъ уровнѣ умственнаго и общественнаго развитія Смоленска, Климентъ и св. Аврамій не представляли въ его жизни случайнаго явленія. Были и другіе люди большого ума и высокаго просвѣщенія. Смоленскъ далъ рядъ прекрасныхъ литературныхъ произведеній, хотя большинство ихъ не дошло до нашего времени. Изъ такихъ произведеній, кромѣ посланія Климента и біографіи св. Аврамія, намъ извѣстны: «Повѣсть о Меркуріи», «Путешествіе Игнатія Смольнянина въ Палестину и Константинополь» и многія другія.

На ряду съ Кіевомъ, Смоленскъ являлся въ древней Руси крупнымъ центромъ духовнаго просвѣщенія, сосредоточивая въ себѣ всѣ зачатки нарождавшагося умственнаго движенія. Смоленскій князь-просвѣтитель Ростиславъ Мстиславовичъ[3], одновременно съ постройкой церквей въ Смоленскѣ и въ другихъ городахъ, отовсюду собиралъ латинскія и греческія рукописи, имѣлъ возлѣ себя переводчиковъ и переписчиковъ, которые переводили и переписывали сокровища древней мудрости. Такимъ же ревностнымъ покровителемъ просвѣщенія былъ и сынъ его Давидъ.

Въ связи съ торговымъ и просвѣтительнымъ значеніемъ Смоленской земли развивалась и политическая ея судьба.

Смоленскъ искони былъ вѣчевой городъ. По удостовѣренію лѣтописца «Новгородцы бо изначала, и Смольняне и Кіяне и вся

---

[1] С. П. Писаревъ «Смоленскъ и его исторія», стр. 13.
[2] Ипатіевская лѣтопись 1197 года.
[3] 1125—1159 гг.

власти на вѣче, яко же на думу сходятся».[1] По вѣчевому своему устройству Смоленскъ походилъ на Новгородъ. Городъ дѣлился на концы, концы на улицы, которыя составляли отдѣльныя общины со своими выборными «лучшими людьми», или добрыми мужами, и своимъ «кончанскимъ» и «уличанскимъ» вѣчемъ. Множество ручьевъ, рѣчекъ и рвовъ дробили Смоленскъ на особые участки, въ которыхъ ютились отдѣльныя общины съ своими органами самоуправленія. Со времени подчиненія въ 882 году Смоленска Олегомъ, власти князя Игоря, въ Смоленскѣ сидѣли намѣстники. Но съ теченіемъ времени Смоленскъ все больше привлекалъ вниманіе князей. Есть преданіе, что князь Владиміръ Святой въ 1013 г. лично пріѣзжалъ въ городъ для крещенія смолянъ. Уже по смерти Ярослава I, князья поселяются въ Смоленскѣ и съ этого времени Смоленская земля,становясь удѣльнымъ княжествомъ, вступаетъ въ удѣльный періодъ русской исторіи.

Князья, прибывъ на жительство въ Смоленскъ, поселяются не на горѣ въ городѣ, гдѣ хозяйничало вѣче, а въ западной окраинѣ внизъ по теченію Днѣпра, гдѣ притоки его, Смядынка и Кловка, образовываютъ при своемъ впаденіи удобныя для торговыхъ судовъ бухты, и гдѣ находится выходъ по рѣкѣ къ Чернигову и Кіеву, откуда князья появлялись въ Смоленскъ. Мѣстность эта, нынѣшняя Свирская слобода, весьма подробно изслѣдована подъ названіемъ «княжеской мѣстности» покойнымъ С. П. Писаревымъ, извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ смоленской старины. Здѣсь были построены княжескіе терема, особый храмъ князей во имя Архистратига Михаила; здѣсь же поселилась княжеская дружина и челядь. Одинъ князь въ Смоленскѣ смѣнялъ другого, а всего насчитывается[2] смоленскихъ князей 54.

Продолжая развиваться и крѣпнуть, Смоленская область все расширяется и пріобрѣтаетъ большее политическое значеніе. При мудромъ смоленскомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ Смоленская земля уже именуется «Смоленскимъ великимъ княжествомъ», а ея князь титулуется «великимъ княземъ смоленскимъ».

---

1 Лаврентьевская и Суздальская лѣтописи; Сергѣевичъ «Вѣче и Князь».

2 Голубовскій «Исторія Смоленской земли до конца XV столѣтія».

Такихъ великихъ князей смоленскихъ съ 1128 по 1395 годъ насчитывается [1] 19. Разростаясь, Смоленская область включала въ себя въ разное время очень много удѣльныхъ городовъ,[2] такъ что въ предѣлахъ ея одновременно бывало до 17 удѣльныхъ князей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Упадокъ Смоленскаго княжества и покореніе его Литвою.

(1404—1514 г.).

Начиная съ XIII вѣка, подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ событій и обстоятельствъ экономической и политической жизни, Смоленская область постепенно приходитъ въ упадокъ, и, наконецъ, совершенно теряетъ свою самостоятельность. Смоленской землѣ пришлось послѣдовательно выдержать длинный рядъ экономическихъ бѣдствій и политическихъ потрясеній: претерпѣвать «гладъ и моръ», перенести монгольское иго, литовское покореніе, московское завоеваніе и польское плѣненіе, пока она окончательно не была присоединена къ Московскому государству.

XIII и особенно XIV столѣтія были лихими, черными вѣками для Смоленской земли. Частые неурожаи вели за собой голодъ и смерть. Въ 1230 году былъ такой страшный голодъ, что, по словамъ лѣтописи, «мнози своего брата рѣжуща, ядяху, а иніи мертвое трупіе ядяху, друзіи конину и псину, и кошки, а иніи мохъ и сосну, и илемъ и листъ». Слѣдомъ за голодомъ шла страшная смертность. Не доставало мѣстъ на кладбищѣ и въ Смоленскѣ были устроены четыре «скудельницы» (братскія могилы); въ нихъ за одинъ годъ погребли болѣе 32 тысячъ труповъ. Богатый Ганзейскій союзъ не оставилъ безъ помощи своего сочлена: въ Смоленскъ «прибѣгоша нѣмцы изъ заморія и много добра сотвориша».

---

1 Ibid.

2 Главные изъ нихъ: Витебскъ, Полоцкъ, Пинскъ, Орша, Копысь, Минскъ, Красный, Васильевъ, Друцкъ, Мстиславль, Заславъ, Рославль, Брянскъ, Калуга, Волоколамскъ, Звенигородъ, Можайскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Торопецъ и др. Писаревъ «Смоленскъ и его исторія», стр. 58.

Читая исторію города Смоленска Мурзакевича и Никитина, положительно приходишь въ ужасъ отъ перечисленія тѣхъ бѣдствій, которыя со стихійнымъ упорствомъ и безпощадностью въ теченіи всего XIV столѣтія и за рубежемъ его обрушивались на несчастный городъ. 13 черныхъ лѣтъ[1] отмѣчаются голодомъ и моромъ, пожарами, «черной смертью», и «моровой язвой». Ужасающая смертность черезъ много вѣковъ поражаетъ воображеніе. Не успѣвали хоронить умершихъ, городъ загроможденъ трупами; вымирали цѣлыя семьи и улицы, вымиралъ весь городъ. Въ 1387 году въ опустошенномъ смертью Смоленскѣ осталось въ живыхъ всего 5 человѣкъ, которые вышли изъ зачумленнаго мертваго города и закрыли за собой городскія ворота.

На ряду съ экономическими бѣдствіями шли политическія потрясенія Смоленскаго княжества. Сперва налегло на него татарское иго. Въ первое свое нашествіе татары обошли Смоленскъ. Но уже въ 1239 году 15 августа, въ день храмового соборнаго праздника Успенія Богородицы, татары подступили къ городу по ельнинской дорогѣ. Защитникомъ Смоленска на этотъ разъ выступилъ преподобный Меркурій. Онъ съ немногими воинами ночью напалъ на татаръ и отрубилъ голову татарскому богатырю-великану. Преслѣдуемые татарами, русскіе приблизились къ Молоховскимъ воротамъ, при чемъ преп. Меркурій несъ передъ собой въ качествѣ трофея отрубленную богатырскую голову. Воодушевленные горожане, въ сопровожденіи облаченнаго въ ризы духовенства, предшествуемаго иконой Божьей Матери, вышли «въ поле», передъ Молоховскими воротами и прогнали татаръ. Въ этой битвѣ палъ преп. Меркурій. Его похоронили въ соборѣ и надъ гробомъ помѣстили оружіе, съ которымъ онъ выходилъ на свой подвигъ: мечъ, копье и щитъ. Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ Смоленская земля все-таки была приведена въ подчиненіе татарскому хану. Смоленскіе князья ѣздили на поклонъ въ Орду, а ханскіе чиновники наѣхали на житье въ Смоленскъ, притѣсняя и грабя народъ.

---

1 1308, 1313—1314, 1322, 1340, 1352, 1364, 1377, 1386—1387, 1390, 1401—1402 гг.

Притѣсняемое татарами Смоленское княжество начинаетъ въ то же время чувствовать нажимы со стороны своихъ непосредственныхъ сосѣдей. О бокъ съ нимъ почти со сказочной быстротой выростали два молодыхъ государства: съ запада Литва и съ востока Москва. Зажатая между этими государствами, враждовавшими между собой, Смоленская область испытывала давленія съ обѣихъ сторонъ. Смоленскіе князья, подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ политическихъ обстоятельствъ, колебались въ своихъ союзахъ то съ одной, то съ другой изъ враждующихъ сторонъ и все болѣе утрачивали свою самостоятельность. Дошло уже до того, что въ союзныхъ договорахъ съ литовскими князьями, они именуютъ себя «младшими братьями» князей литовскихъ.

Удѣльные города Смоленской области постепенно захватывались обѣими сторонами, переходя то къ Литвѣ, то къ Москвѣ, и территорія области, все болѣе уменьшаясь, уже въ XVI вѣкѣ стала сближаться съ границами современной Смоленской губерніи. Когда въ XIV вѣкѣ Литва выросла въ могучее государство, она подчинила своей власти отдѣльныя русскія княжества. Княжество Смоленское, послѣ пережитыхъ внутреннихъ потрясеній, также не могло уже противиться литовскому завоеванію. Впервые литовцы появились въ Смоленской области въ 1171 году, когда ихъ дикія въ то время полчища налетѣли, пограбили и ушли. Затѣмъ въ зиму 1225 г. они разграбили окрестности Смоленска и завоевали цѣлую Торопецкую область. Позднѣе они временно захватывали самый Смоленскъ и его владѣнія—Друцкъ и Рославль.

Съ воцареніемъ въ Литвѣ Гедимина, положившаго основаніе литовскому могуществу, Смоленское княжество, стремясь освободиться изъ-подъ власти татаръ, вступаетъ въ союзъ и дружбу съ Литвой. Смоленскъ вообще весьма упорно противился татарскому игу и дружины его съ княземъ Святославомъ Ивановичемъ въ 1380 г. храбро дрались на Куликовскомъ полѣ—въ центрѣ арміи Дмитрія Ивановича Донского.

Дружба съ Литвой продолжалась недолго. Въ 1395 году литовскій князь Витовтъ внезапно подступилъ къ Смоленску, и, пользуясь раздорами смоленскихъ князей между собой изъ-за наслѣдства, хитростью и вѣроломствомъ занялъ городъ. «Предъ

нимъ несли крыжъ (крестъ) и свирѣльницы гласяху по литовскому обычаю». Однако, черезъ 6 лѣтъ смоленскому князю Юрію Святославичу удалось вернуть Смоленскъ, но не надолго.

Витовтъ, послѣ неудавшейся осады Смоленска въ 1401 году, ранней весною 1404 года подступилъ къ нему съ большой силой и пушками, которыя тогда были новостью для смолянъ. «Витовтъ же весну всю стоявъ, колико бився и труждався, и пушками бивъ; не може выстоять градъ: бѣ бо Смоленскъ крѣпокъ вельми». Безплодно простоявъ подъ Смоленскомъ до Пасхи, Витовтъ «потомъ, по Велицѣ дни, отступилъ прочь». Но въ тотъ же годъ, пользуясь отсутствіемъ изъ Смоленска князя Юрія, онъ вновь явился къ городу и кругомъ обложилъ его, прекративъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. «Граждане же, не могущи терпѣти глада въ градѣ, изнеможеніемъ и отъ всякія истомы, градъ Смоленскъ предаша Витовту. Се бысть послѣднее плѣненіе Смоленску отъ Витовта».[1] Литовское покореніе Смоленской области длилось 110 лѣтъ.

Завоевавъ Смоленскъ, Витовтъ «посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ ляховъ, и тѣмъ ляхамъ преда градъ Смоленскъ держати», говоритъ лѣтописецъ.[2] Витовтъ предоставилъ смолянамъ много льготъ, далъ городу магдебургское право и вообще проявлялъ большую заботливость о Смоленскѣ. Со времени литовскаго владычества Свирская часть города получаетъ названіе «форштадтъ». Тогда же начинается развитіе восточной окраины Смоленска—Рачевки. Здѣсь на самомъ краю предмѣстья возникъ Духовской монастырь, представляя собой такую же предѣльную окраину города съ востока, какою служилъ съ запада Троицкій монастырь.

Нерѣдко Витовтъ проживалъ въ Смоленскѣ на форштадтѣ, гдѣ у него гостилъ зять его, московскій князь Василій Дмитріевичъ, съ которымъ они занимались здѣсь, кромѣ дѣлъ государственныхъ, пирами и охотой въ окрестныхъ лѣсахъ. Въ смоленскихъ лѣсахъ того времени въ изобиліи водились: бобры, куницы, выдры, лисицы, вепри и барсуки, а также птицы: тетерева, рябцы, куропатки, орлы, аисты, цапли, гуси и утки.

---

1 Лѣтопись Абрамки, стр. 149.

2 Ibid.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Смоленскъ къ своему отцу, Витовту, дочь его, московская княгиня Софья, выпросила разрѣшеніе взять въ Москву чтимую икону Богородицы Одигитріи. Икона эта пребывала слишкомъ 50 лѣтъ въ Москвѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Только въ 1456 г. она была возвращена въ Смоленскъ епископомъ Михаиломъ и помѣщена въ соборномъ храмѣ.

Въ эпоху своего владычества надъ Смоленской землей, Витовту пришлось совмѣстно съ поляками вести войну съ Прусскимъ рыцарскимъ орденомъ, которая закончилась знаменитой Грюнвальденской битвой, происходившей въ нынѣшней восточной Пруссіи 15 іюня 1410 г. Въ этой битвѣ славянъ съ нѣмцами приняли дѣятельное участіе смоленскіе полки подъ начальствомъ Юрія Лугвеніевича. Они заняли мѣсто въ центрѣ боевой линіи рядомъ съ поляками, и своей стойкостью рѣшили побѣду.

Послѣ Витовта доброжелательная политика Литовскаго государства по отношенію къ Смоленску совершенно измѣнилась. Преемники его, Свидригайло и Сигизмундъ, который, по словамъ лѣтописи, «бѣ князь лютъ и немилостивъ», думали укрѣпить свою власть надъ Смоленскомъ мѣрами суровыми и даже жестокими. Такъ, Свидригайло сжегъ на кострѣ въ Витебскѣ смоленскаго и кіевскаго митрополита Герасима, заподозривъ его въ сношеніяхъ съ своимъ соперникомъ Сигизмундомъ. Мѣры эти производили обратное дѣйствіе и вызывали недовольство смолянъ. При Сигизмундѣ въ Смоленскѣ разгорѣлся цѣлый бунтъ противъ маршала (начальникъ войскъ) пана Андрея Саковича, который вслѣдствіе отъѣзда намѣстника остался «держать Смоленскъ». Его не любили за постоянныя притѣсненія и поборы. Литовскій князь Казиміръ приступомъ взялъ непокорный Смоленскъ и жестоко расправился съ мятежниками, при чемъ разгромилъ часть города на Смядынѣ.

Одновременно съ ростомъ Литовскаго государства стала собираться возлѣ Москвы восточная Русь. Складывалось могучее государство Московское, готовое уже втянуть въ свой составъ Смоленскую область и грозное для самой Литвы.

Въ 1445 г. Казиміръ, начавъ войну съ Москвою, пріѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ прожилъ на форштадтѣ два года. Въ этотъ пріѣздъ онъ обратилъ особое вниманіе на защиту Смоленска отъ

притязаній Москвы, которая неудержимо стремилась овладѣть Смоленской областью. Литовское правительство старается укрѣпить старый городъ, куда постепенно переселяются изъ форштадта, т.-е. Свирской части, и сами литовцы. Наслѣдникъ Казиміра, князь Александръ, продолжалъ заботы своего отца объ усиленіи смоленской крѣпости, которая въ его грамотахъ носитъ названіе «замка нашего». Нагорная лѣвобережная сторона Смоленска еще въ доисторическія времена была обнесена земляным валомъ. Литовцы, надо думать, возвысили насыпи, устроили деревянную береговую стѣну, возобновили на земляномъ валу башни и частоколъ. Каменныхъ стѣнъ въ Смоленскѣ тогда не было: онѣ позднѣйшаго происхожденія. Надъ укрѣпленіемъ Смоленска много трудились разныя народности. Вотъ почему въ одной пѣснѣ народной и ставится спорный вопросъ: «Чье построеньице Смоленскъ?» Одни утверждали: «построеньице московское», а другіе—«построеньице литовское». Исторія безповоротно рѣшила этотъ вопросъ въ пользу Москвы.

Къ этому же времени относится перенесеніе княжескаго дворца изъ Свирской слободы на гору въ крѣпость. Есть нѣкоторое основаніе полагать, что литовскій дворецъ помѣщался на Васильевой горѣ, и что это названіе носила гора, гдѣ находится Вознесенскій монастырь. Въ мѣстности этого монастыря и помѣщался дворецъ, въ которомъ останавливались сперва литовскіе князья, а затѣмъ московскіе цари. Въ этой мѣстности останавливался и Петръ Великій, пріѣзжавшій въ Смоленскъ 6 разъ. Здѣсь же противъ дома, бывшаго Кондыревой, и съ фасадомъ въ колоннахъ, похожимъ на этотъ домъ, императрица Екатерина Великая устроила новый дворецъ, сожженный въ 1812 году.

Благодаря мѣрамъ, принятымъ литовскимъ правительствомъ, Смоленскъ былъ сильно укрѣпленъ ко времени войны съ Москвою. Попытки великаго князя московскаго Ивана III Васильевича овладѣть Смоленскомъ въ 1502 году были неудачны, хотя войско его, вооруженное пушками, день и ночь громило замокъ.

Не одними мѣрами укрѣпленія города литовское правительство старалось утвердить свою власть надъ Смоленскомъ. Со времени Казиміра по отношенію къ Смоленску возобновилась доброжелательная политика Витовта. Смоленску предоставляются всевоз-

можныя льготы и исключительныя права, вслѣдствіе чего онъ широко развиваетъ свои торговые обороты и все болѣе богатѣетъ. Но Литвѣ не удалось, несмотря на всѣ усилія, достигнуть желательнаго единенія своихъ государственныхъ интересовъ со Смоленскомъ. На пути такого единенія стояла препятствіемъ, главнымъ образомъ, религіозная рознь, хотя Смоленскъ и не испытывалъ религіознаго угнетенія со стороны Литвы. Главою всего православнаго духовенства и въ Москвѣ и въ Литвѣ признавался московскій митрополитъ Кипріанъ, который полтора года прожилъ въ Смоленскѣ. Однако, вполнѣ естественно было стремленіе литовскаго правительства обособить свое государство отъ Москвы и въ религіозномъ отношеніи. Съ этой цѣлью Витовтъ добивался учрежденія особой литовской митрополіи. Несмотря на отказъ въ этомъ со стороны константинопольскаго патріарха, соборъ епископовъ подвластныхъ Литвѣ мѣстностей возвелъ въ санъ особаго литовскаго митрополита Григорія Цамблака. Первые литовскіе митрополиты были православные, но въ 1458 г. митрополичью каѳедру получилъ уніатъ Григорій Болгаринъ. Онъ задумалъ соединить православныхъ съ католиками подъ главенствомъ папы. Противъ такого замысла возстала смоленская епископія, которая признала своимъ главою московскаго митрополита Іону. Мудрость литовскихъ правителей гарантировала религіозную свободу смолянъ. Смоленскіе епископы, и даже литовскіе митрополиты послѣ смерти Григорія Болгарина, всѣ были православные. Во время литовскаго господства въ Смоленскѣ не было рѣшительно ничего сдѣлано въ пользу уніи и католичества. Всѣ церкви и монастыри оставались православными; оффиціальнымъ языкомъ неизмѣнно служилъ русскій, и на немъ писались всѣ грамоты великихъ князей и королей. Однако, духовенство было противъ иновѣрнаго правительства и тянуло къ православной Москвѣ.

Смоленскіе епископы, ведя обширную переписку, постоянно поддерживаютъ сношенія съ Москвой и сажаютъ на своихъ смоленскихъ земляхъ москвичей. Въ самомъ Смоленскѣ мало-по-малу образуется вокругъ епископа значительная партія, стремившаяся къ соединенію съ Москвой, чего такъ настойчиво добивалось Московское государство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Власть Москвы.

(1514—1611 г.).

Московскій царь Василій III Ивановичъ въ теченіи двухъ лѣтъ три раза дѣлалъ походы на Смоленскъ и осаждалъ его. Первая осада была зимою 1513 года. Московское войско подошло къ Смоленску съ востока по правому берегу Днѣпра. У Духовского монастыря и при впаденіи рѣчки Рачевки, гдѣ были удобные перевозы и переѣзды, оно переправилось къ замковой части города прямо въ Рачевку, которая сильно пострадала. Эта осада не удалась. Второй разъ московское войско напало на городъ съ юго-восточной стороны съ поля, куда съ литовскими войсками выступилъ изъ города смоленскій воевода Сологубъ. Осада опять не удалась. Наконецъ, въ третій разъ московскій царь, запасшись новыми пушками и выписавъ искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ нѣмцевъ, рѣшилъ напасть на Смоленскъ изъ-за Днѣпра, откуда былъ открытъ весь замокъ. 29 іюля 1514 года около 300 московскихъ пушекъ громило Смоленскъ черезъ рѣку «огненными кулями». Несмотря на дальность разстоянія, большія и малыя ядра, окованныя свинцомъ, тучей полетѣли въ городъ, убивая людей и зажигая зданія. Старыя литовскія пушки не могли отразить непріятеля. Стремительность нападенія, невиданное еще опустошительное дѣйствіе пушекъ и море огня отъ пожара въ замкѣ произвели ошеломляющее впечатлѣніе въ городѣ. Епископъ съ представителями города вышелъ на днѣпровскій мостъ для переговоровъ о сдачѣ замка, и Смоленскъ былъ сданъ московскому царю, который прежде всего пошелъ въ соборъ поклониться иконѣ Богоматери Одигитріи. При торжественномъ вступленіи московскаго царя, смоленскій епископъ Варсонофій подалъ ему крестъ и привѣтствовалъ словами: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь всея Руси, на своей отчинѣ и дѣдинѣ града Смоленска!». Съ этого времени,

въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія (97 лѣтъ), Смоленскъ находился безпрерывно подъ властью Москвы.

Овладѣвъ Смоленскомъ, московскій царь далъ смолянамъ жалованную грамоту, въ которой обѣщалъ «держать ихъ во всемъ по тому же, какъ ихъ держалъ Витовтъ и иные государи и Александръ король и Жигмонтъ». Въ этой грамотѣ «замокъ» названъ крѣпостью города, а предмѣстье—«посадомъ». Московскимъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ былъ оставленъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Но и со времени присоединенія къ Москвѣ для Смоленска миръ не наступилъ. Литва и Польша не перестали покушаться на него. Вскорѣ городъ былъ осажденъ литовскимъ воеводою княземъ Острожскимъ. Въ Смоленскѣ уже состоялся заговоръ о сдачѣ Литвѣ, но намѣстникъ князь Шуйскій, своевременно узнавъ объ этомъ, заперъ городъ, по стѣнамъ крѣпости поставилъ висѣлицы и повѣсилъ всѣхъ заговорщиковъ съ привязанными къ каждому изъ нихъ полученными отъ литовцевъ подарками. Князь Острожскій, обстрѣливая стѣны пушками, долго но безрезультатно осаждалъ городъ. При этой осадѣ особенно пострадала Свирская часть; это былъ уже второй разгромъ княжеской мѣстности. Обнаруженная въ Смоленскѣ измѣна нѣкоторыхъ бояръ послужила для московскаго правительства основаніемъ къ переселенію многихъ смолянъ въ Москву и къ замѣнѣ ихъ москвичами.

Во время малолѣтства царя Ивана IV Васильевича, поляки пытались отнять Смоленскъ у Москвы. Въ 1534 году польскій воевода князь Вишневецкій напалъ на городъ, но былъ оттѣсненъ смоленскимъ намѣстникомъ княземъ Оболенскимъ. Въ 1579 году литовско-польскій король Стефанъ Баторій выслалъ на Смоленскъ свои войска подъ начальствомъ литовскаго вельможи Филона Кмита, который, не овладѣвъ городомъ, разграбилъ окрестныхъ жителей и зажегъ Свирское предмѣстье; это былъ уже третій и полный разгромъ княжеской мѣстности.

Съ этого времени, когда была разорена Свирская часть, когда обмелѣли тамъ бухты на Смядынкѣ и Кловкѣ, торговая жизнь Смоленска переходитъ въ посадъ по другую сторону Днѣпра, и начинаетъ развиваться смоленское Заднѣпровье. До того времени

мѣстность эта, лежавшая противъ города на правомъ берегу Днѣпра, низменная, и потому затопляемая водой въ половодье, была малолюдна и бѣдна. Тамъ проживали бывшіе княжескіе рабы и изгои; они занимались исключительно тетеревиной ловлей и содержали тетеревиные садки. Для нихъ здѣсь построена была въ 1146 г. особая церковь во имя Петра и Павла. Этотъ «тетеревникъ за Днѣпромъ» былъ отданъ во владѣніе смоленскому епископу и въ жизни города не имѣлъ серьезнаго значенія. Съ разореніемъ торговой Свирской слободы и съ усовершенствованіемъ ратнаго дѣла, Заднѣпровье, ставъ подъ защиту новыхъ пушекъ въ крѣпости города, все болѣе развивается и богатѣетъ.

Московскому правительству приходилось неослабно заботиться о дальнѣйшемъ укрѣпленіи Смоленска въ виду угрозъ со стороны Польско-Литовскаго государства. Вполнѣ сознавалась настоятельная необходимость привести Смоленскъ въ оборонительное положеніе, соотвѣтствующее его высокому стратегическому значенію. При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ было окончательно рѣшено выстроить въ Смоленскѣ каменную крѣпость и съ декабря 1595 года приступили къ возведенію знаменитой смоленской крѣпостной стѣны. Для наблюденія за постройкой, которую производилъ городовой мастеръ Ѳедоръ Коня, пріѣхала изъ Москвы цѣлая комиссія въ составѣ: князя Звенигородскаго, Безобразова, дьяковъ Шепилова и Перфирьева. Послѣ торжественнаго молебствія въ соборѣ, съ благословенія архіепископа смоленскаго Ѳеодосія, начались подготовительныя работы по заготовкѣ матеріаловъ. Всѣ кирпичные заводы монастырей и частныхъ лицъ были отписаны въ казну, и сверхъ того открыты новые заводы; камень для основанія стѣнъ и башень заказанъ въ городѣ Старицѣ за 342 версты, а известь приказано жечь въ селѣ Верховьѣ Бѣльскаго уѣзда, за 200 верстъ отъ Смоленска; дворцовымъ селамъ Смоленскаго уѣзда заказано вывести къ веснѣ сваи подъ фундаментъ. Со всѣхъ ближнихъ и многихъ дальнихъ городовъ были созваны въ Смоленскъ каменьщики и подряжены рабочіе люди для подвозки разныхъ строительныхъ матеріаловъ. Весной 1596 года въ Смоленскъ изъ Москвы прибылъ «ближній великій бояринъ» Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, который окончательно утвердилъ планъ постройки новой крѣпости,

и работа началась. Прежде всего вбивались толстыя деревянныя сваи, на которыя клали изъ тесанныхъ каменныхъ плитъ фундаментъ, поднимавшійся на сажень надъ поверхностью земли; затѣмъ шла кирпичная кладка. Работа производилась такъ энергично, что черезъ четыре года Смоленскъ уже былъ опоясанъ кругомъ, на разстояніи 5 верстъ и 80 саж., крѣпостною стѣною величавой красоты. Стѣна имѣла 7 сажень высоты и 2½ саж. ширины; на верху ея по обѣ стороны красиво выдѣлялись, какъ изящная рѣзьба, каменные зубцы, на которыхъ укрѣплена деревянная крыша. Стѣны были приспособлены для трехъярусной обороны артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; устроены бои: подошвенный въ фундаментѣ, средній въ самой стѣнѣ и верхній въ зубцахъ. По стѣнѣ размѣщались въ исходящихъ и во входящихъ углахъ 36 башень[1] круглой и четырехъугольной формы. Башни эти обороняли подступъ къ стѣнѣ, и въ то же время каждая изъ нихъ представляла собой опорный пунктъ для внутренней обороны города. Для выхода въ слободы и въ поле были устроены девять воротъ: пять въ сѣверномъ направленіи къ Днѣпру, двое на югъ и двое на востокъ.[2] На западной сторонѣ къ Свирской слободѣ, откуда дѣлались постоянныя нападенія Литвы и Польши, воротъ вовсе не было, а существовали лишь, такъ называемыя, «форточки» для пѣшеходовъ.

Смоленскія стѣны такъ были прочно сооружены, что стойко выдержали рядъ непріятельскихъ нападеній. Пушки многихъ націй тщетно изрыгали на нихъ огонь свой: литовскія, русскія, польскія и французскія ядра не могли одолѣть ихъ. Французы удивлялись прочности смоленскихъ стѣнъ, называя ихъ «прекрасной работой царя Бориса». Окружавшіе Смоленскъ изстари земляные валы также вошли въ систему новыхъ укрѣпленій, представляя собой вторую оборонительную линію. Смоленская крѣпость, по своей прочности и красотѣ, представлялась чудомъ искусства своего вре-

---

1 Всѣхъ башень насчитываютъ одни 36, другіе 38.

2 Сѣверныя ворота: 1) Фроловскія, нынѣ Днѣпровскія, противъ моста, 2) Лазаревскія взорваны съ башней въ 1812 г., 3) Крылошевскія или Рачевскія разобраны въ 1782 г., 4) Пятницкія разрушены, 5) Пятницкія водяныя, на Богословской улицѣ—разобраны; южныя: 1) Молоховскія, 2) Копытенскія близъ Королевской крѣпости заложены; восточныя: 1) Аврааміевскія за монастыремъ того же имени—заложены, 2) Ельнинскія нынѣ Никольскія.

мени. Не даромъ Борисъ Годуновъ гордился своимъ твореніемъ и говорилъ про него: «построилъ я такую красоту неизглаголенную, что подобной ей уже нѣтъ во всей поднебесной. Однѣхъ башень на стѣнѣ 36, и по верху ея свободно поѣзжай хоть на тройкѣ. Какъ на сытой, толстой боярынѣ красовито лежитъ аксамитное многоцѣнное ожерелье, прибавляя ей красоты и горделивости, такъ и Смоленская стѣна стала теперь ожерельемъ всей Руси православной, драгоцѣнностью на зависть враговъ и на гордость Московскаго государства». Но похвала эта не отуманила головы смоленскаго воеводы князя Трубецкова, котораго одолѣвали тревожныя сомнѣнія. Онъ сказалъ: «правду говоритъ Годуновъ: и на ожерелье боярыни стѣна Смоленская похожа, и башень счетомъ 36, и зубцы въ два ряда по стѣнѣ безъ смѣты числомъ, и каждый зубецъ крѣпко выкрытъ листовымъ желѣзомъ», да боится смоленскій воевода, «что бъ промежъ красивыми башнями и многочисленными крѣпкими зубцами не завелись вши и гнида».

Вскорѣ сбылись предчувствія воеводы. Не прошло и 10 лѣтъ, какъ поляки противъ насъ же обратили смоленскія стѣны. Послѣ смерти царя Бориса Смоленскъ вслѣдъ за Москвой призналъ Лжедимитрія своимъ государемъ. Пользуясь смутнымъ временемъ междуцарствія на Руси, польскій король Сигизмундъ рѣшилъ овладѣть Смоленскомъ. Въ 1609 году онъ шлетъ въ Смоленскъ свой манифестъ, предлагая смолянамъ встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью, какъ ближайшаго «родича Московскаго государства», такъ какъ въ лицѣ царя Ѳедора Ивановича умеръ послѣдній рюриковичъ. Манифестъ не подѣйствовалъ, и польское войско подступило къ городу, расположившись въ Свирской слободѣ. Въ составъ польскаго войска, достигавшаго своей численностью 20 тысячъ человѣкъ, входили литовцы, татары, нѣмцы и до тысячи запорожскихъ казаковъ. Во главѣ защитниковъ Смоленска стоялъ воевода Шеинъ, собравшій изъ окрестностей много вооруженныхъ людей. Онъ выжегъ вокругъ крѣпости всѣ посады и слободы, и размѣстилъ по крѣпостнымъ стѣнамъ своихъ воиновъ. Осажденные смоляне, имѣя въ своемъ распоряженіи до 170 пушекъ, не подпускали непріятеля близко къ городу.

Въ это время станъ польскаго короля подъ стѣнами Смоленска, въ Свирской слободѣ дѣлается средоточіемъ переговоровъ и дѣй-

ствій высокой государственной важности, отъ исхода которыхъ зависѣла судьба государствъ и участь народовъ. Здѣсь разрѣшается вопросъ о возведеніи на русскій престолъ польскаго королевича Владислава. Послѣ оставленія престола царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, управленіе Московскимъ государствомъ временно перешло въ руки Верховной Думы изъ бояръ и патріарха. Верховная Дума, подъ сильнымъ давленіемъ польской партіи, вступила въ соглашеніе съ прибывшимъ подъ Москву литовскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, и рѣшила возвести на русскій престолъ сына польскаго короля Сигизмунда, Владислава. Договоръ объ этомъ съ Москвою былъ подписанъ въ 1610 году отъ имени польскаго короля гетманомъ Жолкевскимъ, который ввелъ свои войска въ столицу. Москва присягнула Владиславу, и судьба русскаго народа отдавалась въ польскія руки.

Многочисленное и торжественное «великое» посольство «отъ всея земли» было отправлено изъ Москвы подъ Смоленскъ въ станъ польскаго короля, чтобы вручить Сигизмунду грамоты объ избраніи его сына на московскій престолъ, а Владиславу—царскія принадлежности. Въ составъ посольства входили: митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, князь Василій Голицынъ, архимандритъ Евфимій, знаменитый троицкій келарь Аврамій Палицынъ, князь Мезецкій, думный дворянинъ Василій Сукинъ, думный дьякъ Томило-Луговскій и многочисленная свита, всего около 460 человѣкъ.

Неласково принялъ это посольство Сигизмундъ, имѣя намѣреніе овладѣть Москвою и присоединить ее къ польской коронѣ. Пословъ помѣстили неудобно и держали впроголодь, допустивъ ихъ лишь на пятый день «къ королевской рукѣ»;[1] ихъ продержали подъ Смоленскомъ больше полугода и затѣмъ отправили подъ арестомъ въ Польшу. За эти полгода Сигизмундъ дѣлалъ неоднократные приступы къ Смоленску, и чрезъ посредство главнаго своего совѣтника, канцлера Льва Сапѣги, велъ постоянные переговоры съ московскими послами, домогаясь во что бы то ни стало сдачи Смоленска. Пере-

---

[1] Берхъ «Царствованіе Михаила Ѳедоровича», стр. 43; С. П. Писаревъ «Смоленскъ и его исторія», стр. 128—132.

говоры не помогали, приступы не удавались, и Смоленскъ какъ бы дразнилъ поляковъ своей недоступностью. Ночью 12 сентября 1610 года было сдѣлано внезапное нападеніе на городъ со стороны Авраміевскихъ воротъ подъ личнымъ руководствомъ мальтійскаго рыцаря Новодворскаго, который славился ратнымъ искусствомъ и доблестью. Онъ успѣлъ взорвать петардой ворота, успѣлъ вломиться въ городъ съ малочисленнымъ отрядомъ, но немедленно былъ выбитъ обратно въ поле.

Нападеніе 27 сентября со стороны Днѣпра также не удалось. Претерпѣвая постоянныя неудачи въ своихъ приступахъ къ городу, Сигизмундъ и его приближенные все настойчивѣе старались воздѣйствовать на Смоленскъ чрезъ посредство московскаго посольства. Въ дѣло были пущены уговоры, строгія требованія и прямыя угрозы. Посламъ предлагали принудить Смоленскъ присягнуть польскому королю. Паны предупреждали ихъ: «Мы о Смоленскѣ послѣдній разъ вамъ говоримъ: если вы не заставите смолянъ королю и королевичу крестъ цѣловать, то крестное цѣлованіе съ гетмана (Жолкевскаго) сошло; Его Величество и мы Смоленску больше терпѣть не будемъ; не останется камень на камнѣ! съ нимъ сдѣлается то же, что съ Іерусалимомъ». Гетманъ Жолкевскій, въ свою очередь, убѣждалъ пословъ, что «королю стыдно отступить, не взявши Смоленскъ; это для него безчестіе: онъ возьметъ его силой и медлитъ только изъ уваженія къ моему ходатайству. Сѣкира лежитъ у корене!...» сказалъ гетманъ. Но послы и сами не желали сдачи Смоленска и знали твердость смолянъ. На созванномъ совѣщаніи бояре и дѣти боярскія сказали посламъ, что сдача Смоленска отъ нихъ не можетъ зависѣть, ибо «защитники Смоленска не послушаютъ васъ, какъ измѣнниковъ; они скорѣе всѣ умрутъ, а не сдадутся». Въ виду рѣшительнаго отказа посольства содѣйствовать сдачѣ Смоленска, 21 ноября все польское войско вновь приступило къ городу, и угрожавшей «сѣкирой» оказалась большая мина, заложенная подъ юго-западный уголъ стѣны; мина эта была проведена чрезъ тайный подкопъ, сдѣланный изъ глубокаго рва. Отъ страшнаго взрыва взлетѣла на воздухъ Грановитая башня и десять саженъ стѣны, а также была разрушена часть древняго земляного вала. Поляки съ нѣмцами и казаками три раза возобновляли свои приступы, бросаясь въ сдѣлан-

ный проломъ, но смоленское войско съ величайшимъ мужествомъ отбило всѣ атаки. Это доблестное отраженіе непріятеля происходило на глазахъ польскаго короля и московскаго посольства. Проломъ въ стѣнѣ, по распоряженію Шеина, былъ быстро и ловко задѣланъ особымъ земляным укрѣпленіемъ (абшнидомъ). Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ была устроена поляками теперешняя «Королевская крѣпость».

Несмотря на голодъ и моръ, осажденный Смоленскъ стойко держался. Защитниковъ его постоянно воодушевляли воевода Шеинъ и архіепископъ Сергій. А между тѣмъ поляки нашли сочувствіе въ московскомъ временномъ правительствѣ, такъ какъ въ его составѣ были ярые приверженцы польскаго короля: Мстиславскій, Юрій Трубецкой и Михайло Салтыковъ Кривой. Верховная Боярская Дума, вопреки мнѣнію патріарха Гермогена, предписала московскимъ посламъ, находившимся въ польскомъ станѣ, чтобы они понудили Смоленскъ цѣловать крестъ польскому королю и сдать ему городъ. Въ такомъ же смыслѣ была послана особая грамота «Шеину со смолянами». Но Смоленскъ отвергъ приказъ московскаго правительства. Въ январѣ прибылъ изъ Москвы новый посолъ, Иванъ Салтыковъ, съ наказами Верховной Думы, чтобы «смоляне во всемъ отдались на волю королевскую». Привезенныя имъ грамоты о сдачѣ города Салтыковъ предъявилъ смолянамъ, которые обозвали эти грамоты «воровскими» и объявили, что при вторичномъ подобномъ требованіи они велятъ застрѣлить посланца. Въ то же время смоляне шлютъ грамоту къ жителямъ Москвы, призывая ихъ къ возстанію на защиту родины. Они писали: «Возстаньте, доколѣ вы еще вмѣстѣ и не въ узахъ; поднимите и другія области, да спасутся души и царство». [1]

30 января 1611 года состоялся подъ Смоленскомъ съѣздъ московскихъ пословъ, на которомъ Салтыковъ предъявилъ грамоты Верховной Думы, и, въ качествѣ ея полномоченнаго представителя, гнѣвно кричалъ на посольство московское: «Вы, послы, должны

---

[1] «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, т. II, «Исторія города Смоленска» Никитина.

вѣрить панамъ, ихъ милости—они не солгутъ!.. Его Величеству стоять подъ такимъ лукошкомъ (Смоленскъ) два года, и не взявши его, прочь отойти,—стыдно! Вы, послы, сами должны бы вступиться за честь королевскую и велѣть смолянамъ цѣловать крестъ королю». [1] Все было тщетно—городъ не сдавался. Между тѣмъ, пока цѣлыхъ полтора года упорно держался осажденный Смоленскъ, въ Москвѣ поднялось народное движеніе, выдвинулись русскіе люди на защиту своей родины, и польское вліяніе ослабѣло. Верховная Дума распалась; во главѣ московскаго правительства стали: князь Димитрій Трубецкой, Иванъ Заруцкій и Прокопій Ляпуновъ; Патріархъ Гермогенъ разрѣшилъ отъ присяги данной Владиславу. Кандидатура на русскій престолъ польскаго королевича пала, и Москва заговорила о выборѣ царя изъ русскихъ бояръ, указывая преимущественно на молодого боярина Михаила Ѳедоровича Романова.

Въ то время, когда русскій народъ переживалъ смутное настроеніе, когда ворота Москвы были широко и гостепріимно открыты навстрѣчу польскому королевичу, Смоленскъ, одинъ на всемъ пространствѣ русской земли, стойко задерживалъ наступательное движеніе польскаго народа на Москву къ свободному россійскому престолу; онъ одинъ далъ время смѣниться московскому правительству, одуматься русскому народу и подняться русской землѣ. Въ бѣдной нынѣ Свирской слободѣ, пригородѣ древняго Смоленска, въ то далекое смутное время, въ эпоху смертельной для Русскаго государства опасности, скрещивались государственные интересы величайшей важности, рѣшался долгій кровавый споръ о первенствѣ между Литвой и Польшей съ одной стороны, и Россіей—съ другой, ставился ребромъ вопросъ—о сохраненіи независимой самобытности русскаго народа.

---

[1] «Геройская оборона», стр. 39; Пам. книг. Смоленской губерніи 1861—1865.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Польское плѣненіе.

(1611—1654 г.).

Шелъ уже 20-й мѣсяцъ осады Смоленска, а онъ все держался. Наконецъ, измѣна проложила непріятелю путь въ недоступный для него городъ. Въ польскій станъ явился смоленскій бѣглецъ, Андрей Дѣдешинъ, и указалъ слабѣйшее мѣсто смоленской крѣпостной стѣны. Это былъ юго-восточный полукругъ крѣпости близъ Авраміевскаго монастыря, гдѣ стѣна строилась наскоро глубокой осенью, подъ конецъ уже всѣхъ работъ. На эту часть стѣны 3 іюня 1611 года Яковъ Потоцкій и Каменецкій повели атаку съ нѣсколькими тысячами отборнаго польскаго войска и казаковъ. Въ то же время Стефанъ Потоцкій подступилъ къ городу со стороны Никольскихъ и Молоховскихъ воротъ, а литовскій маршалъ Дорогостайскій съ рыцаремъ Новодворскимъ напали со стороны Днѣпра. Противъ городской стѣны, въ указанномъ измѣнникомъ мѣстѣ, былъ обращенъ огонь пушекъ большого калибра и мортиръ, доставленныхъ къ этому времени изъ Риги. Въ полночь поляки ворвались въ городъ чрезъ пробитыя ими бреши, и здѣсь началось самое ожесточенное побоище. Главная битва происходила на Родницкой улицѣ, шедшей по оврагу отъ Днѣпровскихъ воротъ къ Молоховскимъ; здѣсь погибло нѣсколько тысячъ смоленскихъ дворянъ и происходила отчаянная рѣзня, отчего и самая улица получила названіе Рѣзницкой. Защитники Смоленска бились послѣднимъ смертнымъ боемъ за свой многострадальный городъ; бились на улицахъ, площадяхъ, на стѣнахъ и въ башняхъ. Въ главномъ храмѣ, мономаховскомъ соборѣ Богоматери, болѣе 3 тысячъ гражданъ заперлись со своими семействами и имуществомъ. Здѣсь подъ храмомъ въ погребѣ былъ складъ пороха и военныхъ припасовъ. Отъ происшедшаго взрыва совершенно разрушился «огромнѣйшій и великолѣпный» соборъ Мономаха и погибли всѣ собравшіеся въ немъ люди. Городъ пылалъ во всѣхъ концахъ и повсюду представлялъ картину страшнаго разрушенія.

Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, въ виду полной побѣды непріятеля и повсемѣстнаго опустошенія города пожаромъ, когда общее сопротивленіе сдѣлалось уже невозможнымъ, заперся со всѣмъ своимъ семействомъ и приближенными дворянами въ круглой Коломинской башнѣ, названной затѣмъ Шеиной, [1] которая находилась близъ Казанской церкви. Здѣсь онъ отбивался отъ насѣдавшихъ на него поляковъ, желая пасть въ неравномъ бою. Однако, беззавѣтно храбрый предъ врагами, онъ не могъ устоять передъ слезами и мольбами жены и дѣтей: онъ сложилъ свой притупившійся мечь и сдался Потоцкому. Закованнаго въ цѣпи, смоленскаго воеводу подвергли строгому допросу: «въ какой надеждѣ, послѣ сдачи столицы, не хотѣлъ сдать Смоленска на имя королевское?»

Съ 1611 года началось польское плѣненіе Смоленска, которое длилось почти полъ вѣка (43 года).

Послѣ взятія Смоленска Сигизмундъ жилъ болѣе мѣсяца въ Свирскомъ станѣ, дѣлая распоряженія объ устройствѣ завоеванной области. Необходимо было обстроить полуразрушенный городъ, укрѣпить его и заселить вѣрными Польшѣ людьми. Главное вниманіе было обращено на исправленіе поврежденныхъ укрѣпленій, и работы въ этомъ направленіи начались немедленно.

Въ цѣляхъ охраны города, въ Смоленскѣ былъ оставленъ отрядъ «осадныхъ людей» подъ начальствомъ Карвинъ-Гонсѣвскаго. Войско это размѣстилось въ крѣпости, приспособивъ для жилья башни, за недостаткомъ болѣе удобныхъ жилищъ. Для заселенія города прежде всего послужили тѣ «литовскіе люди», которые все продолжительное время осады Смоленска окружали польское войско: разные поставщики припасовъ, торговцы и ремесленники. Люди эти, какъ видно изъ грамоты Сигизмунда, «вознамѣрились имѣть свое жительство въ городѣ и внѣ онаго, на обѣихъ сторонахъ рѣки». Сверхъ того было привлечено обѣщанными льготами много другихъ людей изъ Польши и Литвы. Для увеличенія площади поселенія внутри крѣпости, срыли валъ и распланировали мѣстность. Даромъ отводили участки подъ постройку домовъ,

---

[1] Разобрана въ 1830 г.

отпускали лѣсной матеріалъ, дарили польской шляхтѣ цѣлыя заселенныя имѣнія. Принимались мѣры для того, чтобы развить жизнь въ крѣпости и украсить ее. Въ мѣстности, занятой нынѣ домомъ женской гимназіи, была воздвигнута каменная ратуша съ высокой башней, на которой красовались городскіе часы съ надписью на часовомъ колоколѣ «Si Deus pro nobis, quis contra nos?» (Если Богъ за насъ, кто противъ?).

Въ польскую эпоху Смоленскъ получилъ новый, заимствованный изъ Ливоніи, гербъ и печать съ изображеніемъ Св. Архангела Михаила въ желѣзныхъ латахъ и съ мечемъ въ правой рукѣ, поирающаго ногами крылатаго дракона. Кстати замѣтить, въ древнѣйшую эпоху на печатяхъ Смоленска изображались: на одной сторонѣ «звѣрь лютъ», а на другой—имя князя и владыки. На договорѣ XIII вѣка имѣется печать съ надписью: «печать великаго князя Ѳедора и владыки Перфилія». Немного позднѣе на печатяхъ изображался воинъ съ копьемъ и щитомъ; слѣдуетъ предположить, что это было изображеніе Меркурія смоленскаго, покровителя города. Въ старѣйшемъ гербѣ Смоленска изображалась княжеская шапка на большихъ княжескихъ креслахъ съ подножіемъ. Въ московскій періодъ въ смоленскомъ гербѣ было изображеніе: на древкѣ красная хоругвь съ сѣрымъ щитомъ, на которомъ наискось лежала золотая палочка. Современный гербъ, гдѣ птица сидитъ на пушкѣ, данъ Смоленску только въ 1780 г.

Во время польскаго владычества весь укладъ жизни Смоленской области существенно измѣнился. Подъ настойчивымъ систематическимъ воздѣйствіемъ польскаго вліянія измѣнялись—обычаи, нравы, языкъ, и главнымъ образомъ, религія. Католическое вѣроисповѣданіе вытѣсняло православіе. Взятаго въ плѣнъ смоленскаго архіепископа Сергія, смѣнилъ хотя также русскій, но ярый уніатъ, архіепископъ Андрей. Съ этого времени высшее духовенство неослабно подготовляло почву для распространенія католичества въ Смоленской области. Вскорѣ въ Смоленскъ былъ назначенъ римско-католическій епископъ. Офиціальнымъ языкомъ сдѣлался языкъ польскій.

Православные храмы обращались въ костелы или упразднялись. На мѣстѣ взорваннаго мономаховскаго собора воздвигался

Смоленскъ въ эпоху Сигизмунда III (1611—1632)

каѳедральный костелъ, а временно польскимъ каѳедральнымъ храмомъ, какъ предполагаютъ, служила Свирская церковь. Здѣсь-же пока пристроилось и католическое духовенство, но вскорѣ оно перешло въ крѣпость, въ мѣстность нынѣшняго Троицкаго монастыря. Въ городѣ появились іезуиты, размѣстясь въ Свирской слободѣ возлѣ княжескаго дворца. Они устроили въ мѣстности Вознесенскаго монастыря свой кляшторъ (училище), и завладѣли загороднымъ Спасскимъ монастыремъ, который превратили въ костелъ. За ними прибыли доминиканцы и поселились въ Авраміевскомъ монастырѣ, гдѣ также устроили свое училище. Католическое духовенство взяло въ свои привычныя и умѣлыя руки дѣло воспитанія, и успѣхъ католичества былъ обезпеченъ. Притѣсненіе православія приняло тягостные размѣры, и на этой почвѣ неоднократно возникали, но и быстро подавлялись, возмущенія смолянъ.

Когда послѣ междуцарствія, на Руси водворился порядокъ, и на престолъ вступилъ царь новой династіи Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, какъ бы самъ собою возникъ вопросъ о возвращеніи Смоленска. На пятый годъ по своемъ воцареніи, московскій царь послалъ подъ Смоленскъ «многую рать» подъ начальствомъ князя Дмитрія Черкасскаго. Походъ былъ неудаченъ, и закончился въ 1518 г. Деулинскимъ перемиріемъ, по которому московскій царь отказался отъ титула князя смоленскаго. Очевидно, вопросъ о Смоленскѣ былъ не рѣшенъ, а только отложенъ.

Спустя 14 лѣтъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, сдѣлавъ обширныя военныя приготовленія, собравъ многочисленное войско, въ составѣ котораго были нанятые иноземные солдаты и приглашенные изъ за границы искусные генералы и инженеры, съ большимъ количествомъ пушекъ, снова попытался овладѣть Смоленскомъ. Въ 1632 г. русское войско, подъ начальствомъ вернувшагося изъ плѣна воеводы Шеина, обложило со всѣхъ сторонъ городъ. Шеинъ устроилъ вокругъ осажденнаго Смоленска цѣлую сѣть искусныхъ укрѣпленій, оградивъ съ особой тщательностью Свирскую слободу, со стороны которой могло появиться польское войско въ помощь осажденнымъ. Здѣсь укрѣпленія шли непрерывной цѣпью отъ Троицкаго монастыря по рѣчкѣ Кловкѣ и затѣмъ вплоть до Молоховскихъ воротъ. Какъ прежде поляки, такъ теперь русскіе повели подкопы подъ смолен-

скія стѣны. Главный подкопъ былъ проведенъ въ юго-восточномъ направленіи отъ Молоховскихъ воротъ подъ третью, считая отъ нихъ, круглую Грановитую башню художественной работы. Башня была со страшной силой взорвана, но ворваться въ городъ русскимъ войскамъ не удалось. Восемь мѣсяцевъ осады привели осажденныхъ въ очень бѣдственное состояніе, при которомъ они готовы были сдаться. Но въ это время на выручку Смоленска явился новый польскій король Владиславъ, и расположился станомъ, со своимъ войскомъ въ 20 тысячъ человѣкъ, у рѣчки Ясеной. Вскорѣ на помощь къ полякамъ прибыло 15 тысячъ запорожскихъ казаковъ. О своемъ прибытіи Владиславъ нашелъ средство дать знать въ осажденный городъ. Одинъ отважный полякъ, ловко маскируясь подвижнымъ кустомъ, и передвигаясь между лѣсомъ и кустарникомъ близъ города, сумѣлъ проникнуть въ крѣпость. Владиславъ переправился черезъ Днѣпръ, и послѣ упорнаго боя занялъ все Заднѣпровье, овладѣлъ мостомъ и провелъ въ городъ часть войска, а также доставилъ туда снаряды и провіантъ. Весь этотъ походъ былъ для насъ очень неудаченъ. Шеинъ не только принужденъ былъ снять осаду, но и сдаться на капитуляцію, при чемъ войска его у ногъ польскаго короля сложили знамена и оружіе. Несчастный Шеинъ безславно вернулся въ Москву, гдѣ, оклеветанный врагами, принялъ казнь. Владиславъ пожелалъ увѣковѣчить свою блестящую побѣду, и приказалъ своему королевскому рѣзчику, Вильгельму Гондіусу, выгравировать на 16 доскахъ видъ Смоленской крѣпости, осадныя работы русскихъ и подвиги поляковъ. Планъ этотъ даетъ очень наглядное представленіе о состояніи Смоленска въ эпоху около 1637 года.

Послѣ несчастнаго похода Шеина Смоленскъ остался во власти Польши еще на 20 лѣтъ слишкомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Окончательное присоединеніе къ Москвѣ и образованіе Смоленской губерніи.

Неизмѣнное стремленіе Москвы овладѣть Смоленскомъ проистекало изъ насущной государственной потребности. Обладаніе Смоленскомъ обезпечивало безопасность и спокойное развитіе Московскаго государства. По своему географическому положенію и историческому значенію, Смоленскъ являлся неизбѣжнымъ этапомъ къ Москвѣ, вѣрнымъ ключемъ Россіи. Присоединеніе Смоленска было очередной задачею Москвы.

Царь Алексѣй Михайловичъ лично повелъ подъ Смоленскъ значительное войско и осадилъ его. Опять московскія пушки били свои стѣны, опять вырывались взрывами цѣлые участки крѣпости. Послѣ осады, тянувшейся болѣе мѣсяца, и ряда штурмовъ, 23 сентября 1654 года Смоленскъ сдался русскому Царю, который торжественно въѣхалъ въ крѣпость города. Здѣсь польскіе полки, оставляя городъ, складывали у царскихъ ногъ свои знамена и оружіе, омрачивъ для себя память побѣды Владислава надъ Шеинымъ. Но Польша продолжала вести упорную борьбу изъ за обладанія Смоленскомъ; наконецъ, согласно мирному договору, заключенному 3 января 1667 году между Россіей и Польшей въ дер. Андрусово Краснинскаго уѣзда, Смоленскъ навсегда отошелъ къ Россіи. Съ этихъ поръ вся Смоленская область нераздѣльно вошла въ составъ Московскаго государства.

Къ этому времени польское вліяніе значительно развилось и окрѣпло въ смоленскомъ краѣ. Хотя населеніе его въ коренной своей массѣ простонародья оставалось по прежнему неизмѣнно русскимъ и православнымъ, но смоленская шляхта, исповѣдуя католичество, отличалась своимъ религіознымъ фанатизмомъ и беззавѣтной преданностью Польшѣ. Уже по возвращеніи Смоленска въ составъ Русскаго государства, смоленскіе дворяне женились только на полькахъ, а когда такіе браки были воспрещены при Аннѣ

Іоанновнѣ, то смоляне женились только на смолянкахъ. Еще въ срединѣ XVIII столѣтія смоленскій дворянинъ А. Н. Энгельгардтъ съ гордостью вспоминаетъ, что отецъ его былъ одинъ изъ первыхъ смоленскихъ дворянъ, который рѣшился вступить въ бракъ съ русской.

Признавая за Смоленскомъ самое серьезное политическое и стратегическое значеніе, какъ за пограничнымъ городомъ и сильной крѣпостью, московское правительство приняло самыя энергичныя мѣры къ усиленію боевой готовности Смоленска и къ упроченію въ области—православія и русской народности. Смоленскія укрѣпленія исправляются и усиливаются. Самая крѣпость все больше заселяется ратными людьми. Она переполняется стрѣльцами, и на мѣстѣ нынѣшняго Блонья возникаютъ новыя военныя слободки—Офицерская и Солдатская. Слободки эти, пришедшія въ упадокъ въ царствованіе Екатерины II и застроенныя жалкими лачугами, по приказанію императрицы, въ 1781 г. сносятся за крѣпость.

Въ Смоленскъ назначаются православные архіепископы; возстановляются мало-по-малу православные храмы, обращенные въ костелы. Царь Алексѣй Михайловичъ, по собственному почину, учреждаетъ, на мѣстѣ іезуитскаго кляштора, Вознесенскій женскій монастырь. Игуменьей этого монастыря переводится изъ другой обители Ираида Куракина, родомъ смоленская дворянка, на рукахъ которой выросла и воспиталась въ Вознесенскомъ монастырѣ Наталья Кирилловна Нарышкина, впослѣдствіи русская царица и мать Петра Великаго.

На мѣстѣ взорваннаго мономаховскаго собора было заложено, и послѣ 63 лѣтъ строительства (1677—1740 г.) воздвигнуто, великолѣпное художественное зданіе соборнаго храма во имя Успенія Богородицы. Успенскій соборъ вначалѣ былъ семиглавый, но затѣмъ, когда обрушился въ 1760 году большой куполъ, на немъ устроено было всего пять главъ.

Особой заботой правительства служило обрусѣніе смоленской шляхты, настроенной весьма фанатически. Радѣя о величіи и славѣ своей отчизны, она не могла скоро помириться съ господствомъ русскихъ людей, въ которыхъ, естественно, видѣла своихъ враговъ побѣдителей. Для обрусѣнія края въ Смоленскъ переселено много

боярскихъ дѣтей, которымъ даны разныя привилегіи, а права шляхты стѣснены и ограничены. Многія лица католическаго духовенства, бывшія ревностными дѣятелями польской пропаганды, высланы изъ Смоленска. Послѣдовавшее затѣмъ въ 1773 году присоединеніе Бѣлоруссіи, когда Смоленскъ утратилъ свое пограничное значеніе, быстро двинуло впередъ обрусеніе смоленскаго края. По истеченіи болѣе полутораста лѣтъ послѣ окончательнаго присоединенія къ Москвѣ, въ эпоху Отечественной войны смоленскій край уже представлялъ собою, во всѣхъ элементахъ своего населенія, коренную русскую мѣстность, съ развитымъ національнымъ самосознаніемъ и съ высоко поднятымъ патріотическимъ настроеніемъ. Ходомъ событій Смоленскъ вновь подготовленъ былъ къ выполненію въ роковомъ 1812 году своего историческаго назначенія—оплота Россіи.

Съ окончательнымъ присоединеніемъ къ Московскому государству Смоленская область вошла въ общую массу государственной территоріи, и, наряду съ другими мѣстностями имперіи, переживала разнообразныя административныя дѣленія.

Вначалѣ изъ вновь присоединенной Смоленской земли было образовано воеводство, въ составъ котораго вошло восемь старѣйшихъ городовъ съ ихъ уѣздами: Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлый, Красный, Рославль, Вязьма, Ельня и Порѣчье. Остальные четыре современные города губерніи—Гжатскъ, Сычевка, Духовщина и Юхновъ,—болѣе поздняго происхожденія.

Смоленское воеводство существовало до 1708 года, когда изъ него была образована Смоленская губернія съ присоединеніемъ къ ней нѣкоторыхъ частей нынѣшнихъ губерній—Калужской, Тверской и Тульской. Въ составъ Смоленской губерніи входило 18 городовъ съ ихъ уѣздами.[1] Затѣмъ въ 1719 году Смоленская губернія была вовсе упразднена, а изъ одной части ея образована Смоленская провинція Рижской губ. въ составѣ всего 5 уѣздовъ: Смоленскаго, Дорогобужскаго, Бѣльскаго, Рославльскаго и Вяземскаго. Однако,

---

1 Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлый, Рославль, Вязьма, Серпейскъ, Мосальскъ, Мещевскъ, Зубцовъ, Погорѣлое, Городище, Старица, Козельскъ, Лихвинъ, Борисово-Городище, Перемышль, Воротынскъ и Одоевъ.

провинція эта просуществовала всего 7 лѣтъ, и въ 1726 году была вновь переименована въ губернію.

Въ 1776 году образовалось Смоленское намѣстничество, въ составъ котораго, кромѣ бывшей губ., вошли еще 7 уѣздовъ, для чего были переименованы въ города: Сычевка, Каспля, замѣненная потомъ Духовщиной, Руносово, замѣненное впослѣдствіи Юхновомъ, и Гжатская слобода. Черезъ 20 лѣтъ, въ 1796 году намѣстничество было опять преобразовано въ губернію съ 9 уѣздами, управляемую генералъ-губернаторомъ, при чемъ города Красный, Ельня и Духовщина оставлены за штатомъ; однако, уже въ 1802 году эти заштатные города были возстановлены.

Послѣ разоренія Смоленска въ 1812 году, смоленскій генералъ-губернаторъ имѣлъ пребываніе въ Калугѣ. Въ 1824 г. Смоленская губернія вошла въ составъ вновь образованнаго генералъ-губернаторства—Витебскаго, Смоленскаго и Могилевскаго, при чемъ мѣстопребываніе генералъ-губернатору назначено въ Витебскѣ. Наконецъ, съ 1855 г., когда упразднено генералъ-губернаторство, Смоленская губернія съ 12 своими уѣздами существуетъ въ настоящемъ своемъ административномъ составѣ.

III. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ 1812 г. ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

Наступленіе великой арміи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Передъ войной.

Наступилъ достопамятный 1812 годъ, названный русскимъ народомъ «годомъ разоренья». Его тревоги и опасенія, властно охватили Смоленскую губернію, которая, представляя исконный оплотъ съ запада всего государства, должна была первой изъ коренныхъ русскихъ губерній принять на себя удары нападающаго врага. Еще до вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи, тревога грозящей войны нервной дрожью пробѣгала по всей губерніи.

Больше и глубже она захватила помѣщичью среду, гдѣ культура и просвѣщеніе давали нѣкоторый просторъ политическимъ идеямъ. Помѣщики волновались по своимъ усадьбамъ и обсуждали грядущую опасность. Проживавшій въ своемъ помѣстьѣ Сутоки Духовщинскаго уѣзда, офицеръ нашей арміи Глинка предвидитъ ужасную войну, указываетъ ея несомнѣнные признаки и пишетъ въ началѣ мая: «Наполеонъ, разгромивъ большую часть Европы, стоитъ какъ

туча, и хмурится надъ Нѣманомъ». Очевидно, надвигалась ужасающая опасность, но, «пока еще можно», воинъ идетъ «въ свой садикъ поливать цвѣты и слушать громкаго соловья». [1]

Событія не ждали: уже 12 іюня Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи и началась война. Опасность для Смоленской губерніи возрастала, и тревога въ ней все болѣе усиливалась, въ чемъ убѣждаютъ свидѣтельства очевидцевъ. [2]

Съ 26 іюня въ Смоленскъ стали прибывать изъ Гродно, Минска и друг. западныхъ городовъ подводы съ казеннымъ имуществомъ, начали съѣзжаться оттуда-же разные чиновники. Разсказы пріѣзжихъ передавались изъ устъ въ уста съ захватывающимъ интересомъ. Съ начала іюля поскакали черезъ городъ курьеры и фельдъегеря. Отъ опасливаго полушепота населеніе переходитъ къ открытой суетѣ, и 6 іюля жители впервые начинаютъ покидать городъ. Смоленское дворянство хлопотало получить разрѣшеніе на сформированіе земскаго ополченія, въ помощь регулярнымъ войскамъ. 9 іюля въ 10 ч. утра въ Смоленскъ прибылъ Императоръ Александръ I въ сопровожденіи Аракчеева, министра полиціи Балашева и государственнаго секретаря Шишкова.

Государь остановился въ казенномъ, такъ называемомъ, инженерномъ домѣ, который помѣщался на теперешней Пушкинской улицѣ, на мѣстѣ, нынѣ занятомъ евангелической церковью. Принявъ дворянство, во главѣ съ губернскимъ его предводителемъ С. И. Лесли, онъ въ самыхъ милостивыхъ словахъ благодарилъ дворянъ за ихъ усердіе къ защитѣ отечества. Послѣ пріема получилось донесеніе отъ Кутузова о заключеніи мира съ турками. Этой радостной вѣстью Государь пожелалъ немедленно подѣлиться съ дворянами, для чего вышелъ изъ кабинета въ пріемный залъ, гдѣ оказался одинъ «градскій» голова Верзинъ. Государь обнялъ его и повелѣлъ объявить толпившемуся на улицѣ народу, что съ турками заключенъ миръ, «и славный міръ». Могучее ура привѣтствовало это счастливое извѣстіе. Затѣмъ Государь отбылъ въ Успенскій соборъ, гдѣ въ 12 ч. было назначено молебствіе. По пути возлѣ магистрата

---

[1] Ѳедоръ Глинка «Письма русскаго офицера».

[2] Дневникъ свящ. Н. Мурзакевича, дневникъ П. А. Васильева и др.

его встрѣтили всѣ чины этого учрежденія, съ многочисленными цеховыми значками, и земно ему поклонились. Воодушевленіе достигло высшаго предѣла, и изъ рядовъ восторженной толпы, на ряду съ громовымъ ура, раздавались пламенныя патріотическія восклицанія: «чтобъ не поддаваться врагу, не уступать ему ни пяди земли»! [1]

Послѣ молебствія Государь посѣтилъ архіерея. Все время его заботила одна мысль объ одолѣніи врага. Онъ далъ предводителямъ дворянства разрѣшеніе, чтобы помѣщики вооружили своихъ дворовыхъ слугъ для истребленія непріятеля, и собственноручно начерталъ записку объ организаціи народнаго ополченія. Записка эта хранится нынѣ, въ числѣ документовъ особой важности, въ золоченомъ ковчегѣ, въ домѣ смоленскаго дворянскаго собранія.

Послѣ обѣда Государь производилъ на Блоньѣ, [2] гдѣ тогда была площадь, смотръ войскамъ. Въ строю находилось 17-ть баталіоновъ и 8-мь эскадроновъ. [3] Эти войска, съ присоединеніемъ къ нимъ 4-хъ сформированныхъ въ Смоленскѣ артиллерійскихъ ротъ, образовали, по Высочайшему повелѣнію, особый отрядъ генералъ-адъютанта Винцингероде. Этому отряду назначено было оставаться въ Смоленскѣ, способствуя соединенію 1 и 2 арміи. По окончаніи смотра Государь ѣздилъ на прогулку, и, любуясь живописной мѣстностью, неоднократно восклицалъ: «Какой прекрасный городъ! Какіе виды и окрестности»!

Въ этотъ радостный день пребыванія своего въ Смоленскѣ Государь узналъ, что подъ вліяніемъ страха часть жителей начинаетъ выселяться изъ губерніи. Это обстоятельство побудило его дать въ Смоленскѣ-же указъ на имя епископа смоленскаго и дорогобужскаго Иринея слѣдующаго содержанія:

«Узнавъ, что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ

---

1 Дневники Мурзакевича и Васильева; Мірской Вѣстникъ 1869 г. кн. 8, стр. 74; Троицкій «Двѣнадцатый годъ»; Ѳ. Глинка «Письма русскаго офицера».

2 Названіе мѣстности, гдѣ нынѣ городской садъ.

3 Это число баталіоновъ указано Михайловскимъ-Данилевскимъ; Богдановичъ же утверждаетъ, что на смотру было представлено 27 баталіоновъ.

Смоленска, возлагаемъ Мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ, и не токмо отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и Вѣра Христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружаться чѣмъ только могутъ, дабы не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ, и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ».

Государь, пробывъ въ Смоленскѣ одинъ день, 10 іюля въ 6 ч. утра отбылъ въ Москву на—Дорогобужъ, Вязьму и Гжатскъ. Въ этотъ-же день населеніе Смоленска засуетилось вторично, стремясь покинуть городъ. Между тѣмъ и свѣтскія, и духовныя власти изыскивали всѣ мѣры, чтобы успокоить жителей. Епископъ Ириней въ самый день отъѣзда Государя, отслуживъ въ соборѣ молебенъ, всенародно прочелъ данный на его имя Высочайшій указъ и сдѣлалъ народу соотвѣтственное поученіе. Городское духовенство было обязано подпиской о невыѣздѣ изъ города и объ исполненіи государевой воли; сельскому духовенству о поученіи народа было предписано черезъ благочинныхъ. Ежедневно до 4 августа во всѣхъ городскихъ церквахъ увѣщаніе читалось за службою, а въ соборѣ самъ архіерей говорилъ народу поучительныя проповѣди о борьбѣ съ врагомъ. Всѣ эти поученія производили извѣстное впечатлѣніе особенно на простой народъ, который и безъ того обнаруживалъ воинственное настроеніе. Однако, въ общемъ желательное успокоеніе далеко не было достигнуто. Наоборотъ, смятеніе все больше росло. Движеніе изъ губерніи и черезъ нее увеличивалось съ каждымъ часомъ. Съ одной стороны изъ за-днѣпровскихъ уѣздовъ шли цѣлые обозы съ провіантомъ и фуражемъ для арміи; съ другой—сотни повозокъ везли раненыхъ, и безчисленныя подводы, съ разной обывательской худобой, печально тянулись за Днѣпръ изъ шести губерній, уже занятыхъ непріятелемъ. И всему этому лихорадочному движенію путь преграждалъ Днѣпръ. Для переправы чрезъ него существовалъ одинъ паромъ у дер. Соловьева; паромъ этотъ подымалъ всего до 30-ти человѣкъ и нѣсколько лошадей. На берегахъ рѣки образовалось невообразимое скопленіе подводъ и людей, ожидавшихъ своей очереди по нѣсколько сутокъ. Была самая настоятельная потребность въ немедленномъ устройствѣ новыхъ пере-

правъ черезъ Днѣпръ. Съ такимъ требованіемъ обратился 13 іюля генералъ баронъ Винцингероде къ гражданскому губернатору. Это важное и отвѣтственное порученіе было возложено на духовщинскаго дворянина И. Н. Глинку, служившаго около 6-ти лѣтъ духовщинскимъ исправникомъ[1].

Глинка ревностно принялся за работу, но быстрое теченіе и глубина рѣки затрудняли постройку моста обыкновеннаго типа. Собранные крестьяне изъ Соловьева и другихъ деревень натаскали бревенъ, свезли лежавшіе по деревнямъ вѣковые желѣзные якоря, которые, по сказаньямъ стариковъ, служили еще Литвѣ при переправѣ черезъ Днѣпръ, и работа закипѣла при содѣйствіи дорогобужскаго исправника Зубрицкаго и городничаго Гурьева. Черезъ двое сутокъ были сооружены два плавучіе моста: одинъ со стороны Духовщины, а другой—Дорогобужа. Мосты эти, облегчивъ движеніе обозовъ, сыграли также большую роль при отступленіи отъ Смоленска нашихъ армій.

Когда разнеслась вѣсть о взятіи французами Витебска, многіе горожане пытались поспѣшно покинуть городъ. Однако, всѣ заставы были заняты патрулями, и отъѣзжавшіе принуждены были возвращаться обратно. По мѣрѣ силъ и разумѣнія начальство старалось поддержать духъ бодръ. Въ присутственныхъ мѣстахъ происходили засѣданія; въ учебныхъ заведеніяхъ, своимъ чередомъ, шли уроки и экзамены. Но вотъ пришло извѣстіе о занятіи французами Могилева, и пріѣхалъ въ Смоленскъ ректоръ могилевской семинаріи. Подъ вліяніемъ этого событія архіерей приказалъ распустить семинарію; изъ города былъ вывезенъ кадетскій корпусъ.

Опасность надвигалась все ближе и яснѣй. Мѣстная власть не могла, наконецъ, не проявить заботы объ охранѣ жителей и казеннаго имущества, хотя власть эта, по свидѣтельству Ермолова, была чрезвычайно безпечна. Онъ утверждаетъ относительно смоленскаго губернатора барона Аша, что «въ званіи его невозможно было найти человѣка болѣе безполезнаго для арміи; безпечность его до того простиралась, что онъ, не зная о прибытіи арміи къ

---

1 Ѳ. Глинка «Письма русскаго офицера» стр. 8; «Русск. Вѣстн». 1815 г. кн. IV, стр. 76.

Порѣчью, отправлялъ въ Витебскъ обозы съ хлѣбомъ для ея продовольствія». Такое равнодушіе вынудило Ермолова замѣтить губернатору, «что грозящая опасность губерніи могла бы допустить большее со стороны его любопытство». [1]

Однако, и «безпечный» смоленскій губернаторъ испрашивалъ у главнокомандующаго, передъ самымъ его прибытіемъ въ Смоленскъ, разрѣшенія вывезти казенныя суммы и присутственныя мѣста. Барклай-де-Толли приказалъ отправить только денежныя суммы, бумаги, карты и «тѣ источники», изъ которыхъ непріятель могъ бы хотя что нибудь узнать о состояніи края. Вывезти все это предписывалось ночью, въ строжайшей тайнѣ не только отъ жителей, но и отъ чиновниковъ. Въ заключеніе своихъ распоряженій главнокомандующій писалъ губернатору отъ 19 іюля:

«Я увѣряю Васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности и невѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ съ другой стороны, идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22-го числа, и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ ввѣренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ нихъ враговъ Отечества, или пока не истребится въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что вы имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищаемъ двумя столь храбрыми войсками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ».

Однако, вывезти изъ Смоленска архивы такъ и не удалось. Виновникомъ этого современный бытописецъ Смоленска, священникъ от. Никифоръ Мурзакевичъ, считаетъ смоленскаго уѣзднаго предводителя дворянства Воеводскаго, который 24 іюля донесъ главнокомандующему, что губернаторъ забралъ съ поля до 700 телѣгъ съ лошадьми «для выпровоженія всѣхъ архивовъ и чиновниковъ въ Москву, и тѣмъ всѣхъ жителей привелъ въ робость, а непріятелю еще вдали въ малыхъ отрядахъ появляющемуся подаетъ отвагу». Придавъ этому донесенію большое значеніе, главнокомандующій сдѣлалъ губернатору строгій выговоръ, и приказалъ ни-

---

[1] «Записка» А. П. Ермолова. Т. I стр. 156.

чего съ мѣста не трогать, а подводы взять для военныхъ надобностей. Въ полчаса отъ всѣхъ чиновниковъ чрезъ полицію были отобраны билеты, и уже никто изъ жителей съ имуществомъ на заставахъ не пропускался до самаго 4 августа. [1]

Точно также главнокомандующій увѣрялъ въ полной безопасности и смоленскихъ дворянъ, которые нѣсколько разъ обращались къ нему съ настоятельной просьбой, не скрывать истиннаго положенія дѣлъ, чтобы въ случаѣ надобности имѣть возможность своевременно вооружиться для совмѣстныхъ дѣйствій съ арміей или для партизанской войны. Только прибывъ 20 іюля лично въ Смоленскъ, онъ почелъ своевременнымъ обнаружить горькую дѣйствительность и сдѣлать воззваніе къ общему вооруженію. Въ самый день своего прибытія онъ шлетъ приказъ Платову отъ 20 іюля.

«Какъ мы теперь находимся въ мѣстахъ отечественной Россіи, то должно внушить обывателямъ, чтобы они старались хватать патрули и шатающихся по разнымъ дорогамъ, гдѣ можно, чтобы ихъ истребляли, и также ловили мародеровъ. Внушите жителямъ, что теперь дѣло идетъ объ Отечествѣ и Божьемъ Законѣ, о собственномъ имѣніи, о спасеніи женъ и дѣтей».

На другой же день послѣ этого, онъ призываетъ къ оружію все населеніе губерніи,ославъ отъ 21 іюля слѣдующее повелѣніе гражданскому губернатору барону Ашу:

«Я увѣренъ въ непоколебимой твердости жителей Смоленской губерніи къ Царю и Отечеству. Я о многихъ изъ числа ихъ именно знаю, что готовы они защищать священную вѣру и отечественный край. Правила чести и любви къ Отечеству издавна руководствуютъ ихъ дѣяніями, и нынѣ успѣли они уже новые о семъ подать примѣры, почему, ваше Превосходительство, пригласите благородное сословіе дворянства и всѣхъ жителей тѣхъ уѣздовъ, до коихъ не приступилъ непріятель, къ вооруженію противъ коварныхъ враговъ нашихъ.

Да присоединятся сіи вѣрные сыны Россіи къ войскамъ нашимъ для защиты своей собственности. И ваше превосходительство,

---

[1] Письмо Мурзакевича Е. К. Криштафовичу.

примите немедленно нужныя мѣры, дабы набранные вами ратники, надлежащимъ порядкомъ были къ вамъ представлены. Сверхъ того, именемъ Отечества просите обывателей, всѣхъ близкихъ къ непріятелю мѣстъ, вооруженною рукой нападать на уединенныя части непріятельскихъ войскъ, гдѣ оныхъ увидятъ. Къ сему же я пригласилъ особымъ отзывомъ Россіянъ, обитающихъ на мѣстахъ, французами занятыхъ, дабы ни одинъ непріятельскій ратникъ не скрылся отъ мщенія нашего за причиненныя Вѣрѣ и Отечеству обиды, и когда армія ихъ поражена будетъ нашими войсками, тогда бы бѣгущихъ непріятелей повсюду встрѣчали погибель и смерть изъ рукъ обывательскихъ. Возставшіе для защиты Отечества граждане вспомогать будутъ усиліямъ братьевъ и соотечественниковъ своихъ, которые на полѣ брани за нихъ жертвуютъ жизнію. Нашествіе вѣроломныхъ французовъ отражено будетъ Россіянами, равно какъ предки ихъ въ древнія времена восторжествовали надъ самимъ Мамаемъ, смирили гордость завоевателей и за вѣроломство наказали и истребили коварныхъ сосѣдовъ. Смольяне всегда были храбры и тверды въ вѣрѣ. Я надѣюсь на ихъ усердіе».

Такимъ образомъ, ко времени вступленія непріятеля въ Смоленскую губернію, подготовлялась народная война, хотя въ этомъ дѣлѣ власть очень и очень запоздала. Она заговорила съ народомъ правдивымъ языкомъ всего только за 10 дней до вторженія непріятеля въ губернію.

Въ то время какъ мѣстныя власти обольщали надеждою, дѣйствительность не переставала пугать своими страхами. Въ концѣ іюля общественное настроеніе было въ полномъ упадкѣ и городъ замѣтно опустѣлъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Соединеніе двухъ нашихъ западныхъ армій.

Продвигаясь съ запада въ глубь Россіи на Смоленскую губернію, Наполеонъ имѣлъ въ виду не допустить соединенія нашихъ разобщенныхъ армій, стараясь воспользоваться, весьма выгоднымъ для него и опаснымъ для насъ, раздѣленіемъ нашихъ силъ. Онъ развивалъ свой планъ—прорвать центръ нашего растянутаго расположенія и разбить насъ по отдѣльнымъ частямъ.

Между тѣмъ обѣ наши западныя арміи стремились соединиться у Смоленска, куда въ срединѣ іюля велъ Барклай-де-Толли первую армію изъ Витебска черезъ Порѣчье, а князь Багратіонъ спѣшилъ со второй арміей отъ Черикова черезъ Мстиславль, Хиславичи и Щелканово.

Направленіе первой арміи черезъ Порѣчье было принято съ цѣлью прикрытія всѣхъ тяжестей, провіантскихъ транспортовъ и парковъ, которые были отправлены по порѣчской дорогѣ. Армія эта двигалась на Порѣчье 3-мя колоннами: сѣвернѣе шла на Яновичи 1-ая, правая, колонна изъ корпусовъ—2-го Баггевута и 4-го графа Остермана; 2-ую, среднюю, колонну, шедшую на Колышки, составляли корпуса—3-ій Тучкова 1-го и 2-ой кавалерійскій барона Корфа; наконецъ, южнѣе черезъ Ліозну слѣдовала 3-ья, лѣвая, колонна изъ корпусовъ—5-го гвардейскаго великаго князя Константина Павловича, котораго вскорѣ замѣнилъ Лавровъ, 6-го Дохтурова и 3-го кавалерійскаго графа Палена.

На другой день по выходѣ изъ Витебска главнокомандующій первой арміей получилъ извѣстіе, что Наполеонъ, желая преградить нашимъ арміямъ дорогу къ Смоленску, отправилъ туда войска частью изъ Витебска черезъ Рудню, а частью изъ Могилева. Это извѣстіе, оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ, представлялось весьма вѣроятнымъ, и чрезвычайно обезпокоило Барклая. Для противодѣйствія замыслу Наполеона, онъ избралъ 3-ью колонну, шедшую на Ліозну, кратчайшимъ путемъ къ Смоленску, и неме-

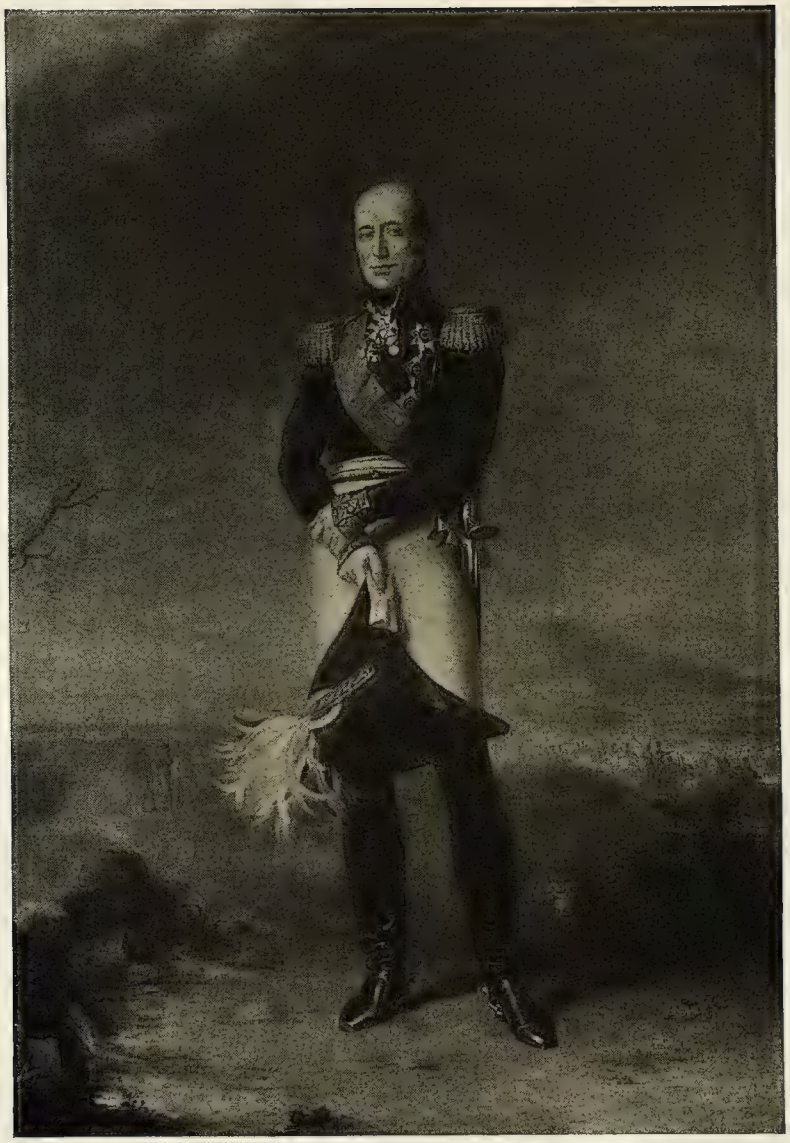
дленно послалъ приказъ Дохтурову, идти усиленнымъ маршемъ черезъ Рудню въ Смоленскъ, гдѣ ему предписывалось быть черезъ 3—4 дня,—19 или 20 іюля. Какое важное значеніе придавалось движенію Дохтурова, показываетъ само содержаніе посланнаго ему повелѣнія. Въ немъ говорится: «Совершенное спасеніе Отечества зависитъ теперь отъ ускоренія занятія нами Смоленска. Вспомните Суворовскіе марши и идите ими. Для обезпеченія дорогою вашего продовольствія, посылайте впередъ офицеровъ, чтобы забирать у дворянъ и жителей провіантъ подъ квитанціи, по которымъ въ свое время Правительство заплатитъ съ благодарностью».

Дохтуровъ тотчасъ приступилъ къ выполненію возложеннаго на него порученія. Онъ распорядился немедленно выдвинуть къ Смоленску особый легкій отрядъ подъ начальствомъ командира 1-ой гвардейской кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенанта Де-Прерадовича. Въ составъ отряда вошли: кавалергарды, конногвардейцы, гвардейскіе егеря, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, сводный гренадерскій баталіонъ, конная гвардейская и 2-ая легкая артиллерійскія роты. Отрядъ этотъ, имѣя своей задачей открыть для арміи дорогу къ Смоленску, около полуночи 16 іюля снялся съ бивуаковъ изъ подъ Ліозны и, съ особыми предосторожностями, выступилъ въ опасный, какъ полагали, походъ. А между тѣмъ дорога на Смоленскъ была вполнѣ открыта. Вездѣ ожидали непріятеля, и нигдѣ не видѣли его. Участникомъ этого похода былъ уроженецъ Смоленской губерніи, артиллерійскій офицеръ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ, воспоминанія котораго представляютъ самый живой интересъ. [1]

Отрядъ подвигался въ нестерпимую жару съ такой быстротою, что въ 38 часовъ прошелъ путь около 75 верстъ до Смоленска. Пѣхота поспѣвала на биваки часъ-два спустя послѣ кавалеріи, и отдыхъ длился не болѣе 4 часовъ. Третій роздыхъ имѣли возлѣ удѣльнаго имѣнія Приказъ-Выдры Порѣчскаго уѣзда. Офицеръ Жиркевичъ, зная, что въ этомъ имѣніи часто бываетъ по дѣламъ службы его родственникъ, Пирамидовъ, и что недалеко отъ него

---

[1] Записки Ивана Степановича Жиркевича «Русск. Старина» 1874 г., Августъ.



Главнокомандующій
Князь Михаилъ Богдановичъ БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ

лежитъ деревня Нолинцы, принадлежащая матери его невѣсты, Лаптевой, бросился въ волостную контору, чтобы разспросить голову, куда разъѣхались близкіе ему люди. Къ его величайшему изумленію, голова пояснилъ ему, что семьи Пирамидовыхъ и Лаптевыхъ ведутъ обычный образъ жизни и никуда не думаютъ уѣзжать. Первой мыслью его было немедленно увезти въ Смоленскъ семью Лаптевыхъ. Отпросившись съ большимъ трудомъ у Де-Прерадовича, который опасался его отпустить, въ виду всюду разсѣянныхъ, по его мнѣнію, непріятельскихъ отрядовъ, онъ черезъ 2 часа былъ въ Нолинцахъ. При въѣздѣ на дворъ его прежде всего поразила огромная масса сухарей, заготовленныхъ для арміи и сушившихся на солнцѣ. Вся семья встрѣтила его съ большою радостью и еще съ большимъ удивленіемъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, что непріятель близко и опасность уже надвинулась вплотную. Старушка Лаптева наотрѣзъ отказалась выѣхать изъ деревни, гдѣ она привыкла всегда проводить лѣто. Жиркевичъ догналъ свой отрядъ въ деревнѣ Ольшѣ и, по совѣту Де-Прерадовича, послалъ къ Лаптевымъ гонца, объявить имъ отъ имени генерала, что необходимо немедля выѣхать въ Смоленскъ. На этотъ разъ старушка поддалась, и на другой же день рано утромъ съ семьей и дворней уѣхала въ Смоленскъ. Черезъ полчаса послѣ отъѣзда, на ея деревню нагрянули свои же мародеры и ограбили домъ.

19 іюля сперва передовой отрядъ, а затѣмъ и вся колонна Дохтурова прибыла къ Смоленску и расположилась на Покровской горѣ. Такимъ образомъ Дохтуровъ точно выполнилъ возложенное на него порученіе.

Между тѣмъ Барклай-де-Толли 17 іюля вступилъ въ Порѣчье. Это былъ первый старинный русскій городъ на всемъ пути отступленія нашихъ войскъ. Ранѣе, войска наши, проходя литовскія и бѣлорусскія губерніи, обычно встрѣчали ясно выраженные признаки недоброжелательнаго отношенія мѣстнаго населенія. Не то было въ Смоленской губерніи. Ближайшій участникъ похода, генералъ Ермоловъ, который, въ дѣтствѣ живалъ, а въ молодости служилъ въ Смоленскѣ, свидѣтельствуетъ, что въ Смоленской губерніи жители видѣли въ войскахъ избавителей. «Невозможно было изъявлять ни болѣе ненависти къ врагамъ, ни живѣйшаго усердія къ препо-

данію намъ всѣхъ способовъ, предлагая содѣйствовать, ни собственности не жалѣя, ни жизни самой не щадя».[1] Здѣсь войска встрѣтили самый радушный пріемъ всего населенія. Къ ихъ услугамъ былъ провіантъ, фуражъ и перевозочныя средства. Порѣчане за всѣ услуги не требовали никакого вознагражденія, и просили разрѣшенія вооружиться противъ врага. Въ виду предстоящей опасности Порѣчью, оттуда были вывезены въ Ржевъ и Зубцовъ дѣла присутственныхъ мѣстъ, архивы, казна и арестанты. Городъ опустѣлъ, и разсѣявшіеся по немъ наши солдаты не всегда могли противиться искушенію—захватить брошенное на произволъ судьбы имущество.

Въ Порѣчьѣ главнокомандующій имѣлъ случай оцѣнить порядки нашей провіантской части. Здѣсь генералъ-провіантмейстеръ Лаба докладывалъ ему о похвальномъ поступкѣ комиссіонера, который сжегъ магазинъ съ нѣсколькими тысячами четв. овса и съ 64 тыс. пуд. сѣна, чтобы непріятель не могъ имъ воспользоваться. По справкѣ съ дѣлами оказалось, что распоряженіе объ учрежденіи магазина было сдѣлано всего за 2 недѣли до пожара. Генералъ Ермоловъ полагалъ справедливымъ въ награду «вмѣстѣ съ магазиномъ сжечь самого комиссіонера».[2]

Послѣ ухода войскъ изъ города, въ окрестностяхъ его образовались партизанскіе отряды, которые во все время войны преслѣдовали непріятеля: нападали на транспорты, избивали мародеровъ и даже отбили орла у одного пѣхотнаго французскаго полка.

Въ Порѣчьѣ соединились двѣ первыя колонны арміи Барклая, такъ что дальнѣйшее движеніе этой арміи къ Смоленску совершено было въ двухъ колоннахъ. Войска, выйдя 18 іюля изъ Порѣчья на Холмъ Духовщинскаго уѣзда, прибыли въ Смоленскъ 20 іюля. Такимъ образомъ первой арміи удалось достигнуть Смоленска, гдѣ она расположилась на правомъ берегу Днѣпра, лицомъ къ Витебску, упираясь лѣвымъ флангомъ въ Днѣпръ и примыкая правымъ къ порѣчской дорогѣ. На пути были оставлены 2 авангарда: одинъ, Графа Палена,—въ Холмѣ, а другой, Шевича,—въ Руднѣ.

---

[1] Записка А. П. Ермолова, ч. I, стр. 148—149.

[2] Записка А. П. Ермолова, ч. I, стр. 148.

У Смоленска, казалось, должна была произойти рѣшительная битва. Самъ главнокомандующій первой арміи рѣшился здѣсь прекратить отступательныя движенія русскихъ войскъ. По дорогѣ изъ Порѣчья онъ писалъ князю Багратіону: «Я иду форсированнымъ маршемъ изъ Порѣчья къ Смоленску, чтобы тамъ непремѣнно предупредить непріятеля и не давать ему далѣе распространиться внутрь нашего Государства, почему я твердо рѣшился отъ Смоленска ни при какихъ обстоятельствахъ не отступать дальше, и дать тамъ сраженіе, несмотря на соединенныя силы Даву и Наполеона. Теперь кажется ничто уже не можетъ препятствовать вашему быстрому движенію къ Смоленску, отъ чего совершенно зависитъ участь Государства, и потому полагаюсь я на ваше рѣшительное содѣйствіе; а безъ того трудно будетъ устоять противу всѣхъ соединенныхъ силъ непріятельскихъ».

Надежды на скорое прибытіе второй арміи къ Смоленску все болѣе возростали. Еще на маршѣ изъ Порѣчья Барклай получилъ отъ князя Багратіона извѣстіе, что для его арміи дорога въ Смоленскъ открыта. Извѣстіе это чрезвычайно его ободрило, и онъ, въ порывѣ радости, отвѣчалъ князю Багратіону: «Ваше отношеніе такъ меня порадовало, что я не могу вамъ этого изъяснить; съ благополучнымъ соединеніемъ для блага Отечества искренно васъ и себя поздравляю». Онъ просилъ князя Багратіона, опередивъ армію, прибыть въ Смоленскъ для предварительныхъ переговоровъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Въ то же время пришло другое благопріятное извѣстіе: атаманъ Платовъ присоединился къ войскамъ первой арміи, и сосредоточился на дорогѣ изъ Рудни въ Смоленскъ. Атаману было предписано: немедленно войти въ связь съ нашими авангардами—Шевича въ Руднѣ и графа Палена въ Холмѣ, гдѣ находиться самому съ резервами, выставивъ тамъ сильный аванпостъ; прикрывать также лѣвый флангъ арміи, находясь въ связи съ отрядомъ генералъ-маіора Оленина, расположеннаго близъ Краснаго у мѣстечка Ляды; наконецъ, взять подъ особую охрану дорогу изъ Порѣчья въ Духовщину, по которой были отправлены всѣ тяжести, для чего и отрядить на эту дорогу 4 казачьихъ полка «съ отличнымъ начальникомъ». Этотъ казачій отрядъ, посланный къ Духовщинѣ, былъ усиленъ Казанскимъ драгунскимъ полкомъ и порученъ

генералъ-адъютанту барону Винцингероде. Отрядъ этотъ затѣмъ уже постоянно находился на правомъ крылѣ арміи, и впослѣдствіи на него была возложена задача «денно и нощно» тревожить лѣвый флангъ непріятелей, «чтобы они не могли далѣе распространяться въ нашу землю».

Все свидѣтельствовало о твердомъ рѣшеніи стянуть къ Смоленску наши военныя силы, чтобы здѣсь оказать непріятелю упорное сопротивленіе, прекративъ, наконецъ, тактику непрерывныхъ отступленій. Въ Смоленскъ поджидали вторую армію, которую быстрыми маршами велъ князь Багратіонъ прямой дорогой на село Щелканово Краснинскаго уѣзда, прикрывъ свое движеніе казаками Платова, разбросанными между Днѣпромъ и Сожью.

Опередивъ свою армію, князь Багратіонъ 21 іюля пріѣхалъ въ Смоленскъ. По своему чину полнаго генерала, Багратіонъ былъ старше Барклая и даже имѣлъ его подъ своей командой въ войну 1807 года; но Барклай былъ выше по своему положенію, какъ военный министръ, какъ главнокомандующій сильнѣйшей арміей, и какъ лицо, посвященное въ предначертанія Государя. Совершенно необходимо было выяснить, кому-же принадлежитъ главное начальство надъ обѣими арміями, тѣмъ болѣе, что на этотъ предметъ не было дано повелѣнія, и между обоими главнокомандующими неоднократно возникали разныя недоразумѣнія. По пріѣздѣ въ Смоленскъ, князь Багратіонъ немедля поѣхалъ къ Барклаю-де-Толли, который остановился въ домѣ военнаго губернатора. Главнокомандующій второй арміей, окруженный своимъ штабомъ и старшими войсковыми начальниками—Раевскимъ, Бороздинымъ, гр. Воронцовымъ, Васильчиковымъ и Паскевичемъ, подымался по лѣстницѣ въ пріемный залъ; въ это время изъ дверей зала вверху на лѣстницѣ показался главнокомандующій первой арміей въ шарфѣ и со шляпой въ рукѣ, говоря, что онъ самъ спѣшилъ отправиться къ нему навстрѣчу. Первое свиданіе продолжалось недолго и казалось всѣ недоразумѣнія были выяснены. Князь Багратіонъ добровольно подчинилъ себя Барклаю, считая, что онъ, какъ военный министръ, болѣе облеченъ довѣріемъ государя. По предложенію Барклая-де-Толли Багратіонъ объѣхалъ съ нимъ биваки первой арміи; въ виду войскъ оба главнокомандующіе обмѣнивались дружескими рукопо-

Главнокомандующій
Князь Петръ Ивановичъ БАГРАТІОНЪ

жатіями, какъ бы предъ всѣми демонстрируя взаимное доброе соглашеніе. Остановясь на Покровской горѣ, они по плану, привезенному Толемъ, разсматривали положеніе мѣстности и войскъ. [1]

Слѣдовало считать, что главнокомандующіе пришли, наконецъ, къ полному единомыслію и сообща выработали общій планъ дѣйствія. По крайней мѣрѣ въ такомъ духѣ оба они спѣшили представить докладъ Государю Императору. Барклай писалъ: «Долгомъ почитаю доложить, что мои отношенія съ княземъ Багратіономъ самыя лучшія. Я въ немъ нашелъ человѣка благороднѣйшихъ свойствъ, исполненнаго возвышенныхъ чувствованій и любви къ Отечеству. Мы объяснились насчетъ дѣлъ и совершенно одинаковаго мнѣнія въ мѣрахъ, которыя надлежитъ принять. Смѣю заранѣе увѣрить, что по утвержденію между нами добраго согласія, мы будемъ дѣйствовать единодушно». Съ своей стороны и князь Багратіонъ писалъ Его Величеству: «Порядокъ и связь приличные благоустроенному войску требуютъ всего единоначалія; еще болѣе теперь, когда дѣло идетъ о спасеніи Отечества, я ни въ какую мѣру не отклонюсь отъ точнаго повиновенія тому, кому благоугодно будетъ подчинить меня». Всѣ эти донесенія могли только успокоить Государя.

На другой день послѣ свиданія главнокомандующихъ, прибыла къ Смоленску по мстиславльской дорогѣ и вторая армія, расположившись, не входя въ городъ, на высотахъ лѣваго берега Днѣпра. Такимъ образомъ послѣ долгихъ усилій обѣимъ арміямъ удалось 22 іюля соединиться въ Смоленскѣ, составивъ въ общей сложности боевую силу численностью въ 120 тысячъ человѣкъ.

По прибытіи въ Смоленскъ князь Багратіонъ обратилъ особое вниманіе на беззащитность дороги черезъ г. Красный, откуда онъ предвидѣлъ вторженіе непріятелей въ Смоленскую губернію. За Краснымъ въ мѣст. Лядахъ находился въ то время самый незначительный отрядъ изъ запасныхъ баталіоновъ подъ командой генерала Оленина. Отрядъ этотъ, не имѣвшій кавалеріи, былъ усиленъ коннымъ партизанскимъ отрядомъ смоленскихъ дворянъ братьевъ

---

[1] Харкевичъ «Барклай-де-Толли въ Отечественную войну», «Изъ воспоминаній барона Левенштерна», «1812 г. въ дневникахъ, запискахъ, и воспоминаніяхъ соврем.», вып. II; Записки Ивана Степановича Жиркевича «Русская Старина», 1874 г., Августъ; «Записки Коншина» «Историческій Вѣстникъ» 1884 г., Августъ.

Лесли, которые составили его, главнымъ образомъ, изъ своихъ крѣпостныхъ людей.[1] Въ томъ же направленіи 23 іюля князь Багратіонъ выдвинулъ изъ состава своей арміи знаменитую впослѣдствіи 27 дивизію генерала Невѣровскаго, поручивъ ей защиту Краснаго и наблюденіе за оршанской и мстиславльской дорогами.

Съ приходомъ армій Смоленскъ переполнился войсками. Такого скопленія войскъ и разнообразія мундировъ здѣсь давно не было видано. Это былъ совершенно военный лагерь. Повсюду необычайное движеніе. Постоянно разъѣзжали казаки, драгуны, гусары и уланы, наполняя улицы грохотомъ и блескомъ. Въ каждомъ домѣ было на постоѣ по нѣскольку офицеровъ, да по 2—3 команды хлѣбопековъ. Отовсюду везли печеный хлѣбъ и сухари, гнали скотъ, доставляли въ избыткѣ весь необходимый провіантъ и фуражъ. Войска, впервые отъ западныхъ границъ, почувствовали себя какъ дома. Царило довольство и воодушевленіе. Солдаты рвались въ бой, говоря «мы уже видимъ сѣдыя бороды отцевъ нашихъ, отдадимъ-ли ихъ на поруганіе». По свидѣтельству Ермолова, особо бодрое настроеніе наблюдалось во второй арміи, гдѣ неумолкала музыка и заливались пѣсельники.[2]

Здѣсь же подъ Смоленскомъ проявились глубоко печальные результаты длительнаго отступленія нашихъ войскъ, оставлявшихъ шагъ за шагомъ въ добычу непріятелю большія пространства родной земли. Это какъ бы мирило солдатъ съ неустранимостью бѣдствія, пріучало ихъ къ мысли о неизбѣжности разоренія края. Слыша о непріятельскихъ грабежахъ, наблюдая иногда уничтоженіе имущества самими владѣльцами, солдаты нерѣдко утрачивали чувство уваженія къ чужой собственности, и предпочитали присваивать себѣ чужое имущество, чѣмъ оставлять его врагу. Отсюда стало развиваться мародерство. Возлѣ Смоленска оно приняло угрожающіе размѣры. Надлежало прекратить его и главнокомандующій рѣшился на крайнія мѣры. Около 20 іюля онъ приказалъ разстрѣлять на Покровской горѣ 7 человѣкъ мародеровъ въ присутствіи отрядовъ отъ каждой части войска.

---

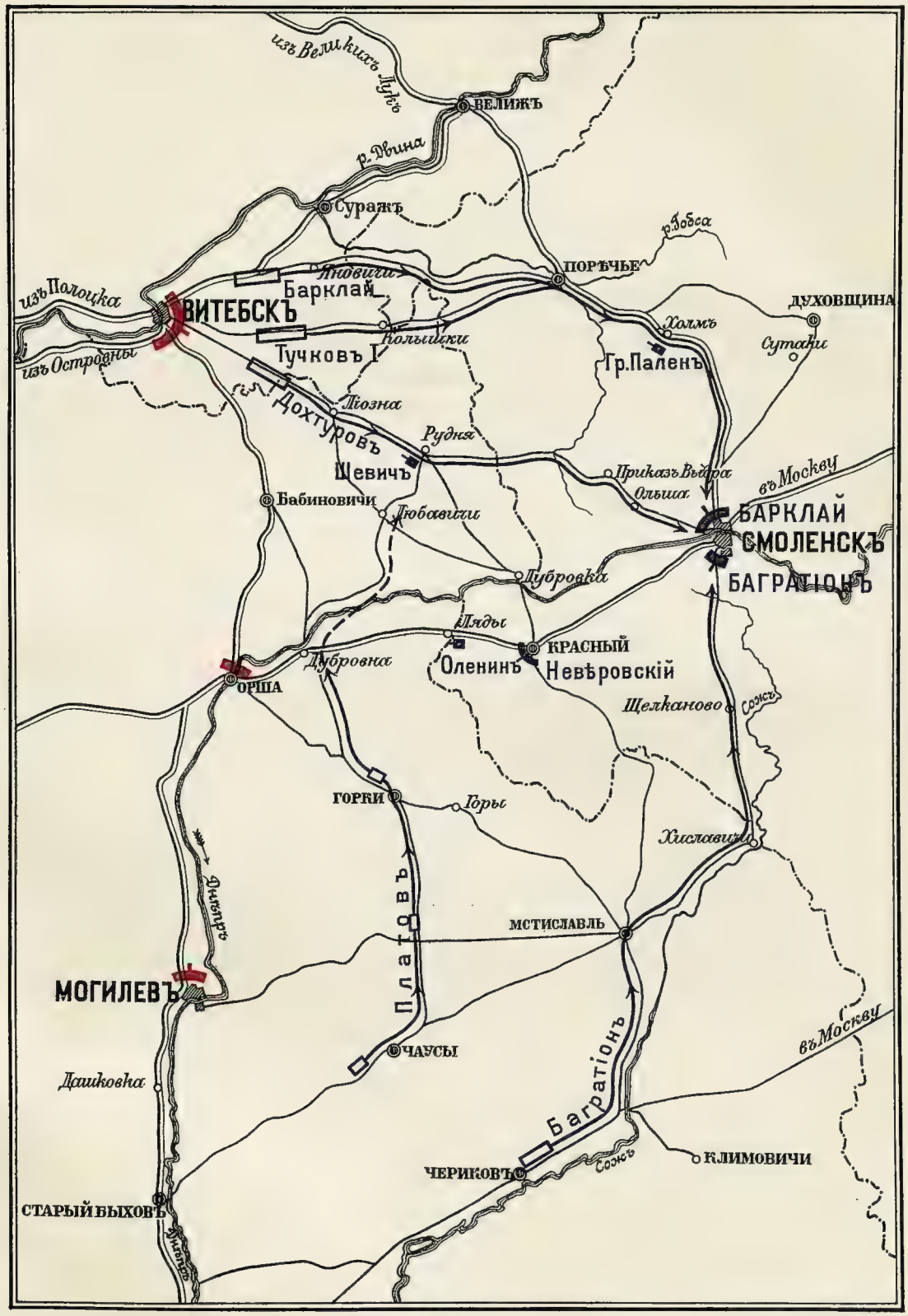
1 Смоленскія губернскія Вѣдомости 1857 г., № 9 приложеніе.

2 Записки А. П. Ермолова. Т. I, стр. 155.

Карта

соединенія двухъ нашихъ западныхъ армій

подъ Смоленскомъ.



Синія—русскія войска

Красныя—французскія войска

Приходилось бороться и съ другими «внутренними» врагами. Любопытный въ этомъ отношеніи эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Смоленскѣ, разсказываетъ въ своихъ очеркахъ, состоявшій на ординарцахъ у князя Багратіона, князь Н. Б. Голицынъ. Въ его присутствіи одинъ офицеръ привезъ на квартиру князя Багратіона «шкатулку, сначала разбитую, потомъ запечатанную». Съ офицеромъ пріѣхалъ пожилой мужчина «въ губернскомъ мундирѣ, съ Аннинскимъ крестомъ на шеѣ» и его семнадцатилѣтній сынъ. Шкатулку отнесли въ кабинетъ главнокомандующаго, а два незнакомца остались въ пріемномъ залѣ. Черезъ четверть часа дверь кабинета отворилась; князь Багратіонъ съ грознымъ видомъ подошелъ къ старшему изъ пріѣзжихъ и, не говоря ни слова, сорвалъ съ него Аннинскій крестъ. Оба пріѣзжіе съ воплемъ бросились ему въ ноги. Дѣло кончилось тѣмъ, что князь приказалъ взять их обоихъ подъ стражу.[1] Можно догадываться, что здѣсь идетъ рѣчь о пойманныхъ шпіонахъ.

Ко времени соединенія нашихъ армій, Наполеонъ рѣшилъ остановить свои войска на линіи Витебскъ-Могилевъ, чтобы дать имъ отдыхъ и привести въ порядокъ разстроенныя ихъ части. Съ пріостановкой операцій въ концѣ іюля, французская армія расположилась на пространствѣ между Двиной и Днѣпромъ, отчасти квартирнымъ, но въ большинствѣ случаевъ лагернымъ порядкомъ.

Самъ Наполеонъ съ своей гвардіей занималъ Витебскъ и его окрестности, при чемъ къ Порѣчью былъ выдвинутъ маршалъ Бессьеръ съ гвардейской кавалеріей. Мюратъ съ кавалерійскими корпусами Нансутти и Монбрюна расположился въ Руднѣ, имѣя въ авангардѣ дивизію Себастіани у Инкова, а позади кавалеріи у Ліозны стоялъ Ней. Корпусъ вице-короля, составляя лѣвый флангъ, находился между Велижемъ и Яновичами, имѣя главную квартиру въ Суражѣ. Даву размѣстился эшелонами между Витебскомъ и Бабиновичами, а также въ окрестностяхъ Дубровны; вестфальскій корпусъ Жюно—у Орши, Понятовскій—въ Могилевѣ.

---

[1] Голицынъ Н. Б. «Очеркъ военныхъ событія 1812—1814 г.» «Рус. Арх.» 1884 г., кн. 4.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Марши и контръ-марши нашихъ армій передъ Смоленскомъ.

А наши арміи послѣ своего соединенія простояли у Смоленска три дня. Это время было употреблено на пополненіе убыли въ полкахъ, ослабленныхъ боями и трудными походами, и на заготовленіе сухарей. Дальше медлить не представлялось возможности. Необходимо было немедленно избрать опредѣленный планъ дѣйствій и приступить къ его выполненію. Планъ генералъ-квартирмейстера первой арміи Толя, который полагалъ необходимымъ быстро двинуться всѣми силами на Рудню, чтобы разбить и прорвать центръ Наполеона, главнокомандующій призналъ слишкомъ рискованнымъ. Для обсужденія вопроса онъ собралъ 25 іюля въ Смоленскѣ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, оба главнокомандующіе, начальники главныхъ ихъ штабовъ—Ермоловъ и графъ Сенъ-При, и генералъ-квартирмейстеры—Толь и Вистицкій, а также полковникъ Вольцогенъ.

Вольцогенъ предлагалъ укрѣпиться въ Смоленскѣ и здѣсь выжидать непріятеля; остальные члены совѣта высказались за походъ всѣми силами на Рудню, гдѣ предполагался центръ непріятельскаго расположенія. Главнокомандующій, хотя не одобрялъ лично такого рѣшительнаго плана дѣйствій, чувствовалъ себя безсильнымъ противъ охватившаго всѣхъ стремленія впередъ на врага. Наступательнаго движенія требовали всѣ окружающіе, желала вся армія, ожидало все общество, вся Россія; самъ Государь собственноручно писалъ ему: «Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми». Скрѣпя сердце, главнокомандующій долженъ былъ принять планъ дѣйствій, одобренный на военномъ совѣтѣ. Все же оставляя за собою право окончательнаго рѣшенія вопроса, Барклай слѣдующими словами закончилъ засѣданіе совѣта:

«Императоръ, ввѣривъ мнѣ въ Полоцкѣ армію, сказалъ, что у него нѣтъ другой для дѣйствій противъ Наполеона. Съ уни-

Графъ Эмануилъ Францовичъ
СЕНЪ-ПРИ

Графъ Карлъ Ѳедоровичъ
ТОЛЬ

Михаилъ Степановичъ
ВИСТИЦКІЙ

Алексѣй Петровичъ
ЕРМОЛОВЪ

чтоженіемъ арміи Россія погибла, напротивъ, сохранивъ ее, всегда можно надѣяться на лучшее.

Я долженъ дѣйствовать съ величайшей осмотрительностью и всѣми способами стараться избѣгнуть ея пораженія. Поэтому вамъ будетъ понятно, что я не могу, съ своей стороны, не колебаться начать наступательныя дѣйствія».

Рѣшеніе военнаго совѣта, какъ видно изъ донесенія Барклая-де-Толли Государю Императору, вызвано было намѣреніемъ воспрепятствовать окончательному сосредоточенію непріятеля, силы котораго еще стягивались съ разныхъ направленій, а артиллерія совсѣмъ оставалась позади; сверхъ того мѣстность на руднянской дорогѣ признавалась болѣе удобной для сраженія, чѣмъ позиція подъ Смоленскомъ. Донесеніе свое главнокомандующій заканчивалъ выраженіемъ надежды на успѣхъ: «Принеся теплыя молитвы Всевышнему, съ помощью Его идемъ истребить врага...».

Однако, переходя въ наступленіе по необходимости, главнокомандующій старался обставить его мѣрами самой тщательной предосторожности. Наканунѣ похода, вечеромъ, онъ призвалъ къ себѣ начальниковъ штабовъ обѣихъ армій и объяснилъ имъ, что наступленіе на Рудню предпринимается съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы войска не отдалялись отъ Смоленска болѣе трехъ переходовъ. Такую предосторожность онъ считалъ необходимой, говоря: «Мы будемъ имѣть дѣло съ предпріимчивымъ противникомъ, который не упуститъ никакого случая обойти насъ, и чрезъ то вырвать изъ нашихъ рукъ побѣду».

На разсвѣтѣ 26 іюля обѣ наши арміи, напутствуемыя самыми трогательными пожеланіями и молитвами горожанъ, выступили изъ Смоленска, гдѣ остался одинъ лишь Виленскій полкъ изъ 27 дивизіи, для несенія караульной службы и печенія сухарей, для чего также были собраны хлѣбопеки изъ всѣхъ полковъ обѣихъ армій. Это было первое наступательное движеніе въ походѣ нашихъ войскъ и оно значительно подняло духъ нашихъ армій.

Въ общемъ авангардѣ былъ Платовъ, имѣвшій назначеніе прикрывать своими казаками движенія нашихъ армій.

Первая армія двигалась двумя колоннами. Правая колонна подъ командой генерала Тучкова I-го, имѣя въ авангардѣ генерала

Пассека, состояла изъ корпусовъ пѣхотныхъ: 2-го Баггевута, 3-го Тучкова I-го и 4-го графа Остермана, и корпусовъ кавалерійскихъ: 1-го генерала Уварова и 2-го барона Корфа; она направилась сперва по порѣчской дорогѣ къ дер. Жуково, а затѣмъ влѣво на Щеголево къ Ковалевскому; правѣе этой колонны слѣдовалъ на селеніе Касплю особый отрядъ князя Шаховского, а еще правѣе, къ Холму — казачій отрядъ Краснова. Лѣвая колонна подъ начальствомъ Дохтурова, имѣя въ авангардѣ графа Палена, состояла изъ корпусовъ: пѣхотныхъ—5-го Лаврова, 6-го Дохтурова и кавалерійскаго 3-го графа Палена; она шла по руднянской дорогѣ черезъ дер. Шеломецъ Порѣчскаго уѣзда къ селу Приказъ-Выдрѣ.

Вторая армія, пройдя черезъ городъ Смоленскъ, перешла съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра, и слѣдовала во флангѣ первой арміи по берегу рѣки къ селу Катынь, имѣя въ авангардѣ Васильчикова.

Между второй арміей Багратіона и ближайшей къ ней колонной Дохтурова, изъ состава первой арміи, сохранялъ связь отрядъ барона Розена, двигаясь къ дер. Чабуры.

Маршъ 26 іюля былъ совершенъ благополучно. Къ вечеру главная квартира первой арміи расположилась въ Приказъ-Выдрѣ, а второй—въ Катыни. Войска готовились къ дальнѣйшему выступленію раннимъ утромъ 27 іюля, и генералъ-квартирмейстеры уже отправились впередъ для предварительныхъ обозрѣній по дорогѣ къ Руднѣ и занятія лагерныхъ мѣстъ. Въ это время совершенно неожиданно приказомъ главнокомандующаго были пріостановлены всѣ передвиженія войскъ. Барклай-де-Толли, получивъ донесеніе о сосредоточеніи значительныхъ непріятельскихъ силъ въ Порѣчьѣ, сталъ безпокоиться относительно праваго крыла арміи; онъ опасался, чтобы во время его марша къ Руднѣ Наполеонъ не двинулъ бы свои войска въ тылу его изъ Порѣчья къ Смоленску. Подъ вліяніемъ такихъ опасеній послѣдовалъ приказъ о передвиженіи войскъ съ руднянской дороги на порѣчскую; первая армія должна была передвинуться на порѣчскую дорогу, вторая—занять ея мѣсто у Приказъ-Выдры, а Платовъ не подвигаться впередъ.

Однако, Платовъ, не получивъ во время этого приказа, утромъ 27-го іюля, согласно прежней диспозиціи, продолжалъ свое дви-

женіе на Рудню. Авангардъ его, изъ двухъ казачьихъ полковъ подъ начальствомъ Денисова 7-го, неожиданно наткнулся при дер. Молево-Болото Порѣчскаго уѣзда на два полка французскихъ гусаръ и опрокинулъ ихъ; но въ помощь гусарамъ подоспѣлъ отъ Рудни французскій отрядъ дивизіи Себастіани, и нашъ авангардъ долженъ былъ отступить. Въ это время подошелъ, увѣдомленный объ опасномъ положеніи авангарда, самъ атаманъ Платовъ и охватилъ непріятельскій отрядъ своими 7-ю полками, открывъ съ фронта сильную канонаду изъ 12 орудій казачьей конной артиллеріи. Непріятели храбро кинулись на батарею, подойдя къ ней такъ близко, что многіе наши артиллеристы и лошади были переранены стрѣлками 24 легкаго полка, которые бѣжали слѣдомъ за конницей. Но во время подлетѣвшіе къ орудіямъ два донскіе полка, Мельникова и Харитонова, врубились въ непріятельскую пѣхоту, и опрокинули ближайшій кавалерійскій полкъ. Непріятель дрогнулъ, казаки сдѣлали послѣдній рѣшительный натискъ и обратили его въ бѣгство, преслѣдуя на протяженіи двухъ верстъ. Дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля было поручено подошедшему въ это время отряду графа Палена. Изюмскіе, Сумскіе и Маріупольскіе гусары гнали непріятеля восемь верстъ, пока не были остановлены артиллерійскимъ огнемъ французовъ со стороны Рудни. Нашъ отрядъ взялъ въ плѣнъ 10 офицеровъ и болѣе 300 рядовыхъ. Платовъ доносилъ объ этомъ дѣлѣ, что «непріятель пардона не просилъ, а войска россійскія Его Императорскаго Величества, бывъ разъярены, кололи и били его». Въ этомъ же донесеніи атаманъ устанавливаетъ варварскій способъ веденія войны непріятелями, которые, по его словамъ, грабятъ и насилуютъ жителей, и оскверняютъ православныя церкви; «въ селѣ Инковѣ, напримѣръ, на вынесенныхъ святыхъ образахъ французы мыли и развѣшивали нижнее исподнее платье».

Между тѣмъ, плѣнные дали ложныя показанія о томъ, что Наполеонъ находится въ Порѣчьѣ; а захваченныя бумаги генерала Себастіани свидѣтельствовали, что французамъ извѣстно намѣреніе двинуть главныя силы русской арміи на Рудню. Эти свѣдѣнія еще болѣе убѣдили главнокомандующаго въ цѣлесообразности предпринятаго имъ передвиженія войскъ. Обнаруженная же случайно столь быстрая и точная освѣдомленность непріятеля о нашихъ

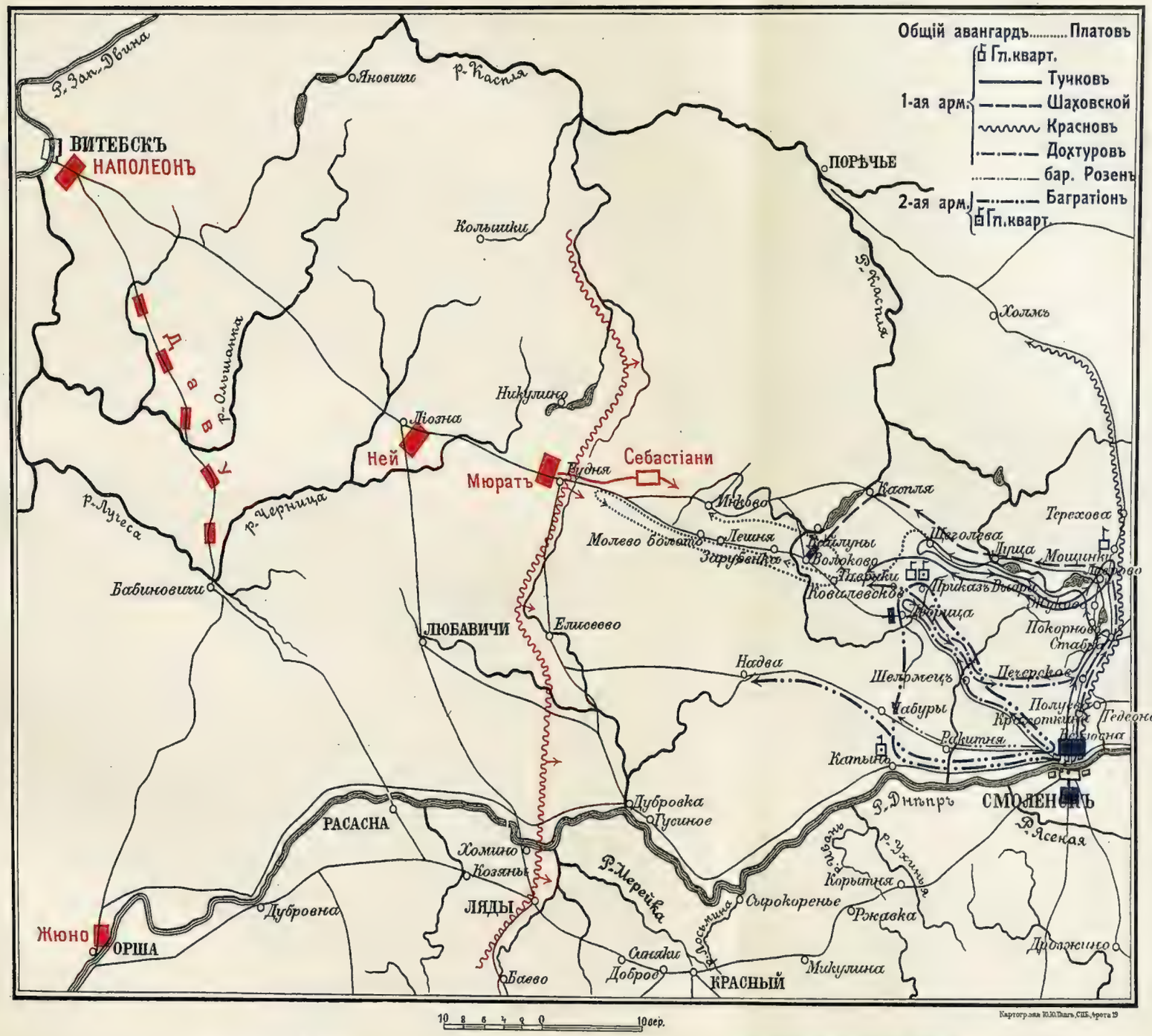
предположеніяхъ вызвала крайнее удивленіе въ нашей главной квартирѣ. По этому случаю предполагали даже измѣну занимавшихъ высокіе посты въ арміи иностранцевъ. Но дѣло объяснилось неосторожностью генералъ-адъютанта князя Любомирскаго, который о предстоящемъ передвиженіи войскъ предупредилъ свою мать, жившую близъ Рудни въ своемъ имѣніи, гдѣ квартировалъ Мюратъ, прочитавшій записку Любомирскаго.

Получивъ приказъ о передвиженіи, Платовъ подался назадъ къ Гаврикамъ Порѣчскаго уѣзда. Исключая авангарда Платова, остальныя войска немедленно приступили къ исполненію новой диспозиціи. Въ тотъ же день, 27-го іюля, половина первой арміи уже выступила на порѣчскую дорогу; на другой день туда же пошли и остальные корпуса этой арміи. Вся первая армія расположилась при порѣчской дорогѣ, въ Смоленскомъ уѣздѣ у деревень: Стабны, Лаврова и Мощинокъ, гдѣ находилась главная квартира; на прежнемъ мѣстѣ въ с. Касплѣ остался лишь отрядъ князя Шаховского. Вторая армія заняла позицію, оставленную первою, у Приказъ-Выдры.

Такой планъ передвиженія войскъ совершенно не одобрялъ князь Багратіонъ, который усматривалъ опасность обхода непріятелемъ не праваго нашего фланга со стороны Порѣчья, а лѣваго со стороны Краснаго. Онъ настаивалъ на необходимости продолжать маршъ на Рудню, но не могъ убѣдить Барклая-де-Толли. Однако, князь Багратіонъ сумѣлъ оттянуть свою армію отъ Приказъ-Выдры въ Смоленскъ, указывая на недостатокъ воды въ Приказъ-Выдрѣ и на необходимость сближенія съ Невѣровскимъ въ томъ разсчетѣ, чтобы лишить непріятеля возможности занять по краснинской дорогѣ Смоленскъ въ тылу нашихъ армій и тѣмъ открыть себѣ свободный путь на Москву. Но передовые отряды второй арміи остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ вдоль руднянской дороги: Васильчиковъ у Волоковой Порѣчскаго уѣзда, князь Горчаковъ, назначенный въ подкрѣпленіе ему, у Дебрицъ, также Порѣчскаго уѣзда. Въ такомъ размѣщеніи войска наши простояли безъ дѣла 29, 30 и 31 іюля. Въ это же время, по приказанію главнокомандующаго, атаманъ Платовъ долженъ былъ произвести—развѣдки о численности и расположеніи непріятельскихъ силъ. Наконецъ, 31 іюля было

Карта

передвиженій нашихъ армій передъ Смоленскомъ.



получено донесеніе, что непріятель очистилъ Порѣчье и пошелъ по витебской дорогѣ. Посему, не опасаясь уже за свое правое крыло, Барклай-де-Толли 1-го августа вновь перешелъ на маршъ къ Руднѣ, и 2-го августа уже успѣлъ соединить свою армію съ ея передовымъ отрядомъ, оставленнымъ при Волоковой и Гаврикахъ, куда и была перенесена главная квартира. Вмѣстѣ съ тѣмъ князю Багратіону было предложено также очистить Смоленскъ, двинувъ войска къ Надвѣ; авангардъ же Платова былъ посланъ въ Инково Порѣчскаго уѣзда. На избранныхъ позиціяхъ главнокомандующій ожидалъ атаки Наполеона, полагая, что онъ, по случаю дня своего тезоименитства, 2-го августа перейдетъ въ наступленіе.

Такъ намѣчались пути мятущихся нашихъ армій передъ Смоленскомъ. Онѣ блуждали съ мѣста на мѣсто, то выжидая свѣдѣній о движеніяхъ непріятеля, то карауля его возможное появленіе въ различныхъ пунктахъ. Послѣ соединенія нашихъ армій прошло почти двѣ недѣли въ безплодныхъ маршахъ и контръ-маршахъ, которые вызывали въ войскахъ раздраженіе и ропотъ. То двигали впередъ, то подавали назадъ, и въ этихъ передвиженіяхъ многимъ частямъ арміи приходилось обыкновенно проходить черезъ деревню Шеломецъ, такъ что названіе этой деревни встрѣчалось въ дислокаціи почти каждаго похода. Это дало поводъ солдатамъ прозвать производимыя передвиженія «ошеломѣлыми».[1]

Эти «ошеломѣлые» марши объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что Наполеона утеряли изъ виду, поджидая его вездѣ и опасаясь обхода имъ то одного, то другого крыла арміи. Положеніе осложнялось еще несогласіями между главнокомандующими, которые не могли найти единодушнаго рѣшенія предстоящей задачи. Ермоловъ утверждалъ впослѣдствіи, что «тогдашнее наше положеніе до такой степени было сомнительно, что одинъ Богъ могъ распутать наши дѣла...». Онъ же разсказывалъ, какъ ему пришлось, въ качествѣ начальника штаба Барклая, блюсти тайну совѣщаній, происходившихъ между главнокомандующими. Въ періодъ «ошеломѣлыхъ» маршей однажды въ Гаврикахъ Барклай сидѣлъ среди двора одного дома на сложенныхъ бревнахъ, а Багратіонъ большими шагами

---

[1] Записки Ивана Степановича Жиркевича. Русск. Стар. 1874 г. Августъ.

расхаживалъ по двору. Они буквально ругали одинъ другого. «Ты нѣмецъ! тебѣ все русское ни почемъ»,—говорилъ князь. «Ты, дуракъ, и самъ не знаешь, почему себя ты называешь кореннымъ русскимъ» возражалъ Барклай. Оба они, имѣя противорѣчивыя свѣдѣнія отъ своихъ лазутчиковъ, обвиняли одинъ другого въ неосвѣдомленности и въ томъ, что потеряли изъ виду французовъ. Ермолову, по его словамъ, приходилось заботиться только объ одномъ, чтобы никто не подслушалъ эти разговоры. Поэтому онъ стоялъ у воротъ, и никого не подпускалъ близко къ дому, говоря, что «главнокомандующіе очень заняты и совѣщаются между собой». [1]

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вступленіе непріятеля въ Смоленскую губернію и бой его подъ Краснымъ съ Невѣровскимъ

(2 августа).

Послѣдній повторный маршъ нашихъ армій на Рудню, открывъ нашъ лѣвый флангъ и обнаживъ дорогу изъ Краснаго въ Смоленскъ, едва не завершился опаснѣйшей катастрофой. Въ тотъ самый день, когда арміи наши передвинулись отъ Смоленска къ Руднѣ, Наполеонъ перешелъ въ наступленіе на Смоленскъ, но не по руднянской дорогѣ, какъ ожидалъ Барклай, а по краснинской, какъ предугадывалъ Багратіонъ.

Пока наши арміи шли на соединеніе къ Смоленску и маневрировали тамъ, Наполеонъ далъ своей арміи десятидневный отдыхъ. Войска его оправились, отсталые солдаты присоединились къ своимъ частямъ, запоздавшіе въ дорогѣ артиллерійскіе парки и обозы прибыли въ Витебскъ, а маршалы его собрали въ странѣ недѣльный запасъ провіанта. Рѣшивъ по разнымъ соображеніямъ перейти въ

---

[1] Записки Ивана Степановича Жиркевича. Русск. Стар. 1874 г. Августъ.

наступленіе, Наполеонъ одновременно привелъ въ движеніе всѣ свои войска, намѣреваясь правой стороной Днѣпра достигнуть Смоленска. Однако, получивъ донесеніе, что, послѣ удачнаго кавалерійскаго дѣла при Молево-Болотѣ, русскія войска не двигаются впередъ, Наполеонъ измѣнилъ свое намѣреніе. Онъ быстро перебросилъ черезъ рѣку свои корпуса, и, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Днѣпра, стремительно бросился къ Смоленску, чтобы занять его въ тылу нашей арміи.

1-го августа началась въ присутствіи Наполеона, прибывшаго изъ Витебска, переправа черезъ Днѣпръ при деревняхъ Росаснѣ и Хоминѣ, Могилевской губерніи. Уже 2-го августа на лѣвомъ берегу Днѣпра начали сосредоточиваться шесть корпусовъ непріятельской арміи[1] и гвардія, составляя въ общей сложности вмѣстѣ съ корпусами Понятовскаго и Жюно, уже ранѣе расположенными на той же сторонѣ Днѣпра, до 190 тысячъ человѣкъ.

На правой сторонѣ рѣки осталась легкая кавалерійская дивизія Себастіани, подъ начальствомъ генерала Пажоля, направленная къ Смоленску по правому берегу Днѣпра.

Переправленныя черезъ рѣку войска были двинуты къ Смоленску черезъ Ляды на Красный. Въ авангардѣ шла конница Мюрата изъ корпусовъ—Нансути, Монбрюна и Груши; за нею слѣдомъ двигались пѣхотные корпуса маршаловъ Нея, Даву, далѣе—гвардія и вице-король; прямо къ Смоленску шли: отъ Орши—Жюно, а отъ Могилева—Понятовскій. Туча непріятеля грозно надвигалась на Красный, гдѣ стояла 27 дивизія Невѣровскаго. Дивизія эта, которую, въ виду совершенно исключительныхъ заслугъ ея въ Отечественную войну, по справедливости, слѣдовало бы назвать «спасительной дивизіей генерала Невѣровскаго», вся состояла изъ только что набранныхъ рекрутъ. Въ виду этого, для достиженія большей боевой устойчивости, одна ея бригада, подъ командой Ставицкаго,была временно прикомандирована къ корпусу Раевскаго, а на ея мѣсто была назначена изъ состава 26 дивизіи того же корпуса старая бригада полковника Либгардта. Дивизія эта была уси-

---

[1] Кавалерійскіе корпуса: Нансутти, Монбрюна, Груши и пѣхотные—Даву, Нея, и вице-короля.

лена кавалеріей и артиллерійской частью. Весь отрядъ Невѣровскаго состоялъ изъ 5 пѣхотныхъ полковъ: Симбирскаго, Ладожскаго, Полтавскаго и егерскихъ 49 и 50; 4 конныхъ: Харьковскаго драгунскаго и 3 казачьихъ; а также 14 батарейныхъ орудій. Къ этому отряду присоединился и, ничтожный по своей численности, отрядъ Оленина, въ составѣ 41 егер. полка и партизановъ Лесли, вытѣсненный изъ мѣстечка Лядовъ. Общая численность отряда Невѣровскаго опредѣлялась около 7—8 тысячъ человѣкъ.

Ежедневно обучая и ободряя своихъ солдатъ—новобранцовъ Невѣровскій, при содѣйствіи краснинскаго предводителя дворянства Корбутовскаго и исправника Гончарова, зорко слѣдилъ за появленіемъ непріятеля. Рано утромъ въ пятницу, 2-го августа, было получено донесеніе, что французы подходятъ къ Лядамъ. Невѣровскій съ достаточной вѣроятностью могъ полагать, что непріятель наступаетъ не всей массой, а отдѣльнымъ отрядомъ. Онъ, конечно, зналъ, что обѣ наши арміи на правой сторонѣ Днѣпра подготовились къ достойной встрѣчѣ главныхъ силъ непріятеля; поэтому онъ не имѣлъ основаній допустить, что всѣ разсчеты обмануты, и что именно на его незначительный отрядъ, удаленный отъ всей арміи, и занявшій лишь на всякій случай сторожевую позицію, теперь непріятель наступаетъ всей своей массой.

Въ ожиданіи нападенія, Невѣровскій, выславъ вьюки и обозы въ Смоленскъ, выстроилъ свою дивизію передъ Краснымъ фронтомъ къ Лядамъ, навстрѣчу врагу. Впереди былъ разсыпанъ въ стрѣлки весь 49 егерскій полкъ, позади, у входа въ городъ и по его улицамъ, была разставлена часть егерей 50-го полка съ 2-мя орудіями; а на край города, въ сторону Смоленска былъ посланъ съ людьми баталіонный адъютантъ Андреевъ наскоро устроить переправу, что онъ и исполнилъ, разломавъ прилегающіе старые дома и набросавъ живой мостъ для егерей. [1]

Около десяти часовъ утра прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что наступаютъ огромныя силы непріятеля, что «французъ валомъ валитъ». Нѣсколько офицеровъ, поднявшись на соборную коло-

---

[1] Изъ воспоминаній, Нпк. Ив. Андреева. Рус. Арх. 1879 г. Мартъ.

Дмитрій Петровичъ
НЕВѢРОВСКІЙ

кольню, откуда открывается далекій видъ на большакъ, имѣли возможность воочію убѣдиться въ достовѣрности этого извѣстія. На столбовой дорогѣ отъ Лядовъ и по прилегающимъ къ ней полямъ обозначились огромныя силы врага. Въ виду была кавалерія Мюрата, которая, выйдя изъ лѣсу, раздѣлялась на маршѣ, чтобы сплошнымъ кольцомъ охватить весь нашъ малочисленный отрядъ.

Ужасная дѣйствительность предстала во всей своей неустранимой силѣ, но и она не ошеломила Невѣровскаго. Онъ мгновенно сообразилъ грозящую опасность и ненадежность занятой имъ позиціи. Отступленіе было неминуемо, а въ тылу у него за городомъ была рѣчка, Мерейка, протекающая въ болотной мѣстности, и лежалъ неудобный путь по плотинѣ. Невѣровскій быстро снялся съ позиціи на глазахъ у непріятеля, и, оставя въ самомъ городѣ баталіонъ 49 егерскаго полка съ 2 орудіями, отвелъ свой отрядъ за городъ, по другую сторону плотинъ на смоленскій большакъ. Здѣсь, за прилегающимъ довольно глубокимъ оврагомъ, онъ выстроилъ полки свои въ боевой порядокъ. На лѣвомъ крылѣ установилъ артиллерію, прикрывъ ее Харьковскими драгунами, а на правомъ поставилъ казаковъ. Свою находчивую предусмотрительность Невѣровскій простеръ до того, что не упустилъ изъ виду пользу резерва для опоры при своемъ отступленіи. Съ этой цѣлью онъ отправилъ въ тылъ по пути къ Смоленску полковника Назимова съ однимъ баталіономъ 50-го егерскаго полка, съ казачьимъ полкомъ Грекова и съ двумя конными орудіями, приказавъ занять переправу на небольшой рѣчкѣ, не доходя Корытни, и устроить тамъ пріемную позицію.

Между тѣмъ непріятельская кавалерія подошла къ Красному и увидѣла, что городъ занятъ отрядомъ нашей пѣхоты. Тогда она пропустила впередъ пѣхотную дивизію Ледрю, которая шла во главѣ корпуса Нея. 24 легкій полкъ этой дивизіи подъ руководствомъ самого маршала Нея, ворвался въ открытый со всѣхъ сторонъ городъ и пошелъ въ атаку.[1] Вскорѣ непріятель, перебивъ

---

[1] Бутурлинъ «Исторія нашествія импер. Наполеона на Россію въ 1812 г.», стр. 207. «Записки генерала Невѣровскаго о службѣ своей 1812 г.» Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» 1859 г. Кн. 1.

лошадей, овладѣлъ двумя нашими орудіями, а егеря наши, боясь быть отрѣзанными, поспѣшили очистить городъ и присоединились къ своей дивизіи. Тогда вся масса французской конницы, до 15 тысячъ коней, и пѣхотная дивизія Ледрю, до 7 тысячъ человѣкъ, обрушились на отрядъ Невѣровскаго.

Мѣстомъ столкновенія служило широкое ржаное поле, часть котораго уже была сжата и уставлена снопами. Сражающихся раздѣляла небольшая рѣчка, протекающая въ крутыхъ берегахъ. Французская конница пошла въ обходъ нашихъ фланговъ. Кавалерія наша не могла устоять передъ превосходными силами непріятеля. Стоявшіе на лѣвомъ крылѣ драгуны пошли было въ атаку, но были опрокинуты; батарея наша была обнажена, и изъ нея французы захватили 5 пушекъ; остальныя орудія успѣли уйти по смоленской дорогѣ. На правомъ флангѣ та же участь постигла казаковъ. Драгуны и казаки неосторожно разсыпались по широкимъ окружающимъ дорогу полямъ; здѣсь было гдѣ развернуться непріятельской кавалеріи, и она преслѣдовала и нещадно рубила ихъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала битвы Невѣровскій лишился и артиллеріи и кавалеріи. Непріятельская пѣхота насѣдала на него съ фронта, а конница неслась въ атаку на оба фланга. Кромѣ того, непріятель изъ отбитыхъ у насъ же орудій сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, при чемъ ядрами и картечью выбилъ изъ нашего строя до 50 человѣкъ. Къ счастью, непріятель долженъ былъ бросить пушки, такъ какъ лошади были перебиты. Отрядъ нашъ переживалъ страшныя минуты.

Но Невѣровскій былъ выше опасностей, оставаясь могучъ и спокоенъ. Онъ быстро свернулъ баталіоны въ кареи и, объѣхавъ ихъ передъ боемъ, властнымъ словомъ придалъ своему отряду непобѣдимую стойкость какой-то металлической твердыни, обративъ его въ живую неприступную крѣпость. Слова были просты, ясны и нерушимы, какъ предсмертный завѣтъ: «Ребята! помните-же, чему васъ учили; поступайте такъ, и никакая кавалерія не побѣдитъ васъ: не торопитесь въ пальбѣ, стрѣляйте мѣтко во фронтъ непріятеля, третья шеренга передавай ружья не торопясь, и никто не смѣй начинать безъ моей команды!» Слова эти дошли до сердца, захватили духъ солдатъ. Кареи окаменѣли; онѣ какъ бы замирали съ

Битва подъ Краснымъ 2 августа

послѣдними словами вождя. Борьба непріятеля съ нашей кавалеріей, грохотъ атаки, смятеніе на флангахъ не могли оживить ихъ; врагъ былъ безнаказанно допущенъ на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Но тутъ раздалась магическая команда—«Тревога!» Барабаны подхватили ее своею дробью, и вдругъ кареи оживились, ощетинились и сразу заговорили губительной рѣчью своихъ ружей; грянулъ батальонный прицѣльный огонь, и поле битвы усѣяли трупы непріятелей и ихъ лошадей. Атака была отбита съ огромными потерями для французовъ. Приказавъ ударить отбой, Невѣровскій сказалъ солдатамъ: «Видите, ребята, какъ легко исполняющей свою обязанность пѣхотѣ побѣждать кавалерію; благодарю васъ и поздравляю!» Громкое и радостное «ура» покрыло это привѣтствіе.

Надо сознаться, что необузданная пылкость Мюрата не мало облегчила крайне трудную и сложную задачу Невѣровскаго. За городомъ непріятелю приходилось проходить болотную мѣстность у рѣчки Мерейки. Каждый полкъ отыскивалъ себѣ переправу и по отдѣльнымъ частямъ на рысяхъ вылеталъ къ отряду Невѣровскаго. Въ виду этого отряда, на сосѣднемъ пригоркѣ, близъ бѣднаго захолустнаго города Краснаго, всталъ во всемъ своемъ пышномъ великолѣпіи самъ неаполитанскій король, окруженный блестящею свитой. Одѣтый въ зеленую куртку, расшитую золотомъ, въ шлемѣ съ высокимъ перомъ, лихо красуясь на конѣ ворономъ, онъ представлялся воплощеніемъ кавалерійской удали, вызывая въ рядахъ войска чувство восторженнаго энтузіазма. Мимо него лежалъ путь всей кавалеріи. Какъ бы опьяненный близкой и легкой побѣдой онъ въ азартѣ кричалъ каждому проходившему мимо него эскадрону: «Voilà l'ennemi, chargez ferme!» (Вотъ непріятель, атакуйте дружнѣй!) Въ отвѣтъ на такой призывъ главнаго начальника всей кавалеріи командиры порывисто выкрикивали команду: «En avant, marche-marche!» (Впередъ, маршъ-маршъ!), и поочередно бросали свои эскадроны на русскій отрядъ. Слѣдомъ за командирами эскадроновъ летѣли полковники и генералы; все смѣшалось въ общей свалкѣ и хорошо обученная кавалерія дѣйствовала какъ безпорядочная иррегулярная конница.

Тщетно маршалъ Ней убѣждалъ короля успокоиться и дать возможность кавалеріи вести свои атаки въ правильныхъ строяхъ;

тщетно подоспѣвшіе артиллеристы умоляли предоставить имъ небольшое мѣсто хотя бы для одного залпа, чтобы пробить брешъ въ той живой крѣпости, какую представлялъ отрядъ Невѣровскаго. Мюратъ на всѣ просьбы и доводы, какъ бы въ забытьи, неистово восклицалъ: «Chargez ferme!» («атакуйте дружнѣе!»). [1]

Попытка 2-ой вюртембергской батареи, сдѣлать артиллерійскимъ огнемъ подготовку для кавалерійскихъ атакъ, не имѣла успѣха. Едва артиллеристы выскакивали на пушечный выстрѣлъ и открывали огонь, чтобы пробить брешъ въ плотной массѣ нашего отряда и проложить путь кавалеріи въ ея толщу, какъ нетерпѣливый Мюратъ набрасывалъ на нашу пѣхоту свои конные полки. [2] Кавалеристовъ скашивалъ русскій огонь; уцѣлѣвшіе изъ нихъ налетали, рубили саблями, но сдѣланныя ими бреши безслѣдно затягивались живой массой нашей пѣхоты.

Отбивъ атаку, Невѣровскій началъ медленно, шагъ за шагомъ отступать къ Смоленску по краснинскому большаку, обсаженному березами. Идя въ кареяхъ, заслоняясь деревьями и пользуясь рвами, онъ отбивалъ всѣ самыя бѣшеныя атаки. Послѣ каждой атаки отрядъ Невѣровскаго продолжалъ свое медлительное отступленіе; когда же атака возобновлялась отрядъ поворачивался къ непріятелю, становился нога въ ногу и, подпустивъ его на 20 шаговъ, поражалъ убійственнымъ огнемъ. Между тѣмъ Мюратъ вводилъ въ дѣло все новыя войска. По донесенію маршала Нея, французская легкая кавалерія болѣе 40 разъ атаковала пѣхоту Невѣровскаго, но всѣ атаки были сорваны. Невѣровскій категорически, безъ всякаго обсужденія отвергъ предложеніе о сдачѣ.

Непріятель такъ близко подходилъ къ нашимъ войскамъ, что перекрикивался съ нашими солдатами; можно было вблизи любоваться его превосходнымъ обмундированіемъ и прекрасными лошадьми. Особенно хороши были лошади польской кавалеріи, которая отличалась особой настойчивостью своихъ атакъ. Одинъ бравый польскій офицеръ четыре раза подъѣзжалъ къ нашимъ войскамъ, уговаривая сдаться въ виду ничтожной ихъ числен-

---

[1] «Сраженіе при Краснымъ». Русск. Инвал. 1833 г., № 206, стр. 814.

[2] G. de Faber du Faur «Campagne de Russie 1812» p. 79.

ности. Но удальцу этому не долго пришлось красоваться на своей прекрасной караковой лошади: унтеръ-офицеръ 50-го егерскаго полка Колмачевскій приложился на ходу и убилъ его наповалъ. Солдаты Полтавскаго полка кричали: «Умремъ, а не сдадимся». Благодаря условіямъ мѣстности, французская конница не могла врѣзаться въ наши ряды. Однако, безпрерывныя атаки непріятеля сбили нашъ отрядъ въ одну тѣсную сплошную колонну, въ которой смѣшались разныя войсковыя части. Но колонна эта, какъ бы спаянная чувствомъ боевой доблести въ одно стальное цѣлое, методично-медленно двигалась по дорогѣ, живымъ своимъ тѣломъ заслоняя родину отъ напора врага. На 5-ой верстѣ отступленія былъ самый большой натискъ; на 12-ой верстѣ отряду пришлось пережить самый критическій моментъ, едва не погубившій его. Здѣсь большакъ пролегалъ по болѣе ровной мѣстности и не былъ обсаженъ деревьями, а путь слѣдованія заграждала деревня, обнесенная плетнемъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, непріятель захватилъ тылъ нашей колонны; но Невѣровскій ловкимъ маневромъ сумѣлъ обойти преграждавшій ему путь барьеръ, и поставилъ его между собой и непріятелемъ. Къ вечеру отрядъ нашъ, пройдя 21 версту, достигъ пріемной позиціи, занятой высланнымъ впередъ полковникомъ Назимовымъ на рѣчкѣ Ивань, пересѣкающей большакъ.[1] Перейдя эту рѣчку, Назимовъ устроилъ по обѣ стороны большой дороги укрѣпленія, а на возвышенности помѣстилъ два орудія. Въ этомъ мѣстѣ дорога пролегала тогда по непроходимому болоту, которое охраняло оба фланга нашей позиціи.

Когда французская кавалерія приблизилась къ нашей укрѣпленной позиціи, Назимовъ открылъ по ней огонь изъ своихъ 2-хъ орудій. Непріятель, полагая, что отрядъ нашъ получилъ сильное подкрѣпленіе, очистилъ нашъ тылъ, и Невѣровскій благополучно переправился за рѣчку, гдѣ подъ защитой укрѣпленій наши истомленныя войска нашли отдыхъ и горячую пищу. Послѣ отдыха вой-

---

[1] Подробный осмотръ мѣстности, произведенный авторомъ въ сентябрѣ 1911 года, вполнѣ убѣждаетъ, что Назимовъ, не доходя Корытни, занялъ позицію именно на рѣчкѣ Ивань, впадающей въ р. Ухинью, притокъ Днѣпра. Здѣсь и до сего времени сохранились еще правильные старые окопы, обведенные со стороны Краснаго рвомъ 1—1½ саж. глубиною.

ска наши ночью отошли къ Смоленску, и, не доходя до него 6 вер., перешли за оврагъ у рѣчки Ясеной, гдѣ встрѣтили отрядъ Паскевича.

Здѣсь, когда непосредственная опасность миновала, Невѣровскій, забывъ свое геройство, предался отчаянію вслѣдствіе понесенныхъ потерь. Онъ потерялъ до 1.500 чел., въ томъ числѣ до 800 чел. взяты были въ плѣнъ; находившійся рядомъ съ нимъ адъютантъ его Евсюковъ былъ смертельно раненъ и тутъ же умеръ на его глазахъ. Потери непріятеля достигали всего до 500 челов. Объ этомъ дѣлѣ князь Багратіонъ доносилъ Государю отъ 5-го августа: «нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какою дивизія, совершенно новая, дралась противъ чрезмѣрно превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что примѣра такой храбрости ни въ какой арміи показать нельзя».

Подвигъ Невѣровскаго, спасительный для родины, высоко цѣнился самимъ противникомъ. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить, что съ его испытанными войсками дрались подъ начальствомъ Невѣровскаго новобранцы. Онъ сказалъ: «Я ожидалъ всей дивизіи русскихъ, а не семи отбитыхъ у нихъ орудій». Французскій историкъ пишетъ: «Краснинское дѣло являетъ достопамятный примѣръ превосходства хорошо выученной и хорошо предводимой пѣхоты надъ конницею».[1] Секретарь Наполеона (Fain) свидѣтельствуетъ, что «самая блистательная храбрость нашихъ солдатъ истощается: ударяя въ густую колонну, они рубятъ ее, но не могутъ сломить». По удостовѣреніи Сегюра «Невѣровскій отступалъ какъ левъ».[2] Жомини удостовѣряетъ, что «храбрыя русскія войска, не смотря на то, что были окружены со всѣхъ сторонъ, отступали въ порядкѣ къ Смоленску».[3]

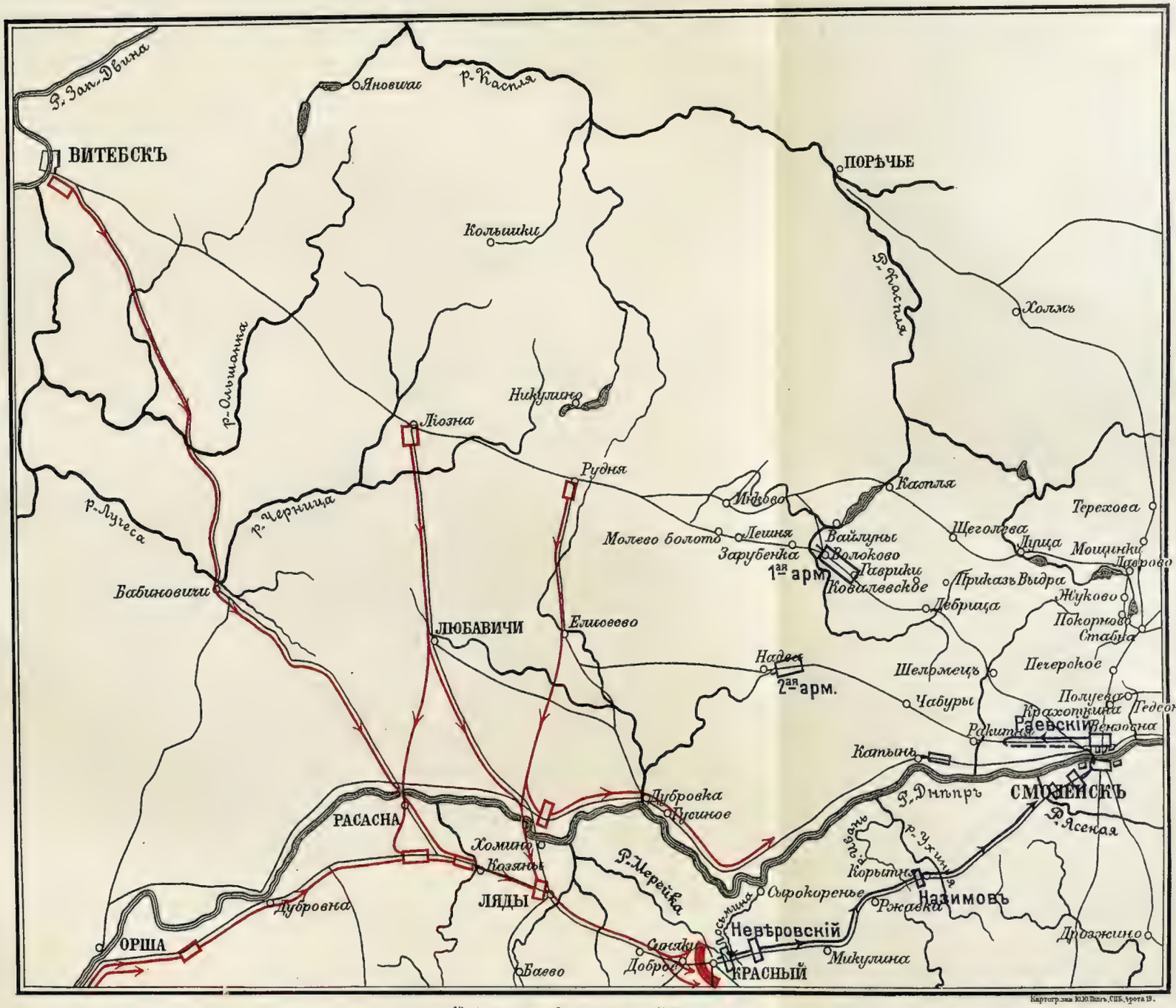
Въ нашей военной литературѣ подвигъ Невѣровскаго также вызываетъ самые лестные отзывы. По мнѣнію Липранди, «Невѣровскимъ совершенъ былъ подвигъ съ нашею пѣхотою, не имѣвшій ни прежде, ни послѣ подобнаго». Генералъ Скугаревскій находитъ, что

---

1 Chambray «Histoire de l'Expedition en Russie» T. I стр. 304.
2 Comte de Ségur «Histoire de Napoléon et de la grande armée» p. 119.
3 Жомини «Политическая и военная жизнь Наполеона» Ч. V стр. 352.

Карта

вступленія непріятеля въ Смоленскую губернію
и
боя съ нимъ Невѣровскаго.



Синія—русскія войска

Красныя—французскія войска

«Невѣровскій свою задачу исполнилъ блистательно».[1] Харкевичъ удостовѣряетъ, что «отступленіе Невѣровскаго по справедливости считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ, представляемыхъ военною исторіей».[2]

Историческій день 2 августа поистинѣ всецѣло принадлежитъ Невѣровскому.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Оборона Смоленска генераломъ Раевскимъ.

(4 августа).

Въ то самое время, когда на лѣвой сторонѣ Днѣпра малочисленный и одинокій отрядъ Невѣровскаго бился смертнымъ боемъ съ непріятелемъ, когда на каждомъ шагу ему угрожала гибель, на правомъ берегу русскія войска сосредоточивались у руднянской дороги.

Первая армія уже заняла избранныя позиціи у деревни Волоковой. Изъ войскъ второй арміи 8-ой корпусъ Бороздина подходилъ изъ Смоленска къ Надвѣ, куда и прибылъ 3 августа утромъ; 2-ая кирасирская дивизія, 2 августа вечеромъ, расположилась у Катыни; въ Смоленскѣ оставалась еще гренадерская дивизія принца Карла Мекленбургскаго и 7-ой корпусъ Раевскаго, который долженъ былъ выступить послѣднимъ изъ Смоленска, слѣдомъ за гренадерами. Однако, гренадеры замедлили свое выступленіе на 3 часа, чѣмъ и задержали Раевскаго, который не могъ двинуться изъ Смоленска ранѣе 7 часовъ вечера 2-го августа. Говорили, что причиной поздняго выступленія гренадеръ былъ крѣпкій сонъ принца Мекленбургскаго, котораго 2 часа не могли добудиться для вру-

---

1 Скугаревскій «1812-й годъ...» стр. 73.

2 Харкевичъ «Записки» гл. X. стр. 39.

ченія ему вновь присланной диспозиціи. По свидѣтельству Ермолова, крѣпкій сонъ начальника дивизіи объясняется бывшей наканунѣ пріятельской пирушкой.[1]

Въ виду такой задержки, Раевскій успѣлъ отойти всего нѣсколько верстъ, какъ встрѣтилъ на пути адъютанта Невѣровскаго, скакавшаго къ князю Багратіону съ рапортомъ о нападеніи французовъ на 27-ую дивизію. Отдаленныя пушечныя выстрѣлы съ лѣваго берега были слышны на пути слѣдованія Раевскаго, но дѣло разъяснилось только благодаря этой встрѣчѣ. Послѣ 12 верстъ перехода Раевскій остановился для роздыха. Въ наступившую бурную ночь онъ получилъ отъ князя Багратіона приказъ, не двигаться съ мѣста и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій: вслѣдъ затѣмъ, тотчасъ-же было получено повелѣніе идти обратно, чрезъ Смоленскъ къ Красному, на выручку Невѣровскаго. Раевскій немедленно выслалъ впередъ на Красный въ качествѣ авангарда 8 баталіоновъ подъ командой Паскевича. Самъ онъ выступилъ въ ту же ночь на 3 августа, пославъ къ князю Багратіону гонца, съ просьбой усилить его корпусъ стоявшими въ Катыни кирасирами и преподать дополнительныя разъясненія. Не получивъ отвѣта, онъ вынужденъ былъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

На разсвѣтѣ 3 августа Паскевичъ прошелъ черезъ Смоленскъ, гдѣ успѣлъ осмотрѣть стѣны и мѣстоположеніе города. Отойдя 6 верстъ за городъ по краснинскому большаку, у оврага предъ рѣчкой Ясеной онъ встрѣтилъ отрядъ Невѣровскаго, и здѣсь на мѣстѣ встрѣчи всталъ авангардомъ, предложивъ Невѣровскому идти къ Смоленску и присоединиться къ корпусу Раевскаго, согласно его распоряженія.

Въ то же утро вступилъ въ Смоленскъ и Раевскій, до котораго дошли слухи о гибели Невѣровскаго со всѣмъ его отрядомъ. Удрученный этимъ извѣстіемъ, Раевскій посѣтилъ находившагося въ городѣ Бенингсена, прося его совѣта. Этотъ генералъ подтвердилъ слухи о гибели Невѣровскаго и высказалъ свой мрачный взглядъ на дѣло. «Ваше положеніе», говорилъ онъ, «чрезвычайно затрудни-

---

[1] Ермоловъ, А. П. «Записки» стр. 163.

Николай Николаевичъ
РАЕВСКІЙ

тельно; вы идете на вѣрную погибель. Совѣтую вамъ, по крайней мѣрѣ, не переправлять артиллерію черезъ Днѣпръ». Къ счастію, мужественный Раевскій не раздѣлялъ такого взгляда. Въ своихъ запискахъ онъ говоритъ, что мнѣніе Бенингсена «не соотвѣтствовало моему положенію, почти отчаянному. Надо было истощить всѣ средства. Я чувствовалъ, что дѣло шло не о потерѣ нѣсколькихъ пушекъ, но о спасеніи арміи—можетъ быть, Россіи».

Раевскій отвелъ свой корпусъ на 3 версты за городъ и расположился на краснинскомъ большакѣ позади Паскевича, выжидая прибытія 27 дивизіи Невѣровскаго, которая и подошла къ 2 часамъ дня.

Въ то же время великая армія, идя по кровавымъ слѣдамъ Невѣровскаго, къ 5 часамъ пополудни стала подходить къ рѣкѣ Ясеной, по другую сторону которой стоялъ авангардъ Паскевича. Показались фланкеры; за ними наступалъ непріятельскій авангардъ, который, опрокинувъ передовыхъ казаковъ, подошелъ къ оврагу. Къ ночи туда же постепенно стянута была вся кавалерія Мюрата и густыя массы пѣхоты. Непріятель расположился на ночлегъ противъ нашихъ батарей на обширной волнообразной равнинѣ. Нашъ авангардъ отдѣлялся отъ него глубокимъ оврагомъ, по дну котораго протекала рѣка Ясеная. Въ наступившую ночь огромное зарево бивачныхъ огней яркой дугою охватило большую часть горизонта. И жутко было, глядя съ нашихъ позицій на этотъ зловѣщій отблескъ вражьей силы, думать о завтрашнемъ днѣ.

Раевскому нечего было разсчитывать на скорую помощь. Онъ послалъ донесенія объ истинномъ положеніи дѣлъ и въ Надву, и въ Волоково, гдѣ находились главныя квартиры обѣихъ нашихъ армій. Не было сомнѣнія, что, получивъ эти донесенія, арміи поспѣшатъ къ Смоленску, но путь имъ былъ далекъ: предстояло пройти Багратіону 30, а Барклаю 40 верстъ. Предъ лицемъ выпавшей на его долю великой задачи, положеніе Раевскаго становилось поистинѣ отчаяннымъ. Надо было спасать Смоленскъ отъ занятія его непріятелемъ въ тылу нашихъ войскъ, потому что потеря Смоленска отрѣзала бы наши арміи отъ Москвы и южныхъ областей Имперіи; надо было спасать отечество. Для осуществленія такой задачи предстояло остановить предъ Смоленскомъ, задержать хотя на одинъ день подступив-

шую уже къ городу, почти стотысячную, армію Наполеона,[1] противопоставя ей боевую силу одного корпуса, общею численностью 13—15 тысячъ человѣкъ.

Такое соотношеніе силъ не только не давало надежды на успѣхъ, а прямо грозило гибелью всему корпусу. Но Раевскій не склонялся предъ опасностью, какъ бы велика и неизбѣжна она ни казалась. Его душевное равновѣсіе, какъ мужественнаго и опытнаго бойца, неизмѣнно выражалось въ формулѣ: пусть будетъ, что будетъ, а дѣлать должно все, что только возможно. Поэтому онъ предавался душой и мыслью не тому, что будетъ и что дѣйствительно могло привести въ отчаяніе, а тому, что ему должно дѣлать, и что бодрило духъ.

Прежде всего необходимо было избрать лучшую позицію, и въ этомъ вопросѣ Раевскій пока колебался. Онъ особенно опасался за цѣлость днѣпровскаго моста, который служилъ ему единственнымъ путемъ соединенія съ нашими арміями. Собранный имъ военный совѣтъ рѣшилъ принять сраженіе предъ Смоленскомъ, на мѣстѣ расположенія корпуса. Однако, такому рѣшенію не сочувствовалъ Паскевичъ, который прибылъ изъ авангарда на совѣтъ позже всѣхъ. Онъ находилъ необходимымъ отступить въ Смоленскъ и защищаться въ самомъ городѣ. Мнѣніе его, которое онъ подробно мотивировалъ и весьма убѣдительно доказывалъ, наконецъ, восторжествовало. Было рѣшено отвести войска въ Смоленскъ.

Немедленно послѣ совѣта, въ тихую лунную ночь Раевскій вмѣстѣ съ Паскевичемъ поѣхали въ городъ, чтобы намѣтить мѣста расположенія войскъ. Теперь пришлось скорбѣть, что не было принято никакихъ мѣръ для укрѣпленія Смоленска. Надо было осмотрѣть старыя стѣны, поправить земляные валы и возвести нѣкоторыя полевыя укрѣпленія. Времени для этого было слишкомъ достаточно въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія нашихъ армій въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ. По обозрѣніи мѣстности, Раевскій отдалъ приказаніе, чтобы пѣхота немедленно отошла въ городъ, и чтобы конница оставалась на своихъ мѣстахъ, поддерживая въ тече-

---

[1] Корпуса Нея, Даву и конница Мюрата. Скугаревскій «1812 годъ». стр. 81.

ніи ночи бивачные огни, а съ разсвѣтомъ, при наступленіи непріятеля, также отошла бы въ городъ. Вслѣдствіе малочисленности своихъ силъ Раевскій призналъ необходимымъ ограничиться занятіемъ лишь западной и южной окраинъ города, откуда ожидалось нападеніе непріятеля. Съ цѣлью выиграть время и воспрепятствовать противнику воспользоваться выгодными подступами, оборона была вынесена въ предмѣстья. Ночью же началось размѣщеніе войскъ, и къ разсвѣту пѣхота уже заняла мѣста, указанныя ей для обороны города. Защита Королевскаго бастіона, на который прежде всего ожидались атаки непріятеля, что и сбылось въ дѣйствительности, поручена Паскевичу; на этомъ бастіонѣ, составлявшемъ центръ боевой линіи, расположилась часть 26 дивизіи, въ составѣ Полтавскаго полка и егерской бригады изъ 5-го и 42-го полковъ съ восемнадцатью орудіями.

Правѣе Королевскаго бастіона, на сѣверъ отъ него, въ Краснинскомъ предмѣстьѣ и въ прикрытомъ пути встали 3 полка 26 дивизіи—Ладожскій, Нижегородскій и Орловскій; здѣсь же при входѣ въ предмѣстье поставлены 2 орудія для обстрѣливанія дороги вдоль Днѣпра.

Лѣвѣе Королевскаго бастіона заняли: Мстиславльское предмѣстье 4 полка 12-й дивизіи—Нарвскій, Смоленскій, Новоингерманландскій и Александропольскій съ 24 орудіями; Рославльское предмѣстье и кладбище впереди его—Одесскій и Тираспольскій полки, составлявшіе бригаду Ставицкаго 27 дивизіи, съ 24 орудіями; Никольское предмѣстье—6-ой егерскій полкъ 12-ой дивизіи съ 4 орудіями. На лѣвый же флангъ нашей позиціи, на берегъ Днѣпра, гдѣ непосредственно за рѣкою проходила московская дорога, былъ посланъ въ разъѣзды для наблюденія за непріятелемъ кавалерійскій отрядъ: прибывшіе ночью Новороссійскіе драгуны и Литовскіе уланы вмѣстѣ съ 4 казачьими полками, состоявшими подъ командою полковника Сысоева.

По городской стѣнѣ разбросали Виленскій полкъ вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями выписавшихся изъ госпиталя людей. У моста на Днѣпрѣ, сохранность котораго особенно озабочивала Раевскаго, встали подъ командой генерала Оленина полки—Симбирскій 27-ой дивизіи и 41-ый егерскій 12-ой дивизіи съ 4 орудіями. Об-

стрѣленная въ Краснинскомъ бою егерская бригада 27-ой дивизіи, въ составѣ 49-го и 50-го полковъ, оставлена въ резервѣ.

Въ такой подготовкѣ къ оборонѣ протекала роковая для Смоленска ночь на 4 августа, канунъ перваго боя. Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, Раевскій отдалъ по пѣхотѣ приказаніе: въ случаѣ отступленія непріятеля не дѣлать для его преслѣдованія ни шагу съ занятыхъ позицій, чтобы не ослабить себя расширеніемъ поля битвы. Тревоги этой ночи позднѣе вспоминались ему и онъ писалъ въ своихъ запискахъ: «Въ ожиданіи дѣла я хотѣлъ уснуть, но признаюсь, что не смотря на всю прошедшую ночь, проведенную на конѣ, не могъ сомкнуть глазъ: столько озабочивала меня важность моего поста, отъ сохраненія котораго столь многое, или, лучше сказать, вся война зависѣла».

И едва ли кому въ Смоленскѣ было до сна въ эту злополучную ночь. Весь городъ переполненъ былъ чувствомъ глубокаго горя и безнадежной скорби. Каждый понималъ, что неминуемая бѣда угрожала его отечеству, семьѣ, личной жизни и всему имущественному благосостоянію. Всѣ, кто не могъ или не успѣлъ еще покинуть городъ, все послѣднее время жили между надеждою и страхомъ, а теперь очутились между жизнью и смертью. Когда 2 августа разнеслась вѣсть о занятіи французами Краснаго, бѣгство жителей изъ города чрезвычайно усилилось. 3-го августа передъ всенощной по городу съ быстротой молніи распространился слухъ о томъ, что французы стоятъ въ 10 верстахъ отъ Смоленска, и что Наполеонъ остановился на ночлегъ всего въ 7 верстахъ отъ города на архіерейской дачѣ—Новый дворъ. Въ дѣйствительности въ ночь съ 3 на 4 августа главная квартира Наполеона заняла Корытню въ 23 верстахъ отъ Смоленска. Вечеромъ стали вывозить казну и дѣловыя бумаги къ Юхнову и къ Вязьмѣ. Вице-губернаторъ Алымовъ былъ отправленъ съ казеннымъ транспортомъ, въ которомъ имѣлось до 3 милліоновъ казенныхъ денегъ и гербовой бумаги почти на 1 милліонъ руб., и при которомъ слѣдовало до ста человѣкъ приказныхъ служителей всѣхъ смоленскихъ присутственныхъ мѣстъ. Транспортъ этотъ, все время занятія непріятелемъ Смоленской губ., пребывалъ въ Костромѣ.[1]

---

[1] «Прошеніе дворянина Алымова»... См. прил.

До этого дня власти разными способами удерживали бѣгущихъ горожанъ; теперь-же онѣ сами спѣшили вонъ изъ города. Въ ночь на 4 августа, передъ разсвѣтомъ, уѣхалъ къ Дорогобужу губернаторъ Ашъ со всѣми подвѣдомственными чиновниками, а за нимъ выѣхалъ въ село Цуриково и архіерей также почти со всѣмъ духовенствомъ. Передъ своимъ отъѣздомъ архіерей приказалъ соборному ключарю Василію Соколову везти за нимъ и соборную икону Божіей Матери Одигитріи. Ключарь вынесъ изъ храма св. икону и въ сопровожденіи множества народа, бѣжавшаго изъ Смоленска, несъ ее за 30 верстъ до села Цурикова. Бѣжали всѣ, кто могъ, бросая свое имущество, которое своевременно вывозить было воспрещено. Даже смоленскій гарнизонъ съ комендантомъ Росси ушелъ въ эту ночь изъ города.

Настало утро 4 августа и завязался бой.

Съ 6 часовъ утра непріятель перешелъ къ наступленію на Смоленскъ, облагая всю лѣвобережную его часть и постепенно подступая по краснинской дорогѣ къ городу. Конница Мюрата, примыкая къ Днѣпру, гдѣ онъ входитъ въ городъ, была на правомъ флангѣ непріятеля противъ предмѣстья Рачевки; въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ стояла головная часть пѣхотнаго корпуса Нея, имѣя на крайнемъ лѣвомъ флангѣ вюртембергскую дивизію Маршана. Позже, большая часть этой дивизіи спустилась внизъ къ Днѣпру, гдѣ онъ выходилъ изъ города, и довершила такимъ образомъ облаженіе Смоленска.

Съ позиціи, занятой вюртембергской артиллеріей къ западу отъ города, виднѣлись среди холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ и кустарникомъ, лишь куполы собора да часть рѣки. Отсюда же, позднѣе, непріятель замѣтилъ, какъ вдали на правомъ берегу Днѣпра, поднимая цѣлыя облака пыли, быстро двигались къ городу черныя массы людей. Это не былъ блуждавшій корпусъ вестфальцевъ Жюно, котораго поджидали французы; то виднѣлись нежданныя для непріятеля русскія арміи, спѣшившія къ Смоленску. Французы говорили, что пораженіе Невѣровскаго ихъ пробудило, наконецъ, отъ долгой дремоты.

Сперва французская кавалерія бросилась на нашу передовую конницу и заставила ее отступить въ предмѣстье; орудійный огонь съ нашей стороны остановилъ дальнѣйшее преслѣдованіе. Затѣмъ,

пѣхота маршала Нея пошла въ бой тремя колоннами. Средняя колонна, съ самимъ маршаломъ во главѣ, шла прямо на Королевскій бастіонъ; правая колонна наступала на кладбище передъ Рославльскимъ предмѣстьемъ; лѣвая—вдоль Днѣпра на нашъ правый флангъ. Дружные залпы 70 русскихъ орудій встрѣтили непріятеля. Но онъ, не дрогнувъ, прошелъ ядра, прошелъ картечь и приближался уже къ крѣпостному рву. Средняя колонна бросилась на бастіонъ, и едва Паскевичъ успѣлъ выстроить одинъ изъ баталіоновъ, лежавшихъ въ прикрытомъ пути, какъ она уже была на гласисѣ. Подоспѣвшій Орловскій полкъ, сбросилъ непріятелей въ ровъ. Много разъ они пытались выбраться изъ рва и бросались на нашу пѣхоту, но всѣ попытки быстро прекращались нашимъ батальнымъ огнемъ; весь гласисъ былъ усѣянъ ихъ тѣлами. Самъ Ней съ 46-мъ линейнымъ полкомъ сдѣлалъ попытку овладѣть Королевскимъ бастіономъ, но былъ отбитъ однимъ изъ баталіоновъ Орловскаго полка подъ личнымъ начальствомъ Паскевича. Замѣтивъ ослабленіе противника, Паскевичъ пустилъ въ штыки Орловскій полкъ; за нимъ ударили въ штыки полки-Ладожскій и Нижегородскій. Непріятель былъ опрокинутъ, выбитъ изъ рва, и трупами своими покрылъ весь путь своего отступленія. Ободренные успѣхомъ наши полки бросились его преслѣдовать, но Паскевичъ приказалъ ударить отбой и снова построилъ людей въ прикрытомъ пути. Получивъ подкрѣпленіе, непріятель снова вернулся на ближайшій край оврага, но не посмѣлъ болѣе переходить его. Маршалъ Ней не рѣшался возобновить атаку. Онъ, въ ожиданіи прибытія Наполеона, развернулъ свой корпусъ и завязалъ ружейную и артиллерійскую перестрѣлку. Въ часъ дня на поле битвы прибылъ императоръ французовъ и, произведя рекогносцировку, отложилъ атаку до слѣдующаго дня, выжидая сосредоточенія своей арміи.

На Королевскомъ бастіонѣ, гдѣ кипѣлъ самый упорный бой, съ утра оказалось множество раненыхъ, и Паскевичъ приказалъ пригласить туда священника. Въ Одигитріевской церкви нашли отца Никифора Мурзакевича, служившаго молебны. Онъ немедля явился на мѣсто битвы, имѣя въ рукахъ св. Дары, а на груди икону Богоматери; слѣдомъ за нимъ его малолѣтній сынъ несъ святую воду. Исполняя свой пастырскій долгъ, от. Никифоръ безстрашно

обходилъ, подъ градомъ пуль и тучей орудійныхъ снарядовъ, ряды сражавшихся, утѣшая и напутствуя раненыхъ и умирающихъ. Затѣмъ онъ спустился въ крѣпостной ровъ и обошелъ всѣхъ засѣвшихъ тамъ солдатъ.

Правая и лѣвая колонны, шедшія на Рославльское и Краснинское предмѣстья были также опрокинуты. Въ этомъ дѣлѣ на городскомъ валу, предъ Рославльскимъ предмѣстьемъ былъ убитъ командиръ Одесскаго полка полковникъ Потуловъ, бывшій преображенецъ. Во время затихшей перестрѣлки, онъ грустно настроенный отдыхалъ на валу, пригласивъ къ завтраку нѣсколько офицеровъ. Послѣ завтрака онъ, взявъ за руки своего адъютанта Аксентьева и офицера 50-го егерскаго полка Андреева, пошелъ между ними ближе къ краю вала, посмотрѣть приближеніе французовъ. Едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ пуля пронзила сердце полковника и онъ опустился на землю, сжавъ руки своихъ товарищей.[1]

Въ началѣ боя Раевскій получилъ отъ Багратіона записку: «Другъ мой! я не иду, а бѣгу; желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись, Богъ тебѣ помощникъ!» Кромѣ Божьей помощи, до полученія этой записки, Раевскому не на что было надѣяться. Теперь онъ зналъ, что наши арміи спѣшатъ ему на выручку.

Къ сожалѣнію, даже дѣло Невѣровскаго подъ Краснымъ не навело еще наши арміи на вѣрный слѣдъ Наполеона. Извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, полученное въ ночь съ 2 на 3 августа, не убѣдило главнокомандующихъ, что Наполеонъ уже переправился на лѣвую сторону Днѣпра и со всѣми своими силами двигался къ Смоленску. Они полагали, что Невѣровскій имѣлъ дѣло съ однимъ изъ отдѣльныхъ отрядовъ французской арміи, а потому ограничились отправленіемъ къ Смоленску одного корпуса Раевскаго. Сами же они условились между собою въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ: вторая армія переправляется на лѣвый берегъ Днѣпра, чтобы преградить путь непріятелю; первая армія должна поддерживать вторую, охраняя пространство между Двиною и Днѣпромъ. Въ исполненіе такого плана Багратіонъ, присоединивъ къ 8-му корпусу, стоявшему у Надвы,

---

[1] «Изъ воспоминаній Нпк. Ив. Андреева» Русск. Арх. 1879 г. кн. 3.

отряды Васильчикова изъ Волокова и Горчакова изъ Дебрицъ, 3 августа выступилъ на Катынь, гдѣ приказалъ немедленно наводить мосты для переправы. Только въ это время полученныя отъ Раевскаго извѣстія воочію открыли главнокомандующимъ истинное положеніе дѣла, и они понеслись съ своими арміями на выручку Смоленска.

Подкрѣпленный извѣстіемъ на скорую помощь, Раевскій дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы хотя до вечера удержать городъ. А опасность угрожала со всѣхъ сторонъ, и необходимъ былъ большой запасъ самообладанія, чтобы не впасть въ полное уныніе и не потерять головы. Раевскій съ честью вышелъ изъ тяжкаго испытанія. Передъ вечеромъ, когда онъ находился впереди Молоховскихъ воротъ, къ нему прискакалъ офицеръ, видѣвшій начало атаки 46 линейнаго полка, руководимой маршаломъ Неемъ, и доложилъ, что Королевскій бастіонъ взятъ французами. Вслѣдъ за этимъ было получено другое донесеніе, что непріятель овладѣлъ днѣпровскимъ мостомъ. Казалось все потерянным, такъ какъ два важнѣйшихъ пункта въ линіи обороны перешли въ руки противника, а для возстановленія дѣла не было достаточнаго резерва. Но Раевскій, сохраняя полное самообладаніе, сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія о подкрѣпленіяхъ и самъ поспѣшилъ къ днѣпровскому мосту. Къ счастію, оба донесенія оказались ложными.[1]

Между тѣмъ Наполеонъ, ввиду неудачныхъ атакъ своей пѣхоты, велѣлъ устроить батареи и билъ стѣны города, поддерживая промежутки батарей стрѣлками. Наши войска, находясь въ прикрытомъ пути, несли незначительныя потери. Они подбирали французскія ружья, бывшія лучше нашихъ, и при помощи ихъ болѣе удачно поддерживали огонь. Оставшіеся на мѣстѣ горожане обоихъ половъ, появлялись на стѣнахъ и уносили въ городъ раненыхъ.

Около полудня вдали, на правомъ берегу Днѣпра показалась вторая армія, съ которой на выручку Смоленска спѣшилъ отъ Катыни князь Багратіонъ. Позади ея и дальше на сѣверъ отъ Днѣпра, изъ деревень Гаврики и Волоково, туда же стремилась армія Бар-

---

[1] Записки Раевскаго.

клая. Съ высокой покатости, по которой спѣшили наши арміи, они могли наблюдать всѣ наступательныя дѣйствія непріятеля противъ Смоленска и оборону его корпусомъ Раевскаго. Увидя приближеніе нашихъ армій, и въ надеждѣ на немедленное генеральное сраженіе, Наполеонъ, потирая руки, радостно воскликнулъ: «Наконецъ, русскіе въ нашихъ рукахъ!»

Теперь уже на глазахъ Раевскаго приближалась помощь; надо было держаться до послѣднихъ силъ. Прежде всего въ подкрѣпленіе Раевскому прибыла изъ Катыни 2-ая кирасирская дивизія, которую онъ просилъ раньше; теперь въ его положеніи кирасиры были безполезны и онъ, не вводя ихъ въ городъ, велѣлъ имъ остаться за Днѣпромъ. Послѣ кирасиръ, въ 7-мъ часу вечера, прибыли 4 полка 2-ой гренадерской дивизіи, которые также не были введены въ огонь, такъ какъ въ это время непріятель пріостановилъ атаки, поддерживая сраженіе стрѣлками и пушечной пальбой; гренадеры остались въ резервѣ. Слѣдомъ за ними стали подходить и другія войска князя Багратіона, а ночью прибыла и первая армія. Такимъ образомъ, въ ночь на 5 августа обѣ наши арміи уже сосредоточились противъ осажденнаго города на высотахъ праваго берега Днѣпра. Сраженіе утихло и непріятель отошелъ въ лагерь. Смоленскъ былъ нами удержанъ.

Вечеромъ на мѣсто боя прибыли оба главнокомандующіе и другіе генералы. Всѣ, сознавая важность успѣха истекшаго дня, наперерывъ поздравляли главныхъ виновниковъ этого успѣха— Раевскаго и Паскевича. Князь Багратіонъ въ восторженномъ тонѣ благодарилъ обоихъ за ихъ геройство. Генералъ Раевскій, главный герой обороны Смоленска 4-го августа, въ сознаніи величія совершеннаго имъ дѣла, восклицалъ: «Вотъ благополучнѣйшая минута всего военнаго поприща моего! Чтобы умѣть оцѣнить мое наслажденіе, надобно было перенесть безпокойство, мучившее меня сутки».

Однако, Раевскій не преувеличивалъ своихъ заслугъ. Напротивъ, онъ скорѣе съ преувеличенной скромностью писалъ: «Неисповѣдимый Промыселъ, поставя меня на край гибели, подалъ мнѣ возможность къ спасенію. Я сражался съ твердой рѣшимостью погибнуть на своемъ посту спасенія и чести; но, взвѣшивая съ одной

стороны важность выдержаннаго мною дѣла, а съ другой—ничтожность потери, понесенной моими войсками, приписываю успѣхъ, не столько собственнымъ моимъ соображеніямъ, сколько слабости атакъ Наполеона, который не воспользовался случаемъ рѣшить участь русской арміи и всей войны». Такъ скромно оцѣнивалъ свои заслуги въ дѣлѣ обороны Смоленска одинъ изъ лучшихъ героевъ Отечественной войны. А между тѣмъ развѣнчанный судьбою побѣдитель, томившійся на островѣ Св. Елены Наполеонъ, въ такихъ словахъ диктовалъ своему адъютанту Монтолону свои воспоминанія о смоленскихъ дняхъ: «Я обошелъ лѣвое крыло русской арміи, переправился черезъ Днѣпръ и устремился на Смоленскъ, куда прибылъ 24 часами прежде русской арміи. Отрядъ изъ 15 тысячъ человѣкъ, случайно находившійся въ Смоленскѣ, сумѣлъ цѣлые сутки защищать городъ, вслѣдствіе чего Барклай-де-Толли имѣлъ возможность своевременно прибыть на помощь. Если бы мы застали Смоленскъ врасплохъ, то, перейдя Днѣпръ, атаковали бы въ тылъ русскую армію, которая въ то время была еще раздѣлена и слѣдовала въ безпорядкѣ. Такого рѣшительнаго удара совершить не удалось».[1]

Какъ бы то ни было, замѣчаніе Раевскаго о слабости натиска Наполеона на Смоленскъ, при оборонѣ его 4 августа, представляется совершенно справедливымъ. Но едва ли можно предположить, что Наполеонъ, при огромномъ численномъ превосходствѣ своихъ силъ, не сумѣлъ бы взять Смоленска, охраняемаго всего 15 тысячами воиновъ. Между тѣмъ Наполеонъ, имѣя въ своемъ распоряженіи вмѣстѣ съ гвардіей болѣе 100 тысячъ войска, уже сосредоточеннаго подъ стѣнами Смоленска, ввелъ въ дѣло не болѣе 22 тысячъ.[2] По сему скорѣе надо думать, что цѣлью Наполеона въ этотъ разъ было не столько взятіе Смоленска, сколько вовлеченіе въ генеральное сраженіе нашего осторожнаго полководца. Когда съ высоты занятой имъ позиціи онъ 4 августа наблюдалъ, какъ обѣ наши арміи стремительно приближались къ Смоленску, онъ, очевидно, могъ

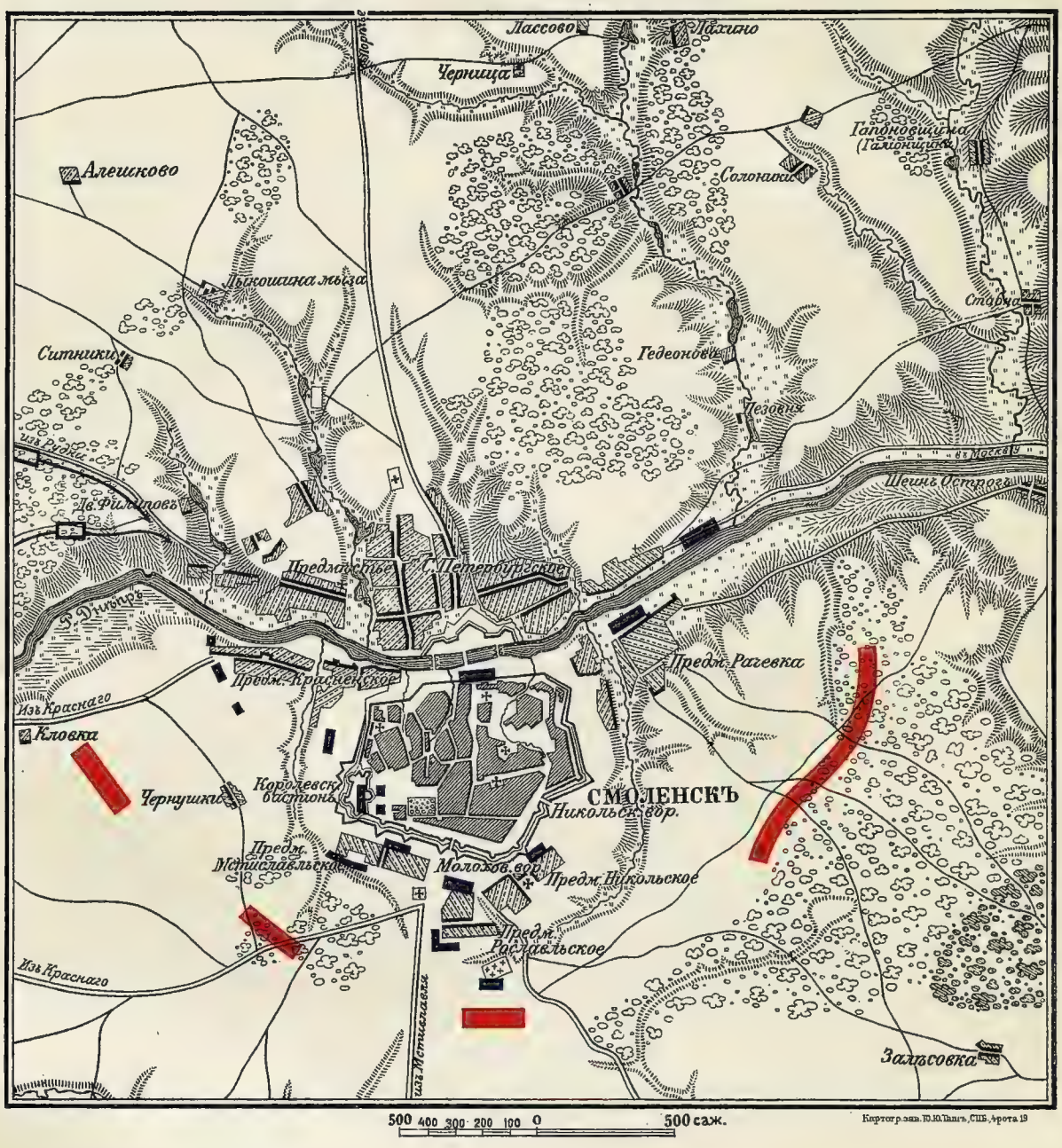
---

[1] Montholon «Memoires pour servir à l'histoire de France sous Napoleon ecrits à Ste-Hélène sous sa dictée» II p. 92.

[2] Лееръ. «Обзоръ войнъ...» стр. 377; Скугаревскій «1812 г.» стр. 81.

Планъ

сраженія при Смоленскѣ 4 августа.



Синія—русскія войска

Красныя—французскія войска

заключить, что онѣ спѣшатъ въ бой, а не стремятся къ отступленію, что онѣ идутъ на выручку Смоленска, а не въ цѣляхъ его сдачи. Вотъ почему, при видѣ стремительнаго наступленія нашихъ армій, онъ, казалось бы, имѣлъ основаніе предположить близость генеральнаго сраженія. Однако, дѣйствительность превзошла его разсчеты. Великій полководецъ не предугадалъ величайшей осторожности нашего главнокомандующаго.

Въ то время какъ обѣ наши арміи сошлись подъ Смоленскомъ, самъ собою возникалъ вопросъ о принятіи генеральнаго сраженія. При обсужденіи этого вопроса наши главнокомандующіе обратили вниманіе на то обстоятельство, что непріятель, сосредоточивъ всѣ свои силы въ одномъ мѣстѣ, получилъ возможность опередить насъ въ окрестностяхъ Дорогобужа съ тѣмъ, чтобы овладѣть московскою дорогою и тѣмъ самымъ занять важнѣйшее изъ нашихъ сообщеній. И дѣйствительно, позиція подъ Смоленскомъ, занятая нашими арміями, оправдывала такое опасеніе, такъ какъ непріятель свободно могъ обойти насъ съ лѣваго фланга, переправившись черезъ Днѣпръ у Прудищева въ 8 верстахъ отъ Смоленска. Такимъ образомъ, въ цѣляхъ обезопасенія нашихъ армій отъ обхода, надлежало отступить на болѣе выгодную позицію. Однако, не рѣшаясь сразу покинуть Смоленскъ, наши главнокомандующіе приняли иной планъ дѣйствія. Они рѣшили вновь раздѣлиться на незначительное разстояніе съ тѣмъ, чтобы первая армія защищала Смоленскъ, а вторая, отступивъ къ Дорогобужу, прикрыла московскую дорогу. Для осуществленія этого плана первая армія осталась у города на высотахъ праваго берега, отрядивъ изъ своего состава, для непосредственной обороны Смоленска, корпусъ генерала Дохтурова; вторая армія, принявъ въ ряды свои, какъ свою составную часть, корпусъ Раевскаго, рано утромъ 5 августа выступила по московской дорогѣ, оставя аріергардъ въ 4 верстахъ отъ Смоленска противъ деревни «Шеинъ-Острогъ». Въ виду такого раздѣленія нашихъ армій предъ лицомъ сильнѣйшаго противника, участь Смоленска была, очевидно, предрѣшена. Беря на себя при такихъ условіяхъ защиту Смоленска, Барклай-де-Толли, конечно, долженъ былъ уже имѣть въ виду дальнѣйшее отступленіе. Однако, князь Багратіонъ полагалъ необходимымъ отстаивать Смоленскъ до послѣдней возможности. Онъ до-

носилъ Государю: «Надѣюсь, что военный министръ, имѣя предъ Смоленскомъ готовую къ дѣйствіямъ всю первую армію, удержитъ Смоленскъ. А я, въ случаѣ покушенія непріятеля пройти далѣе на московскую дорогу, буду отражать его».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Оборона Смоленска генераломъ Дохтуровымъ.

(5 августа).

Новые корпуса непріятелей все подходили къ Смоленску и обложили его къ утру 5-го августа въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ центрѣ, противъ Мстиславльскаго и Никольскаго предмѣстій, встали пять дивизій корпуса Даву, имѣя позади себя въ резервѣ императорскую гвардію. Лѣвое крыло у Днѣпра, противъ Краснинскаго предмѣстья, заняли три дивизіи корпуса Нея: правѣе дивизія Разу, въ центрѣ Ледрю и влѣво, спустясь къ Днѣпру, вюртембергская дивизія Маршана. На правомъ крылѣ противъ Рачевки помѣстились двѣ польскихъ дивизіи Понятовскаго, а о бокъ съ ними, примыкая къ Днѣпру, на крайнемъ правомъ флангѣ: стали три кавалерійскіе корпуса Мюрата. Общее число непріятельскихъ войскъ, стянутыхъ къ Смоленску, достигало въ этотъ день 140 тысячъ человѣкъ. Сверхъ того къ Смоленску приближались: 8-й вестфальскій корпусъ маршала Жюно и 4-й корпусъ вице-короля Евгенія Богарне, составлявшіе общей численностью до 40 тысячъ человѣкъ. Маршалъ Жюно, сбившись съ дороги, лишь вечеромъ прибылъ по назначенію къ Смоленску для поддержки Понятовскаго. Вице-король, выйдя вечеромъ 4-го августа изъ дер. Синяки, прошелъ Красный, гдѣ устроилъ почтовое сообщеніе, и въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ, перейдя небольшую рѣчку,[1] расположился въ ночь на 5-ое августа бивакомъ въ аллеѣ деревьевъ на большакѣ. Онъ спалъ на сломаной телѣгѣ, придвинутой къ огню, въ виду холодной ночи.

---

[1] Французы называютъ ее Katova. Albert Adam «Voyage pittoresque et militaire...».

Бивакъ вице-короля на большакѣ за Краснымъ въ ночь съ 4 на 5 августа

Послѣ неудобнаго ночлега, съ разсвѣтомъ пасмурнаго и холоднаго дня, вице-король двинулся къ Смоленску, близъ котораго, передъ вечеромъ 5 августа, сталъ лагеремъ. Здѣсь была раскинута роскошная палатка, гдѣ онъ имѣлъ возможность отдохнуть послѣ безсонной ночи и тяжелаго перехода.

Для обороны Смоленска 5 августа, взамѣнъ корпуса Раевскаго, былъ назначенъ 6-ой корпусъ генерала Дохтурова, усиленный дивизіей Коновницына и, участвовавшей уже въ оборонѣ Смоленска 4 августа, славной 27-й дивизіей Невѣровскаго, а также 6-мъ егерскимъ полкомъ изъ дивизіи Колюбакина. Дохтуровъ не успѣлъ еще оправиться отъ горячки, которою заболѣлъ на походѣ въ Рудню. Главнокомандующій Барклай-де-Толли послалъ узнать, позволяетъ-ли здоровье генерала взять на себя оборону Смоленска. Дохтуровъ изъявилъ полную готовность стать во главѣ обороны, сказавъ, что «лучше умереть на полѣ чести, нежели безславно на кровати».

Корпусъ генерала Дохтурова, расположенный близъ Ракитни у селенія Дивасъ, поздно вечеромъ 4 августа получилъ приказаніе, оставивъ всѣ тяжести на правомъ берегу Днѣпра, идти въ Смоленскъ, и смѣнить еще до разсвѣта корпусъ Раевскаго. Во исполненіе этого приказанія, всѣ посты, занимаемые въ Смоленскѣ войсками 7-го корпуса, были переданы генераломъ Паскевичемъ и офицерами свиты Его Величества по квартирмейстерской части оберъ-квартирмейстеру 6-го корпуса Липранди, при чемъ давались соотвѣтственныя объясненія о выгодахъ и неудобствахъ каждаго пункта въ отдѣльности. Всѣ распоряженія о смѣнѣ и расположеніи войскъ были выполнены ночью на 5 августа, и войска Раевскаго постепенно, по замѣщеніи ихъ войсками корпуса Дохтурова, очистили городъ. Уже на разсвѣтѣ 5 августа передъ грозною силой непріятельскихъ войскъ, изъ коихъ было введено въ бой не менѣе 45 тысячъ человѣкъ, всталъ на защиту Смоленска отрядъ генерала Дохтурова, численностью въ 20 тысячъ воиновъ; съ прибывшимъ затѣмъ подкрѣпленіемъ, отрядъ этотъ не превышалъ 30 тысячъ.[1]

---

[1] Леер̀ъ «Обзоръ войнъ...» I, стр. 378.

Въ центрѣ расположилась 7-ая дивизія Капцевича, обороняя Мстиславльское и Рославльское предмѣстья; здѣсь же, близъ Молоховскихъ воротъ, въ резервѣ была поставлена 3-ья дивизія Коновницына. Правое крыло составляла 24-ая дивизія Лихачева, занимая Краснинское предмѣстье и Королевскій бастіонъ. На лѣвомъ крылѣ, въ предмѣстьяхъ Никольскомъ и Рачевкѣ, встали 27-ая дивизія Невѣровскаго и 6-ой егерскій полкъ; на этомъ же крылѣ, впередъ къ Днѣпру, были выдвинуты Иркутскіе, Сибирскіе и Оренбургскіе драгуны съ небольшимъ числомъ казаковъ подъ общимъ начальствомъ генерала Скалона; въ резервѣ лѣваго крыла былъ поставленъ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ.

Входившая въ составъ отряда артиллерія была размѣщена въ Королевскомъ бастіонѣ, на террасѣ Молоховскихъ воротъ, въ крѣпостныхъ башняхъ и въ Мстиславльскомъ предмѣстьѣ. Сверхъ того, по распоряженію Барклая, на высотахъ праваго берега Днѣпра выше и ниже Смоленска были размѣщены сильныя батареи для обстрѣла съ фланга непріятельскихъ войскъ, въ случаѣ наступленія ихъ противъ западной или восточной стороны города. Среди этихъ батарей находилась, сыгравшая въ дѣлѣ обороны Смоленска столь важную роль, батарея подполковника Нилуса, поставленная на высотахъ близъ церкви Св. Гурія, Самона и Авивы въ подкрѣпленіе нашего лѣваго крыла. Она съ блестящей славою изъ-за рѣки фланкировала стѣну города у пролома Раевскаго. Какъ только непріятельскія колонны, пользуясь кустами и оврагами, пытались обойти со стороны Рачевки городскія стѣны и спуститься къ Днѣпру, онѣ немедленно подвергались убійственному огню съ батареи. Эта же батарея охраняла сообщеніе города съ арміей, не давъ непріятелю возможности уничтожить переправу черезъ Днѣпръ. Близъ нея, по словамъ генерала Левенштерна,[1] нашему главнокомандующему угрожала опасность плѣненія.

Когда Барклай-де-Толли, объѣзжая позиціи, остановился на высотѣ возлѣ церкви, маскировавшей батарею Нилуса, на него изъ-за рѣки былъ направленъ кавалерійскій отрядъ изъ корпуса

---

[1] Записки ген. В. И. Левенштерна. Русск. Стар. 1900 г. Ноябрь, стр. 359—360.

Понятовскаго, чтобы окружить его и овладѣть батареей. Кавалеристы успѣли уже перейти рѣку въ бродъ. Замѣтивъ это, Левенштернъ, при помощи конвоя главнокомандующаго, его адъютантовъ и ординарцевъ, напалъ на непріятельскую кавалерію и обратилъ ее въ бѣгство. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился ординарецъ поручикъ Кавалергардскаго полка Башмаковъ. Другой ординарецъ былъ посланъ въ лагерь за полкомъ польскихъ уланъ, чтобы имъ прикрыть батарею. Сообщеніе съ правымъ берегомъ Днѣпра поддерживалось кромѣ постояннаго моста еще двумя, вновь устроенными, понтонными мостами. Съ разсвѣтомъ 5 августа непріятель стоялъ уже въ ружьѣ, и самъ Наполеонъ находился на полѣ битвы.

По описанію польскаго генерала Хлоповскаго, близъ города были разбиты императорскія палатки, за которыми встала гвардія. Отсюда открывался «весь Смоленскъ съ его стѣнами и старинными башнями», на которыхъ виднѣлись солдаты и стоявшія въ амбразурахъ пушки. Передъ стѣнами маячили казаки; затѣмъ они спустились въ глубокій оврагъ, который находился между линіей французскихъ войскъ и стѣной города. Наполеонъ, желая ближе подъѣхать къ стѣнамъ, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, приказалъ бывшему въ дежурствѣ Хлоповскому взять два эскадрона и выгнать казаковъ изъ оврага. Хлоповскій, вытѣснивъ казаковъ, перешелъ оврагъ и развернулъ въ линію свои эскадроны, предвидя, что по нимъ откроютъ огонь. Въ это время, слѣдовавшій позади императоръ уже успѣлъ осмотрѣть городъ и отъѣхалъ къ войскамъ.[1]

Наполеонъ ожидалъ, что вотъ-вотъ растворятся городскія ворота и изъ нихъ выступятъ русскія войска, принять, наконецъ, генеральное сраженіе. Но ворота не открывались, а съ утра послышались ружейные выстрѣлы, и съ 10 часовъ уже по всей передовой линіи открылся сильный огонь.

Въ это время въ Смоленскъ пріѣхалъ Барклай-де-Толли и около часа времени провелъ вмѣстѣ съ Дохтуровымъ на террасѣ Молоховскихъ воротъ, обозрѣвая открывавшуюся отсюда на большое пространство окрестную мѣстность. Изъ города дѣлались довольно

---

[1] Военскій «Воспоминанія генерала Хлоповскаго о войнѣ 1812 г.», Вѣстн. Иностр. Лит. 1902 г. Октябрь.

сильныя вылазки, благодаря которымъ непріятель былъ вытѣсненъ изъ предмѣстья въ поле. Онъ неоднократно вновь врывался въ предмѣстья, занимая улицы и дома, но всякій разъ отбрасывался назадъ съ большимъ урономъ. Стоявшая на правомъ флангѣ 24-ая дивизія Лихачева, сформированная въ Сибири, и впервые попавшая въ огонь, не обладая надлежащей выдержкой, постоянно кидалась впередъ, не смотря на строгія приказанія не выходить за черту предмѣстій.

Въ общемъ, однако, было замѣтно, что непріятель не развивалъ своихъ силъ: натиски его были вялы, и все дѣло ограничивалось перестрѣлкой и рѣдкой канонадой. Около двухъ часовъ дня бой уже замѣтно затихъ. Очевидно, Наполеонъ еще надѣялся заманить наши войска за стѣны города въ генеральное сраженіе. Онъ разсчитывалъ, что прибывшія такъ спѣшно подъ стѣны Смоленска арміи, перейдутъ Днѣпръ и подъ защитою крѣпостныхъ стѣнъ вступятъ въ сраженіе ради спасенія города. Но какъ ни дорогъ для русскихъ Смоленскъ, отечество, вся Россія—еще дороже; Смоленскъ уже былъ обреченъ въ жертву родинѣ. Вскорѣ Наполеонъ получилъ съ праваго фланга донесеніе объ отступательномъ движеніи нашей арміи по московскому тракту. Это отходила наша вторая армія, маршъ которой по дорогѣ, тянувшейся нѣсколько верстъ по береговой полосѣ Днѣпра, совершался въ виду французовъ. Такое важное извѣстіе настолько было неожиданно и такъ встревожило Наполеона, что онъ немедленно самъ поѣхалъ на правое крыло къ Шеину-Острогу; здѣсь онъ вполнѣ убѣдился въ отступленіи арміи князя Багратіона. Наполеонъ попытался прежде всего отрѣзать отступавшія войска отъ остальной арміи. Для этого онъ послалъ вверхъ по рѣкѣ разъѣзды отыскать бродъ. Поиски оказались тщетны. Но попытки непріятеля пробраться черезъ рѣку продолжались довольно долго. Подробности объ этихъ попыткахъ передаются въ разсказахъ лейбъ-казака Шамшева.[1] Въ то время какъ по лѣвому берегу Днѣпра двигались сильные непріятельскіе отряды кавалеріи и пѣхоты въ поискахъ удобной переправы, на лѣ-

[1] Рус. Стар. 1877 г. Февраль и Мартъ.

вомъ берегу рѣки повсемѣстно шныряли наблюдательныя команды донскихъ казаковъ. Въ полночь на 6 августа, корнетъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка Николаевъ, оберегавшій съ нѣсколькими казаками указанный ему участокъ берега, замѣтилъ на гладкой водной поверхности какія-то движущіяся темныя пятна, которыя безшумно приближались къ берегу; черезъ нѣсколько минутъ уже ясно обнаружился въ водѣ непріятельскій отрядъ. Лейбъ-казаки дали залпъ, но непріятель успѣлъ уже выбраться на берегъ и пошелъ на нихъ въ атаку. Однако, на залпъ прискакалъ съ своимъ эскадрономъ полковникъ Ефремовъ; за нимъ подоспѣли и другіе эскадроны лейбъ-гвардіи казачьяго полка, а также Изюмскіе гусары. Французская кавалерія не выдержала стремительнаго натиска лейбъ-казаковъ и гусаръ, и бросилась обратно въ рѣку.

Убѣдясь въ начавшемся отступленіи русской арміи, Наполеонъ рѣшилъ скорѣе овладѣть Смоленскомъ и отдалъ приказаніе къ общей атакѣ.

Между тѣмъ, въ рядахъ защитниковъ Смоленска, въ виду отсутствія натиска со стороны непріятеля и незначительной перестрѣлки, наступило нѣкоторое затишье, которымъ люди воспользовались для роздыха. На террасѣ Молоховскихъ воротъ, гдѣ стояли 4 орудія, отобѣдавъ, отдыхалъ, подъ навѣсомъ изъ какой-то двери, генералъ Дохтуровъ; здѣсь же собрался весь корпусной штабъ, среди котораго шла мирная бесѣда. Ничто не предвѣщало близкой бури. Но вотъ офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ баронъ Люце, изрѣдка осматривавшій мѣстность въ зрительную трубу, внезапно замѣтилъ сильное движеніе въ кустарникахъ за предмѣстьемъ. Возвратившійся въ это же время изъ передовой цѣпи праваго крыла полковникъ Монахтинъ сообщилъ, что «кажется французы зашевелились». Было около четырехъ часовъ дня. Вдругъ, противъ нашего праваго фланга, у непріятеля взвилась ракета, затѣмъ другая, третья и слѣдомъ за ней грянула страшная канонада болѣе чѣмъ изъ 150 орудій; городъ сразу осыпанъ былъ ядрами и гранатами. Началась общая атака. Одновременно пошли маршалъ Ней на Краснинское предмѣстье, Даву на Мстиславльское и на Молоховскія ворота, Понятовскій на Никольское предмѣстье и на Рачевку. Набросившись ожесточенно на оба наши

фланга, главныя усилія свои непріятель направилъ противъ нашего центра.

Нею удалось одержать верхъ надъ нашимъ правымъ крыломъ и онъ, овладѣвъ Краснинскимъ предмѣстьемъ, выстроилъ дивизію Маршана противъ Королевскаго бастіона, но не рѣшился атаковать это укрѣпленіе. Позже, когда, по распоряженію главнокомандующаго, въ подкрѣпленіе нашего праваго фланга прибыла изъ дивизіи Олсуфьева егерская бригада Потемкина въ составѣ 30-го и 48-го полковъ, Краснинское предмѣстье было очищено отъ непріятеля.

На лѣвое наше крыло съ отчаяннымъ мужествомъ кинулись польскіе полки Понятовскаго. Передъ атакой Наполеонъ, обращаясь къ польскимъ войскамъ, воскликнулъ: «Поляки! этотъ городъ принадлежитъ вамъ».[1] Дѣло началось атакой легкой кавалерійской дивизіи Брюйера на нашихъ драгунъ, выдвинутыхъ впередъ нашего крайняго лѣваго фланга; драгуны были смяты и въ безпорядкѣ отступили въ городъ. Въ этой схваткѣ погибъ командиръ ихъ, генералъ Скалонъ. Вслѣдъ затѣмъ Понятовскій направилъ свою пѣхоту противъ Никольскаго предмѣстья и Рачевки правымъ флангомъ къ Днѣпру, обстрѣливая въ то же время эти предмѣстья орудійнымъ огнемъ; по берегу рѣки онъ расположилъ батареи въ 60 орудій для обстрѣла переправы нашихъ войскъ по мостамъ и для противодѣйствія батареѣ подполковника Нилуса. Непріятельскія гранаты засыпали предмѣстья Рачевку и Никольское и они загорѣлись въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Поляки врывались въ пылавшія предмѣстья, гдѣ затѣмъ происходили отчаянныя рукопашныя схватки; здѣсь былъ заколотъ гренадеромъ Тобольскаго полка польскій генералъ Грабовскій и раненъ дивизіонный польскій генералъ Заіончекъ. Поляки съ бѣшеной храбростью бросались на самыя стѣны, не располагая даже лѣстницами; они неоднократно съ крикомъ «да здравствуетъ отчизна» подступали къ самому городу.

Одинъ изъ такихъ убійственныхъ натисковъ не могли выдержать даже испытанные наши полки 27-ой дивизіи и стали отступать,

---

[1] «Записки доктора де-ла-Флиза». Рус. Стар. 1891 г. Сентябрь.

Дмитрій Сергѣевичъ
ДОХТУРОВЪ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ШАДРИНСКАГО
РЕАЛЬНАГО
УЧИЛИЩА.

сохраняя, однако, порядокъ, къ Никольскимъ воротамъ. Въ это время подъѣхалъ начальникъ артиллеріи первой арміи, графъ Кутайсовъ въ сопровожденіи графа Граббе;[1] онъ сталъ останавливать отступающихъ какъ вдругъ, въ самый критическій моментъ, въ карьеръ вылетѣлъ изъ Никольскихъ воротъ генералъ, который гнѣвнымъ укоромъ сразу остановилъ отступавшіе полки. Лицо и вся фигура его дышали отвагой, взоръ кипѣлъ могучимъ негодованіемъ; его героическая наружность производила неотразимое впечатлѣніе. «Онъ былъ одѣтъ какъ на праздникъ. Новые эполеты; изъ подъ растегнутаго мундира... виднѣлась тонкая бѣлая рубаха со сборками; блестящая и готовая сталь въ сильной рукѣ. Онъ былъ красивъ и дѣйствовалъ могущественно на духъ солдата». Замѣтивъ графа Кутайсова, онъ громко спросилъ: «кто здѣсь мѣшается не въ свое дѣло?» Кутайсовъ назвалъ себя и спросилъ: «Вы кто?» Я Невѣровскій—послѣдовалъ отвѣтъ. Этотъ славный вождь вдохнулъ отвагу въ свои отступавшіе полки, остановилъ ихъ, обратилъ на врага, послалъ на смерть и побѣду. Полки бросились впередъ, все опрокидывая предъ собой, и вновь заняли ближайшія къ воротамъ дома предмѣстья.

Впослѣдствіи поляки, вспоминая осаду Смоленска, разсказывали, что въ самый разгаръ боя они видѣли, какъ подъ стѣнами города появился православный священникъ, который неустрашимо обходилъ ряды русскихъ войскъ, подкрѣпляя вѣру солдатъ и внушая имъ отвагу. Это былъ отецъ Никифоръ Мурзакевичъ. Онъ съ самаго утра не покидалъ мѣста сраженія: былъ на Королевскомъ бастіонѣ, противъ Молоховскихъ воротъ, и затѣмъ появился у Никольскихъ воротъ въ виду польскаго войска.

Въ концѣ концовъ всѣ усилія поляковъ были сломаны неустрашимостью генерала Невѣровскаго, мужествомъ гвардейскихъ егерей, введенныхъ въ дѣло изъ резерва, и искусными распоряженіями графа Кутайсова, который лично управлялъ дѣйствіемъ орудій. Въ этомъ дѣлѣ, среди многихъ другихъ, погибъ командиръ 8 роты 50-го егерскаго полка поручикъ Кунцевичъ, который, по

---

[1] «Изъ памятныхъ записокъ графа Павл. Христ. Граббе».

словамъ товарища—очевидца, таинственнымъ проникновеніемъ предугадалъ свой роковой конецъ.[1] У него былъ домъ въ предмѣстьѣ, гдѣ проживала его тетка, которая ежедневно приносила на позицію ему и его ближайшимъ товарищамъ завтракъ. Храбрый офицеръ Кунцевичъ, въ продолженіи двухъ дней обороны Смоленска болѣе пятнадцати разъ былъ въ стрѣлкахъ всегда съ одинаковымъ мужествомъ. Въ послѣдній же разъ, когда около вечера пришла его очередь, онъ пошелъ къ баталіонному командиру съ просьбой не посылать его въ бой, говоря, что у него «тоска ужасная и робость напала». Его убѣдили идти. Онъ пошелъ, противъ обыкновенія, простившись со всѣми. Едва стрѣлки разсыпались, какъ онъ былъ наповалъ сраженъ пулею. Вечеромъ его принесли, уже ограбленнаго французами, и похоронили на дворѣ его собственнаго дома.

Но главную, наиболѣе сильную атаку повелъ Наполеонъ на центръ нашей позиціи—на Молоховскія ворота. Три первыя французскія дивизіи—Морана, Фріана и Гюдена, подъ командой маршала Даву, находясь внѣ сферы дѣйствія фланговаго огня нашихъ батарей праваго берега Днѣпра, послѣ упорнаго боя едва не овладѣли Рославльскимъ и Мстиславльскимъ предмѣстьями. Здѣсь около двухъ часовъ мужественно держались Капцевичъ и Коновницынъ, при личномъ участіи въ оборонѣ генерала Дохтурова. Но опасность въ неравномъ бою все больше возрастала. Канонада была такъ сильна, что дымъ застилалъ свѣтъ; трескъ и гулъ выстрѣловъ заглушали слова команды и звукъ барабановъ. Водворился какой-то кромѣшный адъ. Немногіе изъ присутствовавшихъ остались невредимы. Командиръ егерской бригады 7 дивизіи, генералъ Балла, былъ убитъ; Коновницынъ получилъ пулевую рану въ руку, но остался въ строю и даже не дозволилъ перевязкою отвлечь свое вниманіе отъ сраженія. О разрушительномъ дѣйствіи огня въ этомъ мѣстѣ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что 4 орудія, стоявшія у Молоховскихъ воротъ, пришлось смѣнить четыре раза, такъ какъ лошади и люди истреблялись въ самое короткое время. Особая напряженность атакъ непріятеля заставила генерала Дохтурова отправить корпуснаго оберъ-квартирмейстера къ

[1] Изъ воспом. Ник. Ив. Андреева. Русс. Арх. 1879 г., т. 3.

Графъ Иванъ Ѳедоровичъ
ПАСКЕВИЧЪ-ЭРИВАНСКІЙ

Графъ Александръ Ивановичъ
КУТАЙСОВЪ

Графъ Петръ Петровичъ
КОНОВНИЦЫНЪ

Принцъ Евгеній
ВЮРТЕМБЕРГСКІЙ

Барклай-де-Толли съ просьбой объ оказаніи помощи.[1] Находившійся въ то время при Барклаѣ принцъ Евгеній Вюртембергскій склонилъ главнокомандующаго двинуть въ городъ на помощь сражающимся состоящую подъ его командою 4-ую дивизію, и самъ вызвался лично убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ на мѣстѣ битвы. Отрядивъ въ бой эту дивизію, Барклай сказалъ посланному генерала Дохтурова: «Передайте Дмитрію Сергіевичу, что отъ его мужества зависитъ сохраненіе всей арміи». Принцъ Евгеній, отправившись немедленно въ городъ и перейдя днѣпровскій мостъ, сразу попалъ въ сферу смертельнаго ужаса, который не поддается описанію. Истерзанные, изувѣченные раненые, обливаясь кровью, переполняли улицы; ихъ везли на повозкахъ, несли на носилкахъ и сами они ползли по землѣ среди пылающихъ строеній. Безпрерывно лопались бомбы и разрывались гранаты, въ клочья разнося своими осколками живое человѣческое тѣло. Зрѣлище неизгладимо на вѣки потрясало душу. Достигнувъ Молоховскихъ воротъ, принцъ увидѣлъ тамъ Дохтурова и Коновницына, дѣйствовавшихъ съ необычайнымъ рвеніемъ въ сферѣ самаго горячаго огня. Положеніе нашихъ войскъ было самое критическое. Непріятель напрягалъ всѣ усилія, чтобы сломить сопротивленіе геройской защиты. Наполеонъ приказалъ генералу Сорбье подвести къ смоленскимъ стѣнамъ 36 батарейныхъ орудій гвардейской резервной артиллеріи. Однако, орудійный огонь оказывался безсильнымъ противъ толстыхъ стѣнъ. Большой вредъ наносили снаряды, попадая въ верхи стѣнъ, гдѣ они разрушали зубцы и поражали людей осколками камней. Еще большее опустошеніе производили снаряды, перелетавшіе черезъ стѣны: они поражали скученныя въ улицахъ и на площадяхъ войска и убивали жителей; они, попадая въ строенія, производили пожары. Церкви, дома, все, что поддавалось огню, запылало. Принцъ Вюртембергскій поспѣшилъ навстрѣчу своей дивизіи. Проведя ее въ городъ, онъ отрядилъ Тобольскій и Волынскій

---

[1] Въ семьѣ смоленскихъ дворянъ-помѣщиковъ г.г. Ровинскихъ сохраняется разсказъ, что съ такой же просьбой отъ Дохтурова къ Барклаю былъ посланъ капитанъ 36 егерскаго полка В. П. Ровинскій, который выполнилъ порученіе, хотя получилъ сильные ожоги, проѣзжая среди пылавшихъ зданій города.

полки на Рачевку, въ помощь нашему лѣвому крылу, отражавшему Понятовскаго; два другихъ полка—Кременчугскій и Минскій—онъ отправилъ на правый флангъ нашей позиціи, въ помощь 24-ой дивизіи Лихачева; самъ же принцъ повелъ два полка егерей—4-ый и 34-ый—къ Молоховскимъ воротамъ. Онъ подоспѣлъ какъ разъ во время. Дивизія Кащевича была смята и въ полномъ разстройствѣ отступала къ городу; самъ Кащевичъ, весьма храбрый генералъ, стоялъ съ толпой другихъ воиновъ въ прикрытіи за домомъ. «Неровны дни военнаго человѣка», говоритъ по этому поводу очевидецъ боя графъ Граббе.[1] Артиллерія была сбита съ позиціи и на рысяхъ пролагала себѣ путь въ городъ чрезъ толпу бѣгущихъ солдатъ. Въ это время былъ взорванъ ящикъ проходившей роты капитана Глухова. Отъ ящика осталось одно днище, на которомъ въ тотъ же день былъ вывезенъ изъ города образъ Смоленской Божіей Матери. Сдача предмѣстій казалась неизбѣжной. Дохтуровъ приказалъ свѣжимъ полкамъ принца Вюртембергскаго сдѣлать изъ города вылазку и прогнать непріятеля, который засѣлъ близъ самой стѣны въ сосѣднихъ домахъ. Принцъ повелъ за городъ 4-ый егерскій полкъ; полкъ сразу дрогнулъ отъ жестокаго огня, но принцъ лично бросился въ бой и возстановилъ порядокъ. Нѣсколько отважныхъ егерей побѣжало впередъ въ прикрытый путь, занятый французами; за героями кинулся весь баталіонъ, шедшій въ головѣ полка подъ командой маіора Гейдекена; солдаты ударили въ штыки и молодецки выбили непріятеля изъ прикрытія. Предмѣстья остались за нами.

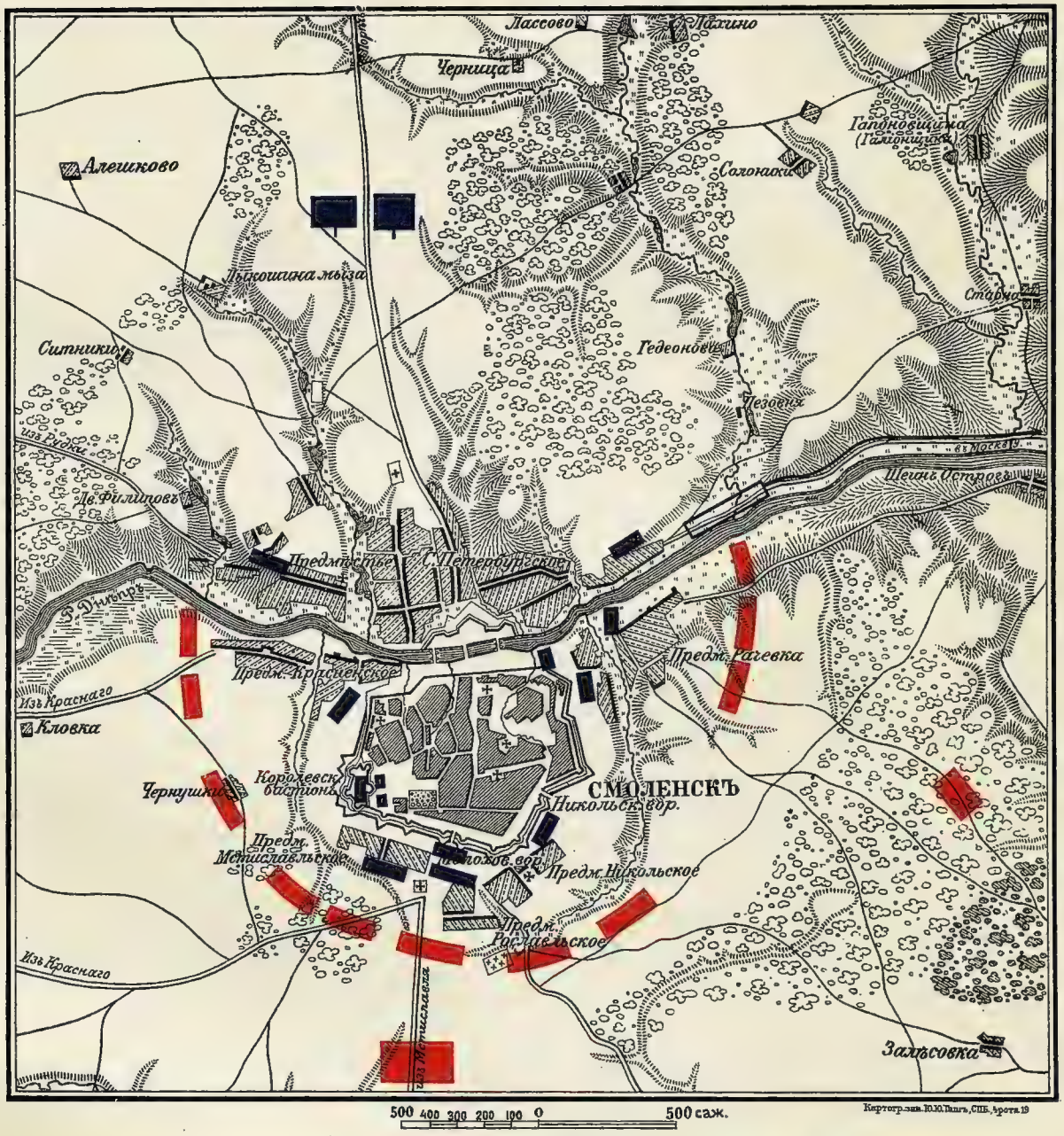
Наполеонъ, убѣдившись въ невозможности взять городъ приступомъ, продолжалъ усиленную канонаду, но старыя стѣны стояли недвижны. Напрасно рычала вся непріятельская артиллерія, извергая на нихъ свои ядра; напрасно гвардія подвезла ближе къ нимъ свои батарейныя орудія. Непріятелю не удалось пробить въ нихъ бреши. Однако, нерушимыя стѣны прикрывали смерть и разрушеніе. Нѣсколько часовъ непрерывнаго губительнаго огня изъ полутораста орудій, преимущественно гаубицъ, произвели въ городѣ страшное опустошеніе и превратили его въ сплошное по-

---

[1] «Изъ памятныхъ записокъ графа Павл. Христ. Граббе».

Планъ

сраженія при Смоленскѣ 5 августа.



Синія—русскія войска

Красныя—французскія войска

жарище. Наши войска защищали уже не городъ, а родное пепелище.

Это былъ канунъ годового праздника Преображенія Господня, когда осажденный Смоленскъ пылалъ со всѣхъ сторонъ, и ядра поражали на улицахъ и площадяхъ войска и бѣгущія въ отчаяніи толпы народа. Ни въ домахъ, ни въ храмахъ не было спасенія. Во время молебна въ Одигитріевской церкви, черезъ окно влетѣла бомба и разорвалась со страшной силой и трескомъ среди молящихся. Священникъ этой церкви, отецъ Никифоръ Мурзакевичъ, перевелъ семью свою въ соборъ и помѣстилъ ее тамъ на обширныхъ хорахъ. Кромѣ отца Никифора въ городѣ оставался спасскій священникъ, отецъ Яковъ Соколовъ, а послѣ занятія города французами въ числѣ плѣнныхъ оказался еще вознесенскій протопопъ, отецъ Поликарпъ Звѣревъ. Другихъ священниковъ въ Смоленскѣ уже не было. Поэтому весьма распространенные разсказы о томъ, что въ осажденномъ городѣ среди дыма и пламени въ приходскихъ храмахъ непрестанно совершались церковныя службы и вечеромъ 5 августа происходило всенощное бдѣніе, представляются только весьма красивымъ поэтическимъ вымысломъ. Извѣстно лишь о служеніи молебновъ от. Никифоромъ въ Одигитріевской церкви.

Въ сумерки вынесли чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи изъ Благовѣщенской церкви, гдѣ временно помѣщалась икона въ виду передѣлки храма надъ Днѣпровскими воротами. Икону эту обносили по городу и безпрерывно служили молебны, при чемъ всѣ повторяли произносимыя во время службы при чтеніи евангелія слова: «Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяца и возвратися въ домъ свой». (Ев. отъ Луки, гл. I, ст. 56). Чудотворная икона была передана, по распоряженію Барклая, войскамъ и отдана въ первую батарейную роту капитана Глухова. Съ этого времени святыня эта пребывала постоянно при войскѣ въ 3-ей пѣхотной дивизіи, пока не была возвращена въ Смоленскъ послѣ боя подъ Краснымъ. Все время похода ее возили предъ войсками на ходу разбитаго зарядnаго ящика.

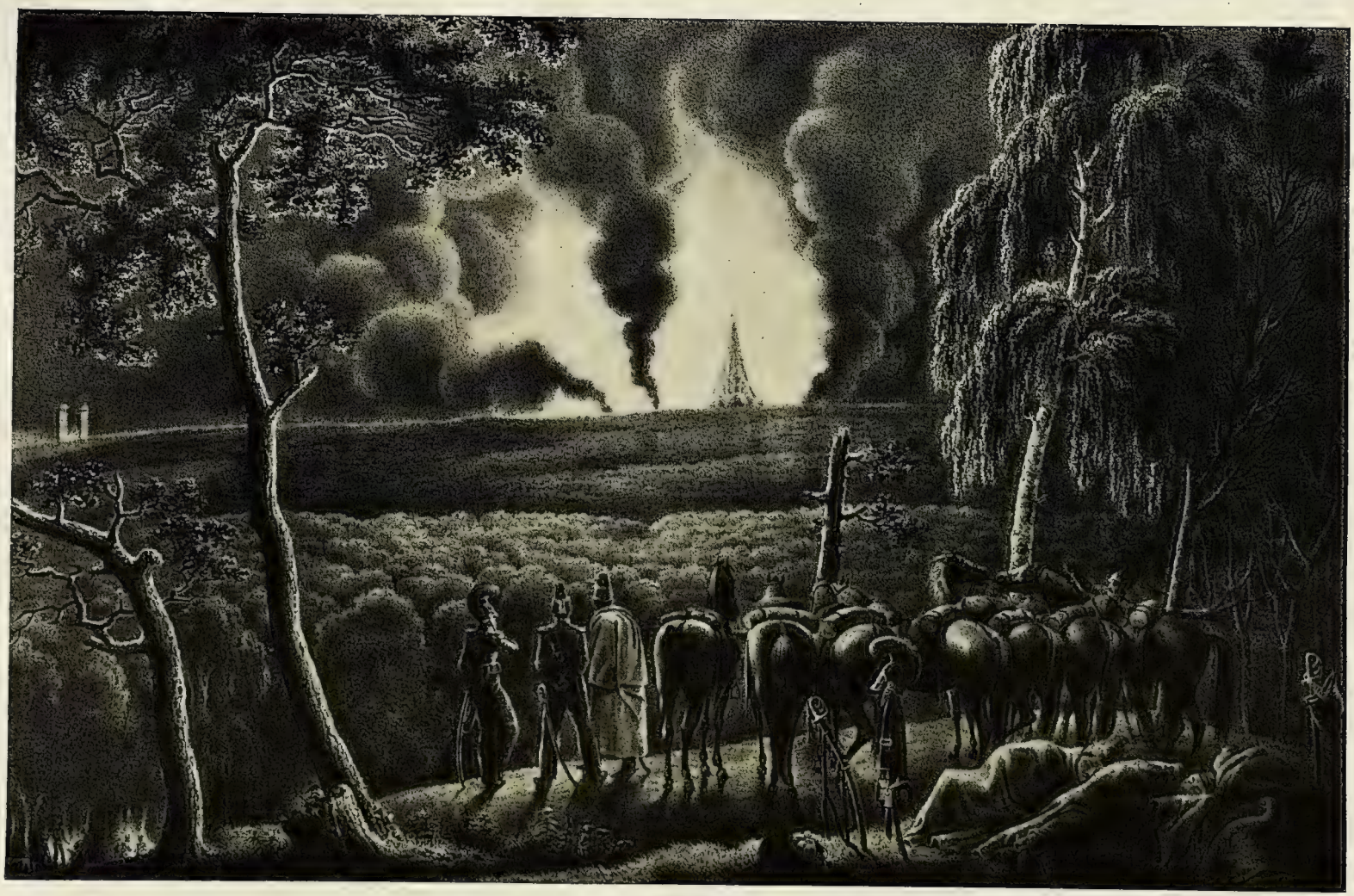
Въ то время, когда народъ и войска усердно молились передъ чудотворной иконой, по словамъ одного изъ участниковъ обороны Смоленска, артиллерійскаго офицера И. С. Жиркевича, произошла

очень знаменательная сцена.[1] Къ биваку Жиркевича подъѣхалъ его бригадный командиръ полковникъ Эйлеръ и, вызвавъ его, сказалъ: «Ты хорошо знаешь, Иванъ Степановичъ, церковную службу, и вѣрно знаешь, какое читается евангеліе, когда служатъ молебенъ Божіей Матери? Правда ли, что тутъ говорится, что она пробудетъ въ отсутствіи изъ дома три мѣсяца и потомъ возвратится опять къ себѣ?» Въ отвѣтъ на это Жиркевичъ привелъ буквальное выраженіе евангельскаго текста, пояснивъ, что здѣсь говорится о трехъ мѣсяцахъ «въ отношеніи прошлаго, а не будущаго». Тогда полковникъ Эйлеръ объяснилъ въ чемъ дѣло. «Ну, вотъ», сказалъ онъ, «теперь на этомъ текстѣ основываютъ нашу надежду. Говорятъ, что мы Смоленскъ отдадимъ французамъ, но черезъ три мѣсяца опять будемъ тутъ же». И дѣйствительно, въ ночь съ 5 на 6 августа русскія войска оставили Смоленскъ непріятелю, а утромъ 5 ноября снова заняли Смоленскъ, куда 10 ноября была возвращена и смоленская святыня—икона Божіей Матери.

Около семи часовъ вечера непріятель произвелъ новый штурмъ города, но былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ. Съ величайшимъ трудомъ удалось сохранить также мосты на Днѣпрѣ, служившіе единственнымъ сообщеніемъ осажденнаго Смоленска съ арміей. Около десяти часовъ вечера канонада стихла и непріятель отступилъ отъ стѣнъ на небольшое разстояніе. Наши войска расположились за городскою оградою, выславъ стрѣлковыя цѣпи въ прикрытый путь и предмѣстья. Бой смолкъ и подъ покровомъ надвигавшейся ночи настала тишина. Истерзанная впечатлѣніями крови, убійствъ и безобразныхъ ужасовъ, душа человѣка хоть на краткое мгновеніе жаждала мира, отдыха и красоты. Жаждала и отдавалась имъ безотчетно, хотя бы миръ былъ мгновеннымъ затишьемъ, а красота внѣшнимъ выраженіемъ незримаго горя людей. Такое настроеніе переживалъ въ ряду непріятелей художникъ артиллеристъ, когда онъ со своего отдаленнаго бивака въ окрестностяхъ Свирской церкви смотрѣлъ въ 10 часовъ вечера 5 августа на горѣвшій Смоленскъ. Мохнатые отъ кустовъ холмы заслоняли ближайшій гори-

---

[1] Записки Ив. Степ. Жиркевича. Рус. Стар. 1874 г. Августъ. Авторъ ошибочно относитъ сцену эту къ 3 августа, когда въ Смоленскѣ боя не происходило.



Видъ на горѣвшій Смоленскъ съ окрестностей Свирской церкви, 10 ч. вечера 5 августа

зонтъ, а тамъ вдали, за нимъ изъ центра пылавшаго города были видны очертанія лишь одного реальнаго предмета—верхней части башни или церкви; все остальное—зрѣлище магической иллюзіи. Подымались, какъ бы исходя изъ жерла вулкана, колонны огня; онѣ все росли, ширились, искрились, образуя исполинскіе снопы свѣта, и, побѣдивъ тьму, превращали ночь въ день. Вспоминалось изверженіе Везувія. Это чудное зрѣлище, пріятная свѣжесть лѣтней ночи и въ зыбкомъ заревѣ огня «смѣющіяся» окрестности Смоленска глубоко захватывали душу художника въ станѣ побѣдителя. Да, это было изверженіе Везувія, и великая армія вступила на русскій вулканъ....

Съ иной точки зрѣнія представлялась эффектная картина гибели Смоленска уму и сердцу русскихъ людей. На высотахъ Покровской горы, близъ лагеря русской арміи, въ ту же скорбную ночь нераздѣльной толпой собрались наши генералы и офицеры, между которыми была, одѣтая амазонкой, жена дворянина Храповицкаго. Среди суровыхъ лицъ, опаленныхъ солнцемъ и биваками, выдѣлялись тонкія очертанія нѣжнаго женскаго образа, который своимъ печальнымъ выраженіемъ какъ бы довершалъ на высшихъ тонахъ гамму всеобщей скорби, отраженной лицами зрителей. Взоры всѣхъ неподвижно были устремлены на пылавшій Смоленскъ. «Этотъ огромный костеръ церквей и домовъ былъ поразителенъ. Всѣ въ безмолвіи не могли свести съ него глазъ».[1] Пламя пожара било сквозь закрытыя вѣки. Не картина огнедышащаго Везувія плѣняла здѣсь воображеніе, а горе населенія и скорбь за участь родины терзали сердца.

Около полуночи въ главной квартирѣ собрались высшіе чины арміи, обсуждая событія дня. Всѣ, пламенѣя желаніемъ отразить врага, осуждали рѣшеніе главнокомандующаго оставить Смоленскъ. Къ нему былъ посланъ передать надежды и желанія первыхъ лицъ арміи графъ Кутайсовъ, отличавшійся своимъ краснорѣчіемъ. Внимательно выслушавъ его, непреклонный Барклай ласково ему отвѣчалъ: «Пусть всякій дѣлаетъ свое дѣло, а я сдѣлаю свое».

---

[1] «Изъ памятныхъ записокъ графа П. Х. Граббе».

И на этотъ разъ мы не сдали съ боя нашъ старый городъ, но мы оставили его развалины.

Потери наши при оборонѣ Смоленска 5 августа простирались до 6—7 тысячъ человѣкъ,[1] потери непріятеля—отъ 10—12 тысячъ человѣкъ. Общія потери непріятеля въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ Бутурлинъ исчисляетъ до 20 тысячъ. Въ своемъ донесеніи Государю Барклай-де-Толли говоритъ: «Приступы непріятеля были наижесточайшіе и отважные, но въ возмездіе того и потеря его столь чрезвычайна, что нашъ уронъ даже ни мало не можетъ войти въ сравненіе съ непріятелемъ».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Занятіе Смоленска непріятелемъ.

(6 августа).

Прекрасный лѣтній вечеръ 5 августа смѣнила теплая безвѣтренная ночь. Въ Смоленскѣ смолкли звуки брани, и тѣмъ ярче были бѣдствія войны. Въ тихую ночь, въ наступившей зловѣщей тишинѣ, шла гулкая трескотня пожара и весь городъ представлялся уходившимъ къ небу сплошнымъ огненнымъ столбомъ въ мохнатой чалмѣ чернаго дыма. Горѣлъ весь городъ съ предмѣстьями и Заднѣпровьемъ. «Зрѣлище пожара было настолько зловѣще, что жители сравнивали его съ свѣтопреставленіемъ и спѣшили уходить изъ города, чтобы не погибнуть въ бушевавшемъ пламени». Городъ почти весь выгорѣлъ: изъ 2.500 домовъ всего уцѣлѣло 350. Защищать далѣе развалины Смоленска представлялось главнокомандующему не только безцѣльнымъ, но и весьма опаснымъ. Онъ доносилъ Государю: «Цѣль наша при защищеніи развалинъ смоленскихъ стѣнъ состояла въ томъ, чтобы, занимая тамъ непріятеля, пріостановить исполненіе намѣренія его достигнуть Ельни и До-

---

[1] Леверъ «Обзоръ войнъ...», ч. I, стр. 379.

рогобужа и тѣмъ предоставить князю Багратіону нужное время прибыть безпрепятственно въ Дорогобужъ. Дальнѣйшее удержаніе Смоленска никакой не можетъ имѣть пользы; напротивъ того, могло бы повлечь за собою напрасное жертвованіе храбрыхъ солдатъ. Посему рѣшился я, послѣ удачнаго отраженія приступа непріятельскаго, ночью съ 5 на 6 число оставить Смоленскъ, удерживая только Петербургскій форштадтъ, и со всею арміею взять позицію на высотахъ противъ Смоленска, давая видъ, что ожидаю его атаки».

Послѣдовало распоряженіе объ оставленіи Смоленска. Генералъ Дохтуровъ, получивъ приказъ объ этомъ въ 1 часъ ночи, немедленно приступилъ къ его выполненію. Посты, находившіеся внѣ Смоленска, были секретно сняты; входы въ городъ заграждены и войска стали переправляться черезъ мостъ на правый берегъ Днѣпра. Всѣмъ было необходимо спѣшить съ такой переправой, чтобы не погибнуть и не отдаться въ руки непріятеля. Вслѣдъ за войсками тянулись изъ города несчастные жители, спасавшіеся отъ непріятеля, потерявшіе внезапно все свое достояніе и лишившіеся вмѣстѣ съ семьями крова и хлѣба. Вопли женщинъ, рыданія дѣтей и видъ безпомощныхъ старцевъ и раненыхъ надрывали душу. Здѣсь особую заботливость о пострадавшихъ проявили Дохтуровъ и Коновницынъ. Они помогали несчастнымъ чѣмъ могли—деньгами, совѣтомъ и утѣшеніемъ; по ихъ приказанію сажали на пушечные лафеты старцевъ и дѣтей.

Цѣлыя толпы обездоленныхъ смолянъ, въ состояніи полнаго отчаянія, собрались за Днѣпромъ возлѣ одной гвардейской батареи. Сюда подъѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ, и, обращаясь къ покинувшимъ городъ жителямъ, сказалъ: «Что дѣлать, друзья, мы не виноваты. Не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ. А мы, и больно, но должны слушать его. У меня не менѣе вашего сердце надрывается». Если братъ Государя нашелъ возможнымъ публично дать выходъ своему негодованію противъ дѣйствій главнокомандующаго Барклая-де-Толли, то всѣ другіе таили въ себѣ тѣ же самыя чувства, которыя по временамъ переходили также въ открытый ропотъ. На него негодовали: «за наши постоянныя отступленія,

за Смоленскій пожаръ, за разореніе нашихъ родныхъ, за то, что онъ не русскій».[1] Но Барклай оставался неизмѣнно ровенъ, спокоенъ и непоколебимъ духомъ, храня одинаково хладнокровіе и подъ выстрѣлами непріятеля, и передъ злобнымъ ропотомъ окружающихъ.

Въ эту же ночь отступленія не спалось, несмотря на пережитую боевую тревогу дня, офицеру 50-го егерскаго полка Андрееву, баталіонъ котораго находился по-ротно въ передовой цѣпи у Рачевки. Ему вздумалось проѣхать вдоль рѣки къ днѣпровскому мосту, посмотрѣть, стоитъ ли еще на мѣстѣ или уже снялась съ высотъ праваго берега первая армія. Хладнокровное бездѣйствіе этой арміи во время самаго горячаго боя въ Смоленскѣ вызывало общее недовольство и ропотъ среди сражающихся. Эта ночная прогулка спасла отъ плѣна цѣлый баталіонъ. Подъѣзжая къ мосту, Андреевъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что черезъ него проходятъ войска изъ города; приблизившійся штабъ-офицеръ свиты Его Величества спросилъ у него, не осталось ли войскъ въ томъ мѣстѣ, откуда онъ ѣдетъ. Узнавъ о забытомъ баталіонѣ, онъ просилъ офицера скакать обратно и приказать баталіону бѣгомъ прибыть къ мосту для переправы. Въ наступавшій уже день праздника Преображенія Господня, чуть свѣтъ прискакалъ въ соборъ казакъ съ увѣдомленіемъ, что зажигаютъ мостъ и чтобы всѣ спѣшили покинуть городъ. Едва прибѣжавшій баталіонъ и кое-кто изъ запоздавшихъ жителей успѣли переправиться черезъ мостъ, какъ онъ былъ взорванъ. Бывшій въ передовой цѣпи взводъ Одесскаго полка, не предупрежденный во время, остался на лѣвомъ берегу Днѣпра и былъ взятъ въ плѣнъ непріятелемъ.

Въ теченіи ночи войска наши увезли артиллерію и покинули городъ. Послѣдними выступили изъ Смоленска полки Коновницына, который распоряжался аріергардомъ, и дивизія принца Вюртембергскаго, ушедшая въ 4 часа утра. Выйдя изъ Петербургскаго предмѣстья, Коновницынъ оставилъ тамъ свои 20-й и 21-й егерскіе полки для прикрытія отступленія дивизіи принца Вюртемберг-

---

[1] Записки Ив. Степ. Жиркевича. «Русская Старина» 1879 г. Августъ.

скаго; къ этимъ полкамъ присоединилась егерская бригада полковника Потемкина въ составѣ 30-го и 48-го полковъ 17-й дивизіи. Пропустивъ 4-ую дивизію, егеря Коновницына, согласно полученнаго приказа, отошли къ своимъ частямъ, а въ Петербургскомъ предмѣстьѣ осталась одна бригада Потемкина, расположившись при бродахъ и противъ сожженнаго моста.

А французская армія стояла въ полной готовности съ утра начать новый штурмъ Смоленска. Занявшаяся 6 августа заря освѣтила передъ взорами непріятеля опустошенный и опустѣвшій Смоленскъ. Нечего было штурмовать: французская армія стояла передъ брошеннымъ городомъ. Непріятельскіе ведеты приблизились къ городу; за передовой цѣпью тронулся авангардъ, и непріятель, со всѣми мѣрами предосторожности, но и съ побѣдной музыкой, вступилъ въ городъ черезъ Молоховскія и Никольскія ворота. Еще передъ разсвѣтомъ, въ 3 часа утра, одинъ изъ оберъ-офицеровъ Даву осмѣлился подойти къ самой городской стѣнѣ и безшумно взобрался на нее. Крадучись въ мертвой тишинѣ, онъ прошелъ въ городъ. Неожиданно его слухъ поразила рѣчь съ славянскимъ акцентомъ; онъ былъ замѣченъ и со всѣхъ сторонъ окруженъ людьми. Въ ужасѣ онъ колебался, надлежитъ ли ему сдаться или застрѣлиться. Но первые лучи разсвѣта дали ему возможность различить въ окружавшихъ его лица союзныхъ поляковъ корпуса Понятовскаго. Польская бригада, въ составѣ 15-го и 17-го линейныхъ полковъ, первою вступила въ городъ. Заслуги и потери поляковъ при штурмахъ Смоленска были такъ велики, что занимавшія городъ французскія войска при видѣ ихъ кричали: «да здравствуютъ храбрые поляки».[1]

Передъ городомъ вскорѣ появился Наполеонъ. Въ виду Никольскихъ воротъ онъ сошелъ съ лошади и стоялъ окруженный гренадерами, отдавая приказанія. По свидѣтельству де-ла-Флиза, доктора французской императорской гвардіи, въ это время на его глазахъ произошла слѣдующая сцена. Изъ города выѣхали три кареты; когда экипажи поровнялись съ императоромъ, изъ нихъ вышли господа

---

[1] Военскій, «Воспоминанія ген. Хлаповскаго». Вѣст. Ин. лит. 1902 г. Октябрь.

въ свѣтло-зеленыхъ мундирахъ съ красными воротниками; они, держа въ рукахъ шляпы, низко кланялись императору. Де-ла-Флизъ увѣряетъ, что это были представители русской гражданской власти и въ числѣ ихъ уѣздный предводитель дворянства. Среди французскихъ войскъ пошелъ слухъ, что эти лица передали императору ключи отъ города и умоляли скорѣе занять его и оказать помощь тысячамъ раненыхъ, переполнявшихъ всѣ улицы. Очевидно, такая обстановочная сцена съ господами въ свѣтло-зеленыхъ мундирахъ, настолько выигрышна для торжества побѣдителя, что могла быть подстроена въ дѣйствительности, тѣмъ болѣе что такіе пріемы были въ обычаѣ непріятеля. Когда генералъ Коленкуръ прибылъ въ Витебскъ, передъ вступленіемъ туда Наполеона, онъ немедленно заставилъ мѣстныхъ дворянъ составить депутацію для поднесенія императору французовъ ключей города. Во главѣ этой депутаціи поставили графа Храповицкого, который черезъ три дня сошелъ съ ума отъ нервнаго потрясенія. Если въ Витебскѣ дворянъ насиловали, то въ Смоленскѣ ихъ вовсе поддѣлали. Съ полной достовѣрностью извѣстно, что въ Смоленскѣ никакихъ русскихъ властей не оставалось, и что городъ не былъ сданъ непріятелю, а былъ оставленъ русскими войсками, а потому слухъ о передачѣ ключей служилъ для непріятеля утѣшительнымъ вымысломъ. Не столь торжественно было на самомъ дѣлѣ вступленіе въ городъ великой побѣдоносной арміи, по свидѣтельству французскаго историка Сегюра. Онъ признается, что славная армія, взломавъ городскія ворота, вступила въ Смоленскъ среди безлюдныхъ развалинъ, «не имѣя кромѣ себя иныхъ свидѣтелей своей славы. Спектакль безъ зрителей, побѣда почти безъ плодовъ, кровавая слава, дымъ которой, окружая насъ, былъ, казалось, единственнымъ нашимъ пріобрѣтеніемъ». [1]

Одно, вѣрно, что пылавшій Смоленскъ при вступленіи непріятеля весь былъ усѣянъ мертвыми и ранеными. До 60 лекарей непріятельской арміи, раздѣлясь на группы по 4 человѣка, распредѣлились по городу для оказанія помощи раненымъ. Присутствен-

---

[1] Comte de Segur «Histoire de Napoléon»... p. 126.

ныя мѣста, изъ которыхъ были выброшены на площадь дѣла и бумаги, обратились въ лазареты.

Около 8 часовъ утра въѣхалъ въ Смоленскъ самъ императоръ французовъ и сталъ осматривать городъ. Войдя въ Богоматеринскую церковь надъ днѣпровскими воротами, Наполеонъ наблюдалъ дѣйствіе нашей артиллеріи, которая съ высотъ праваго берега мѣтко поражала его армію. Онъ приказалъ немедленно втащить на балконъ церкви 2 пушки и самъ лично наводилъ ихъ на нашу заднѣпровскую батарею. Затѣмъ онъ отдалъ приказъ поставить 4 орудія на соборномъ земляномъ валу для обстрѣливанія отступающихъ русскихъ войскъ.

Занявъ городъ, непріятель немедленно обнаружилъ попытку овладѣть и Петербургскимъ предмѣстьемъ, составлявшимъ тогда почти всю заднѣпровскую часть города. Маршалъ Ней, считая Петербургское предмѣстье уже оставленнымъ нашими войсками, рано утромъ приказалъ одному вюртембергскому баталіону, стоявшему на лѣвомъ флангѣ, перейти рѣку и занять tête de pont (предмостное укрѣпленіе). Вюртембергцы переправились черезъ рѣку въ бродъ, который находился противъ Краснинскаго предмѣстья, и двинулись вправо къ мѣсту бывшаго моста. За ними перешли на правый берегъ и 2 роты португальцевъ. Эти роты, въ прикрытіи построекъ, служили обезпеченіемъ переправы; а бригада пѣхоты, занявъ позицію на лѣвомъ берегу, была готова во всякое время поддержать перешедшія рѣку войска. Въ это время Петербургское предмѣстье охранялось только одной егерской бригадой Потемкина; она стояла, повидимому, весьма оплошно, безъ всякихъ мѣръ предосторожности, потому что появленіе одного вюртембергскаго баталіона оказалось для нея такой чрезвычайной неожиданностью, что она немедленно была выбита въ поле. Находившійся вблизи главнокомандующій Барклай немедленно возвратилъ обратно егерскую бригаду Коновницына и приказалъ Потемкину вновь занять предмѣстье. Вюртембергцы были оттѣснены къ рѣкѣ, но удержали позицію у бывшаго моста, благодаря сильной поддержкѣ какъ подоспѣвшей пѣхотной бригады, такъ ружейному и артиллерійскому огню, открытому дивизіей Морана съ высотъ соборнаго вала и вюртембергской артиллеріею изъ Краснинскаго предмѣстья.

Артиллерія эта стояла въ резервѣ близъ Свирской церкви, но въ 6 часовъ утра получила приказъ двинуться къ стѣнамъ города. Съ трудомъ пробираясь по трупамъ въ узкихъ улицахъ предмѣстья подъ личнымъ начальствомъ маршала Нея, она заняла холмъ на мѣстѣ стараго укрѣпленія между двумя высокими башнями. Надо думать, что этой позиціей служилъ валъ въ мѣстности нынѣшняго нѣмецкаго кладбища между башнями Никулинской и Богословской. Отсюда, какъ на ладони, было видно все Заднѣпровье. Завязался артиллерійскій бой. Петербургскому предмѣстью угрожала опасность немедленно перейти въ руки непріятеля. Тогда Барклай для охраны его образовалъ подъ командой барона Корфа особый аріергардъ, усиливъ бригаду Потемкина егерскими полками 2-го и 4-го корпусовъ, а также Сумскими и Маріупольскими гусарами и нѣсколькими казачьими полками. Барону Корфу было приказано удерживать въ своихъ рукахъ Петербургское предмѣстье, препятствуя противнику переправляться черезъ Днѣпръ, а съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня начать отступленіе.

Наши войска вновь заняли Петербургское предмѣстье; егеря, разсыпавшись по правому днѣпровскому берегу, завязали черезъ рѣку съ непріятелемъ упорную перестрѣлку, которая продолжалась до поздняго вечера. Между тѣмъ непріятель продолжалъ осыпать предмѣстье ядрами, придвинувъ свои орудія къ самымъ стѣнамъ города. Вюртембергская батарея заняла позицію на высокомъ валу, прилегавшемъ съ внѣшней стороны непосредственно къ самой крѣпостной башнѣ, надо думать Никулинской. Открытая мѣткимъ выстрѣломъ нашей артиллеріи позиція эта представляла очень опасное для непріятеля мѣсто. Здѣсь съ быстротой молніи летали ядра, камни и комья земли, производя кругомъ опустошеніе; пули, отраженныя крѣпостной стѣною, отлетали въ задніе ряды непріятелей и поражали людей. Особый уронъ непріятелю наносили наши стрѣлки, находясь въ прикрытіи фруктовыхъ деревьевъ въ садахъ и прибрежныхъ ивъ, окаймлявшихъ правый берегъ Днѣпра. Ихъ мѣткая стрѣльба наводила на противника паническій ужасъ. Всѣ усилія непріятеля выбить нашихъ егерей изъ занятыхъ ими позицій оказывались тщетными.

Усиленное вниманіе вюртембергскихъ артиллеристовъ обра-

Вюртембергская артиллерія у Свирской церкви, 6 ч. утра 6 августа

щалъ на себя одинъ пунктъ на правомъ берегу Днѣпра, откуда производилась непрерывная, отважная и поразительно мѣткая стрѣльба. Послѣ долгихъ наблюденій было замѣчено, что одинъ изъ нашихъ стрѣлковъ, укрывшись за прибрежными ивами, черезъ рѣку, безъ промаха разилъ непріятелей своей смертоносной стрѣльбой. Никакими мѣрами нельзя было обезопаситься отъ этого «волшебнаго» стрѣлка. На него направлялся массовый ружейный огонь, чтобы истребить его; въ его сторону обращалась пушечная пальба, чтобы разбить въ щепу тѣ ивы, которыя его укрывали. Ничто не помогало; онъ, не смолкая, продолжалъ свое убійственное дѣло. Лишь подъ вечеръ его не стало слышно. Думали, что общее смятеніе, возникшее тогда на правомъ берегу, побудило его оставить свою позицію. Но причина была иная. На другой день рано утромъ, когда вюртембергскіе артиллеристы вступили на правый берегъ Днѣпра, они не перестали интересоваться уже смолкшимъ стрѣлкомъ, который нанесъ имъ такъ много вреда, и вызвалъ у нихъ такъ много изумленія своей отвагой. Они тщательно изслѣдовали прибрежную мѣстность, и, наконецъ, нашли загадочнаго стрѣлка: среди обломковъ ивы онъ лежалъ ницъ распростертымъ на землѣ. Ни на шагъ не отступя отъ своей позиціи, онъ убитъ былъ пушечнымъ ядромъ. Этотъ славный воинъ оказался унтеръ-офицеромъ одного изъ нашихъ егерскихъ полковъ. Это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ и безвѣстныхъ героевъ Отечественной войны, память о которыхъ свято чтитъ родина, хотя не имѣетъ возможности прославить ихъ имена.

Между тѣмъ держаться въ Петербургскомъ предмѣстьѣ становилось все болѣе невозможнымъ. Нестерпимая жара отъ горѣвшихъ строеній выгоняла людей изъ садовъ и другихъ прикрытыхъ позицій. Въ садахъ на деревьяхъ пеклись фрукты, и солдаты шутили между собой, говоря: «не повѣрятъ намъ дома, что въ Смоленскѣ мы снимали съ деревьевъ печеныя яблоки». Хозяиномъ положенія становился огонь, который дѣлалъ невозможнымъ пребываніе на улицахъ. Мѣстность возлѣ Нижне-Никольской церкви уже совершенно выгорѣла, представляя дымившуюся груду обломковъ. Къ вечеру все Заднѣпровье было объято пламенемъ и сражающихся раздѣляли не только широкая полоса воды, но и высокая стѣна огня.

Въ то время, какъ къ великой скорби русскихъ людей, разгоралась и догорала на правомъ берегу Днѣпра послѣдняя часть Смоленска, оставшаяся отъ разоренія 4-го и 5-го августа, на лѣвомъ берегу рѣки шло шумное передвиженіе непріятельскихъ войскъ и слышались ликующіе звуки. Тамъ подъ вечеръ кипѣла и поспѣвала работа по возобновленію разрушеннаго нами моста и по наводкѣ двухъ мостовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи были бани Тишевскаго. Тамъ стягивались на берегъ рѣки разные корпуса непріятельской арміи; войска при радостныхъ крикахъ маршировали подъ музыку блестящими массами; армія готовилась къ переходу черезъ рѣку и къ дальнѣйшему веселому наступленію на Москву. Какъ бы сомнѣваясь въ этомъ успѣхѣ, какъ бы угрожая этому ликованію, глухо рокотали наши орудія, равномѣрно бросая съ высоты церкви Св. Гурія свои снаряды въ непріятельскіе полки. Но, что нѣтъ больше сомнѣній, что напрасны всѣ угрозы, объ этомъ громко и ясно говорили болѣе близкіе и свѣтлые выстрѣлы французской артиллеріи, которая старалась заглушить наши пушки, оборвать ихъ гнѣвную рѣчь, сбить ихъ съ позицій и довести до покорнаго безмолвія.

Эта картина въ чудный лѣтній вечеръ подъ безоблачнымъ небомъ на закатѣ догоравшаго дня, при возбуждающихъ звукахъ побѣдной музыки и разнорѣчивой пушечной пальбы, производила на душу побѣдителей чарующее впечатлѣніе. Его нельзя было ни описать, ни позабыть. Врагъ безпечно ликовалъ, и вся смоленская окрестность ему весело смѣялась.

Наконецъ, громъ битвы началъ смолкать вмѣстѣ съ заходомъ солнца. Стихла пушечная пальба, замолкли ружейные выстрѣлы и все ближе надвигались сумракъ, тишина и отдыхъ людской.

Въ 10 часовъ вечера въ наступившемъ мракѣ и тишинѣ ярче огненные языки лизали догоравшія строенія, гуще и выше подымался дымъ и громче потрескивалъ огонь, ставшій единымъ властелиномъ поля сраженія. Войска отошли на отдыхъ, расположились на бивакахъ и стали «товарищей считать». Увы, многихъ не было въ живыхъ: потери дня были очень велики. А огонь довершалъ злодѣйство людей. Съ бивачнаго расположенія вюртембергской артиллерійской бригады у Никулинской башни отчетливо наблюдалась

Сраженный подъ нвами отважный стрѣлокъ 6 августа

Видъ пылавшаго Заднѣпровья съ вала у Никулинской башни, 10 ч. вечера 7 августа

вся поразительная картина пожара. Темнымъ пятномъ представлялось уже выгорѣвшее мѣсто близъ Нижне-Никольской церкви; но вся остальная мѣстность Петербургскаго предмѣстья пылала еще яркимъ пламенемъ. Пламя колебалось въ спокойныхъ водахъ Днѣпра, отражалось краснымъ отблескомъ на бѣлоснѣжныхъ крѣпостныхъ стѣнахъ и башняхъ, и побѣдно разгоняло ближайшій мракъ наступившей ночи. Такъ догоралъ «священный городъ» Россіи.

Къ полуночи пожаръ прекратился. Все Заднѣпровье, эта красивая и богатая часть города, еще утромъ полная жизни и достатка, къ ночи обратилась въ груду пепла и кучу обломковъ. Видъ Смоленска, какимъ онъ представлялся съ южной и сѣверной стороны, наглядно изобразилъ художникъ Adam.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Отступленіе отъ Смоленска и бой при Гедеоновкѣ.

(7 августа).

Отступивъ отъ Смоленска рано утромъ 5-го августа для прикрытія московской дороги, вторая армія тогда же продвинулась за рѣку Колодню; 6-го августа она продолжала свое отступательное движеніе и главная квартира ея прибыла въ Пневу слободу, не доходя Соловьевой переправы. Для наблюденія за бродами на Днѣпрѣ у Шеина-Острога и у Прудищева, Багратіонъ оставилъ Карпова съ тремя казачьими полками; въ подкрѣпленіе ему, еще далѣе отъ Смоленска, былъ расположенъ отрядъ князя Горчакова изъ сводной гренадерской дивизіи графа Воронцова и Ахтырскаго гусарскаго полка. Войскамъ этого аріергарда было отдано приказаніе: «слѣдовать за движеніемъ второй арміи, какъ только покажутся вблизи ихъ головныя войска первой арміи». По этому поводу нельзя не замѣтить, что князь Багратіонъ весьма уклонился отъ того соглашенія, которое было установлено имъ съ Барклаемъ.

Вмѣсто сильнаго отряда, способнаго прикрыть московскую дорогу, какъ это было условлено, онъ оставилъ въ аріергардѣ лишь незначительный отрядъ, до 4 тысячъ человѣкъ; мало того, и этому отряду онъ не приказалъ дожидаться смѣны его войсками первой арміи. Обстоятельство это имѣло столь серьезное значеніе, что едва не послужило причиной гибельной катастрофы для нашей первой арміи; ее спасла неизмѣнная осторожность и предусмотрительность Барклая.

Въ ночь съ 5-го на 6-е августа, одновременно съ оставленіемъ Смоленска, первая армія отошла на позицію, расположившись по обѣ стороны петербургской дороги фронтомъ къ Петербургскому предмѣстью. Оставаться на этой позиціи не представлялось никакой возможности, такъ какъ непріятель наводилъ мосты, и отряды его уже двигались вверхъ по Днѣпру. Было очевидно, что Наполеонъ вскорѣ получитъ возможность, занявъ московскую дорогу, встать между нашими обѣими арміями. Въ виду этого Барклай былъ вынужденъ немедленно перевести свою армію съ петербургской на московскую дорогу. Однако, такое передвиженіе по самому берегу Днѣпра, гдѣ пролегалъ на нѣсколько верстъ московскій трактъ, на глазахъ непріятельской арміи, представлялось весьма опаснымъ. Поэтому Барклай рѣшилъ, простоявъ весь день 6-го августа на занятой имъ позиціи, съ наступленіемъ темноты, совершить свой фланговый маршъ обходными проселками. Для ускоренія движенія онъ раздѣлилъ свою армію на двѣ колонны, которыя, идя разными путями, должны были послѣ двухъ переходовъ соединиться на московскомъ большакѣ у Соловьевой переправы. Первая, правая, колонна подъ командой Дохтурова, въ составѣ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ и резервной артиллеріи, получила приказъ выступить въ 7 часовъ вечера по петербургской дорогѣ къ Стабнѣ, откуда повернуть проселками на деревни Зыколино, Сущово и Прудище, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ; 8-го августа слѣдовать далѣе къ Соловьевой переправѣ. Вторая колонна, лѣвая, подъ начальствомъ Тучкова I, въ составѣ—2-го, 3-го и 4-го пѣхотныхъ и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, должна была, выступивъ въ 9 часовъ вечера, слѣдовать сперва также по петербургской дорогѣ до Корохоткина, откуда повернуть проселками на деревни

Битва въ южныхъ предмѣстьяхъ Смоленска 5 августа

Полуево, Горбуново, Жабино и Кошаево, выйти затѣмъ на московскую дорогу у лубинскаго перекрестка и, двигаясь по этой дорогѣ на Бредихино, гдѣ назначенъ ночлегъ, продолжать движеніе къ Соловьевой переправѣ.

Такимъ образомъ, по диспозиціи Барклая, наша первая армія должна была перейти отъ Смоленска съ петербургской на московскую дорогу кружными путями, описывая на сѣверъ отъ большака значительныя дуги. Путь слѣдованія правой колонны описывалъ бо́льшую дугу, выходя на московскую дорогу въ Соловьевѣ, а лѣвой—ме́ньшую, достигая этой дороги у дер. Лубина. Между тѣмъ непріятель, имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе короткое разстояніе по большой дорогѣ, могъ скорѣе достигнуть тѣхъ же пунктовъ, двигаясь по хордѣ означенныхъ дугъ. Въ этомъ и заключалась весьма опасная сторона предпринятаго фланговаго марша. Опасность особенно угрожала лѣвой колоннѣ, имѣвшей задачей ближній выходъ по дурному проселку на московскую дорогу у селенія Лубина, которое, находясь въ 17 верстахъ отъ Смоленска на самомъ большакѣ, было ближе и доступнѣе для непріятельской арміи. Если бы непріятель предупредилъ въ Лубинѣ нашу колонну, она была бы отрѣзана отъ арміи и истреблена по частямъ. Предполагалось, что отъ такой опасности обезпечитъ лѣвую колонну тотъ сильный аріергардъ, который долженъ былъ выставить за рѣкой Колодней князь Багратіонъ. Однако, на дѣлѣ случилось иначе, и московская дорога не была своевременно прикрыта второю арміей. Предвидѣлъ ли такой исходъ Барклай, или счелъ нужнымъ принять мѣры предосторожности на всякій случай, но только онъ впередъ лѣвой колонны, за 2 часа до ея выступленія, выслалъ по пути назначеннаго ей слѣдованія авангардъ Тучкова 3-го въ составѣ: Ревельскаго пѣхотнаго, 20-го и 21-го егерскихъ полковъ и Елисаветградскихъ гусаръ при 18 орудіяхъ, общей численностью до трехъ тысячъ человѣкъ. При авангардѣ Тучкова было приказано слѣдовать генералъ-квартирмейстеру арміи Толю. Этому особому авангарду пришлось исправлять оплошность, допущенную Багратіономъ.

Когда стемнѣло, начался постепенный переходъ первой арміи на фланговый маршъ. Первая колонна Дохтурова, выступивъ своевременно, безпрепятственно совершила свой переходъ и достигла

назначеннаго ей мѣста. За ней выступилъ авангардъ Тучкова 3-го, выдвинувъ впередъ Елисаветградскихъ гусаръ съ 2-мя конными орудіями подъ начальствомъ генерала Всеволожскаго. Предшествуя второй колоннѣ, по назначенному ей пути, онъ долженъ былъ преодолѣть огромныя затрудненія. Дорога на первомъ переходѣ пролегала по глухимъ лѣсистымъ проселкамъ, то спускаясь въ болотистую мѣстность, то подымаясь въ гору. Крутые подъемы и спуски, неудобныя гати, узкіе и наскоро перекинутые мостики поминутно затрудняли передвиженіе. Благодаря столь неблагопріятнымъ условіямъ перехода, авангардъ успѣлъ пройти за 12 часовъ всего 18 верстъ, и только въ 8 часовъ утра онъ вышелъ изъ лѣса у дер. Тычининой и достигъ лубинскаго перекрестка на московской дорогѣ, откуда ему надлежало слѣдовать къ Бредихину. Между тѣмъ лубинскій перекрестокъ оказался незанятымъ нашими войсками, такъ какъ съ приближеніемъ къ нему авангарда Тучкова 3-го, отрядъ князя Горчакова снялся съ позиціи и выступилъ впередъ по московской дорогѣ, оставивъ у Прудищева лишь казаковъ Карпова. Тучковъ 3-й, послѣ переговоровъ съ Толемъ, рѣшился, прежде чѣмъ выступить по своему назначенію, удостовѣриться въ томъ, что выходъ нашей первой арміи на московскую дорогу прикрытъ со стороны противника. Съ этой цѣлью Тучковъ повернулъ свой отрядъ къ Смоленску и, пройдя по большаку около 3-хъ верстъ, остановилъ его на возвышенномъ мѣстѣ у рѣчки Строгани, близъ дер. Латошино. Съ этого пункта онъ вмѣстѣ съ Толемъ выѣхалъ впередъ на развѣдку. Навстрѣчу имъ попались казаки Карпова, которые и доложили объ уходѣ отряда Горчакова. Сверхъ того было обнаружено, что противникъ наступаетъ значительными силами со стороны Петербургскаго предмѣстья, и что онъ уже наводитъ мостъ черезъ Днѣпръ у Прудищева. Всѣ эти обстоятельства воочію убѣждали въ опасномъ положеніи нашей арміи, передвиженіе которой обнажилось для противника. Сразу выяснилась единственная и настоятельная задача даннаго момента—прикрыть мѣстность впереди селенія Лубина, которое являлось пунктомъ дебушированія нашей арміи на большую московскую дорогу.

Велѣнія долга были слишкомъ ясны, и Тучковъ рѣшился, по собственной иниціативѣ, задерживать противника всѣми своими

Видъ Смоленска съ сѣверной стороны 7 августа

силами, чтобы прикрыть московскую дорогу со стороны Смоленска. Онъ немедленно возвратился къ своему отряду и, передвинувъ его ближе къ Смоленску къ рѣкѣ Колоднѣ, сталъ готовиться къ бою.

Отважная рѣшительность Тучкова 3-го представляетъ тѣмъ большее значеніе, что слѣдовавшая за нимъ 2-ая колонна брата его, генерала Тучкова 1-го, при которой находился самъ главнокомандующій Барклай де-Толли, настолько неудачно совершала свой переходъ, что къ утру очутилась въ положеніи чрезвычайной опасности. Головная ея часть, состоявшая изъ 3-го корпуса, своевременно оставила свои биваки; но назначенный къ слѣдованію за ней 4-ый корпусъ графа Остермана-Толстого опоздалъ выступленіемъ, произведя замѣшательство въ передвиженіи всей арміи. Слѣдствіемъ такого запозданія 4-го корпуса былъ прежде всего разрывъ, образовавшійся между нимъ и ранѣе выступившимъ 3-мъ корпусомъ, а также продолжительная задержка 2-го корпуса генерала Баггевута, шедшаго въ хвостѣ всей колонны. Послѣдняя часть этой колонны, которую составляла дивизія принца Евгенія Вюртембергскаго, могла сняться со своихъ биваковъ лишь въ часъ по полуночи. Кромѣ того полки 4-го корпуса и сами сбились съ направленія, и вовлекли въ безпорядочное движеніе слѣдовавшій за нимъ 2-й корпусъ. Только одна часть 4-го корпуса вытянулась по назначенной ей дорогѣ на Горбуново; остальныя части этого корпуса и весь 2-й корпусъ, идя по разнымъ путанымъ проселкамъ, окончательно запутались между Корохоткинымъ и Горбуновымъ. Они всю ночь кружились по лѣсамъ возлѣ Смоленска, и, выбравшись къ 6 часамъ утра изъ лѣса, оказались, къ общему изумленію, въ долинѣ рѣчки Стабны у селенія Гедеоновки, иначе Богданова, всего въ 1½ верстахъ отъ крайнихъ домовъ Петербургскаго предмѣстья Смоленска. Они внезапно очутились лицомъ къ лицу съ полками Нея, которые уже перешли рѣку и строились въ походныя колонны. Французы были такъ близко, что явственно слышались сигналы въ ихъ стрѣлковой цѣпи, барабанный бой и музыка подходившихъ полковъ.

Можно легко себѣ представить жуткое чувство досады и замѣшательства, которое охватило ряды нашего войска, шедшаго всю ночь на московскую дорогу вдаль отъ Смоленска, занятаго непрія-

телемъ, и оказавшагося по утру у самаго Смоленска въ непосредственной близости непріятельскихъ силъ.

Къ большому счастью, въ эту тягостную минуту среди войска появился Барклай, никогда не терявшій присутствія духа. Съ полнымъ самообладаніемъ, онъ сразу взвѣсилъ всѣ обстоятельства дѣла и въ точности оцѣнилъ всю угрожавшую опасность: непріятелю представлялась полная возможность отрѣзать отъ арміи, какъ блуждавшія еще по лѣсу наши войсковыя части, такъ и аріергардъ барона Корфа, который уже отошелъ изъ Петербургскаго предмѣстья на Корохоткино. Барклай немедленно и ясно опредѣлилъ предстоящую ему задачу, изъ которой проистекали всѣ сдѣланныя имъ распоряженія. Задача состояла въ томъ, чтобы, удерживая непріятеля у Гедеоновки ближайшими войсками, дать возможность отставшимъ частямъ 4-го корпуса и всему 2-му корпусу, а также барону Корфу вытянуться на предуказанные пути для выхода на московскую дорогу. Прежде всего онъ наскоро создалъ изъ ближайшихъ къ нему разныхъ войсковыхъ частей боковой аріергардъ для прикрытія движенія нашей арміи отъ наступавшаго изъ Петербургскаго предмѣстья непріятеля. Сюда вошли—Бѣлозерскій и Вильманстрандскій полки 17-ой и Тобольскій полкъ 4-ой пѣхотныхъ дивизій съ 4-мя орудіями и полуэскадрономъ Изюмскихъ гусаръ. Начальство надъ этимъ аріергардомъ было ввѣрено принцу Евгенію Вюртембергскому, которому Барклай приказалъ, занявъ высоты у Гедеоновки, удерживать наступленіе противника во что бы то ни стало, сказавъ ему при этомъ: «теперь нужно еще болѣе усердія, нежели третьяго дня; дѣло идетъ о спасеніи арміи». Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій, самъ оставшись на опасномъ мѣстѣ при аріергардѣ, поручилъ начальнику штаба арміи, генералу Ермолову, отправиться въ голову 2-ой колонны для ускоренія ея марша; разослалъ своихъ адъютантовъ на розыскъ сбившихся съ пути войсковыхъ частей и для направленія ихъ къ московской дорогѣ, и послалъ приказъ барону Корфу спѣшить кратчайшимъ путемъ къ Гедеоновкѣ.

Пока русскія войска совершали передвиженіе отъ Смоленска, непріятель также не оставался въ бездѣйствіи. По занятіи Смоленска 6 августа онъ, ведя перестрѣлку черезъ рѣку съ аріергар-

домъ Корфа, занимавшимъ Петербургское предмѣстье, въ то же время производилъ выше и ниже Смоленска развѣдку бродовъ на Днѣпрѣ и устраивалъ мосты. Предугадывая направленіе, въ которомъ отступала наша армія, Наполеонъ сдѣлалъ свои распоряженія. Къ 3 час. утра 7 августа мосты были готовы и по нимъ тогда же переправились на правый берегъ Днѣпра корпуса сперва Нея, а потомъ Даву; Ней долженъ былъ направиться въ промежутокъ между петербургской и московской дорогами, а Даву пока оставаться на мѣстѣ, имѣя лѣвый флангъ у Гедеоновки, и примыкая правымъ къ Днѣпру. Кавалерія Мюрата перешла рѣку въ бродъ, оставивъ на петербургской дорогѣ корпусъ Груши. Самъ Мюратъ получилъ назначеніе съ корпусами Нансути и Монбрюна идти на московскую дорогу, а генералъ Груши—продвинуться на Стабну и далѣе по духовщинской дорогѣ, чтобы освѣтить мѣстность по направленію къ Петербургу. Корпусу Жюно предписано подняться вверхъ по Днѣпру къ Прудищеву и, наведя тамъ мосты, перейти на правый берегъ и расположиться впереди переправы. Гвардія, а также корпуса вице-короля и Понятовскаго были пока оставлены въ Смоленскѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Готовясь къ выполненію своего назначенія, маршалъ Ней, по переправѣ черезъ Днѣпръ, остановилъ свой корпусъ по выходѣ изъ Петербургскаго предмѣстья, выжидая донесеній кавалеріи. Вскорѣ Мюратъ пошелъ правѣе Нея, по московской дорогѣ, а Груши лѣвѣе его, по петербургской. Въ это время у Гедеоновки неожиданно и для себя и для противника вдругъ появились русскія войска. Нѣсколько часовъ Ней простоялъ въ большемъ раздумьѣ, не зная, куда же именно отступили наши главныя силы. Вопросъ представлялся весьма затруднительнымъ. Передъ нимъ стояли откуда-то внезапно появившіяся войска, сила и назначеніе которыхъ были совершенно неизвѣстны и непонятны; къ сѣверу по петербургской дорогѣ отходилъ аріергардъ барона Корфа, а къ востоку, на пути къ Москвѣ, виднѣлись передовые посты Карпова.

Нерѣшительность Нея дала время принцу Евгенію приготовиться къ бою. Онъ успѣлъ поставить свой отрядъ на позицію подъ наблюденіемъ самого Барклая, который стоялъ на высотѣ позади Гедеоновки. Мѣстность, занятая позиціей, была покрыта лѣсомъ и

кустарникомъ. Фронтъ ея опредѣлялся русломъ высохшаго ручья, впадавшаго въ Днѣпръ; правый флангъ находился противъ дер. Гедеоновки, а лѣвый упирался въ Днѣпръ. Возвышенность впереди деревни на правомъ берегу ручья, съ сохранившимся на ней старинным земляным укрѣпленіемъ, занялъ маіоръ Людинсгаузенъ-Вольфъ со 2-мъ баталіономъ Тобольскаго полка; здѣсь же были выдвинуты 2 орудія; на охрану праваго фланга всталъ полуэскадронъ Изюмскихъ гусаръ; на лѣвомъ флангѣ по лѣвую сторону ручья помѣстились полки—Бѣлозерскій, Вильманстрандскій и 1-ый баталіонъ Тобольскаго полка.

Послѣ раздумья, Ней нашелъ необходимымъ выяснить боемъ положеніе русской арміи, отбросивъ ближайшія къ нему войска, заслонявшія перспективу наблюденій. Около 8 ч. утра непріятель подошелъ къ Гедеоновкѣ; выслалъ впередъ густыя цѣпи и, завязавъ перестрѣлку, пошелъ въ атаку на передовой баталіонъ тобольцевъ, расположенный на возвышенности, и окружилъ его. Полковникъ Кернъ съ Бѣлозерскимъ полкомъ бросился на помощь тобольцамъ, но былъ опрокинутъ. Непріятель занялъ деревню, откуда, однако, вскорѣ былъ выбитъ маіоромъ Рейбницемъ съ 1-мъ баталіономъ Тобольскаго полка. Завязался упорный бой, при чемъ непріятелю удалось овладѣть 2-мя орудіями, стоявшими впереди деревни. Однако, принцъ Евгеній Вюртембергскій съ двумя баталіонами Бѣлозерскаго и Тобольскаго полковъ обратно вернулъ потерянныя орудія.

Около 10 ч. утра непріятель сталъ вводить въ дѣло новые полки пѣхоты, а сильный кавалерійскій отрядъ его развернулся передъ Вильманстрандскимъ полкомъ, разсыпаннымъ въ цѣпь. Силы были слишкомъ неровны, и малочисленный отрядъ принца Евгенія окончательно изнемогалъ въ непосильной борьбѣ. Но необходимость заставляла удерживать позицію, такъ какъ не всѣ еще наши войска успѣли вытянуться на указанный имъ путь къ Лубину. Барклай, пристально слѣдившій за ходомъ дѣла, прислалъ сказать принцу, что «судьба арміи въ его рукахъ». Моментъ былъ въ высокой степени критическій. Въ это время на выручку намъ подоспѣла кавалерія изъ аріергарда Корфа и другихъ частей арміи. Сумскіе, Маріупольскіе и Елисаветградскіе гусары подъ общей командой

Дорохова развернулись по обѣ стороны большой дороги и, спустившись съ высотъ въ лощину, стремительно ринулись на французскую конницу, нанося ей тяжелый фронтальный ударъ. Тогда-же полуэскадронъ изюмцевъ, стоявшій на правомъ флангѣ, пройдя подъ командой принца Евгенія Вюртембергскаго, позади деревни кустарникомъ, внезапно атаковалъ противника съ лѣваго фланга. Непріятель смѣшался и бросился назадъ. Гусары и вильманстрандцы преслѣдовали его, но, встрѣченные сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ съ лѣваго берега Днѣпра, были вынуждены отступить. Пѣхота наша снова заняла прежнюю позицію; кавалерія стала позади нея внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, а подошедшій весь аріергардъ барона Корфа развернулся на возвышенностяхъ позади Гедеоновки. Къ этому времени наши войска уже успѣли вытянуться по дорогѣ на Лубино.

Кризисъ миновалъ благополучно, благодаря удачному бою при Гедеоновкѣ или сраженію у Стабны, какъ его называли французы. Барклай отдалъ приказъ къ отступленію на Лубино черезъ Горбуново. Сперва отступилъ принцъ Евгеніи Вюртембергскій; онъ остановился по пути на позиціи у Гапоновщины, чтобы принять на себя Корфа, который отступалъ вслѣдъ за нимъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Бой у Валутиной Горы и сраженіе при Лубинѣ.

(7 августа).

Бой при Гедеоновкѣ далъ возможность аріергардным частямъ нашей первой арміи выбраться изъ окрестностей Смоленска на пути той лубинской дуги, которая выходила на большакъ у лубинскаго перекрестка. Но самый выходъ на большую московскую дорогу лѣвой нашей колоннѣ еще не былъ обезпеченъ, такъ какъ позиція у Лубина оставалась безъ надлежащаго прикрытія. Для такого обезпеченія понадобился цѣлый день упорныхъ боевъ на простран-

ствѣ между дер. Валутиной Горой, близъ рѣчки Колодни, куда уже были оттѣснены передовые отряды казаковъ Карпова, и до селенія Лубина. Пространство это вдоль пролегающей здѣсь большой московской дороги прорѣзано небольшими рѣчками: Колодней, Волченкой и Строганью, которыя, пересѣкая большакъ почти подъ прямымъ угломъ, сливаются вмѣстѣ и впадаютъ въ Днѣпръ. Лѣвые нагорные берега этихъ рѣчекъ образуютъ рядъ параллельныхъ гребней, которые представляютъ весьма удобныя позиціи для обороны отъ непріятеля, наступающаго со стороны Смоленска. Но выгоды эти въ значительной степени ослабляются тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ позиціи за этими рѣчками весьма легко обходятся съ лѣваго фланга. [1]

На этомъ пространствѣ нашъ авангардъ послѣдовательно занималъ двѣ боевыя позиціи: сперва за р. Колодней на высотахъ противъ Валутиной Горы, а затѣмъ у селенія Лубина.

Вынужденный взять на себя прикрытіе лубинскаго перекрестка Тучковъ 3-ій изготовился къ бою на первой занятой имъ позиціи между рѣчками Колодней и Волченкой. [2]

Въ центрѣ поперекъ большой дороги стала на высотѣ конно-артиллерійская рота; по сторонамъ дороги въ кустарникахъ расположились 20-ый и 21-ый егерскіе полки подъ командой князя Шаховского; резервъ составили Ревельскій пѣхотный и Елисаветградскій гусарскіе полки; казаки Карпова отдѣлены влѣво къ Прудищеву, наблюдать переправу. Въ это время успѣла выйти на большую дорогу близъ Лубина головная часть колонны Тучкова I и прослѣдовала къ мѣсту своего назначенія въ Бредихино.

Между тѣмъ Наполеонъ, оставаясь въ Смоленскѣ, предусмотрѣлъ отступленіе нашей арміи въ восточномъ направленіи, несмотря на всю неопредѣленность обстановки боя при Гедеоновкѣ. Поэтому онъ отдалъ приказъ, чтобы маршалъ Ней повернулъ вправо и двинулся вдоль большой московской дороги, и чтобы

---

1 Харкевичъ «Записки» стр. 78.

2 Мѣстонахожденіе этой позиціи опредѣляется Богдановичемъ, Лееромъ, Скугаревскимъ и др. за р. Колодней, а Харкевичемъ за р. Волченкой. Точнѣе опредѣлить его между обѣими означенными рѣчками, но ближе къ р. Колоднѣ въ виду Валутиной Горы.

Мюратъ слѣдовалъ за нимъ съ 1-мъ и 2-мъ кавалерійскими корпусами.

Войска Нея шли вдоль большой московской дороги по лѣвую ея сторону, преимущественно по лѣсистымъ холмамъ. Съ одного подъема взорамъ непріятеля открылась долина Днѣпра, въ которой можно было наблюдать движеніе войскъ. На переднемъ планѣ виднѣлись кудрявые, отъ лѣсной поросли, холмы, которые живописною цѣпью обступали Днѣпръ съ обѣихъ сторонъ; внизу блестѣла, протекавшая по долинѣ широкой лентой, рѣка; по склонамъ лѣваго берега Днѣпра поднималась центральная часть Смоленска съ ея бѣлоснѣжными стѣнами, слегка отуманенными дымомъ пожара, и съ величавымъ зданіемъ собора, восхищавшимъ взоръ непріятеля; на правомъ берегу рѣки холмы маскировали мертвое пожарище Заднѣпровья, изъ котораго одиноко высилась церковь св. Гурія, этотъ страшный, по выраженію французовъ, «монастырь», откуда русская артиллерія два дня неустанно и мѣтко громила непріятеля и была оплотомъ нашей позиціи.

Маршалъ Ней продвигался все дальше въ разсчетѣ отрѣзать наши войска отъ большой дороги. Онъ достигалъ уже дер. Валутина; въ виду его цѣпи горныхъ высотъ пересѣкали большую дорогу своими пологими скатами; подошвы ихъ, опоясанныя широкой каймой лѣса, прорѣзанныя оврагами и ручьями, омывались рѣчкой Колодней. Вотъ открылась обширная луговая долина, но она, какъ и вся окружающая мѣстность, ввиду заболоченной почвы, недоступна была движенію артиллеріи и кавалеріи. Оставалось перейти протекавшую черезъ дорогу рѣчку Колодню и плоскогорье, чтобы занять нужную позицію на ближайшей высотѣ. Но позиція оказалась уже занятой отрядомъ Тучкова 3-го, который около полудня открылъ орудійный огонь по дорогѣ въ долину навстрѣчу непріятельскимъ войскамъ.

Ней немедленно обложилъ позицію, занятую Тучковымъ, тремя своими пѣхотными дивизіями, представлявшими въ общемъ силу не менѣе 19 тысячъ человѣкъ. Дивизія Разу, развернувшись по большой дорогѣ и лѣвѣе ея, перестроилась въ боевой порядокъ; дивизія Маршана перешла на лѣвый берегъ Строгани; дивизія Ледрю составила резервъ. Пока шла подготовка непріятеля къ

бою, въ помощь Тучкову явилась бригада Желтухина, въ составѣ лейбъ-гренадерскаго и гренадерскаго графа Аракчеева полковъ съ 6-ью орудіями. Бригада эта, выступившая въ хвостѣ 3-го корпуса на большакъ у Лубина, по настоянію Ермолова, была обращена назадъ къ Валутиной. Прибывшее подкрѣпленіе довело численность отряда Тучкова до 6 тысячъ человѣкъ, и дало ему возможность удлинить свой фронтъ влѣво. Пошла артиллерійская и ружейная перестрѣлка, и завязался бой, который называется боемъ у Валутиной Горы, и который французы вначалѣ именовали «днемъ на 10-ой верстѣ», такъ какъ бой происходилъ въ 10 верстахъ отъ Смоленска.

Несмотря на огромное численное превосходство противника, Тучковъ до трехъ часовъ дня держался на своей позиціи. Но превосходство это все болѣе возрастало: къ Нею подходила дивизія Гюдена, а Карповъ донесъ о переправѣ непріятеля въ значительныхъ силахъ черезъ Днѣпръ у Прудищева. Все это заставило Тучкова отступить за рѣчку Строгань. Между тѣмъ Ермоловъ распорядился объ усиленіи его отряда 3-мя пѣхотными полками и своднымъ гренадерскимъ баталіономъ изъ состава выступившаго на большую дорогу 4 корпуса. Въ то же время къ Тучкову подоспѣли высланные Корфомъ впередъ перемѣнными алюрами Сумскіе и Маріупольскіе гусарскіе полки, а также два эскадрона Изюмскихъ гусаръ. Такимъ образомъ общая численность отряда Тучкова возрасла до 12 тысячъ человѣкъ. Отрядъ расположился, имѣя въ тылу дер. Лубину, на позиціи растянутой почти на пять верстъ. Фронтъ прикрывался рѣчкой Строганью, а фланги упирались: правый въ лѣсъ у деревни Гречишина, лѣвый—въ болото у деревни Синявина. Позиція эта, непосредственно прикрывая выходъ нашихъ войскъ на большакъ, была чрезвычайно важна въ стратегическомъ отношеніи.

На этой позиціи и расположились наши войска. На правомъ флангѣ лѣсъ у деревни Гречишина занялъ Ревельскій полкъ; далѣе къ югу на гребнѣ высотъ встали полки Екатеринбургскій и Елецкій; на самой дорогѣ и сѣвернѣе ея размѣстились двѣ батареи, позади которыхъ развернулся лейбъ-гренадерскій полкъ; южнѣе большака, покрытую кустами низину, заняли егеря 20-го и 21-го

Между Смоленскомъ и Валутиной Горой 7 августа

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ЯДЖДО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.

полковъ съ 4-мя орудіями, имѣя позади себя въ поддержкѣ сводный гренадерскій баталіонъ и баталіонъ гренадеръ графа Аракчеева полка. Лѣвый флангъ позиціи заняла кавалерія: Сумскіе, Маріупольскіе, Елисаветградскіе гусары, два эскадрона Изюмскихъ гусаръ и лейбъ-казаки съ 4-мя орудіями; кавалерія была построена между деревнями Гумничина и Синявина въ 4 линіи въ шахматномъ порядкѣ. Впереди лѣваго фланга рощу у дер. Гумничина, иначе Бублеева, занялъ Рыльскій полкъ, имѣя сзади рощи въ поддержкѣ баталіонъ гренадеръ графа Аракчеева; близъ рощи, на возвышенномъ пригоркѣ, заняли позиціи 4 орудія; здѣсь же у деревень Гумничина и Мартина находился Карповъ съ 3-мя казачьими полками.

Случайно обнаружилось изъ показаній двухъ плѣнныхъ вюртембергскихъ гусаръ, что въ обходъ нашего лѣваго фланга шли 12 пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ Жюно и Мюрата. Для обезпеченія этого фланга немедленно былъ вызванъ прослѣдовавшій уже по большой дорогѣ къ Бредихину 1-ый кавалерійскій корпусъ графа Орлова-Денисова, которому вручено начальство надъ всей кавалеріей отряда. Придя на рысяхъ въ дальній тылъ лѣваго фланга позиціи, графъ Орловъ-Денисовъ размѣстилъ полки позади большого болота на гребнѣ высотъ по опушкѣ кустарника. Онъ развернулъ весь корпусъ въ спѣшенномъ строю въ одну линію, имѣя въ виду создать у непріятеля преувеличенное представленіе о своихъ силахъ. Стоявшіе на лѣвомъ флангѣ позиціи гусары имѣли въ тылу непроходимое болото, а передъ фронтомъ лѣсъ. Желая воочію убѣдить гусаръ въ невозможности для нихъ отступленія, Орловъ-Денисовъ приказалъ выслать отъ каждаго эскадрона по нѣсколько человѣкъ розыскать мѣста, удобныя для перехода черезъ болото; такихъ мѣстъ, разумѣется, не оказалось. Послѣ этого онъ объѣхалъ войска, призывая ихъ къ исполненію долга и указывая, что для нихъ нѣтъ другого выхода какъ побѣдить или умереть.

Подойдя къ нашей позиціи, непріятель, поджидая подкрѣпленій, вначалѣ ограничивался канонадой и перестрѣлкой, продолжавшимися около часа. Когда прибыла дивизія Гюдена, Ней, около пяти часовъ дня, перешелъ въ наступленіе. Гюденъ въ двухъ колоннахъ направилъ свою дивизію на наши батареи, стоявшія

на большой дорогѣ; дивизія Разу также двумя колоннами наступала низиной противъ нашего лѣваго крыла; двѣ остальныя дивизіи поставлены въ резервѣ: Ледрю вправо отъ большака, а Маршана влѣво противъ бублеевской рощи.

Самъ Гюденъ лично переправилъ черезъ рѣчку Строгань шедшій во главѣ дивизіи 7-й легкій полкъ и, остановясь на берегу, пропускалъ мимо себя другіе полки, проходившіе съ криками «Vive l'Empereure» (Да здравствуетъ императоръ!). Когда переходилъ рѣку послѣдній его полкъ, онъ былъ смертельно раненъ ядромъ. Начальство надъ его дивизіей принялъ Жераръ. Полки этой дивизіи четыре раза кидались на нашу батарею, но все безуспѣшно Здѣсь особенно отличились, при отраженіи непріятеля, лейбъ-гренадеры; въ этомъ славномъ для нихъ бою они потеряли 5 офицеровъ и 42 нижнихъ чина убитыми и 286 человѣкъ ранеными. Успѣшнѣе вначалѣ были атаки войскъ Разу, который выбилъ изъ бублеевской рощи Рыльскій полкъ и оттѣснилъ егерей 20-го и 21-го полковъ; но въ дѣло введены были стоявшіе въ резервѣ баталіоны, сводный гренадерскій и графа Аракчеева, которые и опрокинули непріятеля.

Но сильнѣйшую угрозу нашему лѣвому флангу представлялъ вестфальскій корпусъ Жюно; онъ, перейдя у Прудищева Днѣпръ, еще около полудня поднялся на высоты у дер. Тебеньковой. Появленіе этого корпуса, общей численностью до 14 тысячъ человѣкъ, могло имѣть для насъ самыя роковыя послѣдствія: выйди Жюно на большую дорогу, наши войска, не успѣвшія еще выбраться съ проселка на большакъ, были бы отрѣзаны. Къ счастью, Жюно стоялъ неподвижно, скрывъ свои войска въ тебеньковскомъ лѣсу. Никто, а въ томъ числѣ и прискакавшій къ нему Мюратъ, не могли уговорить его ввести въ бой свои войска: онъ все ожидалъ распоряженій самого императора Наполеона. Нерѣшительность Жюно, при данныхъ обстоятельствахъ, представляетъ столь загадочное явленіе, что нѣкоторые французскіе историки объясняютъ ее припадкомъ внезапнаго умопомѣшательства. [1]

---

[1] «Gourgaud «Napoléon et la grande armée».

Графъ Василій Васильевичъ
ОРЛОВЪ-ДЕНИСОВЪ

Графъ Матвѣй Ивановичъ
ПЛАТОВЪ

Баронъ Ѳедоръ Карловичъ
КОРФЪ

Павелъ Алексѣевичъ
ТУЧКОВЪ 3

Наконецъ, Жюно выслалъ впередъ нѣсколько ротъ легкой пѣхоты; но отрядъ этотъ едва только вышелъ изъ лѣса на поляну, какъ былъ атакованъ и на глазахъ всего корпуса изрубленъ лейбъ-казаками и Маріупольскими гусарами. Лишь въ шестомъ часу, по самому настоятельному требованію Мюрата, Жюно выслалъ впередъ свою кавалерію. Она опрокинула казаковъ, но затѣмъ была отбита Маріупольскими и Елисаветградскими гусарами. Всѣ попытки непріятельской кавалеріи развернуться противъ нашего лѣваго фланга были тщетны. Орловъ-Денисовъ послѣдовательными атаками выстроенной въ 4 линіи кавалеріи безпрерывно опрокидывалъ непріятельскую конницу. Едва она пыталась развернуться на удобномъ мѣстѣ, какъ на нее налетали гусары 1-ой линіи и, опрокинувъ ее, скакали назадъ за 4-ую линію; слѣдомъ шла въ атаку 2-ая линія, которая, опрокинувъ непріятеля, въ свою очередь, отходила за 1-ую линію и т. д. Такія атаки съ огромнымъ подъемомъ духа наша кавалерія лихо и безостановочно производила около двухъ часовъ.

По разсказамъ стараго лейбъ-казака,[1] здѣсь въ этотъ же день ночью имѣли случай отличиться и лейбъ-казаки. Когда графу Орлову-Денисову донесли, что наши двѣ артиллерійскія роты попали въ такую топь, что вынуждены были бросить орудія, онъ приказалъ лейбъ-казачьему корнету Кутейникову взять съ собой 50 надежныхъ лейбъ-казаковъ и непремѣнно спасти завязнувшія орудія. Удальцы эти по одиночкѣ, среди густой цѣпи французскихъ стрѣлковъ, ползкомъ добрались до мѣста и сумѣли въ глукобой тишинѣ вытащить и доставить въ свой отрядъ всѣ пушки.

Между тѣмъ войска наши, оборонявшія позицію, получили значительныя подкрѣпленія: подошли остальныя части 3 корпуса и нѣкоторые полки 4 корпуса. Въ то же время на позицію прибылъ главнокомандующій, принявшій личное руководство боемъ. По его распоряженію въ подкрѣпленіе праваго крыла пошелъ Екатеринославскій гренадерскій полкъ; Коновницынъ съ полками Муромскимъ, Черниговскимъ и Капорскимъ посланъ усилить центръ; Чеглокову съ полками Перновскимъ, Полоцкимъ и съ ротою конной артиллеріи

---

1 «Разсказы стараго лейбъ-казака Шамшева» Рус. Стар. 1877 г. Февраль 376—377.

приказано поддержать лѣвое крыло. Къ правому флангу 1-го кавалерійскаго корпуса примкнулъ Кексгольмскій полкъ. Наконецъ, остальные полки 3-го пѣхотнаго корпуса—Павловскіе, Таврическіе и Санктпетербургскіе гренадеры съ тремя артиллерійскими ротами, поставлены въ общій резервъ за деревней Лубино.

Около 7 часовъ вечера Ней возобновилъ нападеніе на центръ нашей позиціи всѣми своими силами. Въ атаку пошли всѣ 4 бывшія въ его распоряженіи дивизіи: Жерара, замѣнившаго Гюдена, Маршана, Разу и Ледрю. Истомленные долгимъ боемъ полки лейбъ-гренадерскій, Елецкій и Екатеринбургскій подались назадъ; снялась съ позиціи и отступила наша артиллерія. Въ этотъ критическій моментъ исправлявшій должность дежурнаго генерала, полковникъ Кикинъ, адъютантъ генерала Ермолова, поручикъ гвардейской артиллеріи Граббе, и офицеры Кавалергардскаго полка Башмаковъ и де-Юнкеръ, собравъ разсѣянныхъ людей, кинулись съ барабаннымъ боемъ въ штыки и завязали бой. Въ то же время Барклай, находившійся на большой дорогѣ, сосредоточилъ огонь нѣсколькихъ батарей по наступавшимъ непріятельскимъ полкамъ и бросилъ имъ навстрѣчу Коновницына съ тремя свѣжими полками. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя непріятель былъ опрокинутъ.

На правомъ флангѣ позиціи французамъ удалось сбить нашу батарею, но Ермоловъ повелъ въ штыки лейбъ-гренадеръ и возстановилъ бой. На этомъ пунктѣ сраженіе продолжалось до самаго вечера. Въ 9 часовъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, Тучковъ 3, отражая атаку непріятеля, повелъ въ штыки полкъ Екатеринославскихъ гренадеръ. Лошадь подъ нимъ была убита и онъ, желая ободрить солдатъ, самъ пошелъ во главѣ переднихъ рядовъ. Но гренадеры были опрокинуты, а Тучковъ, раненый штыкомъ въ бокъ и получившій нѣсколько ранъ въ голову, былъ взятъ въ плѣнъ. По свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, жизнь Тучкова была спасена лишь благодаря свѣту просіявшей изъ за тучъ луны, при которомъ солдаты, наносившіе ему удары, увидѣли на немъ звѣзду. Плѣнный Тучковъ былъ немедленно представленъ Мюрату поручикомъ Этьеномъ. По дорогѣ поручикъ просилъ нашего генерала замолвить за него словцо. Мюратъ принялъ плѣнника очень ласково

и приказалъ своему хирургу осмотрѣть его раны. Тучковъ не забылъ просьбы поручика и просилъ Мюрата наградить, его говоря: «онъ дѣйствовалъ очень храбро противъ меня». Мюратъ улыбнулся и наградилъ своего офицера орденомъ почетнаго легіона.

Лѣвое наше крыло подверглось обходу непріятельской кавалеріи. Замѣтивъ это, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ всѣмъ 4-мъ линіямъ своей кавалеріи завернуть лѣвый флангъ назадъ, и, сокративъ такимъ образомъ протяженіе фронта между двумя болотами, имѣлъ возможность часть войска отдѣлить въ резервъ. На правомъ флангѣ боевой линіи онъ поставилъ Елисаветградскихъ гусаръ и Полоцкій пѣхотный полкъ; Перновскій полкъ, построенный въ каре, помѣстилъ въ центръ, а Изюмскихъ гусаръ и полкъ казаковъ расположилъ на лѣвомъ флангѣ; артиллеристы были скрыты на пригоркѣ за правымъ крыломъ. Между 6 и 7 часами вечера на позицію, занятую Орловымъ-Денисовымъ, двинулась дивизія Охса изъ корпуса Жюно. Выйдя изъ кустарниковъ, она перешла бублеевскую рощу и направилась противъ праваго крыла позиціи. Встрѣченная картечью 12 орудій нашей батареи и усиленнымъ огнемъ Полоцкаго и Перновскаго полковъ, она съ большимъ урономъ была отброшена назадъ и подверглась безпощадному преслѣдованію казаковъ и Сумскихъ гусаръ, которые гнали ее до селенія Гумничина.

Въ 8 часовъ бой на нашемъ лѣвомъ крылѣ совершенно прекратился. Еще до окончанія боя, около 7 часовъ вечера, началъ, наконецъ, выходить на большую московскую дорогу 2-ой пѣхотный корпусъ. Во главѣ его прибыла 17-ая дивизія подъ личнымъ начальствомъ командира корпуса генерала Баггевута; затѣмъ авангардъ Корфа и послѣднимъ, уже въ совершенной темнотѣ, со своей дивизіей пришелъ принцъ Евгеній Вюртембергскій. Всѣ эти войска поставлены были въ резервахъ позади центра и праваго фланга нашей позиціи впереди дер. Лубино.

Къ наступленію ночи бой окончился съ несомнѣннымъ стратегическимъ успѣхомъ для насъ. Цѣль наша—прикрыть у лубинскаго перекрестка выходъ на московскую дорогу нашей арміи, задержавъ наступленіе противника, была въ полной мѣрѣ достигнута.

Въ сраженіи при Лубинѣ участвовало съ нашей стороны до 22 тысячъ человѣкъ; непріятель имѣлъ въ своемъ распоряженіи

до 50 тысячъ войскъ. Сраженіе было чрезвычайно кровопролитное и войска обѣихъ сторонъ, по общему признанію, покрыли себя славой. Здѣсь, по выраженію французскаго историка, «русскіе защищались, чтобы все защитить: пушки, раненыхъ, обозъ. Французы сражались, чтобы все взять». Даже, признавая себя побѣдителями въ этомъ дѣлѣ, сами французы высоко цѣнятъ доблесть нашихъ войскъ, говоря про нихъ: «въ ихъ пораженіи было столько же славы, сколько въ нашей побѣдѣ». [1] Потери въ этомъ дѣлѣ достигали у насъ до 6, а у непріятеля до 9 тясычъ человѣкъ. [2]

Достигнутый нами въ этомъ сраженіи стратегическій успѣхъ объясняется не только храбростью нашего войска и талантливой отвагой его вождей, но въ значительной степени и отсутствіемъ единства дѣйствій противника.

Лубинское сраженіе разыгралось для французовъ совершенно неожиданно, а потому безъ всякаго единства дѣйствія, безъ общаго плана, и руководства. Не ожидая серьезнаго дѣла въ теченіи 7 августа, непосредственно послѣ того какъ только что закончилось кровопролитнымъ сраженіемъ оставленіе Смоленска, Наполеонъ появился къ своимъ войскамъ на самое короткое время и затѣмъ отбылъ въ Смоленскъ. Получивъ донесеніе маршала Нея о готовящемся сопротивленіи русскихъ войскъ на большой московской дорогѣ, онъ не придалъ значенія предстоящему бою, считая его обыкновенной авангардной стычкой. Наполеонъ ограничился тѣмъ, что выслалъ въ помощь Нею одну дивизію Гюдена изъ корпуса маршала Даву, не сдѣлавъ даже распоряженія относительно объединенія власти надъ войсками, отошедшими на востокъ отъ Смоленска. Такимъ образомъ, на самомъ полѣ сраженія оказались три независимыхъ начальника: Ней, Мюратъ и Жюно, изъ которыхъ каждый дѣйствовалъ или бездѣйствовалъ по своему собственному усмотрѣнію.

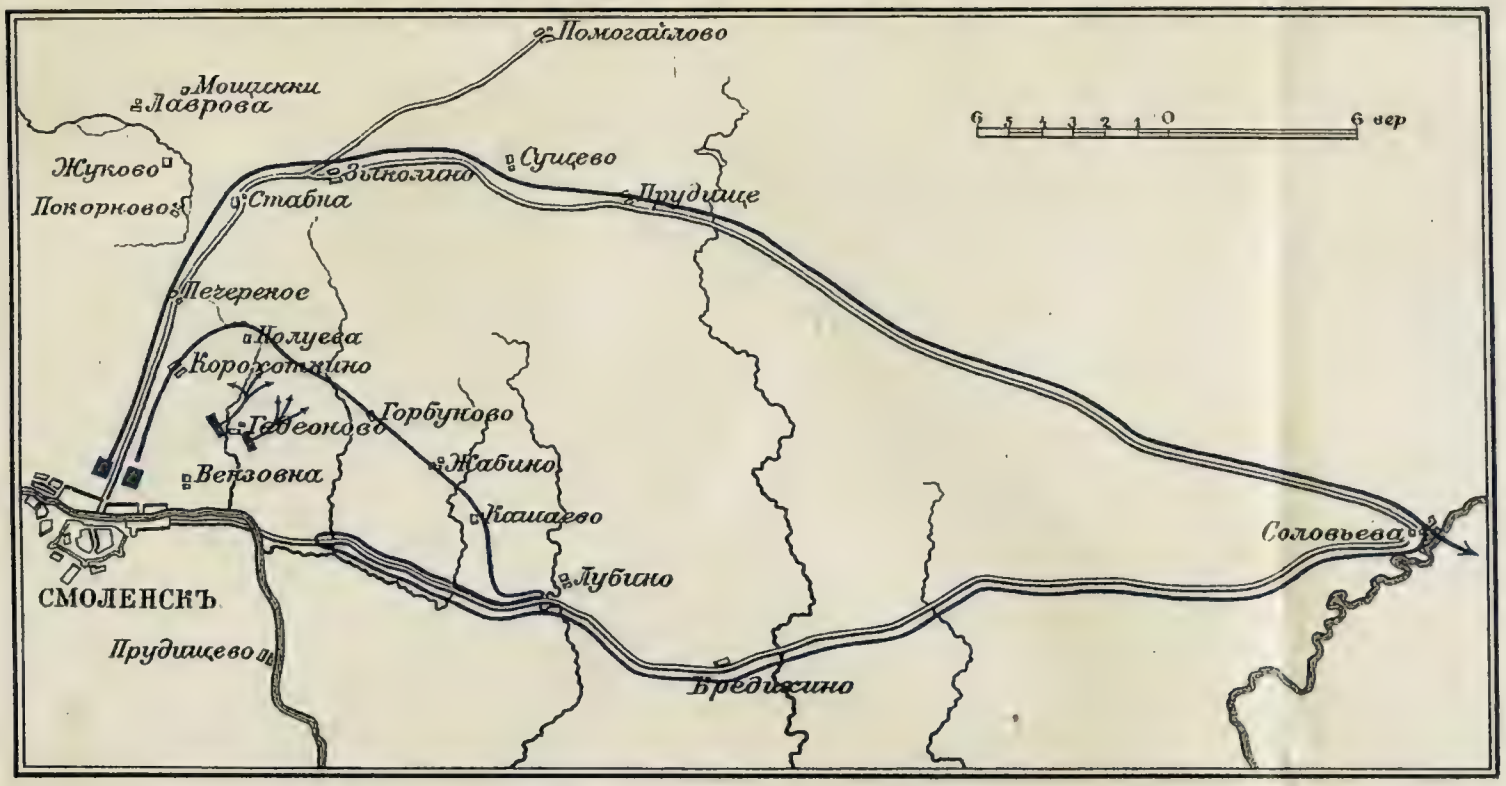
Узнавъ вечеромъ того же дня о Валутинскомъ боѣ и Лубинскомъ сраженіи, Наполеонъ былъ страшно недоволенъ ихъ исходомъ.

---

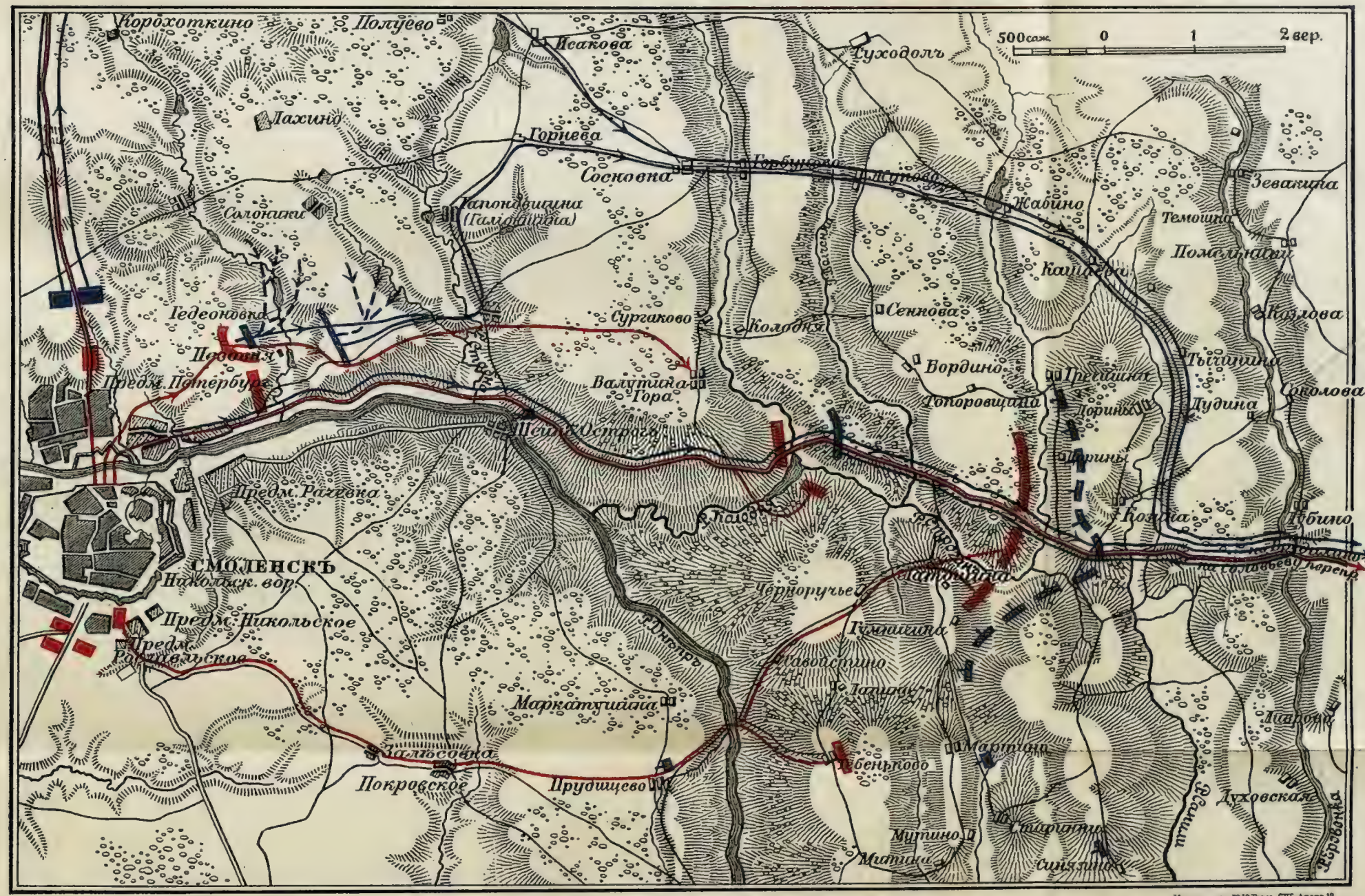
1 Comte de Ségur «Histoire de Napoléon...».

2 Леверъ. «Обзоръ войнъ...» Ч I. стр. 384; Харкевичъ исчисляетъ эти потери въ 5 тысячъ съ нашей стороны и въ 7 тысячъ со стороны непріятеля. «Записки».

Карта
отступленій 1-ой арміи отъ Смоленска къ Соловьевой переправѣ.



Синія—русскія войска Красныя—французскія войска



Картогр. зав. Ю.Ю. Ташъ, СПБ., Арота 19

Планъ боевъ при Гедеоновкѣ, Валутиной и Лубинѣ.

Бивакъ вюртембергской дивизіи Маршана за Валутиной Горой 10 августа

Главнымъ образомъ, его возмущало бездѣйствіе вестфальскаго корпуса. Гнѣвъ его на маршала Жюно былъ такъ великъ, что онъ въ первомъ порывѣ негодованія приказалъ отнять у него корпусъ; но затѣмъ распоряженіе это было отмѣнено. Дѣйствительно, значеніе Лубинскаго сраженія было огромно. И можно согласиться съ догадкой, что оно не давало покоя Наполеону до конца его дней; можно представить себѣ, что «въ грустные часы своего заточенія, разбирая длинныя и кровавыя четки своихъ боевыхъ дней, онъ не разъ задумывался о Лубинскомъ дѣлѣ и проклиналъ часы отдыха, удержавшіе его въ Смоленскѣ». [1]

Послѣ боя войска отошли на отдыхъ. Вюртембергская дивизія Маршана изъ корпуса маршала Нея стала лагеремъ на возвышенности, въ одной верстѣ отъ поля битвы, вправо отъ большака. Здѣсь она простояла 3 дня въ ожиданіи смотра своего императора. Когда смолкли устрашающіе звуки брани и наступила примиряющая тишина, многіе поселяне выходили изъ своихъ засадъ и робко приближались къ лагерю непріятеля, который старался, при помощи разныхъ знаковъ и отдѣльныхъ словъ вступить, съ ними въ сношеніе.

Послѣ выхода на московскую дорогу всего хвоста колонны Тучкова I уже не было надобности удерживать лубинской позиціи. По приказанію Барклая, въ ночь на 8 августа снялась съ позиціи и отправлена впередъ вся артиллерія; въ 4 часа утра, послѣ ночлега на рѣчкѣ Еровенкѣ, войска лѣвой колонны Тучкова I выступили на Бредихино къ Соловьевой переправѣ, гдѣ соединились съ войсками правой колонны Дохтурова. Вечеромъ 8 и днемъ 9 августа вся первая армія переправилась черезъ Днѣпръ. Во время перехода по узкимъ мостамъ среди войскъ разнеслась вѣсть, что несутъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери. Войска благоговѣйно разступались, творя усердную молитву передъ святой иконой.

На правой сторонѣ Днѣпра оставался только Платовъ и аріергардъ Корфа.

---

[1] «Изъ памятныхъ записокъ графа Павл. Хр. Граббе».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Движеніе отъ Соловьевой переправы къ Царево-Займищу.

Перейдя Днѣпръ у Соловьевой переправы, первая армія направилась 9 августа къ Дорогобужу. Для заслона ея движеній на правой сторонѣ рѣки былъ оставленъ атаманъ Платовъ и отданный подъ начальство его аріергардъ барона Корфа, всего въ составѣ 32 эскадроновъ и большей части казачьихъ полковъ. Въ поддержку ему на другомъ, лѣвомъ, берегу Днѣпра расположился баронъ Розенъ съ шестью егерскими полками и полутора ротами артиллеріи. Платовъ долженъ былъ стоять у самой переправы, и выслать сильные отряды вверхъ по Днѣпру, чтобы обезопасить отъ непріятеля посланные изъ Смоленска черезъ Духовщину въ Дорогобужъ обозы и транспорты. Прочія тяжести, а также раненые были отправлены изъ Духовщины въ Вязьму.

Послѣ Лубинской битвы основной идеей отступленія нашихъ армій служитъ пріисканіе удобнѣйшей позиціи для оборонительнаго сраженія. Настойчивая потребность въ рѣшительномъ сраженіи настолько назрѣла въ общественномъ мнѣніи и народномъ сознаніи, такъ глубоко проникла въ ряды самаго войска и пріобрѣла столь категорическія формы выраженія, что неизбѣжно приходилось ей подчиниться. Этотъ процессъ роковой необходимости захватилъ даже непреклоннаго Барклая де-Толли, который былъ убѣжденъ въ несвоевременности генеральнаго сраженія. Впередъ были отправлены офицеры для выбора удобной позиціи. Офицеры эти на пространствѣ до Гжатска нашли двѣ выгодныхъ позиціи: при Усвятьѣ за р. Ужею Дорогобужскаго уѣзда и при Царево-Займищѣ Вяземскаго уѣзда. По осмотрѣ ихъ, генералъ-квартирмейстеръ полковникъ Толь особенно одобрилъ первую. Посему, 9 августа вечеромъ, первая армія заняла избранную позицію при Усвятьѣ, а вторая армія, въ тотъ же день утромъ снявшись съ биваковъ у д. Михайловки, прошла прямо къ Дорогобужу.

По прибытіи главной квартиры въ Усвятье 10 августа оба главнокомандующіе съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ,

въ сопровожденіи всѣхъ корпусныхъ командировъ и многихъ другихъ генераловъ, отправились на рекогносцировку. При обзорѣ избранной полковникомъ Толемъ позиціи, главнокомандующій первой арміи указывалъ ему нѣкоторыя ея неудобства. Настойчиво опровергая замѣчанія главнокомандующаго, полковникъ Толь весьма несдержанно заявилъ, «что лучшей позиціи быть не можетъ, и что онъ не понимаетъ, чего отъ него требуютъ». Поведеніе полковника Толя, нисколько не возмутившее Барклая, взорвало князя Багратіона. Онъ замѣтилъ полковнику, что дерзость его при отвѣтѣ начальнику да еще въ присутствіи брата Государя совершенно неумѣстна, что на него слѣдовало бы надѣть солдатскую суму, и что онъ мальчишка. [1]

Несмотря на нѣкоторыя неудобства занятой уже позиціи Барклай рѣшился выждать на ней нападеніе противника и предложилъ князю Багратіону приблизить вторую арміи къ лѣвому флангу первой. Въ виду этого распоряженія, Багратіонъ сталъ со своею арміей на указанномъ мѣстѣ, а у Дорогобужа оставилъ сильный отрядъ подъ командой Невѣровскаго.

Между тѣмъ аріергардъ нашъ сталъ отступать подъ натискомъ непріятеля. Кавалерія перешла Днѣпръ въ бродъ, такъ какъ мосты у Соловьевой переправы были заранѣе уничтожены. Непріятель бросился ее преслѣдовать, но нѣкоторое время сдерживался огнемъ батарей и стрѣлковъ, занимавшихъ лѣвый берегъ рѣки. Однако, уже 11 августа нашъ аріергардъ, преслѣдуемый противникомъ, перешелъ на правую сторону р. Ужи и расположился на позиціи вмѣстѣ съ главными силами первой арміи.

По пятамъ аріергарда слѣдовалъ и непріятель. 10 августа кавалерія Мюрата, за нею корпуса Даву, Нея и Жюно достигли Пневой слободы и перешли Днѣпръ: кавалерія въ бродъ, пѣхота по 2-мъ понтоннымъ мостамъ.

Изнемогая отъ зноя въ густыхъ облакахъ пыли, корпуса эти съ своими обозами и стадами тянулись столбовой дорогой. Обходнымъ движеніемъ по проселкамъ слѣдовали войска вице-короля и Понятовскаго. Корпусъ вице-короля двигался по духовщин-

---

[1] Записки А. П. Ермолова стр. 180.

ской дорогѣ до Помогайлово; затѣмъ, выйдя проселкомъ на дорогу изъ Духовщины въ Дорогобужъ, онъ 13 августа подошелъ у селенія Пологи къ р. Вопи. Эта небольшая рѣчка очень глубока и крутобережна. Переправа черезъ нее представляла значительныя трудности, особенно для артиллеріи, которая могла перейти ее только удвоивъ упряжки; кавалерія переправлялась вплавь длинною лентой. Переправа черезъ Вопь лѣтомъ, какъ она ни была затруднительна, все же не давала вѣрнаго понятія о трудности ея перехода зимою, когда морозы еще не покрыли ее прочной ледяной корой. Нельзя было предвидѣть, что всего черезъ два съ половиною мѣсяца на этой Вопи корпусъ вице-короля постигнетъ полный разгромъ. Послѣ переправы, въ тотъ же день 13 августа, вице-король прибылъ въ с. Заселье, [1] гдѣ главная его квартира заняла обширный помѣщичій домъ. Здѣсь вице-король соединился съ корпусомъ Груши, прибывшимъ изъ Духовщины. Корпусъ Понятовскаго двигался на Бѣлкино, южнѣе большой дороги, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ нея. Въ то же время корпусъ Латуръ-Мобура шелъ черезъ Мстиславль въ г. Ельню. Самъ Наполеонъ, въ надеждѣ дать подъ Дорогобужемъ генеральное сраженіе, отправилъ туда свою гвардію 12 августа и въ слѣдующую ночь самъ выѣхалъ изъ Смоленска къ арміи.

Подойдя къ занятой нашими войсками позиціи при Усвятьѣ, непріятель открылъ сильную канонаду. Багратіонъ опасался за свой лѣвый флангъ, подверженный обходу, и настаивалъ на отступленіи къ Дорогобужу, гдѣ позиція, по его мнѣнію, представляла бо́льшія удобства; къ тому же, были получены донесенія о наступленіи войскъ вице-короля со стороны Духовщины. При такихъ обстоятельствахъ Барклай, въ ночь на 12 августа, оставя въ Усвятьѣ аріергардъ атамана Платова, снялъ съ позиціи обѣ арміи и приказалъ Толю расположить ихъ на другой день подлѣ Дорогобужа.

12 августа первая армія расположилась уже на позиціи впереди города; изъ ея состава 2-ой пѣхотный и 1-ый кавалерійскій корпуса были отряжены на правую сторону Днѣпра для противодѣйствія вице-королю. Вторая армія поставлена на лѣвомъ флангѣ

---

[1] Сельце это, названное въ историческихъ источникахъ Заселье, а художникомъ Adam Zaselè,—нынѣ именуется Засижье.

Переправа корпуса вице-короля черезъ р. Вопь 13 августа

Главная квартира вице-короля въ Засельѣ (Засижьѣ) 13 августа

на семь верстъ позади первой при селѣ Бражинѣ. Все утро Барклай и Багратіонъ посвятили подробному обзору мѣстности, которую признали очень тѣсной. Позиція у Дорогобужа оказалась настолько неудовлетворительной, что было рисковано принять на ней сраженіе. Кромѣ того обнаружилось, что полковникъ Толь расположилъ войска тыломъ къ непріятелю. Ошибка эта, не имѣвшая дурныхъ послѣдствій и оставленная въ секретѣ, была допущена нашимъ генералъ-квартирмейстеромъ, надо думать, подъ вліяніемъ того душевнаго потрясенія, которое онъ переживалъ послѣ выговора, публично полученнаго имъ отъ князя Багратіона. Такую ошибку удостовѣряетъ въ своихъ запискахъ И. С. Жиркевичъ. Когда нашу армію поставили на позицію у Дорогобужа, его отправили въ тылъ ея на фуражировку. Проѣхавъ проселкомъ верстъ 10, онъ попалъ въ одну деревню, гдѣ и разослалъ свою команду по дворамъ для розысковъ овса и сѣна; самъ же остался у входа въ селеніе. Вдругъ къ нему подходитъ человѣкъ съ поклонами и выраженіемъ недоумѣнія, какъ онъ могъ прибыть въ это селеніе вслѣдъ за французами, которые находились всего въ 2 вер. Оказалось, къ величайшему его изумленію, что съ нимъ разговаривалъ крѣпостной человѣкъ его дяди, и что селеніе, гдѣ онъ фуражировалъ, принадлежало также его дядѣ и было деревней Михайловской, которая отстояла отъ Дорогобужа въ 8 вер. и находилась впереди нашей линіи.

Такимъ образомъ Жиркевичъ, поѣхавъ въ тылъ арміи, очутился впереди ея, что называется, на носу у непріятеля. Обстоятельство это долго оставалось таинственной загадкой. Много времени спустя, въ 1830 г., въ разговорѣ съ Жиркевичемъ Ермоловъ пояснилъ ему: «Вѣдь это наша государственная тайна! За нее Багратіонъ настаивалъ, чтобы нашего тогдашняго генералъ-квартирмейстера Толя, ежели не разстрѣлять, то, по крайней мѣрѣ, облечь въ бѣлый крестъ (разжаловать въ солдаты), ибо онъ расположилъ подъ Дорогобужемъ армію такъ, что она стояла тыломъ къ французамъ, а лицомъ—къ Москвѣ». [1]

Благодаря во время замѣченнымъ неудобствамъ позиціи при Дорогобужѣ, въ слѣдующую же ночь на 13 августа войскамъ былъ

---

[1] Записки И. С. Жиркевича Рус. Стар. 1874 г. Августъ, стр. 653.

отданъ приказъ отступить къ Вязьмѣ 3-мя колоннами. Правая колонна слѣдовала сѣвернѣе большой дороги на дер. Конюшкино и Афонасьево, въ составѣ 2-го пѣхотнаго и 1-го кавалерійскаго корпусовъ съ тремя казачьими полками, имѣя въ аріергардѣ подъ командой генерала Крейца Иркутскихъ и Сибирскихъ драгунъ, егерей 30-го и 48-го полковъ и одинъ казачій полкъ. Средняя колонна изъ 4-хъ пѣхотныхъ корпусовъ (3-го, 4-го, 5-го и 6-го) со всей резервной артиллеріей первой арміи двигалась по большой дорогѣ на Чоботово и Семлево; въ аріергардѣ ея шелъ атаманъ Платовъ. Лѣвая колонна въ составѣ войскъ 2-й арміи, съ аріергардомъ подъ начальствомъ князя Васильчикова, двигалась южнѣе большака на селенія Божанъ и Лужки. Для бо́льшаго обезпеченія безопаснаго слѣдованія войскъ по довольно открытой мѣстности между Дорогобужемъ и Вязьмой, позади армій оставлены въ поддержку аріергарда 2-ой и 3-ій кавалерійскіе корпуса. Прикрывать сообщенія съ Тверью былъ отправленъ къ Бѣлому отъ Духовщины отрядъ генерала Винцингероде; отрядъ этотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ приведенъ въ связь съ главными силами арміи посредствомъ высланныхъ на дорогу изъ Духовщины въ Вязьму маіора Краснова съ 3-мя казачьими полками и генерала Шевича съ двумя баталіонами пѣхоты и съ кавалерійскими полками Кавалергардскимъ и Конно-гвардейскимъ.

Арміи наши два дня продолжали отступленіе и 14 августа достигли селенія Семлева. Здѣсь войскамъ былъ предоставленъ роздыхъ какъ ввиду ихъ сильной усталости, такъ и необходимости починки изношенной обуви солдатъ. Тѣмъ временемъ начальникъ инженеровъ Трузсонъ и генералъ-квартирмейстеры обѣихъ армій были отправлены впередъ въ Вязьму для выбора удобныхъ позицій для арміи. Имъ приказано: «отыскать и укрѣпить такую позицію, гдѣ 20-ти или 25-ти тысячный корпусъ могъ бы держаться противъ непріятеля, между тѣмъ какъ, имѣя сей городъ въ своей власти, арміи могли бы въ то же время дѣйствовать наступательно».[1]—Въ Вязьмѣ предполагалось не только дать противнику рѣшительный отпоръ, но даже перейти въ наступленіе. Туда вскорѣ ожидался генералъ Милорадовичъ съ войсками, сформированными въ Калугѣ.

---

[1] Повелѣніе генералу Трузсону 13 августа № 686.

Изъ Семлева Барклай-де-Толли доносилъ Государю отъ 14 августа.

«Кажется, теперь настала минута, гдѣ война можетъ принять благопріятнѣйшій видъ, потому что непріятель, не взирая на его усилія соединить всѣ силы, даже корпусъ Понятовскаго, который оставилъ Рогачевъ, Могилевъ и все пространство, имъ занимаемое, чтобы сблизиться съ Наполеономъ, слабѣетъ на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ подается впередъ, и въ каждомъ сраженіи съ нами. Напротивъ того, наши войска подкрѣпляются резервомъ, который Милорадовичъ ведетъ къ Вязьмѣ. Теперь мое намѣреніе поставить у этого города въ позицію 20 или 25 тыс. человѣкъ, и такъ ее укрѣпить, чтобы этотъ корпусъ былъ въ состояніи удерживать превосходнаго непріятеля, чтобы съ большею увѣренностью можно было дѣйствовать наступательно. Этому до сихъ поръ препятствовали важныя причины: главнѣйшая та, что доколѣ обѣ арміи не были подкрѣплены резервами, онѣ составляли почти единственную силу Россіи противъ превосходнаго и хитраго непріятеля. Слѣдовательно, надобно по возможности сохранять арміи и не подвергать ихъ пораженію, чтобы дѣйствовать вопреки намѣренію непріятеля, который соединилъ всѣ свои силы для рѣшительнаго сраженія. Донынѣ мы имѣли счастіе достигать нашей цѣли, не теряя непріятеля изъ вида. Мы его удерживали на каждомъ шагу, и, вѣроятно, этимъ принудимъ его раздѣлить его силы. И такъ, вотъ минута, гдѣ наше наступленіе должно начаться». [1]

Однако, и на этотъ разъ планъ наступленія не удался. Возвратившись изъ Вязьмы, Трузсонъ и Толь доложили, что вся мѣстность между Семлевымъ и Вязьмою, покрытая лѣсомъ и горами съ кустарникомъ, не представляетъ ни одной удобной для боя позиціи, но что въ 10 верстахъ за Вязьмой, по большой московской дорогѣ, имѣется весьма выгодная позиція. [2] Между тѣмъ 15 августа обѣ колонны первой арміи соединились при Вязьмѣ, а вторая армія расположилась у дер. Быковой; аріергардъ-же достигъ селенія Рыбки на рѣкѣ Осьмѣ.

---

[1] Донесеніе изъ Семлева, отъ 14 августа.

[2] Отношеніе Барклая къ Багратіону отъ 14 августа № 687.

Слѣдуя за нашей арміей, непріятель 13 августа занялъ Дорогобужъ; сперва въ городъ вошелъ Мюратъ, затѣмъ прибылъ Наполеонъ. Солдаты разсыпались по городу въ поискахъ за съѣстными припасами, но ничего не нашли кромѣ множества капусты на огромномъ пространствѣ городскихъ огородовъ, почему и прозвали Дорогобужъ городомъ капусты. [1] Здѣсь Наполеонъ, въ ожиданіи рѣшительнаго боя, принялъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности для обезпеченія флланговъ и тыла своей арміи, все больше и дальше втягиваемой процессомъ войны вглубь чуждой, невѣдомой страны. Онъ предписалъ маршалу Викто́ру съ 9-мъ корпусомъ двинуться изъ прусскихъ владѣній къ Смоленску, и ему-же подчинилъ отрядъ войска, оставленный въ Смоленскѣ. Онъ распорядился также, чтобы, въ случаѣ потери сообщенія отъ Смоленска къ главной его квартирѣ, оно было немедленно открыто. Мысли его такъ были близки къ предстоящему сраженію, что онъ приказалъ, какъ утверждаетъ въ своихъ запискахъ одинъ французскій гвардеецъ, [2] провѣрить число снарядовъ «на случай большой битвы». Изъ Дорогобужа, опустошеннаго уже пожаромъ, Наполеонъ двинулъ главныя силы по большой дорогѣ къ Вязьмѣ; въ обходъ-же нашихъ обоихъ флланговъ направилъ: вице-короля, съ присоединившимся къ нему корпусомъ Груши, на селенія Блогово и Березки, а польскій корпусъ Понятовскаго на село Бражино и сел. Лужки. Во главѣ авангарда по обыкновенію, шелъ Мюратъ.

Пройдя Дорогобужъ, отрядъ войскъ изъ корпуса Нея, къ вечеру 15 августа, подошелъ къ помѣщичьей усадьбѣ Славково, расположенной у опушки лѣса влѣво отъ дороги. Изъ господскаго дома неслись живительные звуки музыки; тамъ расположилась главная квартира императора Наполеона и передъ ней стояла биваками старая гвардія.

15 августа авангардъ Мюрата атаковалъ у селенія Рыбки нашъ аріергардъ, который семь часовъ стойко держался близъ Семлева у селенія Бѣломирскаго, пока къ вечеру не получилъ приказаніе отступить. Послѣднимъ оставался позади въ 15 в. отъ Вязьмы

---

1 «Memoires de Bourgogne».

2 Ibid.

Главная квартира Наполеона въ Славковѣ 15 августа

отрядъ Крейца, который, прикрывая справа отступленіе войскъ черезъ городъ, былъ атакованъ непріятелемъ, но успѣлъ благополучно отойти. Уронъ нашъ простирался до 300 чел. Въ Вязьмѣ Барклаю-де-Толли пришлось пробыть всего одинъ день. Здѣсь онъ остановился въ прекрасномъ домѣ богатаго откупщика, въ погребахъ котораго было закопано больше чѣмъ на 20 тыс. рублей хорошаго вина. Но нельзя было достать ни единой бутылки этого вина, такъ какъ владѣлецъ опасался обнаружить мѣсто его храненія. Однако, расторопные французы, занявъ городъ, безъ особыхъ указаній сумѣли со вкусомъ использовать зарытое сокровище. [1] Они прозвали Вязьму городомъ шпанса. [2] За неимѣніемъ надежной позиціи приходилось отступать за Вязьму, оставивъ во власть непріятелямъ этотъ старинный русскій городъ, весьма важный въ военномъ отношеніи, расположенный у скрещенія дорогъ изъ Бѣлаго и Калуги. Это отступленіе было сопряжено съ большими неудобствами и должно было произвести на войска и народъ во всѣхъ отношеніяхъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе въ силу необходимости наши арміи 16 августа оставили Вязьму и отошли къ селу Федоровскому, куда въ тотъ же день пріѣхали и главнокомандующіе. Хотя позиція при селѣ Федоровскомъ имѣла значительныя выгоды, но недостатокъ на ней воды дѣлалъ ее мало пригодной для боя. По сему наши арміи 17 августа продолжали свое отступленіе на Царево-Займище. Между тѣмъ аріергардъ нашъ 16 августа подошелъ къ Вязьмѣ, гдѣ былъ атакованъ превосходными силами Мюрата и Даву; однако, онъ держался до самой ночи. На слѣдующій день въ командованіе аріергардомъ, усиленнымъ 3-ею пѣхотной дивизіей и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, вступилъ Коновницынъ, замѣнившій Платова, уволеннаго Барклаемъ, который былъ недоволенъ его дѣятельностью. Коновницынъ, обезпечивая по сравненію съ Платовымъ гораздо большее спокойствіе для арміи, [3] 17 августа началъ свое отступленіе отъ Вязьмы. Это отступленіе производилось настолько медленно, тягуче, что непріятель задерживался передъ каждой по-

---

1 Записки А. П. Ермолова, Т. I, стр. 187.

2 Mémoires de Bourgogne.

3 Записки А. П. Ермолова стр. 188.

зиціей, гдѣ могла дѣйствовать противъ него наша артиллерія. Онъ вынужденъ былъ выставлять сильнѣйшія батареи и развертывалъ свои войска въ боевой порядокъ. Послѣ всѣхъ такихъ сложныхъ подготовокъ со стороны непріятеля, наши орудія снимались съ позицій и весь аріергардъ отступалъ до слѣдующаго удобнаго пункта.

Мы оставили Вязьму, а французская армія спѣшила къ ней форсированными переходами, стремясь вступить въ бой. Войска непріятельскія двигались общей массой, перегоняя другъ друга; всѣ роды оружія перепутались. По обѣ стороны дороги тѣсными колоннами двигалась пѣхота и кавалерія; дорогу занимала артиллерія, походныя госпитали и обозы. Вся эта сгрудившаяся масса людей изнемогала отъ жары и пыли.

17 августа, когда обѣ наши арміи соединились на позиціи у Царево-Займища, непріятель передовыми отрядами занялъ городъ Вязьму, которую зажгли сами жители, раздавъ проходившимъ войскамъ нашимъ съѣстные припасы. Не имѣя возможности двигаться массой по улицамъ между горящими домами, непріятельскія войска пошли въ обходъ; отсталые же начали грабить городъ.

На разсвѣтѣ 18 августа вюртембергская дивизія Маршана вмѣстѣ съ другими войсками маршала Нея подходила къ Вязьмѣ. Передъ ней на обширной равнинѣ разстилался окутанный дымомъ пожара городъ со своими церквями, куполы и главы которыхъ золотило восходящее солнце, пробиваясь сквозь облака дыма. Прибывъ въ Вязьму, Наполеонъ приказалъ тушить пожаръ и остановить грабежъ.

Въ послѣдніе дни императоръ французовъ чаще показывался передъ своими полками, что имѣлъ обыкновеніе дѣлать въ ожиданіи большого сраженія. Днемъ 18 августа проходящіе черезъ Вязьму войска видѣли его у одного изъ окраинныхъ домовъ восточнаго предмѣстья города. Онъ сидѣлъ на стулѣ, окруженный свитою, и, дѣлая смотръ проходящимъ войскамъ, велъ разговоръ съ «русскимъ дворяниномъ», какъ говорили впослѣдствіи.

Главныя силы непріятеля расположились за Вязьмой, имѣя въ авангардѣ противъ Коновницына конницу Мюрата; на лѣвомъ флангѣ, въ сел. Новомъ на сычевской дорогѣ, былъ вице-король, а на правомъ, при селѣ Покровскомъ, стоялъ Понятовскій.

Смотръ войскамъ въ Вязьмѣ 18 августа

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ и движеніе къ Бородину.

Позиція около Царево-Займища оказалась весьма благопріятной и на ней рѣшено было дать сраженіе. Начались инженерныя работы и наши арміи заняли боевое расположеніе.

Въ это время получилось извѣстіе о новомъ назначеніи одного общаго главнокомандующаго надъ всѣми дѣйствующими арміями. На этотъ исключительно отвѣтственный и высокій постъ былъ назначенъ князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ. Такое назначеніе не представлялось неожиданной новостью; напротивъ, оно завершало всеобщія ожиданія, осуществляло народныя пожеланія.

Съ этимъ назначеніемъ была, наконецъ, объединена власть надъ всей дѣйствующей арміей, что являлось уже самой настойчивой необходимостью въ виду общаго положенія дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Отступленіе нашихъ армій все продолжалось, а несогласія между ихъ главнокомандующими все больше возрастали и достигли уже высшаго напряженія. Арміи соединились чисто внѣшнимъ образомъ, а внутренняго единенія не было достигнуто. Примиреніе главнокомандующихъ на смоленскомъ свиданіи имѣло лишь формальный характеръ и не дало благихъ результатовъ по существу дѣла. Формально и добровольно подчинившись главнокомандующему первой арміи, князь Багратіонъ въ дѣйствительности оставался вершителемъ своей воли и свободно не исполнялъ тѣхъ распоряженій Барклая-де-Толли, которыя не признавалъ цѣлесообразными. Такой независимый образъ дѣйствій соотвѣтствовалъ служебному положенію Багратіона. Онъ состоялъ отдѣльнымъ главнокомандующимъ второй арміи, сохраняя всѣ права и самостоятельность, предоставленныя ему закономъ, и входя съ непосредственными представленіями къ Государю. Отсутствіе единоначалія надъ арміей имѣло своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ несогласованность военныхъ операцій въ явный ущербъ дѣлу. По

мѣрѣ наступленія непріятеля въ глубь страны и отступленія передъ нимъ нашихъ войскъ, ропотъ и недовольство въ народѣ все больше росли; послѣ же потери Смоленска народное недовольство достигло такихъ предѣловъ, что съ нимъ нельзя было не считаться. Ни общество, ни весь народъ, въ томъ числѣ и войска, не питали уже довѣрія къ Барклаю. Его постоянныя отступленія ставили въ связь съ его иностраннымъ происхожденіемъ; возникали даже подозрѣнія въ измѣнѣ, если не его самаго, то ближайшихъ къ нему лицъ. Въ эпоху величайшей государственной опасности, при огромномъ подъемѣ патріотическаго чувства, русскіе люди, весь русскій народъ, единый духомъ въ минуту всеобщаго возбужденія, не могъ примириться съ тѣмъ, что во главѣ спасающей отечество арміи стоитъ такой не русскій человѣкъ, который не могъ оправдать себя постоянными и блестящими побѣдами.

На этотъ постъ долженъ былъ выдвинуться коренной русскій. Такова была настоятельная потребность политической современности. Кромѣ того, Барклай имѣлъ много враговъ въ арміи и въ числѣ ихъ цесаревича Константина Павловича. Вокругъ него кипѣла интрига, и окружавшія его многочисленныя враждебныя партіи не оставляли безъ злостной критики ни единаго его шага. Барклай въ Дорогобужѣ удалилъ изъ арміи цесаревича, выслалъ нѣсколькихъ флигель-адъютантовъ изъ поляковъ, но эти мѣры только усилили недовольство въ придворныхъ кругахъ. Онъ не могъ получить у своихъ современниковъ ни оправданія своему образу дѣйствій, ни даже снисходительнаго къ нему отношенія. Онъ былъ во всемъ виноватъ: виноватъ въ величавомъ спокойствіи, когда кругомъ клокотали страсти; въ мудрой предусмотрительности, когда возбужденныя чувства толкали на безумную отвагу; въ суровой рѣшимости, когда сильнѣйшія теченія сбивали его съ принятаго курса. Барклай былъ безпощадно осужденъ судомъ современниковъ. За него былъ въ настоящемъ одинъ Государь, но въ будущемъ оказалось все безпристрастное потомство, которое не могло не признать, что онъ сберегъ русскую армію для славныхъ побѣдъ надъ врагомъ.

Все положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и общее недовольство имъ чрезвычайно тревожило Государя. Онъ повелѣлъ

обсудить этотъ вопросъ чрезвычайному комитету, въ составъ котораго вошли высшіе сановники государства: въ качествѣ предсѣдателя генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, генералъ Вязьмитиновъ, графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютантъ Балашовъ, князь Лопухинъ и графъ Кочубей. Комитетъ этотъ, собравшись въ засѣданіе 5 августа, во второй день обороны Смоленска, по обсужденіи вопроса, въ связи съ разсмотрѣнными имъ донесеніями главнокомандующихъ и разныхъ частныхъ писемъ изъ арміи, единогласно призналъ, что «недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ недостатка надъ всѣми арміями положительной единоначальной власти, и сколь невыгодно такое раздробленіе, столь напротивъ необходимо общее ея соединеніе». Посему комитетъ нашелъ необходимымъ: «1) назначить надъ всѣми войсками одного общаго главнокомандующаго; 2) назначеніе его должно быть основано на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ искусствѣ, отличныхъ талантахъ, на довѣріи общемъ и на старшинствѣ». Затѣмъ всѣ члены комитета признали, что одинъ Кутузовъ по старшинству своему и заслугамъ достоинъ такого высокаго назначенія. Въ этомъ единогласномъ опредѣленіи комитета сказался голосъ всего народа, среди котораго молва давно уже одарила Кутузова достоинствами героя. Государь внялъ этому голосу. 8 августа онъ повелѣлъ Кутузову, который только что былъ возведенъ въ княжеское достоинство, прибыть въ Каменноостровскій дворецъ. Здѣсь Государь объявилъ ему о назначеніи его главнокомандующимъ всѣми русскими арміями и ополченіями. Кутузовъ, по его собственнымъ словамъ, принялъ это назначеніе съ «христіанскимъ смиреніемъ, какъ призваніе свыше». Онъ говорилъ: «я не оробѣлъ, и съ помощью Божію надѣюсь успѣть, но, слушая Государя, я былъ растроганъ новымъ назначеніемъ моимъ». Въ тотъ же день князь Кутузовъ былъ удостоенъ слѣдующимъ рескриптомъ:

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ. Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, Я нахожу нужнымъ назначеніе

надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству и неоднократные опыты отличныхъ вашихъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россійскаго оружія, и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на васъ возлагаетъ».

При назначеніи Кутузова Государь руководился не своимъ убѣжденіемъ, а общественнымъ мнѣніемъ; онъ нашелъ нужнымъ въ этомъ случаѣ поступиться личными симпатіями и взглядами. Императоръ Александръ I не довѣрялъ ни военному генію, ни личнымъ свойствамъ Кутузова. Онъ не скрывалъ своихъ мыслей, и при самомъ назначеніи сказалъ генералъ-адъютанту Комаровскому: «Публика желала назначенія его, я назначилъ его: что касается меня, то я умываю себѣ руки въ этомъ». [1] Взглядъ самаго Государя на этотъ предметъ очень характерно и полно выраженъ въ письмѣ его къ Барклаю де-Толли. Указавъ на допущенную, по его мнѣнію, ошибку, вслѣдствіе которой въ Смоленскѣ не было принято генеральнаго сраженія, тѣмъ болѣе что Смоленскъ былъ первымъ русскимъ городомъ, который довелось бы защищать нашимъ войскамъ, Государь пишетъ:

«Потеря Смоленска произвела необъятное нравственное вліяніе на всю Россію. Порицатели нашего плана дѣйствій полагали, что бѣдствія, ими предсказанныя, совершились и что Имперія подвергалась неминуемой опасности. И какъ всѣ толковали и судили, каждый по-своему, объ изложенныхъ мною ошибкахъ, то обвиняли меня въ томъ, будто бы я жертвую спасеніемъ Отечества изъ самолюбія, отстаивая васъ, потому только, что вы избраны мною. Москва и Петербургъ дружно указывали на князя Кутузова, какъ на единственнаго человѣка, могшаго спасти Имперію, и проч. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, столица Государства впервые подвергалась опасности, и Я счелъ нужнымъ согласо-

[1] Н. К. Шильдеръ «Императоръ Александръ I». Т. III, стр. 97—98.

ваться съ общимъ мнѣніемъ, повелѣвъ однако же предварительно обсудить дѣло въ комитетѣ, составленномъ изъ главныхъ сановниковъ Имперіи. Принявъ предложенную ими мѣру, я пожертвовалъ собственнымъ убѣжденіемъ»...

Нельзя не отмѣтить, насколько правильно, вопреки всему современному общественному мнѣнію, Александръ I цѣнилъ благородную открытую натуру, неуклонную выдержку характера и высокія военныя дарованія Барклая-де-Толли. Въ отвѣтъ на рескриптъ по поводу назначенія Кутузова Барклай писалъ Государю: «Всякій вѣрноподданный и истинный слуга Государя и Отечества долженъ ощущать истинную радость при извѣстіи о назначеніи новаго главнокомандующаго всѣми арміями, который уполномоченъ всѣ дѣйствія вести къ одной цѣли. Примите, Всемилостивѣйшій Государь, выраженіе радости, которою я исполненъ. Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Вашего Величества».

Барклай нашелъ въ себѣ нравственную силу съ достоинствомъ перенести горечь уязвленнаго самолюбія; онъ мужественно остался въ рядахъ арміи и усердно исполнялъ свои обязанности. Онъ писалъ Государю: «Какъ главнокомандующій, подчиненный князю Кутузову, я знаю свои обязанности и буду исполнять ихъ добросовѣстно». Глубокой правдой и силой убѣжденія запечатлѣны слѣдующія строки того же письма: «Не стану говорить о дѣйствіяхъ ввѣренной мнѣ арміи въ настоящее время, когда столь близка рѣшительная развязка. Послѣдствія покажутъ, могъ ли я сдѣлать болѣе для спасенія государства. Если бы моими поступками руководило легкомысленное тщеславіе, то Ваше Императорское Величество получали бы отъ меня реляціи о данныхъ мною сраженіяхъ, а непріятель, несмотря на то, былъ бы подъ стѣнами Москвы, не имѣя предъ собою силъ, достаточныхъ для ея защиты».

Усердно на колѣняхъ помолившись за молебномъ въ Казанскомъ соборѣ и получивъ тамъ въ благословеніе крестъ и образъ Казанской Божіей Матери, Кутузовъ 11 августа отбылъ изъ Петербурга въ армію. Выходя изъ церкви Кутузовъ сказалъ священникамъ: «Молитесь обо мнѣ; меня посылаютъ на великое дѣло» На станціи въ Ижорѣ онъ встрѣтилъ курьера изъ арміи, и, когда

узналъ изъ привезенныхъ имъ бумагъ о паденіи Смоленска, сказалъ: «ключъ къ Москвѣ взятъ!». Проѣзжая черезъ Старицу и Зубцовъ на Гжатскъ, Кутузовъ выѣхалъ на столбовую смоленскую дорогу, всюду встрѣчая бѣдствія войны. Населеніе Смоленской губ. всѣхъ сословій въ одиночку и тысячными толпами тянулось, иногда въ самомъ жалкомъ видѣ, изъ родной губерніи къ Ржеву, Волоколамску и далѣе, кочуя близъ дороги по полямъ.

17 августа въ 11 ч. утра князь Кутузовъ подъѣзжалъ къ Гжатску. За 5 вер. отъ города его встрѣтили толпы горожанъ. Народъ выпрягъ лошадей изъ кареты и на себѣ привезъ Кутузова въ городъ къ приготовленному для него дому купца Церевитинова. Здѣсь онъ пробылъ 1½ часа и отбылъ къ арміи въ Царево-Займище. Прибывъ на мѣсто, около 3 ч. дня, онъ принялъ почетный караулъ и, глядя на солдатъ, сказалъ между прочимъ: «Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!». Послѣ обѣда онъ посѣтилъ лагерь въ своемъ характерномъ походномъ костюмѣ. На немъ былъ сюртукъ безъ эполетъ и бѣлая фуражка безъ козырька съ краснымъ околышкомъ, черезъ одно плечо шарфъ, черезъ другое нагайка на ремнѣ. Встрѣча была восторженная; войска кричали ура; солдаты, даже нестроевые, оставя обычныя занятія, побросали на ходу котлы съ пищей и кинулись «глядѣть» новое начальство. Въ рядахъ войска быстро разошлась поговорка; «пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Онъ объѣзжалъ войска не какъ новичекъ, а какъ старый опытный хозяинъ, которому хорошо извѣстны всѣ мелочи солдатской жизни. Послѣ этого объѣзда повсюду разнеслась молва, что при появленіи Кутузова передъ арміей въ небѣ показался надъ его головой огромный орелъ, который, широко распустивъ крылья, все время парилъ надъ нимъ, и что, замѣтивъ его, Кутузовъ снялъ фуражку и, привѣтствуя царя птицъ, провозгласилъ ура, которое понеслось по всему лагерю, подхваченное тысячами восторженныхъ голосовъ.[1] Въ орлѣ видѣли предвѣстника побѣдъ. Вообще пріѣздъ Кутузова самъ по себѣ оживилъ войска, поднявъ упавшій духъ солдатъ.

---

[1] Молву эту Михайловскій-Данилевскій передаетъ какъ вполнѣ достовѣрный фактъ («Опис. Отеч. войны». Т. 2, стр. 200—201). Князь Голицынъ въ своихъ запискахъ о войнѣ 1812 г. то же остоятельство относитъ ко времени обозрѣнія Кутузовымъ позиціи при Бородинѣ.

Фельдмаршалъ Князь Михаилъ Иларіоновичъ
КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ

На другой же день послѣ своего пріѣзда Кутузовъ приказомъ по арміи произвелъ слѣдующія назначенія и перемѣщенія: генералъ Беннигсенъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба соединенныхъ западныхъ арміи; генералъ Милорадовичъ получилъ подъ свое начальство 2-ой и 4-ый пѣхотные корпуса; генералъ Вистицкій назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ армій; полковникъ Толь получилъ приказаніе состоять при князѣ Кутузовѣ, а полковникъ Кайсаровъ—находиться при немъ же въ должности дежурнаго генерала.

Князь Кутузовъ не замедлилъ также обратиться съ воззваніемъ къ смолянамъ, гдѣ говорилъ:

«Достойные Смоленскіе жители, любезные соотечественники. Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщаюсь я отовсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ Престолу Августѣйшаго Монарха Нашего и къ любезнѣйшему Отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкія оковы, но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне. Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвигалось волею своихъ Самодержцовъ и пламенною любовію къ нимъ и къ Отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники. Да услышитъ моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго, и да водворитъ паки во единое семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались».

Всѣ ожидали столь желаемаго боя на 18 августа. Надежды эти окрѣпли еще болѣе, когда Кутузовъ, осмотрѣвъ совмѣстно съ Барклаемъ позицію при Царево-Займищѣ, нашелъ ее весьма выгодной и выразилъ намѣреніе принять на ней сраженіе; онъ приказалъ даже ускорить производство укрѣпленій. Но вдругъ совершенно неожиданно 19 августа послѣдовалъ приказъ объ отступленіи на Гжатскъ. Надо думать, что позиція у Царево-Займища при пер-

вомъ же ея обзорѣ не удовлетворила Кутузова, но, имѣя обыкновеніе не обнаруживать заранѣе свои мысли, онъ, подтвердивъ на словахъ принятое до него рѣшеніе, тогда же про себя уже рѣшилъ отступленіе. Отступательное движеніе армій Кутузовъ продолжалъ и далѣе за Гжатскъ, указывая къ этому причины въ первомъ же донесеніи Государю отъ 19 августа о вступленіи своемъ въ командованіе арміями. Въ донесеніи этомъ значилось:

«По прибытіи моемъ въ городъ Гжатскъ, нашелъ я войска отступающими отъ Вязьмы и многіе полки отъ частыхъ сраженій весьма въ числѣ людей истощившимися, ибо токмо вчерашній день одинъ прошелъ безъ военныхъ дѣйствій. Я принялъ намѣреніе пополнить недостающее число сіе приведенными вчера генераломъ-отъ-инфантеріи Милорадовичемъ и впредь прибыть имѣющими войсками, пѣхоты 14,587, конницы 1,002, такимъ образомъ, чтобы они были распредѣлены по полкамъ.

Для еще удобнѣйшаго укомплектованія велѣлъ я изъ Гжатска отступить на одинъ маршъ, и, смотря по обстоятельствамъ, и еще на другой, дабы присоединить къ арміи, на вышеупомянутомъ основаніи, отправляемыхъ изъ Москвы въ довольномъ количествѣ ратниковъ; къ тому же мѣстоположеніе при Гжатскѣ нашелъ я по обозрѣнію моему для сраженія весьма невыгоднымъ.

Усилясь такимъ образомъ, какъ чрезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и чрезъ пріобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, формированныхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, и части московской милиціи, въ состояніи буду, для спасенія Москвы, отдаться на произволъ сраженія, которое однако же предпринято будетъ со всѣми осторожностями, которыхъ важность обстоятельствъ требовать можетъ».

Численность нашихъ армій, по прибытіи къ нимъ Кутузова, опредѣлялась согласно строевого рапорта въ 95 тыс. чел., а вмѣстѣ съ подкрѣпленіемъ, прибывшимъ вскорѣ подъ начальствомъ Милорадовича,—въ 111 тыс. чел.[1] Между прочимъ въ своемъ донесеніи Кутузовъ отмѣчаетъ значительное число солдатъ, самовольно отлучившихся изъ арміи. Если даже явленіе это, какъ нѣкоторые пола-

[1] Богдановичъ, «Истор. Отеч. войны 1812 г.». Т. II, стр. 126.

гали, отмѣчено отчасти въ преувеличенныхъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе появленіе въ нашей арміи мародерства представляется несомнѣннымъ фактомъ. Это печальное явленіе, замѣченное еще въ началѣ кампаніи, увеличилось на походѣ изъ Смоленска къ Москвѣ.[1] Причинами его нужно считать какъ деморализующее значеніе постоянныхъ отступленій, сопряженныхъ съ уступкой непріятелю все большихъ пространствъ родной земли, такъ и недостаточную обезпеченность въ продовольствіи. Недостатокъ въ продовольствіи былъ прямымъ послѣдствіемъ непредвидѣннаго перенесенія театра войны внутрь страны и все большаго удаленія армій отъ западныхъ губерній, въ которыхъ были заготовлены всѣ большіе продовольственные магазины. Вотъ почему при отступленіи за Смоленскъ уже возникли прямыя затрудненія въ регулярномъ довольствіи арміи. Приходилось прибѣгать къ реквизиціямъ и сбору запасовъ подъ квитанціи. Недостатокъ фуража вызвалъ совершенно нехозяйственный способъ пользованія средствами страны: Кутузовъ былъ вынужденъ приказать войсковымъ частямъ косить на поляхъ незрѣлый еще овесъ.

Но несравненно хуже было положеніе великой арміи. Наши войска находили еще кое-гдѣ запасы, косили овесъ и уходили далѣе; жители, уничтоживъ все, что не могло быть взято, слѣдовали за войсками, оставляя непріятелю въ концѣ разоренную мѣстность. Непріятелю надо было для фуражировки сходить съ дороги въ разныя стороны и на значительныя разстоянія, при чемъ утомлялись люди и изнурялись лошади. Оказывалось, что напрасно передъ походомъ Наполеонъ утверждалъ, что «фуражъ выростетъ подъ ногами лошадей моей кавалеріи».

Яркую картину той обстановки, въ которой совершалось наступленіе непріятельской арміи, представляетъ походный дневникъ доктора французской императорской гвардіи де-ля-Флиза. Онъ отмѣчаетъ на походѣ за Смоленскомъ, что горитъ Пнева-Слобода; что далѣе, подходя къ Дорогобужу, увидѣли, какъ въ разныхъ концахъ тамъ горѣли дома, такъ что ночь пришлось провести въ полѣ при заревѣ пожара; что на другой день рано утромъ Дорого-

---

[1] Ibid., стр. 127, 128, 531—532.

бужъ уже выгорѣлъ и представлялъ «обычное зрѣлище груды пепла и развалинъ»; что далѣе они шли также «освѣщенные заревомъ пожара, который приняли за восходящее солнце»; что, приближаясь къ Семлеву, увидѣли его въ пламени; что, выступивъ изъ Семлева, освѣщенные заревомъ пожара, вскорѣ увидѣли Вязьму, также объятую пламенемъ. Вездѣ было господство огня.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ войска непріятеля пользовались самымъ скуднымъ продовольствіемъ. Кусокъ мяса и горсть муки или даже зерна, разваренныя въ водѣ, были въ лучшія времена обычнымъ питаніемъ французскаго солдата. Обходились безъ печенаго хлѣба, такъ какъ водяныя и вѣтряныя мельницы были уничтожены, а ручныя еще не доставлены. Совершившій всю кампанію 1812 г. въ качествѣ интенданта 5-ой кирасирской дивизіи графъ де-Боволье признается, что союзная армія на всемъ пути своемъ отъ Смоленска до Москвы продовольствовалась исключительно при помощи мародерства. Каждый полкъ пѣхоты и кавалеріи назначалъ сильные отряды для добыванія продовольствія своимъ частямъ. Существовали два особые эскадрона драгунъ и гусаръ, на обязанности которыхъ лежало ежедневно доставлять продовольствіе для свиты императора.[1] Непріятель также страдалъ отъ дурной питьевой воды или даже отъ полнаго ея недостатка. Отсюда большая убыль въ войскахъ непріятеля. Тѣ корпуса, которые при переходѣ черезъ Нѣманъ насчитывали въ своихъ рядахъ до 300 тыс. челов., потеряли за 11 недѣль отъ болѣзней около 106 тыс., т. е. 35% своего состава. Особенно пострадали вестфальскія войска Жюно; слѣдуя въ хвостѣ великой арміи по большой дорогѣ, они получали въ удѣлъ сплошь разоренную мѣстность.

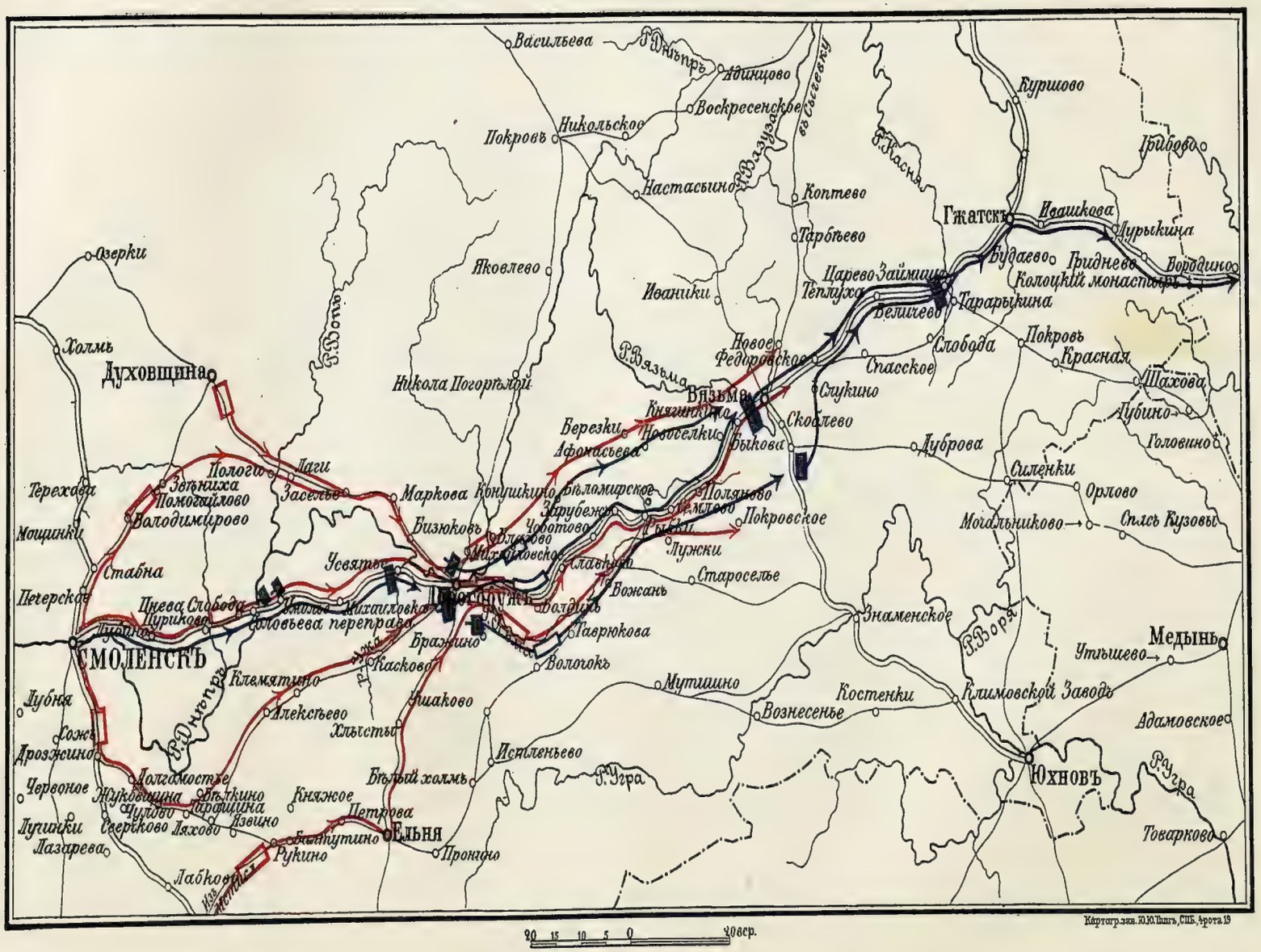
Продолжая свое отступленіе, русская армія 19 августа снялась съ позиціи у Царево-Займища, прошла черезъ Гжатскъ и расположилась на ночь у дер. Ивашкова. Здѣсь къ арміи присоединились 15 тыс. войскъ, приведенныя изъ Калуги генераломъ Милорадовичемъ. При отступленіи отъ Царево-Займища были посланы впередъ офицеры отыскивать удобную для сраженія позицію. На другой день 20 августа, арміи наши отступили къ Дурыкину, а 21 къ

---

[1] Воспоминанія графа де-Боволье, «Рус. Стар.», 1893 г. Январь.

Карта

движеній войскъ отъ Соловьевой переправы къ Бородину.



Синія–русскія войска

Красныя–французскія войска

28

Колоцкому монастырю, непосредственно за которымъ 22 августа перешли границу Смоленской губерніи, направляясь къ селу Бородину; здѣсь по донесенію посланныхъ офицеровъ было, наконецъ, найдено «крѣпкое мѣсто».

Охраняя отступавшую армію отъ насѣдавшаго на нее противника, аріергардъ нашъ подъ начальствомъ Коновницына дѣйствовалъ чрезвычайно умѣло и стойко. Онъ пользовался всякой удобной позиціей, чтобы остановиться и задержать непріятеля. На равнинахъ его неизмѣнно встрѣчала наша кавалерія, въ лѣсахъ—засады пѣхоты, а съ высотъ громила артиллерія. При такой энергіи аріергарда армія наша ушла значительно впередъ, далеко оставляя его за собой. Во время отступленія къ Гжатску, когда нашъ аріергардъ подходилъ къ городу черезъ обширный боръ и долженъ былъ затѣмъ перейти черезъ мостъ на рѣчкѣ Гжати, на него обрушились соединенными силами шедшіе въ авангардѣ Мюратъ и Даву. Охраняя свой правый флангъ отъ обхода лѣвой колонны непріятеля по бѣльской дорогѣ, Коновницынъ поставилъ на этой дорогѣ генерала Крейца съ Иркутскими драгунами и однимъ полкомъ казаковъ. Отрядъ Крейца расположился правымъ флангомъ къ рѣкѣ Гжати, а лѣвымъ къ бору, занятому нашей пѣхотой. Позиція эта имѣла чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ чрезъ нее лежалъ кратчайшій путь къ мосту. Если бы непріятелю удалось, оттѣснивъ Крейца, занять мостъ, то всему аріергарду неминуемо было бы отрѣзано всякое отступленіе. Ясно сознавая всю силу предстоявшей опасности, Коновницынъ послалъ подполковника Гавердовскаго къ Крейцу сказать ему, что «для спасенія большаго надобно пожертвовать меньшимъ», и спросить его, «согласенъ ли онъ держаться, покуда всѣ прочія войска перейдутъ черезъ мостъ, а можетъ быть, и умереть». Крейцъ отвѣтилъ полнымъ согласіемъ и оправдалъ свой отвѣтъ. Здѣсь отрядъ его, переживъ смертельную опасность, имѣлъ молодецкое дѣло съ противникомъ и спасъ весь аріеріардъ.

Непріятель выбилъ изъ лѣса нашу пѣхоту и опрокинулъ ее къ городу. Отрядъ Крейца былъ оттѣсненъ къ рѣкѣ; окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ отбивался изъ всѣхъ силъ, пока войска аріергарда проходили мостъ, а затѣмъ кинулся въ воду, перешелъ рѣку въ бродъ и перетащилъ свои два орудія. Въ это

время непріятель успѣлъ также перейти рѣку по мосту и пересѣкъ дорогу отряду Крейца. Тогда драгуны и казаки кинулись маршъ-маршемъ полемъ и, опрокидывая плетни и заборы, достигли близъ лежащаго селенія. Здѣсь драгуны стали въ засадѣ, а казаки притаились въ лощинѣ. Когда приблизилась непріятельская кавалерія, на нее неожиданно кинулись съ фронта драгуны, а съ фланга приняли въ пики казаки. Ошеломленный непріятель обратился въ поспѣшное бѣгство, потерявъ одними плѣнными около 500 человѣкъ.

Слѣдомъ за нашимъ отступленіемъ непріятель продолжалъ свое наступленіе. За Вязьмой ему чаще встрѣчались благоустроенныя селенія, но всѣ они безслѣдно сметались съ его пути его же рукой. Корпусъ Нея 19 августа, не доходя на одинъ переходъ Гжатска, остановился влѣво отъ большой дороги на поляхъ обширнаго богатаго села, изобильно покрытыхъ хлѣбомъ. На горѣ красовалась помѣщичья усадьба, гдѣ среди чуднаго парка возвышался прекрасный деревянный домъ. Домъ этотъ былъ занятъ главной квартирой маршала Нея. Достаточно было всего единаго дня стоянки, чтобы уничтожить всю жатву, вырубить паркъ, снести все богатство и безслѣдно сгубить всю красоту мѣстности.

Наполеонъ 19 августа вступилъ въ Гжатскъ. Въ городѣ онъ расположилъ свою гвардію; кругомъ города размѣстилъ корпуса Даву и Нея, который сталъ бивакомъ на опушкѣ сосноваго бора; придвинулъ къ большой дорогѣ вице-короля и Понятовскаго, и послалъ приказъ Жюно, занимавшему Дорогобужъ, присоединиться къ арміи. Такое сосредоточеніе войскъ вызвано было полученнымъ въ Гжатскѣ извѣстіемъ о прибытіи въ русскую армію новаго главнокомандующаго. Наполеонъ сталъ готовиться къ рѣшительному бою, который такъ долго ускользалъ изъ его рукъ. Онъ пріостановилъ движеніе авангарда и далъ отдыхъ своей утомленной арміи. Всѣмъ корпуснымъ командирамъ 21 августа предписано было дать войскамъ дневку, собрать отсталыхъ и донести о наличномъ числѣ людей, а также произвести всѣмъ войсковымъ частямъ инспекторскій смотръ и объявить имъ о предстоящемъ генеральномъ сраженіи. Въ тотъ же день Наполеонъ писалъ изъ Гжатска начальнику главнаго штаба маршалу Бертье:

Бивакъ маршала Нея передъ Гжатскомъ 19 августа

«Необходимо, чтобы не позже десяти часовъ вечера доставлены были мнѣ вѣдомости: о числѣ людей, орудій, зарядовъ и патроновъ; о числѣ лазаретныхъ фуръ, лекарей и перевязокъ, которыя могутъ они сдѣлать. Въ этихъ вѣдомостяхъ должно быть также показано число людей, находящихся въ отлучкѣ отъ своихъ частей и не могущихъ принять участіе въ сраженіи, ежели оно будетъ дано завтра, а равно—успѣютъ ли они присоединиться къ войскамъ, ежели отложимъ дѣло дня на два или на три. Эти свѣдѣнія должны быть составлены со всевозможною точностью, потому что отъ нихъ будутъ зависѣть мои распоряженія.... Прикажите также донести мнѣ о числѣ расковавшихся лошадей и о времени, нужномъ для ихъ ковки».

Одновременно Наполеонъ въ приказѣ по арміи установилъ точный порядокъ слѣдованія обозовъ, фургоновъ, частныхъ экипажей и пр., чтобы обезпечить свободу движенія войскамъ. За точнымъ исполненіемъ этого распоряженія поручено было наблюдать начальнику штаба войскъ авангарда генералу графу Бельеру, при чемъ объявлялось, что 22 августа императоръ въ своемъ присутствіи прикажетъ сжечь всѣ повозки, какія будутъ слѣдовать внѣ установленнаго порядка. Такое распоряженіе, разумѣется, не было исполнено, такъ какъ затрагивало личные интересы почти всего командnаго состава арміи. Дѣло ограничилось тѣмъ, что были сожжены по приказу Наполеона 2 экипажа чиновниковъ его штаба.

Наполеонъ оказался вынужденнымъ предоставить еще одинъ день для отдыха своей арміи, пробывъ всего въ Гжатскѣ 3 дня. Тяжелое это было время для императора французовъ: онъ переживалъ муки раздумья, горечь сомнѣній и тягостные приступы колебаній. И окружающіе, и природа сама, какъ бы сговорившись, возстали противъ его дерзкаго предпріятія. Было тяжелое русское ненастье: дулъ вѣтеръ, шелъ дождь, стояла слякоть; сыро, пасмурно, холодно и безнадежно уныло. Люди вмѣсто отдыха мокли и мерзли на бивакахъ, хмурились и хворали. Смертность людей возрасла; лошади погибали тысячами отъ истощенія и голода. Хмурился и нервничалъ самъ безстрастный императоръ, хмурились и ворчали кругомъ его храбрые маршалы. Наполеонъ выразилъ неудовольствіе маршалу Нею, корпусъ котораго, вынужденный жить грабежами, замѣтно таялъ; распекъ маршала Бертье за высказанное имъ со-

мнѣніе въ успѣхѣ русскаго похода. Всѣ были недовольны и угрюмы. Ней докладывалъ, что дальше идти нельзя, не подвергая армію гибели; Мюратъ подтверждалъ это донесеніе; Бертье, не противорѣчилъ своимъ товарищамъ, молчаливо соглашаясь съ ними. Напоръ со всѣхъ сторонъ былъ настолько силенъ, что привелъ самаго Наполеона въ нерѣшительное настроеніе, и онъ сказалъ, глядя на мокрыя улицы Гжатска: «Ну, дѣлать нечего. Если завтра погода не перемѣнится, то мы не пойдемъ далѣе». Вырвавшись въ минуту досады, настроеніе это исчезло вмѣстѣ съ ней, прошло со свѣтомъ и тепломъ солнца.

На слѣдующій день 23 августа выблеснуло солнце и разогнало хмурыя мысли людей, вновь озарило смѣлыми замыслами великаго полководца, и повело его опять впередъ, освѣщая передъ нимъ путь его гибели. Отданъ былъ приказъ къ походу. Въ полдень выступили къ Гридневу въ авангардѣ Мюратъ и Даву; за ними потянулась по слякоти и вся великая армія.

При выходѣ изъ Гжатска 23 и 24 августа союзныя войска развлекались, съ интересомъ разглядывая затѣйливую постройку заставы съ рогаткой. Самая архитектура ея и окраска, какъ они говорили, «въ русскіе цвѣта», представлялась имъ очень забавной. Чрезъ эту заставу на смертный бой къ бородинскому полю проходили воины почти всѣхъ западно-европейскихъ народовъ, со своими всѣхъ видовъ и типовъ разноцвѣтными знаменами. Въ Гжатскѣ были оставлены больные и раненые, такъ что улицы города и по уходѣ французскихъ войскъ представляли нѣкоторое оживленіе, начиная съ окраинъ западнаго предмѣстья, гдѣ большая дорога изъ Дорогобужа входитъ въ городъ. Однако, не успѣли еще оставшіеся въ городѣ люди устроиться, какъ ночью вспыхнулъ пожаръ въ западномъ предмѣстьи, и огонь, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, быстро овладѣлъ городомъ, проникъ въ восточную его окраину, и вскорѣ выгорѣла большая часть города, при чемъ погибла въ пламени прекрасная улица съ красивыми каменными домами. Разрушительную силу этого пожара 24 августа наблюдали вюртембергскіе артиллеристы дивизіи Маршана.

Съ вечера 22 августа у Гриднева, на большой московской дорогѣ въ 15 вер. впереди арміи, занялъ позицію Коновницынъ со

Передъ заставой въ Гжатскѣ 23 августа

своимъ аріергардомъ. На другой день 23 августа Мюратъ, съ большей частью резервной кавалеріи и съ 5-ою дивизіей Компана изъ корпуса Даву, атаковалъ нашъ аріергардъ. Нѣсколько часовъ продолжался жаркій бой, пока Коновницынъ не получилъ донесеніе казацкихъ разъѣздовъ, что вице-король идетъ на Лусось въ обходъ его праваго фланга. Въ виду этого въ ночь на 24 августа Коновницынъ отступилъ къ Колоцкому монастырю. Въ то же время главныя силы противника расположились между Гжатскомъ и Гридневымъ.

Въ 6 ч. утра 24 августа авангардъ Мюрата выступилъ изъ Гриднева и передъ Колоцкимъ монастыремъ встрѣтилъ войска Коновницына, которыя уже занимали боевую позицію. Въ 3 часа непріятель пошелъ въ атаку, но не могъ сбить съ позиціи нашъ аріергардъ. Онъ стойко держался, отражая непріятеля. Въ этомъ бою былъ убитъ генералъ Красновъ. Здѣсь особенно отличились Изюмскіе гусары, которые съ помощью казаковъ изрубили три непріятельскіе эскадрона 3-го конно-егерскаго полка. Но вице-король снова пошелъ въ обходъ нашего праваго крыла и заставилъ наши войска отступить. Коновницынъ отвелъ свой аріергардъ за рѣку Колочу и присоединился ко всей арміи, уже стоявшей на Бородинской позиціи. Вслѣдъ за нашимъ аріергардомъ, перешла у Фомкина и Валуева рѣку Колочу, выйдя за границу Смоленской губерніи, и вся армія Наполеона.

II.

Отступленіе союзной арміи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Общія условія отступленія непріятеля и движеніе до Вязьмы.

Послѣ знаменитаго Бородинскаго сраженія, бывшаго 26 августа, русская армія отошла отъ Москвы, а непріятельская вступила въ нее.

Занявъ Москву, великая армія не сумѣла сохранить ни своего величія, ни своей добычи. И то и другое оказалось ей не по силамъ. Выступая отъ Москвы въ обратный походъ изъ Россіи, армія, оставаясь союзной, перестала быть великой. При своемъ отступленіи Наполеонъ изыскивалъ всѣ средства, чтобы какъ-нибудь проложить себѣ новый путь по мѣстностямъ, болѣе изобилующимъ продовольственными запасами. Онъ имѣлъ въ виду отступить по Калужской дорогѣ. Но выбора не было. Путь непріятелю въ Калугу заслонилъ сперва Дохтуровъ при Мало-Ярославцѣ. Сраженіе здѣсь длилось цѣлый день и городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Хотя Мало-Ярославецъ, наконецъ, остался за непріятелемъ, но дальнѣйшее движеніе на Калугу было загреждено русской арміей, пробиваться черезъ которую Наполеонъ уже не рѣшился.

Тѣснимые со всѣхъ сторонъ русскими силами отъ новыхъ путей слѣдованія на старую разоренную дорогу, всѣ корпуса наполеоновской арміи, начиная съ 17 октября стали появляться на знакомой уже имъ большой смоленской дорогѣ и сворачивали на Вязьму. Въ этотъ день непріятельская армія вновь вступила въ предѣлы Смоленской губерніи у Колоцкаго монастыря, гдѣ послѣ Бородинскаго сраженія былъ устроенъ французами обширный госпиталь. Слѣдуя мимо монастыря Наполеонъ приказалъ забрать

раненыхъ, предназначивъ для нихъ всѣ повозки и даже свои собственные экипажи. Однако, почти всѣ раненые погибали въ дорогѣ отъ стужи, голода и жестокости обозныхъ служителей и солдатъ, которые всячески старались освободить отъ нихъ подводы для своихъ вещей.

Вечеромъ 17 октября Наполеонъ съ гвардіей и резервной кавалеріей прибылъ въ Гжатскъ, выжженный еще въ походъ на Москву. Послѣ Гжатска императоръ французовъ уже не ѣхалъ верхомъ; онъ слѣдовалъ въ каретѣ. Многіе военные историки упрекаютъ Наполеона, что онъ упорно шелъ навстрѣчу бѣдствіямъ, ожидавшимъ его на разоренной смоленской дорогѣ. Бутурлинъ, напримѣръ, выражаетъ крайнее удивленіе, что онъ не свернулъ отъ Гжатска на Сычевку, чтобы затѣмъ отступить черезъ Бѣлый и Порѣчье на Витебскъ. Историкъ нашъ допускаетъ въ объясненіе этого обстоятельства только одну причину, что императоръ французовъ, забывъ про армію, стремился скорѣе спасти себя по кратчайшей дорогѣ. Онъ съ горечью замѣчаетъ: «Быть можетъ, что санъ Государя и давалъ ему право поступать такимъ образомъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что обыкновенный генералъ не могъ бы этого сдѣлать, не навлекая на себя проклятія своего отечества, негодованія своихъ современниковъ и презрѣнія потомства».[1] Такой упрекъ, вызванный весьма понятнымъ благороднымъ негодованіемъ автора, едва ли, однако, можетъ считаться справедливымъ во всей своей силѣ. Общая совокупность обстоятельствъ обратнаго похода полагала нерушимые предѣлы свободному выбору: Наполеонъ уже былъ гонимъ судьбой.

На другой день по вступленіи въ Смоленскую губернію, 18 октября главная квартира непріятеля расположилась на развалинахъ селенія Величева въ избушкѣ безъ оконъ и дверей, а 19 августа Наполеонъ съ своей гвардіей вступилъ уже въ Вязьму, гдѣ была назначена дневка. Здѣсь императоръ французовъ пробылъ около 3 дней. Отсюда онъ предписалъ смоленскому губернатору генералу Шарпантье прислать къ 22 октября въ Дорогобужъ вѣдомость о жизненныхъ запасахъ, артиллеріи и вообще о всѣхъ сред-

---

[1] Бутурлинъ Д. П., «Кутузовъ въ 1812 г.». Историч. характеристика.

ствахъ, находившихся въ Смоленскѣ. Въ это время вся непріятельская армія растянулась по большой смоленской дорогѣ. Въ авангардѣ верстахъ въ 8 за Вязьмой была кавалерія Мюрата, позади, не доходя Вязьмы, Мортье и Жюно, еще дальше отъ Вязьмы, въ Величевѣ—Ней; далѣе, близъ Гжатска—вице-король и Понятовскій, наконецъ, у Гриднева и Колоцкаго монастыря замыкалъ маршъ аріергардъ Даву. Онъ начисто, такъ сказать, подметалъ дорогу, предавая огню и мечу всѣ послѣднія остатки и признаки человѣческаго существованія.

Такимъ образомъ, вся непріятельская армія, проходя по одной только знакомой ей дорогѣ, должна была раздѣлиться на корпуса, которые слѣдовали на значительной дистанціи одинъ за другимъ въ цѣляхъ облегченія движенія и продовольствія.

Однако, вступивъ на разоренную дорогу, непріятель заранѣе обреченъ былъ на голодное отступленіе. Вся дорога представляла выжженную огнемъ пустыню. Нечего было взять, негдѣ было укрыться. Участникъ этого отступленія говоритъ: «вообще весь этотъ походъ полонъ былъ тяжелыхъ картинъ страданія... Эта песчанная дорога, по которой плелась армія, по словамъ старыхъ служившихъ, видавшихъ пирамиды, походила на египетскія пустыни».[1] Бѣдствія наростали съ каждымъ шагомъ. Ни провіанта, ни фуража. Ближайшій запасный магазинъ у непріятеля былъ за 300 верстъ въ Смоленскѣ. На обратномъ походѣ черезъ Смоленскую губернію были получены изъ Парижа ручныя мельницы, которыя роздали солдатамъ. Мельницы, испытанныя въ присутствіи императора, были превосходны; но онѣ не могли молоть зерна, когда его не было. Мельницы эти, какъ предметы тяжелые и не нужные, солдаты немедля побросали.

По дорогѣ нечѣмъ было поживиться, а добываніе продовольствія въ сторонѣ отъ дороги представлялось чрезвычайно опаснымъ, такъ какъ повсемѣстно шныряли партизаны и безпощадные казаки. А казаковъ французы боялись больше холода и голода, больше самой смерти. Слово казакъ внушало непріятелю паническій ужасъ,

---

[1] Де-ла-Флизъ, «Пох. вел. арміи въ Россію въ 1812 г.», «Русская Старина», 1891 г.

и отъ него даже былъ произведенъ невѣдомый глаголъ—«казачить» (cosaquer), обозначающій расправу казаковъ.[1]

Голодъ и вскорѣ наступившіе холода доводили солдатъ до отчаянія. Каждый думалъ только о своемъ спасеніи. Въ этой животной борьбѣ за существованіе, конечно, не могло быть мѣста дисциплинѣ. Уже при началѣ отступленія происходили сцены, совершенно немыслимыя въ военномъ быту. Когда на бивакахъ между Гжатскомъ и Вязьмой вокругъ костра собрались гренадеры старой гвардіи, къ нимъ приблизился блестящій офицеръ генеральнаго штаба и предложилъ солдатамъ уступить мѣсто для штабныхъ генераловъ и офицеровъ; на это предложеніе одинъ изъ солдатъ громко отвѣчалъ: «теперь нѣтъ болѣе генераловъ, а есть только несчастные; мы остаемся»; офицеръ безслѣдно исчезъ. Въ другомъ мѣстѣ лежитъ раненый генералъ, а солдатъ стягиваетъ съ него сапоги; мучимый болью, раненый стонетъ: «обожди, я еще не умеръ». «Хорошо, генералъ, я обожду», хладнокровно отвѣчаетъ солдатъ. Голодъ и холодъ все болѣе становились удѣломъ всей арміи; они уравнивали въ общемъ бѣдствіи высшихъ и нижнихъ чиновъ, богатыхъ и бѣдныхъ.

Голодали не только солдаты, но и офицеры, которые впослѣдствіи съ удовольствіемъ вспоминали всякую мелкую удачу въ пріисканіи средствъ продовольствія. Одинъ вюртембергскій офицеръ вспоминаетъ, что когда они голодные и изнуренные пришли въ Вязьму, тамъ ничего нельзя было достать. Только послѣ усиленныхъ просьбъ, когда они объявили комиссіонеру, что у нихъ «много денегъ, даже очень много денегъ», онъ раздобылъ имъ 6 вяземскихъ пряниковъ и банку французскаго варенья.[2] Другой гвардейскій офицеръ, описывая «великое отступленіе», разсказывалъ, какъ на походѣ за Дорогобужемъ они убили «бѣлаго медвѣдя», котораго «тотчасъ съѣли»; другой «дичи», очевидно, гвардейцамъ не попадалось.[3]

---

1 Де-ла-Флизъ «Пох. вел. арміи въ Россію въ 1812 г.», «Русская Старина», 1891 г.

2 Штейнъ В., «Воспоминанія вюртембергскаго офицера о походѣ 1812 г.», «Историческій Вѣстникъ», 1910 г., іюль.

3 Memoires de Bourgogne.

Несчастья были такъ велики, что наводили на мысли о христіанскихъ добродѣтеляхъ; мысли эти едва ли приходили въ голову при болѣе благопріятномъ походѣ на Москву. Подъ вліяніемъ ужасныхъ впечатлѣній одинъ изъ участниковъ кампаніи восклицаетъ: «какъ объяснить войну между христіанами. Они тогда уже не христіане, а антихристы, потому что Христосъ предписалъ намъ миръ и проклялъ мечъ».[1]

Когда окончательно выяснились намѣренія непріятеля, и армія его въ своемъ отступательномъ движеніи направилась опять по смоленской дорогѣ, Кутузовъ составилъ вполнѣ опредѣленный планъ дѣйствій и приступилъ къ его исполненію. Идти слѣдомъ за непріятелемъ по разоренной дорогѣ и подвергать свою армію голоду и всѣмъ лишеніямъ въ опустошенной мѣстности, разумѣется, представлялось для нашего главнокомандующаго совершенно нерасчетливымъ. Онъ остановился на другой мысли; онъ рѣшилъ: «нанести Наполеону величайшій вредъ параллельнымъ преслѣдованіемъ, и наконецъ, дѣйствовать на его операціонномъ пути».[2] Планъ этотъ нашелъ себѣ почетное мѣсто въ военной исторіи. Генералъ Бутурлинъ находитъ, что едва ли военная исторія знаетъ такой другой примѣръ параллельнаго преслѣдованія. Онъ полагаетъ, что «глубокому генію Кутузова предназначено было оставить потомству примѣръ, который составитъ эпоху въ военныхъ лѣтописяхъ».[3] Какъ бы не оцѣнивать съ военной точки зрѣнія принятый Кутузовымъ планъ преслѣдованія непріятеля, нельзя не признать глубоко вѣрною основную его идею. Задача Кутузова состояла въ томъ, чтобы удержать непріятельскую армію на разоренной смоленской дорогѣ, не допуская ее сдвинуться къ югу. Поэтому онъ лично велъ главныя свои силы южнѣе большой дороги, загораживая отъ непріятеля южныя губерніи, этотъ обильный источникъ продовольствія. Осуществляя свой планъ, Кутузовъ направилъ главныя силы арміи южнѣе большой смоленской дороги, прямо къ Вязьмѣ черезъ селенія Кузово, Сулейку, Дуброву и Быково. Милорадо-

---

1 Де-ла-Флизъ ibid.

2 Изъ приказа князя Кутузова графу Витгенштейну отъ 16 октября № 255.

3 Бутурлинъ, Д. П., «Кутузовъ въ 1812 г.», Историческ. характеристика.

вичу приказано съ двумя пѣхотными корпусами, князя Долгорукова и графа Остермана, съ двумя кавалерійскими, Корфа и Васильчикова, и съ казачьимъ отрядомъ Карпова слѣдовать между главной арміей съ юга и большой дорогой съ сѣвера въ направленіи къ Гжатску; затѣмъ, сблизившись съ большакомъ, идти возлѣ него на Вязьму и повсемѣстно тревожить непріятеля. Платову, усиленному дивизіей Паскевича, поручено преслѣдовать непріятеля съ тыла. Многочисленные отряды добровольцевъ, разсѣянные спереди и съ фланговъ непріятельской арміи, должны были затруднять ея движеніе и препятствовать ея фуражировкамъ по окрестностямъ. Кромѣ того, былъ сформированъ новый отрядъ подъ начальствомъ графа Ожаровскаго изъ 19-го егерскаго, Маріупольскаго гусарскаго, 2-хъ донскихъ и 2-хъ малороссійскихъ казачьихъ полковъ съ 6 орудіями конной артиллеріи. Онъ былъ двинутъ на Юхновъ и Ельню прямо къ Смоленску. Особое назначеніе этого отряда видно изъ слѣдующаго повелѣнія, даннаго фельдмаршаломъ графу Ожаровскому: «главный предметъ вашъ нападать на малые непріятельскіе отряды и транспорты, идущіе по смоленской дорогѣ; уничтожать учрежденные французами на семъ пути магазины, а по селеніямъ фуражъ, и тѣмъ отклонять всѣ способы продовольствія для непріятельской кавалеріи и артиллеріи. Въ особенности доставляйте вѣрнѣйшія свѣдѣнія о непріятелѣ, старайтесь перехватывать его курьеровъ»... «Отряжайте нарочныя партіи для истребленія мостовъ, по какимъ непріятель идти долженъ, чтобы всячески затруднять маршъ его, словомъ сказать, употребите всѣ способы, которые ко вреду его послужить могутъ».[1]

По указанному плану 19 октября началось движеніе нашихъ армій къ Вязьмѣ. Въ этотъ день Платовъ застигъ непріятельскій аріергардъ подъ командой Даву у Колоцкаго монастыря. Онъ пошелъ въ атаку, разбилъ два баталіона, взялъ 2 знамя и получилъ въ добычу 27 орудій, брошенныхъ непріятелемъ въ монастырской оградѣ вслѣдствіе негодности лошадей. Это были первые трофеи на смоленской дорогѣ. Платовъ преслѣдовалъ непріятеля до Гриднева, нанеся ему потери въ размѣрѣ до 800 убитыхъ и раненыхъ и до 200

---

1 Повелѣніе отъ 17 октября № 279.

плѣнныхъ. Непріятельская армія, приходя все въ большее разстройство, не отступала, а бѣжала. Платовъ едва успѣвалъ догонять ее съ тыла и доносилъ: «непріятели бѣгутъ такъ, какъ никакая армія никогда ретироваться не могла».[1]

Первымъ спѣшилъ самъ Наполеонъ и торопилъ всѣми средствами свои войска, негодуя на аріергардъ Даву, который часто задерживался на мѣстѣ, давая отпоръ насѣдавшимъ на него казакамъ. При столь быстромъ отступленіи непріятеля Милорадовичъ не могъ предупредить его въ Гжатскѣ, а потому спустился къ Никольскому и пошелъ на перерѣзъ ему въ Вязьму черезъ Воронцово, Царево-Займище и Спасское. Въ авангардѣ колонны Милорадовича слѣдовали оба ея кавалерійскіе корпуса, 2-ой Корфа и 4-ый Васильчикова. Около полудня 20 октября эти корпуса прибыли на высоты села Воронцова. Здѣсь съ церковной колокольни видѣнъ былъ корпусъ Даву, который проходилъ по большой дорогѣ въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Баталіоны, эскадроны, пушки, обозы—все смѣшалось и слѣдовало безразборной массой. Внезапное нападеніе на это безпорядочное полчище обѣщало несомнѣнный успѣхъ. Но несмотря на желаніе Васильчикова атаковать непріятеля, Корфъ, какъ старшій въ чинѣ, не далъ на это своего согласія; самъ же Милорадовичъ въ это время объѣдалъ въ тылу авангарда, и не могъ разрѣшить разногласій корпусныхъ командировъ. Кавалерія наша отошла къ Царево-Займищу, не доходя котораго 2-хъ верстъ провела ночь. Съ разсвѣтомъ 21 октября войска наши уже были въ строю. На этотъ разъ Милорадовичъ рѣшилъ атаковать непріятеля, но непріятель, по выраженію Бутурлина, «не былъ настолько любезенъ, чтобы подождать насъ»; онъ воспользовался ночью и ушелъ дальше. Вмѣсто французовъ Милорадовичъ нашелъ въ Царево-Займищѣ Платова, который шелъ за нимъ по пятамъ. Тогда Милорадовичъ рѣшилъ слѣдовать о бокъ съ непріятелемъ и, ускоривъ движеніе, предупредить его въ окрестностяхъ Вязьмы.

Между тѣмъ Наполеонъ 21 октября продолжалъ маршъ черезъ Вязьму на Семлево. Онъ приказалъ Нею, занявъ Вязьму,

---

[1] Донесеніе Платова отъ 20 октября № 164.

остановиться тамъ и, пропустивъ слѣдовавшіе за нимъ корпуса, занять мѣсто въ аріергардѣ, смѣнивъ Даву. Такимъ образомъ, начиная съ Вязьмы въ аріергардѣ французской арміи слѣдовалъ корпусъ маршала Нея.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Сраженіе при Вязьмѣ.

22 октября въ тотъ годъ былъ послѣднимъ теплымъ днемъ истекавшей осени. Въ прекрасную погоду, при яркомъ солнцѣ этого дня, произошло Вяземское сраженіе. Съ ранняго утра силы непріятеля стягивались къ Вязьмѣ. Съ юга у города близъ Крапивны стоялъ маршалъ Ней, котораго неусыпно стерегли партизаны Сеславинъ и Фигнеръ; корпуса вице-короля и Понятовскаго, пройдя Мясоѣдово, отстоящее отъ Вязьмы въ 8 вер., подходили къ ней съ востока по большой дорогѣ; Даву съ аріергардомъ, отягченный въ своемъ движеніи обозами и отсталыми людьми, былъ на маршѣ къ Вязьмѣ изъ Федоровскаго въ разстояніи 12 вер. Самъ Наполеонъ въ это время, покинувъ Вязьму, находился въ 26 вер. за нею въ селѣ Семлевѣ.

Всѣ наши войска были на болѣе дальнемъ разстояніи отъ города. Главная армія съ Кутузовымъ находилась близъ Дубровны въ 27 вер. на юго-востокѣ отъ Вязьмы; атаманъ Платовъ съ казаками и 26 дивизіей Паскевича, гдѣ находился и начальникъ главнаго штаба Ермоловъ, былъ въ тылу у Даву за селомъ Федоровскимъ; наконецъ, колонна Милорадовича ночевала у села Спасскаго въ небольшомъ переходѣ отъ города. Милорадовичъ, по соглашенію съ Платовымъ, имѣлъ въ виду отрѣзать отъ Вязьмы часть французской арміи, слѣдовавшей по большей дорогѣ въ чрезвычайномъ безпорядкѣ. На разсвѣтѣ этого дня кавалерійскіе корпуса Васильчикова и Корфа съ 5-ью казачьими полками, шедшіе въ авангардѣ колонны Милорадовича, вышли проселками изъ Спасскаго на столбовую дорогу черезъ дер. Максимово. Около 8 ч. утра они заняли

возвышенности, господствовавшія надъ большой дорогой между селомъ Федоровскимъ и дер. Мясоѣдовымъ. Отсюда было видно, какъ влѣво проходили уже послѣднія части войскъ вице-короля и какъ справа въ полномъ хаосѣ подходилъ къ возвышенности, занятой нашей кавалеріей, аріергардный корпусъ Даву. Находившійся въ авангардѣ Милорадовичъ разрѣшилъ Васильчикову атаковать противника. Полковникъ Емануэль съ Ахтырскими гусарами и Кіевскими драгунами налетѣлъ на непріятеля, и, несмотря на кустарникъ, затруднявшій движеніе, опрокинулъ его. Гусары и драгуны выскочили на большакъ въ разрѣзъ между войсками вице-короля и Даву; отрѣзавъ и разбивъ бригаду Нагеля изъ корпуса вице-короля, они встали поперекъ столбовой дороги, преградивъ Даву путь къ Вязьмѣ. Подъ напоромъ этой атаки обозъ непріятеля былъ оттѣсненъ на правую сторону большака. Въ это время, желая овладѣть обозомъ, бросился въ атаку Харьковскій драгунскій полкъ и маршъ-маршемъ пронесся черезъ большую дорогу. Къ сожалѣнію, въ этотъ рѣшительный моментъ къ мѣсту битвы не подошла пѣхота колонны Милорадовича: она запоздала выступленіемъ изъ Спасскаго и была еще далеко отъ своего авангарда. Однако, Милорадовичъ рѣшилъ не отступать и дождаться пѣхоты на занятой позиціи.[1] Съ этой цѣлью Ахтырскій гусарскій полкъ былъ оставленъ на большой дорогѣ, а остальная кавалерія развернулась вдоль этой дороги на параллельныхъ ей возвышенностяхъ, въ 2 линіи на лѣвомъ флангѣ и въ 1 линію на правомъ. Для охраны занятой позиціи были выставлены 3 батареи: одна въ 6 орудій на возвышенности впереди центра; другая въ 12 орудій на холмѣ, господствовавшемъ надъ всей мѣстностью, на лѣвомъ флангѣ линіи расположенія нашей кавалеріи; третья изъ 6 орудій впереди праваго фланга. Казаки стали за кавалеріей фронтомъ къ большаку. Вскорѣ къ занятой нами позиціи стали подходить войска непріятеля. Отъ Федоровскаго приближались главныя силы корпуса Даву, а отъ Вязьмы войска вице-короля и Понятовскаго, которые, услышавъ канонаду, поспѣшили повернуть обратно, на помощь Даву и заняли возвышенность ниже большой дороги, угрожая нашему лѣ-

---

1 Битва на этой позиціи подробно описана Д. П. Бутурлинымъ въ его характеристикѣ «Кутузовъ въ 1812 году».

Графъ Михаилъ Андреевичъ
МИЛОРАДОВИЧЪ

вому фланту. Въ это же время непріятельскіе егеря, прокравшись подъ защитой кустарника, готовились овладѣть нашей центральной батареей, которая вынуждена была спасаться вскачь. Ахтырскіе гусары также не удержались на большой дорогѣ. Между тѣмъ непріятельскія батареи со всѣхъ сторонъ громили нашу батарею, возведенную на холмѣ лѣваго фланга; а пѣхота, спустившись въ кустарникъ въ тылу нашего лѣваго фланга, представляла такую угрозу, что вторая линія нашей кавалеріи повернулась налѣво кругомъ. Влѣдствіе полнаго измѣненія всей боевой обстановки, Харьковскіе драгуны, находясь по другую, правую сторону большой дороги, оказались совершенно отрѣзанными отъ своихъ войскъ. Положеніе полка было безнадежное. Но его спасла находчивость и отчаянная рѣшительность командовавшаго полкомъ полковника Юзефовича. Онъ, поднявъ внезапно весь полкъ въ карьеръ, пролетѣлъ передъ самымъ носомъ французской колонны съ крикомъ: «Mes amis, ne tirez pas, je vous fais grâce de la vie!». («Друзья, не стрѣляйте; дарю вамъ жизнь!».) Изумленный такой дерзостью непріятель просто оцѣпенѣлъ; онъ не сдѣлалъ ни единаго выстрѣла, пока харьковцы цѣлымъ полкомъ пролетали маршъ-маршемъ пространство, отдѣлявшее ихъ отъ лѣваго фланга казаковъ.

Наше положеніе становилось все болѣе критическимъ, а пѣхота все еще не подходила на выручку. Наконецъ, около 10 ч. утра привелъ свою 4 пѣхотную дивизію принцъ Евгеній Вюртембергскій и направился противъ колоннъ вице-короля. Вскорѣ за нимъ пришли и остальныя части пѣхоты Милорадовича, подоспѣли Ермоловъ и Платовъ. Платовъ выступилъ съ ночлега позже своего обыкновенія. Услышавъ канонаду и получивъ извѣстіе, что нашъ авангардъ вступилъ въ сраженіе съ непріятелемъ, онъ поспѣшно выслалъ впередъ генерала Ермолова, поручивъ ему начальство надъ всѣми регулярными войсками своего кавалерійскаго отряда съ добавленіемъ нѣсколькихъ казачьихъ полковъ. Къ этому передовому отряду онъ присоединилъ изъ дивизіи Паскевича 5-ый егерскій полкъ, размѣстивъ солдатъ на крупахъ лошадей позади казаковъ, и донскую артиллерію.

Подоспѣвъ на мѣсто сраженія, Ермоловъ выдвинулъ впередъ князя Вадбольскаго съ драгунскими полками и открылъ канонаду

противъ высоты, занятой французами. Навстрѣчу кавалеріи Ермолова непріятель выслалъ пѣхотную часть, но она была разсѣяна Курляндскими драгунами. Въ это время прибылъ Платовъ съ 26-ой дивизіей Паскевича, полки котораго бѣгомъ кинулись на помощь драгунамъ. Однако, Даву успѣлъ провести свой корпусъ, но потери его были чрезвычайно велики. Совершенно разстроенный повторными атаками Платова и Паскевича, Даву бросилъ обозы и пробрался въ сторону отъ большой дороги лѣвымъ берегомъ рѣчки Черногрязья въ тылъ корпуса вице-короля. Не успѣвъ отрѣзать непріятеля отъ Вязьмы, Милорадовичъ около полудня сталъ его преслѣдовать совмѣстно съ Платовымъ, который довершалъ полное пораженіе послѣднихъ остатковъ аріергарда Даву.

Между тѣмъ войска непріятеля, послѣ совѣщанія ихъ корпусныхъ командировъ, начали поспѣшное отступленіе, но на пути имъ пришлось выдержать упорный бой съ 4-ою дивизіей принца Вюртембергскаго. 4-ый и 34-ый егерскіе полки этой дивизіи, сойдя съ большой дороги, заняли вдоль ея кустарники, а полки Кременчугскій, Волынскій и Тобольскій встали правѣе егерей, имѣя впереди батарею для обстрѣла дороги. Непріятель повелъ успѣшную атаку противъ нашей батареи, которую выручилъ адъютантъ принца Вахтенъ, кинувшись навстрѣчу атакующимъ съ баталіономъ Тобольскаго полка. Изъ бывшихъ въ этомъ дѣлѣ полковъ наиболѣе пострадалъ Кременчугскій, гдѣ убито и ранено 13 офицеровъ. Непріятель, продолжая отступательное движеніе, получилъ въ подкрѣпленіе изъ корпуса Нея 11-ую дивизію Разу, и тогда остановился и занялъ позицію между Ржавцемъ и хуторомъ Рибопьера. Въ отвѣтъ на это кавалерія наша, совмѣстно съ партизанскими отрядами Сеславина и Фигнера, стала обходить непріятеля съ обоихъ фланговъ, угрожая отрѣзать его отъ Вязьмы. Здѣсь въ стычкѣ съ непріятелемъ особенно отличился Каргопольскій драгунскій полкъ, опрокинувшій сильную французскую колонну. Въ это время въ виду непріятеля показался противъ дер. Крапивны, по другую сторону болотистой рѣчки Улицы, Уваровъ съ обѣими кирасирскими дивизіями и лейбъ-уланами. Этотъ кавалерійскій отрядъ былъ высланъ въ помощь Милорадовичу Кутузовымъ, который въ день Вяземскаго сраженія передвинулся съ главною квартирою изъ Дубровы въ село Быково въ 8 вер. отъ

Вязьмы по дорогѣ къ Юхнову. Хотя Уваровъ, отдѣленный отъ поля сраженія болотистой мѣстностью, не могъ принять участіе въ дѣлѣ, однако, самое его появленіе произвело на непріятеля угрожающее впечатлѣніе. Непріятель, отступая, рѣшилъ занять для боя третью въ этотъ день позицію передъ самымъ городомъ Вязьмой, гдѣ и сосредоточилъ свои силы. Здѣсь произошла жестокая съ обѣихъ сторонъ канонада, длившаяся около часа. Милорадовичъ построилъ колонны къ атакѣ и повелъ ихъ впередъ. Непріятель отступилъ въ городъ и въ немъ старался задержать наши войска, чтобы обезпечить себѣ отступленіе. Пока аріергардъ его, засѣвъ въ домахъ и за городскими заборами, отбивался отъ нашихъ нападеній, непріятельскія войска продолжали отступленіе черезъ городъ и по его сторонамъ. Передъ вечеромъ Милорадовичъ приказалъ штурмовать повсемѣстно пылавшую Вязьму. Дивизіи Чоглокова и Паскевича, расположенныя на флангахъ, пошли на штурмъ. Въ головѣ шли полки Перновскій и Кексгольмскій, которые, при поддержкѣ Бѣлозерскаго полка, ворвались въ городъ, распустивъ знамена и оглашая воздухъ музыкой и барабаннымъ боемъ. Первымъ же вступилъ въ черту города съ двумя конными орудіями и стрѣлками адъютантъ Ермолова поручикъ Граббе.

Сраженіе закончилось въ 6 ч. вечера. Маршалы, перейдя рѣку Вязьму и уничтоживъ на ней мостъ, ночью продолжали отступленіе къ Семлеву. Въ аріергардѣ остался Ней. Наши войска заняли бивуаками для ночлега опушку городского лѣса у Смоленской заставы. Платовъ обошелъ городъ съ правой стороны и, перейдя рѣку, сталъ на отдыхъ. Войска Милорадовича расположились между городомъ и дер. Крапивною. Самъ Милорадовичъ остановился въ Вязьмѣ, въ томъ домѣ, гдѣ за 2 дня былъ Наполеонъ. Онъ назначилъ коменданта, устроилъ полицію и разослалъ по уѣзду воззваніе къ жителямъ, приглашая ихъ возвратиться въ городъ. Всю ночь на 23 октября пылала и догорала Вязьма; всѣ почти дома выгорѣли или разрушились. Трескъ горящаго дерева заглушался взрывами снарядовъ и пороха, которымъ, какъ увѣряютъ, были наполнены печи въ домахъ.

Успѣхъ Вяземскаго сраженія въ значительной мѣрѣ зависѣлъ отъ доблести генерала Милорадовича, котораго Кутузовъ называлъ

«крылатымъ» за быстроту передвиженій, и которому храбрецъ Ермоловъ писалъ: «надобно имѣть запасную жизнь, чтобы быть вездѣ съ Вашимъ Превосходительствомъ!». Въ порывѣ признательности къ Милорадовичу, одинъ изъ современниковъ по поводу этого сраженія писалъ: «Со временемъ благодарное дворянство и граждане Вязьмы, конечно, почувствуютъ цѣну сего великаго подвига и воздадутъ должную благодарность освободителю ихъ города. Пусть поставятъ они на томъ самомъ полѣ, гдѣ было сраженіе, хотя немногоцѣнный, но только могущій противиться времени памятникъ, и украсятъ его, по примѣру древнихъ, простою, но всеобъясняющею надписью».[1]

Вяземское сраженіе продолжалось безпрерывно 10 часовъ, при чемъ непріятель былъ послѣдовательно выбитъ изъ трехъ позицій, на которыхъ старался задержать наше движеніе къ Вязьмѣ. Въ этомъ сраженіи участвовало до 25 тыс. чел. нашихъ войскъ противъ 37 тыс. непріятельскихъ. Наши потери исчисляются до 1800 ч. убитыми и ранеными; непріятель же потерялъ: 3 орудія, 2 знамени, множество обоза, до 4 тыс. убитыми и ранеными и до 2 тыс. плѣнными. Въ числѣ плѣнныхъ былъ генералъ Пеллетье съ адъютантомъ, которые, принявъ дивизію принца Вюртембергскаго за французское войско, сами пріѣхали въ плѣнъ.

Не могло не обратить на себя особаго вниманія то обстоятельство, что наша главная армія, расположенная во время сраженія въ окрестностяхъ дер. Быково въ 8 вер. отъ Вязьмы, не приняла въ немъ никакого участія. Обстоятельство это вызвало самыя разнообразныя мнѣнія и современниковъ, и военныхъ историковъ. Между прочимъ существуетъ и такое мнѣніе, что донесеніе Милорадовича о его намѣреніи атаковать 22 октября передъ Вязьмой непріятеля не было получено фельдмаршаломъ, такъ какъ конвертъ, въ которомъ должно было отправить это донесеніе, по вскрытіи его въ главной квартирѣ дежурнымъ генераломъ Коновницыномъ, оказался пустымъ: въ него «позабыли» вложить донесеніе по канцелярской оплошности. Хотя, при общеизвѣстномъ отсутствіи порядка въ

---

[1] Ѳед. Глинка, «Письма русскаго офиц.», стр. 47.

штабѣ Милорадовича, такой случай и представляется возможнымъ, но существуютъ болѣе достовѣрныя объясненія бездѣятельности Кутузова въ день Вяземскаго сраженія.

Самъ Кутузовъ доносилъ Государю объ этомъ сраженіи въ слѣдующихъ словахъ:

«Главная армія боковою дорогою направилась къ Вязьмѣ. Случилось, что я болѣе трехъ дней не могъ получить отъ авангарда свѣдѣнія, потому что бѣгущій непріятель разсыпался по сторонамъ дороги, а также пришло ложное извѣстіе, будто Милорадовичъ, послѣ сраженія съ непріятелемъ, не доходя до Вязьмы, долженъ былъ отступить. Сіи обстоятельства остановили меня на 8 часовъ, и армія не могла приблизиться къ Вязьмѣ; сдѣлавъ въ тотъ день 40 верстъ марша, она прибыла не ранѣе какъ за полночь, а могли поспѣть только 40 эскадроновъ кирасировъ, съ конною артиллеріею, подъ командою Уварова. Вотъ причины, которыя препятствовали нанесть непріятелю чувствительнѣйшій ударъ при Вязьмѣ. Ошибки, отъ ложныхъ извѣстій иногда происходящія, неизбѣжны. Предпріятія въ военныхъ операціяхъ не всегда основываются на очевидности, но иногда на догадкахъ и слухахъ. Ложныя извѣстія, о коихъ упомянулъ я выше, произошли отъ самихъ казаковъ, но и они впали въ сіе недоразумѣніе невиннымъ образомъ».

Это донесеніе, какъ, впрочемъ, вообще донесенія Кутузова, отличается большой неясностью, и не даетъ достаточныхъ данныхъ для заключенія о дѣйствительныхъ причинахъ, задержавшихъ прибытіе главной арміи на поле битвы. Едва ли не правильнѣе всего усмотрѣть эти причины въ общемъ настроеніи мудраго фельдмаршала, который всегда избѣгалъ напраснаго кровопролитія. Онъ во всѣхъ подробностяхъ понималъ, что непріятель самъ сталъ на вѣрный путь погибели, и что надо только не спускать его съ этого пути. Поэтому Кутузовъ главными своими силами, подъ своимъ личнымъ предводительствомъ, накрѣпко загородилъ непріятелю спасительное отступленіе къ югу. Онъ твердо зналъ, что непріятельская армія обречена на гибель отъ народнаго гнѣва, отъ голода, холода, отъ своей собственной деморализаціи, что преслѣдущія ее по пятамъ войска Милорадовича и Платова достаточно ускоряютъ ея гибель. При такомъ убѣжденіи онъ, разумѣется, не могъ бросать въ крова-

вый и при томъ безпощадный бой главное ядро своей арміи, которая такъ нужна была Россіи въ годину переживаемыхъ ею бѣдствій, и которую поэтому онъ такъ долженъ былъ щадить.

Такимъ образомъ Кутузовъ, хотя не былъ въ сраженіи, но находился вблизи поля битвы. Между тѣмъ Наполеонъ въ то же время удалялся отъ Вязьмы. Въ день сраженія онъ былъ въ Семлевѣ, гдѣ остановился въ небольшой церкви, обращенной въ почтовую станцію и обнесенную полисадами. Въ тотъ же день онъ выступилъ со старой гвардіей въ Славково по дорогѣ въ Дорогобужъ. Получивъ здѣсь первыя извѣстія о Вяземскомъ сраженіи и полагая, что въ немъ участвовала наша главная армія, которая затѣмъ будетъ преслѣдовать его корпуса отъ Вязьмы, онъ рѣшилъ устроить Кутузову засаду между Славково и Дорогобужемъ, чтобы внезапно поразить русскія войска. Въ этомъ смыслѣ уже была составлена и подписана маршаломъ Бертье особая диспозиція. Она заключалась словами: «Какъ могло случиться, что не взяли въ плѣнъ непріятельскаго корпуса, отважившагося отрѣзать сообщеніе нашимъ войскамъ».

Такъ Наполеонъ далекъ былъ отъ правильнаго пониманія дѣйствительности. Однако, вскорѣ пришли болѣе подробныя донесенія съ извѣстіемъ о пораженіи его корпусовъ. Между прочимъ маршалъ Ней доносилъ: «Мы могли ожидать благопріятнѣйшихъ послѣдствій, если бы распоряженія наши были лучше... Всего прискорбнѣе, что мои войска были свидѣтелями разстройства корпуса Даву; такіе вредные примѣры пагубны для солдатъ». Когда выяснилось истинное положеніе дѣлъ, Наполеонъ оставилъ мысль о внезапномъ нападеніи на нашу армію. Онъ приказалъ задержать составленную на этотъ предметъ диспозицію и спѣшно выступилъ въ Дорогобужъ, куда 24 октября прибыла главная квартира вмѣстѣ съ старой гвардіей. Наполеонъ разсчитывалъ еще на предоставленіе своей изнуренной арміи обезпеченнаго отдыха на зимнихъ квартирахъ въ Смоленскѣ и за Днѣпромъ. Съ этой цѣлью онъ отправилъ впередъ офицеровъ для составленія квартирнаго росписанія войскамъ. Въ тѣхъ же видахъ онъ приказалъ заготовить повелѣніе относительно образованія особаго кавалерійскаго отряда изъ 6 тысячъ человѣкъ, подъ командой Латуръ-Мобура, для прикрытія зимнихъ квартиръ.

Въ томъ же направленіи шли желанія и стремленія всей наполеоновской арміи. Среди тяжкихъ нравственныхъ испытаній и мучительныхъ физическихъ страданій, Смоленскъ представлялся ей обѣтованнымъ городомъ, гдѣ она, усталая, найдетъ отдыхъ, голодная и холодная, получитъ продовольствіе и тепло. Возбуждая сладкія надежды, Смоленскъ снова готовилъ непріятелю горькое разочарованіе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Отступленіе отъ Вязьмы до Смоленска.

Вяземское сраженіе по своимъ результатамъ явилось поворотнымъ пунктомъ въ военныхъ успѣхахъ наполеоновской арміи. Въ немъ уже наглядно «счастье боевое» повернулось въ нашу сторону. Великая армія впервые понесла явное и тягостное пораженіе. Все ея внутреннее неустройство, весь упадокъ ея матеріальныхъ и моральныхъ силъ, все разложеніе ея боевого духа были наглядно учтены въ этомъ сраженіи. Вязьма формально удостовѣрила, что непріятельской арміи, грозной для Россіи, въ ея предѣлахъ болѣе не существуетъ. Остался слабый противникъ, обреченный на неминуемую гибель.

Послѣ Вяземскаго сраженія въ ночь на 23 октября выпалъ снѣгъ, поднялась мятель, стукнулъ морозъ до 18 градусовъ и наступила зима. Съ этого времени голодъ и холодъ стали неразлучными, безпощадными бичами непріятельской арміи. Послѣ каждаго ночлега на бивакахъ оставались сотни труповъ. На каждомъ шагу наблюдались картины, леденящія душу. Люди столбенѣли отъ мороза, шатались, какъ пьяные, отъ голода, и падали мертвыми. Другіе сидѣли возлѣ огня въ полномъ оцѣпенѣніи, не замѣчая, что ихъ ноги, которыя они хотѣли отогрѣть у огня, превращались въ уголья. Бутурлинъ говоритъ: «я буду всю жизнь помнить ужасное зрѣлище, которымъ мы были поражены на большой дорогобуж-

ской дорогѣ, близъ Болдина монастыря. Три француза жарили четвертаго, умершаго нѣсколько минутъ назадъ отъ голода».[1] Многіе съ жадностью пожирали сырую падаль. Обезумѣвшіе отъ голода, по словамъ очевидцевъ, дотащившись до мертвыхъ тѣлъ, терзали ихъ зубами.[2] Нельзя описать всѣхъ картинъ того невообразимаго ужаса, которыя являла собой животная борьба безумнаго отъ нестерпимыхъ страданій человѣка съ безпощадно надвигавшейся смертью. Съ появленіемъ морозовъ, сверхъ того, чрезвычайно затруднены были средства и способы передвиженія. По дорогамъ образовалась гололедица, по которой скользили и падали лошади. Не умѣя ковать лошадей на острые шипы, непріятель потерялъ большую часть сохранившейся еще у него кавалеріи, побросалъ множество повозокъ и орудій.

Послѣ Вяземскаго сраженія, Кутузовъ продолжалъ выполнять задуманный имъ планъ кампаніи. Онъ выслалъ впередъ къ Смоленску отряды Давыдова и графа Ожаровскаго; приказалъ Платову съ правой стороны большака, а графу Орлову-Денисову съ лѣвой—не спускать съ дороги головныя части французскихъ колоннъ и постоянно нападать на нихъ во время марша; Милорадовичу велѣлъ преслѣдовать и тѣснить непріятеля съ тыла. Сверхъ того, было приказано всѣмъ партизанамъ главной арміи тревожить непріятеля съ лѣваго фланга. «Такого рода преслѣдованіе», по словамъ фельдмаршала, «приведетъ непріятеля въ крайнее положеніе и лишитъ его большой части артиллеріи и обозовъ».[3] Далѣе, заботы фельдмаршала простирались на то, чтобы непріятель не свернулъ влѣво черезъ Ельню и Мстиславль на Могилевъ. Имѣя въ виду лично воспрепятствовать такому движенію, онъ направилъ главныя силы русской арміи на Ельню. Въ тѣхъ же цѣляхъ онъ распорядился ополченскими силами. Калужское ополченіе, усиленное двумя казачьими и нѣсколькими полками регулярной конницы, было двинуто къ Ельнѣ; тульское, подъ начальствомъ

---

[1] Д. П. Бутурлинъ, «Кутузовъ въ 1812 г.». Историческая характеристика.

[2] Голицынъ кн., Н. Б., «Очерки военныхъ событій 1812—1814 гг.». Русскій Арх., 1884 г., кн. 4.

[3] Повелѣніе Давыдову 22 октября, № 312, 23 окт., № 313;—Платову 23 окт. № 320, графу Орлову-Денисову 23 окт., № 321.

губернатора Богданова,—сперва къ Ельнѣ, а затѣмъ къ Рославлю; смоленское—сперва также къ Ельнѣ, а затѣмъ въ Дорогобужъ.

Съ 23 октября, на другой день послѣ Вяземскаго сраженія, непріятель, гонимый сзади Милорадовичемъ, спѣшилъ по столбовой дорогѣ между Платовымъ справа и графомъ Орловымъ-Денисовымъ слѣва. Во главѣ своей арміи самъ Наполеонъ торопился въ Смоленскъ, куда приказалъ слѣдовать прямой дорогой всѣмъ корпусамъ, исключая корпуса вице-короля, который получилъ предписаніе свернуть въ Дорогобужѣ съ большой дороги вправо на Духовщину, и слѣдовать въ Витебскъ въ помощь войскамъ генерала Пуже, оставленныхъ тамъ гарнизономъ. Наполеонъ, пробывъ 24 октября въ Дорогобужѣ, перенесъ свою квартиру 25 октября въ селеніе Михайловку, гдѣ онъ получилъ изъ Парижа поразившее его донесеніе о заговорѣ Мале, который, распустивъ слухъ о его смерти, хотѣлъ устроить государственный переворотъ. «А Наполеонъ II? о немъ и не подумали!», съ горечью воскликнулъ императоръ французовъ, озабоченный судьбой своего сына. 26 октября Наполеонъ уже переправился на правую сторону Днѣпра и, за день до своего вступленія въ Смоленскъ, остановился съ гвардіей на мызѣ, въ сторонѣ отъ Соловьева. Послѣ переправы черезъ Днѣпръ 27 октября, проходившія по дорогѣ войска видѣли, близъ Пневой слободы, группу людей, грѣвшихся у печальнаго костра изъ колесъ и разныхъ обломковъ. Общее вниманіе привлекала фигура человѣка въ простомъ сѣромъ кафтанѣ и мѣховой шапкѣ. То былъ самъ императоръ французовъ. Великій полководецъ видитъ бѣдствія своей арміи, и армія видитъ несчастье своего славнаго вождя. Медленно движутся мрачные и молчаливые солдаты и, взирая на него, обрѣтаютъ въ себѣ силы смиряться предъ жестокой судьбой. «Кто видитъ настоящее величіе, покинутое счастьемъ, забываетъ свое горе и свои собственныя страданія». Такія мысли приходили въ голову артиллерійскому офицеру, видѣвшему въ этомъ положеніи Наполеона.[1] За Наполеономъ слѣдовали по большой дорогѣ корпуса его арміи: Понятовскаго, вице-короля и Даву; въ аріергардѣ шелъ Ней.

---

[1] G. de Faber du Faur, «Campagne de Russie 1812», стр. 249.

Послѣ Вяземскаго сраженія ближайшими главными событіями кампаніи представляются: съ одной стороны, военныя операціи, происходившія на путяхъ отступленія непріятельской арміи отъ Вязьмы до Смоленска, а съ другой—фланговое передвиженіе Кутузова на Ельню, а затѣмъ на Красный.

Военныя операціи противъ непріятельской арміи производились, главнымъ образомъ, въ трехъ направленіяхъ: на большой дорогѣ, гдѣ слѣдовали головныя части непріятельскихъ корпусовъ; затѣмъ, сѣвернѣе большака, на пути движенія корпуса вице-короля къ Духовщинѣ, и, наконецъ, на югъ отъ большой дороги, на пути между Смоленскомъ и Ельней, гдѣ была оставлена въ забытьи колонна генерала Бараге д'Илье.

На большой дорогѣ операціи развивались слѣдующимъ образомъ. Милорадовичъ шелъ здѣсь по пятамъ непріятельской арміи. Авангардъ его, въ составѣ полковъ: 1-го и 4-го егерскихъ и Елисаветградскаго гусарскаго, подъ командой генерала Юрковскаго, атаковалъ непріятельскій аріергардъ, при переправѣ его черезъ рѣку Осьму, въ 8 верстахъ не доходя Дорогобужа. Непріятель былъ опрокинутъ и отступилъ къ Дорогобужу. Маршалъ Ней, занимая Дорогобужъ, старался удержать городъ, чтобы дать время своей арміи и обозамъ переправиться черезъ Днѣпръ у Соловьева, а войскамъ вице-короля—свернуть вправо на Духовщину. Для обороны Дорогобужа была назначена дивизія Разу. Она заняла назначенныя мѣста въ городѣ: два орудія съ необходимымъ прикрытіемъ были поставлены у входа въ городъ; два небольшіе отряда пѣхоты заняли мѣста: лѣвѣе входа, у днѣпровскаго моста, и правѣе его, на возвышенности впереди церкви; самъ Разу съ остальными войсками занялъ устроенное имъ укрѣпленіе на высотѣ собора, обнесенное палисадами. Позади города, въ резервѣ, стала дивизія Ледрю.

Подойдя къ Дорогобужу 26 октября, Милорадовичъ приказалъ 30-му и 48-му егерскимъ полкамъ атаковать засѣвшаго въ городѣ непріятеля. Въ виду оказаннаго непріятелемъ упорнаго сопротивленія, въ обходъ его позиціи съ лѣваго фланга была двинута 4-ая пѣхотная дивизія принца Вюртембергскаго. Послѣ жаркаго боя непріятель былъ, наконецъ, выбитъ изъ укрѣпленія, а затѣмъ,

На походѣ близъ Пневой Слободы 27 октября

подъ дружнымъ натискомъ егерей, и поражаемый при томъ огнемъ двухъ орудій, поставленныхъ на соборной высотѣ, совершенно очистилъ городъ. Оставляя Дорогобужъ, французы подожгли его, но распространившійся пожаръ былъ потушенъ падавшимъ густымъ снѣгомъ и усиліями нашихъ солдатъ. Въ добычу намъ досталось 6 орудій.

Въ день этого боя небо все хмурилось, тяжелыя облака нависли до земли и подъ вечеръ поднялась сильнѣйшая мятель, ослѣпляя людей и препятствуя имъ двигаться. Этой мятелью, съ вьюгой и морозомъ, былъ застигнутъ 26 октября аріергардъ Нея на походѣ отъ Дорогобужа къ Михайловкѣ. Буря вздымала снѣжные вихри, застилая свѣтъ бѣлаго дня. Лошади совались, люди застывали на ходу, падали и ихъ мигомъ заносило, застилало саваномъ снѣжнаго покрова, и только бѣлые пушистые холмики, какъ погребальные курганы, напоминали живымъ, гдѣ упокоились ихъ мертвые товарищи. И въ этой обстановкѣ на бивакахъ въ снѣгу, безъ крова и пищи, надо было проводить до 16 ужасныхъ часовъ зимней ночи. Такой бивакъ пришлось провести войскамъ Нея у деревни Михайловки, куда они пришли послѣ страданій цѣлаго дня. Когда достигли деревни, вблизи нея виднѣлась занесенная снѣгомъ хижина; пришедшіе люди надѣялись встрѣтить тамъ своихъ соотечественниковъ. При ближайшемъ изслѣдованіи, они, къ величайшему своему ужасу, вмѣсто хижины нашли цѣлую груду окоченѣвшихъ труповъ, занесенныхъ снѣгомъ. Въ такой участи товарищей непріятель видѣлъ и свою судьбу. Надежда угасала. Насколько хваталъ взоръ, всюду разстилался необозримый саванъ зимы безъ конца и дороги. Морозъ сковывалъ члены, а смутное уже воображеніе уносило мысли подъ голубое небо далекой родины.

Вслѣдствіе сильной снѣжной вьюги Милорадовичъ былъ вынужденъ расположиться на ночлегъ въ Дорогобужѣ. Онъ, такъ же какъ и въ Вязьмѣ, назначилъ коменданта въ городѣ и разослалъ по уѣзду объявленія, созывая жителей. По очищеніи города отъ непріятеля, со всѣхъ сторонъ, изъ всякихъ дебрей и густыхъ лѣсовъ стали собираться въ свои дома жители Дорогобужа. Всѣ они не имѣли словъ, достаточныхъ для выраженія благодарности своимъ освободителямъ. Одинъ престарѣлый священникъ со сле-

зами бросился къ ногамъ Милорадовича, призывая благословенія Господа на русское воинство. Для водворенія необходимаго порядка въ городѣ и уѣздѣ, согласно распоряженію Кутузова, изъ Ельни было вызвано смоленское ополченіе.

На слѣдующій день, 27 октября, когда стихла мятель, по распоряженію Милорадовича, изъ Дорогобужа выступилъ отрядъ Юрковскаго, чтобы преслѣдовать непріятеля по большой дорогѣ къ Смоленску. Весь путь его слѣдованія былъ усѣянъ трупами замерзшихъ людей. Предъ селеніемъ Усвятье Дорогобужскаго уѣзда, за рѣкою Ужею, толпились французы, грѣясь у огня подъ прикрытіемъ 8 орудій и сдвинутыхъ фуръ. Юрковскій, подведя артиллерію, открылъ огонь. Непріятель немедленно снялся съ бивака и, побросавъ пушки, побѣжалъ къ Смоленску. Перейдя рѣку, Юрковскій продолжалъ погоню. При Михайловкѣ захвачено до двухъ тысячъ отсталыхъ воиновъ, которые безпрекословно сдались на волю побѣдителя. У непріятеля въ это преслѣдованіе было отобрано 19 орудій. 28 октября Юрковскій былъ отозванъ къ Милорадовичу, а потому поручилъ полковнику Карпенкову продолжать преслѣдованіе непріятеля. Въ распоряженіе Карпенкова были отряжены: 1-й егерскій, Московскій драгунскій и одинъ казачій полки, съ 4-мя орудіями. Въ тотъ же день Карпенковъ подошелъ къ Соловьеву. Здѣсь непріятель, переправившись черезъ рѣку, разбиралъ мостъ. Карпенковъ выслалъ впередъ отборныхъ стрѣлковъ, которые, сбивъ передовые посты, разсыпались и открыли огонь, препятствуя разборкѣ моста; съ той же цѣлью была открыта пальба изъ 4 орудій. Но непріятель, устроивъ укрѣпленіе, съ упорнымъ мужествомъ отражалъ нападеніе все время, пока не уничтожилъ мостъ. Утромъ 29 октября нашъ отрядъ перебрался черезъ Днѣпръ по тонкому льду, и нашелъ на другомъ берегу 12 орудій и огромный обозъ, переполненный всякимъ добромъ, кромѣ съѣстныхъ припасовъ. За Соловьевымъ Карпенковъ соединился съ партіей Грекова и пошелъ съ нимъ къ Валутиной Горѣ, откуда ему надлежало, согласно полученному распоряженію, присоединиться къ Платову.

Пока описанныя событія имѣли мѣсто на большой смоленской дорогѣ, представлявшей центральный театръ военныхъ дѣйствій,

На походѣ между Дорогобужемъ и Михайловкой 26 октября

Бивакъ у дер. Михайловки 26 октября

на сѣверъ отъ нея шло преслѣдованіе нашими войсками корпуса вице-короля. Этотъ корпусъ, по приказанію Наполеона, свернулъ въ Дорогобужѣ вправо на Духовщину. При немъ слѣдовалъ тяжелый обозъ арміи. Впередъ корпуса вице-короля, для предварительнаго обозрѣнія пути и особенно береговъ рѣки Вопи, былъ отправленъ начальникъ депо картъ, генералъ французской службы Сансонъ, съ тремя офицерами и небольшимъ конвоемъ. Въ окрестностяхъ Духовщины генералъ Сансонъ былъ захваченъ казачьимъ разъѣздомъ со всѣмъ конвоемъ и съ большой коллекціей плановъ и картъ. Корпусъ вице-короля, выступивъ изъ Дорогобужа утромъ 26 октября, перешелъ на правый крутой берегъ Днѣпра, подъемъ на который вслѣдствіе гололедицы представлялъ необычайныя затрудненія. Подъ орудія запрягали по 12 и 16 лошадей; множество фуръ пришлось бросить, при чемъ начался грабежъ солдатами вещей, которыми была усѣяна вся дорога. Корпусъ вице-короля, обремененный тяжестями, медленно потянулся къ Духовщинѣ на селенія: Бизюково, Марково, Заселье и Лаги. Когда получилось извѣстіе о томъ, что вице-король свернулъ въ сторону отъ большой дороги, Платовъ слѣдомъ за нимъ также сошелъ съ большака, оставивъ на немъ для преслѣдованія непріятеля отрядъ генерала Грекова 1-го. Преслѣдуя вице-короля, Платовъ неотступно поражалъ хвостъ его колонны, направляя на него, между прочимъ, огонь нѣсколькихъ донскихъ орудій. Генералъ Дантуаръ не разъ останавливалъ свои батареи и огнемъ ихъ удерживалъ натискъ казаковъ; но вскорѣ ядромъ раздробило ему ногу. Готовясь къ переправѣ черезъ Вопь, вице-король наканунѣ послалъ генерала Пуатвена (Poitevin) съ командою саперъ для наводки мостовъ черезъ рѣку. Но, когда войска 28 октября утромъ пришли къ рѣкѣ, то оказалось что вода сильно поднялась и напоромъ своимъ окончательно испортила уже наведенные мосты. А на берегу рѣки скопился цѣлый корпусъ со всѣми обозами. Пользуясь такой скученностью людей и повозокъ, казаки Платова открыли по непріятелю канонаду и все больше налегали на него съ тыла. Въ то же время значительная партія казаковъ, перейдя Вопь, появилась предъ лицомъ непріятеля по другую сторону рѣки. Вице-король вынужденъ былъ немедленно приступить къ переправѣ; онъ приказалъ дивизіи Брусье

встать въ аріергардъ и сдерживать напоръ казаковъ съ тыла. Первыми бросились черезъ рѣку вбродъ по поясъ въ водѣ адъютантъ вице-короля Баталь (Bataille) и состоявшій при немъ офицеръ Дельфанти; за ними перешла рѣку королевская гвардія и самъ вице-король со своимъ штабомъ. За войсками стали переправлять обозы, что оказалось гораздо труднѣе. Вначалѣ переправа повозокъ и орудій пошла успѣшно, но вскорѣ образовались на днѣ рѣки такія глубокія выбоины, что въ нихъ застряло множество подводъ и орудій. А казаки все больше насѣдали, приводя въ отчаяніе не успѣвшія еще переправиться войсковыя части непріятеля, которыя бросали обозы и орудія, и кидались въ воду. Послѣ переправы черезъ рѣку непріятельское войско, состоявшее преимущественно изъ итальянцевъ, было въ состояніи крайняго угнетенія. Промокшіе, голодные и измученные уроженцы Италіи провели всю ночь на 29 октября подъ открытымъ небомъ на голомъ снѣгу. Со стороны рѣки въ продолженіе всей ночи слышались отчаянные вопли переправлявшихся людей. На разсвѣтѣ 29 октября переправилась дивизія Брусье. На лѣвомъ берегу Вопи въ добычу казакамъ остались 64 орудія и почти всѣ обозы корпуса. Потери, понесенныя непріятелемъ при этой переправѣ, которую французы признавали одной изъ самыхъ гибельныхъ,[1] были чрезвычайно велики; во всемъ корпусѣ вице-короля оставалось подъ ружьемъ не болѣе 6 тысячъ человѣкъ и 12 орудій. Слѣдомъ за непріятелемъ перешелъ Вопь и Платовъ и захватилъ еще 23 орудія. Въ этомъ преслѣдованіи за два дня Платовъ взялъ до 3 тысячъ плѣнныхъ.

Когда фельдмаршалъ 29 октября получилъ извѣстіе о разгромѣ корпуса вице-короля при переправѣ черезъ Вопь, онъ въ тотъ же день послалъ донесеніе Государю и оповѣстилъ войска объ успѣхахъ русскаго оружія.

Государю онъ писалъ: «Великъ Богъ, Всемилостивѣйшій Государь. Припадая къ стопамъ *Вашего Императорскаго Величества*, поздравляю Васъ съ новою побѣдою. Казаки дѣлаютъ чудеса, бьютъ артиллерію и пѣхотныя колонны. Всѣ Французы, въ плѣнъ забираемые, неотступно просятъ о принятіи ихъ въ Рос-

[1] Labaume

сійскую службу. Даже вчера Итальянской гвардіи 15-ть офицеровъ приступили съ тою же просьбою: они говорятъ, что нѣтъ выше чести, какъ носить Русскій мундиръ».

По войскамъ былъ отданъ слѣдующій приказъ:

«Послѣ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда, можетъ быть, земля Русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. И такъ мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаютъ зима, вьюги и морозы; но вамъ ли бояться ихъ, дѣти сѣвера. Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости непогодъ, ни злости враговъ: она есть надежная стѣна Отечества, о которую все сокрушается. Вы будете умѣть переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: онъ научалъ сносить и голодъ и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ Русскаго народа. Идемъ впередъ. Съ нами Богъ. Передъ нами разбитый непріятель. Да будутъ за нами тишина и спокойствіе».

Совершенно изнуренный и разстроенный корпусъ вице-короля, тѣснимый со всѣхъ сторонъ казаками, кое-какъ добирался до Духовщины. Но передъ городомъ ему внезапно заслонилъ дорогу казачій отрядъ, состоявшій изъ 2-хъ полковъ генерала Иловайскаго 12-го. Отрядъ этотъ достигъ Духовщины ранѣе непріятельскихъ войскъ, идя въ авангардѣ колонны генералъ-адъютанта Кутузова, [1] который слѣдовалъ изъ Москвы выше большой дороги, спустившись къ ней въ Гжатскѣ и затѣмъ поднявшись къ селу Николо-Погорѣлое на Днѣпрѣ. Находясь въ Духовщинѣ, этотъ отрядъ посылалъ въ окрестности разъѣзды, одинъ изъ которыхъ и захватилъ въ плѣнъ генерала Сансона съ его планами и картами.

Появленіе казаковъ смутило непріятеля, но вице-король, сохраняя спокойствіе, направилъ противъ нихъ итальянскую гвардію, построенную въ каре, вмѣстѣ съ баварской конницею.

---

[1] Генералъ-адъютантъ Кутузовъ, однофамилецъ фельдмаршала, былъ назначенъ вмѣсто Винцингероде.

Казаки были сбиты съ дороги, но успѣли, однако, захватить до 500 плѣнныхъ. Вице-король, торопясь занять Духовщину, для поощренія солдатъ самъ лично принялъ участіе въ работахъ по исправленіи весьма плохого моста на пути къ городу. Занявъ Духовщину, покинутую жителями, но уцѣлѣвшую до того времени, непріятель нашелъ въ ней удобныя квартиры въ прочныхъ и теплыхъ домахъ, а также и нѣкоторыя средства пропитанія. Посему вице-король предоставилъ здѣсь своимъ измученнымъ войскамъ дневку. Отсюда же онъ послалъ въ Смоленскъ донесеніе Наполеону о своей роковой переправѣ черезъ рѣку Вопь. Съ этимъ донесеніемъ былъ командированъ адъютантъ вице-короля Баталь, въ охрану котораго отъ казаковъ отряжена цѣлая пѣхотная дивизія графа Пино. Однако, недологъ былъ отдыхъ въ Духовщинѣ. Съ полученіемъ тревожнаго извѣстія о взятіи Витебска русскими войсками, вице-король рѣшилъ выступить въ туже ночь на 31 октября, свернувъ прямо на Смоленскъ. Но и этотъ краткій отдыхъ былъ неожиданно омраченъ появленіемъ въ 10 часовъ вечера передъ самымъ городомъ казаковъ Платова. Донская артиллерія сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ, которые переполошили отдыхавшіе передъ походомъ войска и принесли большой уронъ передовымъ постамъ, выставленнымъ впереди церкви отъ 106 линейнаго полка изъ дивизіи барона Дельзона. Непріятель оставилъ Духовщину въ 2 часа ночи на 31 октября, поджегши ее въ разныхъ мѣстахъ. Выжигая по пути всѣ окрестныя селенія, войска вице-короля двигались ночью при зловѣщемъ заревѣ пожаровъ. Они торопились въ Смоленскъ, куда влекла ихъ надежда на вожделенный отдыхъ и провіантъ, и куда безотступно гнали казаки, насѣдая на тылъ. Передъ Стабной пришлось одолѣть новое и трудное препятствіе: на пути встала крутая, оледенѣлая гора. Люди и лошади скатывались съ нея съ неудержимой быстротой. Пройдя гору, непріятель въ 4-хъ верстахъ отъ себя увидѣлъ одну изъ высокихъ колоколенъ желаннаго города Смоленска. Были напряжены послѣднія силы, и несчастные остатки разбитаго корпуса достигли, наконецъ, предмѣстья Смоленска. Дивизія Брусье съ нѣсколькими орудіями была оставлена на высотахъ праваго берега Днѣпра противъ Платова; королевская гвардія расположилась позади

Брусье въ резервѣ; остальныя войска корпуса вице-короля были введены въ городъ. Здѣсь они съ ужасомъ узнали, что отдыха имъ вовсе не будетъ, такъ какъ надо было двигаться дальше впередъ, и что съѣстные припасы всѣ разобраны.

Одновременно съ военными операціями на дорогахъ—большой смоленской и духовщинской, южнѣе большака, на ельнинской дорогѣ подвизались партизанскіе отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера. Предметомъ ихъ подвиговъ сдѣлался отрядъ генерала Ожеро. Дѣло было въ томъ, что еще при своемъ выступленіи изъ Москвы Наполеонъ, разсчитывая пробраться черезъ Калугу къ Ельнѣ, приказалъ оставленному въ Смоленскѣ генералу Бараге д'Илье подвинуться навстрѣчу главной арміи изъ Смоленска къ Ельнѣ съ маршевыми баталіонами, составленными изъ сборныхъ командъ. Впослѣдствіи, когда путь на Калугу оказался загражденнымъ, баталіоны генерала Бараге д'Илье, позабытые, продолжали стоять на занятыхъ между Смоленскомъ и Ельнею позиціяхъ у Долгомостья и Ляхова. Въ объясненіе этого обстоятельства существуетъ, между прочимъ, и такое мнѣніе, что генералъ не получилъ посланное ему приказаніе возвратиться обратно въ Смоленскъ. Въ селѣ Ляховѣ и Язвинѣ стояла одна бригада означенной колонны, подъ командой генерала Ожеро. [1] Этой бригадой и задумали овладѣть наши партизаны. Имѣя всѣ трое въ общей совокупности не болѣе 1200 человѣкъ конницы и 80 егерей 20-го полка, они пригласили для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Ожеро отрядъ графа Орлова-Денисова, который, наблюдая большую дорогу, стоялъ невдалекѣ съ 6-ю казачьими и нѣсколькими кавалерійскими полками. Графъ Орловъ-Денисовъ двинулся къ нимъ на помощь, о чемъ наши партизаны узнали на своемъ маршѣ къ Бѣлкину. Утромъ 28 октября Сеславинъ, Давыдовъ и Фигнеръ прибыли къ мѣсту дѣйствій, о которомъ Давыдовъ говоритъ: «Вдали было видно Ляхово; вокругъ села курились биваки; нѣсколько пѣшихъ и конныхъ солдатъ показывались между избами и шалашами; болѣе ничего нельзя было замѣтить. Спустя полчаса, мы увидѣли непріятельскихъ фуражировъ, въ числѣ 40 человѣкъ, ѣхавшихъ безъ малѣйшей

---

1 Братъ маршала Ожеро.

осторожности въ направленіи къ Таращину». Большая часть этихъ фуражировъ, вмѣстѣ съ адъютантомъ Ожеро, были захвачены въ плѣнъ. Они подтвердили собранные нашими партизанами свѣдѣнія о непріятельскомъ отрядѣ. Вскорѣ прибыли войска графа Орлова-Денисова и всѣ партизанскіе отряды, кромѣ 80 егерей Сеславина; вмѣсто егерей въ пѣшій строй назначили казаковъ, имѣвшихъ ружья. Наши войска, съ отрядомъ Давыдова въ авангардѣ, направились на ельнинскую дорогу, чтобы отрѣзать атакуемую бригаду отъ остальныхъ войскъ Бараге д'Илье. Непріятель и не подозрѣвалъ о надвигавшейся на него опасности. Только съ приближеніемъ Давыдова уже къ самому Ляхову, въ селѣ, занятомъ непріятелемъ, и на бивакахъ его наступило смятеніе и раздался барабанный бой; войска спѣшно становились подъ ружье и стрѣлки выбѣгали навстрѣчу нашему отряду. Давыдовъ, спѣшивъ казаковъ, завязалъ дѣло. Партизаны его, вмѣстѣ съ полкомъ Попова 13-го, стали на лѣвомъ флангѣ; еще лѣвѣе въ обходъ на ельнинскую дорогу былъ посланъ полкъ Чеченскаго, чтобы прервать сообщеніе съ Язвинымъ. Въ это время прискакалъ съ 4-мя конными орудіями Сеславинъ и открылъ пальбу по непріятельскимъ войскамъ, выходившимъ изъ Ляхова. Фигнеръ съ отрядомъ своимъ сталъ въ резервѣ. Графъ Орловъ-Денисовъ расположился правѣе Сеславина и Фигнера,ославъ разъѣзды къ Долгомостью.

Непріятель разсыпалъ стрѣлковъ въ прилегавшемъ къ селенію лѣсу и пошелъ въ атаку на полки Орлова-Денисова. Въ это время Сеславинъ смѣнилъ спѣшенныхъ казаковъ своими прибывшими егерями; на нихъ кинулась французская конница. Ротмистръ Горсткинъ съ Ахтырскими гусарами опрокинулъ непріятельскую конницу и съ помощью егерей очистилъ лѣсъ. Пользуясь этимъ успѣхомъ, Сеславинъ подвинулъ орудія ближе къ селу, а поручикъ Лизогубъ съ Литовскими уланами преслѣдовалъ убѣгавшихъ вразсыпную полемъ изъ лѣса французскихъ стрѣлковъ. Однако, засѣвшіе за селомъ въ сараяхъ стрѣлки продолжали стрѣлять въ казаковъ, пока не были сожжены вмѣстѣ съ сараями. Во время этого боя стали подходить въ помощь непріятелю высланные изъ Долгомостья 2 тысячи кирасиръ. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, Орловъ-Денисовъ выслалъ для удержанія ихъ полковника Быха-

Александръ Самойловичъ
ФИГНЕРЪ

Иванъ Семеновичъ
ДОРОХОВЪ

Александръ Никитичъ
СЕСЛАВИНЪ

Денисъ Васильевичъ
ДАВЫДОВЪ

ПАРТИЗАНЫ

лова съ 2-мя казачьими полками; но казаки вынуждены были отступить передъ превосходными силами непріятеля. Тогда Орловъ-Денисовъ со всѣмъ своимъ отрядомъ выступилъ на смоленскую дорогу противъ кирасиръ. Онъ атаковалъ ихъ Нѣжинскими драгунами и двумя казачьими полками, открывъ по нимъ пальбу изъ 6 конныхъ орудій. Кирасиры были смяты и обращены въ бѣгство. Поручивъ преслѣдованіе ихъ полковнику Быхалову съ двумя казачьими полками, самъ Орловъ-Денисовъ возвратился къ Ляхову. Почти весь отрядъ кирасиръ былъ уничтоженъ, и 700 ихъ кирасъ, снятые съ убитыхъ, были впослѣдствіи переданы въ Псковскій драгунскій полкъ.

На свое несчастье, генералъ Ожеро не сумѣлъ воспользоваться временнымъ отсутствіемъ графа Орлова-Денисова, чтобы уйти въ Долгомостье отъ нашихъ малочисленныхъ партизанскихъ отрядовъ; онъ ограничился тѣмъ, что отказался отъ сдачи, когда къ нему былъ посланъ парламентеромъ штабсъ-ротмистръ Чемодановъ. По своемъ возвращеніи къ Ляхову, графъ Орловъ-Денисовъ послалъ къ Ожеро Фигнера со вторичнымъ требованіемъ положить оружіе. На этотъ разъ генералъ Ожеро сдался съ 19 офицерами и 1650 нижними чинами.[1] Офицерамъ по капитуляціи были оставлены шпаги. Въ Ляховѣ захвачены непріятельскіе магазины, значительная часть которыхъ, однако, погибла отъ пожара, возникшаго въ селѣ во время боя. Объ этомъ удачномъ дѣлѣ при Ляховѣ Кутузовъ послалъ донесеніе Государю съ капитаномъ артиллеріи Фигнеромъ, который въ Петербургѣ былъ произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ гвардейскую артиллерію. Въ этомъ донесеніи фельдмаршалъ писалъ: «Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ, въ продолженіе нынѣшней кампаніи, непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе».[2] Остальной отрядъ генерала Бараге д'Илье подъ покровомъ наступившей ночи успѣлъ отступить къ Смоленску. Съ его уходомъ остался безъ всякаго наблюденія очень важный для французовъ пунктъ

---

[1] По свѣдѣніямъ, приведеннымъ Давыдовымъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ, Ожеро сдался съ 60 офицерами и 2 тысячами нижнихъ чиновъ.

[2] Донесенія отъ 31 октября и 1 ноября.

съ южной стороны, откуда именно подходила главная русская армія. Это важное обстоятельство было прямымъ слѣдствіемъ дѣла подъ Ляховымъ.

Пока происходило преслѣдованіе непріятельской арміи до Смоленска, Кутузовъ совершилъ свой фланговый маршъ. Черезъ день послѣ Вяземскаго сраженія, 24 октября, онъ перешелъ изъ окрестности Быкова, черезъ Покровское, въ Красную, а 25 октября черезъ Староселье и Божанъ—въ Гаврюкову, направляясь черезъ Волочекъ, Ушаково, Бѣлый холмъ и Пронино къ Ельнѣ. Опытный и дальновидный фельдмаршалъ не могъ не предвидѣть, что непріятельская армія будетъ уходить изъ Смоленска по прежней извѣстной ей дорогѣ на Красный, имѣя всѣ основанія избѣгать новыхъ проселочныхъ путей.

Въ это время онъ писалъ о своихъ намѣреніяхъ Милорадовичу: «въ настоящее время выгоднѣйшій путь дѣйствій главной арміи есть тотъ, который, перерѣзавъ дорогу изъ Ельни въ Дорогобужъ, выходитъ на дорогу, ведущую отъ Ельни въ Смоленскъ, а потомъ, оставя Смоленскъ вправо, пролегаетъ на Красный къ Оршѣ. Избравъ сей путь, мы пріобрѣтаемъ слѣдующія выгоды: во-первыхъ, можемъ достигнуть города Орши кратчайшимъ путемъ и переправясь только одинъ разъ черезъ Днѣпръ у сего города, между тѣмъ какъ непріятель будетъ принужденъ переправляться три раза, именно: при Соловьевѣ, Смоленскѣ и Оршѣ; во-вторыхъ, двигаясь по этому направленію, сближаемся съ краемъ, изъ котораго идутъ запасы къ нашимъ войскамъ». [1]

Руководствуясь такими соображеніями, Кутузовъ хотѣлъ стянуть къ главной арміи возможно больше силъ. Онъ считалъ достаточнымъ для преслѣдованія непріятеля оставить въ тылу его одного Платова, а Милорадовича нашелъ нужнымъ снова поставить въ авангардѣ главной арміи, при направленіи ея съ Ельни на Красный. Поэтому онъ предписалъ Милорадовичу преслѣдовать непріятеля лишь за Дорогобужъ, а затѣмъ, не доходя селенія Михайловки, спуститься на югъ съ большой дороги и идти на соединеніе съ главной арміей. Согласно этому приказанію, Милорадовичъ

---

[1] Повелѣніе Милорадовичу отъ 26 октября, № 347.

27 октября за Дорогобужемъ свернулъ съ большака и двинулся на Касково, прибывъ на слѣдующій день, 28 октября, въ Алексѣево. Въ этотъ же день наша главная армія имѣла дневку въ городѣ Ельнѣ, куда вступилъ Кутузовъ съ главной квартирой наканунѣ, 27 октября.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Отступленіе черезъ Смоленскъ къ Красному.

На обратномъ пути слѣдованія Наполеонъ вступилъ въ Смоленскъ во главѣ своей гвардіи 28 октября. На послѣднемъ переходѣ морозъ въ 12 градусовъ при сильномъ вѣтрѣ настолько затруднялъ передвиженіе на лошадяхъ, которыя къ тому же безпрестанно падали по скользкой дорогѣ, что императоръ французовъ вынужденъ былъ идти пѣшкомъ нѣсколько верстъ. За нимъ покорно слѣдовала вся свита въ пѣшемъ строю. При вступленіи въ самый городъ приходилось одолѣвать чрезвычайныя трудности пути. Подъемъ на Соборную гору представлялъ собою сплошь отполированную десятками тысячъ ногъ зеркальную поверхность, каждый шагъ по которой надо было брать съ героическими усиліями сохранить равновѣсіе. При этомъ подъемѣ происходили траги-комическія сцены. Одни шли на носкахъ, другіе употребляли на ходу всевозможныя тѣлодвиженія, уподобляясь малымъ дѣтямъ, которые учатся ходить; одинъ старый офицеръ пробовалъ проползти на четверенькахъ.[1] При всѣхъ этихъ попыткахъ одолѣть ледяную гору многіе получили сильные ушибы. Наполеонъ со своей свитой изъ генераловъ, одѣтыхъ въ теплые фризовые сюртуки, всходилъ на гору пѣшкомъ. Онъ появился въ стѣнахъ Смоленска въ собольей

---

[1] Записки маркиза Пасторе о войнѣ 1812 г., Рус. Арх., 1900 г., № 2 (Mémoires sur la Russie). Штейнъ, «Воспоминанія Вюртембергскаго офицера полковника фонъ Зукова» «Ист. Вѣст.», 1901 г., іюль.

шубѣ и шапкѣ польскаго покроя, крытыхъ зеленымъ бархатомъ. За нимъ тащилась карета, запряженная четверкою въ рядъ; спереди и сзади кареты были привязаны ржаные снопы. Снопы эти служили, вѣроятно, защитой отъ холода. Наполеонъ переживалъ чрезвычайно мрачное настроеніе, для чего было много причинъ. Въ самый день своего прибытія въ Смоленскъ онъ получилъ рядъ неблагопріятныхъ извѣстій. Ожеро положилъ оружіе въ Ляховѣ, вице-король разбитъ при переправѣ черезъ Вопь, Витебскъ занятъ русскими войсками. Особенно его разстроило то обстоятельство, что въ Смоленскѣ не было заготовлено достаточнаго количества продовольственныхъ запасовъ для арміи. Донесеніе объ этомъ привело его въ состояніе такого гнѣва, что онъ отдалъ приказаніе, впослѣдствіи отмѣненное, разстрѣлять комиссара Сіова. Дѣйствительно, недостатокъ продовольствія въ Смоленскѣ довершалъ разстройство боевыхъ силъ. Сюда собиралась уцѣлѣвшая армія въ состояніи самой тягостной нужды. Многія войсковыя части приходили въ такомъ ужасномъ видѣ, что оставленный въ Смоленскѣ французскій гарнизонъ не могъ признать въ нихъ свое бывшее доблестное воинство. Солдаты закутаны въ шубы, женскіе салопы, въ разноцвѣтныя шерстяныя и шелковыя матеріи, обернуты въ платки и тряпки. «Лица черныя, закоптѣлыя; глаза красные, впалые; словомъ, нѣтъ въ нихъ и подобія солдатъ, а болѣе похожи на людей, убѣжавшихъ изъ сумасшедшаго дома». [1] Такое впечатлѣніе производили они на встрѣчавшихъ ихъ въ Смоленскѣ соотечественниковъ.

Днемъ и ночью шли полки за полками, нуждаясь и требуя отдыха и провіанта. Но ни того, ни другого они не могли получить. Было отдано распоряженіе, чтобы войска не вступали въ городъ, а расположились внѣ его, ожидая доставленія провіанта изъ смоленскихъ магазиновъ. Между тѣмъ распредѣленіе провіанта производилось медленно и несправедливо. Прежде всего, по распоряженію Наполеона, провіантъ выдавался гвардіи на двѣ недѣли заразъ, а уже затѣмъ всѣмъ прочимъ войскамъ. Такимъ образомъ, пока производилась затянувшаяся раздача продовольствія гвардіи, другія войска, между прочимъ корпуса Даву и вице-короля, принужде-

[1] Z. V. Puibusque, «Lettres sur la guerre de Russie».

НАПОЛЕОНЪ

Смоленскія стѣны

ны были двое сутокъ вовсе оставаться безъ хлѣба. При такихъ распорядкахъ происходили насилія и грабежи. Въ концѣ концовъ, по словамъ секретаря Наполеона, «раздача провіанта была ни что иное, какъ продолжительный грабежъ».[1] Голоду и отчаянію не могли противостоять никакія распоряженія и строгости. Вскорѣ весь городъ наполнился толпами обезумѣвшихъ отъ голода солдатъ, отсталыхъ, безоружныхъ и мародеровъ, которые съ животнымъ остервененіемъ набрасывались на всякую пищу, убивая другъ друга изъ-за куска хлѣба и горсти муки. Завѣдывавшій раздачею провіанта французскій офицеръ былъ въ полномъ отчаяніи, подвергаясь ежеминутной опасности быть убитымъ, хотя его день и ночь охранялъ вооруженный караулъ.[2] Даже офицеры выламывали окна въ его квартирѣ, прося утолить ихъ голодъ. Нѣмецкіе и итальянскіе офицеры, бывшіе въ караулѣ у винныхъ магазиновъ, разбивъ двери, перепились и затѣяли драку; за ними перепились солдаты. Оставленные внѣ города войска въ одну ночь на 29 октября зарѣзали и съѣли 210 лошадей. Положеніе арміи было поистинѣ ужасное. Въ краткое свое пребываніе въ Смоленскѣ голодныя войска не имѣли пристанища. Въ 18° мороза они стояли биваками на голомъ снѣгу среди выгорѣвшихъ строеній. И вотъ, на одномъ изъ такихъ бивакovъ 1 ноября при грохотѣ пушекъ, возвѣщавшихъ о приближеніи къ Смоленску русскаго войска, несчастнымъ воинамъ непріятельской арміи раздавались присланные изъ Франціи знаки отличія «за славные дни Смоленска и Валутиной Горы».

О томъ жалкомъ состояніи, въ которомъ непріятельская армія собиралась въ Смоленскъ, свидѣтельствуетъ донесеніе начальника главнаго штаба маршала Бертье, составленное за день до вступленія Наполеона въ Смоленскъ. Черновикъ этого донесенія, исправленный рукою самого Бертье, былъ перехваченъ нашими казаками. Въ немъ говорится: «Долгомъ поставляю донесть Вашему Величеству о состояніи корпусовъ, осмотрѣнныхъ мною на маршѣ

---

1 Fain, «Manuscrit de 1812».

2 «Lettres sur la gueure de Russie en 1812»... par Z.V. de Puibusque. Переводъ: Сынъ Отеч., 1827.. Ч. II «Пребываніе фран. арміи въ Смоленскѣ на возвратномъ пути изъ Москвы 1812»; В. И Грачевъ, «Письма фран. офиц. изъ Смоленска въ 1812 году».

въ послѣдніе три дня. Они почти въ совершенномъ разбродѣ. Только четвертая часть солдатъ остается при знаменахъ; прочіе идутъ сами по себѣ разными направленіями, стараясь сыскать пропитаніе и избавиться отъ службы. Всѣ думаютъ только о Смоленскѣ, гдѣ надѣются отдохнуть. Въ послѣдніе дни много солдатъ побросали патроны и ружья. Какія ни были бы Ваши дальнѣйшія намѣренія, но польза службы Вашего Величества требуетъ собрать корпуса въ Смоленскѣ, и отдѣлить отъ нихъ спѣшенныхъ кавалеристовъ, безоружныхъ, лишніе обозы и часть артиллеріи, ибо она теперь не въ соразмѣрности съ числомъ войскъ. Необходимо продовольствіе и нѣсколько дней покоя; солдаты изнурены голодомъ и усталостью; многіе умерли на дорогѣ и на бивакахъ. Такое бѣдственное положеніе безпрестанно усиливается и подаетъ опасеніе, что если скоро не отвратимъ его, то не будетъ у насъ войскъ въ сраженіи».

Во время своего пребыванія въ Смоленскѣ Наполеонъ старался, насколько возможно было, привести въ порядокъ свою разстроенную армію. Особаго вниманія заслуживала кавалерія, которая являлась главнымъ разсадникомъ безпорядковъ. Безлошадные кавалеристы во множествѣ оставляли свои знамена, и спеціально занимались мародерствомъ, внося деморализацію въ ряды арміи. Наполеонъ приказалъ отдѣлить безлошадныхъ кавалеристовъ и приспособить ихъ къ пѣшему строю, снабдивъ ружьями. Такимъ образомъ, изъ 4-хъ резервныхъ корпусовъ когда-то блестящей кавалеріи былъ составленъ одинъ кавалерійскій отрядъ въ количествѣ до 5 тыс. лошадей, подъ начальствомъ командира 4 кавалерійскаго корпуса графа Латуръ-Мобура. Артиллерія уже утратила множество орудій и, за недостаткомъ лошадей, артиллеристы кромѣ того вынуждены были топить въ Днѣпрѣ свои пушки. Въ распоряженіи непріятеля оставалось всего до 250 орудій, которыя къ тому же могли передвигаться только по ровной мѣстности, въ виду полнаго истощенія лошадей.

Наполеонъ оставался въ Смоленскѣ четыре дня, поджидая прибытія изъ Духовщины вице-короля и войскъ, подходившихъ отъ Соловьевой переправы. Далѣе оставаться въ Смоленскѣ не было возможности, какъ въ виду отсутствія продовольствія, такъ и вслѣдствіе необезпеченія тыла и возможности прегражденія пути отсту-

Маршалъ ДАВУ

Маршалъ ЖЮНО

Маршалъ НЕЙ

Князь ПОНЯТОВСКІЙ

пленія изъ Россіи. Надо было торопиться. Съ прибытіемъ вице-короля, въ Смоленскѣ сосредоточился весь остатокъ дѣйствующей на главномъ театрѣ войны непріятельской арміи, за исключеніемъ корпуса Нея, составлявшаго аріергардъ. Ему приказано было отступать шагъ за шагомъ, задерживая наступленіе къ Смоленску нашихъ войскъ отъ Соловьевой переправы. Вся непріятельская армія достигала въ Смоленскѣ всего до 50 тыс. чел. всѣхъ родовъ оружія. За ней тащилась 30 тысячная толпа безоружныхъ и больныхъ. Поднялись всѣ, кто только могъ передвигать ноги. Эта незначительная армія была еще болѣе ослаблена въ своемъ отступленіи, слѣдуя отдѣльными эшелонами, которые двигались въ разстояніи дневного перехода одинъ отъ другого.

Выступленіе изъ Смоленска по краснинской дорогѣ началось съ 31 октября. Тронулся головной эшелонъ арміи въ числѣ 800 чел. польскаго войска подъ начальствомъ генерала Заіончека, замѣнившаго больного князя Понятовскаго. За нимъ изъ Смоленска выступили: Жюно со своими вестфальцами, всего въ числѣ 700 чел., гвардейская артиллерія, парки, безлошадные кавалеристы и обозы. Одинъ изъ очевидцевъ говоритъ, что особо жалкое зрѣлище представляли кирасиры безъ кирасъ, въ тяжелыхъ ботфортахъ и съ чемоданами за плечами. 1 ноября выступила дивизія Клапареда съ такъ называемыми трофеями, казною и обозомъ главной квартиры; по дорогѣ она опередила вестфальцевъ. Наконецъ, на разсвѣтѣ 2 ноября, предшествуя императору, маршалъ Мортье повелъ двѣ дивизіи молодой гвардіи—Роге и Делаборда; въ 9 час. утра послѣдовало выступленіе самого Наполеона во главѣ старой гвардіи. Къ вечеру 2 ноября вся гвардія, вмѣстѣ съ главной квартирой, собралась въ Карытнѣ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ.

Оставшійся въ Смоленскѣ вице-король 2 ноября былъ извѣщенъ пушечной пальбою объ опасности, угрожающей дивизіи Брусье, оставленной имъ на высотахъ праваго берега Днѣпра; онъ отправился туда со своей свитой. Оказалось, что казаки вытѣснили Брусье съ его позиціи. Вице-король ввелъ въ дѣло стоявшую въ резервѣ итальянскую гвардію, вслѣдствіе чего Брусье получилъ возможность удержаться на занятыхъ имъ высотахъ праваго берега, прикрывъ переправу черезъ мостъ обозовъ своего корпуса.

Въ этотъ день былъ такой сильный морозъ, что, при построеніи непріятелей къ бою, въ ихъ рядахъ упало 30 итальянскихъ гренадеръ, отморозившихъ себѣ руки и ноги. На слѣдующій день, 3 ноября, вице-король покинулъ Смоленскъ, ведя въ Красный всѣ свои войска въ числѣ до 5 тыс. чел. и къ вечеру прибылъ на ночлегъ въ дер. Лубню.

Маршалъ Даву получилъ приказаніе, оставаясь въ Смоленскѣ, поддержать Нея и затѣмъ выступить совмѣстно съ смоленскимъ гарнизономъ генерала Шарпантье. Послѣ ухода молодой гвардіи, онъ переправилъ дивизіи своего корпуса черезъ Днѣпръ, расположивъ ихъ въ южныхъ предмѣстьяхъ Смоленска и подгородныхъ селеніяхъ; на правомъ берегу осталась лишь одна дивизія Рикара, которая должна была поддерживать Нея, бывшаго еще за 15 вер. отъ Смоленска. По прибытіи корпуса Нея, маршалъ Даву выступилъ изъ Смоленска 4 ноября и къ вечеру расположился съ головной дивизіей на бивакахъ въ 4 вер. за селеніемъ Корытнею; прочія дивизіи двигались одна за другой съ промежутками до 2 вер. Послѣднимъ и прибылъ въ Смоленскъ и оставилъ его 3-ій корпусъ маршала Нея. Войска этого корпуса, придя въ Смоленскъ 3 ноября пополудни, нашли продовольственные магазины совершенно пустыми, такъ какъ солдаты Даву уже успѣли ихъ разграбить. Въ тотъ же день Нею пришлось выдержать бой съ казаками. Платовъ, слѣдуя за нимъ по пятамъ, приблизился къ городу и рѣшился овладѣть Петербургскимъ предмѣстьемъ. Онъ приказалъ полковнику Кайсарову съ 20-мъ егерскимъ полкомъ и съ сотней казаковъ, спѣшенныхъ и разсыпанныхъ въ стрѣлки, атаковать это предмѣстье. Въ то же время пошелъ въ атаку и генералъ Мартыновъ съ 4-мя казачьими полками. Обѣ атаки были отбиты, а выдвинутая на ближайшей высотѣ непріятельская батарея изъ 8 орудій поражала наши войска. Тогда Платовъ, введя въ дѣло свою артиллерію, и усиливъ атакующія войска, приказалъ повторить атаки. Онъ послалъ въ подкрѣпленіе Кайсарова 1-ый егерскій полкъ, спѣшенныхъ казаковъ, а также Черниговскій и Новороссійскій драгунскіе полки; а въ поддержку Мартынова направилъ генерала Кутейникова 2-го съ казаками. На этотъ разъ столь рѣшительныя атаки удались: непріятель былъ сбитъ съ высотъ и, потерявъ всѣ 8 орудій, отступилъ въ городъ на другую сторону Днѣпра.

Евгеній БОГАРНЕ,
вице-король Итальянскій

МЮРАТЪ,
король Неаполитанскій

Маршалъ МОРТЬЕ

Маршалъ БЕРТЬЕ

Оставаясь въ городѣ, Ней имѣлъ спеціальныя порученія. Ему предписано было сжечь, уничтожить или испортить все, чего нельзя было увезти съ собой: артиллерію, ружья, обозы, а также взорвать башни и стѣны города, для чего въ разныхъ мѣстахъ уже были подведены мины. Ней старался со всею тщательностью оправдать оказанное ему довѣріе, и весь день 4 ноября приводилъ въ исполненіе возложенное на него порученіе. Когда въ 8 ч. вечера онъ получилъ депешу о пораженіи на краснинскомъ большакѣ вице-короля и объ опасномъ положеніи Даву, онъ сказалъ окружающимъ, что «казаки не заставятъ его отступить отъ полученныхъ имъ инструкцій». Ней воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ оставаться въ Смоленскѣ до 5 ноября, если не успѣетъ довершить дѣло разоренія. Съ непреклонной энергіей онъ довершалъ это дѣло до послѣдняго момента своего пребыванія въ Смоленскѣ. Все, что можно было уничтожить, было уничтожено. Въ 2 час. пополуночи 5 ноября маршалъ Ней, наконецъ, покинулъ Смоленскъ, уведя оттуда послѣднія непріятельскія войска. Онъ выступилъ съ остатками своего корпуса и съ дивизіей Рикара изъ корпуса Даву, оставленной ему въ поддержку. Общая численность войскъ Нея достигала 8 тысячъ челов. пѣхоты и 300 конницы при 12 орудіяхъ. Кромѣ того, до 7 тысячъ безоружныхъ, отсталыхъ и больныхъ сопровождали Нея, затрудняя его движеніе. Въ Смоленскѣ было брошено безъ всякаго призрѣнія около 5 тыс. больныхъ и раненыхъ, для которыхъ не оставлено даже провіанта. Ночное отступленіе Нея освѣщалось заревомъ пылавшаго Смоленска и сопровождалось оглушительными взрывами городскихъ башенъ и стѣнъ.

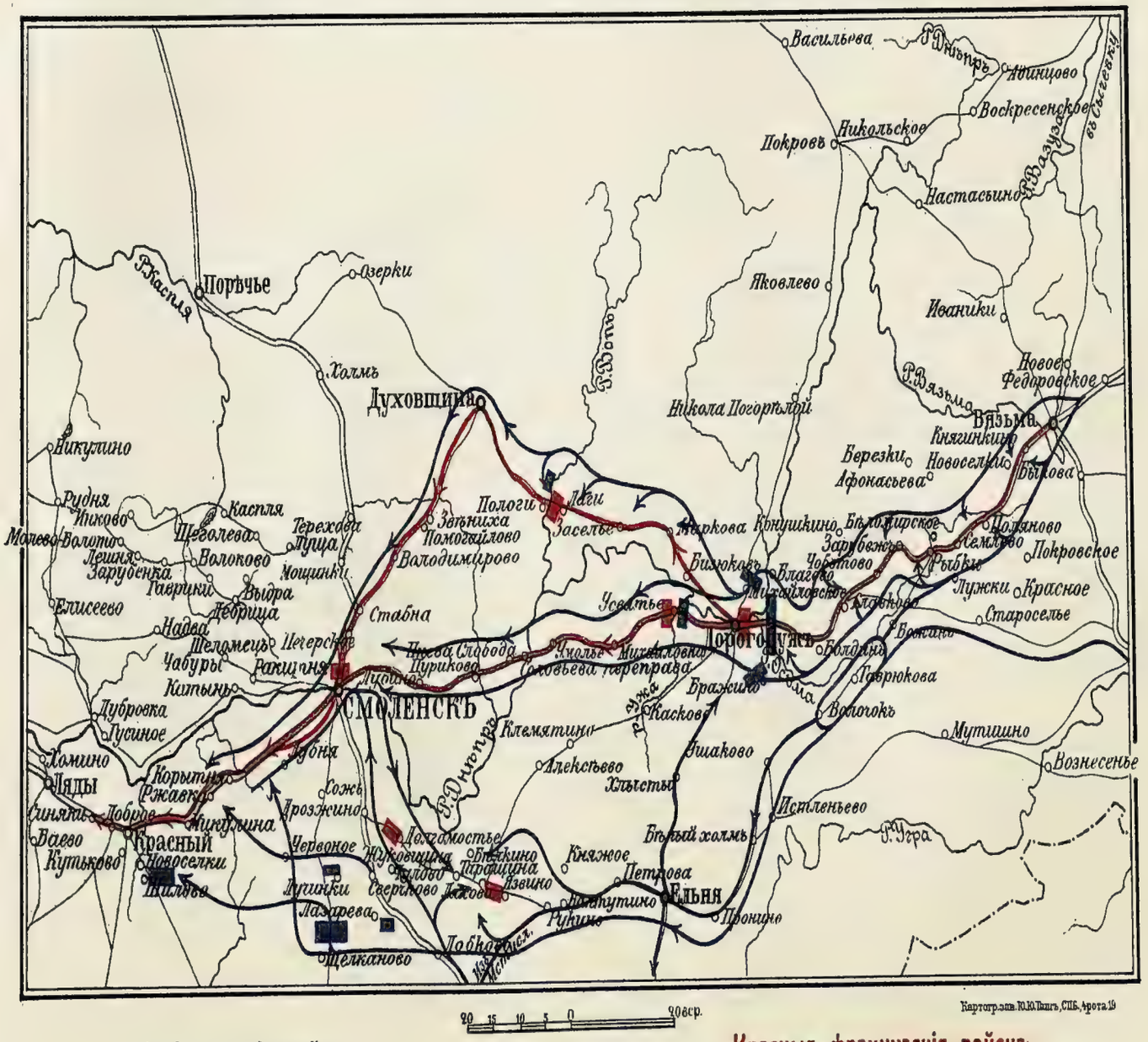
Во время 4-хъ дневнаго пребыванія Наполеона въ Смоленскѣ, наша главная армія продолжала свое движеніе параллельно большой смоленской дороги на Красный. Послѣ дневки въ Ельнѣ, Кутузовъ 29 октября перешелъ въ Балтутино; на слѣдующій день, 30 октября, главная квартира нашей арміи была переведена на рославльскую дорогу въ село Лобково, а впереди нея по той же дорогѣ у села Сверчкова расположился уже Милорадовичъ, спустившись туда изъ Алексѣева черезъ Ляхово. Въ этотъ же день 30 октября полковникъ Бистромъ, съ 2-мя баталіонами лейбъ-гвардіи егерскаго полка, эскадрономъ кирасиръ Его Величества и сотней тульскихъ казаковъ,

захватилъ въ селѣ Клемятинѣ большой непріятельскій магазинъ и 1300 плѣнныхъ. Другой магазинъ былъ захваченъ въ селѣ Княжемъ.

1 ноября Кутузовъ перешелъ съ рославльской дороги изъ села Лобково на краснинскую дорогу въ село Щелканово и выровнялся съ Наполеономъ, находившимся въ Смоленскѣ, ставъ съ нимъ на одной высотѣ. Сѣвернѣе Щелканово въ его окрестностяхъ расположилась вся наша главная армія; 4-ый пѣхотный корпусъ графа Остермана и 2-ой кавалерійскій барона Корфа стали у селенія Лучинки, чтобы прикрывать армію со стороны Смоленска; 4-ый кавалерійскій корпусъ Васильчикова, совершившій въ авангардѣ весь этотъ походъ и чрезвычайно утомленный, остался въ Лазаревой для ковки лошадей. Легкіе отряды графа Ожаровскаго и графа Орлова-Денисова были высланы впередъ на краснинскую дорогу для наблюденія за этимъ главнѣйшимъ путемъ непріятельскихъ сообщеній. Милорадовичъ, въ составѣ 2-го и 7-го пѣхотныхъ и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, былъ на маршѣ изъ села Сверчкова Смоленскаго уѣзда въ село Червонное Краснинскаго уѣзда. Въ одинъ и тотъ же день 2 ноября выступили къ Красному—Наполеонъ изъ Смоленска, а Кутузовъ изъ Щелканова. Въ этотъ день наши главныя силы двинулись изъ Щелканова на Юрово и Волково, а Милорадовичъ получилъ приказаніе идти къ Рогайлову, а затѣмъ выйти на большую дорогу у дер. Ржавки и отрѣзать непріятелю отступленіе. Послѣ дневки у Волково, Кутузовъ направился къ Красному и, не доходя до него 4 вер., расположился лагеремъ между дер. Новоселками и Шиловой. При Новоселкахъ сталъ корпусъ графа Строганова и 2-ая кирасирская дивизія; позади—корпуса Дохтурова и Бороздина 1-го, а въ резервѣ—гвардія съ 1-ой кирасирской дивизіей. Сообщеніе между главной арміей и авангардомъ Милорадовича поддерживалъ отрядъ Бороздина 2-го, которому былъ врученъ и отрядъ заболѣвшаго графа Орлова-Денисова.

Карта

движеній войскъ отъ Вязьмы на Красный.



Синія—русскія войска

Красныя—французскія войска

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Краснинскіе бои.

Оставленіе непріятелемъ предѣловъ Смоленской губерніи, послѣ очищенія имъ города Смоленска, сопровождалось 6-ти дневными боями на территоріи Краснинскаго уѣзда. Ни единый день слѣдованія непріятеля по этому уѣзду не проходилъ безъ боя, и не напрасно одинъ изъ современниковъ писалъ, что краснинскія «поля были красными отъ крови».

1 ноября графъ Орловъ-Денисовъ, слѣдуя впереди авангарда вмѣстѣ съ партизаномъ Сеславинымъ, взяли въ плѣнъ болѣе тысячи человѣкъ и захватили табунъ лошадей и гуртъ рогатаго скота, а также цѣлый обозъ въ 400 телѣгъ съ провіантомъ и виномъ. Далѣе, у села Червоннаго они напали на польскій отрядъ подъ командой Заіончека и сбили его на проселочную дорогу черезъ дер. Волково къ Красному, при чемъ отрядъ этотъ потерялъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Другой нашъ передовой отрядъ Ожаровскаго на разсвѣтѣ 2 ноября занялъ городъ Красный, вытѣснивъ оставленный тамъ съ августа мѣсяца французскій гарнизонъ въ составѣ одного баталіона, и захватилъ много добычи. Но въ тотъ же день къ Красному подошла изъ Смоленска дивизія молодой гвардіи Клапареда. Она съ превосходными силами атаковала Ожаровскаго, который отступилъ за 3 вер. отъ Краснаго къ дер. Кутьково.

Милорадовичъ, получивъ приказаніе отрѣзать на большой краснинской дорогѣ непріятелю путь отступленія отъ Смоленска, 3 ноября въ 4 ч. дня вышелъ съ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ Раевскаго къ дер. Ржавкѣ и развернулъ свои войска параллельно большаку, южнѣе его. Въ это время по большой дорогѣ проходила непріятельская колонна численностью до 12 тыс. человѣкъ. Милорадовичъ ограничился канонадою по отступающему непріятелю; онъ не рѣшился встать на пути отступленія колонны, такъ какъ значительная часть его отряда, достигавшая до 16 тыс. человѣкъ, еще не прибыла на мѣсто дѣйствія. Только когда большая часть колонны уже миновала нашу позицію, Милорадовичъ послалъ на

большую дорогу полковника Гогеля съ 5-мъ егерскимъ полкомъ и нѣсколько эскадроновъ лейбъ-гусаръ; отрядъ этотъ атаковалъ задніе ряды непріятельской колонны и захватилъ 5 орудій и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Впослѣдствіи оказалось, что въ этой колоннѣ самъ Наполеонъ велъ свою старую гвардію.

Въ это же время правѣе 7-го корпуса слѣдовалъ 2-ой корпусъ, также входившій въ составъ авангарда Милорадовича. Во главѣ его шелъ принцъ Евгеній Вюртембергскій со своей дивизіей. Онъ увидалъ огромный непріятельскій обозъ, двигавшійся подъ прикрытіемъ отряда войскъ, который былъ окруженъ толпой безоружныхъ и отсталыхъ людей. Есть основаніе полагать, что въ этомъ отрядѣ, слѣдовавшемъ за императорской гвардіей, отступали остатки 12 дивизіи Маршана съ уцѣлѣвшими у нихъ орудіями. Отрядъ направлялся отъ Карытни къ Красному, прикрываясь двойнымъ рядомъ березъ, окаймлявшихъ большую дорогу. Принцъ Евгеній напалъ на непріятельскій отрядъ, открывъ по немъ канонаду изъ 28 орудій, привелъ въ полное замѣшательство и разсѣялъ его. Отступающихъ непріятелей бросился преслѣдовать генералъ Юрковскій съ Елисаветградскими и Сумскими гусарами и отбилъ еще 6 орудій. Въ этотъ день было захвачено 2 тысячи плѣнныхъ и 11 орудій. Къ ночи 3 ноября Милорадовичъ, оставя на большой дорогѣ казачій отрядъ генерала Юрковскаго, свелъ свои войска въ сторону за 4 вер. и расположился на ночлегъ въ дер. Угрюмовѣ. Присутствовавшій при дѣлѣ 3 ноября генералъ Ермоловъ доносилъ главнокомандующему о результатѣ его въ слѣдующихъ словахъ: «сопротивленіе было самое слабое; все бѣжитъ въ ужасѣ и страхѣ».

Вечеромъ 3 ноября шедшій въ авангардѣ маршалъ Жюно, пройдя черезъ Красный, расположился по дорогѣ въ Ляды въ дер. Синяки; въ тотъ же день въ Красный прибылъ Наполеонъ и поставилъ у города на биваки молодую, а въ самомъ городѣ старую гвардіи. Поздно ночью добрались до города и остатки отряда, разбитаго принцемъ Евгеніемъ. Красный, который почти всѣ французскіе писатели неизмѣнно называютъ деревушкой, показался на этотъ разъ непріятелю обѣтованной землей: здѣсь нашли они дома, гдѣ можно было на ночь укрыться отъ холода, и церковь, изъ которой сдѣлали госпиталь, а также немного муки для солдатъ. Въ

Между Корытней и Краснымъ 3 ноября

этотъ вечеръ наши войска не тревожили непріятеля, и въ Красномъ было получено извѣстіе о взятіи въ плѣнъ нѣсколькихъ казаковъ. При этомъ извѣстіи король неаполитанскій Мюратъ воскликнулъ: «казаки взяты въ плѣнъ! ахъ бездѣльники! Да это навѣрно не казаки! Казаки не таковы, чтобы ихъ можно было взять въ плѣнъ». [1] Въ день своего вступленія въ Красный Наполеонъ, получивъ свѣдѣнія о присутствіи въ 4 вер. отъ города у дер. Кутькова русскаго отряда Ожаровскаго, приказалъ истребить его. Генералъ Роге съ дивизіей молодой гвардіи въ ночь съ 3 на 4 ноября напалъ на Ожаровскаго, который, потерявъ много людей, но отстоявъ свою артиллерію, отступилъ къ дер. Палкиной. Въ Красномъ Наполеонъ оказался отрѣзаннымъ отъ всѣхъ своихъ корпусовъ, которые не успѣли прибыть изъ Смоленска. Вице-король, Даву и Ней ожидались имъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

4 ноября былъ день, пагубный для корпуса вице-короля, который послѣ ночлега въ сельцѣ Лубнѣ тянулся по дорогѣ изъ Смоленска въ Красный. Въ этотъ день авангардъ Милорадовича сдѣлалъ фланговое движеніе къ селу Мерлину, гдѣ и оставался въ ожиданіи непріятеля со стороны Смоленска. Все утро прошло спокойно. Около 3 час. дня казаки донесли, что отъ Ржавки въ густыхъ колоннахъ показались войска вице-короля. Тогда Милорадовичъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ пріему непріятеля. Онъ, загородивъ дорогу, отрѣзалъ ему путь въ Красный, а параллельно большой дороги, южнѣе ея оставилъ Раевскаго съ дивизіей Паскевича. Найдя дорогу занятой, вице-король выстроилъ свои войска въ боевой порядокъ, распредѣливъ ихъ въ три колонны. Одну колонну онъ послалъ на правый флангъ Паскевича, другую двинулъ на проломъ по большой дорогѣ, а третью поставилъ въ резервѣ. [2] Но охваченный со всѣхъ сторонъ непріятель онъ всюду былъ опрокинутъ. Положеніе его было безнадежное, и Милорадовичъ послалъ полковника князя Кудашева съ требованіемъ сдачи корпуса.

---

1 Записки «Маркиза Пасторе о 1812 г.», Рус. Арх., 1900 г., № 12.

2 Свѣдѣнія и данныя, приведенныя объ этомъ дѣлѣ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, а также у Богдановича, Михайловскаго-Данилевскаго, принца Евгенія Вюртембергскаго, Бутурлина, Раевскаго и Ермолова, не согласуются между собой. Наиболѣе спорныя подробности опущены.

Однако, въ отвѣтъ на это вице-король рѣшился силою пробиться чрезъ наши войска. Онъ приказалъ генералу Брусье съ остатками 14-ой дивизіи, въ числѣ до тысячи человѣкъ съ 2-мя орудіями, идти въ атаку по большой дорогѣ; но Брусье, встрѣченный картечью, былъ опрокинутъ. Тогда генералъ Орнано повелъ остатки 13-ой дивизіи въ помощь Брусье, но, раненый, самъ упалъ замертво. Между прочимъ, вице-король замѣтилъ, что знаменитѣйшій во французской арміи 35-ый линейный полкъ изъ дивизіи Брусье атакованъ гусарами и находится въ очень опасномъ положеніи. Онъ немедленно послалъ состоявшаго при немъ (officier d'ordonnance) полковника Дельфанти съ баталіономъ пѣхоты на выручку этого полка. Дельфанти былъ два раза раненъ и затѣмъ убитъ ядромъ. Къ нему кинулся на помощь Виллебланшъ, но и ему ядромъ оторвало голову. Не суждено было бывшему смоленскому интенданту уйти изъ Смоленской губ.; такъ близко оказалось возмездіе. Оставшись безъ командира, баталіонъ Дельфанти впутался въ каре 35 полка и привелъ его въ разстройство. Пользуясь этимъ замѣшательствомъ, въ ряды полка врубился Давыдовъ съ Московскими драгунами, взялъ въ плѣнъ до 2 тыс. человѣкъ и командовавшаго полкомъ генерала Гейлигера, но главнѣйшимъ трофеемъ былъ взятый орелъ знаменитаго полка. Въ этомъ бою наглядно наблюдался любопытный примѣръ полнаго переутомленія людей и лошадей. Московскіе драгуны врубились въ средину непріятельской колонны, но лошади ихъ были настолько изнурены, что не могли двигаться и стали; а люди непріятельской пѣхоты оказались такъ измучены, что также стали, съ опущенными руками, не имѣя силъ двигать ими для защиты отъ непріятеля.

Въ этомъ дѣлѣ особенно пострадалъ 84-ый линейный полкъ изъ 13-ой дивизіи Дельзона. Отъ всего этого полка остался командиръ его, 8 офицеровъ и нѣсколько человѣкъ солдатъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ на большакѣ, вице-король кинулся вправо отъ дороги и, подъ покровомъ наступившей ночи, пробрался въ Красный, потерявъ до 2 тысячъ плѣнныхъ и всю свою артиллерію въ количествѣ 17 орудій. Такимъ образомъ, вице-королю все же удалось съ остатками своего корпуса, въ количествѣ до 3.500 чел., присоединиться къ императорской гвардіи. Поздно ночью

пришли въ Красный эти остатки грознаго корпуса вице-короля, вступившаго 5 мѣсяцевъ назадъ въ Россію въ составѣ 45 тыс. чел. Въ Красномъ была отведена квартира и полковнику разбитаго 84-го линейнаго полка. Въ этой квартирѣ на краю города въ убогой избѣ подъ соломенной крышей, шумѣвшей отъ вѣтра, произошла трогательная сцена торжества высокаго духа надъ измученнымъ тѣломъ, когда напряженнымъ чувствамъ военной доблести и служебнаго долга нѣтъ физической преграды. Прежде всего въ избу внесли полковое знамя съ орломъ, на которомъ значился девизъ «1 противъ 10»,—девизъ, данный полку послѣ славнаго похода 1809 года. Полковникъ, обратясь къ 8-ми уцѣлѣвшимъ офицерамъ, заявилъ, что при маломъ числѣ людей, оставшихся отъ полка, невозможно держать полковое знамя развернутымъ. Въ трогательныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ о заслугахъ полка; о томъ, что «нашъ славный орелъ сопровождалъ насъ, и подъ сѣнью его крыльевъ мы одерживали побѣды»; о томъ, что надо «позаботиться о сохраненіи императорскаго орла съ его славнымъ девизомъ». Полковникъ предложилъ снять орла съ древка и спрятать въ солдатскій ранецъ, который онъ самъ на себя надѣнетъ, а знаменемъ покроетъ грудь свою. Онъ закончилъ свою рѣчь словами: «Тогда вы будете постоянно меня окружать, зная, что я ношу на себѣ славу полка, и если меня убьютъ, вы тогда только меня покинете, когда возьмете у меня этотъ императорскій трофей». Предложеніе командира полка было немедленно приведено въ исполненіе. Одинъ изъ офицеровъ принесъ со двора ельнику со словами: «нашему орлу приличнѣе было бы покоиться на лаврахъ, но какъ здѣшній край не производитъ ихъ, то мы завернемъ его хотя въ вѣтки вѣчно-зеленаго дерева»[1].

Уцѣлѣвшій изъ корпуса вице-короля незначительный отрядъ былъ такъ разстроенъ, что уже не годился въ бой, и рано утромъ 5 ноября ушелъ къ Лядамъ.

Теперь всѣ заботы Наполеона были сосредоточены на судьбѣ остававшихся позади его корпусовъ Даву и Нея. Положеніе ихъ было въ высшей степени опасное. Въ сущности они были отрѣзаны силами всей русской арміи. Занявъ позицію въ Красномъ, Наполеонъ по-

---

[1] Де-ла-Флизъ, «Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 г.», Русск. Стар., 1891 г. сентябрь.

ставилъ себѣ задачей содѣйствовать скорѣйшему присоединенію этихъ корпусовъ къ своей гвардіи. Въ этихъ цѣляхъ ему надо было отвлечь вниманіе нашего войска отъ большой дороги, какъ мѣста слѣдованія ожидаемыхъ имъ корпусовъ. Поэтому Наполеонъ рѣшился перейти въ наступленіе противъ нашей главной арміи. Готовился къ сраженію и нашъ фельдмаршалъ. Съ обѣихъ сторонъ вечеромъ и въ ночь на 5 ноября были сдѣланы соотвѣтственныя распоряженія къ бою. Каждый изъ противниковъ составилъ себѣ опредѣленный планъ дѣйствій.

Наполеонъ, располагая, кромѣ славы мірового военнаго генія, всего 15 т. войска при 50 орудіяхъ, принялъ смѣлый планъ—напасть на главную нашу армію и тѣмъ вынудить Кутузова привлечь къ себѣ Милорадовича, загородившаго Даву и Нею путь отступленія по большой дорогѣ. Онъ вручилъ защиту Краснаго генералу Клапареду; приказалъ маршалу Мортье съ дивизіями молодой гвардіи утромъ 5 ноября двинуться изъ города по ельнинскому тракту къ деревнямъ Уварову и Воскресенью; старой гвардіи — занять позицію на большой дорогѣ, а гвардейской кавалеріи съ кавалерійскимъ отрядомъ Латуръ-Мобура—встать въ резервъ между старой и молодой гвардіей.

Кутузовъ съ своей стороны также рѣшилъ атаковать противника, но лишь послѣ того какъ получилъ ошибочное донесеніе объ уходѣ самого Наполеона съ гвардіей на Ляды. Очевидно, Наполеонъ не ошибся въ разсчетахъ на свою боевую славу, которая чаровала всѣхъ современниковъ. Теперь трудно даже приблизительно представить себѣ то магическое обаяніе имени Наполеона, которое кружило одинаково всѣ головы, и одинаково путало самые обдуманные замыслы и разсчеты всѣхъ современныхъ полководцовъ. Осторожный Кутузовъ долго не рѣшался загородить путь отступленія самому Наполеону. Его прежде всего интересовалъ вопросъ, гдѣ этотъ «баловень побѣдъ» съ своею чудесной гвардіей: стоитъ ли онъ въ Красномъ или прослѣдовалъ дальше? Изъ главной квартиры было предписано графу Ожаровскому изслѣдовать этотъ вопросъ; также было приказано партизану Сеславину «взять языка» [1] и разузнать,

[1] Захватить плѣннаго.

какія именно войска находятся подъ Краснымъ, «ибо безъ сего фельдмаршалъ не предполагаетъ атаковать непріятеля».[1] Послѣ того какъ Сеславинъ донесъ о выступленіи Наполеона изъ Краснаго, Кутузовъ и рѣшилъ 5 ноября перейти въ атаку. Онъ принялъ такой планъ: съ одной стороны, зайдя въ тылъ краснинской позиціи непріятеля къ дер. Доброй, отрѣзать ему путь отступленія на Ляды, а съ другой, не препятствуя Даву пройти изъ Смоленска къ Красному, занять его тылъ и, такимъ образомъ, поставить маршала между двухъ огней нашей арміи. Съ этой цѣлью онъ писалъ Милорадовичу, который еще съ ночи сдѣлалъ фланговое движеніе къ дер. Ларіоновой, гдѣ и всталъ возлѣ большой дороги: «При приближеніи непріятеля къ Красному, не тревожьте его въ маршѣ, но когда онъ васъ минетъ, поставьте его между вашимъ и нашимъ огнемъ, чтобы принудить его сдаться».[2]

Во исполненіе задуманнаго плана наша армія была раздѣлена на двѣ части. Большая часть, подъ начальствомъ Тормасова, замѣнившаго Багратіона послѣ его смерти, состояла изъ корпусовъ Дохтурова, Бороздина, гвардейскаго и 1-ой кирасирской дивизіи; меньшая была поручена князю Голицыну въ составѣ корпуса графа Строганова и 2-ой кирасирской дивизіи.

На 5 ноября была составлена такая диспозиція: Тормасовъ въ 7 ч. утра выступаетъ отъ дер. Шиловой черезъ деревни Зуньково, Сидоровичи, Кутьково и Сорокино къ Доброй; за часъ до его выступленія изъ Сидоровичей выдвигается авангардъ подъ командой барона Розена. Князь Голицынъ, заслоняя движеніе Тормасова, направляется изъ Новоселокъ на дер. Уварову прямо къ Красному. Графъ Остерманъ, подвигаясь отъ Кобызева влѣво на Карытню, посылаетъ кавалеристовъ во всѣ стороны къ смоленской и мстиславльской дорогамъ, дѣлая видъ, что намѣренъ атаковать непріятеля подъ Смоленскомъ, а въ дѣйствительности долженъ тѣснить ихъ съ тыла и гнать на нашу главную армію. Ожаровскій, дѣлая набѣги влѣво отъ Тормасова, выходитъ на большую дорогу между Краснымъ и Лядами къ дер. Синякамъ.

---

1 Предписанія отъ 4 ноября графу Ожаровскому за № 438 и гвардіи капитану Сеславину за № 442.

2 Повелѣн. Милорадовичу 5 ноября, № 445.

Рано поутру 5 ноября появился передъ своими войсками впереди Краснаго Наполеонъ. Онъ былъ пѣшкомъ, окруженный генералами главной квартиры, съ маршаломъ Бертье во главѣ; прочая свита на коняхъ стояла поодаль. Въ темнозеленой бекешѣ, подбитой соболемъ, и въ собольей шапкѣ, онъ опирался на березовую палку, чтобы увѣреннѣе держаться на скользкомъ пути. На замѣчаніе одного генерала, что онъ подвергаетъ себя большой опасности, Наполеонъ отвѣчалъ: «довольно я былъ императоромъ, пора стать генераломъ». [1] Онъ внимательно разсматривалъ нашу позицію. Впереди, между сливающимися здѣсь рѣчками Лосминой и Іокней, лежала дер. Уварова, а рядомъ съ ней по другую сторону Іокни дер. Воскресенье; Лосмина на сѣверѣ пересѣкаетъ въ 3 вер. отъ Краснаго большую дорогу, образуя крутой оврагъ. За Уваровой былъ уже на позиціи князь Голицынъ, который, занявъ эту деревню Черниговскимъ пѣхотнымъ полкомъ, готовился переправиться черезъ Лосмину и атаковать непріятеля. Въ это время Мюратъ приказалъ, стоявшему въ строю непосредственно за императоромъ, эскадронному командиру гвардейскаго легко-коннаго полка Хлоповскому слѣдовать за нимъ на рысяхъ со всѣмъ эскадрономъ. Остановясь невдалекѣ отъ дер. Уваровой и указывая на нее рукой, Мюратъ скомандовалъ: «Entrez dedans». Исполненіе этого безумнаго приказанія причинило эскадрону большой уронъ рѣшительно безъ всякой пользы для дѣла. Въ деревенской улицѣ намело цѣлые сугробы снѣга, въ которомъ лошади тонули по брюхо, а изъ дверей и оконъ избъ, изъ-за плетней и заборовъ русскіе стрѣлки открыли убійственный огонь, почти въ упоръ поражая людей эскадрона. Когда эскадронъ, послѣ безуспѣшной атаки, понеся значительный уронъ, возвратился на позицію, Наполеонъ назвалъ Мюрата «сумасбродомъ». [2] Дѣйствительно, Мюратъ совершенно не щадилъ ввѣренной ему кавалеріи и почти всю ее погубилъ въ кампанію 1812 г. Наполеонъ послалъ въ атаку на Уварову молодую гвардію, введя дополнительно въ первую ея линію голландскій гре-

---

[1] Chambray: «Histoire de l'expédition de Russie».

[2] «Воспоминанія ген. Хлоповскаго о войнѣ 1812 г.», пер. Военскаго, Вѣстн. Ин. Лит. 1902 г., октябрь.

надерскій полкъ и сводный кавалерійскій отрядъ Латуръ-Мобура. Эти войска развернулись передъ деревней почти параллельно большаку и тыломъ къ нему, имѣя правый флангъ впереди Краснаго, а лѣвый у кручи Лосминскаго оврага. Во второй линіи на большой дорогѣ стояла въ полковыхъ колоннахъ старая гвардія.

Въ помощь черниговцамъ, занимавшимъ дер. Уварову, князь Голицынъ выслалъ Селенгинскій полкъ и поддержалъ ихъ артиллеріей, расположенной на высотахъ праваго берега рѣки Лосмины. Бой разгорался все сильнѣе и сильнѣе; гранаты наши свистали все громче, ложились все ближе и обильнѣе, начавъ уже вырывать людей изъ строя непріятелей, несмотря на дальность выстрѣловъ артиллеріи. Одна граната упала близъ самого Наполеона. Онъ, по словамъ очевидца, пренебрежительно оттолкнулъ ее ногой и сказалъ: «давно уже не видѣлъ я ихъ у своихъ ногъ». Гранату эту взорвало, слегка осыпавъ императора снѣжною пылью.[1]

Пока шелъ Уваровскій бой, маршалъ Даву пробивался по большой дорогѣ отъ Смоленска къ Красному. Послѣ ночлега за Карытней, въ 3 ч. утра 5 ноября онъ двинулся къ Красному, ведя свои дивизіи непосредственно одна за другой въ полной готовности къ бою. Когда его головная колонна, численностью до 7.500 чел., около 9 ч. утра поровнялась съ авангардомъ Милорадовича, войска 2-го корпуса напали на нее и привели въ разстройство. Но въ это время Милорадовичъ остановилъ нападеніе: онъ подъѣхалъ къ принцу Евгенію Вюртембергскому и объяснилъ ему, что фельдмаршалъ запретилъ отрѣзывать непріятелю отступленіе. Пропустивъ Даву до дер. Еськовой, Милорадовичъ сталъ тѣснить его съ тыла, взявъ въ плѣнъ болѣе тысячи чел., захвативъ знамена и 15 орудій. Войска Даву ускорили маршъ и почти бѣжали къ Красному. Вскорѣ головная дивизія Даву перешла Лосмину и Наполеонъ двинулъ ее прямо съ похода въ первую линію противъ дер. Уварова, гдѣ кипѣлъ бой. Непріятель уже ворвался въ деревню. Тогда генералъ Дука обошелъ деревню съ лѣвой стороны и за стрѣлковой цѣпью поставилъ своихъ Новгородскихъ и Малороссійскихъ кирасиръ, которые

---

[1] Ibid.

прикрыли наступленіе нашей артиллеріи на лѣвый берегъ рѣчки. Въ это время полковникъ Никитинъ продвинулъ орудія впередъ по правому берегу Лосмины и поражалъ картечью отступавшія дивизіи Даву. Между тѣмъ, авангардъ Милорадовича, преслѣдуя Даву, вслѣдъ за нимъ приблизился къ мѣсту Лосминской битвы. Тогда князь Голицынъ, почитая свой правый флангъ обезпеченнымъ, перешелъ въ наступленіе. Онъ приказалъ оставить въ резервѣ на правой сторонѣ рѣки только одну бригаду гренадерской дивизіи, а весь остальной 3 корпусъ перевести на лѣвый берегъ Лосмины, установивъ здѣсь артиллерію. Во главѣ 3 корпуса перешли Лосмину Ревельскій и Муромскій полки съ 12-ью орудіями.

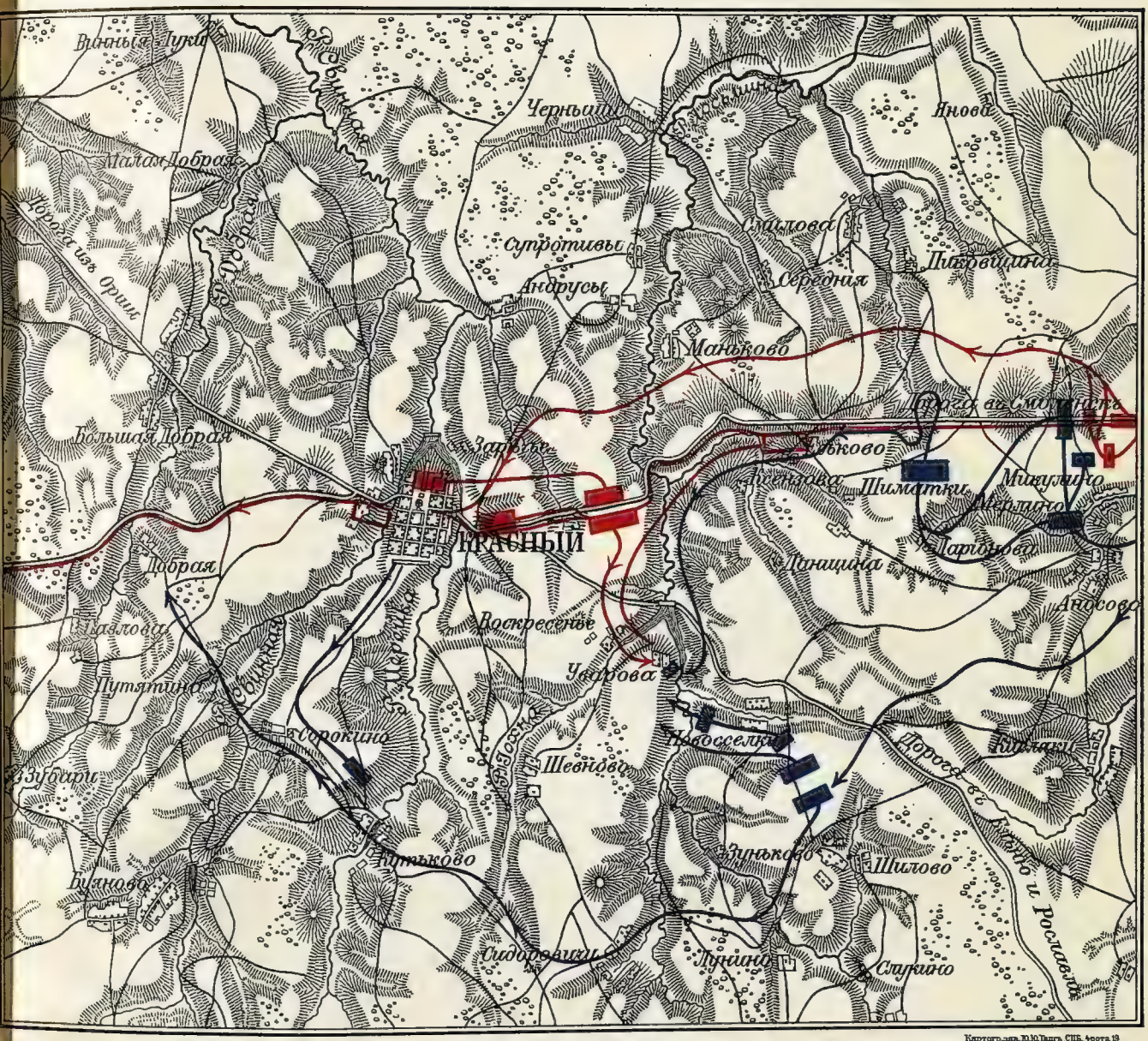
Во время битвы при р. Лосминѣ, одна за другой проходили черезъ Лосминскій оврагъ дивизіи Даву, которыя немедленно направлялись за Красный. Послѣ прихода послѣдней изъ этихъ дивизій подъ начальствомъ генерала Фридрихса, Наполеонъ отдалъ приказъ къ отступленію по всей боевой линіи. Но лишь только непріятель сталъ отходить отъ Лосмины, князь Голицынъ послалъ въ атаку на него кирасиръ. Отступавшихъ прикрывала небольшая возвышенность, которую поспѣшилъ занять прапорщикъ Панаевъ двумя орудіями легкой роты. Онъ произвелъ два картечныхъ выстрѣла и разстроилъ свернувшійся въ каре 1-ый вольтижерскій полкъ молодой гвардіи. Тогда на вольтижеровъ кинулся въ штыки князь Шаховской съ Ревельскимъ и Муромскимъ полками, а генералъ Дука съ Новгородскими и Малороссійскими кирасирами врубился въ ихъ ряды и довершилъ полное пораженіе. Изъ всего полка вольтижеровъ спаслись только взятый въ плѣнъ раненый командиръ его Піонъ и нѣсколько офицеровъ. Сохранился разсказъ, что въ этомъ дѣлѣ старый вахмистръ Новгородскихъ кирасиръ, раздосадованный неудачами предшествующихъ атакъ, на этотъ разъ прямо бросился на штыки непріятелей со словами: «Когда же нибудь надо кончить». [1] Убитый вахмистръ своимъ примѣромъ вдохновилъ товарищей.

Во время одерживаемой княземъ Голицынымъ побѣды начатое непріятелемъ отступленіе безостановочно продолжалось. Дивизія

---

[1] Рапортъ князя Голицына.

Планъ Краснинскихъ боевъ 4 и 5 ноября.



Синія—русскія войска

Красныя—французскія войска

Картогр. зав. Ю.Ю. Ташъ, СПБ. Арота 19

Фридрихса, занявъ Красный, получила приказаніе удерживаться въ городѣ и поступила въ аріергардъ. Всѣ остальныя войска начали отступательное движеніе по большой дорогѣ на Ляды къ Оршѣ: сперва прошелъ Кольберъ съ легкой кавалеріей, сопровождая обозъ императорской главной квартиры; затѣмъ отошла черезъ Красный въ густыхъ колоннахъ императорская гвардія, имѣя въ авангардѣ дежурные эскадроны. Впереди двумя колоннами шла старая гвардія; въ рядахъ ея гренадеровъ, окруженный главнымъ штабомъ, слѣдовалъ все время пѣшкомъ самъ императоръ; далѣе, маршалъ Мортье велъ молодую гвардію съ небольшимъ числомъ орудій; въ хвостѣ была гвардейская кавалерія. Тотчасъ по выходѣ изъ Краснаго непріятель увидалъ близъ большой дороги отрядъ казаковъ, который вскорѣ заскакалъ впередъ, готовый, повидимому, защищать дорогу. Въ это же время съ лѣвой стороны замаскированная наша батарея открыла огонь. Наполеонъ, съ палкой въ одной рукѣ и съ подзорной трубой въ другой, отдаетъ необходимыя распоряженія и вскорѣ очищаетъ путь отступленія, сохраняя полное хладнокровіе. По данному сигналу собираются офицеры и образуютъ кругъ. Императоръ обращается къ нимъ съ краткою рѣчью: «Господа», говоритъ онъ, «будь вы иные люди, будь вы сыны иного народа, я, можетъ быть, постарался бы разными способами возбудить вашу храбрость, или скрыть отъ васъ опасность. Но вы—французы. Взгляните же на ваше положеніе. Не мнѣ надо служить! Надо спасать насъ всѣхъ, спасать имперію—Францію! Опасность равно грозитъ всѣмъ намъ; соединимся всѣ, чтобы преодолѣть ее. Итакъ, господа, помните, что благо всѣхъ есть благо каждаго изъ насъ». Офицеры возвращаются въ ряды, разнося по войскамъ бодрость чудотворнаго воодушевленія. Стройно и величаво двигались гвардейцы. Въ синихъ шинеляхъ своихъ съ бѣлыми ремнями, красными султанами и эполетами, въ высокихъ косматыхъ медвѣжьихъ шапкахъ они представляли собой чрезвычайно живописное зрѣлище на бѣлоснѣжной пеленѣ пустынныхъ краснинскихъ полей. Это—послѣдніе представители боевой славы, уже схороненной въ снѣгахъ Россіи... и самый слѣдъ ихъ заносила мятель.

Угрюмо и стойко колонны валили одна за другой, отгоняя ружейными выстрѣлами провожавшихъ ихъ казаковъ. Онѣ съ суро-

вой рѣшимостью шагъ за шагомъ брали холодное пространство, отдѣлявшее ихъ отъ далекой родины. Она проводила ихъ могучими побѣдителями, а встрѣтитъ побѣжденными; она ожидала отъ нихъ славы, а получитъ позоръ. Такія мысли тяжело ударяли въ голову, склоняя ее ниже къ чужой, холодной землѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Краснинскіе бои.

(Продолженіе).

Общее отступленіе изъ подъ Краснаго непріятельской арміи 5 ноября было вызвано полученнымъ Наполеономъ извѣстіемъ о движеніи русскихъ силъ наперерѣзъ пути его отступленія къ дер. Доброй. Дѣйствительно, генералъ Тормасовъ, согласно разосланной диспозиціи, началъ свое обходное движеніе въ тылъ краснинской позиціи Наполеона. Но въ этомъ движеніи онъ неожиданно былъ остановленъ приказомъ фельдмаршала, который узналъ отъ одного краснинскаго жителя и отъ плѣнныхъ, что въ Красномъ находится самъ Наполеонъ съ гвардіей. Въ виду этого извѣстія, Кутузовъ не рѣшался преградить дорогу соединеннымъ силамъ наполеоновской арміи, тѣмъ болѣе что не имѣлъ еще точныхъ свѣдѣній о ея численности. Насколько Кутузовъ интересовался вопросомъ о мѣстѣ нахожденія Наполеона, свидѣтельствуетъ разсказъ о допросѣ имъ плѣннаго баварскаго капитана.[1] Во время битвы при Лосминѣ, когда привели плѣннаго, Кутузовъ сталъ разспрашивать его, кто командуетъ французскими войсками. Плѣнный капитанъ не могъ назвать имени командующаго, хотя видѣлъ его въ лицо. Тогда Кутузовъ началъ допрашивать, не имѣетъ ли командующій извѣстныхъ примѣтъ, при чемъ описывалъ примѣты

---

[1] Записки Ал. Ан. Щербинина.

Наполеона. На нѣкоторые такіе вопросы плѣнный отвѣчалъ утвердительно и Кутузовъ, обратившись къ окружающимъ, воскликнулъ: «C'est lui!» (это онъ!). Но затѣмъ на вопросъ: «не малаго-ли онъ роста?», плѣнный отвѣчалъ: «нѣтъ, онъ очень великъ!» тогда Кутузовъ съ увѣренностью сказалъ: «non ce n'est pas lui!» (Нѣтъ, это не онъ!). Вскорѣ, однако, онъ получилъ несомнѣнныя свѣдѣнія о пребываніи Наполеона въ Красномъ, и остановилъ движеніе Тормасова, чего не зналъ Наполеонъ. Кутузовъ не могъ не замѣтить, что окружавшіе его военоначальники, жаждавшіе побѣдъ и отличій, были недовольны такимъ распоряженіемъ. Тогда, какъ бы вскользь, онъ сказалъ: «За десятерыхъ французовъ не отдамъ я одного русскаго. Непріятели скоро всѣ пропадутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ за границу».

Продолжая свои наступательныя дѣйствія, князь Голицынъ около полудня окончательно сбилъ съ позиціи оставленный въ Красномъ непріятельскій аріергардъ. Его преслѣдовала наша кавалерія, а полковникъ Никитинъ, подъѣхавъ съ ротою своей артиллеріи, поражалъ его картечью. Нанеся непріятелю значительный уронъ, Никитинъ опередилъ кавалерію, построилъ своихъ канонировъ въ эскадронъ и гналъ французовъ по улицамъ черезъ городъ, при чемъ захватилъ 3 орудія. Князь Голицынъ свидѣтельствовалъ о Никитинѣ, что его «дѣятельность, храбрость и искусство превышали всякую похвалу». Гонимый по пятамъ, послѣдній непріятельскій отрядъ оставилъ Красный, но одна колонна его не успѣла пройти черезъ городъ. Будучи отрѣзана кирасирскими полками, Военнаго Ордена и Екатеринославльскимъ, подъ командой генерала Кретова, она понесла тяжкія потери.

Побѣды князя Голицына обнаружили слабость противника и побудили фельдмаршала приказать Тормасову продолжать свое обходное движеніе. Съ полученіемъ этого приказа, Тормасовъ немедленно перешелъ на маршъ и двинулъ свой авангардъ подъ командой барона Розена. Авангардъ шелъ въ шестирядныхъ колоннахъ по узкой тропѣ, утопая по колѣно въ снѣгу. Только въ сумерки выбрался онъ на большую дорогу къ деревнѣ Доброй. Но время было упущено. Дивизіи Даву и Наполеонъ съ гвардіей прошли уже къ Лядамъ, и только оставленная въ аріергардѣ дивизія Фридрихса,

послѣ своего пораженія Голицинымъ, подходила къ Доброй. Деревня эта горѣла и была загромождена непріятельскими пушками и обозами.

Прикрывшись стрѣлками и артиллеріей, авангардъ Розена съ барабаннымъ боемъ подошелъ къ селенію. Непріятель сомкнулъ колонны и пошелъ навстрѣчу нашему авангарду. Тогда кирасиры Его и Ея Величествъ понеслись въ атаку, но были отбиты. Гвардейскіе егеря пошли въ штыки, ихъ приняли баталіоннымъ огнемъ. Однако, отъ натиска егерей непріятель дрогнулъ и, давъ послѣдній залпъ, повернулъ обратно въ деревню, которая оказалась уже занятой лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ. Непріятель разсыпался, продолжая перестрѣлку, но вскорѣ побросалъ оружіе. Два французскіе полка въ полномъ разстройствѣ были отброшены въ лѣсъ къ Днѣпру, а 33-ій линейный полкъ, шедшій въ хвостѣ колоннъ, совершенно истребленъ.

Послѣ окончанія боя вышелъ на большую дорогу Тормасовъ и поставилъ свои корпуса на биваки между Доброй и Краснымъ фронтомъ къ Оршѣ; Милорадовичъ и князь Голицынъ, поджидая Нея, встали между р. Лосминой и Краснымъ, обратясь фронтомъ къ Смоленску; фельдмаршалъ перевелъ свою квартиру въ дер. Добрую, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. Въ теченіе вечера и ночи было взято въ плѣнъ множество непріятелей, которые въ одиночку и толпами бродили въ окрестностяхъ. Они подходили къ самымъ нашимъ бивакамъ, выпрашивая хлѣба; приходили въ Красный и, стучась въ окно, спрашивали: «не здѣсь-ли принимаютъ сдающихся въ плѣнъ?»

Въ сраженіяхъ 5 ноября непріятель потерялъ одними плѣнными болѣе 6 тысячъ человѣкъ; сверхъ того—45 орудій, 2 знамя и множество обоза. Въ числѣ добычи были захвачены маршалскій жезлъ Даву, его мундиръ и часть наполеоновской канцеляріи. Изъ числа этихъ трофеевъ маршалскій жезлъ Даву помѣщенъ въ Казанскомъ соборѣ, а мундиръ его достался, въ качествѣ военной добычи, прапорщикамъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка братьямъ Карповичамъ, которые отослали его своей матери въ Ярославль. Г-жа Карповичъ рѣшила украсить богатымъ шитьемъ этого мундира ризу священника въ своей приходской церкви. И вотъ, въ ризницѣ села Холма-Агарева, въ 35 вер. отъ Ярославля по направленію къ Москвѣ,

Жезлъ маршала Даву,
отбитый въ сраженіи при Красномъ 5 ноября

Французское знамя съ золотымъ орломъ 127 пѣхотн. полка, взятое въ сраженіи подъ Краснымъ

Французское знамя съ золотымъ орломъ 35 пѣхотн. полка, взятое въ сраженіи подъ Краснымъ

имѣется риза, отдѣланная чрезвычайно изящнымъ золотымъ шитьемъ, въ которомъ дубовые и лавровые листья чередуются съ причудливыми арабесками.[1]

Вечеромъ проѣзжая въ Добрую, Кутузовъ изумленъ былъ той картиной страшнаго пораженія непріятеля, которая всюду била въ глаза: поля усѣяны убитыми и ранеными непріятелями; дорога полна плѣнныхъ воиновъ союзной арміи, среди которыхъ виднѣлось не мало солдатъ и даже офицеровъ императорской гвардіи; вся мѣстность загружена брошенными и отбитыми орудіями, ящиками, фурами. Побѣда, и при томъ несомнѣнная и рѣшительная, настолько оживила престарѣлаго князя Кутузова, что онъ не могъ скрыть взволновавшихъ его чувствъ, и, впервые за все время кампаніи, пустилъ въ галопъ своего бѣлаго мекленбургскаго коня. Онъ, подскакавъ къ Преображенскому полку, указалъ рукою на отбитые трофеи и громко прокричалъ ура. Это «ура» могучей волной покатилось по рядамъ гвардіи и пошло гремѣть по другимъ частямъ ближайшихъ войскъ.[2] Въ теченіе вечера и ночи было взято въ плѣнъ множество непріятелей, бродившихъ въ окрестности.

Весь день 6 ноября былъ посвященъ маршалу Нею, получившему титулъ князя Московскаго, который оказался отрѣзаннымъ отъ всей наполеоновской арміи, и одинъ оставался еще въ предѣлахъ Смоленской губ. Слѣдуя въ аріергардѣ, Ней былъ совершенно брошенъ на произволъ судьбы и не могъ ожидать никакой помощи. Къ вечеру 5 ноября онъ прибылъ съ своими дивизіями къ Карытнѣ, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Изрѣдка кое-гдѣ показывались и безслѣдно исчезали сторожевые казаки, да отъ Краснаго были слышны звуки канонады: то шелъ Лосминскій бой. Послѣ ночлега въ Карытнѣ, Ней тронулся къ Красному около полудня 6 ноября.

О выступленіи Нея изъ Смоленска Кутузову было извѣстно по отбитымъ у непріятеля бумагамъ и по указаніямъ плѣнныхъ.[3] Поэтому были отданы нужныя распоряженія о встрѣчѣ аріергардnаго корпуса наполеоновской арміи. Но распоряженія эти свое-

---

1 Карповичъ Е. П. «Участь мундира маршала Даву въ Россіи» Ист. Вѣст. 1882 г. Январь.
2 «Записки Щербинина»; Харкевичъ «1812 годъ въ дневникахъ...» Вып. I, стр 48.
3 Леверъ «Обзоръ войны Россіи...» стр. 434.

временно не были получены, и потому долгожданный Ней подошелъ къ Красному довольно неожиданно. Когда его корпусъ появился у рѣки Лосмины, наши войска еще не заняли указанныхъ имъ позицій. Въ три часа дня, окутанная сплошнымъ и непроницаемымъ туманомъ, дивизія Рикара изъ корпуса Даву, шедшая въ авангардѣ маршала Нея, перешла р. Лосмину и, наткнувшись на наши орудія, атаковала ихъ. Только тогда поднялась тревога; артиллерія наша выѣхала на позицію и открыла огонь по наступавшей колоннѣ. Наша 12 дивизія Колюбакина бросилась впередъ и отстояла атакованныя орудія; Паскевичъ съ 26 дивизіей ударилъ на лѣвый флангъ непріятеля; гвардейскіе уланы пошли въ атаку, довершили пораженіе и отбили орла. Въ это время къ Лосминѣ подоспѣли ближайшія войска Милорадовича и стали поперекъ большой дороги. Правое крыло занялъ 7-ой корпусъ Раевскаго, вытянувшись въ одну линію; въ поддержку ему былъ назначенъ 1-ый кавалерійскій корпусъ Уварова. На лѣвомъ крылѣ стали гренадеры 3 корпуса въ двѣ линіи; за гренадерами выстроились кирасиры 2-ой дивизіи; резервъ составлялъ 2-ой корпусъ. Боемъ руководилъ лично генералъ Милорадовичъ. Замѣтивъ малочисленность и полное разстройство корпуса Нея, Милорадовичъ послалъ къ нему парламентеромъ маіора Смоленскаго полка Рененкампфа съ требованіемъ сдачи. Уже въ это время положеніе Нея было поистинѣ ужасно. Онъ имѣлъ подъ руками не болѣе 6 тыс. чел. годныхъ къ бою, 12 орудій и единственный взводъ кавалеріи, составлявшій его личный конвой. Но маршалъ сопротивлялся съ львиной храбростью. Онъ подъ разными предлогами задержалъ парламентера и, направя на нашу позицію огонь всѣхъ своихъ орудій, послалъ въ атаку на нее дивизію Разу. Этотъ отчаянный натискъ имѣлъ временный успѣхъ. Прикрывшись густой цѣпью стрѣлковъ, непріятель оттѣснилъ ближайшую нашу колонну, успѣлъ исправить переходъ черезъ Лосмину, и появился передъ самыми нашими орудіями. Впереди полковникъ Бувье велъ двѣ роты саперъ; за нимъ шли полки Иллирійскій и два линейныхъ, а также одинъ вюртембергскій баталіонъ—послѣдній остатокъ дивизіи Маршана. Картечь нашихъ орудій косила рядъ за рядомъ войска непріятеля, но онъ безостановочно и безстрашно двигался впередъ, храня глубокое

молчаніе. Одни ряды смѣняли другіе, на мѣста убитыхъ шли умирать живые, и по трупамъ своихъ товарищей подходили къ самымъ нашимъ орудіямъ. Это была атака отчаяннаго мужества и безпримѣрнаго геройства. Милорадовичъ приказалъ отодвинуться назадъ артиллеріи и послать въ атаку ближайшія войска. Тогда Орловскій и 5-ый егерскій полки подъ командой Паскевича бросились на лѣвую колонну, стоявшую на большой дорогѣ и разсѣяли ее. Въ то же время Милорадовичъ подъѣхалъ къ гренадерамъ 1-ой дивизіи, бывшимъ на лѣвомъ флангѣ, и, поровнявшись съ Павловскимъ полкомъ, указалъ ему на Иллирійскій полкъ непріятеля, крикнувъ: «Дарю вамъ, ребята, эту колонну!» Воодушевленные павловцы кинулись на иллирійцевъ, опрокинули ихъ и отбросили въ оврагъ. Гвардейскіе уланы пошли въ атаку на среднюю колонну, наступавшую въ составѣ 18-го линейнаго полка и 5-ти орудій; они отбили артиллерію и полкового орла, но были отражены ружейнымъ огнемъ. Въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ дивизіонный генералъ Разу и полковникъ Пеле, бригадный генералъ Леншантенъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ пораженія дивизіи Разу въ первую линію вступила дивизія Ледрю съ 6 орудіями. Однако, несмотря на самое отчаянное мужество, корпусъ Нея былъ разбитъ и разсѣянъ совершенно.

Уже короткій зимній день смѣнили густыя сумерки и надвигалась ночь, когда закончился бой и наши утомленныя войска отошли съ поля сраженія и расположились на отдыхъ по квартирамъ. Отдыхъ былъ вполнѣ заслуженный, побѣда совершенная, и одолѣніе врага уже не оставляло никакихъ сомнѣній. Но никто не зналъ, гдѣ былъ храбрый вождь непріятелей, который выводилъ изъ Смоленской губерніи послѣднія французскія войска, гдѣ дѣвался маршалъ Ней, этотъ «храбрѣйшій изъ храбрыхъ», какъ прозвали его французы. Онъ пропалъ въ снѣгахъ, исчезъ во мракѣ ночи и слѣдъ его заровняла мятель. Считали, что онъ погибъ съ своимъ корпусомъ. Но интересъ къ его судьбѣ, забота объ его участи не покидали нашихъ военачальниковъ. Говорятъ, что хорошо знакомый съ окрестностями Краснаго генералъ Оппермань предупреждалъ Коновницына, что Днѣпръ на одномъ изъ своихъ поворотовъ близъ Сырокоренья скорѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ по-

крывается льдомъ, и что въ этомъ мѣстѣ Ней можетъ найти переправу. По этому-же предмету князь Кутузовъ отдалъ категорическое повелѣніе и Милорадовичу и князю Голицыну. Онъ обоимъ имъ писалъ: «Удвойте осторожность; посылайте сколь можно чаще въ стороны патрули, дабы открыть настоящее направленіе Нея и успѣть его предупредить. Въ Сырокоренѣ удобная переправа чрезъ Днѣпръ, почему не угодно ли имѣть Сырокоренье болѣе въ виду». Предписаніе это, посланное изъ главной квартиры въ дер. Доброй, едва-ли во время дошло по назначенію. Все, казалось, было предусмотрѣно, а между тѣмъ все случилось совершенно неожиданно, но именно такъ, какъ надо было ожидать. Маршалъ Ней, окруженный со всѣхъ сторонъ, и видя свой корпусъ совершенно разбитымъ, рѣшился во чтобы то ни стало пробиться съ окружавшимъ его малымъ отрядомъ на другую сторону Днѣпра къ Оршѣ и присоединиться къ арміи своего императора. Въ густыя сумерки, подъ покровомъ темноты и мятели, онъ съ отрядомъ до 3 т. челов. отошелъ версты за 2 обратно къ Смоленску и, свернувъ влѣво, сталъ пробираться къ Днѣпру.

Идя ощупью, безъ дорогъ и проводниковъ, пользуясь очень плохой картой, онъ по глухой мѣстности, заваленой снѣгомъ, велъ свой отрядъ наугадъ. Ему попалась рѣчка и онъ направился по ея теченію въ надеждѣ, что она впадаетъ въ Днѣпръ. Рѣчка эта была Лосмина, которая ведетъ именно къ Сырокоренью. По рѣчкѣ этой отрядъ дошелъ до поселенія Маньково, гдѣ переправился на другую ея сторону. Здѣсь и по нынѣ существуютъ слѣды старой плотины и переправы. О спрятанныхъ французами въ Маньковѣ кладахъ передаются и въ настоящее время цѣлыя легенды. [1] Послѣ переправы черезъ Лосмину на первомъ-же ночномъ привалѣ въ деревнѣ, брошенной жителями [2], былъ собранъ военный совѣтъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ. Маршалъ Ней, указавъ на отчаянное положеніе отряда, пояснилъ, что единственной надеждой на

---

1 Имѣніе Маньково принадлежитъ г.г. Печковскимъ, въ семьѣ которыхъ можно слышать много разсказовъ о скрытыхъ въ нѣдрахъ имѣнія сокровищахъ Нея.

2 Можно думать, что приваломъ для французовъ служило поселеніе, бывшее сѣвернѣе Маньково по другую сторону Лосмина,—«Супративы».

спасеніе представляется немедленная переправа черезъ Днѣпръ. Съ цѣлью удержать нѣкоторое время въ отдаленіи отъ большого лагеря мелкіе казачьи отряды, Ней приказалъ разложить на мѣстѣ привала многочисленные костры, для поддержанія ихъ оставивъ нѣсколько человѣкъ. Весь же отрядъ, взявъ въ проводники захваченнаго хромого крестьянина, двинулся впередъ. Прибывъ къ Днѣпру, Ней послѣ долгихъ поисковъ нашелъ, наконецъ, удобное для переправы мѣсто между селеніями Сырокореньемъ и Гусино у деревни Варишекъ. Перейдя въ полночь съ 6 на 7 ноября черезъ Днѣпръ по набросаннымъ поверхъ тонкаго льда жердямъ, маршалъ Ней могъ гордиться совершеннымъ имъ подвигомъ. Въ концѣ концевъ, преодолѣвъ рядъ уже менѣе значительныхъ опасностей, онъ достигнулъ своей цѣли и съ 800 чел., уцѣлѣвшими изъ отряда, присоединился у Орши къ своей арміи.

Оставшіеся еще въ Смоленской губ. непріятели разсѣялись по прибрежнымъ днѣпровскимъ лѣсамъ и сдавались въ плѣнъ цѣлыми отрядами. По словамъ Раевскаго,[1] онъ одинъ «взялъ въ плѣнъ пять тысячъ человѣкъ, не вставая съ постели». Дѣло было такъ. Когда послѣ пораженія Нея, онъ легъ отдыхать въ ближайшемъ селеніи, его разбудилъ ординарецъ и доложилъ, что два прибывшіе французскіе офицера заявляютъ отъ лица 5 тысячъ воиновъ, что они хотятъ сдаться въ плѣнъ генералу Раевскому. Оказалось, что одинъ изъ этихъ офицеровъ служилъ до войны камердинеромъ у брата генерала Раевскаго, и, узнавъ теперь, что вблизи находится знакомый ему генералъ, предложилъ своимъ бѣдствующимъ соотечественникамъ сдаться ему въ плѣнъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, 7 ноября, въ пригородномъ лѣсу собрались остатки корпуса Нея въ числѣ до 6 тыс. чел. и прислали къ Милорадовичу въ Красный депутацію съ предложеніемъ сдаться военноплѣнными. Одна непріятельская колонна численностью до 2,500 чел., бродившая къ сѣверу отъ Краснаго, была отрѣзана отъ своей арміи; она блуждала около деревни Винные Луки, и была взята въ плѣнъ всего тремя эскадронами гвардейскихъ уланъ съ полковникомъ Гундіусомъ во

---

1 Записки Раевскаго.

главѣ.[1] Графъ Орловъ-Денисовъ вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ Виллiе, обозрѣвая мѣстность битвы, ѣхали въ саняхъ проселкомъ въ сопровожденiи одного урядника лейбъ-казачьяго полка. Навстрѣчу имъ попался цѣлый отрядъ вооруженныхъ непрiятелей въ числѣ 400 чел.; отрядъ этотъ, по требованiю урядника, немедленно сложилъ оружiе. Графъ Остерманъ за три дня своего пребыванiя въ дер. Кобызевѣ собралъ до 4 тыс. плѣнныхъ, имѣвшихъ самый жалкiй видъ.

Памятный день 6 ноября, завершившiй цѣлый рядъ побѣдъ подъ Краснымъ, былъ днемъ полнаго пораженiя, послѣдняго выступившаго изъ Смоленска, корпуса маршала Нея. Въ своемъ донесенiи объ этомъ дѣлѣ фельдмаршалу Милорадовичъ писалъ:

«Сiе дѣло рѣшило, что Русская пѣхота первая въ свѣтѣ. Наступающiя непрiятельскiя колонны, подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, въ отчаянномъ положенiи рѣшившiяся умереть или открыть себѣ путь, опрокинуты штыками храбрыхъ русскихъ, которые, ожидая ихъ съ хладнокровною твердостью, бросились на нихъ съ увѣренностью въ побѣдѣ. Уронъ непрiятельскiй чрезвычайно великъ: всѣ четыре командующiе генерала, по словамъ плѣнныхъ, убиты; все мѣсто сраженiя покрыто грудами непрiятельскихъ труповъ. Съ нашей же стороны во всѣ сiи дни убитыми и ранеными не болѣе 500 человѣкъ. Извѣстный храбростью лейбъ-гвардiи уланскiй полкъ, отличившiйся во всѣхъ дѣлахъ, превзошелъ себя въ сей день, равномѣрно отличился Орловскiй пѣхотный полкъ. Дѣйствiя сихъ двухъ полковъ заставили меня на мѣстѣ сраженiя обѣщать имъ исходатайствовать у Вашей Свѣтлости: первому Георгiевскiе штандарты, а второму серебряныя трубы».

Великая армiя была окончательно ликвидирована: ее уже болѣе не существовало; разбѣгались лишь послѣднiе ея остатки. Въ эти блистательные краснинскiе дни, при незначительномъ уронѣ съ нашей стороны, достигавшемъ всего до 2 тыс. чел. выбывшихъ изъ строя, потери непрiятелей были прямо колоссальны. Кромѣ

---

[1] Число этихъ плѣнныхъ, по свѣдѣнiямъ Михайловскаго-Данилевскаго, достигало даже 12 тыс. рядовыхъ и болѣе 100 офицеровъ съ 27 орудiями. «Описанiя отеч. войны въ 1812 г.» ч. 4, стр. 30.

Французское знамя съ золотымъ орломъ 18 пѣхотнаго полка,
взятое лб.-гв. Уланскаго полка корнетомъ Корочаровымъ и рядовымъ Дарченкой
въ сраженіи при Красномъ 6 ноября

Планъ Краснинскаго боя 6 ноября.

Синія—русскія войска

Красныя—французскія войска

Картогр. зав. Ю.Ю. Пашъ, СПБ., Арота 19

убитыхъ и раненыхъ, въ числѣ около 10 тысячъ чел., непріятель потерялъ: около 30 тыс. чел. плѣнными, въ числѣ которыхъ было 7 генераловъ и 300 офицеровъ, 266 орудій, 15 знаменъ, нѣсколько орловъ и огромный обозъ. [1]

Сами французы признаютъ огромное значеніе краснинскихъ боевъ. По словамъ маркиза Пасторе: «день подъ Краснымъ былъ предисловіемъ и какъ бы предвѣстникомъ Березинскаго боя. Кромѣ огромнаго числа людей и повозокъ французы потеряли изъ походной казны два милліона золотомъ и фургонъ съ трофеями. Здѣсь сложила свои кости значительная часть молодой гвардіи, которая, предводимая маршаломъ Мортье, цѣлый день билась съ нашими войсками, чтобы удержать въ своихъ рукахъ Красный. [2]

За одержаніе побѣды, главный герой сраженія подъ Краснымъ и побѣдитель подъ Вязьмой, Милорадовичъ, получилъ орденъ Св. Георгія 2 класса, а Платовъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

По окончаніи сраженія вечеромъ 6 ноября, князь Кутузовъ, объѣзжая биваки гвардейскаго корпуса, подъѣхалъ къ Семеновскому полку. За нимъ слѣдовало человѣкъ 5 генераловъ, а позади ихъ семь человѣкъ конно-гвардейцевъ везли отбитые у непріятеля знамена. Поровнявшись съ полкомъ, фельдмаршалъ закричалъ: «Здорово молодцы—семеновцы! Поздравляю васъ съ новой побѣдой надъ непріятелемъ. Вотъ и гостинцы везу вамъ! Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже! пусть кланяются молодцамъ! Какъ ихъ бѣдняжекъ жаль! Они и головы повѣсили; вѣдь имъ холодно и голодно». Затѣмъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ расположенной биваками за Семеновскимъ полкомъ 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, и остановился у палатки корпуснаго командира генерала Лаврова. Здѣсь, сойдя съ лошади, онъ расположился вмѣстѣ со свитой пить чай. Кругомъ собралась масса гвардейскихъ офицеровъ. Между прочимъ князь Кутузовъ въ раздумьи сказалъ: «Гдѣ это собачій сынъ сегодня ночуетъ? Я знаю, что въ Лядахъ онъ не уснетъ

---

1 Бутурлинъ Д. П. «Кутузовъ въ 1812 г.» Ист. харак. Русск. Стар. Октябрь, Ноябрь и Декабрь; Леверъ «Обзоръ войнъ....».

2 «Записки маркиза Пасторе» Русск. Арх. 1900 г. № 12.

спокойно. Алексѣй Никитичъ [1] далъ мнѣ слово, что онъ сегодня не дастъ ему покоя. Вотъ послушайте, господа, какую мнѣ прислалъ побасенку нашъ краснобай Крыловъ». При этомъ князь Кутузовъ разсказалъ содержаніе басни «Волкъ на псарнѣ»: какъ волкъ попалъ вмѣсто овчарни на псарню; какъ, увидя бѣду, онъ вступилъ въ переговоры, умоляя о пощадѣ; какъ, псарь сказалъ ему: «ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ». Одновременно съ произнесеніемъ послѣднихъ словъ Кутузовъ обнажилъ свою голову. Криками восторженной радости гвардейцы покрыли слова своего сѣдого вождя. [2]

Послѣ 6 ноября уже не оставалось въ предѣлахъ Смоленской губерніи вооруженнаго непріятеля, а въ предѣлахъ Россіи—непріятельской арміи. Въ сущности война была окончена, и непріятель поспѣшно уходилъ вонъ изъ негостепріимной страны, изъ этого проклятаго края, «de ce chien de pays», какъ ругались французскіе солдаты.

Князю Кутузову было изъ за чего торжествовать здѣсь побѣду надъ врагомъ. Его боевая слава, какъ героя Отечественной войны 1812 года, развернулась главнымъ образомъ на поляхъ Смоленской губ., и имя его судьба навѣки связала съ названіемъ этой губерніи одной общей славою. Послѣ побѣды подъ Краснымъ послѣдовалъ отъ 6 декабря Высочайшій указъ о пожалованіи фельдмаршалу князю Кутузову титула «Смоленскаго»:

«Въ память незабвенныхъ заслугъ Нашего генералъ-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, доведшаго многочисленныя непріятельскія войска искусными движеніями своими и многократными побѣдами до совершеннаго истощенія, истребленія и бѣгства, особливо же за нанесенное въ окрестностяхъ Смоленска сильное врагу пораженіе, за которымъ послѣдовало освобожденіе сего знаменитаго града и поспѣшное преслѣдуемыхъ непріятелей изъ Россіи удаленіе, жалуемъ Мы ему титулъ *Смоленскаго*...»

---

[1] Партизанъ Сеславинъ.

[2] «Записки Ивана Степановича Жиркевича» Русск. Стар. 1874 г. Февраль и Августъ.

IV. НАРОДНАЯ ВОЙНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Смоленское дворянство и его ополченіе.

Вступленіе непріятеля въ предѣлы Русскаго государства чувствомъ обиды и ужаса поразило весь русскій народъ и особенно глубоко взволновало дворянскіе круги. Наиболѣе культурный, образованный и состоятельный классъ населенія страны—русское дворянство сознательнѣе относилось къ политической судьбѣ своей родины, было воспріимчивѣе къ вопросамъ національной чести, и сильнѣе ощущало на своихъ матеріальныхъ интересахъ гибельное значеніе войны. Въ годину величайшаго народнаго бѣдствія, національнаго испытанія и государственнаго потрясенія, оно явилось яркимъ выразителемъ общенародныхъ помысловъ и чувствъ; оно шло во главѣ всего народнаго возстанія, охватившаго наше отечество. Въ великомъ подъемѣ патріотическаго духа дворянство, забывъ свои привилегированныя права, осуществляло свои коренныя обязанности, являясь центральнымъ органомъ жизни русскаго народа. Помѣщикъ, съ его многообразными и разнокачественными отношеніями къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, исчезъ и въ его лицѣ на арену общественной дѣятельности выступилъ самоотверженный патріотъ-гражданинъ. Съ другой стороны, та же волна

духовнаго подъема, всколыхнувъ крестьянство и отторгнувъ его отъ обыденнаго безправія, возвысила его до рѣшенія задачъ не только общественной, но и государственной важности. Крѣпостное крестьянство проявило поразительное величіе души и необычайную государственную устойчивость. На общей высотѣ духовнаго подъема крестьянство сблизилось съ своими господами, совмѣстно и дружно осуществляя великую задачу историческаго момента. Забыта была на время сословная рознь съ ея противорѣчивыми интересами, и потому напрасны оказались попытки непріятеля потрясти изнутри государственный организмъ Россіи — возстановленіемъ крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Смоленскому дворянству первому пришлось проявить свое патріотическое воодушевленіе, показать примѣръ политической зрѣлости первенствующаго государственнаго сословія, представить яркіе образцы гражданскаго подвижничества. При вступленіи непріятеля въ губернію, дворянство встрѣтило его своимъ партизанскимъ отрядомъ и первое подняло вопросъ о всеобщемъ земскомъ ополченіи.

Мысль относительно образованія земскаго ополченія съ самаго начала войны занимала Государя. Онъ писалъ 27 іюня изъ Дриссы Барклаю-де-Толли: «Я рѣшился издать манифестъ, чтобы при дальнѣйшемъ вторженіи непріятелей воззвать народъ къ истребленію ихъ всѣми возможными средствами и почитать это такимъ дѣломъ, которое предписываетъ сама вѣра». Вскорѣ мысль эта получила свое полное выраженіе въ слѣдующемъ Высочайшемъ манифестѣ отъ 6 іюля, который призвалъ къ ополченію на защиту родины весь русскій народъ:

«Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощьБога, поставляемъ въ преграду ему войска наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли Нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду,

но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

«Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное Дворянское Сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества. Святѣйшій Синодъ и Духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

«Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ Дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми Предводитель».

Но прежде опубликованія и даже подписанія этого манифеста, мысль Царя была предугадана смоленскимъ дворянствомъ, которое само возбудило ходатайство о разрѣшеніи ему выставить ополченіе на свой собственный счетъ. Идея земскаго ополченія впервые возникла въ старой дворянской семьѣ помѣщика, генералъ-маіора Дмит-

рія Егоровича Лесли,[1] имѣвшаго четверыхъ сыновей. Узнавъ о приближеніи непріятеля къ границѣ Смоленской губерніи, братья Лесли явились къ губернскому предводителю съ письмомъ своего престарѣлаго отца, который, благословляя сыновей на служеніе родинѣ, изъявлялъ готовность въ случаѣ надобности лично вступить на военную службу. Братья Лесли предлагали располагать ихъ жизнью и всѣмъ достояніемъ на защиту отечества. Одинъ изъ нихъ, Александръ Дмитріевичъ, первый возбудилъ вопросъ о составленіи земскаго ополченія по всей губерніи. Онъ настойчиво и энергично проводилъ эту мысль среди дворянъ-помѣщиковъ.

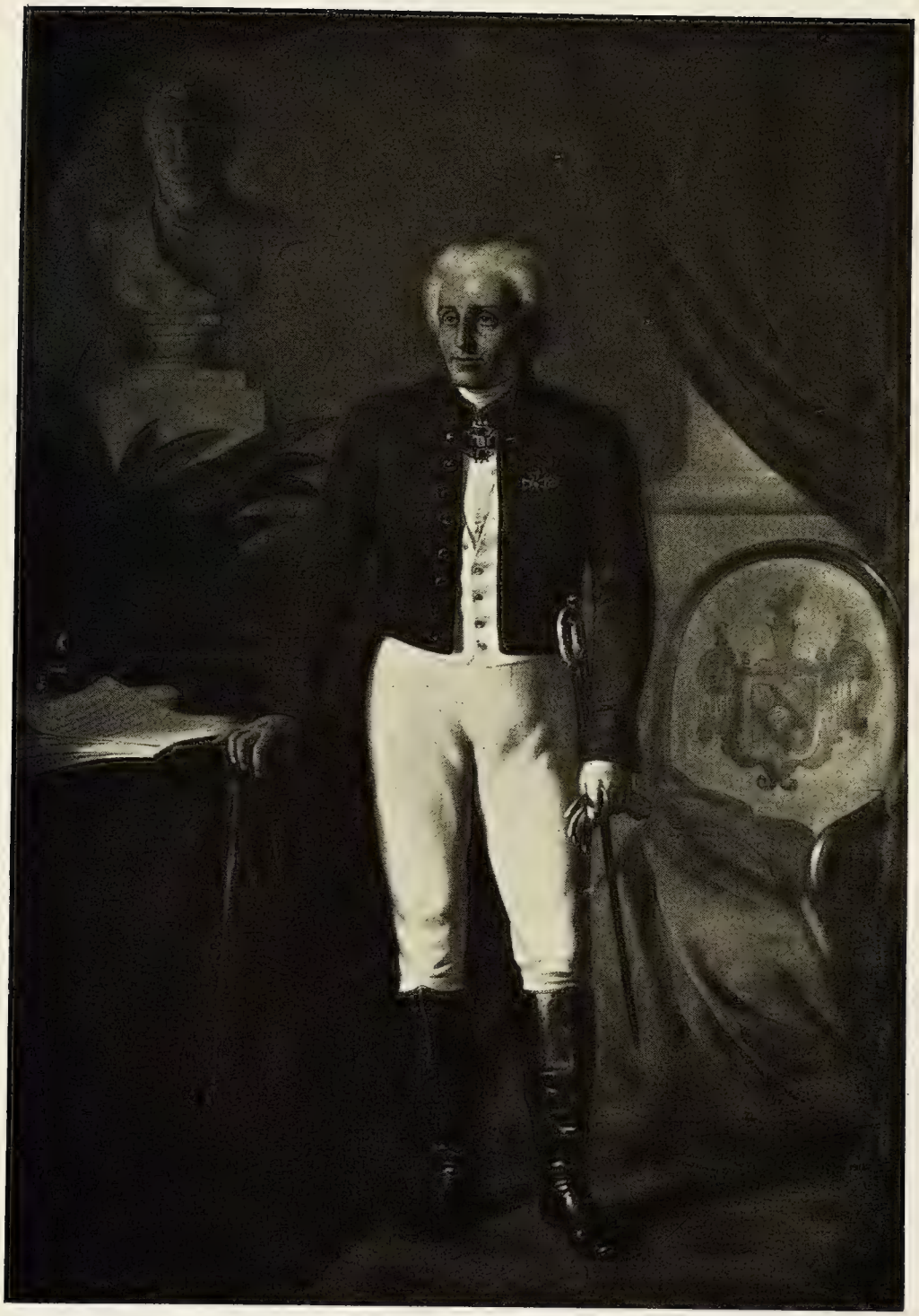
Съ такимъ же предложеніемъ обратился «въ Смоленскую депутатскую дворянскую комиссію» дѣйствительный стат. совѣтникъ Павелъ Ефимовичъ. Онъ писалъ 29 іюня: «При настоящихъ положеніяхъ, начавшихся военнымъ ополченіемъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, ближайшихъ къ границамъ древней Россіи, побуждаемъ живѣйшимъ чувствомъ вѣрноподданическаго усердія Государю моему и Отечеству, осмѣлюсь изложить мнѣніе мое почтенному Смоленскому дворянскому сословію, что при таковыхъ случаяхъ представляется уже необходимымъ пожертвованіе годными людьми къ службѣ, приличной одеждой и на нѣкоторое время провіантомъ. Посему и изъ всего имущества моего—десяти ревизскихъ дворовыхъ людей съ малолѣтними и престарѣлыми жертвую однимъ способнѣйшимъ къ службѣ, какъ собственно и собою для блага отечественнаго по назначенію почтеннѣйшаго дворянскаго сословія».[2]

Губернскій предводитель дворянства Сергѣй Ивановичъ Лесли сочувственно отнесся къ мысли объ устройствѣ земскаго ополченія, и для обсужденія этого вопроса созвалъ дворянское собраніе. Собраніе съ полнымъ воодушевленіемъ встрѣтило предложеніе о сформированіи ополченія и постановило испросить на это Высочайшее соизволеніе. Въ исполненіе постановленія собранія губернскій пред-

---

[1] «Смол. губ. вѣдом.». 1857 г. №9 (прилож.): Дневникъ А. А. Лесли; Д. Мясоѣдовъ. «Кто былъ первый народный партизанъ...» «Ист. Вѣстн.» 1903 г. Декабрь.

[2] Архивъ Смол. двор. деп. собр.



Сергій Ивановичъ ЛЕСЛИ,
Смоленскій губернскій дворянства предводитель и кавалеръ

водитель отъ 5 іюня вошелъ съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ на Высочайшее имя: [1]

«Смоленское дворянство, желая исполнить свою важнѣйшую обязанность относится ко мнѣ, чтобы противу непріятеля, который вторгнулся въ Россію, испросить всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества дозволеніе назначить изъ обывателей Смоленской губерніи къ вооруженію временному до двадцати тысячъ или болѣе въ подкрѣпленіе здѣсь находящихся войскъ на защиту губерніи отъ нашествія непріятельскаго иногда случиться могущаго. Сіи защитники Отечества, назначенные по городамъ и уѣздамъ оставаться могутъ при своихъ жилищахъ до востребованія къ мѣсту Смоленской губерніи, гдѣ настоять будетъ нужда или опасность куда изъ ближнихъ уѣздовъ подоспѣть имѣютъ въ самое краткое время, а изъ дальнѣйшихъ на своихъ подводахъ въ три дня каждой съ своимъ провіантомъ, которой въ сухаряхъ и крупѣ собственной въ заготовленіи для сего быть имѣетъ на мѣсяцъ, а до востребованія изъ уѣздовъ будутъ охранять оные отъ малыхъ непріятельскихъ партій. Естьли розданы будутъ ружья со штыками, пули и порохъ, то искусные и мужественные штабъ и оберъ-офицеры, живущіе по губерніи въ деревняхъ своихъ могутъ при свободномъ времени обучить надлежащей стрѣльбѣ, дѣйствовать штыкомъ, способному и скорому движенію. А до полученія ружей дозволить разобрать, хотя оставшіяся отъ милиціи пики, сколько ихъ находится по городамъ въ вѣдѣніи городничихъ.

Великій Монархъ естьли Высочайшее благоизволеніе Вашего Императорскаго Величества будетъ на сіе ополченіе временно обывателей Смоленской губерніи для защиты Отечества, то Всемилостивѣйшимъ воззрѣніемъ Высочайше повели привести въ исполненіе вѣрноподданническое усердіе Смоленскаго дворянства. Сіе послужитъ къ ободренію губерніи, когда ощутитъ при себѣ довольную оборону, особливо что Смоленская область отъ давнихъ лѣтъ извѣстна по своей готовности и предпріятіямъ къ защитѣ Отечества».

---

1 Всеподданнѣйшее донесеніе смоленскаго губернскаго дворянства предводителя премиеръ-маіора и кавалера Лесли отъ 5 іюля 1812 г. № 375.

Это донесеніе было отправлено въ Дриссу съ подполковникомъ А. В. Энгельгардтомъ. Въ отвѣтъ на ходатайство смоленскаго дворянства послѣдовало отъ 9 іюля слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

«Смоленское дворянство чрезъ предводителя своего премiеръ-маіора и кавалера Лесли изъявило Намъ усердное желаніе свое приготовить немедленно къ временному вооруженію противъ непріятеля до двадцати тысячъ или болѣе ратниковъ въ подкрѣпленіе, находящихся здѣсь войскъ и въ защиту губерніи. Пріемля таковое предложеніе за знакъ вѣрности и любви къ Намъ и къ Отечеству всегда отличавшагося ревностію къ службѣ Смоленскаго дворянства, изъявляемъ Мы оному особенное Наше благоволеніе, въ полной увѣренности, что все сіе въ скоромъ времени приведется въ исполненіе и что въ снабженіи ратниковъ оружіемъ употреблено будетъ всякое стараніе и дѣятельность». [1]

Во время пребыванія своего 9 іюля въ Смоленскѣ Государь милостиво изъявилъ смоленскому дворянству свою признательность и вручилъ губернатору въ присутствіи губернскаго предводителя дворянства собственноручную записку о вооруженіи и распредѣленіи ополченцевъ.[2]

16-го іюля въ Смоленскѣ состоялось дворянское собраніе на которомъ производились выборы чиновниковъ во временное ополченіе. Подъемъ настроенія соотвѣтствовалъ великимъ задачамъ переживаемой эпохи. Произнесенная однимъ дворяниномъ на этомъ собраніи рѣчь, [3] даетъ наглядное понятіе о степени патріотизма, воодушевлявшаго русское общество въ грозную годину государственной опасности, знакомитъ съ господствовавшими чувствами и настроеніями, съ кругомъ идей и воззрѣній того времени. Она за сто лѣтъ не остыла; въ ней не потухло пламя «любви къ Отечеству и народной гордости», зажегшее сердца русскихъ людей въ эпоху Отечественной войны. Самая риторичность и сентиментализмъ рѣчи придаютъ ей большую жизненность въ представленіи великой эпохи

---

1 Высочайшее повелѣніе, данное въ 9 день іюля 1812 г. за № 61. Смолен. гражд. Губернт.

2 См. Прилож.

3 «Рѣчь произнесенная смоленскимъ дворяниномъ В...—М. О—мъ» «Русск. Вѣд.». 1814 г. ч. III, № 15, стр. 40. Встрѣчается указаніе, что рѣчь эта произнесена дворяниномъ Олениным.

минувшаго времени. Выражая чувства и мысли собранія, одушевленный его сочувственнымъ настроеніемъ и охваченный вмѣстѣ съ нимъ вѣяніями эпохи, ораторъ говорилъ:

«Пользуясь правомъ подать мой голосъ въ семъ благородномъ собраніи, я осмѣливаюсь говорить, осмѣливаюсь предложить мою мысль о полученномъ Всемилостивѣйшемъ Указѣ по случаю всеобщаго вооруженія. Почетнѣйшіе Дворяне! душамъ благороднымъ откровенность пріятна: откровенность моя происходитъ изъ глубины сердца, наполненнаго чувствомъ любви къ Отечеству—она не можетъ быть никому обидна, никому изъ тѣхъ, кто носитъ названіе русскаго дворянина, посвятившаго или посвящающаго себя на службу Государю и Отечеству.

Дворяне! Отечествомъ я называю то, къ чему мы принадлежимъ. Имѣвъ одного Государя, поставленнаго надъ нами непостижимою властію Всесильнаго, имѣвъ одинакіе законы, одинакія права, преимущества, имѣвъ иные изъ насъ родителей, женъ, дѣтей, другіе братьевъ, друзей; имѣвъ свои семейства, свои имущества, имѣвъ все сіе: можетъ ли кто изъ насъ сказать, что мы не имѣемъ Отечества.

Имѣя Отечество, не первый ли нашъ долгъ имѣть попеченіе о томъ, къ чему принадлежимъ, и о томъ, что къ намъ принадлежитъ? Не наша ли обязанность доставлять спокойствіе, довольствіе и даже если можно счастье тѣмъ кои отъ насъ зависятъ? Можемъ ли не исполнять сего дѣйствительно, сохраняя чувства добродѣтельныя? Можемъ ли мы ихъ не имѣть естьли все требуетъ отъ насъ, чтобы мы съ ними были? Можемъ ли мы забыть о правахъ и преимуществахъ коими пользуемся? и можемъ ли, вспоминая о нихъ, не гордиться не славиться ими,—а гордясь и славясь ими, можемъ ли не имѣть чистосердечной любви къ Государю и Отечеству?

Почтеннѣйшіе Дворяне! вами свидѣтельствуюсь въ истинѣ моихъ словъ. Скажетъ ли кто-нибудь изъ насъ подобно развратнымъ чужеземцамъ погибающимъ отъ усыпленной приверженности къ отечеству, скажетъ ли кто изъ нихъ будто бы Отечество можетъ быть вездѣ, всегда и подъ всякимъ новымъ чуждымъ властелиномъ, всякимъ новымъ управленіемъ, подъ всякими новыми правами? Нѣтъ! Мы убѣждены, что чужой правитель, что иноплеменное правленіе,

что не отечественныя права, разрушать и спокойствіе и наше счастіе.

Уже вѣроломный врагъ вторгся въ предѣлы наши. Смѣло скажу: презрѣнія тотъ достоинъ, кто въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не предпочтетъ всѣмъ личнымъ выгодамъ защиту Отечества!

Защита Отечества есть нашъ первый долгъ! Всякій кто имѣетъ возможность, всякій кто имѣетъ средства,—всякій безъ сомнѣнія употребитъ ихъ въ пользу Отечества, и я думаю даже, что и тотъ, который полагаетъ въ виду не общественную пользу, а однѣ личныя выгоды; я думаю и такой, если бы нашелся между нами, отъ чего Боже сохрани! я думаю, что и такой себялюбецъ не захочетъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ явнаго своего несчастія. Торжество врага не будетъ ли рабствомъ нашимъ? Какое посрамленіе, какой стыдъ!

Главная священнѣйшая польза русскихъ Дворянъ—цѣлость и свобода Отечества. Движимые сей пользой, движимые сердцемъ, горящимъ вѣрою къ Богу и усердіемъ къ Царю, ополчимся и духомъ и помышленіемъ и благороднымъ стремленіемъ къ подвигамъ, свойственнымъ отличному званію дворянина; ополчимся и взявъ оружіе чести и славы, пойдемъ—пойдемъ, побѣдимъ или умремъ!

Пусть наши старцы пусть всѣ чадолюбивыя матери, добрыя жены, нѣжныя сестры, невинные младенцы, пусть всѣ, дѣйствительно не могущіе быть въ числѣ защитниковъ Отечества, пусть они наслаждаются спокойствіемъ въ мирныхъ своихъ жилищахъ; пусть не тревожитъ ихъ непріятель, намъ угрожающій; пусть они насъ ожидаютъ въ своихъ домахъ! а мы,—мы всѣ, имѣющіе еще силы, руки, ноги, мы всѣ съ свойственными русскимъ твердостью, мужествомъ и неустрашимостью, мы всѣ пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу сему врагу, и употребимъ всѣ способы къ преодолѣнію его; и тогда возвратимся со славою. Какая слава, какая слава!

Любовь Россіянъ къ Россіи будетъ для Наполеона оплотомъ непреодолимымъ; отъ сей любви всѣ прежніе его успѣхи послужатъ къ славѣ Россіи, всѣ бывшія его побѣды обратятся къ его пагубѣ, всѣ его побѣды обратятся къ славѣ нашей, къ славѣ Россіянъ, къ славѣ Россіи, къ славѣ нашего Государя! Единодушіе наше увѣнчаетъ насъ сею безсмертною славой.

Россіяне привыкшіе любить Государя, Отечество, Россіяне, не развращенные иноземцами, всегда были и будутъ пристрастны ко всему русскому, ко всему составляющему Отечество наше; сіе благородное пристрастіе, безъ всякихъ дальнихъ разбирательствъ, поселяетъ въ насъ душу, поселяетъ такъ сказать соединенную во едино душу,—душу русскую, душу имѣющую чистое справедливое понятіе объ Отечествѣ и Государѣ, понятіе непричастное никакихъ личныхъ выгодъ, никакихъ личностей, понятіе совершенное достойное россіянина, понятіе внушающее въ насъ чувство и мысль единственно для пользы общественной, понятіе убѣждающее насъ, что великодушный нашъ Государь желаетъ единственно сохранить цѣлость Государства и славу Россіи.

Не время теперь разсуждать, а время дѣйствовать: время дѣйствовать всѣмъ любящимъ Отечество, время дѣйствовать всѣми силами, всѣми способностями души, ума и даже, если бы то нужно было, всѣми силами, всѣми способностями рукъ и ногъ нашихъ. Я понимаю черезъ сіе недостаточное выраженіе моей мысли, я понимаю нашу готовность сразиться съ непріятелемъ, если бы обстоятельства того востребовали, я понимаю нашу готовность жертвовать всѣмъ Отечеству. Идетъ Наполеонъ, богъ Европы и вселенной: онъ идетъ! Мы Россіяне, мы во имя Бога правды ополчаемся, да вострепещетъ горделивецъ! Падетъ злодѣйство, восторжествуетъ правда! Что привязываетъ насъ къ жизни, все то заставляетъ не щадить нынѣ жизни.

Непонятное непостижимое внутреннее внушеніе, и даже смѣю сказать какъ будто нѣкое вдохновеніе, отъ вѣры происходящее, заставляетъ меня вѣрить сему утѣшительному предвѣщанію. Воздастся зломъ тому за зло, кто на немъ сооружаетъ свою славу, свою власть, свои побѣды. Вѣра, вѣрность и слава сыновъ Россіи возставшую на насъ Европу ополчатъ на злодѣя.

Но еще повторяю: теперь не время разсуждать, а время дѣйствовать. Уже врагъ дерзновенный несется къ предѣламъ Смоленскимъ. Дворяне! на лицахъ вашихъ читаю чувствованія душъ и сердецъ вашихъ. Вы всѣ готовы твердою грудью стать за Вѣру и Царя. И я, несмотря на множество ранъ, изнурившихъ мои силы, готовъ идти вслѣдъ за вами, куда позовутъ Царь и Отечество. Еще

не вся кровь истекла изъ жилъ моихъ, послѣднею каплею готовъ жертвовать за Отечество. Не изъ тщеславія осмѣлился я упомянуть о себѣ. Нѣтъ! предъ общей пользой должно исчезнуть все личное. Служа Отечеству, мы служимъ самимъ себѣ! Отечество хранило насъ отъ перваго дня нашего рожденія: съ именемъ Бога и Царя полетимъ къ оборонѣ Отечества».

Рѣчь эта такъ живо переноситъ насъ въ эпоху Карамзина и Жуковскаго, когда возвышенныя чувства изъ оковъ грубаго быта съ пламеннымъ пафосомъ вырывались наружу въ яркихъ красочныхъ формахъ повышенной чувствительности. Чувство патріотизма, напряженное до послѣдней степени дерзкимъ вторженіемъ непріятеля въ предѣлы Россіи, приняло всеобъемлящіе размѣры, проявлялось не только въ высокихъ помыслахъ и трогательныхъ словахъ и чувствахъ, но и въ самоотверженной дѣятельности. Не только говорились пламенныя рѣчи, и въ пышныхъ формахъ выражались патріотическія чувства; нѣтъ, легко и свободно на пользу родины жертвовалось имущество, оставлялась семья, отдавалась самая жизнь.

Помѣщикъ Николай Михайловичъ Калячитскій послалъ въ военную службу трехъ сыновей, благославивъ ихъ «на твердую защиту или на славную смерть». Онъ пожертвовалъ для арміи три тысячи четвертей хлѣба и исполнялъ за неимущихъ дворянъ всѣ установленныя повинности, истративъ на этотъ предметъ до 200 тысячъ рублей. Война его совершенно разорила. [1]

Дворянинъ «Духовской округи» ротмистръ Петръ Клочковъ, выслушавъ съ величайшимъ вниманіемъ манифестъ объ ополченіи, объявилъ передъ всѣми дворянами и предводителемъ, «что онъ имѣетъ 500 душъ, жену, 6 человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей, что онъ болѣе 14 лѣтъ живетъ въ покоѣ и изобиліи, но несмотря на то, что онъ отецъ семейства, желаетъ вступить въ военную службу, и что совѣтуетъ всѣмъ дворянамъ послѣдовать его примѣру; когда Отечество гибнетъ, то сыны его должны положить мирный посохъ и препоясаться мечемъ на брань для защиты Царя, Отечества, женъ, дѣтей и старцевъ, что никто не имѣетъ болѣе права на пожертво-

---

[1] «Русск. Вѣстн.». 1812 г. № 10, стр. 91.

ваніе имущества и жизни, какъ отцы семействъ». Несмотря на мольбы всей своей семьи, онъ покинулъ ее и храбро, «какъ левъ», сражался, въ рядахъ русской арміи. Состоя при больномъ генералѣ Лихачевѣ, который командовалъ, сидя на дрожкахъ, былъ вмѣстѣ съ нимъ взятъ въ плѣнъ во время Можайскаго сраженія. [1]

Брались за оружіе и совсѣмъ юные и вовсе престарѣлые дворяне. Вступилъ на службу отставной генералъ Пассекъ. Помѣщикъ Реадъ, въ то время какъ въ военной службѣ уже состояли три его старшіе сына, привезъ въ Смоленскъ и послалъ на войну еще двухъ младшихъ сыновей. Канцелярскій чиновникъ Петрунинъ, при оборонѣ Смоленска генераломъ Раевскимъ, дрался въ рядахъ защитниковъ города. Вся семья Лесли самоотверженно идетъ на войну и на нее же отдаетъ значительную часть своего состоянія.

Подвиги Энгельгардта и Шубина настолько получили историческую извѣстность, что на дѣятельности и судьбѣ этихъ лицъ необходимо остановиться подробнѣе. Къ сожалѣнію, по этому вопросу имѣется очень немного данныхъ. Почти исключительнымъ источникомъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ Энгельгардтѣ представляются записки священника Никифора Мурзакевича и разсказы сына его, протоіерея Іоанна, на котораго казнь Энгельгардта, видѣнная имъ въ дѣтствѣ, произвела такое сильное впечатлѣніе, что онъ въ глубокой старости не могъ вспомнить о ней безъ содраганія. [2] На свидѣтельствѣ Мурзакевича—отца основывали свои донесенія объ Энгельгардтѣ и предводители дворянства и губернаторъ [1]. [3] Допрошенные же по этому предмету бывшій смоленскій меръ Ярославцовъ и члены муниципалитета: Великановъ, Рагулинъ, Желтковскій, Узелковъ и Чапа отозвались полнымъ незнаніемъ. О Шубинѣ имѣются лишь самыя общія и отрывочныя свѣдѣнія. Оба они были помѣщиками Духовскаго уѣзда, и остались въ своихъ имѣніяхъ, несмотря на вступленіе въ губернію непріятеля.

---

1 «Вѣстн. Европы». 1814 г., ч. 76, № 14, стр. 130.

2 Дневникъ священника Мурзакевича; Орловскій, Н. И. «Священникъ Н. А. Мурзакевичъ» «Русск. Старина». 1903 г. Апрѣль, Май, Іюнь.

3 Донесеніе порѣч. предв. двор, отъ 2 февраля 1813 г., Письмо губернатора на имя сенатора Каверина отъ 25 мая 1813 г. за № 7049; Рапортъ губерн. предв. двор. Лесли, отъ 4 іюля 1813 г., за № 446. См. Прилож.

Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, проживая въ имѣніи своемъ Дягилевѣ, отражалъ вначалѣ вмѣстѣ съ крестьянами нападенія мародеровъ и мелкихъ непріятельскихъ отрядовъ. Затѣмъ отношенія его къ крестьянамъ настолько испортились, что онъ обратился къ содѣйствію казаковъ, стоявшихъ въ Порѣчскомъ уѣздѣ. Дѣло въ томъ, что его крестьяне, подъ вліяніемъ сторонней агитаціи, прекратили работы въ Дягилевѣ, тогда какъ кругомъ крестьянское населеніе оставалось спокойнымъ. Послѣ воздѣйствія казаковъ озлобленные крестьяне донесли на своего помѣщика въ Смоленскъ французскому начальству, что онъ заставлялъ убивать французовъ. Энгельгардта задержали, но доносъ крестьянъ не подтвердился и его выпустили на свободу. Въ свою очередь, возмущенный помѣщикъ захотѣлъ проучить крестьянъ, и вновь вытребовалъ казаковъ для расправы съ ними. Взаимное озлобленіе увеличилось, и крестьяне прибѣгли къ очень низкому и очень вѣрному способу мести. Они, убивъ двухъ французскихъ мародеровъ, закопали ихъ въ саду своего помѣщика, а потомъ донесли на него, что онъ убилъ французовъ и у себя въ саду скрылъ ихъ трупы. При разслѣдованіи доноса, въ саду Энгельгардта дѣйствительно нашли трупы убитыхъ французовъ. Улики противъ него были на лицо; его арестовали и заключили въ Смоленскѣ въ Спасской церкви, гдѣ онъ просидѣлъ около двухъ недѣль. Согласно резолюціи Наполеона, Энгельгардтъ былъ приговоренъ къ разстрѣлянію. Когда ему объявили смертный приговоръ, онъ просилъ допустить къ нему священника Мурзакевича, котораго хорошо зналъ. Мурзакевичъ неоднократно посѣщалъ заключеннаго; въ послѣдній разъ онъ пришелъ къ нему въ день казни, утромъ 15-го октября, съ двумя своими малолѣтними сыновьями-семинаристами, взявъ съ собой ризу и богослужебныя книги, чтобы сопровождать осужденнаго на казнь. Онъ нашелъ Энгельгардта въ алтарѣ церкви и замѣтилъ его смущеніе. Однако, быстро овладѣвъ собою, Энгельгардтъ просилъ священника проводить его на казнь, отпѣть по немъ проводъ и предать его тѣло землѣ по христіанскому обряду; тогда же онъ сказалъ, что имѣетъ въ виду передать «нѣкоторыя записки». Присутствовавшій при этомъ разговорѣ польскій полковникъ Костенецкій, вынувъ «изъ-за пазухи» полбутылки водки, предложилъ Энгельгардту вы-

пить для подкрѣпленія силъ, но тотъ отказался. Тогда Костенецкій силою влилъ въ ротъ Энгельгардту нѣсколько глотковъ водки, и сталъ выражать ему свое сожалѣніе по поводу жестокаго и несправедливаго надъ нимъ приговора. Въ отвѣтъ на это Энгельгардтъ сказалъ, что смерть его не страшитъ, но что онъ требуетъ только одного, чтобы его скорѣе вели на мѣсто казни; и его повели. Дорогою Энгельгардтъ все время молчалъ, идя бодро съ опущенной внизъ головою и заложенными назадъ руками. У Молоховскихъ воротъ къ печальному шествію присоединился отрядъ солдатъ. Пройдя изъ воротъ направо за вторую башню, остановились, и здѣсь стали читать смертный приговоръ. Не дослушавъ его, Энгельгардтъ воскликнулъ по-французски: «полно врать, пора перестать! заряжайте скорѣй и стрѣляйте, чтобы не видѣть мнѣ больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ». Когда хотѣли завязать ему глаза, онъ сорвалъ повязку, говоря: «прочь! хочу видѣть свою смерть!» Онъ попрощался со священникомъ, съ его дѣтьми и съ присутствовавшимъ при казни членомъ муниципалитета Рагулинымъ. Священнику Мурзакевичу онъ вручилъ двѣ «записки»: выпись на полученіе скрытыхъ въ Дягилевѣ вещей въ благодарность за послѣднее утѣшеніе и письмо къ своей матери; Рагулину передалъ свое духовное завѣщаніе, которое послѣ казни было представлено въ муниципалитетъ и по его журналу отослано на разсмотрѣніе Верховной Комиссіи. [1]

Напутствуя въ послѣдній разъ Энгельгардта, священникъ сквозь слезы сказалъ ему: «Павелъ Ивановичъ, перекрестись и скажи: Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» Энгельгардтъ сталъ креститься и повторять эти слова. Раздался залпъ; изъ 18 выпущенныхъ пуль попали двѣ въ грудь и одна въ животъ. Энгельгардтъ опустился на правое колѣно, потомъ упалъ навзничь и, поднявъ глаза и руки къ небу, сталъ кончаться. Одинъ изъ солдатъ поспѣшно зарядилъ ружье и выстрѣлилъ ему въ високъ; жизнь навсегда отлетѣла отъ казненнаго. Священникъ надѣлъ ризу и сталъ пѣть проводъ, а сыновья его, плача и глотая слезы, своими дѣтскими го-

---

[1] Предсмертное письмо Энгельгардта къ матери и его духовное завѣщаніе. См. Приложеніе.

лосами пѣли «Господи, помилуй». До окончанія еще отпѣванія солдаты бросились на трупъ, раздѣли до-гола и ничкомъ бросили въ яму до 3/4 ар. глубины, вырытую по распоряженію Рагулина. Согласно предсмертной воли Энгельгардта отецъ Никифоръ Мурзакевичъ вручилъ лично матери его письмо, а женѣ подробно описалъ его кончину.[1] Вотъ наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о судьбѣ Энгельгардта. Однако есть дополнительныя указанія на то, что французскія власти уговаривали его поступить на французскую службу, обѣщая помилованіе и почетъ, но что онъ съ достоинствомъ отвергъ эти предложенія.

Коллежскій ассесоръ Семенъ Ивановичъ Шубинъ во время нашествія непріятеля защищалъ отъ нападенія мародеровъ и свое маленькое имѣніе и сосѣдей своихъ. Узнавъ, что въ ближайшей къ нему деревнѣ Гавриловѣ находятся 23 вооруженныхъ непріятеля, онъ съ помощью команды, изъ Казанскихъ драгунъ, отряженной маіоромъ Даллеровскимъ, стоявшимъ близъ Духовщины въ дер. Зимцѣ, захватилъ изъ непріятельскаго отряда 21 человѣка; остальные двое бѣжали въ Смоленскъ и донесли на Шубина, котораго захватили и разстрѣляли 24 октября. По другимъ свѣдѣніямъ, Шубина казнили за уговоръ солдатъ французской арміи переходить къ казакамъ и за возмущеніе крестьянъ.[2] Кромѣ того существуютъ указанія на то, что Шубина также уговаривали вступить на службу непріятели, и что онъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе.

Послѣ ближайшаго разслѣдованія обстоятельствъ смерти Энгельгардта и Шубина, Государь повелѣлъ выдавать очень значительную пенсію всѣмъ ближайшимъ ихъ родственникамъ, о чемъ и послѣдовалъ Высочайшій указъ[3].

Многіе помѣщики самоотверженно отдавали себя на служеніе раненымъ и больнымъ воинамъ. Помощь раненымъ весьма нерѣдко сопровождалась очень значительными денежными затратами и отличалась такой трогательной заботливостью, что вызывала чувство безпредѣльной благодарности у нашихъ пострадавшихъ воиновъ.

---

1 Письмо свящ. Мурзакевича къ женѣ Энгельгардта. См. Прилож.

2 Письмо генерала Шелиля къ смоленскому комендапту отъ 23 октября (5 ноября) 1812 г. См. Прилож.

3 Указъ Правит. Сенату отъ 30 августа 1813 г. См. Прилож.

Казнь П. И. Энгельгардта 15 октября

Памятникъ П. И. Энгельгардту

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія отзывъ подпоручика 5 егерскаго полка Левицкаго—о самоотверженной дѣятельности по призрѣнію раненыхъ сычевскаго помѣщика сельца Липцы, отставного гвардіи поручика Степана Александровича Хомякова, отца извѣстнаго славянофила. Послѣ стычки нашего авангарда съ непріятелемъ близъ Вязьмы подъ сел. Федоровскимъ 22 октября, въ темный осенній вечеръ, около 10 час., пріѣзжаетъ на мѣсто битвы Хомяковъ, забираетъ болѣе 40 раненыхъ и увозитъ къ себѣ въ имѣніе. Здѣсь онъ отдаетъ для раненыхъ весь свой домъ, устраиваетъ госпиталь и самъ лично со всѣмъ семействомъ ухаживаетъ за ранеными все время пока выздоровѣлъ послѣдній солдатъ.[1] Устроили госпитали и ухаживали за ранеными: предводители дворянства Храповицкій, Колѣновъ, бѣльскій помѣщикъ Миллеръ и многіе другіе.

Примѣры патріотическихъ подвиговъ среди смоленскихъ дворянъ неисчислимы. Помѣщики воодушевляли крестьянъ, образовывали партизанскіе отряды и шли на врага. Въ богатыхъ смоленскихъ помѣстьяхъ содержалась многочисленная дворня, обширныя заводскія конюшни, огромная псовая охота, имѣлось множество псарей, егерей, всякихъ ловчихъ и доѣзжачихъ; изъ нихъ поголовно образовались лихіе наѣздники, лазутчики, гонцы. Такъ создавалась иррегулярная конница.

Отъ привольной жизни, полной развлеченій, дворянство безъ колебаній перешло на суровое военное положеніе. Одни воевали; другіе уходили; на мѣстѣ не оставался никто. Съ наступленіемъ войны дворянскія гнѣзда опустѣли. Помѣщики бросали усадьбы свои съ покойными хоромами, садами и парками; увозили нерѣдко прямо въ пространство семьи свои, отыскивая безопасное мѣстопребываніе. Сколько было горя пережито, сколько слезъ было пролито при разлукѣ съ милыми привычными мѣстами. Цѣловали траву и деревья, брали въ ладонки землю; а вотъ на стѣнѣ красиваго господскаго дома у большой дороги долго сохранялась сдѣланная дрожащей женскою рукою простая, трогательная надпись: «Прости, моя милая родина!» Ѣхали въ безвѣстную, трудную путь-дорогу и цѣлыми длинными недѣлями вели бродячій образъ жизни, полный

---

[1] «Письмо къ издателямъ» отъ 20 декабря 1813 г. См. Прилож.

бѣдствій и лишеній. «Мы теперь нищіе съ благороднымъ духомъ», говорилъ одинъ смоленскій помѣщикъ, «бродимъ уныло на развалинахъ своего отечества». [1] Это замѣчаніе вѣрно опредѣляло положеніе и настроеніе помѣстнаго дворянства.

Сохранилось нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ приходилось помѣщикамъ скитаться въ поискахъ убѣжища, гдѣ можно было бы преклонить голову. Отставной генералъ Н. М. Ельчаниновъ, проживавшій въ имѣніи Внуковѣ, Краснинскаго уѣзда, въ 60 верстахъ отъ Смоленска, спокойно оставался въ своей усадьбѣ до половины іюля, увѣренный въ полной безопасности Смоленской губерніи. 18-го іюля онъ поѣхалъ въ Смоленскъ на губернское собраніе дворянства для выбора штабъ и оберъ-офицеровъ въ земское ополченіе и для совѣщанія о продовольствіи войскъ. По возвращеніи изъ собранія онъ немедленно отправилъ въ Смоленскъ сухари, крупу и сѣно, а 22 іюля послалъ въ Красный, для сдачи, ратниковъ ополченія. Но ратники возвратились обратно, такъ какъ некому было ихъ принять, потому что присутственныя мѣста уже закрылись и чиновники выѣхали изъ города. На разсвѣтѣ 3-го августа сосѣдъ его, Плескачевскій, прислалъ къ нему нарочнаго съ извѣстіемъ о занятіи французами города Краснаго. Въ тотъ же день рано утромъ генералъ вынужденъ былъ покинуть свою вотчину. Вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ и семью дворовыми людьми, въ коляскѣ и двухъ повозкахъ на четырнадцати лошадяхъ потянулись къ Смоленску. Дороги были заняты непріятельскими войсками и мародерами. Приходилось выбирать объѣздные пути, постоянно мѣнять направленія, избѣгая встрѣчи съ непріятелемъ. Блуждали и ночевали въ лѣсу, прикрывая экипажи древесными вѣтвями. Счастливо встрѣченный разъѣздъ казаковъ направилъ ихъ на болѣе безопасную въ то время ельнинскую дорогу. Кое-какъ добрались до Станькова, имѣнія А. Д. Лесли, гдѣ отдохнули у радушнаго хозяина. Въ виду невозможности пробраться въ Смоленскъ, поѣхали къ Дорогобужу. Всѣ дороги были запружены спасавшимися жителями Смоленской губерніи, казаками и обозами. Въ Дорогобужѣ къ поѣзду Ельчанинова присоединились краснинскій предводитель дворянства Кор-

[1] Ѳ. Глинки «Письма русскаго офицера», стр. 12.

бутовскій и братья А. В. и П. В. Вонлярлярскіе съ семействами; всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Бѣлый. Къ ночи скитальцы-помѣщики по пути прибыли къ помѣщику П. А. Цызыреву. Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда на Цызырева напали мародеры. Разграбивъ усадьбу, они заставляли его кричать «виватъ Наполеонъ!»; въ отвѣтъ на это Цызыревъ мужественно воскликнулъ: «Да здравствуетъ Александръ I!». Цызырева истязали и избили до полусмерти. Наконецъ, подневольные путешественники добрались до Валдайскаго уѣзда, гдѣ временно и пріютились. [1]

Помѣщикъ М. Д. Потемкинъ послѣ занятія Смоленска вынужденъ былъ также бросить имѣніе и выѣхать вмѣстѣ съ семьей самъ не зная куда. Къ семьѣ Потемкина присоединились родные и сосѣди; образовался длинный поѣздъ, который и направился, что называется, въ свѣтъ искать себѣ пристанища. Прибыли въ Тверскую губернію и остановились близъ сельца Якутина, имѣнія М. А. Изъѣдинова, который пригласилъ ихъ къ себѣ и отдалъ имъ въ распоряженіе весь свой обширный домъ. О широкомъ гостепріимствѣ и самомъ трогательномъ радушіи семейства Изъѣдиновыхъ Потемкинъ вспоминалъ съ чувствомъ восторженной признательности. [2]

Много потрудилось дворянство, особенно въ лицѣ своихъ предводителей, въ дѣлѣ продовольствія арміи и составленія ополченія. Какую тяготу несли на своихъ плечахъ предводители дворянства въ сложномъ продовольственномъ дѣлѣ видно изъ слѣдующаго письма смоленскаго губернатора на имя смоленскаго губернскаго предводителя дворянства: «Хотя вы вчерашній день и удостовѣрили меня, что для арміи продовольствіе готово будетъ, но какъ вслѣдъ затѣмъ въ ночь получилъ я отъ генерала Дохтурова съ нарочнымъ увѣдомленіе, что онъ съ 5-мъ и 6-мъ корпусами слѣдуетъ къ Смоленску для защищенія онаго отъ всѣхъ насилій непріятельскихъ и придетъ навѣрно сюда 19-го іюля къ утру, а много къ обѣду. И посему силою данныхъ мнѣ повелѣній, кои всякъ подъ страхомъ строгаго военнаго сужденія безпрекословно исполнять обязанъ,

---

1 Памятн. книж. Смоленской губ. на 1861 г., стр. 78.

2 Сынъ Отечества 1813 г., ч. IX, стр. 14.

требую отъ васъ рѣшительно такихъ мѣръ и распоряженій, чтобъ 1-я и 2-я западныя арміи ни въ хлѣбѣ и сухаряхъ, ни въ фуражѣ ни малѣйшаго недостатка терпѣть отнюдь не могли. Узнайте отъ Смоленскаго предводителя, что онъ сдѣлалъ для 1-й арміи и сообразно тому усугубьте вашу дѣятельность въ разсужденіе 2-й и покажите въ настоящемъ экстренномъ и столь важномъ случаѣ, что вы тотъ вѣрный сынъ отечества, который тамъ, гдѣ государственныя нужды требуютъ, не находитъ никакихъ препятствій. Я вчерась послалъ съ курьерами подтвержденіе предводителямъ Краснинскому, Ельнинскому и Дорогобужскому, а главную надежду полагаю на васъ, въ чемъ прошу съ полученія сего меня увѣдомить». [1]

Самое содержаніе письма губернатора, его строгій тонъ и категоричность требованій показываютъ, что въ эпоху войны 1812 года помѣщичьи экономіи Смоленской губерніи какъ бы представляли собой запасные продовольственные магазины, а дворянскіе предводители—чиновъ интендантства.

Точно также весь напряженный трудъ и всѣ хлопоты по быстрому сформированію ополченія цѣликомъ лежали исключительно на дворянствѣ и, главнымъ образомъ, на его предводителяхъ. Въ архивѣ еще сохранились любопытныя свѣдѣнія о кипучей плодотворной дѣятельности предводителей дворянства: смоленскаго—Воеводскаго и бѣльскаго—Колѣнова.[2] Какая тяжелая и отвѣтственная работа въ этомъ дѣлѣ была возложена на предводителей дворянства, видно изъ тѣхъ сложныхъ требованій, которыя были къ нимъ предъявлены. [3] Они должны были созвать по уѣздамъ дворянскія собранія для избранія кандидатовъ въ помощь предводителямъ, для выбора тысячныхъ, пятисотенныхъ и сотенныхъ начальниковъ въ ополченіе и для опредѣленія числа ратниковъ съ каждаго владѣнія; они должны были назначить ратниковъ, собрать ихъ, переписать, распредѣлить по роду оружія, заботиться о заготовкѣ для

---

1 Сообщеніе смоленскаго губернатора барона Аша смоленскаго губернскаго дворянства предводителю и кавалеру Серг. Ив. Лесли отъ 18 іюля 1812 г., за № 1459. Арх. см. дв. депут. собр. Дѣло № 622—1812 г.

2 Свидѣтельство отъ дворянъ отъ... февраля 1813 г. и предст. губ. предвод., отъ 5 марта 1813 г. за № 161 о дѣятельности смолен. уѣзда предв. Воеводскаго; свидѣт., выданное губ. пред. двор. отъ 23 января 1823 г. Бѣльск. пред. Калѣнову. См. Прилож.

3 Отношеніе губ. пред. двор. къ Вязем. уѣзд. пред. отъ 12 іюля 1812. См. Приложеніе.

нихъ, по соотвѣтственнымъ вотчинамъ, провіанта, пороха и пуль, о вооруженіи ратниковъ и о сборѣ ихъ въ указанные пункты и пр. И всю эту сложную работу требовалось «окончить непремѣнно въ двѣ недѣли».

Дворянство, какъ во всей своей массѣ, такъ и въ лицѣ своихъ избранныхъ предводителей успѣшно исполнило выпавшія на его долю тяжелыя обязанности долга и чести. Ополченіе было сформировано въ двѣ недѣли, и въ теченіе восьми дней ратники уже прибыли въ Дорогобужъ, назначенный сборнымъ пунктомъ для ополченцевъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что смоленское ополченіе набиралось при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, именно въ періодъ вступленія непріятеля въ Смоленскую губернію. Порѣчскій уѣздъ, занятый уже непріятелемъ, не могъ даже выставить ополченцевъ; Краснинскій уѣздъ, хотя также былъ занятъ непріятелемъ, успѣлъ выставить 200 человѣкъ ратниковъ, какъ это видно изъ имѣющейся въ архивѣ губ. правленія вѣдомости о сформированіи ополченія. Число ратниковъ, выставленныхъ Смоленской губерніей, опредѣлялось мѣстнымъ начальствомъ въ 12,143 человѣка. Однако, если принять во вниманіе большое число вооруженныхъ смолянъ, которые присоединились къ арміи на пути ея слѣдованія отъ Дорогобужа къ Бородину, то общая численность смоленскаго ополченія скорѣе превышала 20 тысячъ, чѣмъ не достигала ихъ. Для вооруженія ратниковъ ополченія были выданы изъ смоленскаго арсенала пики и разное другое оружіе; кромѣ того Барклай-де-Толли приказалъ раздать ополченцамъ изъ обѣихъ западныхъ армій кавалерійскія ружья и карабины съ патронами.

Начальникомъ ополченія былъ избранъ тайный совѣтникъ Вас. Вас. Энгельгардтъ, но въ виду отсутствія его, на должность эту были приглашены—сперва генералъ-маіоръ Лебедевъ, а затѣмъ, за его смертью, генералъ майоръ Вистицкій. Для занятія офицерскихъ должностей въ ополченіи дворянствомъ губерніи было избрано до 300 дворянъ, какъ видно изъ поименнаго списка, лицъ, «служившихъ на офицерскихъ должностяхъ въ Смоленскомъ ополченіи».[1] Въ офицерскихъ должностяхъ съ честью подвизались

1 «Свѣдѣнія о лицахъ, служившихъ на офицерскихъ должностяхъ въ Смоленскомъ ополченіи». См. Прилож.

мѣстные дворяне, и только одинъ, юхновскій пятисотенный начальникъ, маіоръ Подушкинъ, омрачилъ свою репутацію звѣрской, какой-то болѣзненной жестокостью по отношенію къ плѣннымъ непріятелямъ. Боясь отвѣтственности, Подушкинъ исчезъ и его всюду разыскивали, согласно строгому приказанію Кутузова. [1]

Смоленское ополченіе, какъ видно изъ архивныхъ данныхъ о его передвиженіи, [2] переводилось по мѣрѣ надобности въ Вязьму, Сычевку, Можайскъ и Бородино. Отряды его сопровождали плѣнныхъ, отправляли службу въ обозахъ, обезпечивали провіантскіе транспорты, участвовали въ производствѣ инженерныхъ работъ и, по мѣрѣ очищенія губерніи отъ непріятеля, несли полицейскую службу. Смоленское ополченіе отличилось, между прочимъ, при Бородинскомъ сраженіи, когда его ополченцы, выбѣгая впередъ фронта, во время самаго жаркаго боя подбирали раненыхъ. Ихъ выдающееся мужество заслужило одобреніе Кутузова, который выразилъ имъ свою благодарность. Во время битвы подъ Малоярославцемъ смоленскіе ополченцы строили батареи прямо подъ непріятельскими выстрѣлами. [3]

По изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, въ ополченцахъ уже не было больше надобности, и потому въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1813 года послѣдовалъ роспускъ смоленскаго и московскаго ополченій, о чемъ состоялся Высочайшій указъ. [4]

Печально было возвращеніе помѣщиковъ въ свои гнѣзда послѣ освобожденія Смоленской губерніи отъ непріятелей. Пострадали и сильно рѣшительно всѣ, но многіе совершенно разорились и находились въ безвыходной нищетѣ. Тотъ самый, матеріально обезпеченный, Яфимовичъ, который при началѣ войны одинъ изъ первыхъ подалъ примѣръ къ сформированію земскаго ополченія, послѣ войны находился въ крайней нищетѣ, какъ свидѣтельствуетъ губернскій предводитель дворянства. [5] Такихъ примѣровъ полнаго

---

1 Отношеніе главн. управлен. Начал. главн. штаба всей арміи отъ 15 января 1813 г. за № 157. См. Прилож.

2 Свѣдѣнія о движеніи смоленскаго ополченія. См. Прилож.

3 «Отеч. Записки» 1826 г. ч. 26 стр. 398.

4 Высочайшій указъ отъ 30 марта 1813 г. См. Прилож.

5 Представл. см. губ. пред. двор. смол. губернатору отъ 16 сентября 1816 г. за № 817. См. Прилож.

разоренія смоленскихъ дворянъ безчисленное множество. Вообще послѣдствія «года разоренія» глубже и ярче всего сказались на судьбѣ помѣстнаго дворянства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Смоленскіе партизаны.

Изъ всѣхъ различныхъ проявленій народной войны наиболѣе могучимъ и осязательнымъ представляются партизаны. Терминъ этотъ не имѣетъ вполнѣ точнаго и единообразнаго содержанія въ нашей военной литературѣ и потому не встрѣчается препятствій понимать его въ широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ людей, ведущихъ всякую вооруженную вспомогательную борьбу съ непріятелемъ, какъ въ опредѣленной связи съ арміей, такъ и внѣ такой связи. Съ точки зрѣнія такого широкаго пониманія термина здѣсь разработанъ вопросъ о смоленскихъ партизанахъ.

Не даромъ французскіе историки называютъ западную границу Смоленской губерніи—границей старой Россіи. Дѣйствительно, для Западной Европы только со Смоленской губерніи начиналась Русь. Въ своемъ походѣ, отъ Нѣмана до Витебской губерніи включительно, французская армія не ощущала суровой атмосферы непріятельской страны, не была еще окружена ненавистью оскорбленнаго народа; она вездѣ встрѣчала въ населеніи или гостепріимство, или же равнодушіе. Только вступивъ въ Смоленскую губернію, непріятель почувствовалъ всю могучую силу народнаго отпора. Навстрѣчу ему поднялось все населеніе и со всѣхъ сторонъ его охватило пламя народной войны. Народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ. Онъ оставилъ обычныя занятія, покинулъ родныя мѣста, придя и духовно и физически въ состояніе великаго броженія. Не всѣ жители, конечно, были героями и брались за оружіе, чтобы шагъ за шагомъ отстаивать свою родину; не всѣ были бойцами-патріотами безъ страха и упрека. На ряду съ людьми сильными и

духомъ, и тѣломъ, были люди немощные, слабодушные; они могли только бѣжать. Но героевъ было такъ много, что и простые бѣглецы, которые, въ свою очередь, наносили посильный вредъ непріятелю, не нарушали общаго героическаго характера народнаго возстанія. Всѣ возстали; всѣ одинаково пріуготовляли пришлому врагу пустое, разоренное мѣсто; никто не оставался на своемъ корню, не питалъ противника ни своей дѣятельностью, ни своимъ имуществомъ. Въ этомъ всеобщемъ возстаніи и заключалось главное зло для непріятеля. Ему приходилось оперировать не только въ пустынѣ, но и среди ежеминутной незримой опасности внезапныхъ нападеній. Всѣ населенныя мѣста на широкомъ пути его слѣдованія опустѣли, а огромное число ихъ и вовсе было уничтожено пожаромъ. Жители или убѣгали въ сосѣднія губерніи въ поискахъ безопаснаго убѣжища, увозя съ собою наскоро захваченное имущество; или, оставляя свои жилища, укрывались по сосѣднимъ дебрямъ и лѣсамъ, выходя ночью на полевыя работы; или, вооружась чѣмъ Богъ послалъ, составляли партизанскіе отряды, всегда и вездѣ нанося посильный вредъ непріятелю. Имущество, которое нельзя было захватить съ собою, тщательно скрывалось или безпощадно уничтожалось огнемъ. При такихъ условіяхъ непріятель совершалъ походъ свой по большой дорогѣ, вдоль которой верстъ на 20 въ обѣ стороны все начисто подметалось огнемъ. Это былъ походъ по кладбищу за смертью. Непріятельская армія оказалась заброшенной въ мертвомъ пространствѣ; она покоряла землю, а не людей, которые предъ лицомъ ея безслѣдно исчезали. Ни любовь и привычка къ роднымъ мѣстамъ, ни привязанность къ имуществу не удерживали населеніе; бѣжали и бѣдные простые люди, и богатые помѣщики. Французскій историкъ удостовѣряетъ, что «богатство и все, что могло ихъ удержать, а намъ послужить на пользу, было принесено въ жертву. Между нами и собой они оставляли голодъ, огонь и пустыню». [1]

Со Смоленска Наполеонъ ясно увидѣлъ всѣ грозные признаки народной войны, наблюдалъ ненависть русскаго народа. Напрасно старался онъ обѣщаніями разныхъ льготъ возвратить жителей на

---

1 Comte de Ségur «Histoire de Napoléon et de la grande armée...», 145.

мѣста къ обычнымъ занятіямъ. По рукамъ смоленскаго населенія ходило, между прочимъ, особое «французское воззваніе»:

«Смоленскіе обыватели! Французское войско и гражданское правленіе употребляютъ всѣ способы, дабы предоставить вамъ спокойствіе, защиту и покровительство. Приходите и пріѣзжайте въ г. Смоленскъ, гдѣ открывается новое присутствіе, подъ названіемъ «муниципалитетъ», т.-е. градской правительственный совѣтъ. Здѣсь будутъ разбираться всякія дѣла, съ участіемъ васъ, русскихъ гражданъ. Около дорогъ, по которымъ проходятъ войска, одни поля и сѣнокосы разорены, но другіе остались въ цѣлости; между тѣмъ владѣльцы ихъ скрылись и французское правленіе не знаетъ, какъ съ этими землями быть. Поэтому, господа помѣщики и прочіе землевладѣльцы, явитесь и имѣйте довѣріе къ нашему правленію. Вы будете спокойны, въ чемъ увѣритъ васъ французскій императоръ и возстановитъ прежній порядокъ. Вы, крестьяне, снятый нынѣ съ полей озимый хлѣбъ и прочіе сельскіе продукты, за оставленіемъ себѣ на обсѣмененіе и продовольствіе, привозите ихъ, какъ и прежде, для продажи въ г. Смоленскъ, гдѣ въ теченіе короткаго времени, вслѣдствіе множества французскаго народа, получите весьма изрядныя выгоды и скоро забудете прошедшую потерю. Если же вы желаете какой-либо защиты, то объявите объ этомъ, и васъ императоръ французскій приметъ подъ свое покровительство. Крестьяне, будьте спокойны, занимайтесь безъ всякаго страха вашими работами, французскія войска вамъ уже не будутъ больше мѣшать; они уже удаляются отсюда. Что же касается войскъ, которыя имѣютъ намѣреніе проходить здѣсь въ будущемъ времени, то имъ даны строжайшія предписанія, чтобы вамъ обидъ и притѣсненій никакихъ не учиняли. Французское правительство ожидаетъ отъ васъ привоза въ городъ по-прежнему хлѣба и прочихъ жизненныхъ продуктовъ, за которые вы будете получать выгодную плату и большія деньги отъ самого французскаго императора; онъ въ настоящее время пребываетъ въ ожиданіи отъ васъ повиновенія и покорности». [1]

---

[1] А. Слезскинскій. «Смоленскіе партизаны въ 1812 году». «Русская Старина», 1900 г. Сентябрь.

Однако, ничто не помогало и народная война разгоралась все съ большей силой, проявляясь то въ пассивномъ сопротивленіи народа, то въ активныхъ его дѣйствіяхъ противъ враговъ.

Общее народное воодушевленіе сказалось прежде всего въ имущественныхъ пожертвованіяхъ. Пожертвованія для арміи шли со всѣхъ мѣстъ губерніи безъ счета и мѣры. Люди всѣхъ сословій и званій давали деньги, посылали заготовленные—сухари, муку, крупу, овесъ, сѣно. Нужные для арміи запасы отправлялись цѣлыми огромными обозами. Какъ велико было количество отправленныхъ запасовъ и сколько конной тяги требовалось для ихъ передвиженія, можно судить по тому обстоятельству, что изъ общаго числа снаряженныхъ подъ разные запасы для арміи лошадей, однѣхъ пропавшихъ безъ вѣсти насчитывалось по губерніи до 8 тысячъ. [1]

По величинѣ пожертвованій первое мѣсто занимаетъ Гжатскій уѣздъ, давшій для арміи деньгами и всякими запасами свыше 3½ милліоновъ рублей; затѣмъ Вяземскій, пожертвовавшій до 1½ милліоновъ рублей; Бѣльскій и Ельнинскій—около 1 милліона рублей каждый; Дорогобужскій, Смоленскій и Рославльскій—каждый свыше 500 тысячъ; Краснинскій, Сычевскій, Юхновскій—свыше 200 тысячъ каждый; Порѣчскій—свыше 100 тысячъ, и Духовщинскій менѣе этой суммы.

Общая сумма пожертвованій Смоленской губерніи для арміи исчисляется до 10 милліоновъ рублей, [2] кромѣ отпущенныхъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ 91 тысячи четвертей муки и 16 тысячъ четвертей овса. Въ то время когда всѣ жертвовали изъ своего имущества на дѣло обороны страны, очень многіе и лично становились на защиту своей родины.

Одна часть населенія уходила съ пути непріятельскаго нашествія, другая его часть составляла партизанскіе отряды и всячески наносила вредъ непріятелю вооруженной рукою. Партизаны нападали на отдѣльные отряды, перехватывали фуражировъ, шпіоновъ и мародеровъ, во множествѣ бродившихъ въ тылу великой арміи. Во главѣ партизанскихъ отрядовъ становились помѣщики,

---

1 Данныя архива Смоленскаго губернскаго правленія.

2 См. Приложеніе «Таблица, убытковъ...».

купцы, мѣщане, крестьяне, отставные солдаты, дьячки, словомъ, люди всѣхъ сословій и званій, становились женщины изъ народа. Смоленская губернія сдѣлалась очагомъ народной войны, откуда повсемѣстно разносилось ея пламя.

Изъ 12 уѣздовъ Смоленской губерніи 8 уѣздовъ съ ихъ городами были совершенно заняты непріятелемъ, но и во всѣ остальные уѣзды постоянно заходили для грабежа шайки мародеровъ, опустошая селенія и угнетая попадавшихся имъ жителей. Оставшіеся свободными отъ непріятеля, четыре города: Бѣлый, Сычевка, Юхновъ и Рославль, сдѣлались преимущественно средоточіемъ дѣятельности партизанскихъ отрядовъ. Кореннымъ источникомъ для ознакомленія съ этой дѣятельностью служитъ хранящаяся въ архивѣ смоленскаго губернскаго правленія «Записка о ходѣ народной войны въ 1812 г.».[1]

Смоленская губернія, три мѣсяца разоряемая непріятелемъ, была покрыта пепломъ селеній и городовъ, усѣяна трупами непріятелей и своихъ защитниковъ. Смерть ежеминутно витала надъ головами ея обитателей. Это было какое-то царство тѣней. Грань между жизнью и смертью была утрачена и все бытіе протекало въ ощущеніяхъ безнадежной скорби и страха, которые у болѣе сильныхъ людей вырождались въ настроеніе холоднаго озлобленія. Всѣ, кто подымался на защиту родины, оказались вокругъ одного большого дѣла. Разрозненные до того люди вдругъ сплотились чувствомъ общей опасности и любви къ родинѣ, сгрудились въ отдѣльные отряды, составили цѣльныя боевыя единицы. Между такими, дѣйствующими въ разныхъ мѣстахъ отрядами, сразу установилась дѣятельная связь, появился сговоръ, оказалась планомѣрность дѣйствій. Тысячи глазъ выслѣживаютъ непріятеля на всѣхъ путяхъ его передвиженій, тысячи рукъ заносятся надъ нимъ при малѣйшей его оплошности. Партизаны, заслуженно прозванные «налетами», внезапно налетали на врага, разили его и безслѣдно исчезали. Всюду разсѣянные и нигдѣ невидимые непріятелемъ, отряды въ постоянной связи. Они сносятся между собой, даютъ другъ другу условные знаки языкомъ церковныхъ колоколовъ,

---

1 См. Приложеніе.

вспышкой соломы на высокихъ шестахъ, звукомъ выстрѣловъ. Партизанскіе отряды, по мѣрѣ наступленія непріятельской арміи, стали образовываться во всѣхъ уѣздахъ Смоленской губерніи. Дѣло началось съ западныхъ, прежде всего пострадавшихъ, уѣздовъ: Краснинскаго, Порѣчскаго и Смоленскаго.

Въ Краснинскомъ уѣздѣ, въ первую голову занятомъ непріятелемъ, для дѣйствій партизанскихъ отрядовъ не было благопріятныхъ условій. Тамошніе партизаны вынуждены были переносить свою дѣятельность въ другіе уѣзды. Краснинскій помѣщикъ, коллежскій асессоръ Василій Петровичъ Энгельгардтъ, вооруживъ 19 человѣкъ дворовыхъ людей изъ своего имѣнія сельца Путятина, въ 6 верстахъ отъ мѣстечка Монастырщини, образовалъ свою «милицію». Мѣстомъ дѣйствія этого отряда былъ Порѣчскій уѣздъ, гдѣ Энгельгардтъ разбивалъ мелкіе непріятельскіе отряды, истреблялъ и забиралъ въ плѣнъ фуражировъ и мародеровъ и нерѣдко отбивалъ у нихъ имущество, награбленное въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Весьма поучительна судьба Энгельгардта, который, сражаясь съ непріятелемъ за родину, вскорѣ самъ былъ ограбленъ и разоренъ сосѣднимъ помѣщикомъ Могилевской губерніи Голынскимъ, состоявшимъ членомъ учрежденной французами въ Смоленскѣ Верховной Комиссіи. Однако, и въ самомъ Краснинскомъ уѣздѣ дѣйствовали небольшіе партизанскіе отряды помѣщика сельца Демьянкова Ф. Д. Брещинскаго и поручика Яганова. Здѣсь же сумѣлъ проявить свою энергичную дѣятельность отрядъ Семена Архипова, старосты одной деревни верстахъ въ 40 отъ большой смоленской дороги.[1] Этотъ отрядъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, истребилъ болѣе 1,500 человѣкъ непріятелей, взявъ ихъ въ плѣнъ около 2.000. Въ немъ отличался одинъ отставной солдатъ, завѣдывавшій караульной службой, а также храбрецъ Федька, немолодой, рыжій и простоватый мужикъ, который всегда лѣзъ, что называется, на рожонъ, не страшась никакой опасности. Душой отряда былъ продувной и кривой на одинъ глазъ дьячекъ, необычайно пронырливый и верт-

---

1 В. В. Верещагинъ. «Наполеонъ I въ Россіи», стр. 43—53.

кій. Онъ всюду разнюхивалъ, все разузнавалъ, всѣхъ, неизвѣстныхъ ему лицъ, задерживалъ, допрашивалъ, осматривалъ, и всегда, какъ говорятъ, заваривалъ кашу. Какъ вихорь носился онъ на своей шустрой лошаденкѣ, всюду появляясь съ французской саблей черезъ плечо, держа на перевѣсъ драгунскую пику. Иногда въ походахъ отряда принималъ участіе и мѣстный старый батюшка, одѣтый то въ подрясникъ, то въ полушубокъ, но всегда съ крестомъ въ рукахъ.

Утромъ, въ воскресенье, въ самомъ началѣ ноября, когда староста Семенъ выходилъ съ однодеревенцами изъ церкви, ударили въ набатъ. Едва партизаны успѣли захватить въ домахъ оружіе, какъ на нихъ набросились французскіе гусары. Они избили Семена, крѣпко скрутили ему руки назадъ и потащили къ большой дорогѣ. Вмѣстѣ съ нимъ гнали изъ его же отряда рыжаго Федьку, хромого Еремѣя, который былъ отряднымъ кузнецомъ и слесаремъ, оттачивая всѣмъ партизанамъ сабли и пики, и еще полуживого отъ побоевъ, крестьянина Григорія Толкачева, принесшаго изъ Москвы извѣстія о производившихся тамъ безчинствахъ непріятеля. По дорогѣ Толкачева, который началъ отставать, французы пристрѣлили. Когда подошли къ большаку, по немъ отступала непріятельская армія и двигались безчисленные обозы. Въ сторонѣ отъ дороги возлѣ костра стоялъ Наполеонъ, окруженный свитой. Узнавъ, что приведенные крестьяне взяты съ оружіемъ въ рукахъ, онъ приказалъ разстрѣлять ихъ.

Приказаніе это было немедленно приведено въ исполненіе тутъ же близъ дороги среди деревьевъ, обнесенныхъ снѣгомъ. Трупы, раздѣтые непріятелемъ, уже запорошило снѣгомъ, когда наткнулся на нихъ шедшій въ атаку молодой солдатъ, павловскій гренадеръ; онъ сразу узналъ въ трупѣ убитаго Семена Архипова—своего отца и понялъ причину его смерти. Трудно описать, но легко представить себѣ, какія горькія минуты пережилъ закаленный въ бояхъ солдатикъ передъ бездыханнымъ уже тѣломъ своего старика и какая буря страстей, какая потребность отмщенія залегла въ его душу. Когда на другой день генералъ Милорадовичъ подарилъ Павловцамъ французскую колонну, едва ли кого другого такъ обрадовалъ этотъ подарокъ, какъ Семенова сына, ко-

торый въ отчаянной атакѣ кровью враговъ пытался утишить въ своемъ сердцѣ жалость къ отцу.

Съ выступленіемъ нашей арміи изъ Порѣчья всѣ присутственныя мѣста съ дѣлами, всѣ чиновники, архивы, казна, арестанты были отправлены изъ города въ Тверскую губернію въ города Зубцевъ и Ржевъ. Всѣ жители также покидали Порѣчье, стараясь спасти, что можно было изъ своего имущества. Но эгоистическія заботы не всегда заслоняли общественный интересъ. Были люди съ развитымъ чувствомъ долга и чести. Купецъ Яковъ Григорьевичъ Вишкаревъ, служившій ратманомъ городового магистрата, потерявъ все свое имущество, сумѣлъ сохранить ввѣренный ему на храненіе купеческій капиталъ въ суммѣ 2,320 рублей. Мѣщанинъ Андрей Лебедкинъ, бывшій соборнымъ церковнымъ старостою, оставя всѣ заботы о семьѣ и своемъ имуществѣ, спасалъ и сохранилъ имущество церкви. Его достояніе погибло, но вся церковная утварь и деньги въ суммѣ 2,855 рублей были вывезены изъ города и бережно сохранены.

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ составились изъ мѣстныхъ жителей многочисленные партизанскіе отряды. Порѣчскій исправникъ Бининъ съ 16 человѣками дворянъ и дворовыхъ людей разбилъ непріятельскій отрядъ въ 28 человѣкъ, направлявшійся къ Порѣчью. [1] Есть указаніе на отрядъ, сформированный поручикомъ Василіемъ Длотовскимъ. [2] Особенно отличался партизанскій отрядъ, составленный изъ жителей города Порѣчья порѣчскимъ мѣщаниномъ Никитою Минченковымъ; отрядъ этотъ при своихъ разъѣздахъ съ августа по декабрь мѣсяцы нанесъ непріятелямъ много вреда. Однажды Минченковъ съ своими партизанами перехватилъ французскаго курьера съ очень важными депешами, который былъ доставленъ главнокомандующему; за этотъ подвигъ Минченковъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія 4 ст. Въ другой разъ этотъ же отрядъ, въ 7 верстахъ отъ Порѣчья, напалъ

---

1 Архивъ смоленск. губ. правл. «Записка о ходѣ народной войны въ 1812 г.». См. Приложеніе.

2 Арх. губ. правл. «Записка объ отличіяхъ оказанныхъ противъ непріятеля». См. Приложеніе.

на непріятеля и отбилъ знамя и орла 11 полка. Какъ видно изъ переписки, найденной въ архивѣ смоленскаго губернскаго правленія, послѣ войны, согласно положенія Комитета Министровъ, Минченкову были возвращены 9,002 рубля, издержанные имъ изъ собственныхъ средствъ на содержаніе отряда.

По удостовѣренію порѣчскаго уѣзднаго предводителя дворянства Фроловскаго и сорока человѣкъ дворянъ, прапорщикъ Петръ Храповицкій, по нашествіи непріятеля, ушелъ въ лѣса Порѣчскаго уѣзда съ конным отрядомъ изъ 27 человѣкъ своихъ дворовыхъ людей, вооруженныхъ пиками и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Эта «конная команда» удачно нападала на непріятельскіе отряды, отбивая у нихъ награбленное имущество, которое возвращалось по принадлежности. Наконецъ, Храповицкій 4 октября былъ взятъ въ плѣнъ отрядомъ французской конницы. Его нещадно истязали, пока ему не удалось бѣжать изъ Смоленска. [1]

Вообще порѣчскіе партизаны, разъѣзжая въ видѣ казаковъ, наводили страхъ на непріятелей и въ значительной степени обезпечили безопасность своего города и уѣзда. 26 октября партизаны имѣли довольно серьезную стычку съ непріятелемъ въ самомъ Порѣчьѣ, когда непріятельскій отрядъ пытался ограбить Петропавловскую церковь. Во время нападенія въ церкви служилъ литургію соборный протоіерей Петръ Корейша, который, не взирая на кипѣвшую кругомъ битву, съ полнымъ самообладаніемъ продолжалъ и окончилъ обѣдню. Партизаны прогнали непріятелей.

Послѣ пораженія союзной арміи жители стали собираться по своимъ мѣстамъ. Въ концѣ октября прибылъ въ Порѣчскій уѣздъ и уѣздный предводитель дворянства Алексѣй Григорьевичъ Баранцовъ. Онъ немедленно образовалъ изъ дворянъ и ихъ дворовыхъ людей вооруженный отрядъ и, дѣлая разъѣзды до границъ Могилевской губерніи, вскорѣ очистилъ свой уѣздъ отъ множества бродившихъ по немъ мародеровъ. Затѣмъ онъ совмѣстно съ городничимъ Амболевскимъ образовалъ особую комиссію, которая дѣя-

---

1 Изъ дѣлъ Арх. смол. губ. правл. «Копія отношенія Смоленск. губерн. пред. дворян. на имя смоленск. гражд. губернат. отъ 18 ноября 1824 г. за № 1308. См. Приложеніе.

тельно заботилась о водвореніи въ Порѣчьѣ порядка и о доставленіи продовольствія собиравшимся жителямъ.

Изъ Смоленскаго уѣзда и города Смоленска множество жителей кинулось въ сосѣднія мѣстности; они заполнили преимущественно лѣса Бѣльскаго уѣзда, расположились между прочимъ при с. Печеничинѣ и тамъ, вооружившись, ловили и истребляли непріятельскихъ фуражировъ и мародеровъ. Въ Смоленскомъ же уѣздѣ образовался первый въ Отечественную войну партизанскій отрядъ братьевъ Лесли. Въ образованіи его принимала самоотверженное участіе вся семья стараго отставного генерала Дмитрія Егоровича Лесли, который уже доживалъ свой вѣкъ въ имѣніи-Копыревщинѣ Духовнищинскаго уѣзда. Четыре его сына,—отставные штабсъ-ротмистръ Александръ, поручикъ Григорій и подпоручики Егоръ и Петръ Дмитріевичи Лесли, воодушевленные пламеннымъ патріотизмомъ, явились иниціаторами и главными вдохновителями на мѣстѣ дѣла народной войны. Пока шли толки и приготовленія къ формированію ополченія, явилась необходимость въ немедленномъ образованіи хотя небольшого коннаго отряда для развѣдочной службы, о чемъ находившійся въ Смоленскѣ генералъ-адъютантъ баронъ Винцингероде сообщилъ смоленскому губернскому предводителю дворянства. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ братья Лесли немедленно образовали партизанскій отрядъ. Любопытныя подробности о составленіи этого отряда и о его дѣятельности имѣются въ многотомномъ дневникѣ, который въ продолженіи 27 лѣтъ велъ сынъ героя 1812 года, Александра Дмитріевича Лесли, и который хранится въ родовомъ имѣніи Лесли въ сельцѣ Станьковѣ Смоленскаго уѣзда. Въ партизанскій отрядъ были собраны изъ всѣхъ имѣній Лесли отборные люди изъ дворовыхъ и крестьянъ въ количествѣ 60 человѣкъ. Весь отрядъ былъ въ конномъ строю и вооруженъ длинными пиками и саблями. Подъ него пошли лучшія господскія лошади «своихъ заводовъ»; прислалъ лошадей, между прочимъ, и Лесли-отецъ изъ своей Копыревщины, и дочь его Елисавета Дмитріевна, по мужу Апухтина, изъ сельца Иванова подъ Ельней. Провожать отрядъ пріѣхалъ въ Смоленскъ и самъ старикъ Лесли, выразивъ даже готовность лично встать въ его ряды... Послѣ молебствія въ соборѣ отрядъ выступилъ,

Петръ Дмитріевичъ
ЛЕСЛИ

Александръ Дмитріевичъ
ЛЕСЛИ

Старинный господскій домъ въ с. Станьковѣ, родовомъ имѣніи Леслн

согласно полученнаго отъ Винцингероде распоряженія, за городъ Красный на бѣлорусскую границу къ мѣстечку Лядамъ Могилевской губерніи, гдѣ поступилъ подъ команду генерала Оленина. Прибывъ на мѣсто 14 іюля, за три недѣли до вступленія непріятельской арміи въ Смоленскую губернію, отрядъ Лесли занималъ аванпосты, дѣлалъ разъѣзды и мужественно отражалъ передовые отряды непріятеля. Онъ первый замѣтилъ приближеніе непріятельской арміи, о чемъ и донесъ Оленину. Отступивъ къ Красному, отрядъ Лесли присоединился къ Харьковскому драгунскому полку, въ составѣ котораго принималъ участіе въ битвѣ Невѣровскаго съ непріятелемъ. Здѣсь Петръ Дмитріевичъ Лесли «во фракѣ» командовалъ цѣлымъ эскадрономъ драгунъ. Затѣмъ отрядъ участвовалъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ. За Валутиной Горой на походѣ князь Багратіонъ обратилъ вниманіе на этотъ отрядъ, расположившійся на отдыхъ близъ большой дороги, и назначилъ братьевъ Лесли состоять въ своемъ дежурствѣ для исполненія разныхъ порученій. Этому отряду приходилось временами дѣйствовать самостоятельно, преслѣдуя непріятеля. Какъ видно изъ разсказа участника его, крестьянина Зайца, [1] въ отрядѣ была заведена военная дисциплина и господствовали вотчинные порядки; дворовые люди распоряжались за унтеръ-офицеровъ, старосты и приказчики, въ отсутствіи господъ, вступали въ командованіе отдѣльными частями. Послѣ Бородинскаго сраженія, въ которомъ братья Лесли также принимали участіе, они возвратились въ свое разоренное имѣніе Станьково. Надо замѣтить, что Лесли и снарядили, и все время содержали свой отрядъ исключительно на свои личныя средства.

Черезъ Духовщинскій уѣздъ непріятели проходили безпрерывно и притомъ значительными массами. Жители вынуждены были почти совершенно покинуть уѣздъ, и дѣятельность партизанскихъ отрядовъ здѣсь была очень стѣснена. Однако, какъ слѣдуетъ заключить изъ указаній нѣкоторыхъ архивныхъ данныхъ, въ Духовщинскомъ уѣздѣ дѣлали разъѣзды, и по возможности отражали непріятеля отъ границъ уѣзда отряды—корнета Якова Скрыдло,

---

[1] Дневникъ Лесли.

маіора Семена Гринева и коллежскаго регистратора Федора Василевскаго.[1]

Ельнинскій уѣздъ былъ въ числѣ значительно пострадавшихъ мѣстностей губерніи. Съ приближеніемъ непріятеля, жители Ельни, забравъ скотъ и нѣкоторое имущество, скрылись въ сосѣднихъ лѣсахъ. Въ августѣ къ Ельнѣ подошла, слѣдуя изъ Могилева черезъ Мстиславль, 17 дивизія Домбровскаго изъ польскаго корпуса Понятовскаго и остановилась у Смоленской заставы. Занявъ затѣмъ пустой городъ и разграбивъ оставшееся тамъ имущество, она послѣ дневки выступила по дорогѣ къ Вязьмѣ. Затѣмъ черезъ Ельню проходили разные непріятельскіе отряды, доканчивая разграбленіе города. Въ этомъ отношеніи особенно много вреда причинилъ отрядъ генерала Ожеро, который расположился на квартиры—частью въ Ельнѣ, частью за городомъ. Отрядъ укрѣпился въ городѣ, обнеся улицы тыномъ и палисадами. Съ приближеніемъ русскихъ войскъ отрядъ выступилъ изъ Ельни и выжегъ до 40 домовъ въ городѣ и до 360 въ уѣздѣ[2]. Въ числѣ разоренныхъ непріятелемъ мѣстностей было и село Новоспасское въ 20 верстахъ отъ Ельни, родина М. И. Глинки. Трезвонъ новоспасскихъ колоколовъ вызвалъ первые проблески музыкальнаго дарованія нашего великаго композитора, который такъ любилъ прислушиваться къ колокольному звону. Въ виду нашествія непріятеля вся многочисленная семья новоспасскаго помѣщика, отставного капитана Глинки, вынуждена была, оставя родное гнѣздо, искать пріюта въ другой губерніи. За отъѣздомъ ктитора Глинки, Новоспасская церковь осталась на попеченіи престарѣлаго священника отца Іоанна Стабровскаго, который неотлучно охранялъ храмъ свой. Онъ ежедневно возносилъ молитвы «объ одолѣніи супостата» и воодушевлялъ окрестныхъ крестьянъ. Среди нихъ образовались партизанскіе отряды для борьбы съ врагомъ.

Сохранился разсказъ о нападеніи на Новоспасскій храмъ. 30 августа, когда шла церковная служба, непріятельскій отрядъ

---

1 «Записки объ отличіяхъ, оказанныхъ противъ непріятеля». См. Приложеніе.

2 «Записка о ходѣ народной войны въ 1812 году». См. Приложеніе; Невѣровичъ и Синявскій. Памятн. книжка Смоленской губерніи на 1861 годъ.

въ 70 человѣкъ окружилъ этотъ храмъ. Собравшіеся въ немъ богомольцы, въ состояніи всеобщей паники, метались по церкви, пока священникъ силою своей крѣпкой вѣры и вдохновеннаго слова не успокоилъ ихъ. Онъ говорилъ: «куда вы дѣти! Стойте и молитесь Богу. Богъ не оставитъ насъ своею защитою. Оружіе наше—крестъ и молитва. Передъ нами повергнутся въ прахъ нечестивцы, дерзающіе на храмъ Господній. Не думаете ли вы спастись внѣ церкви. Нѣтъ! Да и можете ли равнодушно и безъ соболѣзнованія взирать на святыню, подвергающуюся расхищенію злодѣевъ? Умремъ лучше, если необходимо, но не будемъ свидѣтелями сего поруганья! Смерть доставитъ каждому мученическій вѣнецъ. Молитесь, молитесь, дѣти! Богъ защититъ насъ и святую церковь». Народъ успокоился и терпѣливо выждалъ пока непріятель, не имѣвшій возможности чрезъ желѣзныя двери и рѣшетки оконъ проникнуть въ храмъ, ушелъ, разграбивъ дома причта и господскую усадьбу. [1]

Въ Ельнинскомъ уѣздѣ дѣлали часто набѣги на непріятелей рославльскій отрядъ князя Тенишева и знаменитые партизаны—Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ, которые здѣсь при Ляховѣ разбили бригаду генерала Ожеро.

Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ впервые былъ сформированъ унтеръ-офицеромъ Кіевскаго драгунскаго полка, Ермолаемъ Васильевымъ, партизанскій отрядъ, прославившійся своими подвигами. Раненый въ голову въ сраженіи при Мірѣ, Минской губерніи, Васильевъ замертво остался на полѣ битвы. Однако, рана не была опасна, и, придя въ сознаніе, онъ забрался въ сосѣдній боръ и тамъ скрывался три дня. Оправившись немного, онъ побрелъ въ глубь Россіи, надѣясь розыскать свой полкъ. По дорогѣ ему пришлось наблюдать, какъ оплошно шли по большой дорогѣ отдѣльныя части французской арміи. Однажды близъ Дорогобужа, пробираясь по лѣсной чащѣ, онъ наткнулся на большую партію бѣглыхъ крестьянъ, которые схватили его какъ человѣка подозрительнаго. Но его увѣренія и крестъ на шеѣ убѣдили крестьянъ, что захваченъ свой человѣкъ. Тутъ Васильеву пришло въ голову сформировать изъ окружавшихъ его крестьянъ конный отрядъ для нападеній по

---

[1] Андрей Щукинъ. «Русскій Вѣстникъ», 1817 г., № 28.

большой дорогѣ, по которой безпрестанно тянулись непріятельскіе обозы, фуры и отсталые солдаты. Составилась общая сходка и Васильевъ, воодушевивъ слушателей своими разсказами, вызвалъ охотниковъ. Сперва отозвалось 60 человѣкъ. Нашелся кузнецъ, который изъ сборнаго желѣза изготовилъ на скорую руку нѣсколько пикъ. Изъ этихъ пикъ и собранныхъ топоровъ, косъ и дубинъ составился цѣлый арсеналъ холоднаго оружія. Относительно огнестрѣльнаго оружія Васильевъ не сомнѣвался, говоря «французы снабдятъ насъ». Новый отрядъ, усердно помолясь Богу, вооружился, сѣлъ на коней и въ день праздника Успенья Пресвятой Богородицы, 15 августа, тронулся въ путь, и началъ свои военныя дѣйствія. Первое дѣло оказалось удачнымъ. Отрядъ напалъ на партію пѣшихъ отсталыхъ солдатъ человѣкъ въ 200—300, которые шли въ безпорядкѣ безъ всякой военной предосторожности. Неожидавшая нападенія партія французовъ была разбита. Захваченнаго оружія съ избыткомъ хватило для всего партизанскаго отряда Васильева. Этотъ успѣхъ и военная добыча подняли сразу духъ отряда и воодушевили еще колебавшихся крестьянъ. Вскорѣ отрядъ увеличился сразу до 200, а затѣмъ и до 600 человѣкъ. Увеличивъ свой отрядъ, Васильевъ расширилъ кругъ дѣйствій, продвигаясь съ одной стороны къ Красному, а съ другой—къ Гжатску. Отрядъ почти ежедневно участвовалъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ, и съ 15 августа до 20 октября причинилъ много вреда непріятельской арміи. Около тысячи человѣкъ непріятелей было истреблено, болѣе 50 фуръ и зарядныхъ ящиковъ, множество обоза и до 200 лошадей было отбито и даже удалось отряду захватить шесть орудій, изъ которыхъ, однако, партизаны успѣли увезти только одну пушку; она нынѣ помѣщается въ Москвѣ на Кремлевской площади.

Отрядъ Васильева впервые попался на глаза нашей регулярной арміи на большой дорогѣ близъ Вязьмы 21 октября. Здѣсь командиръ Кіевскаго драгунскаго полка, полковникъ Эмануэль, находясь во главѣ авангарда корпуса Милорадовича, усмотрѣлъ въ подзорную трубу на югъ отъ большака какіе-то необычайнаго вида конные разъѣзды. Немедленно на рекогносцировку былъ высланъ офицеръ съ командой. Вскорѣ къ авангарду прибылъ на рысяхъ весь загадочный отрядъ и передъ полковникомъ Эмануэ-

лемъ предсталъ самъ начальникъ отряда,—унтеръ-офицеръ его полка Васильевъ. Полковникъ достойно принялъ своего подчиненнаго, исходатайствовалъ ему знакъ отличія военнаго ордена и оставилъ при себѣ въ безсмѣнныхъ ординарцахъ.[1]

Сохранился разсказъ о подвигѣ дворовыхъ людей помѣщика Барышникова, къ усадьбѣ котораго въ Николо-Погорѣломъ Дорогобужскаго уѣзда приблизились 17 человѣкъ мародеровъ, послѣ занятія Вязьмы непріятельской арміей. Одинъ изъ дворовыхъ, взявъ ружье, засѣлъ въ придорожномъ рву, а другой, также съ ружьемъ, притаился наискось отъ него черезъ дорогу. Когда приблизились мародеры, первый изъ дворовыхъ выстрѣлилъ и ранилъ двухъ человѣкъ. Не успѣли грабители опомниться отъ неожиданнаго выстрѣла, какъ съ противоположной стороны грянулъ другой выстрѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дворовые люди выскочили изъ засады и съ крикомъ «пардонъ» бросились на непріятелей, обративъ ихъ въ бѣгство. Тутъ подоспѣли изъ деревни крестьяне и всѣ мародеры были переловлены.[2]

Одинъ помѣщикъ сообщилъ въ газеты извѣстіе о доблестной дѣятельности дорогобужскаго священника села Негашева Ѳедора Павлинова, который съ приближеніемъ непріятеля началъ усердную проповѣдь среди крестьянъ своего прихода. Онъ всѣхъ ихъ собралъ въ церковь, объявилъ о нашествіи непріятеля и приказалъ двое сутокъ держать строгій постъ и молиться, а потомъ причаститься святыхъ Таинъ и готовиться дать врагу достойный отпоръ.[3]

Въ Гжатскомъ уѣздѣ дѣйствовало очень много отрядовъ вооруженныхъ крестьянъ.[4] Особенно отличались отряды, предводительствуемые двумя бурмистрами—вотчинъ помѣщицъ Каровой и Бѣлкиной дер. Крутицъ, Игнатомъ Никитинымъ и Галактіономъ Максимовымъ. Оба они за свои выдающіяся заслуги были

---

1 Князь Ник. Голицынъ. «Первые партизаны въ Отечественную войну», «Руск. Инв.», 1846 г., № 256, стр. 1022.

2 «Сынъ Отечества», 1813 г., ч. IV, стр. 183.

3 «Московскія Вѣдомости» 1813 г., № 2; Любецкій. «Русь и русскіе въ 1812 г.».

4 «Записка о ходѣ народной войны въ 1812 году». См. Приложеніе; «Преданность жителей Смоленской губ. Государю и Отечеству», «Отечественныя Записки», 1826 г. ч. 25, стр. 398; Бумаги Щукина ч. III, стр. 43.

награждены знаками отличія военнаго ордена св. Георгія. Въ Гжатскомъ уѣздѣ началъ и развилъ свою партизанскую дѣятельность рядовой гусарскаго Елисаветградскаго полка Ѳедоръ Потаповъ, по прозваніи Самусь. Раненый въ бою онъ остался на полѣ битвы и пріютился въ одной деревнѣ Гжатскаго уѣзда. Оправившись отъ ранъ, онъ набралъ отрядъ изъ крестьянъ въ количествѣ до двухъ тысячъ человѣкъ и началъ свои подвиги. Впослѣдствіи при отрядѣ имѣлась даже пушка, отбитая у непріятелей. Онъ дѣлалъ лихіе набѣги, истребивъ до 3 тысячъ непріятелей. Когда Милорадовичъ узналъ о подвигахъ Самуся, то произвелъ его въ унтеръ-офицеры.

Въ Гжатскомъ же уѣздѣ началъ свою дѣятельность и знаменитый поэтъ-партизанъ Давыдовъ, подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка. Здѣсь у Колоцкаго монастыря Давыдовъ изложилъ свои планы Багратіону и Кутузову, предлагая пробраться въ тылъ непріятельской арміи. Осторожный Кутузовъ, заинтересованный доводами Давыдова, но не вполнѣ довѣряя имъ, позволилъ ему взять съ собой «почти на вѣрную гибель» лишь только 50 гусаръ и 150 казаковъ. Давыдовъ, которому въ насмѣшку поручили «кланяться Павлу Тучкову», бывшему въ плѣну у непріятеля, началъ и развилъ свои блестящіе подвиги въ Смоленской губерніи. Одновременно съ нимъ, и приблизительно въ той же мѣстности Гжатскаго уѣзда, образовался и подвизался другой, менѣе извѣстный, но не менѣе доблестный отрядъ Четвертакова,[1]

Въ одной изъ схватокъ аріергарда Коновницына съ непріятелемъ у Царево-Займища подъ рядовымъ Кіевскаго драгунскаго полка Ермолаемъ Васильевымъ Четвертаковымъ была убита лошадь. Онъ остался на мѣстѣ схватки и былъ взятъ въ плѣнъ, но изъ Гжатска ночью убѣжалъ. Бредя изъ плѣна наугадъ Четвертаковъ зашелъ на югъ отъ большака въ дер. Басманы. Здѣсь онъ сталъ подбивать крестьянъ вооружиться и стать на защиту своихъ деревень. Сперва ему удалось привлечь всего одного крестьянина этой деревни, съ которымъ онъ и отправился въ дер. Задково. По дорогѣ они убили двухъ французовъ и воспользовались ихъ

---

[1] Ев. Альбовскій. «Одинъ изъ партизановъ 1812 г.» «Рус. Стар.» 1898 г. іюль.

вооруженіемъ, пріобрѣтя уже болѣе внушительный видъ. Черезъ нѣсколько дней въ партію поступило 47 крестьянъ, которые и выбрали Четвертакова своимъ начальникомъ. Затѣмъ въ составъ отряда вошла и вся дер. Басманы, которая и была главной квартирой партизана-драгуна. Отрядъ достигъ 300 человѣкъ и развилъ самую кипучую дѣятельность. Четвертаковъ въ глазахъ населенія являлся защитникомъ всей мѣстности отъ грабежа непріятелей. Онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ половины. Одну половину разставилъ на пикеты: при сел. Басманы 50 человѣкъ, въ 4 верстахъ отъ нея, при дер. Семіоновкѣ и въ 8 верстахъ въ с. Мокрели,—по 30 человѣкъ. Пикеты должны были защищать деревни отъ мелкихъ шаекъ и давать знать въ штабъ-квартиру о появленіи болѣе сильныхъ партій. Изъ состава другой половины посылались разъѣзды: на сѣверо-востокъ къ Колоцкому монастырю, на сѣверъ къ Гжатску и на югъ къ Медыни, къ селамъ Никольскому и Михайловкѣ. Партизаны Четвертакова истребили массу непріятелей и спасли отъ разоренія и погибели множество деревень и людей. Въ дер. Семіоновкѣ они уничтожили большую толпу непріятелей, грабившихъ домъ священника. Всему селенію Скугареву и усадьбѣ помѣщика Войкина угрожалъ полный разгромъ со стороны цѣлаго баталіона непріятелей, который съ 2-мя орудіями двигался на это селеніе. Объ этомъ движеніи во время дали знать Четвертакову всюду шнырявшіе его разъѣзды. Онъ немедленно предупредилъ объ опасности бурмистровъ изъ вотчинъ Орлова-Денисова, князя Долгорукова и Войкина. Было собрано до 4 тысячъ крестьянъ на коняхъ. Эту, кое-какъ вооруженную, толпу Четвертаковъ присоединилъ къ своему отряду и повелъ въ атаку на непріятельское регулярное войско. Непріятель былъ оттѣсненъ къ Гжатску, а селеніе и усадьбы спасены отъ разгрома. Точно также партизаны спасли дер. Крисово, разогнавъ напавшую на нее толпу мародеровъ до 400 человѣкъ, при чемъ взяли 75 плѣнныхъ. Обучивъ и увеличивъ свой отрядъ, Четвертаковъ отважился дѣлать набѣги на главные пути сообщенія великой арміи. Подвиги его и заслуги высоко цѣнило все окрестное населеніе. При отступленіи непріятеля, Четвертакова встрѣтилъ по дорогѣ въ Гжатскъ въ с. Тепломъ генералъ Паскевичъ, прибывъ туда съ своею колонной. Четверта-

ковъ явился къ генералу, доложилъ о своей дѣятельности и просилъ приказаній. Паскевичъ обласкалъ его и обо всемъ извѣстилъ командира Кіевскаго драгунскаго полка, полковника Емануэля. Въ то же время собравшіеся на походѣ въ с. Тепломъ генералы произвели подробное слѣдствіе. Они сами лично убѣдились, что въ районѣ дѣятельности Четвертакова на пространствѣ 35 верстъ отъ Гжатска вся мѣстность не была разорена; всѣ же окрестныя деревни лежали въ развалинахъ. Мѣстные жители единогласно показали, что крестьянъ вооружилъ и управлялъ ихъ военными дѣйствіями одинъ Четвертаковъ и «съ чувствительной благодарностью называли его спасителемъ» своей мѣстности. Четвертаковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, награжденъ Георгіемъ и скромно вступилъ въ ряды своего эскадрона; былъ участникомъ многихъ еще сраженій и въ томъ числѣ подъ Лейпцигомъ «въ битвѣ народовъ».

Но главнымъ средоточіемъ партизанской дѣятельности были четыре уѣзда, не занятые непріятелемъ: Сычевскій, Бѣльскій, Юхновскій и Рославльскій.

Въ Сычевскомъ уѣздѣ партизанская дѣятельность развилась особенно широко и сычевскіе партизаны, отличаясь исключительной храбростью и удальствомъ, прославились на всю Россію.[1] Они создали себѣ грозную извѣстность въ рядахъ непріятелей. Бродившіе по уѣзду отряды ихъ такъ боялись имени «сычевки», какъ въ войскахъ непріятельскихъ боялись слова «казаки». Про ихъ дѣятельность сложились цѣлыя легенды, которыя рисуютъ яркую картину народной войны.

При наступательномъ движеніи непріятельской арміи и при ея отступленіи, въ Сычевскомъ уѣздѣ появлялись большія партіи фуражировъ и мародеровъ, что дало жителямъ непосредственный поводъ прибѣгнуть къ самозащитѣ.[2] Уѣздный предводитель дворянства Нахимовъ лично объѣзжалъ селенія уѣзда; вездѣ ободряя жителей, онъ возбуждалъ въ нихъ патріотическія чувства, призывалъ къ вооруженному возстанію противъ враговъ. Образовались

---

1 «Записка о ходѣ народной войны въ 1812 г.». См. Приложеніе.

2 Рапортъ уѣзднаго предводителя Нахимова сенатору Каверину. См. Приложеніе.

многочисленные отряды партизановъ, подъ охраной которыхъ въ городѣ Сычевкѣ нашли себѣ пристанище жители—Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и другихъ городовъ. Проживавшая тамъ одна дѣвица писала: «дай Богъ здравствовать Сычевскому уѣзду; тамъ собрались изъ всѣхъ мѣстъ крестьяне и мѣщане съ косами, топорами, вилами, пиками и объявили, что они ни на пядь не пойдутъ изъ своего уѣзда, пока останутся только въ живыхъ».[1]

Группируясь возлѣ города Сычевки партизанскіе отряды эти содержали по дорогамъ особые караулы и разсылали по всему уѣзду конные патрули. Въ организаціи партизанскихъ отрядовъ и въ боевой ихъ дѣятельности особое участіе принимали, на ряду съ предводителемъ дворянства Ник. Нахимовымъ, городничій Павелъ Карженковскій, исправникъ Евстафій Богуславскій, отставной маіоръ Емельяновъ, чины городской ратуши: бургомистръ Масленниковъ, ратманы Денисовъ и Бандуринъ, начальникъ инвалидной команды подпоручикъ Подлуцкій и квартальный надзиратель Леновъ. Прочное основаніе партизанской дѣятельности въ уѣздѣ положилъ храбрый воинъ суворовскихъ временъ, отставной маіоръ изъ сдаточныхъ крестьянъ Сычевскаго уѣзда, Емельяновъ. Онъ образовалъ изъ мѣстныхъ жителей большой отрядъ, вооруживъ его сперва косами, вилами и топорами, а затѣмъ оружіемъ, отбитымъ у непріятеля; ввелъ въ немъ полный порядокъ и строгую дисциплину. По одному условному знаку всѣ окрестныя деревни пустѣли, по другому—жители собирались по домамъ. Выступленіе въ походъ, призывъ къ бою въ пѣшемъ или конномъ строю—все это быстро совершалось по особымъ повѣсткамъ. Самъ предводитель Емельяновъ находился всегда впереди на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, и въ одной битвѣ съ непріятелемъ былъ убитъ. Чрезвычайно дѣятельнымъ предводителемъ партизановъ былъ исправникъ Богуславскій. Подъ его руководствомъ крестьяне села Тесова 30 августа напали на появившуюся по сосѣдству непріятельскую партію, перебили 130 человѣкъ, захвативъ въ плѣнъ 60 человѣкъ.

---

[1] «Сѣверная Почта», 1812 г. № 74.

Любимымъ героемъ народной молвы былъ бурмистръ села Левшина на рѣкѣ Вазузѣ, который славился неимовѣрной силой. Преданіе гласитъ, что «сей вазузскій Ахиллесъ» имѣлъ обыкновеніе переламывать пополамъ каждаго встрѣчнаго непріятеля. Послѣднимъ подвигомъ этого «удальца-молодца», послужившимъ темой не одной лубочной картины, былъ захватъ французскаго отряда въ числѣ 31 человѣка. Когда отрядъ этотъ, войдя въ деревню, занялъ одну избу, бурмистръ съ товарищемъ своимъ приперли плечами дверь, пока собирались крестьяне. Попавшіе въ западню французы начали стрѣлять и смертельно ранили бурмистра. Собравшіеся крестьяне, подъ угрозой зажечь избу, заставили французовъ сдаться и, раздраженные потерей своего предводителя, рѣшили всѣхъ ихъ умертвить. Но умирающій бурмистръ спасъ своихъ враговъ, уговоривъ крестьянъ сохранить имъ жизнь. Бурмистръ этотъ похороненъ въ селѣ Левшинѣ возлѣ своей приходской церкви.

Извѣстны также были по своей дѣятельности отряды отставного штабсъ-капитана Тимашева и пономаря Смирягина. Помѣщикъ Николай Тимашевъ, не смотря на болѣзнь, вынудившую его оставить службу, вооружилъ своихъ крестьянъ и, разъѣзжая съ ними по всей сосѣдней округѣ, ловилъ и истреблялъ мародеровъ и нерѣдко вступалъ въ бой даже съ цѣлыми небольшими отрядами непріятелей. Пономарь села Савенокъ, на рѣкѣ Каснѣ, Алексѣй Смирягинъ, собравъ и вооруживъ толпу удальцовъ, повсемѣстно, какъ говорили, «трезвонилъ» непріятеля. Его лихіе набѣги служили темой любопытныхъ разсказовъ и заслужили ему высокую награду знакомъ отличія военнаго ордена.[1] Образовали многочисленные отряды изъ вотчинныхъ крестьянъ и водили ихъ на враговъ управляющіе имѣніями сычевскихъ помѣщиковъ: «оберъ-егермейстерши» графини Моденъ—крестьянинъ Агапій Ивановъ, генералъ-маіорши Ломоносовой—Сергѣй Мироновъ, «оберъ-провіантмейстерши» Настасьи Олонкиной—бурмистръ Максимъ Васильевъ и приказчикъ Андрей Степановъ, и графа Гудовича—бурмистръ Антонъ Федоровъ, а также баскаковской волости экономическій голова Василій Никитинъ. Своими набѣгами на непріятелей отличились между про-

---

[1] «Предложеніе Святѣйшему Правительствующему Синоду». См. Приложеніе.

Старостиха Василиса

Бурмистръ села Левшина

чимъ засѣдатель земскаго суда лейтенантъ Граблиновъ, лейтенантъ Мельниковъ, избранные въ ополченскія должности жители города Сычевки: купецъ Мельниковъ, сотенные Изренковъ и Щениковъ, пятидесятники: Милеевъ, Тяполовскій и Костинъ. Не оставались въ бездѣйствіи и сычевскія женщины. Вооружившись, онѣ также мужественно защищали свою родину, преслѣдуя непріятелей. Среди нихъ прославилась старостиха Василиса. Чтобы не отвлекать мужчинъ отъ непосредственной войны, она избрала своей спеціальностью сопровожденіе плѣнныхъ непріятелей въ городъ Сычевку. Для конвоированія плѣнныхъ она набрала себѣ отрядъ изъ подростковъ и бабъ, вооружила ихъ косами, вилами и разнымъ дрекольемъ. Народная молва отдала ей подъ конвой наполеоновскую гвардію, изображая ее на конѣ то въ сарафанѣ, вооруженной косою, то во французской шинели съ длинною саблей. Она является въ народномъ творчествѣ героиней разныхъ потѣшныхъ листовъ. Сохранился разсказъ про крутой нравъ этой «сычевской Марѳы Борецкой». Однажды она, приводя въ порядокъ большую партію плѣнныхъ, объѣзжала ее, выстраивая и равняя—съ крикомъ, бранью и побоями. Такое обхожденіе взорвало одного плѣннаго французскаго офицера и онъ сталъ обороняться отъ нападеній бабы-командира. За такой проступокъ въ строю, Василиса на смерть поразила косой офицера и «зычнымъ» голосомъ обратилась къ сбродной толпѣ плѣнныхъ съ такимъ словомъ увѣщанія: «Смотри, всѣмъ вамъ ворамъ, собакамъ будетъ то же, чуть кто колыхнется; не вамъ чета озорникамъ срывала я головы. Маршъ въ городъ!». Сохранился разсказъ про другую сычевскую женщину, крестьянку дер. Соколовой, Прасковью. Она, отражая нахальныя домогательства французскаго полковника, убила его, надѣла на себя его мундиръ съ орденами и каску, сѣла верхомъ на его лошадь, и въ такомъ парадномъ видѣ явилась къ своему помѣщику, которому и разсказала обо всемъ случившемся. Сычевцы не только преслѣдовали непріятеля по уѣзду; имъ пришлось выдержать и осаду своего города. Однажды отрядъ польскихъ уланъ, не подозрѣвая отпора, спокойно вошелъ въ Сычевку, но здѣсь на нихъ неожиданно обрушился городской партизанскій отрядъ подъ командой городничаго Карженковскаго. Партизановъ поддержали Подлуцкій съ своей

инвалидной командой и квартальный надзиратель Леновъ съ своими служителями и писцами. Началась отчаянная рѣзня. Уланы выстроились въ боевой порядокъ и, поспѣшно отступивъ за городъ, окружили его цѣпью, требуя сдачи. Карженковскій отвѣтилъ, что «русскіе люди живыми не сдаются». Два дня уланы осаждали городъ, обстрѣливали его и ходили на него въ атаку. Но на третій день вынуждены были отступить. Партизаны преслѣдовали ихъ и причинили имъ значительный уронъ.[1] Многіе изъ сычевскихъ партизановъ получили въ награду за свои подвиги знаки военнаго ордена, или были произведены въ слѣдующіе чины; нѣкоторые получили похвальные листы, а мѣщане, согласно Высочайшаго повелѣнія, по 5 рублей.

Въ Рославльскомъ уѣздѣ происходили многочисленныя стычки вооруженныхъ крестьянскихъ отрядовъ съ партіями французскихъ мародеровъ, которые наводнили уѣздъ.[2] Своими доблестными подвигами особенно отличался рославльскій помѣщикъ, кордонный начальникъ, князь Иванъ Григорьевичъ Тенишевъ. Онъ дѣятельно защищалъ уѣздъ отъ нападеній непріятеля и переловилъ болѣе 400 мародеровъ. Всегда подвижной и одинаково безстрашный, онъ спасъ отъ разоренія множество дворянскихъ усадебъ и сберегъ жизнь и имущество многихъ жителей, повсемѣстно поддерживая въ населеніи бодрый духъ и патріотическое воодушевленіе. По его настоянію крестьяне отъ полнаго отчаянія переходили къ своимъ обычнымъ занятіямъ, проявляя заботы объ урожаѣ будущаго года. Дѣятельность его признавалась настолько вредной для непріятеля, что французскій комендантъ Смоленска обѣщалъ большую награду за его арестъ. Тенишевъ зорко слѣдилъ за движеніемъ непріятеля и повсемѣстно содержалъ въ постоянной боевой готовности надежные кардоны. Онъ не допустилъ, между прочимъ, непріятеля добраться до Брянскаго арсенала; его энергичными и самоотверженными усиліями были отражены всѣ попытки многочисленныхъ непріятельскихъ отрядовъ, при отступленіи, пробиться изъ

---

1 А. Слезкинскій. «Смоленскіе партизаны въ 1812 г.». «Русская Старина», 1900 г. Сентябрь.

2 «Записка о ходѣ народной войны 1812 г.». См. Приложеніе; «Патріотическіе подвиги князя Ивана Григорьевича Тенишева»; «Преданность Государю и Отечеству жителей Смоленской губерніи»; «Отечественныя Записки» 1826 г. ч. 25.

Ельни черезъ Рославль прямо къ Красному, минуя московскій трактъ. Ежеминутно онъ подвергался смертельной опасности, но сама судьба какъ бы берегла его для охраны Рославльскаго уѣзда. Однажды, объѣзжая въ ночное время селенія, онъ былъ окруженъ очень многочисленной партіей непріятеля на берегу рѣки Остера. Онъ не задумался кинуться въ быструю рѣку и счастливо выбрался на другой берегъ.

Не только за ратные подвиги противъ непріятелей вспоминаютъ добромъ князя Тенишева, но и за дѣятельную врачебную помощь населенію губерніи въ годъ разоренія. Вмѣстѣ съ войной 1812 г. посѣтила Смоленскую губернію и особо изнурительная лихорадка. Располагая какимъ-то секретнымъ средствомъ противъ этой болѣзни, Тенишевъ неустанно помогалъ больнымъ, которые стекались къ нему цѣлыми сотнями изъ разныхъ мѣстъ. Сохранилось извѣстіе, что въ одномъ 1812 году онъ исцѣлилъ до 10-ти тысячъ человѣкъ. Объ исключительныхъ заслугахъ князя Тенишева ему выдано было смоленскимъ дворянствомъ особое свидѣтельство за подписью 220 лицъ. По представленію князя Кутузова онъ получилъ въ награду орденъ св. Владиміра 4 ст.

Сподвижникомъ князя Тенишева былъ рославльскій исправникъ Семичевъ. Онъ съ казаками упорно отражалъ наступленіе непріятеля къ Брянскому арсеналу и былъ убитъ въ одной схваткѣ.

Купцы и мѣщане города Рославля на свой счетъ вооружили и содержали конные и пѣшіе отряды численностью до 400 человѣкъ, которые оберегали городъ и, производя дальніе разъѣзды по уѣзду, розыскивали и преслѣдовали мародеровъ. При формированіи и дѣйствіи этихъ отрядовъ отличились, главнымъ образомъ; рославльскій голова Полозовъ и купецъ Иванъ Фроловъ Голиковъ. Рославлю угрожала настолько серьезная опасность отъ непріятеля, что всѣ чиновники, казна и архивы были вывезены изъ города въ Калужскую губернію. Одинъ непріятельскій отрядъ сдѣлалъ попытку занять Рославль и уже ворвался въ него, но былъ немедленно отраженъ вооруженными горожанами и подоспѣвшими на выручку поселянами. А между тѣмъ непріятели изъ сосѣднихъ, уже занятыхъ ими, уѣздовъ стали распространяться по Рославльскому уѣзду; перешли изъ пограничнаго селенія Краснинскаго уѣзда,

сельца Тростянки въ село Черепово Рославльскаго уѣзда, гдѣ устроили, между прочимъ, ротный дворъ. Непріятель разсыпался по всѣмъ окрестностямъ, грабляя церкви, разоряя селенія, господскія усадьбы и возмущая крестьянъ. При такихъ обстоятельствахъ на борьбу съ непріятелемъ выступили партизанскіе отряды, изъ которыхъ успѣшной дѣятельностью отличался отрядъ, сформированный изъ горожанъ и поселянъ купцомъ Голиковымъ. Отрядъ этотъ въ числѣ 200 человѣкъ, избравъ своими сотенными начальниками Платона Шишова и Якова Васютина, дѣлалъ разъѣзды по всему уѣзду, истребляя фуражировъ и мародеровъ. Благодаря этимъ разъѣздамъ было спасено отъ смерти и разоренія не мало людей. Объ одномъ изъ такихъ подвиговъ партизановъ сохранились архивныя данныя. На домъ помѣщика подполковника Егора Бибикова напала кучка мародеровъ. Они стали мучить помѣщика и его жену, требуя денегъ, а невѣсткѣ хозяина, молодой вдовѣ, и его несовершеннолѣтней дочери угрожали насиліемъ. Въ это время къ усадьбѣ Бибикова подоспѣли партизаны, выручили изъ бѣды все семейство и переловили мародеровъ. Вскорѣ отрядъ Голикова жестоко поплатился за свою отважную дѣятельность. Часть этого отряда въ 100 человѣкъ, дѣлая свои разъѣзды, однажды заночевала въ дер. Козловкѣ. Нѣкоторые крестьяне, соблазнившись разными посулами враговъ, дали знать объ этомъ на французскій ротный дворъ въ село Черепово, и ночью по лѣснымъ тропамъ провели непріятеля въ дер. Козловку. Наши партизаны были окружены и, вслѣдствіе внезапнаго нападенія, изъ нихъ—12 человѣкъ были убиты, 17 тяжело ранены и 20 взяты въ плѣнъ. Въ этой стычкѣ съ непріятелемъ среди партизановъ былъ убитъ дьячекъ «города Рославля Пятницкой церкви» Савва Крастелевъ. Этотъ дьячекъ-партизанъ, какъ видно изъ сохранившагося въ смоленской консисторіи прошенія его матери, «горя любовію къ отечеству», сформировалъ самостоятельный отрядъ и въ теченіе 1½ мѣсяцевъ истреблялъ французовъ.[1]

Бѣльскій уѣздъ остался незанятымъ непріятельскими войсками. Однако, опасность нашествія непріятеля и здѣсь ощуща-

---

1 Орловскій Иванъ. «Дьячекъ-партизанъ 1812 г.» «Ист. Вѣст.» 1902 г. Октябрь.

лась весьма живо.[1] Послѣ занятія Вязьмы всѣ присутственныя мѣста съ ихъ дѣлами и личнымъ составомъ чиновниковъ были перевезены изъ Бѣлаго въ г. Зубцовъ Тверской губерніи, въ составъ которой и былъ перечисленъ Бѣльскій уѣздъ. Въ городѣ Бѣломъ оставался предводитель дворянства Левъ Ивановичъ Колѣновъ, исправникъ Петръ Васильевичъ Богуславскій и городничій Михаилъ Андреевичъ Адамовичъ. Для охраны уѣзда въ немъ былъ оставленъ отрядъ казаковъ подъ командой полковника Дибича. Отрядъ этотъ значительно увеличился присоединившимися къ нему многочисленными дезертирами изъ непріятельской арміи; дезертиры эти были разныхъ національностей, но главнымъ образомъ — нѣмцы, итальянцы и испанцы. Сверхъ того, дѣятельное участіе въ охранѣ уѣзда приняли партизаны. Усиліями Колѣнова составились партизанскіе отряды общей численностью до 600 человѣкъ. Командный составъ былъ избранъ дворянствомъ. Въ числѣ командировъ были: маіоръ Дмитрій Борейша, поручикъ Андрей Борейша, поручикъ Лабутъ, подпоручикъ Григорій Майдановичъ и прапорщикъ Петръ Борщевскій. Отряды эти перехватывали фуражировъ и истребляли появлявшіяся въ уѣздѣ незначительныя непріятельскія шайки. Были два случая, когда непріятели появлялись въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ болѣе значительныхъ партіяхъ. Одна партія непріятельскихъ фуражировъ, въ составѣ свыше 200 человѣкъ, подошла къ большой дорогѣ изъ Дорогобужа въ Бѣлый къ деревнѣ Казулиной; здѣсь видны были бивачные огни и пикеты, разставленные изъ вооруженныхъ дворовыхъ людей. Обстоятельство это имѣло въ глазахъ непріятелей настолько тревожный характеръ, что они обошли деревню окольнымъ путемъ, а ночью напали на село Бѣлый Берегъ. Между тѣмъ сторожевые пикеты, поднявъ тревогу, собрали до 500 окрестныхъ крестьянъ и окружили непріятеля, который сталъ отступать, оставляя по дорогѣ все награбленное имущество. Въ другой разъ по большой дорогѣ изъ Духовщины въ Бѣлый слѣдовалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ непріятельскій отрядъ численностью до 3.000 человѣкъ съ 4 орудіями. Вступивъ въ предѣлы Бѣльскаго уѣзда, отрядъ не дошелъ до Бѣлаго всего

[1] «Записка о ходѣ народной войны въ 1812 г.».См. Приложеніе

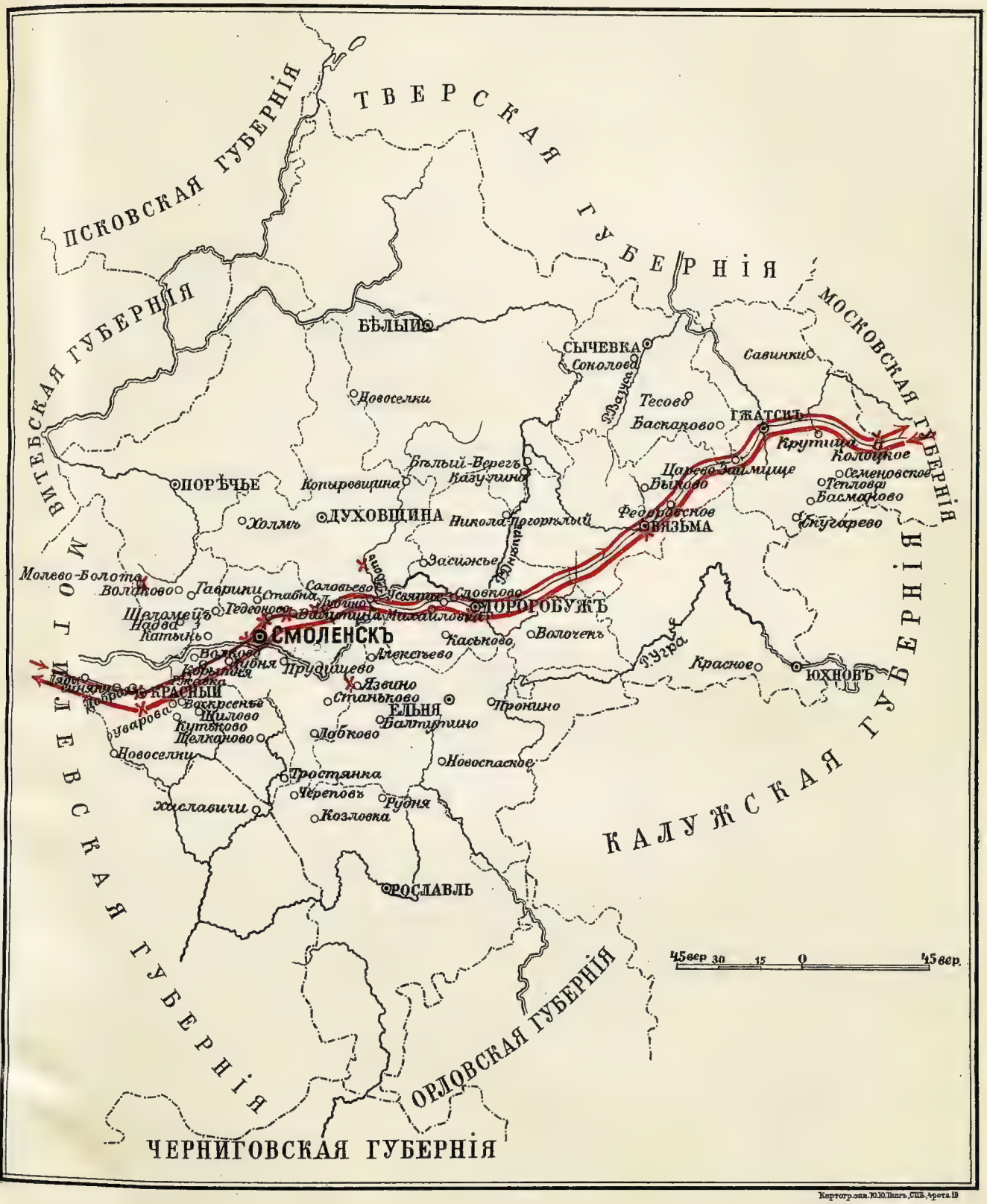
36 верстъ; съ деревни Новоселки онъ внезапно повернулъ обратно. Столь неожиданное измѣненіе въ направленіи движенія непріятеля и народная молва, и архивные источники объясняютъ подвигомъ крестьянина означенной деревни, принадлежавшей помѣщику Воеводскому, Семена Силаева. Непріятели захватили съ собой Силаева для указанія пути въ Бѣлый. Силаевъ сталъ увѣрять, что дорога лежитъ по непроходимому Свитскому мху, что всѣ переправы и мосты по дорогѣ разрушены, что всюду подѣланы заставы, засѣки и окопы, и что при этомъ городъ охраняется многочисленнымъ корпусомъ, прибывшимъ изъ Осташкова. Въ дѣйствительности же мохъ въ то время былъ совершенно сухъ, а войска въ уѣздѣ вовсе не было, исключая небольшого отряда казаковъ въ Бѣломъ, которые уже готовились къ отступленію въ виду приближенія значительныхъ силъ непріятеля. Съ цѣлью вынудить Силаева къ правдивымъ показаніямъ его запугивали, подвергали побоямъ, и, наконецъ, объявили ему, что онъ будетъ немедленно разстрѣлянъ. Выведенные изъ строя солдаты съ заряженными ружьями продѣлали передъ нимъ всю процедуру подготовительныхъ дѣйствій для разстрѣла. Подъ вліяніемъ испытываемыхъ мукъ Силаевъ пошелъ на одну уступку: онъ сталъ постепенно уменьшать число войскъ, находившихся, по его увѣренію, въ Бѣломъ. Начавъ съ 50 полковъ, которые, по его словамъ, были «все казаки», онъ, сбавляя, остановился, наконецъ, на 10 полкахъ, и на этомъ числѣ сталъ окончательно и твердо. Такая настойчивость утвержденія Силаева заставила непріятеля довѣриться его показаніямъ и повернуть обратно за рѣку.

Въ Юхновскомъ уѣздѣ честь сформированія партизанскихъ отрядовъ всецѣло принадлежитъ предводителю дворянства Семену Яковлевичу Храповицкому. Имѣя на войнѣ трехъ сыновей, онъ и самъ принялъ близкое участіе въ боевой жизни. Ему удалось собрать возлѣ себя до 2 тысячъ человѣкъ партизановъ, въ число которыхъ поступило 22 мѣстныхъ дворянина изъ отставныхъ военныхъ; изъ нихъ онъ образовалъ конные разъѣзды для преслѣдованія непріятелей. Дѣятельность юхновскихъ партизанъ была чрезвычайно полезна.

До прибытія Давыдова, Храповицкій одинъ съ своими парти-

Карта

передвиженій непріятельскихъ войскъ по Смоленской губерніи.



Картогр. зав. Ю.Ю. Пингъ, СПБ. Арота 19

Линія движенія непріятельскихъ войскъ

× Мѣста сраженій

занами успѣшно отражалъ появившіяся въ уѣздѣ непріятельскія партіи. По свидѣтельству архивныхъ данныхъ, отрядъ Храповицкаго при отступленіи непріятелей заслонилъ имъ путь, ведущій изъ Вязьмы въ Калугу. Съ этою цѣлью онъ перешелъ рѣку Угру и, расположившись тамъ, отбилъ первые показавшіеся непріятельскіе разъѣзды, направленные къ этой рѣкѣ. [1]

Съ прибытіемъ отряда Давыдова, который въ Юхновѣ основалъ свою главную квартиру, Храповицкій постоянно оказывалъ ему содѣйствіе и нерѣдко дѣлалъ весьма существенныя услуги. Онъ не только снабжалъ людей Давыдова жизненными припасами, но постоянно освѣдомлялъ его о движеніяхъ непріятелей, имѣя на важнѣйшихъ пунктахъ сторожевые пикеты изъ состава своей милиціи. О важности заслугъ Храповицкаго Давыдовъ доносилъ по начальству. [2] Во всей дѣятельности отряда Давыдова на пространствѣ Юхновскаго и Вяземскаго уѣздовъ принималъ самое живое участіе сынъ предводителя Храповицкаго, маіоръ Волынскаго уланскаго полка Степанъ Семеновичъ Храповицкій. Онъ являлся сподвижникомъ Давыдова въ его лихихъ набѣгахъ, которые послужили темой для популярныхъ разсказовъ В. Сухомлинова. «На большой смоленской дорогѣ».

---

1 «Свѣдѣнія о дѣятельности Храповицкаго...». См. Приложеніе.

2 «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1812 г. № 86.

V. СМОЛЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ ВО ВЛАСТИ НЕПРІЯТЕЛЯ И ЕЯ ОСВОБОЖДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пребываніе непріятеля въ Смоленскѣ.

При наступленіи союзной арміи наши войска оставили Смоленскъ въ ночь на 6 августа, а непріятель занялъ его на разсвѣтѣ того же дня; при своемъ отступленіи отъ Москвы непріятель очистилъ Смоленскъ въ ночь на 5 ноября, а русскія войска заняли его утромъ въ тотъ же день. Такимъ образомъ ровно 3 мѣсяца Смоленскъ былъ во власти непріятеля. Обозрѣніе этого періода плѣненія города во всей его послѣдовательной цѣльности, даетъ наглядное представленіе о великихъ тяготахъ для нашей родины эпохи 1812 года.

Пріютившаяся на обширныхъ соборныхъ хорахъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими жителями Смоленска, семья священника отца Никифора Мурзакевича, на зарѣ 6 августа въ день годового праздника Преображенія Господня, наблюдала черезъ верхнія круглыя окна собора, какъ передовые отряды непріятеля, опасливо озираясь по сторонамъ, занимали опустѣвшій и опустошенный пожаромъ Смоленскъ, вступая чрезъ Никольскія и Молоховскія ворота. Около 8 часовъ утра въ городъ чрезъ Никольскія ворота въѣхалъ

самъ Наполеонъ и остановился сперва на Спасской улицѣ въ домѣ сенатора Каховскаго; домъ этотъ нынѣ принадлежитъ семинаріи и занятъ квартирой ея ректора. Отдохнувъ, Наполеонъ приступилъ къ осмотру города, начиная отъ Спасской церкви и до церкви Богоматеринской надъ Днѣпровскими воротами. Ему всюду приходилось проѣзжать среди развалинъ города и горѣвшихъ домовъ, по улицамъ, загроможденнымъ трупами людей и лошадей. Въ полдень Наполеонъ переѣхалъ въ домъ гражданскаго губернатора возлѣ Блонья. На самомъ Блоньѣ въ березовыхъ аллеяхъ расположилась его старая гвардія; здѣсь выброшенныя изъ присутственныхъ мѣстъ и архивовъ дѣла служили для солдатъ постелью, а уѣздныя и губернскія карты—занавѣсями отъ солнечнаго зноя. Пробывъ весь день 6 августа безвыѣздно въ Смоленскѣ, утромъ 7 августа Наполеонъ съ многочисленной свитой посѣтилъ соборъ, гдѣ онъ могъ воочію убѣдиться, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находятся горожане, которые не могли покинуть Смоленскъ. Увѣчные, старцы, женщины и дѣти—голодные, оборванные, покрытые кровью и грязью съ воплями отчаянія метались по храму, тщетно отыскивая защиты и утѣшенія. Наполеонъ вошелъ въ храмъ въ своей треуголкѣ, но дойдя до середины, пораженный величіемъ собора, онъ обнажилъ голову; примѣру его послѣдовала и вся свита.

Проѣзжая изъ собора въ губернаторскій домъ по главнымъ улицамъ, Наполеонъ имѣлъ возможность наблюдать, какъ разноплеменные солдаты его арміи грабили беззащитныхъ жителей. Въ пятомъ часу Наполеонъ вновь выѣхалъ съ большою свитою и приказалъ черезъ переводчика выходившему изъ Преображенской церкви священнику, провести его къ Днѣпровскимъ воротамъ такой дорогою, чтобы никто изъ жителей города «съ нимъ не встрѣтился». Священникъ провелъ его по глухимъ улицамъ, за что получилъ наполеонодоръ. Наполеонъ проѣхалъ черезъ Днѣпровскія ворота въ Петербургское предмѣстье, а оттуда за 2 версты въ деревню Вязовеньку, иначе Пезовня, гдѣ расположился корпусъ Даву. Возвратясь обратно въ Смоленскъ, Наполеонъ получилъ донесеніе о всѣхъ подробностяхъ Валутинскаго сраженія, которыя его чрезвычайно разстроили. Желая лично ознакомиться съ положе-

ніемъ дѣлъ на мѣстѣ, онъ, 8 августа въ 3 часа утра, выѣхалъ въ каретѣ на поле битвы, откуда, однако, вскорѣ возвратился обратно въ Смоленскъ. Пережитыя со времени вступленія въ коренную Россію впечатлѣнія не могли не отразиться на образѣ мыслей и настроеніи Наполеона. Съ тѣхъ поръ какъ онъ перешелъ границу Смоленской губерніи, вся обстановка войны рѣзко измѣнилась къ худшему для его арміи. Отъ проницательнаго ума Наполеона не могли ускользнуть несомнѣнные, хотя по началу еще не для всѣхъ ясные, признаки начинавшейся народной войны. И вотъ, Наполеонъ съ чуткой предусмотрительностью дѣлаетъ попытки къ примиренію съ опаснымъ противникомъ. Для этой цѣли онъ воспользовался взятымъ въ плѣнъ при Лубинскомъ сраженіи генераломъ Тучковымъ 3, который былъ перевезенъ въ Смоленскъ. За Тучковымъ былъ присланъ адъютантъ маршала Бертье, полковникъ баронъ Флаго. Полное интереса свиданіе Наполеона съ нашимъ плѣннымъ генераломъ такъ описано въ запискѣ Тучкова.

«Наполеонъ занималъ тогда домъ, въ которомъ прежде помѣщался смоленскій военный губернаторъ. У дома толпилось множество офицеровъ и солдатъ, а при входѣ, по обѣимъ сторонамъ, стояли конные часовые верхомъ; лѣстница и переднія комнаты были наполнены генералами и разными военными чиновниками. Пройдя мимо ихъ, мы вошли въ комнату, гдѣ уже не было никого кромѣ лакея, который, отворивъ дверь въ кабинетъ Наполеона, впустилъ туда меня одного. Тамъ нашелъ я Императора съ начальникомъ его штаба. У окна комнаты, на столѣ лежала развернутая карта Россіи; на ней означено было расположеніе войскъ булавками различныхъ цвѣтовъ. Въ углу, близъ окна, стоялъ маршалъ Бертье, а посреди комнаты—Наполеонъ. Первое его слово было: Какого вы корпуса?—Втораго, отвѣчалъ я.—А! Это корпусъ Баггевута?—Точно такъ.—Родня ли вамъ Тучковъ, командиръ корпуса?—Родной братъ мой.—Я не стану спрашивать, продолжалъ Наполеонъ, о числѣ вашей арміи, а скажу вамъ, что она состоитъ изъ восьми корпусовъ, каждый корпусъ—изъ двухъ дивизій, каждая дивизія—изъ шести пѣхотныхъ полковъ, каждый полкъ—изъ двухъ баталіоновъ. Могу сказать даже сколько людей въ ротѣ.—Вижу, отвѣчалъ я, что Ваше Величество очень хорошо о всемъ знаете.—Это

не мудрено, сказалъ Наполеонъ. Всякій почти день мы беремъ плѣнныхъ и нѣтъ почти ни одного изъ вашихъ полковъ, изъ которыхъ бы у насъ не было солдатъ; ихъ разспрашиваютъ, записываютъ ихъ отвѣты и такимъ образомъ получаются свѣдѣнія о числѣ вашихъ войскъ. Затѣмъ, нѣсколько помолчавъ, Наполеонъ продолжалъ:—Вы, господа, хотѣли войны, а не я; у васъ говорятъ, что я зачинщикъ ея, но это неправда, и я докажу вамъ, что вовсе не хотѣлъ войны, но вы къ тому меня принудили. Тутъ онъ изложилъ, съ своей точки зрѣнія, свои отношенія къ Россіи со времени Тильзитскаго мира. Потомъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ:—Скоро ли вы дадите генеральное сраженіе, или будете все отступать?—Я отвѣчалъ, что намѣренія главнокомандующаго мнѣ неизвѣстны.—Повѣрьте мнѣ, сказалъ Наполеонъ, его нѣмецкая тактика ни къ чему хорошему не доведетъ васъ. Ваша нація, храбрая, благородная, преданная Государю, должна драться на чистоту, а не слѣдовать глупой нѣмецкой тактикѣ. Если вы уже расположены были воевать, то почему не заняли Польшу? Это было очень легко, и тогда вмѣсто войны у себя, вы бы вели ее въ чужой землѣ. Да и Пруссаки, которые теперь противъ васъ, тогда были бы съ вами. Вашъ главнокомандующій ничего этого не умѣлъ сдѣлать, а теперь, отступая безпрестанно, опустошаетъ собственную землю. Зачѣмъ онъ оставилъ Смоленскъ? Если онъ хотѣлъ его защищать, то для чего не защищалъ долѣе? Если же не имѣлъ этого намѣренія, то зачѣмъ же дрался въ Смоленскѣ? Развѣ только для того, чтобы разорить этотъ городъ до основанія? Смоленскъ, такой прекрасный городъ! Онъ для меня лучше всей Польши; онъ былъ всегда русскимъ и останется русскимъ.

Императора вашего я люблю. Онъ мнѣ другъ, несмотря на войну; война ничего не значитъ. Государственныя выгоды могутъ разрознить и родныхъ братьевъ. Императоръ Александръ былъ и будетъ моимъ другомъ. Затѣмъ Наполеонъ позволилъ себѣ упрекать нашего Государя въ пристрастіи къ иностранцамъ. Неужели онъ не могъ—сказалъ Наполеонъ—изъ столь храброй, приверженной къ Государямъ своимъ націи, какова ваша, выбрать достойныхъ людей, которые, окруживъ его, доставили бы уваженіе его правленію». Когда Тучковъ отвѣчалъ, что онъ, какъ подданный своего

Государя, никогда не осмѣливался судить о Его поступкахъ, тогда Наполеонъ не только не разсердился, но даже, какъ бы съ ласкою, слегка дотронувшись до его плеча, сказалъ:—«Вы совершенно правы. Я очень далекъ отъ того, чтобы порицать вашъ образъ мыслей; но я выразилъ мое мнѣніе только потому, что мы теперь съ глазу на глазъ. Императоръ вашъ знаетъ ли васъ лично?»—Надѣюсь, отвѣчалъ Тучковъ: я нѣкогда имѣлъ счастіе служить въ гвардіи.—«Можете ли вы писать къ нему?—Никогда не осмѣлюсь утруждать Его моими письмами, и особливо въ настоящемъ моемъ положеніи.—Но, если вы не смѣете писать къ Императору, то можете написать къ брату, что скажу вамъ?—Къ брату, дѣло другое. Я къ нему могу писать все».—«И такъ, вы меня очень обяжете, если напишите вашему брату, что вы меня видѣли и что я вамъ поручилъ написать къ нему, что онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе, если самъ, или чрезъ Великаго Князя, либо главнокомандующаго, какъ найдетъ лучше, доведетъ до свѣдѣнія вашего Государя, что я ничего не желаю болѣе, какъ прекратить миромъ военныя наши дѣйствія. Мы уже довольно сожгли пороха и довольно пролито крови; вѣдь когда же нибудь надобно кончить! За что мы деремся? Я не питаю вражды къ Россіи. Вотъ, еслибъ я имѣлъ дѣло съ Англичанами... Это было бы другое дѣло. (При этихъ словахъ, Наполеонъ, сжавши кулакъ, поднялъ его вверхъ съ угрозою). «Но Русскіе мнѣ вовсе не враги. Вы хотите имѣть кофе и сахаръ; вы будете имѣть ихъ. Но если у васъ думаютъ, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ генераловъ вашихъ, которые наиболѣе имѣютъ у васъ уваженія, какъ-то: Багратіонъ, Дохтуровъ, Остерманъ, братъ вашъ и прочіе, пусть изъ нихъ составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы, мои и ваши, и если найдутъ, что на сторонѣ вашей болѣе вѣроятностей къ успѣху, то пускай назначатъ, гдѣ и когда имъ угодно будетъ драться; если же они найдутъ, что всѣ выгоды на сторонѣ моей, какъ и дѣйствительно есть, то къ чему намъ по пустому проливать кровь? Не лучше ли вести переговоры прежде потери сраженія, нежели послѣ? Да и какія будутъ послѣдствія проиграннаго вами сраженія? Я займу Москву и какія бъ я ни принималъ мѣры къ сбереженію ея отъ разоренія, все будетъ напрасно. Занятая непріятелемъ столица похожа

на дѣвку потерявшую честь; что хочешь дѣлай послѣ, а чести не возвратишь. У васъ говорятъ, что Россія не въ Москвѣ; это же самое говорили и Австрійцы, когда я шелъ въ Вѣну, но когда я занялъ ихъ столицу, то они заговорили совсѣмъ другое. И съ вами то же будетъ. Настоящая столица ваша не Петербургъ, а Москва».

Продержавъ Тучкова болѣе часа, Наполеонъ отпустилъ его, велѣвъ возвратить ему шпагу, и совѣтовалъ не огорчаться.

Тучковъ въ письмѣ къ своему брату описалъ весь свой разговоръ съ Наполеономъ и показалъ маршалу Бертье это письмо, которое было послано въ нашу главную квартиру и представлено Государю. Отвѣта Наполеону не было.

За свое пятидневное пребываніе въ Смоленскѣ Наполеонъ принималъ мѣры, главнымъ образомъ, для снабженія продовольствіемъ своей огромной арміи и къ устройству госпиталей для многихъ тысячъ раненыхъ и больныхъ. Послѣдовали приказы объ устройствѣ обширныхъ продовольственныхъ магазиновъ и госпиталей; приступлено было также къ уборкѣ огромнаго количества труповъ.

Наполеонъ выбылъ изъ Смоленска 11 августа слѣдомъ за своей гвардіей. Считая Смоленскъ очень важнымъ опорнымъ пунктомъ для послѣдующихъ дѣйствій, онъ оставилъ въ немъ одну дивизію молодой гвардіи подъ начальствомъ генерала Делаборда и часть различныхъ командъ находившихся ранѣе въ Витебскѣ.

Ко времени вступленія въ Смоленскъ непріятеля жители оставили городъ, и только около тысячи горожанъ, не имѣвшихъ возможности выѣхать, искали убѣжища въ церквахъ, прятались въ подвалахъ и по огородамъ. Значительная часть ихъ размѣстилась въ соборѣ, но 19 августа послѣдовало распоряженіе очистить соборъ. При занятіи города непріятель захватилъ 50 человѣкъ жителей, пытавшихся убѣжать изъ города. Всѣ они заключены въ Одигитріевскую церковь. По настойчивому ходатайству священника Мурзакевича нѣкоторые плѣнные были освобождены. Въ числѣ освобожденныхъ находился вознесенскій протопопъ отецъ Поликарпъ Звѣревъ.

Можно представить, каково было положеніе несчастныхъ смолянъ, вынужденныхъ силою обстоятельствъ остаться въ городѣ—

во вражьемъ станѣ. Некому было ни заступиться за нихъ, ни оказать имъ хоть какое-либо покровительство и помощь. Они очутились на всей вольной волѣ грубыхъ разноплеменныхъ солдатъ, которыхъ само начальство обыкновенно ограждало отъ всякой отвѣтственности. Когда священникъ Мурзакевичъ пожаловался проживавшему въ его домѣ генералу Легранжу на слугъ, разграбившихъ вещи и деньги, то генералъ приказалъ его же выгнать за ворота его собственнаго дома. Въ эти дни скорби не пришелъ въ отчаяніе, не растерялся и все время былъ на высотѣ своего пастырскаго служенія, оставшійся въ Смоленскѣ священникъ Одигитріевской церкви отецъ Никифоръ Мурзакевичъ. Онъ являлся передъ французскимъ начальствомъ единственнымъ ходатаемъ за притѣсняемыхъ, единственнымъ защитникомъ православной вѣры и святыхъ храмовъ. Доступъ къ французскимъ властямъ и заступничество передъ ними въ большинствѣ случаевъ удавались Мурзакевичу отчасти благодаря его священнической одеждѣ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе его особой энергіи и той вдохновенной настойчивости, которая доходила до дерзости и всегда производила впечатлѣніе самаго высокаго, самоотверженнаго человѣколюбія. Онъ добивался всего для другихъ и ничего для себя, всецѣло отдавшись заботамъ о страждущихъ, которыми городъ былъ переполненъ. Въ то же время онъ является достовѣрнымъ бытописцемъ эпохи 1812 года. Дневникъ свой за это время онъ начинаетъ выдержкой изъ псалма: «Яви намъ, Господи, милость твою, и спасеніе твое даждь намъ». Именно о милости и спасеніи прежде всего молился русскій народъ въ эту годину ниспосланныхъ ему тяжкихъ испытаній. Усердно молились и смоляне, но обычное правильное богослуженіе по церквамъ прекратилось съ 5 августа. Духовенство разбрелось изъ города; часть церквей была разрушена боевыми снарядами и пожаромъ, а уцѣлѣвшія церкви заняты непріятелемъ. Въ день Успенія Божіей Матери, престольнаго праздника въ соборѣ, 15 августа, впервые послѣ занятія города непріятелемъ, ударили въ соборный колоколъ и отслужили часы или «обѣдницу»; служить обѣдню нельзя было за неимѣніемъ просфоръ. Стройный звонъ колоколовъ привлекъ вниманіе непріятельскихъ солдатъ, которые дивились искусству звонарей. Съ этого времени церковная служба происходила

Священникъ
от. Никифоръ МУРЗАКЕВИЧЪ

чаще всего въ Одигитріевской церкви, изрѣдка въ Вознесенскомъ монастырѣ и одинъ разъ въ Спасской церкви. Въ соборѣ служили очень рѣдко, потому что единственный, бывшій на лицо изъ соборнаго духовенства—священникъ отецъ Василій Щировскій, все время болѣвшій, въ началѣ октября умеръ. Соборъ остался безъ хозяина, и ключи отъ него переданы священнику Мурзакевичу.

Среди горькихъ обидъ, причиненныхъ непріятелемъ русскимъ людямъ, слѣдуетъ отмѣтить главнымъ образомъ оскорбленіе религіознаго чувства. Обиды эти, въ періодъ наивысшаго напряженія въ народѣ чувства религіозности, воспринимались съ особою болью, и залегали слишкомъ глубоко въ душу. Эту обиду въ полной мѣрѣ пришлось испытать и смолянамъ. Изъ начальствующихъ лицъ непріятельской арміи первымъ посѣтилъ соборъ въ полдень 6 августа неаполитанскій король Мюратъ, который остановился въ недавно отстроенныхъ близъ самаго собора каменныхъ архіерейскихъ покояхъ. Мюратъ и его свита вошли въ храмъ съ собаками и осматривали его въ шляпахъ и киверахъ. Солдаты одного изъ полковъ Мюрата, въ малиновыхъ мундирахъ съ бархатными воротниками, отбили двери въ Предтеченской церкви и начали грабить богатую архіерейскую ризницу. Они спарывали съ облаченій бархатъ и жемчугъ, и рылись въ комодахъ. Блюститель архіерейскаго дома, заштатный бизюковскій архимандритъ Іосифъ, бросился за помощью въ соборъ, гдѣ скопилось много людей. На призывъ этотъ, однако, отозвался одинъ священникъ Мурзакевичъ, за которымъ послѣдовало двое его малолѣтнихъ сыновей и консисторскіе писцы—Воронковъ и Залѣсскій. Когда они пришли въ ризницу, тамъ уже былъ полный разгромъ, и на полу валялись ободранныя ризы и мѣдныя деньги. Разумѣется, заступничество священника не помогло: его выгнали вонъ. Тогда онъ смѣло прошелъ во внутренніе покои архіерейскаго дома и, не заставъ тамъ Мюрата, обратился къ князю Понятовскому, умоляя прекратить грабежъ. Князь послалъ съ нимъ плацъ-коменданта Аксиментовскаго, который ласково уговорилъ грабителей удалиться изъ церкви. Отецъ Никифоръ Мурзакевичъ съ помощью своихъ спутниковъ сталъ собирать разбросанныя вещи и деньги, снося все въ кладовую Успенскаго собора. Туда были перенесены: святое муро, антиминсы, шишакъ и туфли святого

мученика Меркурія, 21 пара архіерейскихъ облаченій, утварь Предтеченской и Апостольской церквей и вещи, приготовленныя къ освященію Надворотней Богоматеринской церкви, архіерейская библіотека, много разныхъ сокровищъ и 73 мѣшка денегъ мѣдными пятаками. Отцу Никифору, послѣ настойчивыхъ хлопотъ, удалось убѣдить французскія власти, въ огражденіе отъ мародеровъ, поставить къ собору караулъ. Распоряженіе объ охранѣ собора приписывается Мурзакевичемъ въ одномъ мѣстѣ Мюрату, въ другомъ—вице-королю Евгенію Богарне, а историкомъ Сегюромъ—непосредственно Наполеону.

Въ тотъ же день 6 августа къ собору былъ приставленъ караулъ. Сперва солдаты стояли на крыльцѣ у входа въ соборъ, на другой же день они размѣстились внутри собора на широкомъ ступенчатомъ архіерейскомъ амвонѣ, гдѣ играли въ шашки, а на чугунномъ церковномъ полу у Западныхъ дверей раскладывали огонь и варили себѣ пищу. Часто отъ скуки солдаты забирались на колокольню и неумѣлой рукой безобразно звонили въ колокола. Только по усиленнымъ просьбамъ Мурзакевича внутренній караулъ былъ вовсе снятъ и замѣненъ наружнымъ.

Существуютъ свѣдѣнія и о многихъ другихъ оскорбленіяхъ религіознаго чувства вѣрующихъ. Нѣкоторыя церкви были обращены въ конюшни. Поляки заставили священника, отца Якова, отслужить обѣдню безъ установленнаго приготовленія. Отмѣтивъ этотъ фактъ, нашъ бытописатель въ ужасѣ восклицалъ: «Господи, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ!». Артиллерійскія фуры подъѣзжали къ собору, Троицкому монастырю и Одигитріевской церкви съ цѣлью снять колокола, чему помѣшали усиленныя хлопоты Мурзакевича передъ Виллебланшемъ. Кромѣ того смоленскій помѣщикъ Лесли въ свой многотомный дневникъ внесъ много разсказовъ о производившихся въ соборѣ поразительныхъ безчинствахъ. Не вѣрится даже, чтобы разсказы эти вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности. Они записаны со словъ антикварія Васильева, дѣдъ котораго, священникъ от. Василій Соколовъ, въ 1812 году былъ соборнымъ ключаремъ. Въ этихъ разсказахъ передается, какъ французы и особенно поляки, во время службы, появлялись въ соборѣ съ собаками, и, взойдя на архіерейское мѣсто, натравливали

оттуда собакъ на облаченныхъ въ ризы священниковъ; какъ дѣдъ Васильева былъ затравленъ меделянскимъ псомъ въ самыхъ Царскихъ вратахъ. Въ числѣ этихъ разсказовъ встрѣчается эпизодъ, который можно бы озаглавить—«игра офицера съ кадиломъ». Въ одномъ «соборномъ столбѣ» было углубленіе, въ которое задѣлали самую драгоцѣнную утварь. Прослышавъ про это, нѣсколько человѣкъ непріятелей явились въ соборъ и стали отбивать задѣлку и грабить вещи. Соборный ключарь обратился съ жалобой къ коменданту Бозету, который прислалъ полковника съ офицеромъ остановить грабежъ. Вещи приказано было возвратить обратно. Въ это время пришедшій съ полковникомъ офицеръ заинтересовался кадиломъ изъ чистаго золота; онъ, приподнявъ его за верхнее колечко, опустилъ въ свой киверъ. Какъ бы невинно играя съ драгоцѣннымъ кадиломъ, онъ долго поднималъ его вверхъ и снова опускалъ въ киверъ; подъемы производились постепенно на меньшую высоту, затѣмъ изъ кивера приподнималась уже одна цѣпочка, а, наконецъ, подъемы вовсе прекратились и въ киверъ сверху былъ положенъ носовой платокъ. Однако, игра не удалась: ключарь замѣтилъ эту продѣлку и кадило было отобрано.[1]

Союзныя войска вели себя въ Смоленскѣ очень буйно и жестоко. Наиболѣе мирнымъ и даже дружелюбнымъ характеромъ отличались отношенія къ русскимъ французовъ. Иное было поведеніе воиновъ другихъ національностей. Наибольшимъ безчинствомъ и насиліями отличались поляки и особенно баварцы; они грабили имущества, поджигали дома и истязали жителей. Убійства и грабежи стали обычнымъ явленіемъ въ городѣ. Грабили и солдаты, и мародеры, но особенно прохожія команды. Всякій тащилъ, что могъ, разбрасывая по дорогѣ все болѣе дешевое и громоздкое. Позднѣе; въ защиту отъ грабежа, комендантъ раздавалъ жителямъ города охранные билеты, которые прибивались къ воротамъ домовъ. Особенно грабили съѣстные припасы, въ которыхъ чувствовался полный недостатокъ. Хлѣбъ былъ большой рѣдкостью. Булка хлѣба съ значительной примѣсью отрубей, вѣсомъ въ 15 фунтовъ, стоила отъ 2½ до 4 рублей; фунтъ говядины до 12 копѣекъ, чарка водки

---

[1] Дневникъ Лесли.

25 копѣекъ. Такія цѣны признавались еще весьма дешевыми, и вскорѣ стали значительно подниматься. Больше питались картофелемъ, разной зеленью и фруктами, на которыя въ «годъ разоренія» былъ исключительный урожай. Жители города, за недостаткомъ хлѣба, собирали на Молоховской площади, на мѣстѣ сгорѣвшаго хлѣбнаго магазина, зерна ржи и проса, парили ихъ въ горшкахъ и ѣли. Такое питаніе вызывало большое удивленіе среди непріятелей. Провизію подвозили въ городъ могилевскіе евреи, также иногда крестьяне подъ вліяніемъ угрозъ. Однако, въ продовольствіи была общая нужда. Къ довершенію смятенія, въ городѣ почти ежедневно происходили пожары. Выгорѣло очень много домовъ [1] и сгорѣла въ Солдатской слободѣ деревянная кладбищенская церковь Всѣхъ Святыхъ. Пожары эти происходили какъ отъ намѣреннаго поджога, такъ и отъ неумѣлаго обращенія съ огнемъ и печами, которыхъ непріятели совершенно не умѣли топить.

Непріятельскія войска испытывали недостатокъ въ продовольствіи съ самаго начала своего вступленія въ Смоленскъ. Оставленный въ городѣ для заготовки провіанта офицеръ де-Пюибюскъ въ своихъ письмахъ [2] передаетъ важныя подробности о пребываніи непріятельской арміи въ Смоленскѣ. Въ письмѣ отъ 15 августа онъ признается, что въ городѣ нѣтъ ни одного фунта муки, что уже нѣсколько дней до 7 тысячъ раненыхъ остаются безъ пищи, что солдаты оставляютъ свои знамена и расходятся отыскивать себѣ пропитаніе, и что ихъ поодиночкѣ и небольшими партіями убиваютъ дубьемъ русскіе мужики. Онъ устанавливаетъ большую смертность отъ голода. По его словамъ, трупы складываются кучами на дворахъ и въ садахъ, валяются на улицахъ и наполняютъ городскіе рвы и окрестности; по всѣмъ улицамъ стоитъ нестерпимая вонь, и Смоленскъ сдѣлался «самымъ несноснымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ». Оставшіеся въ городѣ жители были вынуждены очищать улицы и предавать землѣ мертвыя тѣла. Какія тяготы возлагались

---

[1] Сгорѣли между прочимъ дома: Любимова, Менчукова, Демьяновскаго, Базыкина, Пухнатовыхъ, Текоцкаго, Волченкова, Елохова, Невѣровича, Попова, Назарова, Денгуба, Сухинова, кондитера Козлова, Малышева, Гнидкина, Карпова, городского головы Верзина, Головнина, Андреева, Лызловой.

[2] Lettres sur le guerre de Russie en 1812 ex. par Z. V. de Puibusque.

на несчастныхъ гражданъ Смоленска, видно, между прочимъ изъ показанія помощника секретаря духовной консисторіи Великанова: я же употребляемъ былъ въ работу ежедневно: возить и носить на себѣ воду, запрягать и отпрягать лошадей и, сверхъ натуры моей, бить скотину на мясо, вытаскивать падлину; изъ лазарета волочить мертвыхъ французовъ, а въ лазаретъ, на очищенныя мѣста—больныхъ и очищать мерзости французскія, и во всякія другія трудныя и гнусныя работы былъ употребляемъ, съ изнуреніемъ моего здоровья, и при томъ неоднократно и битъ былъ отъ французовъ...». [1] 2 сентября непріятельская армія праздновала въ Смоленскѣ взятіе Москвы; и много глубокой муки и скорби причинили эти торжества русскимъ людямъ. Но не сила и радость, а смерть и ужасъ царили въ станѣ побѣдителей. Смоленскъ былъ околдованъ смертью: она соблазняла людей и завлекала животныхъ. Въ письмѣ отъ 5 сентября [2] сообщается, что въ госпиталяхъ Смоленска разыгрываются ужасающія сцены. Больные, выпуча глаза, смотрятъ и не узнаютъ знакомыхъ; у иныхъ волосы становятся дыбомъ и твердѣютъ какъ веревки, солдаты умираютъ послѣ четырехдневнаго безпрерывнаго пѣнія. Даже скотъ пропадаетъ внезапно и не боится смерти. На видъ совершенно здоровыя лошади вдругъ падали мертвыми. Прибылъ обозъ, запряженный итальянскими и французскими волами, и они начали внезапно пропадать; когда созвали мясниковъ и солдатъ съ ножами и топорами, то бывшіе на свободѣ волы не дѣлали ни малѣйшаго движенія, чтобы избѣгнуть смертельнаго удара. И такое зрѣлище наблюдалъ постоянно.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ тайно приступили къ производству подкоповъ подъ городскія башни въ крѣпостной стѣнѣ. Секретно захватывали людей и посылали дѣлать эти подкопы. Между прочимъ на базарѣ попался переодѣтый крестьяниномъ старикъ священникъ съ Рачевки, отецъ Герасимъ. Его приняли за казака и поставили на черную работу и на подкопы. Онъ не вынесъ непосильной работы, нужды и побоевъ, и вскорѣ умеръ. Передъ возвращеніемъ въ Смоленскъ непріятельскихъ войскъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, французскія

---

1 Л. Я. Л—вскій. «Подневольный муниципалъ», «Историч. Вѣстн.», 1902 г. Августъ.

2 Puibusque.

власти стали усиленно заботиться о заготовленіи провіанта. Послѣдовало распоряженіе на имя смоленскаго губернатора Жомини приготовить въ городѣ большіе запасы хлѣба и муки, занявъ подъ магазины уцѣлѣвшія церкви. Губернаторъ остановилъ свое вниманіе прежде всего на обширномъ помѣщеніи каѳедральнаго собора, гдѣ предполагалось ссыпать до 30 тысячъ кулей хлѣба. 19 октября потребовали отъ Мурзакевича соборные ключи. Припрятавъ получше, вмѣстѣ съ протодіакономъ Рудаковымъ, сложенныя въ соборѣ церковныя вещи, Мурзакевичъ усиленно захлопоталъ передъ французскими властями, умоляя ихъ не трогать собора. Хлопоты затянулись, а затѣмъ и вовсе не представилось надобности занимать соборъ, такъ какъ хлѣба не было. Вскорѣ прибылъ въ Смоленскъ самъ Наполеонъ, во главѣ своей погибающей арміи. Въ концѣ октября въ Смоленскѣ замѣтны стали подготовленія къ встрѣчѣ Наполеона, котораго ожидали 27 октября. Отцу Никифору Мурзакевичу судьба готовила новое и самое тяжкое испытаніе. Его потребовали къ себѣ кригсъ-комиссаръ Сіовъ и интендантъ Виллебланшъ. Они постепенно просьбами, совѣтами, требованіями и прямыми угрозами склоняли его торжественно встрѣтить Наполеона во главѣ наличнаго духовенства. Одинъ Богъ знаетъ, что довелось перечувствовать Мурзакевичу въ своемъ наболѣвшемъ сердцѣ, какую потрясающую драму пришлось ему пережить прежде чѣмъ выбрать рѣшеніе поставленной предъ нимъ задачи. Картина грядущаго ярко представлялась его проницательному уму. Отказъ отъ исполненія предъявленнаго требованія влекъ за собой тяжелую кару не только лично на него, но и на весь городъ; согласіе же исполнить это требованіе имѣло своимъ послѣдствіемъ личное его униженіе, горькій стыдъ передъ согражданами, тягостное обвиненіе въ измѣнѣ и суровое наказаніе за столь позорное преступленіе... Выборъ рѣшенія былъ предопредѣленъ всей подвижнической натурой Мурзакевича, который свою личную судьбу, принесъ въ жертву общественному спасенію. Онъ рѣшилъ встрѣтить Наполеона, чтобы спасти отъ разоренія родной городъ и его святые храмы. Утромъ 27 октября Мурзакевичъ съ двумя другими священниками, Поликарпомъ Звѣревымъ и Яковомъ Соколовымъ, вышли изъ собора, гдѣ взяли ризы и крестъ, къ Днѣпровскимъ воротамъ на встрѣчу Наполеону.

Здѣсь же собралось все французское городское начальство въ полномъ составѣ. Однако, въ назначенное время Наполеонъ не пріѣхалъ, и продрогшіе отъ холода священники разошлись по домамъ. На другой день, 28 октября, отецъ Никифоръ отправился къ Днѣпровскимъ воротамъ служить молебенъ въ домѣ одного больного мѣщанина. Онъ захватилъ съ собой просфору для этого больного, а сынъ его несъ за нимъ ризы. Было очень вѣтрено, морозно и скользко. Пройдя Сѣнную площадь, отецъ Никифоръ съ большими усиліями спускался съ горы мимо присутственныхъ мѣстъ къ Троицкому монастырю. У монастыря французскій жандармъ предупредилъ его, что идетъ самъ Наполеонъ. Священникъ вконецъ растерялся, и едва успѣлъ надѣть епитрахиль, какъ подошедшій къ нему и лично его знавшій губернаторъ Жомини, сказалъ ему по латыни: «ессе Napoleon!». Отецъ Никифоръ, окончательно оторопѣлый, только что снялъ шляпу, какъ вплотную возлѣ себя увидѣлъ Наполеона, который, замѣтивъ на немъ епитрахиль, а въ рукѣ просфору, обратился къ нему съ вопросомъ «Pope?». «Sic», отвѣтилъ священникъ и «сунулъ ему просфору». При такой обстановкѣ произошла торжественная встрѣча русскимъ священникомъ могущественнаго французскаго императора.

Наполеонъ остановился по-прежнему въ губернаторскомъ домѣ, и первое время никого къ себѣ не принималъ. Безпорядочное состояніе арміи и отсутствіе въ Смоленскѣ продовольствія привели его въ самое мрачное настроеніе духа. По его распоряженію дѣлались приготовленія къ оставленію города. Сжигались лафеты и зарядные ящики, такъ какъ въ виду недостатка лошадей приходилось бросить часть артиллеріи. Изготовлялись мины для взрыва городскихъ стѣнъ: Наполеонъ, по его словамъ, не хотѣлъ, чтобы смоленскія стѣны вновь задержали его при вторичномъ походѣ въ Россію.

Въ Смоленскѣ непріятельскія войска снова предались грабежу. 30 октября польскіе солдаты разломали двери Одигитріевской церкви и стали грабить спрятанное тамъ церковное и частное имущество. От. Никифоръ, прибѣжавшій на шумъ, храбро сталъ на защиту своей церкви. Поляки избили его до полусмерти и ранили саблей въ голову. Съ большимъ трудомъ оправился Мурзакевичъ отъ нанесенныхъ ему побоевъ и ранъ.

Въ это время Смоленскъ поражалъ даже равнодушный взоръ непріятеля своимъ разрушеніемъ. Маркизъ Пасторе вспоминалъ, что 29 октября въ городѣ «не оставалось никакихъ слѣдовъ его вѣкового процвѣтанія. Наши опечаленные взоры встрѣчали на каждомъ шагу сгорѣвшіе дома, разрушенные дворцы и поваленныя деревья». Попутно онъ отмѣчаетъ то странное зрѣлище, которое представляла торговля, возникшая посреди этихъ развалинъ, покрытыхъ снѣгомъ, подъ стѣнами когда-то жилыхъ домовъ». На мѣстѣ скрещенія «четырехъ главныхъ улицъ» (вѣроятно, по угламъ нынѣшней Пушкинской и Благовѣщенской улицъ) солдаты, особенно же гренадеры старой гвардіи, устроили настоящій базаръ. Тамъ можно было найти все, «чего желаетъ роскошь, и все, чего требуетъ нужда». Продавали: часы, перстни, ожерелья, драгоцѣнныя камни, водку, шубы, сочиненія Вольтера, лошадей и картины.

Съ 31 октября началось оставленіе Смоленска непріятелемъ.

Ко времени окончательнаго выхода непріятеля, Смоленскъ представлялъ ужасное зрѣлище. Города какъ бы не существовало; повсюду виднѣлись жалкіе остатки разрушенныхъ и выжженныхъ домовъ. Отъ Московской заставы до самаго Днѣпра вся мѣстность представляла живые слѣды страшнаго побоища. Вся набережная по другую, лѣвую, сторону Днѣпра, возлѣ Крѣпостной стѣны и вся ледяная поверхность рѣки почти на пятиверстномъ разстояніи были покрыты лафетами, зарядными ящиками и московскими экипажами. Заднѣпровье къ московской дорогѣ, усѣянное человѣческими трупами и палыми лошадьми, загроможденное фурами, ящиками и всевозможнымъ оружіемъ, представлялось бы сплошнымъ полемъ смерти, если бы не оглашалось невыносимыми стонами страданій, если бы на немъ не разыгрывались сцены страшныхъ человѣческихъ мукъ. Люди валялись по землѣ въ судорогахъ и корчахъ отъ мукъ, голода и холода; они метались въ страшной предсмертной тоскѣ и умирали съ проклятіями. Кругомъ происходило безумное торжество какой-то костюмированной смерти. Въ жестокихъ мукахъ съ воплями и угрозами умирали воины грозной арміи, переодѣтые морозомъ—въ священническія ризы, стихари, женскіе солопы и всякія причудливыя одѣянія. Теперь непріятель самъ переживалъ, но въ несравненно большей степени, тѣ страхи и ужасы, которые

онъ внесъ въ Смоленскъ при своемъ вступленіи въ городъ. Онъ посѣялъ вѣтеръ и пожиналъ бурю.

Предавая все разрушенію, маршалъ Ней готовился увести изъ Смоленка остатки французскаго войска. И вотъ наступила послѣдняя ночь плѣна Смоленска и близился грядущій день его освобожденія. Но пока еще городъ былъ объятъ послѣднимъ прощальнымъ ужасомъ, который непріятель, какъ бы на память по себѣ, оставлялъ жителямъ разореннаго имъ города.

Вскорѣ послѣ полуночи 5 ноября началось выступленіе Нея, при чемъ до двухъ тысячъ больныхъ и раненыхъ было оставлено въ городѣ. Пожары освѣщали путь непріятельскимъ войскамъ; грохотъ взрывовъ сопровождалъ ихъ. Когда послѣднія войска Нея вышли за заставу Смоленска, городъ пылалъ во многихъ мѣстахъ; безпрерывно раздавался гулъ и трескъ лопавшихся бомбъ и гранатъ. Около двухъ часовъ ночи грянулъ взрывъ первой заложенной мины; вскорѣ одинъ за другимъ, потрясая окрестный воздухъ, послѣдовали взрывы и другихъ минъ. Взрывы эти, взметая высоко въ воздухъ части крѣпостной стѣны, сыпали на землю каменный дождь, разрушая все на пути своемъ. Получалось впечатлѣніе полное ужаса, которое такъ передаетъ одинъ очевидецъ: «Вотъ единственное подобіе страшнаго Суда Божія, гдѣ предназначено пылать и трястись землѣ, и всѣмъ громамъ, отъ начала міра бывшимъ, возгремѣть въ знаменіе гнѣва Божія на земнородныхъ грѣшниковъ». Мины были подведены подъ всѣ башни, но изъ нихъ успѣли взорвать восемь. Этими взрывами разрушено восемь годуновскихъ башенъ [1] и часть королевской крѣпости. Вслѣдствіе взрывовъ пострадало очень много построекъ, уцѣлѣвшихъ при пожарѣ, и возникло много новыхъ пожаровъ. Загорѣлись, между прочимъ, и госпитали, гдѣ лежали больные и раненые воины непріятельской арміи, брошенные въ городѣ на произволъ судьбы безъ всякой помощи и безъ всякой заботливости о ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Въ отношеніи ихъ не было проявлено даже

---

1 Разрушены въ 1812 г. слѣдующія башни: 1) Иверская (четыреугольн.), 2) Богословская (круглая), 3) Никулинская (круглая), 4) Малая (четыреугольн.), 5) Молоховская (четыреугол.), 6) Голишевская (чертыреугол.), 7) Касандаловская (круглая), 8) Лазаревская (чертыреугол).

чувства простой человѣчности. Это было отступленіе варваровъ, среди которыхъ тщетно жили лучшіе люди и работали великіе умы Западной Европы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мѣры управленія.

Вопросъ объ управленіи занятыми мѣстностями чрезвычайно озабочивалъ Наполеона. Онъ видѣлъ, что побѣдоносное шествіе его всюду встрѣчала полная анархія. Всѣ власти оставляли свои должности и населеніе разбѣгалось, составляя нерѣдко бродячія толпы, на все готовыя, и къ тому же воодушевленныя общей ненавистью къ врагу. Приходилось наскоро принимать необходимыя мѣры къ водворенію хотя какого-нибудь порядка въ гражданской жизни.

Въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ занятыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ, были учреждены особые органы управленія. [1]

Во главѣ всего управленія поставлены французскіе военные чины. Интендантомъ города Смоленска Наполеонъ назначилъ генерала французской службы Армана-Шарля-Виллебланша, а исполненіе должности военнаго губернатора возложилъ сперва на Коленкура, а затѣмъ поочередно на генераловъ: Шарпантье, Барбанегра, и, наконецъ, Жомини; комендантомъ города назначенъ Бозетъ, а комиссаромъ по продовольственной части Сіовъ. Для управленія Смоленской губ. были учреждены: верховная комиссія, городской муниципалитетъ, «уѣздные по участкамъ комиссары» и ихъ помощники. [2]

---

1 Архивныя дѣла Прав. Сената и смолен. губ. правленія; «Смоленскъ подъ управленіемъ французовъ въ 1812 году». «Русск. Старина». 1901 г. Апрѣль; Л. Я. Л—вскій «Подневольный муниципалъ». «Истор. Вѣст.». 1902 г. Августъ; Н. А. Мурзакевичъ. «Смоленскій дневникъ».

2 Запись «учиненная въ комиссіи гг. сенаторовъ, учрежденной въ Смоленскѣ, по Высочайшей волѣ, изъ дѣлъ произведенныхъ ею о бывшихъ въ службѣ непріятеля при муниципалитетѣ, верховной комиссіи и при другихъ должностяхъ, россійскихъ чиновниковъ и другого званія людяхъ». Архивъ Сената; дѣла архивн. Смоленск. губ. правленія.

Верховная комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ интенданта, должна была осуществлять соотвѣтствующія задачи интендантскаго управленія по продовольствію арміи и составленію запасовъ. Членами ея были: помѣщикъ Голынскій, Фурсо-Жиркевичъ и переведенный позднѣе изъ муниципалитета Санко-Лешевичъ. Члены верховной комиссіи, какъ видно изъ дѣла, предписывали комиссарамъ, согласно повелѣніямъ интенданта, объ устройствѣ на мѣстахъ участковъ, о присылкѣ свѣдѣній о помѣщикахъ, казенныхъ крестьянахъ, о заготовленіи провіанта и фуража, о высылкѣ людей въ Смоленскъ и прочее. Муниципалитетъ содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, цѣлямъ верховной комиссіи, имѣя, однако, и нѣкоторыя самостоятельныя функціи по устроенію въ городѣ внутренняго порядка и безопасности. Муниципалитетъ состоялъ изъ 10 членовъ и 30 разныхъ другихъ чиновниковъ, исправлявшихъ должности—переводчиковъ, писцевъ, казначеевъ и комиссаровъ, назначенныхъ для разъѣздовъ. Въ составъ муниципалитета входили захваченные на мѣстѣ жители, лица самаго разнообразнаго общественнаго положенія: чиновники, купцы, разночинцы; всѣ они вступали на французскую службу обыкновенно по принужденію. Это были «подневольные муниципалы». Съ 12 августа смоленскій интендантъ Виллебланшъ занялся сформированіемъ смоленскаго муниципалитета. Меромъ города былъ назначенъ В. М. Ярославцовъ, товарищемъ его—Рутковскій, а генеральнымъ секретаремъ—учитель смоленской гимназіи Ефремовъ. Однимъ изъ первыхъ членовъ муниципалитета былъ опредѣленъ Рагулинъ, который получилъ объ этомъ слѣдующее письменное увѣдомленіе: «Смоленскъ 24 (12) августа 1812 г. Господину Федору Рагулину въ Смоленскѣ. Я васъ предворяю, государь мой, что, по повелѣнію Императора 24 августа вы назначены членомъ совѣта Смоленскаго Муниципалитета, Господинъ Виллебланшъ, интендантъ губерніи Смоленской, имѣетъ васъ ввести въ сіе достоинство. Принцъ Невшательскій, генералъ-маіоръ Талейранъ». Постепенно въ члены были привлечены и другія лица: отставной маіоръ Мецъ, Рутковскій, извѣстный въ то время въ Смоленскѣ ресторатоpъ (трактирщикъ), итальянецъ Симонъ Чапа, Узелковъ, купецъ-нѣмецъ Брунъ, мѣщанинъ Снытkинъ и Желтовскій. Для переписки назначены чиновники: губ. секрет. Поповъ, кол. рег. Павловъ, станціон-

ный смотритель Ключаревъ, и семинаристъ Звѣревъ. Дворяне Рейнеке и Санко-Лешевичъ опредѣлены переводчиками. Позже всѣхъ другихъ былъ назначенъ членомъ, на мѣсто уволеннаго Желтовскаго, Николай Великановъ, съ возложеніемъ на него, между прочимъ, обязанностей квартирмейстера. О своемъ назначеніи Великановъ получилъ извѣщеніе отъ 21 октября, подписанное интендантомъ Виллебланшемъ и генеральнымъ секретаремъ Ефремовымъ.

Муниципалитетъ помѣщался въ зданіи городскаго магистрата, возлѣ Одигитріевской церкви. Первое торжественное засѣданіе его было открыто 27 августа, на французскомъ языкѣ, интендантомъ Виллебланшемъ. Протоколъ этого засѣданія гласитъ:

«1812 г. августа 27 дня я, Арманъ-Шарль де-Виллебланшъ, аудиторъ Государственнаго Совѣта и интендантъ Смоленской губ., по повелѣнію его императорско-королевскаго французскаго величества прибылъ въ залъ засѣданія магистратовъ г. Смоленска, въ 3 ч. пополудни, для введенія въ должность новаго мера и муниципальныхъ должностныхъ лицъ, собравшихся по нашему приглашенію. Мы велѣли прочитать въ засѣданіи о ихъ назначеніи и приступили къ обсужденію слѣдующихъ дѣлъ» ... Затѣмъ слѣдуетъ перечень этихъ дѣлъ по пунктамъ и о первомъ изъ нихъ значится такъ: «Будетъ издано воззваніе къ жителямъ Смоленска, а также и деревенскимъ, приглашающее ихъ возвратиться по домамъ». Воззваніе это, составленное самимъ интендантомъ и переведенное на русскій языкъ, постановлено расклеить по улицамъ города и разослать по окрестнымъ деревнямъ. Было рѣшено также просить письменно губернатора о присылкѣ «офицера его штаба» для исчисленія, совмѣстно съ муниципалитетомъ, годныхъ для жилья домовъ въ городѣ, и для собранія свѣдѣній о живущихъ въ нихъ лицахъ. Журналъ этого засѣданія подписали: Виллебланшъ, Ярославцовъ, Рутковскій, за Чапу—Ефремовъ, Узелковъ, Желтовскій, Ефремовъ и Рагулинъ. О предметахъ дѣятельности муниципалитета можно судить на основаніи подробнаго перечня ихъ, извлеченнаго изъ архива Сената. Этотъ любопытный перечень свидѣтельствуетъ, что муниципалитетъ дѣйствовалъ по ордерамъ французскаго начальства, затѣмъ, такъ сказать, самостоятельно и, наконецъ, имѣла мѣсто единоличная дѣятельность мера.

По ордерамъ высшаго начальства муниципалитетъ, какъ видно изъ переписки, вытребовалъ людей и подводы для исполненія разныхъ работъ, вызывалъ подрядчиковъ для исправленія мельницъ, предписывалъ о доставленіи изъ селеній провіанта и фуража, наблюдалъ за чистотой въ городѣ и квартирнымъ порядкомъ, переводилъ на русскій языкъ разныя распоряженія французскаго начальства.

Безъ особыхъ ордеровъ муниципалитетъ: 1) По прошеніямъ принималъ къ явкѣ заемныя письма; 2) въ случаѣ жалобъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ на грабительство французовъ и на ослушаніе крестьянъ, представлялъ интенданту о назначеніи по уѣзду комиссаровъ для пресѣченія грабительства и усмиренія, требуя для этого охранныхъ командъ; 3) по прошеніямъ казенныхъ крестьянъ, жаловавшихся на свое разореніе, представлялъ интенданту, который разрѣшалъ крестьянамъ, снять съ полей уѣхавшихъ помѣщиковъ хлѣбъ, но пользоваться только четвертымъ снопомъ; 4) представлялъ о сборѣ денегъ за сдачу въ наемъ лавокъ и домовъ; при этомъ интендантъ, принявъ во вниманіе, «что чиновники муниципалитета не имѣютъ ни одежды, ни обуви и безъ пропитанія», назначилъ выдать имъ отъ 15 до 200 франковъ.

Непосредственно меръ Ярославцовъ: 1) Получалъ и приводилъ въ исполненіе ордера отъ интенданта о вызовѣ въ Смоленскъ ближайшихъ помѣщиковъ и объ истребованіи отъ помѣщиковъ, проживающихъ вдали отъ Смоленска, списковъ о лицахъ, способныхъ занять должности комиссаровъ; 2) выдалъ казначею, итальянцу Чапѣ, приходо-расходную книгу за своей подписью, и самъ въ черновой тетради велъ записи какъ прихода денегъ, получаемыхъ за наемъ лавокъ и домовъ, такъ и расхода ихъ.

Для ближайшей дѣятельности на мѣстахъ въ уѣздѣ назначались особые комиссары съ помощниками, на которыхъ возлагались, главнымъ образомъ, заботы о сборѣ провіанта и фуража, а также поощреніе крестьянъ къ возобновленію оставленныхъ работъ и преслѣдованіе мародеровъ [1]. Особо усиленныя требованія предъявлялись относительно доставленія продовольствія. Такъ, 20 ок-

1 Списокъ назначенныхъ комиссаровъ. См. Приложеніе.

тября послѣдовало строгое предписаніе Виллебланша о доставленіи со всей Смоленской губ.: 5,681 четв. 6 пуд. 21 фун. хлѣба, 700 быковъ; 565 четв. 11 пуд. овса; 3030 пуд. 12 фун. сѣна и такого же количества соломы. По всѣмъ этимъ важнымъ вопросамъ было очень много переписки и мало дѣла. Энергичный Виллебланшъ безъ устали дѣлалъ разъясненія, давалъ предписанія, но дѣло не двигалось. Бумаги обычно писались по-французски и поступали въ муниципалитетъ, гдѣ они переводились и оттуда разсылались на русскомъ языкѣ. Усердіе комиссаровъ поощрялось обѣщаніями выгодъ. Поручику Малецкому, который состоялъ комиссаромъ въ окрестностяхъ селенія Тупицы, Виллебланшъ писалъ, между прочимъ: «за точное исполненіе предписаній я обѣщаю вамъ покровительство французскаго правительства; вы можете получить чрезъ то особыя выгоды». Всѣ эти мѣры не могли преодолѣть нерадѣніе подневольнаго чиновника. Виллебланшъ неоднократно требовалъ отъ муниципалитета болѣе дѣятельнаго участія въ дѣлахъ управленія. Онъ приказывалъ, чтобы засѣданія его продолжались не менѣе какъ до 2 часовъ дня, чтобы въ учрежденіи всегда находился дежурный членъ, и чтобы на всѣ его запросы немедленно давались обстоятельные отвѣты. Однако, всѣ такія требованія и настоянія не имѣли успѣха. Недовольный Виллебланшъ пишетъ: «Я просилъ васъ, г. меръ, продолжать засѣданія до 2 часовъ. Я посылалъ въ муниципалитетъ въ 1 часъ, а тамъ не было даже приказнаго». Въ другой бумагѣ онъ съ досадой указываетъ меру на его бездѣятельность: «Г. меръ! Требуя отъ васъ почтарей для организуемой мною теперь почты, я желалъ, чтобы они были присланы тотчасъ же; но вамъ всегда надо писать о самомъ простомъ дѣлѣ по три раза. Прошу васъ озаботиться этимъ немедленно и предупреждаю, что не приму никакихъ оправданій». Не взирая на всѣ побужденія, муниципальный органъ дѣйствовалъ чрезвычайно вяло, и Виллебланшъ счелъ нужнымъ произвести въ немъ нѣкоторыя перемѣны и точнѣе распредѣлить обязанности между его членами. Онъ писалъ Ярославцову: «Г. меръ! Увѣдомляю васъ, что, по опредѣленію отъ 26 сентября сего 1812 года, я назначилъ адъюнкта Чапу казначеемъ города Смоленска и муниципалитета. Онъ обязанъ вести счеты исправно и не выдавать безъ моего предписанія. По тому же опре-

дѣленію г. Рутковскій будетъ заниматься съ вами всѣми обыкновенными дѣлами вообще; онъ будетъ рѣшать и подписывать одинъ въ случаѣ отсутствія вашего. Г. Брунъ будетъ имѣть смотрѣніе за мельницами и за доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ, когда муниципалитетъ учинитъ о семъ распоряженіе. Г. Узелковъ будетъ имѣть дѣла относящіяся до благочинія деревенской жизни, и доставлять людей по требованію правительства. Г. Рагулинъ долженъ смотрѣть за городской полиціей, а особливо за чистотою улицъ и погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ. Гг. Рейнеке, Каховскій и Лешевичъ должны быть въ вашемъ распоряженіи, какъ адъюнкты, переводчики и комиссары. Я прошу объявить означеннымъ господамъ ихъ должности и приказать сіе письмо повѣсить на стѣнѣ въ залѣ муниципалитета...».

Но точное распредѣленіе между членами отдѣльныхъ обязанностей дѣлу не помогало, и черезъ мѣсяцъ послѣ открытія муниципалитета Виллебланшъ дѣлаетъ всему его составу строгій выговоръ за его крайнее нарадѣніе. Отъ 15 (27) сентября онъ писалъ членамъ муниципалитета:

«Государи мои! Къ крайнему прискорбію, нужно мнѣ васъ упредить, что не могу быть довольнымъ нерачительностью вашею къ службѣ вашего отечества. Сего утра въ началѣ 9 часа не находилось въ муниципалитетѣ никого изъ членовъ, даже самого мера. Никто не трудится съ усердіемъ. Я увѣдомляю васъ, хотя это и съ прискорбіемъ моимъ будетъ соединено, что если это продолжится, то принужденъ буду употребить строгія мѣры! Затѣмъ, какъ члены муниципалитета, имѣете вы совершенно въ законной власти всѣхъ жителей: поэтому, господамъ Рейнеке, Каховскому и Санко-Лешевичу слѣдуетъ въ засѣданіи сдѣлать строгій выговоръ и предостеречь ихъ, что съ ними можетъ послѣдовать нѣчто непріятное. Имѣю честь быть съ моимъ почтеніемъ... Виллебланшъ». Вся эта переписка, весь заведенный канцелярскій механизмъ нисколько не помогалъ существу дѣла, и водворить въ городѣ хоть какое нибудь правильное теченіе жизни оказалось невозможнымъ. Съ одной стороны—французы не могли же увѣрить русскихъ членовъ муниципалитета, что они, состоя на службѣ непріятеля, служатъ въ то же время своему отечеству. Съ другой стороны—безнаказанный гра-

бежъ мирнаго населенія воинскими чинами, которые сознавали себя истинными и единственными господами положенія, уже самъ по себѣ долженъ былъ парализовать всѣ усилія гражданской власти къ водворенію порядка и законности. Бѣдственное положеніе завоеванной Смоленской губерніи весьма характерно описано комиссаромъ Щербаковымъ въ слѣдующемъ его рапортѣ на имя смоленскаго военнаго губернатора Барбанегра отъ 22 сентября: «Разныхъ націй военные люди, а особливо прусской арміи конные солдаты съ ихъ офицерами, человѣкъ по пятьдесятъ, наѣзжая на господскіе и крестьянскіе дома, расположась въ нихъ квартирами— сутокъ на двое и на трое, дѣлаютъ чрезвычайные грабежи, вытравливаютъ не только въ поляхъ, но и на гумнахъ хлѣбъ и, забирая оный, а также скотъ, лошадей, сѣно, пожитки и все, что только найдутъ и имъ угодно, увозятъ съ собой, не оставляя въ селеніяхъ ничего, а жителей бьютъ до полусмерти и по нимъ стрѣляютъ, не взирая ни на какіе воинскіе залоги и охранныя команды, отъ которыхъ хотя и объявляются имъ данныя отъ французскаго правительства письменныя о томъ запрещенія, но оными пренебрегаютъ; которые же изъ грабителей мною забраны и отправлены были въ Смоленскъ, оныхъ у проводниковъ отбираютъ и отпускаютъ попрежнему на свободу. Ваше высокопревосходительство! Сжальтесь надъ бѣдными, стонающими, страждующими и вопіющими на небо жителями! Войдите въ сожалѣніе человѣчества, защитите всѣхъ насъ силою данной вамъ власти! Нѣтъ возможности болѣе сносить такихъ жестокостей и грабежей; если далѣе, хотя малое время, все оное происходить будетъ, то данныхъ комиссарамъ повелѣній ни подъ какимъ видомъ выполнить будетъ не можно, ибо жители, не имѣя чѣмъ себя содержать и пропитать, оставя свои домы, разбредутся. Пожалуйста, поскорѣе запретите имъ тѣ буйства, насилія и грабежи чинить и снабдите меня на все оное вашею милостивою резолюціею».

Изъ этого рапорта вполнѣ наглядно выясняется какъ положеніе сельскихъ мѣстностей подъ властью непріятеля, такъ фактическое значеніе и моральное настроеніе набранныхъ французами, преимущественно изъ дворянъ, комиссаровъ. Захваченные на службу по принужденію, они обыкновенно являлись заступниками населе-

нія и обличителями жестокостей непріятеля. Немудрено, что французскія власти не могли извлечь изъ дѣятельности комиссаровъ никакой для себя пользы.

Въ концѣ концовъ, для прекращенія грабежей и насилій въ Смоленскѣ и Смоленской губерніи, были учреждены полевые суды и образована особая подвижная колонна изъ 200 человѣкъ. Однако, мѣры эти были приняты французскими властями довольно поздно, и уже не могли содѣйствовать возстановленію порядка среди общей анархіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возвращеніе русской власти.

Въ то время, когда французскіе корпуса на лѣвой сторонѣ Днѣпра одинъ за другимъ выходили изъ Смоленска на Красный, казаки Платова стояли уже лагеремъ въ виду Смоленска на правомъ берегу рѣки. Изъ нашего лагеря 5 ноября замѣчено было, что въ городѣ происходило суетливое движеніе непріятельскихъ войскъ. Причина этой суеты разъяснилась, когда передъ вечеромъ Платовъ узналъ отъ бѣглаго польскаго капитана—о готовящемся выступленіи изъ Смоленска послѣдняго непріятельскаго корпуса маршала Нея. При такомъ радостномъ извѣстіи Платовъ созвалъ всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, и приказалъ отслужить въ виду смоленскихъ церквей благодарственный молебенъ, сопровождавшійся пушечной пальбой и восторженнымъ ура. Не было уже никакого сомнѣнія, что непріятель очищаетъ городъ; поэтому Платовъ повелъ свои войска по правому берегу Днѣпра на Катынь въ направленіи къ Красному. Для преслѣдованія непріятеля по краснинской дорогѣ и на пространствѣ между этой дорогой и Днѣпромъ, онъ отрядилъ генераловъ Грекова I и Денисова съ 6-ью казачьими полками, 6-ью эскадронами драгунъ и 4-мя орудіями. Подъ Смоленскомъ былъ оставленъ всего лишь одинъ 20-ый егерскій полкъ подъ командой маіора Горихвостова. По уходѣ изъ Смоленска корпуса Нея, городъ еще не вполнѣ очистился отъ не-

пріятеля. Въ немъ остались многочисленныя шайки мародеровъ, съ иключительной цѣлью грабежа, хотя вконецъ разоренный городъ, казалось бы, не могъ служить заманчивой добычей. Между тѣмъ, еще ночью, стали появляться на улицахъ горожане, пережившіе, въ числѣ до 600 человѣкъ, всѣ ужасы личныхъ страданій и разоренія родины. Можно легко себѣ представить настроеніе этой толпы, властно охваченной суровой силою мстительнаго чувства. Началась страшная расправа необузданнаго народнаго гнѣва. Мародеровъ избивали и бросали въ пламя пылавшихъ строеній. Цѣлая ихъ партія была заперта въ большомъ погребѣ подъ Спасскою церковью, куда имъ бросили дохлую лошадь; затѣмъ ихъ вытаскивали изъ погреба и съ высотъ рѣчного берега сбрасывали въ проруби. Въ седьмомъ часу утра, 5 ноября, маіоръ Горихвостовъ вступилъ въ городъ съ 20-мъ егерскимъ полкомъ, и безчинства толпы были немедленно прекращены. Въ городѣ оказалось, кромѣ двухъ тысячъ раненыхъ, еще сорокъ офицеровъ и болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ непріятельской арміи, оставшихся на мѣстѣ по разнымъ причинамъ, а также 157 пушекъ. Подъ стѣнами въ подкопахъ обнаружено 18 бочекъ пороха съ фитилями. У собора нашли забытаго французскаго часового, котораго сняли наши егеря. Относительно больныхъ и раненыхъ, маіоръ Горихвостовъ былъ снабженъ слѣдующей инструкціей Платова:

«Раненыхъ и больныхъ непріятелей, которые найдутся въ Смоленскѣ, продовольствовать, сколько по человѣчеству, столько и потому, что плѣнные большею частью нѣмецкихъ націй и итальянцы, и дабы чрезъ то показать имъ, что Россійское правительство поступаетъ съ военноплѣнными совсѣмъ не такъ, какъ имъ внушено. Россійскимъ же больнымъ и раненымъ, если они есть здѣсь, оказывать особенное призрѣніе».

Запершійся, было, въ Авраміевскомъ монастырѣ французскій гарнизонъ, въ 400 человѣкъ съ 3-мя пушками, поспѣшилъ скрыться изъ города черезъ Никольскія ворота. Монастырь этотъ оказался наполовину разореннымъ и семинарская библіотека была выброшена на дворъ. Въ семинаріи, въ такъ называемомъ, залѣ диспутовъ, обращенномъ въ лазаретъ, была усмотрѣна нарисованная на стѣнѣ углемъ картина осады Смоленска. Этотъ любопытный

рисунокъ былъ стертъ по распоряженію начальства. Передъ утромъ сгорѣло помѣщеніе магистрата со всѣми архивами и дѣлами; сгорѣлъ генералъ-губернаторскій домъ и выгорѣли почти всѣ дома вокругъ Ильинской церкви.

Послѣ занятія города нашими войсками, стало возвращаться духовенство и представители власти. Въ дневникѣ своемъ отъ 8 ноября Мурзакевичъ кратко отмѣчаетъ: «стало появляться городское духовенство къ приходамъ». Маіоръ Горихвостовъ былъ назначенъ смоленскимъ комендантомъ. По его распоряженію старшій изъ священниковъ, протоіерей Васильевъ, съ 4-мя наличными священниками 7 ноября встрѣтилъ у Днѣпровскихъ воротъ русскія войска, вступавшія въ городъ; войска прошли прямо къ собору, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Въ воскресенье, 10 ноября, прибыла въ Смоленскъ изъ Краснаго чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи, которая возвращена была дежурнымъ генераломъ всѣхъ армій Коновницынымъ, по приказанію фельдмаршала Кутузова. Послѣ богослуженія въ соборѣ духовенство и огромная толпа народа пошли крестнымъ ходомъ за Молоховскія ворота; въ нарядъ были поставлены 20-ый егерскій полкъ и казаки. На мѣстѣ встрѣчи чудотворной иконы былъ отслуженъ молебенъ и затѣмъ, при пушечной пальбѣ, и непрерывномъ колокольномъ звонѣ чудотворную икону понесли черезъ Никольскія ворота въ соборъ, гдѣ временно и помѣстили ее.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Смоленскъ членъ Синода архіепископъ рязанскій Ѳеофилактъ, назначенный для приведенія въ порядокъ разоренныхъ непріятелемъ епархій; прибыли преосвященный Иринеи и гражданскій калужскій губернаторъ, сенаторъ Каверинъ, на котораго были Высочайше возложены обязанности по управленію Смоленской губ. на правахъ сенатора; смоленскій же гражданскій губернаторъ баронъ Ашъ оставленъ въ распоряженіе Каверина. Было приступлено къ очисткѣ города отъ труповъ и постепенному водворенію возможнаго при общемъ разореніи порядка. Сенаторъ Каверинъ принималъ мѣры къ возстановленію губернскаго управленія. Онъ писалъ отъ 2 января 1813 года губернскому предводителю дворянства С. И. Лесли: «Ожидаю теперь къ исполненію сего прибытія смоленскаго г-на гражданскаго губернатора, гу-

бернскихъ чиновниковъ, губернскаго правленія и казенной палаты, вслѣдствіе сдѣланнаго о томъ отъ меня къ его превосходительству отношенія». [1] Собралось въ Смоленскѣ начальство; возвратились разбѣжавшіеся съ приближеніемъ непріятеля жители; началось возстановленіе законнаго порядка. Пошли сплетни, ябеды, доносы и вслѣдъ за ними розыски. На этой почвѣ поднялся вопросъ о лицахъ, служившихъ непріятелю; возникли дѣла и пошелъ судъ.

Какъ возникали такія дѣла и производились разслѣдованія, можно видѣть на типичномъ примѣрѣ священника Никифора Мурзакевича. Дѣло о многострадальномъ отцѣ Никифорѣ началось съ окольныхъ и весьма вздорныхъ запросовъ, а затѣмъ, все больше наростая, развернулось въ цѣлое грозное обвиненіе въ тягчайшемъ преступленіи—государственной измѣнѣ. Возвратившійся въ Смоленскъ протоіерей Алексѣй Васильевъ, оказавшійся старшимъ среди наличнаго духовенства, 16 ноября получилъ отъ исправляющаго должность полицеймейстера, майора Мельникова, бумагу слѣдующаго страннаго содержанія:

«До свѣдѣнія моего дошло, что при завоеваніи французскими войсками здѣшняго города, въ соборной ризницѣ осталось много вещей, принадлежащихъ собору, и мѣдныхъ денегъ 20.000 рублей, изъ которыхъ французскія войска уплачивали за забранные медикаменты вольному аптекарю Мего, изъ чего и полагаю, что ризница та и въ ней принадлежащія до церкви вещи, равно и означенныя деньги, есть въ цѣлости (?); о чемъ для вѣрнѣйшаго донесенія начальству прошу ваше протоіерейство меня увѣдомить,—все ли то есть въ цѣлости; въ противномъ же случаѣ, у кого все то было на рукахъ, и куда употреблено, также не оставить безъ увѣдомленія». Изъ этого первичнаго пустого документа развилось цѣлое грозное официальное дѣло объ измѣнѣ Никифора Мурзакевича. Недоброжелательные сослуживцы, возратясь изъ бѣгства, гордо подняли головы и стали чуждаться государственнаго преступника. Отъ Мурзакевича 18 декабря консисторія отобрала подписку о невыѣздѣ изъ города. Въ это же время прибылъ въ Смоленскъ членъ Св. Синода Ѳеофилактъ. Энергичный, но крайне самовластный и рѣзкій архі-

[1] Арх. Губ. Прав. См. Приложеніе.

епископъ, немедленно потребовалъ къ себѣ Мурзакевича, который отъ 20 декабря помѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Потребованъ къ синодалу по доносу николаевскаго протопопа Алексѣя Васильева. Разсказалъ откровенно все, со мною случившееся.—Зачѣмъ встрѣчалъ Наполеона?—Отвѣчалъ:—Чтобы спасти храмы Божіи: первосвященникъ іудейскій Іоддай встрѣчалъ язычника Александра Македонскаго, а папа Левъ Святый—Аттилу у вратъ Рима, угрожавшаго граду разореніемъ».

Мурзакевича допрашивали: «были ли ему препоручены французскимъ правительствомъ ключи отъ собора, и почему онъ такое порученіе принялъ на себя; гдѣ находятся церковныя деньги; былъ-ли онъ употребляемъ французскимъ правительствомъ и въ другія дѣла»; выходилъ-ли навстрѣчу французскому императору Наполеону въ церковномъ облаченіи и съ крестомъ. Мурзакевичъ обстоятельно отвѣчалъ на всѣ вопросы, оправдывался на сколько хватало силъ, указывалъ на свидѣтелей, которые дѣйствительно подтверждали его правдивыя показанія.

Между тѣмъ, по освидѣтельствованіи соборной ризницы, въ ней найдены въ цѣлости всѣ перенесенные туда мѣшки съ мѣдными деньгами, которыхъ счетомъ оказалось около 2.000 руб. Когда же стали изслѣдовать вопросъ, откуда взялась указанная въ запросѣ Мельникова цифра 20.000 руб. церковныхъ денегъ въ соборѣ, то Мельниковъ могъ сослаться лишь на аптекаря Мего, который, однако, ссылку на него совершенно отвергъ. Мего пояснилъ, что онъ дѣйствительно говорилъ Мельникову о заборѣ у него непріятельскими войсками медикаментовъ на 20.000 руб., и что передъ уходомъ изъ Смоленска французы предлагали его тестю получить вознагражденіе за медикаменты въ соборномъ погребѣ. Изъ такого разсказа Мельниковъ и умозаключилъ, что въ соборѣ должно храниться не менѣе 20.000 руб. Несмотря на всю очевидную вздорность обвиненія, Мурзакевичу официально было запрещено священнослуженіе и «благословеніе рукою»; его предали уголовному суду. Одновременно съ отцомъ Никифоромъ были «запрещены въ священнослуженіи» и другіе два священника, остававшіеся въ Смоленскѣ въ его страшные дни: от. Поликарпъ Звѣревъ и Яковъ Соколовъ. Всѣ они обвинялись въ томъ, что имѣли намѣреніе встрѣ-

тить Наполеона въ облаченіи и съ крестомъ 27 октября, а Мурзакевичъ еще и въ томъ, что поднесъ ему просфору. Прибывшій въ 1813 году въ Смоленскъ новый епископъ Іоасафъ, по словамъ Мурзакевича, «по виду суровый, по душѣ благій», оказался къ нему болѣе справедливымъ. Судъ также оградилъ его отъ несправедливыхъ обвиненій. Смоленская уголовная палата своимъ рѣшеніемъ отъ 26 марта 1814 года оправдала Мурзакевича. Палата нашла: «Священникъ Никифоръ Мурзакевичъ, кромѣ подноса имъ Наполеону просфоры, также въ другомъ ни въ чемъ не доказанъ, и по сдѣланному, по предписанію палаты, смоленскимъ полицейскимъ правленіемъ изслѣдованію, оказалось: онъ, Мурзакевичъ, во время нашествія въ здѣшній городъ Смоленскъ непріятеля, находился при раненыхъ россійскихъ офицерахъ и солдатахъ съ повѣшенною на шеѣ его иконою Божіей Матери, и въ то же самое время, при разломаніи непріятелемъ архіерейскаго дома и ризницы, оную избавилъ отъ грабежа и оставилъ все въ цѣлости. А при выгнаніи непріятеля изъ Смоленска, когда вознамѣрились и Одигитріевскую церковь также разграбить и снять колокола, не допустилъ и до оного, за что былъ битъ, дранъ за волоса и бороду.—Въ подносѣ же вышеписанной просвиры, почесть можно, послѣдовало не по чему иному, какъ изъ одной робости, и тогда, когда онъ несъ для больного мѣщанина, по зову коего шелъ исповѣдывать и причащать его; за что и слѣдовало бы сдѣлать съ нимъ по подсудности, по правиламъ церковнымъ, какое-либо положеніе здѣшней духовной консисторіи, но, вмѣняя ему вышеписанное и запрещеніе священнослуженія и удаленіе отъ церкви съ начала производства о семъ дѣла,—также оставить свободнымъ». Послѣ оправдательнаго приговора Судебной палаты послѣдовалъ 8 іюля 1814 г. указъ Синода—о разрѣшеніи Мурзакевичу священнослуженія и объ опредѣленіи его на священническое мѣсто; въ томъ же мѣсяцѣ онъ получилъ свое прежнее мѣсто при Одигитріевской церкви.

Въ то же время были возбуждены дѣла противъ многихъ другихъ лицъ, оставшихся въ Смоленской губерніи по занятіи ея непріятелемъ. Сенаторъ Каверинъ вошелъ съ донесеніемъ на Высочайшее имя о томъ, что во время занятія Смоленской губ. непріятелемъ «употреблены были въ должности по службѣ французамъ

русскіе чиновники и разнаго званія люди». Въ виду этого 18 марта 1813 года послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова:

«Графъ Николай Ивановичъ! препровождая при семъ полученное Мною донесеніе отъ сенатора Каверина, показывающее, что во время занятія Смоленской губ. непріятелемъ, употреблены были въ должности чиновники наши и разнаго званія люди, предоставляю вамъ ко обнаруженію сего дѣла учредить въ городѣ Смоленскѣ такую же комиссію и на тѣхъ точно правилахъ, какъ было распоряжено по Московской губ.—Членами въ означенную комиссію назначаю я сенаторовъ: Модераха, Болотникова и Каверина, изъ коихъ первые два должны немедленно отправиться въ Смоленскъ. Старшему изъ нихъ быть предсѣдателемъ Комитета». Согласно этому рескрипту въ Смоленскѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1813 года открыла свои дѣйствія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Болотникова, слѣдственная комиссія «для изслѣдованія о лицахъ, находившихся въ употребленіи у непріятеля». Въ результатѣ дѣятельности этой комиссіи образовалось цѣлое огромное дѣло «о 41 человѣкѣ употребленныхъ непріятелемъ въ разныя должности». [1]

Въ этомъ дѣлѣ собраны свѣдѣнія о каждомъ изъ лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ организованному французскимъ правительствомъ управленію Смоленской губ. Свѣдѣнія эти представляютъ несомнѣнный интересъ въ бытовомъ и политическомъ отношеніяхъ.

О членахъ Верховной комиссіи выяснилось слѣдующее.

Егоръ Санко-Лешевичъ дворянинъ 48 лѣтъ принужденъ былъ, за неимѣніемъ средствъ, остаться въ Смоленскѣ. «Претерпѣвъ всѣ варварства французовъ», онъ черезъ недѣлю былъ препровожденъ меромъ Ярославцовымъ въ муниципалитетъ, а оттуда маіоръ Мецъ доставилъ его къ интенданту, который опредѣлилъ его сперва переводчикомъ. Онъ посылался совмѣстно съ Узелковымъ, Бруномъ и Каховскимъ въ Духовщинскій уѣздъ за повозками, но ни одной повозки не доставилъ. Затѣмъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ верховной комиссіи. На его обязанности лежалъ переводъ повелѣній интен-

---

[1] Архивъ Сената. Дѣло Прав. Сен. 5 дек. № 942—1813 г.

данта на русскій языкъ и доставленіе ихъ въ муниципалитетъ для разсылки комиссарамъ. Фурса-Жиркевичъ надворный совѣтникъ, 52 лѣтъ, прибылъ 1 августа изъ Риги. Узнавъ о приближеніи непріятеля, онъ отправился къ себѣ въ Краснинскій уѣздъ, но домъ его оказался уже разграбленнымъ французскими мародерами, отъ которыхъ онъ вынужденъ былъ скрываться въ лѣсу. Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ получилъ отъ французскаго начальства бумагу «о пожалованіи его членомъ Верховной комиссіи», а вслѣдъ затѣмъ письмо генеральнаго секретаря Ефремова, который пригласилъ его прибыть въ Смоленскъ. Онъ собиралъ черезъ комиссаровъ свѣдѣнія о числѣ господскихъ домовъ въ уѣздѣ и о наличныхъ владѣльцахъ этихъ домовъ. Подъ его начальствомъ находились комиссары: титулярный совѣтникъ Демьянъ Краевскій, поручикъ Шебеньковъ и Бугайскій.

О членахъ муниципалитета выяснилось.

Отставной титулярный совѣтникъ изъ дворянъ Василій Ярославцовъ, 60 лѣтъ, состоялъ въ званіи мера г. Смоленска. Онъ показалъ, что не выѣхалъ изъ Смоленска, такъ какъ всѣмъ было объявлено, что городъ не будетъ сданъ непріятелю; къ тому же билетовъ на выѣздъ не выдавали, а билеты, уже выданные, были отобраны обратно. Во время бомбардировки города скрывался со своимъ семействомъ въ погребѣ. Когда узналъ, что русскія войска оставляютъ городъ, то пытался вмѣстѣ съ священникомъ Соколовымъ найти лошадей; нашли одну лошадь, но ее отняли. Послѣ занятія Смоленска всѣ оставшіеся жители были переписаны и представлены къ интенданту. Его назначили меромъ и онъ никакъ не могъ избавиться отъ этой должности: отказа его не приняли; притворился больнымъ, но присланный генералъ докторъ объявилъ, что за притворство будетъ смерть; хотѣлъ бѣжать, но помѣщикъ Голынскій въ помощи отказалъ; «хотѣлъ нерадѣніемъ отъ должности уйти», но получилъ угрозы отъ интенданта. Совѣтовъ ко вреду отечества не давалъ, но разбиралъ ссоры, тушилъ пожары, и когда требовались съѣстные припасы, «то рапортовалъ, что за разграбленіемъ не имѣется». Эти объясненія Ярославцова подтверждались свидѣтельскими показаніями. Кромѣ того было дознано, что Великановъ былъ назначенъ на службу интендантомъ по указанію Ярославцова. При его же содѣйствіи назначены комиссарами два дворянина Ельнинскаго уѣзда:

Невѣжинъ и Маличкинъ. Невѣжинъ, по удостовѣренію крестьянъ, послѣ назначенія его на должность, цѣлыми днями скрывался въ лѣсахъ и болотахъ, куда они доставляли ему пропитаніе. Ярославцовъ высказывалъ мнѣніе объ учрежденіи комиссіи изъ русскихъ дворянъ въ цѣляхъ прекращенія убійствъ и грабежей, производимыхъ непріятельскими мародерами. Когда собранные въ Смоленскѣ дворяне были запрошены по этому поводу интендантомъ и когда за отказъ отъ службы грозила смерть, то Ярославцовъ совѣтовалъ Трубникову, Попову и Киселеву высказаться согласно его указанію. Обвиненіе Ярославцова въ томъ, что онъ «посылалъ въ Духовской уѣздъ за повозками для раненыхъ», обѣщая населенію покровительство Наполеона, не подтвердилось. Содержавшійся подъ стражей Ярославцовъ 13 іюня застрѣлился.

Симонъ Чапа, итальянецъ, 64 лѣтъ, имѣя въ городѣ лавку и лучшій ресторанъ, принялъ должность члена муниципалитета, а затѣмъ и казначея подъ угрозой разстрѣла. Въ муниципалитетѣ былъ не болѣе 10 разъ и никакого участія въ дѣлахъ не принималъ.

Узелковъ, коллежскій ассесоръ, 66 лѣтъ, во время нашествія французовъ хотѣлъ уѣхать изъ Смоленска, и послалъ въ деревню за лошадьми, но деревня оказалась сожженной. Захваченные въ городѣ вмѣстѣ съ женою они подверглись такимъ побоямъ, что онъ оглохъ, а жена его умерла. Его насильно, подъ угрозой разстрѣла, назначили членомъ муниципалитета. Ему поручили описать 2-ю часть города съ указаніемъ домовъ годныхъ подъ постой. Затѣмъ его вмѣстѣ съ Бруномъ, Каховскимъ и Ильяшевичемъ отправили за повозками въ Бѣльскій уѣздъ; но повозокъ они не доставили.

Желтовскій, коллежскій ассесоръ, 65 лѣтъ. Больной во время нашествія непріятеля, онъ черезъ силу вышелъ за городъ, слѣдуя за русской арміей. Отойдя всего полторы версты, онъ попалъ въ плѣнъ къ непріятелямъ и возвращенъ въ городъ. Къ службѣ въ муниципалитетѣ принужденъ былъ угрозами. Ему поручены надзоръ за уборкой труповъ и опись домовъ. Вскорѣ онъ, за болѣзнью, былъ отставленъ отъ службы.

Рагулинъ, коллежскій регистраторъ, 54 лѣтъ, вступилъ въ службу изъ страха. Исполнялъ полицейскія обязанности по наблюденію за чистотой улицъ и уборкой труповъ. Онъ прекращалъ грабежи,

пожары, отводилъ квартиры, доставлялъ рабочихъ. Когда интендантъ увидѣлъ его въ рваномъ сюртукѣ, то далъ ему сперва 6, а потомъ 18 руб.; кромѣ того, онъ получалъ 1½ фунта хлѣба въ день. Онъ первый способствовалъ вступленію въ городъ русскихъ войскъ, и маіоръ Горихвостовъ назначилъ его полицеймейстеромъ...

Николай Великановъ, губернскій секретарь, 44 лѣтъ, сынъ сычевскаго соборнаго дьячка, помощникъ секретаря смоленской консисторіи, не успѣлъ выѣхать изъ Смоленска.—Захваченный въ городѣ былъ ограбленъ и 9 недѣль возилъ и носилъ воду непріятелямъ и исполнялъ самыя грязныя и тяжелыя работы. Затѣмъ былъ назначенъ по принужденію членомъ муниципалитета, при чемъ на обязанности его лежало по ярлыкамъ коменданта показывать квартиры. Состоя на службѣ непріятеля, онъ не открывалъ того, что зналъ, не обнаруживъ извѣстное ему мѣстонахожденіе сокровищъ Авраміевскаго монастыря.

При муниципалитетѣ состоялъ переводчикомъ маіоръ Каховскій, 44 лѣтъ. Захваченный непріятелемъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ шпіонствѣ и 3 дня содержался подъ стражей. Затѣмъ, подъ угрозами, былъ опредѣленъ словеснымъ переводчикомъ, хотя притворялся безграмотнымъ. Посланный подъ конвоемъ за подводами, ни одной подводы не доставилъ. Отправленный по деревнямъ, за виномъ, онъ бѣжалъ отъ сопровождавшаго его французскаго офицера въ село Богородицкое, гдѣ его двѣ недѣли скрывалъ бывшій комиссаръ Дроздовскій. Затѣмъ, по приказанію Ярославцова, Дроздовскій отправилъ его въ Смоленскъ, откуда онъ снова, и на этотъ разъ безслѣдно, бѣжалъ.

Нѣмецъ Брунъ, смоленскій уроженецъ, 30 лѣтъ; онъ былъ булочникомъ, и снабжалъ бѣльемъ русскихъ чиновниковъ. При нашествіи непріятелей не успѣлъ бѣжать изъ Смоленска. По принужденію опредѣленъ въ муниципалитетъ и явился туда по предписанію маіора Меца. На обязанности его лежалъ переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Между прочимъ его посылали въ Духовщинскій уѣздъ за лошадьми, которыхъ онъ не доставилъ. У переписныхъ дѣлъ при муниципалитетѣ состоялъ Александръ Поповъ губ. секретарь, 42 лѣтъ, не успѣвшій выѣхать изъ города. Былъ

сперва избитъ, затѣмъ носилъ непріятелямъ пищу, а потомъ былъ вынужденъ угрозами переписывать бумаги.

Павелъ Ключаревъ, 45 лѣтъ, прикомандированный къ почтовой конторѣ. Во время нашествія непріятеля помощникъ почтмейстера Филатьевъ, не предупредивъ его, выѣхалъ со всѣмъ штатомъ. Не доставъ лошадей, Ключаревъ вынужденъ былъ остаться въ городѣ, и поступилъ на службу непріятелямъ по доброй волѣ, какъ показали свидѣтели. Былъ переписчикомъ и однажды посылался за ямщиками, которыхъ розыскалъ и привезъ.

Яковъ Павловъ, коллежскій регистраторъ, 30 лѣтъ, бѣжалъ изъ Смоленска, но, настигнутый непріятелемъ, возвращенъ въ городъ. Здѣсь онъ сперва скрывался, а затѣмъ, схваченный французами, былъ опредѣленъ въ муниципалитетъ переписчикомъ. Сниткинъ, губ. секретарь, 25 лѣтъ, изъ купечества, служилъ въ муниципалитетѣ писцомъ изъ-за куска хлѣба. Тихонъ Звѣревъ, 16 лѣтъ, семинаристъ, убѣжалъ изъ Смоленска, но захваченъ по дорогѣ, возвращенъ въ городъ и сданъ въ муниципалитетъ писцомъ. По малолѣтству онъ былъ освобожденъ отъ дѣла.

Въ дѣлѣ есть также указанія на бывшаго смоленскаго оберъ-фористмейстера маіора Меца и землемѣра Бланкенгорна. Мецъ во время нашествія непріятеля отправилъ жену въ Тульскую губ., а самъ остался въ Смоленскѣ, чтобы спасать свое имущество. Захваченный французами, былъ ограбленъ. Маршалъ Даву, квартировавшій въ церкви, послалъ своего адъютанта розыскать человѣка знающаго французскій языкъ; по указанію сосѣдей, Мецъ былъ взятъ и доставленъ къ Даву, который допросилъ его и отправилъ къ Наполеону. По словамъ Меца, онъ занимался переводомъ прошеній и составлялъ экспликацію стараго плана Смоленска. Изъ дѣла видно, что Мецъ состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ интендантомъ и военнымъ губернаторомъ. Землемѣръ Бланкенгорнъ, при выходѣ изъ Смоленска, былъ контуженъ и возвращенъ въ городъ. Его безуспѣшно заставляли снять планъ Смоленска и его окрестностей.

Слѣдственная комиссія, въ виду ссылки многихъ допрошенныхъ лицъ на запрещеніе выѣзда изъ Смоленска, запросила по этому поводу губернатора. Вслѣдствіе этого запроса было установлено, что по распоряженію Барклая-де-Толли выѣздъ изъ го-

рода былъ дѣйствительно воспрещенъ, и только 4 августа послѣдовало обнародованіе прокламаціи о присоединеніи жителей къ арміи.

Наконецъ, въ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія «объ уѣздныхъ по участкамъ комиссарахъ и ихъ помощникахъ», которые значились въ спискахъ французскаго интенданта Виллебланша, замѣщавшаго эти должности.[1] Въ дѣлѣ обозначено всего 40 комиссаровъ и ихъ помощниковъ. Многіе ихъ нихъ люди очень старые, даже дряхлые и больные; огромное большинство, числясь комиссарами, скрывалось по лѣсамъ и никакого участія въ дѣлахъ не принимало; наконецъ, всѣ они никакой пользы непріятелю не приносили,а если принимали участіе въ дѣлахъ, то исключительно въ пользу населенія. Изъ всѣхъ поименованныхъ въ дѣлѣ лицъ, назначенныхъ комиссарами, одинъ Степанъ Телеснинъ, по показанію крестьянъ, отправлялъ комиссарскія обязанности, забиралъ господскій хлѣбъ и скотъ и отправлялъ непріятелю. Любопытно отмѣтить въ числѣ обязанностей, возлагавшихся французскимъ правительствомъ на комиссаровъ, подавленіе крестьянскихъ бунтовъ противъ помѣщиковъ. Какъ видно изъ дѣла, для прекращенія крестьянскихъ безпорядковъ посылались съ командой комиссары: поручикъ Тимофей Мелещенковъ, коллежскій регистраторъ Антонъ Жиркевичъ, поручикъ Власъ Трубниковъ, коллежскій регистраторъ Николай Дроздовскій. — Совмѣстно съ лицами, состоявшими на службѣ у непріятеля, привлекались къ дѣлу Борисъ Рудовичъ и священникъ Ширяевъ. Рудовичъ, бывшій управляющій въ имѣніи помѣщицы Энгельгардтъ, обвинялся въ томъ, что съ французской командой ѣздилъ по деревнямъ «для добычи провіанта и фуража». Священникъ Ельнинскаго уѣзда, села Яковлевичъ, Ширяевъ обвинялся въ «непровозглашеніи въ церкви на службѣ Высочайшаго имени и царской фамиліи», а также въ заготовленіи на случай пріѣзда французовъ съѣстныхъ припасовъ.

Закончивъ разслѣдованіе, слѣдственная комиссія, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, 28 и 30 іюня составила свое постановленіе, согласно которому оставила подъ стражей: Рагулина, Санко-Лешевича, Фурса-Жиркевича, Меца и 6 комиссаровъ; остальныхъ или вовсе отъ дѣла освободила, или освободила на поруки впредь до рѣ-

---

[1] Подробный списокъ назначенныхъ комиссаровъ и ихъ помощ. См. Прилож.

шенія дѣла. Однако, въ своихъ заключеніяхъ комиссія сочла справедливымъ повергнуть участь всѣхъ обвиняемыхъ «милосердному воззрѣнію Государя Императора». Заключеніе это мотивировалось слѣдующими соображеніями: хотя обвиняемые и «состояли на службѣ у непріятеля, но присягу Наполеону не принимали, въ должности назначены по принужденію и изъ страха. Сами съ семействами ограблены, биты и дома ихъ сожжены и разорены; въ измѣнѣ или предательствѣ не изобличены, и что уже болѣе полугода находятся въ тюремномъ заключеніи». 1 іюля 1813 года слѣдственная комиссія закрыла свои засѣданія; а все ея дѣлопроизводство, по Высочайшему повелѣнію было истребовано въ Сенатъ «для совокупнаго разсмотрѣнія съ поступившимъ въ оный изъ Московской комиссіи». Въ концѣ концовъ по дѣлу «о бывшихъ въ разныхъ должностяхъ у непріятеля чиновникахъ» послѣдовалъ отъ 30 августа 1814 года манифестъ, согласно которому всѣ обвиняемые освобождены отъ всякой отвѣтственности.

Вотъ каковы были государственные преступники въ эпоху Отечественной войны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Смоленское разореніе.

Не напрасно 1812 годъ въ народѣ слыветъ «годомъ разоренія». Названіе это вполнѣ оправдываетъ участь Смоленской губерніи, которая наиболѣе изъ всѣхъ мѣстностей Россіи пострадала отъ войны этого страшнаго года.

Матеріальные убытки, понесенные населеніемъ губерніи, исчисляются по офиціальнымъ даннымъ въ огромныхъ суммахъ. [1]

Въ 1820 году по Высочайшему повелѣнію была учреждена въ Москвѣ особая комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Львова, которая выясняла современное положеніе разоренныхъ нашествіемъ непріятеля городовъ—Московской, Калужской и Смоленской губ.

---

1 См. Приложеніе «Таблица убытковъ».

Изъ дѣлъ этой комиссіи видно, что въ Смоленской губ. наиболѣе пострадали: Красный, Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьма и Гжатскъ, какъ города непосредственно лежавшіе на пути слѣдованія непріятеля; а также города, ближайшіе къ этому пути: Духовщина, Порѣчье и отчасти Ельня.

Изъ этихъ городовъ Гжатскъ былъ выженъ начисто; въ Смоленскѣ, Вязьмѣ и Духовщинѣ осталось всего около пятой или шестой части бывшихъ въ нихъ зданій; Отъ Краснаго и Дорогобужа уцѣлѣло менѣе чѣмъ по одной третьей части; Порѣчье разорено почти на третью часть. Вмѣстѣ съ домами и другими строеніями въ городахъ гибло и расхищалось почти все движимое имущество. Изъ числа всѣхъ 12 городовъ губерніи вовсе не пострадалъ только одинъ Бѣлый. Размѣръ убытковъ для каждаго изъ остальныхъ городовъ исчисляется въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: свыше 5 милліоновъ для Смоленска, Гжатска и Вязьмы; свыше 1 милл. для Дорогобужа; около 500 тысячъ для Краснаго, Порѣчья и Духовщины; около 200 тысячъ для Рославля и Ельни; ниже 100 тысячъ для Сычевки и Юхнова. Общая сумма убытковъ отъ разоренія городовъ Смоленской губерніи опредѣляется до 20½ милліоновъ руб.

Велико было разореніе и сельскихъ мѣстностей. Пострадавшіе уѣзды можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ, нисходящемъ по размѣрамъ убытковъ, исчисляемыхъ на каждой изъ нихъ въ отдѣльности: Смоленскій и Вяземскій свыше 9 милліоновъ; Гжатскій и Дорогобужскій свыше 7 милліоновъ; Духовщинскій, Ельнинскій и Краснинскій до 5 милліоновъ; Сычевскій и Юхновскій около 2 милліоновъ, Порѣчскій и Рославльскій около 1 милліона.

Въ селеніяхъ, а частью и въ городахъ, было истреблено свыше 79,000 лошадей, 132,000 головъ крупнаго и 278,000 мелкаго скота Сверхъ того, въ губерніи осталось свыше 321 тысячи десятинъ незасѣянной пашни. Убытокъ однѣхъ сельскихъ мѣстностей губерній исчисляется до 54 милліоновъ рублей. Общій же размѣръ убытковъ, понесенныхъ Смоленской губ. достигаетъ до 75 милліоновъ рублей, а вмѣстѣ съ пожертвованіями губерніи для арміи, однѣ прямыя издержки на Отечественную войну опредѣляются для Смоленской губерніи до 85 милліоновъ рублей.

Что касается убыли людей въ губерніи, то, по примѣрному

исчисленію, она можетъ быть опредѣлена до 60 тысячъ душъ мужского пола. Такой выводъ получается косвеннымъ путемъ, при сравненіи данныхъ переписей, имѣвшихъ мѣсто за годъ до войны и черезъ четыре года послѣ нея. Полученный при такомъ способѣ исчисленія выводъ долженъ быть ниже дѣйствительнаго, такъ какъ при этомъ вовсе не принимается въ разсчетъ естественный приростъ населенія за пятилѣтній періодъ времени. Поэтому слѣдуетъ заключить, что войной унесено было изъ состава населенія губерніи гораздо болѣе 60 тысячъ человѣческихъ жизней. Столь значительная убыль людей является непосредственнымъ результатомъ военныхъ дѣйствій и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сопутствующихъ войнѣ явленій. Кромѣ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, было множество жертвъ гибельныхъ условій жизни. Народныя массы отравлялись войною и не морально только, но и физически. Населеніе, выгнанное изъ своихъ жилищъ въ поля и лѣса, на сырость и холодъ, оставленное безъ привычной теплой пищи, питавшееся разнымъ сырьемъ, постоянно недоѣдавшее и плохо прикрытое, должно было нерѣдко платиться не только здоровьемъ, но и самой жизнью. Воздухъ и питьевая вода были буквально отравлены трупной заразой, и повальныя болѣзни опустошали цѣлыя мѣстности губерніи. Дороги и поля по пути слѣдованія непріятеля были сплошь усѣяны трупами и падалью. По городамъ и селеніямъ бѣгали стаями волки и и собаки, терзая трупы и разнося заразу. Послѣ ухода непріятеля болѣе 3 мѣсяцевъ цѣлыми обозами свозили трупы къ однимъ мѣстамъ, сжигая ихъ и предавая землѣ. Въ Смоленскѣ сжиганіе труповъ производилось на Казанской горѣ, близъ Королевской крѣпости, надъ Чертовымъ рвомъ и на Воздвиженской горѣ. Изъ труповъ складывались цѣлыя скирды въ полверсты длиною и болѣе двухъ сажень въ ширину. Когда не хватило заготовленныхъ дровъ, трупы стали зарывать въ землю.

Въ архивѣ Смоленскаго губернскаго правленія найдена «Книга на записку назначенныхъ въ отпускъ изъ уѣздныхъ казначействъ въ распоряженіе городничихъ на сожженіе мертвыхъ тѣлъ и падла денегъ». [1] Свѣдѣнія о подробностяхъ этой операціи заклю-

---

[1] Дѣло № 93—1812 г.

чаются въ найденномъ тамъ же особомъ дѣлѣ «Объ уборкѣ труповъ и отпускѣ денегъ на оную». [1] Изъ этихъ архивныхъ данныхъ видно, что со времени очищенія губерніи отъ непріятеля и по 20 апрѣля 1813 года въ одномъ Смоленскѣ было убрано 31,166 человѣческихъ и 14,585 животныхъ труповъ; за это же время по всей губерніи убрано 172,566 мертвыхъ тѣлъ и 128,739 труповъ животныхъ.

Среди разореній, причиненныхъ войной 1812 года Смоленской губерніи, церковныя разоренія составляютъ спеціальный видъ, и носятъ весьма настойчивый характеръ. Почти рѣшительно всѣ церкви, близъ которыхъ появлялись какія-либо части непріятельской арміи, непремѣнно подвергались грабежамъ, осквернению, порчѣ или даже полному уничтоженію.

Въ виду нашествія непріятеля смоленскій епископъ Ириней еще 17 іюля издалъ указъ о сохраненіи церковнаго имущества. Духовенство и церковные старосты скрывали это имущество подъ поломъ въ алтаряхъ, на колокольняхъ, замуровывали въ стѣнахъ, зарывали въ огородахъ, въ помѣщичьихъ садахъ и паркахъ. Но всѣ эти мѣры предосторожности не спасли церкви отъ разграбленія и разореній, хотя благодаря имъ, конечно, многое уцѣлѣло. Церкви уже своимъ внѣшнимъ видомъ обращали на себя особое вниманіе непріятелей и пробуждали въ нихъ хищническіе инстинкты. Солдаты непріятельской арміи врывались въ храмы и расхищали всю движимость, ничуть не смущаясь ея религіознымъ значеніемъ. Они тащили ризы, епитрахили, кресты, свѣчи, вино и облаченія съ престола; они обшаривали всѣ церковныя помѣщенія, взламывали полы, потолки, престолы, жертвенники и иконостасы. Употребленіе расхищенныхъ предметовъ совершенно соотвѣтствовало кощунственному настроенію грабителей: антиминсы находили на ногахъ солдатъ, ихъ употребляли также въ качествѣ носовыхъ платковъ. Одни храмы обращались въ конюшни, другіе занимались подъ квартиры, подъ склады хлѣба, оружія, вина и разныхъ товаровъ. О разореніи Смоленскихъ церквей имѣются довольно подробныя свѣдѣнія въ архивѣ смоленской духовной консисторіи. [2]

---

1 Дѣло № 99—1812 г.

2 Николай Соколовъ «Смоленская епархія въ 1812 г.», «Смол. Епарх. Вѣдомости» 1886 года №№ 19, 20, 21, 23, 24; 1887 года №№ 2, 3.

Церковное разореніе наростало по мѣрѣ движенія непріятеля внутрь губерніи.

Въ городѣ Красномъ была разорена одна церковь. Сильно пострадали сельскіе храмы Краснинскаго уѣзда, особенно въ селахъ, лежавшихъ непосредственно на пути слѣдованія непріятеля.[1]

Въ Смоленскѣ изъ всѣхъ храмовъ остался не тронутъ лишь одинъ соборъ, произведшій своимъ величіемъ сильное впечатлѣніе на Наполеона. Авраміевскій монастырь былъ отведенъ подъ конюшни; точно также Верхне-Николаевскій храмъ занятъ конюшнями Понятовскаго. Въ Троицкомъ монастырѣ и Одигитріевской церкви помѣщены лазареты и заключены плѣнные. Въ церквахъ Благовѣщенской и Богоматеринской Надворотной устроены хлѣбные магазины; въ Преображенской, Ильинской и Окопской на Рачевкѣ—винные подвалы, магазины и тюрьмы; въ Казанской, Нижне-Николаевской—скотобойни. Въ Покровской церкви, на Покровской горѣ, были выбраны иконы и употреблены на палатки для войскъ. Многія церкви были уничтожены пожаромъ.[2] Церковь свв. Гурія, Самона и Авивы сильно повреждена картечью, бомбами и ядрами, которыми осыпали ее непріятельскія орудія съ рачевскихъ высотъ, пытаясь уничтожить стоявшія близъ нея наши батареи. Не менѣе пострадали и сельскіе храмы Смоленскаго уѣзда. Въ Хохловѣ, Цуриковѣ и Богородицкомъ храмы сожжены до основанія. Значительно повреждены и совершенно разграблены были церкви многихъ другихъ селъ.[3]

Вслѣдъ за Смоленскомъ и его уѣздомъ разореніе церквей послѣдовало въ Дорогобужскомъ уѣздѣ. Въ городѣ Дорогобужѣ разграблены и сожжены три церкви: Богоявленская, Покрово-Пятницкая и Іоаннъ-Богословская; остальныя городскія церкви осквер-

---

1 Разорены были храмы въ селахъ: Звѣровичи, Сорокино, Мерлино и особенно въ Жерновкѣ, гдѣ деревянный храмъ былъ разграбленъ и сожженъ, затѣмъ въ Залужечьи, Толстинкахъ и Крюковѣ.

2 Казанская, Нижне-Николаевская, Петропавловская, Тихвинская, Крестовоздвиженская, Рождественская, Святодуховская на Рачевкѣ, Всѣсвятская въ Солдатской слободѣ, во имя входа во храмъ Пресвятой Богородицы въ Вознесенскомъ монастырѣ.

3 Панскаго, Егорья, Дресны, Словажи, Рождественскаго, Катыни, Починокъ, Ляхова Устья, Уколова, Бобырей и Твердилицъ.

нены и ограблены настолько, что ни въ одной изъ нихъ нельзя было совершать богослуженіе. Дорогобужскій уѣздъ въ церковномъ отношеніи пострадалъ больше всѣхъ другихъ уѣздовъ губерніи, и множество сельскихъ храмовъ уѣзда были разграблены, а частью сожжены и разрушены до основанія.[1]

Затѣмъ разореніе церквей имѣло широкое примѣненіе въ городѣ Вязьмѣ и его уѣздѣ. Въ городѣ совершенно былъ разграбленъ прекрасный Троицкій соборный храмъ: его окончательно разгромили, а все внутреннее устройство и украшенія, полы, потолки и даже крышу исковеркали, изрубили и сожгли; предварительно соборъ былъ обращенъ въ соляной складъ. Также разграбленъ и сожженъ Аркадьевскій монастырь; отъ него остался одинъ обезображенный остовъ. Въ такой же видъ приведенъ непріятелемъ богатый Свято-Предтечевъ мужской монастырь; въ немъ серебряные оклады были содраны съ иконъ и похищены со всей церковной утварью, ризницей и многими драгоцѣнностями, хранившимися въ монастырѣ. При этомъ разореніи погибло множество чрезвычайно цѣнныхъ въ научномъ отношеніи рукописей, царскихъ грамотъ и разныхъ другихъ документовъ. Матеріальный убытокъ отъ разоренія монастыря исчислялся до 40 тысячъ рублей. Изъ приходскихъ церквей города пострадали особенно Входо-Іерусалимская, Аѳанасьевская и Преображенская. Много было разорено по уѣзду и сельскихъ церквей.[2] Наконецъ, въ городѣ Гжатскѣ не осталось въ цѣлости ни одного храма. Особому разоренію подверглись теплая Никольская и Богоявленская церковь, о которой священникъ доносилъ консисторіи, что она «стала служить для города не украшеніемъ, а только однимъ безобразіемъ». Изъ церковнаго имущества сохранились лишь самыя дорогія вещи, предварительно увезенныя духовенствомъ за городъ и скрытыя въ сосѣднемъ лѣсу. Повреждено много церквей

---

1 Пострадали или даже вовсе уничтожены церкви въ селахъ: Свирколучьи, Усвятьи, Засижьи, Болотовѣ, Устьи, Горкахъ, Язвинѣ, Стрѣлкахъ, Трисвятьи, Корочаровѣ, Глубокомъ, Прости, Ульховѣ, Чамовѣ, Мстиславской Слободкѣ, Бѣловостьѣ, Бизюковѣ, Ратчинѣ, Егорьѣ, а также и другихъ, свѣдѣній о которыхъ не имѣется.

2 Болѣе другихъ пострадали церкви въ селахъ: Федоровскомъ, Юреневѣ, Семлевѣ, Богородицкомъ, Слукинѣ, Новоникольскомъ, Воскресенскомъ, Успенскомъ, Ѳомищевѣ и Горкахъ.

и въ селахъ уѣзда.[1] Кромѣ указанныхъ уѣздовъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ нашествія непріятелей, церковное разореніе коснулось еще трехъ уѣздовъ, лежавшихъ въ сторонѣ отъ главнаго пути слѣдованія непріятельскихъ полчищъ: Духовщинскаго, Сычевскаго и Порѣчскаго.

Въ Духовщинѣ изъ четырехъ городскихъ церквей уцѣлѣла лишь одна Духовская церковь, изъ которой было похищено всего нѣсколько церковныхъ вещей и денегъ; три остальныя церкви были разграблены и разрушены. Потерпѣли и нѣкоторыя сельскія церкви уѣзда.[2] Въ Сычевскомъ уѣздѣ всего было разорено непріятелемъ 13 церквей[3]; почти всѣ онѣ, по распоряженію архіепископа рязанскаго Ѳеофилакта, были исправлены уже къ началу 1813 года.

Въ Порѣчьѣ разграбленъ соборный храмъ и пострадали церкви многихъ селъ уѣзда.[4]

Надо думать, что потерпѣли и церкви Ельнинскаго уѣзда, хотя данныхъ по этому вопросу не было обнаружено въ архивѣ духовной консисторіи. Церковное разореніе отчасти коснулось и уѣздовъ Рославльскаго и Юхновскаго, хотя здѣсь непріятель не проходилъ сколько-нибудь значительными массами. Въ этихъ уѣздахъ церкви понесли ущербъ, главнымъ образомъ, отъ мародеровъ. Въ Рославльскомъ уѣздѣ незначительно пострадало нѣсколько храмовъ.[5] Еще менѣе было принесено ущерба церквамъ Юхновскаго уѣзда[6]. Здѣсь выжжена была только одна церковь въ селѣ Дровнинѣ.

Такимъ образомъ церкви 4 уѣздовъ, болѣе удаленныхъ отъ большой московской дороги, не понесли значительнаго ущерба. Но церкви остальныхъ 8 уѣздовъ пострадали настолько сильно, что многія изъ нихъ лежали въ развалинахъ цѣлые десятки лѣтъ.

---

1 Покровскомъ, Царево-Займищѣ, Клушинѣ, Ренскомъ, Новорождественѣ, Дятловѣ, Купровѣ, Мокромъ, Рождественѣ.

2 Въ селахъ: Воротышинѣ, Красносельѣ и Третьяковѣ.

3 Между ними въ селахъ: Безобразовѣ, Ивановскомъ, Тесовѣ и Мурашникахъ.

4 Особенно пострадали церкви селъ: Щучья, Инькова, Бородина, Башковичей и Понизовья.

5 Въ селахъ: Савѣевѣ, Ворошиловѣ, Шмаковѣ, Докудовѣ, Новой-Руднѣ и Лазаревѣ-Городищѣ.

6 Въ селахъ: Митьковѣ, Лоцминѣ, Ивановскомъ, Кикинѣ, Жулинѣ, Крутомъ, Дубровнѣ, Вешкахъ.

Смоленская епархія послѣ войны 1812 года была приведена въ полное разстройство. Въ виду этого Высочайшимъ рескриптомъ было возложено на члена Святѣйшаго Синода архіепископа рязанскаго Ѳеофилакта приведеніе Смоленской епархіи, по всѣмъ ея частямъ, въ надлежащее устройство. Преосвященный Ѳеофилактъ очень энергично принялся за дѣло, и уже къ началу января 1813 года онъ собралъ полныя и точныя свѣдѣнія о состояніи Смоленской епархіи. По его мысли въ самомъ началѣ 1813 года была образована въ Смоленскѣ подъ предсѣдательствомъ ректора духовной семинаріи, архимандрита Павла, особая «Комиссія для возобновленія разоренныхъ непріятелемъ храмовъ и церковныхъ зданій». Начавъ съ городскихъ церквей, комиссія эта скоро расширила свою дѣятельность на всю Смоленскую губернію, снабжая, между прочимъ, пострадавшія церкви необходимой для богослуженія церковной утварью.

Обнимая всѣ стороны частной и общественной жизни, разореніе постигло и учебное дѣло Смоленской губерніи. Преподаваніе вовсе прекратилось почти во всемъ Московскомъ учебномъ округѣ. Въ самомъ исходѣ 1812 года министръ народнаго просвѣщенія, черезъ попечителя округа Голенищева-Кутузова, предложилъ ректору московскаго университета Гейму учредить временную комиссію для управленія дѣлами университета и его учебнаго округа.

Всего больше заботъ требовала, какъ наиболѣе разоренная, Смоленская губернія. Немедленно послѣ открытія комиссіи былъ командированъ въ нее, въ качествѣ «визитатора» ея училищъ, докторъ словесныхъ наукъ и философіи Н. А. Бекетовъ. Цѣлью поѣздки его было «освѣдомленіе какъ о губернской гимназіи, такъ и о другихъ училищахъ той губерніи, о которой со времени нашествія непріятеля, университетъ никакихъ извѣстій не имѣлъ».

Съ замѣчательнымъ усердіемъ и видимой любовью Бекетовъ осмотрѣлъ почти всѣ смоленскія школы. Представленный имъ отчетъ весьма интересенъ, давая много любопытнаго матеріала относительно разныхъ мѣстностей губерніи въ порядкѣ совершеннаго имъ объѣзда. [1]

---

[1] Поповъ Н. «Осмотръ Н. А. Бекетовымъ смоленскихъ училищъ по нашествіи Наполеона» «Русск. Арх.», 1879 г., кн. 3.

Въ Вязьмѣ нельзя было отыскать ни смотрителя бывшаго уѣзднаго училища Жаркевича, ни учителей: они всѣ разбрелись. Домъ училища сгорѣлъ и его «скромному возобновленію» препятствовало «сожженіе города и убожество жителей, крайне разоренныхъ непріятелемъ». А между тѣмъ до 1812 года учебныя дѣла въ Вязьмѣ шли очень успѣшно, чему способствовало «знатное количество» бѣднаго дворянства, проживавшаго въ уѣздѣ. Дворяне эти по недостатку средствъ вынуждены были отдавать своихъ дѣтей въ вяземское училище.

Изъ Вязьмы Бекетовъ проѣхалъ въ Ельню по страшной дорогѣ ужаса и смерти. Кругомъ вся мѣстность разорена; вездѣ по дорогѣ рыскаютъ стаями волки, вырывая и терзая трупы; цѣлыя толпы крестьянъ бродятъ по дорогамъ, испрашивая подаянія. «Слишкомъ обширная полоса опустошеній заставляетъ ихъ разсѣиваться по разнымъ сосѣднимъ губерніямъ». И къ услугамъ этой голодной бродячей толпы всюду по дорогамъ, лѣсамъ и полямъ разбросано тысячами огнестрѣльное и холодное оружіе. Какъ велика была масса оружія, видно изъ того, что изъ Смоленской губерніи было отправлено «по начальству» до 40.000 штукъ подобраннаго и годнаго еще въ дѣло оружія. Нерѣдко голодная толпа вооруженной рукой нападала на беззащитныхъ проѣзжихъ. Нравы круто измѣнились и приводили въ изумленіе путника. «Нельзя надивиться», говоритъ онъ,—«что добрый нашъ крестьянинъ, столь незнакомый ни съ чѣмъ кромѣ плуга, въ два мѣсяца потерялъ робость и огнестрѣльнымъ оружіемъ дѣйствовалъ едва ли хуже воина, пріученнаго ко всегдашнимъ побѣдамъ». Однако, война и постоянныя опасности не отучили народъ отъ мирнаго труда. Бекетовъ замѣчаетъ, что «къ чести поселянъ смоленскихъ сказать можно, что они, во все время пребыванія враговъ, среди общаго ужаса, выѣзжали изъ дремучихъ лѣсовъ, ихъ укрывавшихъ, въ глухую полночь сѣяли хлѣбъ и все нужное». Въ Ельнѣ не было ни одного училища. Купечество и мѣщанство находилось въ состояніи крайняго разоренія; дворянство лишилось почти всѣхъ своихъ доходовъ. По отзыву городничаго, «общая бѣдность истребила всю охоту и усердіе къ просвѣщенію въ гражданахъ».

Въ Рославлѣ, несмотря на наличность училища, учащихъ и

учащихся, преподаваніе также было прекращено. Учащіе страшно бѣдствовали, не получая своего скуднаго ежемѣсячнаго жалованья, по 25 рублей. Помѣщеніе училища было занято подъ раненыхъ, точно такъ же какъ и помѣщенія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Самыя же присутственныя мѣста были размѣщены по квартирамъ чиновниковъ. Далѣе Бекетовъ отправился въ Смоленскъ вмѣстѣ съ директоромъ гимназіи Людоговскимъ, который выѣхалъ ему навстрѣчу изъ своего имѣнія. Прибывъ въ Смоленскъ 27 февраля 1813 г., путники очутились въ совершенно разоренномъ городѣ. Кругомъ—одно пожарище, среди котораго торчали обгорѣлыя трубы. Въ рѣдкихъ уцѣлѣвшихъ домахъ была невообразимая тѣснота и гнѣздилась зараза. Они долго блуждали въ сильный морозъ по городу, не находя мѣста, гдѣ преклонить голову. Только поздно вечеромъ имъ удалось за очень дорогую плату пріютиться въ квартирѣ, гдѣ въ 2 комнатахъ помѣщались 14 человѣкъ. Цѣны на съѣстные припасы были такъ высоки, что въ три раза превышали московскія.

Въ городѣ была такъ велика жилищная тѣснота, что временно управлявшій Смоленской губерніею сенаторъ Каверинъ, со всей своей канцеляріей, и архіепископъ Ѳеофилактъ съ своимъ причтомъ помѣщались въ одномъ домѣ.

При осмотрѣ учебныхъ заведеній оказалось, что каменный домъ, гдѣ помѣщались гимназія и уѣздное училище, хотя не сгорѣлъ, но былъ вконецъ разгромленъ: остались лишь стѣны да кровля. Въ немъ помѣщался французскій лазаретъ, вслѣдствіе чего онъ былъ переполненъ всякими нечистотами.

Въ Порѣчьѣ, куда прибылъ Бекетовъ 3 марта, лучшая часть города была выжжена непріятелемъ. Училище, почетнымъ попечителемъ котораго состоялъ графъ Каховскій, проживавшій въ своемъ помѣстьѣ въ 5 верстахъ отъ города, было разорено; смотритель его долженъ былъ скрываться въ сосѣднихъ лѣсахъ. Все казенное имущество погибло, такъ какъ Порѣчье быстро и неожиданно было занято нашими войсками, а затѣмъ вскорѣ подверглось нападенію непріятельскихъ отрядовъ. Изъ Порѣчья Бекетовъ проѣхалъ въ имѣніе Людоговскаго—Кротово, Духовщинскаго уѣзда. Въ Духовщинѣ, гдѣ и прежде училища не было, нельзя было и ду-

мать объ его устройствѣ, ибо «городъ почти весь выжженъ и жители крайне разорились». Послѣ тягостныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ обзора разоренныхъ смоленскихъ городовъ, взоръ Бекетова могъ отдохнуть на городѣ Бѣломъ; онъ замѣчаетъ, что «Бѣлый едва ли не лучшій теперь городъ по всей Смоленской губерніи». Однако, хорошее впечатлѣніе отъ города было омрачено печальнымъ положеніемъ въ немъ учебнаго дѣла. Во всемъ обширномъ городѣ было одно малое народное училище. За то ревизоръ открылъ на постояломъ дворѣ «потаенное» обученіе дѣтей старымъ инвалидомъ. Объ этомъ проступкѣ дано знать городничему, который немедленно увѣдомилъ, что онъ «закрылъ сей лицей и впредь будетъ стараться объ уничтоженіи оныхъ». Такимъ образомъ, въ городѣ Бѣломъ явнаго обученія почти не было, а тайное строго преслѣдовалось.

Положеніе всего населенія разоренной губерніи было настолько ужасно, что и отдѣльные жители и цѣлыя сословія, города и селенія вопіяли о помощи. Ходатайствъ отдѣльныхъ лицъ по этому поводу невозможно даже перечислить. Объ ужасномъ положеніи всего населенія губерніи первымъ подняло свой голосъ дворянское сословіе, на обязанности котораго лежали заботы о самой многочисленной части населенія—крестьянствѣ. Въ самый день занятія Смоленска русскими войсками 6 ноября, возвратился въ Смоленскую губернію, въ имѣніе свое, Ельнинскаго уѣзда, губернск. предводитель дворянства Лесли, а вскорѣ смоленское дворянство возбудило рядъ ходатайствъ о пособіяхъ, «дабы Смоленская губернія, покрытая пепломъ разоренія, могла воспрянуть изъ онаго». Сперва дворянство отправило къ Кутузову депутатовъ съ цѣлью изложить предъ нимъ «нужды и бѣдственное положеніе губерніи». Отвѣтомъ на посылку депутаціи было слѣдующее письмо Кутузова на имя губернскаго предводителя дворянства:

«Милостивый Государь мой,
Сергій Ивановичъ,

За сдѣланную мнѣ честь присылкою отъ лица дворянства депутатовъ усерднѣйше васъ благодарю, изображенное въ спискѣ, вами составленномъ, бѣдственное состояніе жителей Смоленской

губерніи столь много пострадавшихъ въ настоящую войну, я вмѣнялъ себѣ въ пріятный долгъ всеподданнѣйше представить все августѣйшему монарху и его императорское величество, внемля гласу вѣрнаго народа своего, въ нищету врагами ввергнутаго, со отеческимъ состраданіемъ указалъ сдѣлать по сему предмету немедленное распоряженіе, что вы увидите изъ рескрипта, къ генералъ-губернатору Каверину посланнаго, извѣщая васъ о семъ скажу вамъ, что я считаю особеннымъ удовольствіемъ быть ходатаемъ предъ тономъ благаго монарха за жителей вашей губерніи. Возложивъ на меня титулъ князя Смоленскаго, мой милостивѣйшій Государь нѣкоторымъ образомъ далъ мнѣ обязанность пещись о благосостояніи жителей Смоленска, обязанность сія для меня священна, и я счастливъ ею, ибо она не можетъ быть для меня трудною; никогда голосъ молящаго не былъ отвергнутъ царствующею надъ нимъ благостію.

Ободрите же, милостивый государь мой, жителей вашей губерніи, время испытанія миновало, наступило время вознагражденія и отрады; ни напрасно Правосудный Богъ, давъ русскій тронъ Александру, закрываетъ Его щитомъ Своего всемогущества; царь нашъ благъ и русскій народъ никогда не будетъ скорбенъ въ несчастіи подъ его скипетромъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь мой, всепокорнѣйшій слуга Князь К. Смоленскій». [1]

Затѣмъ губернскій предводитель дворянства вошелъ съ рапортомъ отъ 26 ноября 1812 г. на имя князя Кутузова о нуждахъ Смоленской губерніи. При этомъ рапортѣ представлялась особая весьма любопытная по своему содержанію докладная записка, изъ которой видно, до какой степени разоренія и нужды была доведена Смоленская губернія. Въ этой запискѣ заключалось 10 проситель-ныхъ пунктовъ съ подробными поясненіями каждаго изъ нихъ. [2] Просило дворянство о снабженіи крестьянскаго населенія хлѣ-

---

1 Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г., Собран. и издан. Щукина, ч. 1, стр. 92.

2 Рапортъ губернскаго предводителя дворянства на имя Кутузова отъ 26 ноября 1812 г. за № 731 и докладная записка. См. Приложеніе.

бомъ, «лошадьми и скотомъ», говорило о полномъ и всеобщемъ разореніи Смоленской губерніи, которая по вступленіи въ ея предѣлы обѣихъ западныхъ армій съ такимъ патріотическимъ самоотверженіемъ безплатно снабжала войска провіантомъ и фуражемъ; заявляло, что выѣхавшіе изъ губерніи дворяне настолько разорились, что не имѣютъ средствъ для жизни и даже для обратнаго возвращенія въ губернію; указывало, что смерть витаетъ надъ губерніей, и что прохожденіе по ней войсковыхъ частей предоставляется для нихъ чрезвычайно опаснымъ. Вскорѣ послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ отъ 25 декабря 1812 года на имя управляющаго Смоленской губ. калужскаго гражданскаго губернатора слѣдующаго содержанія:

«По прилагаемому при семъ прошенію депутатовъ Смоленской губерніи повелѣваемъ вамъ, войдя въ разсмотрѣніе необходимыхъ надобностей разоренныхъ отъ непріятеля тамошнихъ жителей, принять немедленно всѣ возможныя мѣры къ отвращенію главнѣйшихъ ихъ недостатковъ, хотя бы на то потребованы были и немалыя суммы, лишь бы только доставлены имъ были необходимыя пособія, причемъ не оставьте сдѣлать положеніе и въ разсужденіи облегченія ихъ въ исполненіи общихъ повинностей. Объ отпускѣ вамъ нужной на сей предметъ суммы дано министру финансовъ повелѣніе. О распоряженіяхъ, какія вы по сему сдѣлаете, донесете Мнѣ немедленно. Александръ». [1]

Помощь разоренной губерніи нужна была неотложно и въ значительномъ размѣрѣ. Предстояло прокормить до 200 тысячъ душъ и засѣять до 100 тысячъ десятинъ. Согласно постановленію собранія предводителей и депутатовъ дворянства отъ 21 августа 1813 года возбуждалось ходатайство «о ссудѣ владѣльцамъ на исправленіе необходимыхъ потребностей разореннаго отъ непріятеля состоянія какъ собственнаго, такъ и своихъ крестьянъ двадцати или двадцати пяти милліоновъ на правѣ 20-ти лѣтняго банка. [2] Но въ испрашиваемой дворянствомъ ссудѣ было отказано.

---

1 «Пособія и льготы послѣ Отечественной войны 1812 г.». Извлеченіе изъ дѣлъ бывшаго Министерства Полиціи.

2 Постановленіе собранія предводителей и депутатовъ дворянства 21 августа 1813 г.

За счетъ средствъ, отпущенныхъ правительствомъ, производились закупки хлѣба и выдавались пособія бѣднѣйшимъ жителямъ. Закупка хлѣба поручена была для владѣльческихъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ, для казенныхъ—уѣзднымъ предводителямъ дворянства, а для купцовъ и мѣщанъ—городскимъ думамъ. Просьбы о пособіяхъ дворянъ направлялись черезъ уѣздныхъ и губернскихъ предводителей дворянства, а для разсмотрѣнія просьбъ всѣхъ другихъ лицъ была образована особая комиссія подъ наименованіемъ «сословія призрѣнія разоренныхъ».

Какъ видно изъ архивныхъ данныхъ,[1] дворянство получило вспомоществованіе въ суммѣ 3.552,689 рублей, на продовольствіе крестьянъ и на посѣвъ ихъ полей было роздано 3.981,488 рублей; кромѣ того, было оказано пособіе преимущественно городскимъ жителямъ изъ пожертвованной Костромскою губерніею суммы 2.443,470 рублей.

Наряду съ дворянствомъ и сельскимъ населеніемъ нуждались въ пособіяхъ и разоренные города, изъ которыхъ многіе представляли груды развалинъ.

Для скорѣйшей обстройки Смоленска была образована въ 1816 году особая комиссія, какъ объ этомъ сообщилъ смоленскій губернаторъ губернскому предводителю дворянства.[2]

Тогда же по Высочайшему повелѣнію,[3] въ цѣляхъ предупрежденія повышенія цѣнъ на строительные матеріалы, послѣдовало ассигнованіе изъ казны 45 тысячъ рублей на устройство въ Смоленскѣ «кирпичнаго завода и лѣсного и дровяного магазиновъ». Но дѣло строительства подвигалось чрезвычайно медленно за отсутствіемъ у владѣльцевъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Изъ выдѣланнаго на вновь открытомъ заводѣ кирпича было продано всего около 100 тысячъ. Города рѣшительно не могли оправиться своими силами. Они испрашивали безпроцентныя ссуды на обстройку. Смоленскъ просилъ — 1.358,947 рублей; Вязьма —

---

1 Журнальное постановленіе собранія предв. и депутат. дворян. отъ 11 сентября 1816 г.

2 Отношеніе губернатора на имя губернскаго предводителя дворянства отъ 21 октября 1816 г. за № 10220. Арх. Смоленскаго губернскаго правленія.

3 Высочайшее повелѣніе отъ 26 октября 1816 г.

1.300.000 рублей, Гжатскъ — 1.000,000 рублей, Дорогобужъ — 500,000 рублей, Порѣчье — 350,000 рублей, Красный — 124,800 рублей, Ельня — 60,000 рублей, Духовщина — 20,000 рублей. Города мотивировали свои ходатайства полнымъ своимъ разореніемъ, а вяземскій городской голова вмѣстѣ съ городничимъ представили по сему предмету особую записку, въ которой подробно описывается состояніе города до войны и послѣ нея.[1]

Необходимы также были пособія на возобновленіе въ Смоленской епархіи церквей и на вспомоществованіе разоренному духовенству. На предметъ возобновленія церквей Смоленской епархіи было отпущено всего 200,570 рублей, а на пропитаніе, постройку домовъ и на сѣмена для посѣва выдано смоленскому духовенству 281,544 рубля.

---

1 Арх. Смоленскаго губернскаго правленія.

VI. ПАМЯТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБ.

Память объ Отечественной войнѣ у русскаго народа тѣснѣйшимъ образомъ связана съ чудотворною иконою Смоленской Божіей Матери Одигитріи. Исторія этой иконы такова. [1]

Искони смоляне особенно чтили Пресвятую Богородицу, считая Ее покровительницей Смоленска. Защищая отъ нападенія враговъ свой городъ, смоляне обычно говорили, что они стоятъ «за градъ и домъ Пресвятыя Богородицы». Въ смоленскомъ соборѣ, основанномъ Владиміромъ Мономахомъ, помѣщался, какъ святыня всей земли Смоленской, образъ Богородицы Одигитріи (Путеводительницы), который по преданію, былъ написанъ евангелистомъ Лукою.

По приказанію царя Бориса Ѳедоровича, съ этой «первописанной» иконы былъ заказанъ лучшему въ то время живописцу-художнику, Постнику Ростовцу, снимокъ въ увеличенномъ размѣрѣ. Ко дню освященія смоленской крѣпостной стѣны въ 1602 году, снимокъ этотъ былъ привезенъ въ Смоленскъ и помѣщенъ надъ главными крѣпостными воротами, которыя назывались Днѣпровскими, а также Фроловскими, Государевыми или Царскими. На этомъ

---

1 В. И. Грачевъ. «Чуд. ик. Смол. Божіей Матери Одигитріи...»; «Извѣстія, хранящіяся въ батарейн. № 1, 3 артилл. бригады, объ установл. въ сей батареѣ празднованія ик. См. Бож. Мат.» «Рус. Инв.», 1839 г. № 3, ст. 11.

Чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи
въ Надворотной церкви крѣпостной стѣны

мѣстѣ снимокъ иконы Божіей Матери помѣщается свыше 300 лѣтъ. За столь долгій періодъ времени нѣсколько разъ измѣнялось самое помѣщеніе иконы. Сперва она находилась въ устроенной надъ воротами нишѣ, подъ особымъ шатромъ. Послѣ того, какъ Днѣпровская башня, по ветхости, была разобрана, надъ Днѣпровскими воротами правитель канцеляріи смоленскаго губернатора Длотовскій, на свои средства, воздвигнулъ, съ разрѣшенія начальства, деревянную церковь Рождества Богородицы, гдѣ и помѣстили икону Божіей Матери.

Предъ этой иконой, по сказанію священника Мурзакевича, въ 1778 году свершилось чудо, которое произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на все населеніе губерніи и послужило обширной темой сужденій какъ въ тогдашней печати, такъ и въ высшемъ обществѣ обѣихъ столицъ. Сама исторія чудеснаго событія описывается слѣдующимъ образомъ. Въ своемъ родовомъ имѣніи Беззаботѣ, Ельнинскаго уѣзда, проживалъ богатый помѣщикъ Ѳ. Б. Пассекъ, отличавшійся большимъ вольнодумствомъ въ дѣлѣ религіи. Однажды, присутствуя на богослуженіи въ смоленскомъ каѳедральномъ соборѣ, Пассекъ стоялъ близъ чудотворной иконы Божіей Матери. Глядя на икону, онъ насмѣшливо замѣтилъ окружающимъ, что «если бы ее по модѣ и въ чепчикъ нарядить, была бы красавица». Вскорѣ послѣ этого случая Пассекъ безнадежно заболѣлъ. Всѣ усилія доктора оказались безплодны и собравшіеся родные съ часа на часъ ожидали его кончины. Но вдругъ его посѣтило «одно видѣніе, непостижное уму»: предсталъ передъ нимъ нѣкій инокъ, который увѣщевалъ его покаяться, говоря, что Богоматерь ниспошлетъ ему исцѣленіе. Въ то же время ему ясно представился деревянный храмъ съ рѣзнымъ иконостасомъ на подобіе виноградныхъ вѣтвей и здѣсь же большой образъ Богоматери въ вызолоченной ризѣ. Когда Пассекъ очнулся отъ поразившаго его видѣнія, то, къ удивленію своихъ домашнихъ, самъ безъ посторонней помощи приподнялся и сѣлъ на постель. Онъ съ такими мелочными подробностями и такъ живо описалъ представшую ему въ видѣніи церковь, что для окружающихъ его не было сомнѣнія, что ему привидился храмъ надъ Днѣпровскими воротами. Пассекъ настоялъ, чтобы его отвезли въ эту церковь, гдѣ на яву повторилось во всей точности его видѣніе. Онъ сразу призналъ церковь, иконостасъ и икону Божіей Матери, а въ алтарѣ увидѣлъ

бесѣдовавшаго съ нимъ инока; это былъ іеромонахъ Онуфрій. Послѣ усердной молитвы предъ иконою и покаянія, Пассекъ совершенно выздоровѣлъ. Въ теченіе 18 лѣтъ своей послѣдующей жизни онъ ежедневно прославлялъ Божію Матерь, читая по утрамъ составленный имъ особый канонъ. Обстоятельство этого чудеснаго исцѣленія подтверждали многія лица. За 10 лѣтъ до смерти Пассекъ, въ память своего исцѣленія, выстроилъ въ своемъ родовомъ имѣніи, Язвинѣ, Ельнинскаго уѣзда, деревянный храмъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы и Смоленской Божіей Матери.

Позднѣе, въ 1793 году вмѣсто деревянной церкви надъ Днѣпровскими воротами былъ выстроенъ каменный храмъ. Но этотъ храмъ оказался очень тѣсенъ, въ виду огромнаго наплыва богомольцевъ. Поэтому въ 1811 году была предпринята постройка на томъ же мѣстѣ болѣе обширнаго современнаго храма. При этой постройкѣ отъ Днѣпровской башни оставлены лишь проѣздныя ворота. Самый храмъ былъ расположенъ вдоль крѣпостной стѣны; въ нижнемъ этажѣ устроена часовня въ память чудеснаго исцѣленія Пассека. Постройка новаго храма закончилась лѣтомъ 1812 года, и все было приготовлено къ его освященію. Но наступили военныя событія и освященіе храма пришлось отложить. Во время постройки храма чудотворная икона Божіей Матери помѣщалась въ Благовѣщенской церкви.

Икона эта во всѣ знаменательные дни и свѣтлой радости и тяжелыхъ испытаній, пережитыхъ городомъ Смоленскомъ и его областью, въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, неизмѣнно служила предметомъ горячихъ почитаній и источникомъ духовной бодрости и нравственныхъ силъ. Въ годъ Отечественной войны почитаніе чудотворной иконы Смоленской Богоматери еще болѣе возросло, и съ этого времени она становится святыней не только Смоленска, но и всего народа русскаго, и особенно всего православнаго воинства.

Передъ оставленіемъ Смоленска русскими войсками 5 августа, подъ вечеръ, икона Богоматери была вынесена изъ Благовѣщенской церкви двумя офицерами съ командой. Въ сопровожденіи войскъ и народа она перенесена въ армію на Покровскую гору къ Георгіевской церкви. Здѣсь всю ночь на 6 августа передъ иконой служили молебны, а 6 августа утромъ икона была препоручена батарейной

№ 1 ротѣ 3 артиллерійской бригады, состоявшей подъ командой подполковника Глухова. Зашитая въ холстъ, она возилась передъ ротой на ходу разбитаго зарядного ящика; и весь походъ находилась среди войскъ въ 3-ей пѣхотной дивизіи генерала Коновницына. Во время похода при иконѣ состояли: штабсъ-капитанъ Богдановичъ, поручикъ Гречъ, подпоручикъ Реанъ, г.г. Смирновъ и Ольхинъ. Въ ожиданіи битвы и послѣ сраженій предъ чудотворной иконой усердно молилось наше православное воинство; вѣра укрѣпляла духъ войскъ и вела ихъ къ побѣдамъ. Передъ Бородинскимъ сраженіемъ святую икону торжественно проносили по рядамъ войскъ и служили молебны. Трепетно-благоговѣйное настроеніе, охватившее войска при извѣстіи о томъ, что несутъ «Смоленскую Матушку» описано рукою великаго мастера и представляетъ замѣтныя страницы славной эпопеи «Войны и Мира». [1]

Послѣ краснинскихъ боевъ, когда окончательно была завершена побѣда русскаго оружія надъ непріятельской арміей, когда былъ истребленъ корпусъ Нея, составлявшій ея аріергардъ, и очищена Смоленская губернія отъ непріятеля, Смоленская чудотворная икона, по распоряженію Кутузова, была возвращена въ Смоленскъ. 10 ноября протоіерей Нижне-Николаевской церкви, въ качествѣ старшаго «духовнаго чина», получилъ, чрезъ смоленскаго коменданта, маіора Горихвостова, слѣдующую бумагу отъ генерала Коновницына.

«Августа 6 дня сего текущаго года, при оставленіи войсками нашими города Смоленска, святая чудотворная икона Смоленской Божіей Матери взята была артиллерійскою ротою, командуемою полковникомъ Глуховымъ, и съ того времени возима при полкахъ 3 пѣхотной дивизіи, кои во всѣхъ дѣлахъ противу непріятеля охраняли оную въ рядахъ своихъ. Войска съ благоговѣніемъ зрѣли посреди себя образъ сей и считали оный благопріятнымъ залогомъ всевышняго милосердія. При одержаніи надъ непріятелемъ важныхъ побѣдъ и успѣховъ приносимы были всегда благодарственныя молебствія предъ иконою.

---

1 Л. Н. Толстой. «Война и Миръ». Т. III, стр. 277—279.

Нынѣ же, когда Всемогущій Богъ благословилъ Россійское оружіе и съ пораженіемъ врага городъ Смоленскъ очищенъ, я, по волѣ главнокомандующаго всѣми арміями его свѣтлости генералъ-фельдмаршала князя Михаила Ларіоновича Голенищева-Кутузова, препровождаю святую икону Смоленской Божіей Матери обратно, да водворится оная на прежнемъ мѣстѣ и прославляется въ ней Русскій Богъ, чудесно карающій наконецъ кичливаго врага, нарушающаго спокойствіе народовъ.

Съ симъ вмѣстѣ слѣдуютъ учиненные образу вклады и приношенія, тысяча восемьсотъ десять рублей ассигнаціями, пять червонныхъ золотомъ и серебра въ лому, отбитаго у непріятеля, одинъ пудъ. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ».

Ноября 8 дня 1812 г. Главная квартира деревня Добрянка.

По полученіи этого радостнаго извѣстія, на квартирѣ маіора Горихвостова былъ выработанъ церемоніалъ встрѣчи чудотворной иконы. Сама встрѣча такъ описана въ отвѣтномъ рапортѣ священника Васильева на имя генерала Коновницына:

«10-го сего Ноября, въ воскресный день, въ оставшемся неразореннымъ врагомъ, по крайней мѣрѣ деревяннаго рѣзнаго иконостаса, а въ вещахъ разграбленномъ и производившемъ во все время бытія французовъ въ Смоленскѣ богослуженія, отъ оставшагося духовенства, Смоленскомъ Успенскомъ соборѣ, въ 10 часу отправлены были мною съ благовѣстомъ въ большой колоколъ часы, по окончаніи коихъ стекшемуся народу прочтено было оное вашего высокопревосходительства отношеніе и сдѣлано отъ меня публичное приглашеніе къ встрѣчѣ чудотворной иконы Смоленскія Богородицы, которое гражданами выслушано и принято было съ радостными и слезными чувствованіями.

Въ половинѣ 12 часа онаго же дня начался въ оном соборѣ въ большой колоколъ благовѣстъ и продолжался около двухъ часовъ; когда же господинъ комендантъ извѣстилъ духовенство, что съ его стороны имѣющееся въ командѣ его въ Смоленскѣ войско, состоящее изъ пѣхоты и казаковъ, было приготовлено, тогда бывшее въ Смоленскѣ духовенство и пріѣхавшіе за арміею и полковые священники, извѣщенные мною для встрѣчи изъ означеннаго собора съ народомъ шло крестнымъ ходомъ за городъ вмѣстѣ съ го-

сподиномъ комендантомъ, ведущимъ туда же ввѣренныя ему войска. При встрѣчѣ же оной святой иконы за Молоховскими воротами начатъ былъ духовенствомъ молебенъ Богородицѣ. Граждане, поднявъ оную святую икону, понесли въ городъ, за коею слѣдовало и войско. При вношеніи въ городъ въ Никольскія ворота было учинено нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, а въ городѣ во всѣхъ церквахъ производимъ былъ колокольный звонъ. При Троицкомъ монастырѣ встрѣчена и провожаема была оная архимандритомъ Іосифомъ, находящимся на пенсіи; когда же была принесена икона къ собору, то войска онаго офицерами внесена въ соборъ, въ коемъ по отправленіи молебствія, за разореніемъ врагомъ той церкви, гдѣ она прежде находилась, поставлена, и отправлено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, во время же пѣнія многолѣтія всемилостивѣйшему нашему Государю Императору Александру Павловичу и всей высочайшей его фамиліи, всему побѣдоносному Россійскому воинству, была произведена вторично пальба изъ пушекъ и ружей отъ войска, провожавшаго оную святую икону до собора. При семъ граждане, лобызая оную святую икону, со слезами приносили благодарственныя молебствія, воздавая Всевышнему своему милосердному Творцу благодареніе за возвращеніе своей чудотворной Заступницы въ градъ Смоленскъ». [1]

Возвращенная въ Смоленскъ святыня была временно помѣщена въ соборѣ. Послѣ того какъ Надворотная церковь, обращенная непріятелями въ хлѣбный складъ, была очищена «отъ французскихъ мерзостей» и приведена «въ боголѣпный видъ», въ нее перенесли 16 марта 1813 года изъ собора чудотворную икону Богоматери.

Память этой иконы свято и неизмѣнно чтится бывшей 1-ой артиллерійскою ротою, которая вынесла ее изъ Смоленска въ 1812 г. По ходатайству командира этой роты, Вельяминова, возбужденному въ 1818 году, согласно общему желанію всего состава роты, съ чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери былъ сдѣланъ снимокъ и препровожденъ въ роту. Въ этой батареѣ установлено ежегодное празднованіе въ память Смоленской Божіей Матери.

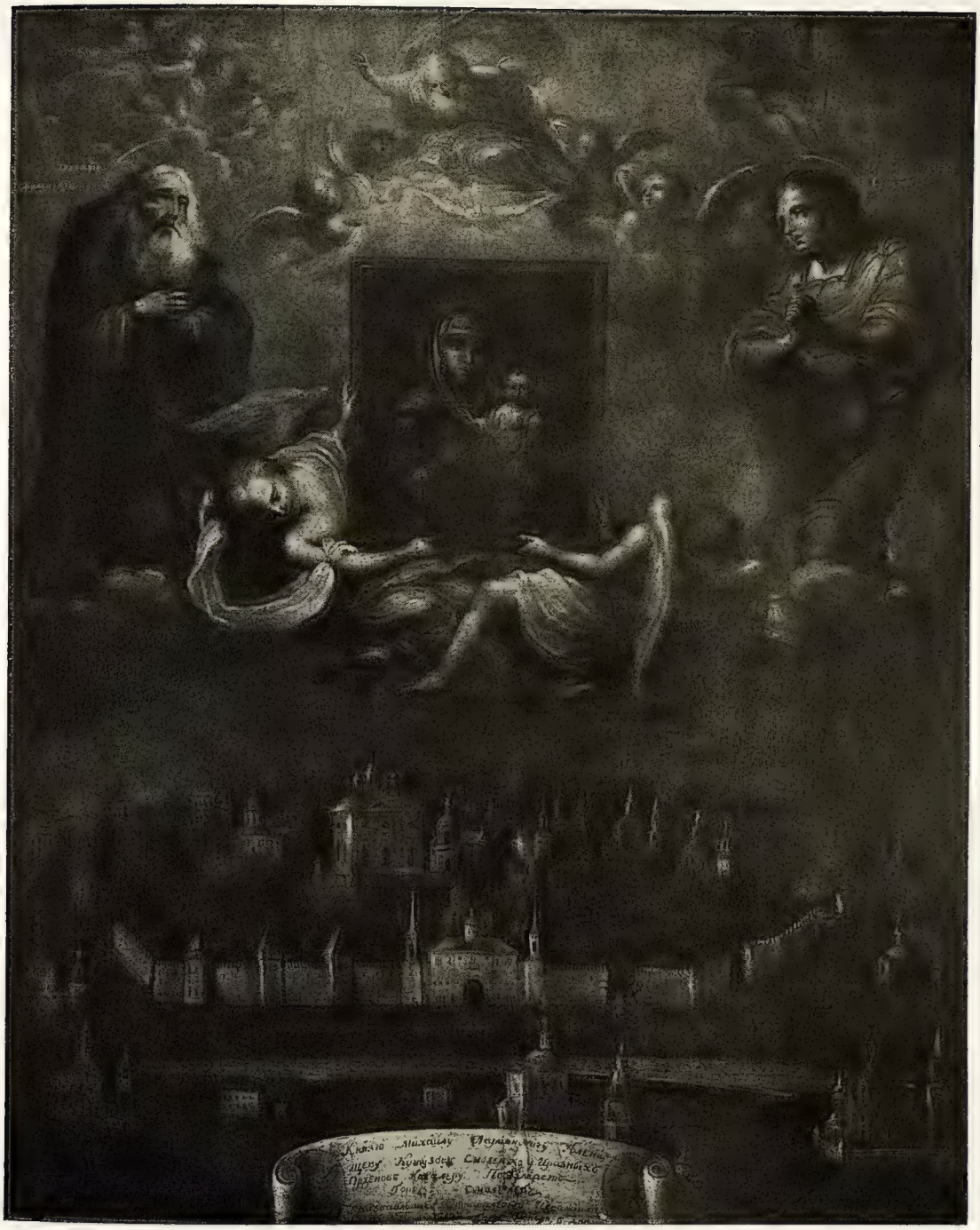
---

1 «Возвращеніе фельдмаршаломъ Кутузовымъ изъ арміи въ Смоленскъ иконы Смоленской Божіей Матери». «Русск. Арх.» 1894 г. № 10.

Въ смоленскомъ Успенскомъ соборѣ хранится икона, изготовленная усердіемъ городского головы Кузьмы Верзина для поднесенія Кутузову отъ имени города Смоленска. На этой кутузовской иконѣ изображенъ въ воздухѣ ликъ Смоленской Божіей Матери, поддерживаемой ангелами; вверху представленъ Господь Саваоѳъ во славѣ своей; по правую сторону изображеніе св. Авраамія, а по лѣвую св. Меркурія, смоленскаго чудотворца; ниже представленъ видъ города Смоленска съ Покровской горы съ бывшими развалинами и выжженнымъ предмѣстьемъ. На свиткѣ внизу имѣется надпись: «Михаилу Ларіоновичу князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому, городъ Смоленскъ посвящаетъ за избавленіе отъ Наполеона и вражія силы его, 1812 года ноября 6 дня». По сторонамъ свитка два смоленскіе герба: древній, изображающій Архангела Михаила, и современный. Въ этой иконѣ большой интересъ представляетъ подробная и удивительно точная и тщательная выписка церковныхъ сооруженій, а также смоленскихъ стѣнъ съ башнями, амбразурами и бойницами. Икона эта не была поднесена Кутузову за его смертью, и помѣщена въ соборѣ 31 мая 1813 года съ духовными почестями и письменнымъ актомъ. Во время пребыванія въ Смоленскѣ дочери Кутузова, г. Опочининой, по ея просьбѣ, икона эта была ей передана по распоряженію епископа Іосифа. Въ соборѣ же помѣщена другая, точно такая же икона, написанная по заказу Верзина. [1]

Въ память Отечественной войны, по волѣ Государя Николая Павловича, въ 1814 году воздвигнутъ въ Смоленскѣ на плацъ-парадномъ мѣстѣ возлѣ Королевской крѣпости чугунный памятникъ. Памятникъ этотъ, вѣсомъ въ 414 пудовъ, отлитъ въ Петербургѣ на Александровскомъ литейномъ заводѣ и присланъ въ Смоленскъ 19 апрѣля 1815 года. Онъ имѣетъ видъ высокой многогранной пирамиды на кругломъ основаніи; вокругъ пирамиды размѣщено 8 паръ колоннъ съ позолоченными орлами наверху; пирамида заканчивается главою византійскаго стиля съ вызолоченнымъ крестомъ. Общая высота памятника 8 саж. 2 арш., а діаметръ основанія 2 саж. и 2 четверти аршина. На восточной сторонѣ памят-

1 «Описаніе иконы Смоленской Божіей Матери». «Рус. Инвалидъ» 1815 г. № 72 ст. 287.



Кутузовская икона Божией Матери

ника, въ особой нишѣ, помѣщается икона Смоленской Божіей Матери, а подъ нею планъ смоленскаго сраженія. На другихъ сторонахъ памятника обозначено число сражавшихся и павшихъ подъ Смоленскомъ воиновъ, и имена главнокомандующихъ и генераловъ, защищавшихъ Смоленскъ. Надписи эти гласятъ: «1) 5 августа напалъ непріятель: 111 баталіоновъ, 28 эскадроновъ, до 300 орудій; 2) русскихъ генераловъ: убито 2, раненъ 1, воиновъ выбыло изъ строя до 9,600; 3) непріятеля: генераловъ убито 1, ранено 3, воиновъ выбыло изъ строя до 20.000; 4) сраженіе подъ Смоленскомъ 4 и 5 августа 1812 года; 5) главнокомандовавшіе Барклай-де-Толли, Багратіонъ; 6) защищавшіе Смоленскъ: Раевскій, Дохтуровъ; 7) 5 августа защищали Смоленскъ 62 баталіона, 8 эскадроновъ, 144 орудія». Памятникъ окруженъ чугунными цѣпями на 30 устояхъ. По сторонамъ его помѣщаются на особыхъ пьедесталахъ двѣ французскія пушки съ иниціалами Наполеона. Пушки эти, найденныя въ 1856 г. при устройствѣ фундамента мужской гимназіи, укрѣплены на лафетахъ, отлитыхъ Брянскимъ заводомъ въ даръ Смоленску. На лафетахъ этихъ имѣется слѣдующая надпись: «1873 года сооруженъ чинами Брянскаго Арсенала при содѣйствіи генераловъ: Баранцева, Годолина и Шпаковскаго».

Торжественное открытіе памятника состоялось 5 ноября 1841 года, въ день 29-ой годовщины освобожденія Смоленска отъ наполеоновской арміи.

Подробности этого торжества описаны историкомъ города Смоленска Никитинымъ. [1] Въ 8 ч. утра зазвонили соборные колокола. Епископъ Тимофей прибылъ въ Надворотный храмъ Божіей Матери, куда собралось и все духовенство. Въ 9½ ч. утра рота Александрійскаго полка, нарочно прибывшаго изъ Рославля, со знаменемъ и музыкой встала у Одигитріевской церкви. Въ то же время къ дому военнаго губернатора подошелъ взводъ жандармской команды. Въ 10 ч. губернаторъ, вмѣстѣ съ комендантомъ и отставнымъ генералъ-маіоромъ Шембелемъ [2], отправились верхами съ конвоемъ къ

---

1 Никитинъ, «Исторія города Смоленска».

2 Генералъ Шембелъ былъ приглашенъ къ участію въ торжествахъ, какъ бывшій въ 1812 г. безсмѣннымъ ординарцемъ у Кутузова и какъ лицо, сопровождавшее икону Смоленской Божіей Матери изъ Краснаго въ Смоленскъ.

Днѣпровскимъ воротамъ. Въ церкви надъ этими воротами собрался весь генералитетъ и гражданскія власти. По окончаніи литургіи началось торжественное шествіе, сопровождаемое множествомъ народа. Изъ церкви вынесли чудотворную икону Смоленской Божіей Матери и крестный ходъ направился по главнымъ улицамъ города къ плацъ-парадному мѣсту, гдѣ парадомъ стояли войска: Александропольскій егерскій полкъ и Смоленскіе баталіоны внутренней стражи и военныхъ кантонистовъ. При появленіи святой иконы войска отдавали честь при звукахъ музыки и барабаннаго боя. На плацъ-парадномъ мѣстѣ, по лѣвую сторону памятника за особо устроенной рѣшеткой заняли мѣсто губернскій предводитель дворянства съ дворянами, участвовавшими въ бояхъ подъ Смоленскомъ; съ другой стороны памятника помѣстились всѣ высшіе военные и гражданскіе чины; позади были разставлены полукругомъ отставные ветераны 1812 года изъ нижнихъ чиновъ. Послѣ молебна съ провозглашеніемъ многолѣтія и вѣчной памяти, епископъ окропилъ памятникъ св. водою, и у подножья его сказалъ «сильную и во всѣхъ отношеніяхъ приличную» настоящему торжеству рѣчь. Затѣмъ епископъ, въ сопровожденіи командира 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанта Редигера и начальника 8 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Панютина, прибывшихъ по Высочайшему повелѣнію на торжество, обходилъ войска, окропляя ихъ св. водою. По окончаніи священнодѣйствія на плацъ-парадномъ мѣстѣ, процессія тѣмъ же парадомъ возвратилась обратно въ церковь, а войска, пройдя мимо памятника церемоніальнымъ маршемъ, разошлись по квартирамъ. Купечество устроило войскамъ угощеніе. У военнаго губернатора въ 3½ ч. дня былъ большой обѣдъ. Вечеромъ того же дня дворянство дало великолѣпный балъ и ужинъ, на которомъ присутствовало до 400 человѣкъ.

Черезъ 6 лѣтъ послѣ открытія памятника 1812 года въ Смоленскѣ, 21 мая 1847 года состоялось открытіе такого же памятника подъ Краснымъ, близъ рѣки Лосмины, въ память краснинскихъ боевъ. [1] Смоленскій губернаторъ, по соглашенію съ преосвященнымъ епископомъ Тимофеемъ и губернскимъ предводителемъ дворян-

[1] Открытіе памятника въ Красномъ «Рус. Инв.» 1874 г. № 178.

Въ Смоленскѣ

Подъ Краснымъ у смоленскаго большака

ства, пригласилъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ собраться 20 мая въ 7 ч. утра въ церковь надъ Днѣпровскими воротами. Послѣ молебствія высшее духовенство, поднявъ и вынеся изъ церкви икону Божіей Матери, установило ее на носилки. Вся процессія, съ хоругвями и въ сопровожденіи массы народа, тронулась къ Молоховскимъ воротамъ на краснинскую большую дорогу. Икона прибыла къ мѣсту краснинскихъ боевъ къ 5 ч. вечера. Здѣсь, возлѣ рѣчки Лосмины, въ 2½ вер. отъ города, ее встрѣтило краснинское духовенство, дворянство съ уѣзднымъ предводителемъ во главѣ, чиновники и жители Краснаго и многихъ окрестныхъ деревень. Затѣмъ икону принесли въ городъ Красный и помѣстили въ соборѣ. На другой день, послѣ торжественнаго молебствія, въ присутствіи всѣхъ должностныхъ лицъ, чудотворную икону понесли къ мѣсту торжества. Послѣ молебствія состоялось открытіе памятника, который совершенно тожественъ съ памятникомъ воздвигнутымъ въ Смоленскѣ. На немъ имѣются слѣдующія надписи. На передней сторонѣ: «Битва при Красномъ 3, 4, 5, и 6 ноября. Пораженіе Нея»; На задней: «Взято въ плѣнъ непріятеля 26.000 человѣкъ, отбито 116 орудій».

Въ Смоленскѣ за Молоховскими воротами близъ городской стѣны находится памятникъ Энгельгардту, разстрѣлянному на этомъ мѣстѣ французами въ 1812 году. Первоначально здѣсь находился небольшой памятникъ, сооруженный вскорѣ послѣ смерти Энгельгардта его вдовою. Въ бытность свою въ Смоленскѣ Императоръ Николай I обратилъ вниманіе на ветхій памятникъ Энгельгардта, и повелѣлъ отлить новый чугунный на Александровскомъ литейномъ заводѣ. Памятникъ этотъ, доставленный изъ Петербурга, былъ открытъ 3 сентября 1835 года. На немъ имѣется надпись: «Подполковнику Павлу Ивановичу Энгельгарду, умершему въ 1812 году за вѣрность и любовь къ Царю и отечеству». Въ 1886 году при планировкѣ мѣстности памятникъ этотъ былъ приподнятъ и со стороны крѣпостной стѣны на немъ была добавлена слѣдующая надпись: «Коллежскому Ассесору Шубину, умершему въ 1812 году за вѣрность и любовь къ Царю и отечеству».

Въ залѣ дворянскаго собранія помѣщается огромная картина, изображающая приступъ непріятеля къ Смоленску 5 августа 1812 г.

Картина эта, копія съ произведенія баварскаго профессора Геле, пожалована смоленскому дворянству Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1853 году.

Въ Вязьмѣ, въ домѣ городского общества имѣется копія съ картины мюнхенскаго профессора Гесса, пожалованная городу въ 1848 г. Государемъ Николаемъ I. На ней изображено вяземское сраженіе 22 октября 1812 г.

Въ Юхновскомъ соборѣ помѣщается икона Казанской Божіей Матери, воздвигнутая, по иниціативѣ юхновскаго уѣзднаго предводителя дворянства С. Я. Храповицкаго, 8 іюля 1813 года въ память объ избавленіи отъ нашествія непріятеля въ 1812 году. Эта икона сопутствовала юхновскому ополченію при войнѣ 1812 года. Въ томъ же соборѣ хранится взятый 13 января 1813 года Храповицкимъ трофей. Это—шелковый, шитый золотомъ, штандартъ, на которомъ имѣется надпись: «сей трофей данъ за ваграмское сраженіе Наполеономъ 28-му французскому драгунскому полку». Штандартъ этотъ былъ «повергнутъ къ стопамъ» Его Императорскому Величеству чрезъ сенатора Каверина; на древкѣ его сохраняется надпись: «Въ Юхновскій Казанскій соборъ къ образу Божіей Матери, за избавленіе онаго города и округа 1812 г. октября 18 дня».

Многочисленными памятниками событій 1812 года служатъ могилы и курганы, имѣющіеся въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи. Памятники эти, къ сожалѣнію, не обслѣдованы въ достаточной степени и не могутъ быть пріурочены къ отдѣльнымъ эпизодамъ великой эпохи; они имѣютъ массовый характеръ. Среди нихъ можно отмѣтить съ достаточной опредѣленностью лишь братскія могилы близъ самаго города Краснаго, у дороги на Гусино. На одной изъ могилъ водруженъ крестъ съ надписью: «подъ симъ крестомъ покоятся тѣла на брани убіенныхъ христовыхъ воиновъ за вѣру и отечество».

Въ текущемъ году рѣшено ознаменовать столѣтіе Отечественной войны слѣдующими сооруженіями въ Смоленской губерніи.—Въ Смоленскѣ устроить бульваръ 1812 г. съ небольшимъ на немъ бюстомъ свѣтлѣйшаго князя Кутузова-Смоленскаго. На томъ же бульварѣ воздвигнуть памятникъ Смоленскихъ боевъ. Онъ будетъ изображать, въ качествѣ символа признательнаго отечества, каменную

скалу, на которой пріютилось вѣрное гнѣздо—Смоленскъ; смѣлый и цѣпкій Галлъ вскорабкался на скалу, онъ уже ухватился за гнѣздо вооруженной рукою; но не беззащитно оказалось гнѣздо: въ немъ на стражѣ два орла, изображающіе наши двѣ западныя арміи; одинъ, стоя на краю гнѣзда, расправилъ мощныя крылья, и, въ лицѣ прославленныхъ героевъ—Невѣровскаго, Раевскаго и Дохтурова, гнѣвно бьетъ дерзкую руку Галла; другой орелъ прикрываетъ гнѣздо своими крыльями. Въ Лопатинскомъ саду, на мѣстѣ предполагаемаго погребенія генерала Скалона, воздвигнуть памятникъ въ видѣ обелиска. На Сосновскомъ бульварѣ между Молоховскими воротами и Шеинскимъ бастіономъ французское правительство предполагаетъ поставить особый памятникъ.

Въ городѣ Красномъ на городской площади лейбъ-гвардіи уланскіе Его и Ея Императорскихъ Величествъ полки сооружаютъ монументъ въ память боевъ 6 ноября, гдѣ особенно отличались гвардейскіе уланы.

Близъ города Краснаго у братской могилы воиновъ, павшихъ въ краснинскихъ бояхъ, ставится памятникъ: на сѣромъ гранитномъ пьедесталѣ крестъ изъ краснаго гранита.

У разногубернской границы между мѣстечкомъ Лядами, Могилевской губерніи и дер. Бухариной, Смоленской губерніи на площади Краснинскаго уѣзда краснинское уѣздное земство ставитъ гранитный столбъ съ надписью:

«Въ 1812 году войска императора французовъ Наполеона перешли здѣсь границу старой Россіи 2 августа, наступая побѣдоносно на Москву, 6 ноября, отступая послѣ тяжкаго пораженія».

Въ городѣ Вязьмѣ на Никитской площади поставить памятникъ: на восьмигранномъ цоколѣ скала, увѣнчанная двуглавымъ орломъ, раздирающимъ французскія знамена.

Въ селѣ Семлевѣ, Вяземскаго уѣзда, проектированъ памятникъ изъ валуновъ, охваченныхъ желѣзными цѣпями и увѣнчанныхъ крестомъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Списокъ предводителей Дворянства Смоленской губ. въ 1812 г.

Губернскій предводитель—Лесли, Сергій Ивановичъ.

1) Смоленскій—Воеводскій, Петръ Дмитріевичъ, надворный совѣтникъ.

2) Бѣльскій—Калѣновъ, Левъ Ивановичъ, надворный совѣтникъ.

3) Вяземскій—Коровяковскій, Петръ Яковлевичъ.

4) Гжатскій—Савеловъ.

5) Дорогобужскій—Ваксель, Александръ Васильевичъ, полковникъ.

6) Духовщинскій—И. д. предводителя Храповицкій, гвардіи полковникъ и Тумило-Денисовичъ, Петръ Михайловичъ.

7) Ельнинскій—Соколовскій.

8) Краснинскій—Корбутовскій, Петръ.

9) Порѣчскій—Баранцевъ, Алексѣй Григорьевичъ.

10) Рославльскій—Бородовицынъ.

11) Сычевскій—Нахимовъ, Николай Матвѣевичъ.

12) Юхновскій—Храповицкій, Семенъ Яковлевичъ.

Прошеніе дворянина Алымова о пособіи [1].

Милостивый государь мой Сергій Ивановичъ.

Извѣстясь о доставленной отъ высокопочтеннаго сословія о призрѣніи разоренныхъ отъ непріятеля значущей суммы денегъ, пожертвованной благороднымъ Костромскимъ дворянствомъ въ пособіе Смоленскимъ разореннымъ отъ непріятеля, преимущественно тѣмъ, кои находились въ то несчастное время въ Костромѣ, по употребленію оной по разсмотрѣніямъ господина Смоленскаго гражданскаго губернатора и Вашему въ выдачу на пособія подходящимъ подъ тѣ постановленія. А какъ вамъ извѣстно мое пребываніе въ Костромѣ съ продолженіемъ моего служенія по управленію тамъ со мною пришедшаго изъ Смоленска важнаго казеннаго транспорта, содержавшаго казенныхъ денегъ до 3-хъ миліоновъ рублей и прочаго казеннаго имущества въ гербовой бумагѣ и другихъ вещахъ до милліона рублей и приказныхъ служителей всѣхъ Смоленскихъ присутственныхъ мѣстъ до ста человѣкъ простирающихся. Что все сохранилъ въ цѣлости, облегчая отъ разоренія переносимую тягость всѣхъ тѣхъ казенныхъ людей моими попечительными распоряженіями, что извѣстно г. Смоленскому гражданскому губернатору и Костромскому по письменному моему съ нимъ сношенію о пользахъ того казеннаго транспорта. Почему уповая, что я отъ Костромского губернатора навѣрное включенъ въ число находившихся въ Костромѣ, буде же почему-либо не помѣщенъ, то поставляя о томъ свидѣтельство г. Смоленскаго гражданскаго губернатора и всѣхъ Смоленскихъ чиновниковъ, тогда со мною въ Костромѣ находившихся, да и письменныя мои сношенія съ Костромскимъ губернаторомъ по истребованіи изъ канцеляріи его могутъ свидѣтельствовать. Почему и полагая подходящимъ себя къ полученію изъ сей костромской суммы пособія, присовокупляю къ сему важное мое разореніе по имѣніямъ моимъ въ Смоленской губерніи, изъ первыхъ въ Духовскомъ, въ селѣ Викторовѣ, гдѣ

---

[1] Нарядъ письмамъ и прошеніямъ о пособіи «Арх. дв. деп. собр. Дѣло № 115, 1815 г.

мародерами убитъ изъ ружья крестьянинъ лѣтъ 30-ти. Въ господскомъ домѣ разграблено все хранившееся мое имущество и всѣ припасы, истребленъ весь рогатый скотъ и птицы и весь хранившійся въ житницахъ хлѣбъ, а притомъ ограблены до послѣднихъ рубашекъ находившіеся при домѣ дворовые люди и всѣ крестьяне по ревизіи состоявшіе въ числѣ ста семнадцати душъ мужска пола по ихъ домамъ лишились отъ мародеровъ всего хлѣба, рогатаго скота, птицы и почти всѣхъ лошадей, также ихъ одежды и прочаго домашняго имущества, ибо набѣги мародеровъ продолжались почти ежедневно, пока непріятельскія войска находились въ Смоленской губерніи. Слѣдовательно едва укрываться могли сами, не имѣя возможности спасать имущество, а къ тому мое разореніе понесъ лишеніемъ моего движимаго имущества, при мнѣ бывшаго въ Смоленскѣ, по нахожденію моему тамъ вице-губернаторомъ. Почти всѣ платья, бѣлье, мѣдной, оловянной, фаянсовой и хрустальной посуды, заготовленныхъ съѣстныхъ припасовъ, двухъ каретъ, дрожекъ трехъ саней, по неимѣнію ни времени, по экстренному моему выѣзду изъ Смоленска съ казеннымъ транспортомъ не болѣе какъ часовъ за восемь до наступленія непріятеля и по неимѣнію болѣе при себѣ четырехъ лошадей, изъ коихъ на двухъ я выѣхалъ въ дрожкахъ, а на двухъ въ малой повозкѣ едва успѣлъ взять постель и малый чемоданъ съ небольшимъ числомъ платья и бѣлья, оставляя мѣсто помѣстить до шести человѣкъ моихъ людей. А сверхъ того по Рославльской дорогѣ въ селѣ Федоровскомъ по части моей, имѣющейся обще съ моими дѣтьми лейбъ-гвардіи Литовскаго полка штабсъ-капитаномъ моимъ сыномъ Федоромъ и дочерьми Марьей и Екатериной, въ коихъ частяхъ по ревизіи состояло сто двадцать шесть душъ, то и въ ономъ понести разореніе по случаю установленнаго черезъ то село воинскимъ транспортамъ къ арміи тракту, отъ чего командами забранъ весь, какъ господскій, такъ и крестьянскій хлѣбъ и фуражъ, безъ дачи надлежащихъ квитанцій, а равно тѣми же командами, а паче легкоконными, истребленъ весь господскій и крестьянскій рогатый скотъ и птицы и всѣхъ почти лошадей крестьяне лишились, по забранію ихъ командами подъ отвозъ казенныхъ транспортовъ, по тяжести коихъ, по безкормицѣ и дальнимъ отвозамъ, изъ семидесяти лошадей ни одна не возвратилась, а по-

издохли въ пути, а сверхъ того, какъ въ томъ селѣ были командамъ дневки и ночлеги, а равно и проводимымъ отъ арміи непріятельскимъ плѣннымъ, отъ коихъ въ селеніи открылись прилипчивыя болѣзни и отъ оныхъ крестьяне померли до 50 человѣкъ и отъ всѣхъ описанныхъ несчастныхъ послѣдствій, по нынѣ учиненному вѣрному исчисленію по само умѣреннымъ цѣнамъ, понесъ разореніе, кромѣ крестьянскаго болѣе сорока пяти тысячъ рублей. Хотя же въ пособіе сему отъ высокопочтеннаго сословія и получилъ 1813-го года пять тысячъ рублей, кои употребивъ всѣ на прокормленіе разоренныхъ крестьянъ и на малое обзаведеніе ихъ скотомъ и лошадьми, то уже въ пособіе моему разоренію изъ-за оныхъ себѣ ничего удѣлить не могъ, почему и понынѣ нахожусь въ крайне разоренномъ состояніи, а посему и прошу покорнѣйше, принявъ въ уваженіе послѣдовавшее мнѣ разореніе, по разсмотрѣнію Вашему ввести меня и сына моего къ полученію изъ костромской суммы пособія. О сынѣ жъ моемъ, употребляя вмѣсто его ходатайства по случаю нахожденія его при полку въ походѣ, по каковой службѣ, находясь съ полкомъ заграницей и во время производимаго пособія отъ высокопочтеннаго сословія въ 1813 г., онъ имѣть пособія не могъ. То и прошу покорнѣйше не оставить насъ по справедливости вашей къ включенію насъ къ полученію нынѣ пособія, черезъ предоставленныхъ Вамъ отъ высокопочтеннаго сословія права. Я же съ моимъ къ Вамъ истиннымъ почитаніемъ имѣю честь пребывать Вашимъ покорнѣйшимъ слугой Аркадій Алымовъ 27 іюля 1815 г.».

Копія собственоручной записки Государя Александра I.

1) Лесничіе умеющіе стрелять и на коняхъ составятъ конныхъ Егерей къ нимъ:

2) Можно присоединить господскихъ егерей умеющихъ ездить верьхомъ.

3) Изъ псарей, конюшихъ, конюховъ, составить козаковъ вооружа пиками.

4) Изъ умеющихъ стрелять но пешихъ составить егерей, вооружа охотничіими ружіями.

5) Изъ протчихъ составить пешее войско распределя для обученія по резервнымъ баталіонамъ собирающимся въ Смоленскѣ».

Свѣдѣнія объ Энгельгардтѣ и Шубинѣ.[1]

1. Донесеніе порѣчскаго предводителя дворянства смоленскому губернатору отъ 2 февраля 1813 г.

«Въ дополненіе къ донесенію моему о взятыхъ дворянахъ французскимъ правительствомъ и разстрѣленномъ ими подполковникѣ Павлѣ Энгельгардтѣ, донести честь имѣю, что оной былъ взятъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1812 г. по доносу собственныхъ крестьянъ въ убійствѣ французскихъ мародеровъ и что въ его домѣ было пристанище земскаго ополченія. 14 октября подполковнику Энгельгардту была объявлена его участь, почему онъ сыскавъ духовника Одигитріевской церкви священника Никифора Мурзакевича, исполнилъ христіанскій долгъ, сдѣлалъ завѣщаніе, не имѣя способовъ явить въ россійскомъ правительствѣ, засвидѣтельствовалъ его въ Смоленскомъ французскомъ верховномъ правленіи интенданта Виллебланша. 16 октября, когда приведенъ былъ на мѣсто смерти, гдѣ не хотѣлъ выслушать приговоръ, отзываясь, что онъ не признаетъ себя виновнымъ и ему пріятнѣе умереть, нежели видѣть угнетаемыхъ соотечественниковъ врагами, не допустилъ завязать глаза, говоря, что онъ съ покойнымъ духомъ будетъ смотрѣть на смерть, какую никто еще самъ не видалъ, подтверждая неоднократно «стрѣляйте». Послѣднія его слова были «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой». И погребенъ раздѣ (въ) тый до нага за Молоховскими воротами, глубиною менѣе аршина, гдѣ учиненъ былъ проводъ духовникомъ Мурзакевичемъ, отъ коего о всемъ вышеизложенномъ донесеніи подробно можно узнать. Предводитель Баранцовъ.

---

1 «О назначеніи пенсій семействамъ Энгельгардта и Шубина». «Арх. смол. двор. деп. собр. Дѣло № 107—1813 г.

2. Письмо губернатора барона Аша на имя сенатора Каверина отъ 25 мая 1813 г. за № 7049.

Милостивый Государь

Павелъ Никитичъ.

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія Вашего Превосходительства за № 1363 о разстрѣлянныхъ французами помѣщикахъ Энгельгардтѣ и Шубинѣ, честь имѣю доставить слѣдующія свѣдѣнія, каковыя я могъ получить отъ господъ предводителей и Порѣчскаго депутата.

Объ Энгельгардтѣ. Что онъ чинъ имѣлъ подполковника, имѣнія за нимъ по Порѣчскому уѣзду состоитъ 78 душъ, семейства у него кромѣ жены, которая гдѣ находится—неизвѣстно, никакого нѣтъ. Сей Энгельгардтъ захваченъ былъ французами при проѣздѣ его изъ Порѣчскаго уѣзда въ г. Бѣлой и по приводѣ въ Смоленскъ, когда оный занятъ былъ непріятелемъ, за неоткрытіе числа войскъ, въ Бѣломъ находившихся, и несоглашеніе вступить въ службу французовъ разстрѣлянъ.

О Шубинѣ. Что онъ чинъ имѣлъ коллежскаго ассесора, имѣнія за нимъ по Духовскому уѣзду состоитъ 14 душъ, семейство, у него оставшееся—жена, мать и двѣ сестры дѣвицы. По разореніи сего имѣнія непріятелемъ, претерпѣваютъ во всемъ бѣдность, получая только пропитаніе изъ выдаваемаго отъ казны по числу душъ крестьянамъ хлѣба. Во время-жъ нашествія непріятеля сей Шубинъ, защищая по возможности свое и сосѣдственныя имѣнія отъ непріятельскихъ мародеровъ, когда узналъ, что въ сосѣдственной деревнѣ Гавриловѣ имѣли пребываніе 23 вооруженныхъ француза и что прибывшій изъ г. Бѣлой Казанскаго драгунскаго полка маіоръ Даллеровскій съ командою находился близъ Духовщины въ деревнѣ Зимцѣ, то по извѣщеніи его о французахъ съ отряженною отъ него командою взялъ изъ нихъ двадцать одного человѣка, а два бѣжавшихъ въ Смоленскъ донесли французскому начальству, по распоряженію котораго онъ захваченъ и разстрѣлянъ. Съ истиннымъ почтеніемъ пр. Баронъ Ашъ.

3. Рапортъ губернскаго предводителя дворянства Лесли на имя сенатора Каверина отъ 4 іюля 1813 г. за № 446

На предписаніе Вашего Превосходительства сего іюня отъ 18 дня подъ № 1685 относительно французами разстрѣлянныхъ Смоленскихъ дворянъ подполковника Павла Энгельгардта и коллежскаго ассесора Шубина, что въ дошедшихъ Вамъ о Энгельгардтѣ свѣдѣніяхъ изволите находить нѣкоторыя показанія недостаточными и невѣроятными, требуете отъ меня вѣрнѣйшаго описанія и прочее, имѣю честь донести.

Что въ описаніи Порѣцкаго депутата видны во многомъ неполныя о имѣніи, о родственникахъ и о другихъ обстоятельствахъ показанія, также несходство, то по извѣстности мнѣ отъ Порѣчскаго предводителя Баранцова, который во время занятія французами Смоленской губерніи, наѣзжая изъ Бѣльскаго уѣзда и Тверской губерніи изъ Ржевскаго почасту въ Порѣцкой уѣздъ для приведенія правительству въ повиновеніе простого народа, выведеннаго изъ послушанія французскими партіями, которой предводитель со многими дворянами и отборными людьми вооружаясь, наводилъ на французовъ малыя партіи, отчасти истреблялъ, отчасти плѣнныхъ отсылалъ въ Бѣлую. Между тѣмъ отъ французскаго въ Смоленскѣ правительства отряжена была сильная воинская команда, которая учинивъ нападеніе на предводителя, разбила, плѣнивъ нѣкоторыхъ дворянъ, а предводитель едва ускакалъ на своей лошади въ Бѣльской уѣздъ. Павелъ Энгельгардтъ, о которомъ также извѣстно мнѣ и отъ другихъ достовѣрно, взятъ въ своемъ домѣ.

Сей подполковникъ Павелъ Ивановъ сынъ Энгельгардтъ за отличную службу свою 1807 г. въ подвижномъ земскомъ ополченіи, во время нахожденія со ввѣреннымъ ему батальономъ въ походѣ, произведенъ въ подполковники, а прошедшаго 1812 г. непріятель, приближаясь къ Смоленской губерніи, прежде всего вступилъ за нашими войсками въ Порѣцкой уѣздъ, то есть іюля съ 17 числа. Энгельгардтъ, будучи весьма храбрый и неустрашимый чиновникъ, надѣясь, какъ видно, на извѣстную необыкновенную силу свою, остался въ уѣздѣ, хотя и увидалъ начинающееся неспокойство и неповиновеніе властямъ крестьянъ, имѣлъ всегда сношеніе съ каза-

ками, въ близости отъ него находившимися, которые по Смоленской губерніи, во все время бытности непріятеля, появлялись въ разныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ Энгельгардтъ, со своими дворовыми людьми, разъѣжая, нападалъ на малыя непріятельскія партіи, побилъ своеручно 24 человѣкъ французовъ, по увѣренію нѣкоторыхъ людей. Крестьяне его донесли о семъ французскому правительству въ Смоленскѣ, почему сильный отрядъ посланъ былъ напасть на него, которой захватилъ его внезапно въ собственномъ домѣ. Слѣдовательно, не въ проѣздъ его въ Бѣлую, какъ нѣкоторые описываютъ, взятъ. А по пріѣздѣ въ Смоленскъ былъ судимъ и крестьяне доказывали на него. Приговоренъ будучи къ разстрѣлянію, склоняемъ былъ присягнуть и вступить въ службу французскую полковникомъ, которую отринулъ, написалъ духовную, отдавая свое движимое и недвижимое благопріобрѣтенное имѣніе матери своей коллежской ассесоршѣ Варварѣ Энгельгардтъ, назначивъ нѣсколько дворовыхъ людей на волю. За часъ до смерти своей написалъ письмо къ своей матери. Копію съ духовной и означеннаго письма прилагаю. Разстрѣлянъ октября 15 дня близь каменной Смоленской стѣны у Молоховскихъ воротъ. Предъ сею наглою кончиною приведенъ будучи на лобное мѣсто и видя право сильнаго тиранствія, руки простирающаго торжествовать надъ великостью его духа, вручилъ бывшему при томъ своему духовнику означенное къ матери письмо и духовную. Однакожъ французы, оные любимцы нѣкоторыхъ россіянъ, утратившихъ свой народный характеръ, которые и самое варварство ихъ называютъ просвѣщеніемъ, осудя чужого подданнаго за вѣрность государю своему разстрѣлять, но желая поколебать оную, произвели къ довершенію лютости своей съ намѣреніемъ выстрѣлъ въ ногу сперва. Тутъ стараясь убѣдить Энгельгардта къ принятію французской службы, что есть еще время ему спасти себя, рану въ ногѣ залѣчить можно, пожалѣлъ бы о себѣ, видя смерть передъ глазами, но сей неустрашимый чиновникъ не желалъ ничего, кромѣ смерти за отечество и оныхъ варваровъ не тронула таковая непоколебимость его. Они совершили по немъ смертный выстрѣлъ.

Имѣнія послѣ него осталось 77 душъ въ Порѣцкомъ уѣздѣ, все благопріобрѣтенное, которое непріятелями разграблено и разо-

рено. Мать его умерла въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ, у ней остался одинъ сынъ капитанъ Иванъ Энгельгардтъ, да отъ покойной сестры ихъ родной Марфы, бывшей за коллежскимъ ассесоромъ Губинымъ въ замужествѣ, дочь Елизавета 7-ми лѣтъ жила у прописаннаго дяди своего Ивана, а отъ первой супруги ихъ находятся въ живыхъ дѣвицы Настасья и Екатерина въ Духовскомъ уѣздѣ. За ними 43 души разоренныя и третья овдовѣвшая маіорша Анна Эсмонтова, у которой два сына и дочь имѣютъ 44 души въ Духовскомъ уѣздѣ разоренныя. По смерти единоутробнаго ихъ брата Платона, остался сынъ, живущій въ Духовскомъ уѣздѣ, гвардіи поручикъ Петръ Энгельгардтъ, у котораго дѣтей одинъ сынъ и три дочери. Имѣнія за нимъ 303 души по Смоленскому и Порѣцкому уѣздамъ. За объявленнымъ по отцу и матери Павловымъ братомъ Иваномъ имѣніе въ Краснинскомъ уѣздѣ 51 душа и домъ отъ непріятеля разорены, а за племянницею ихъ 7-ми-лѣтнею Елисаветою, что родилась отъ сестры ихъ Марфы Губиной состоятъ по Бѣльскому уѣзду 30 душъ, отданныя за Марфою въ приданое. Разстрѣляннаго французами Павла Энгельгардта жена Елена Александровна дочь Корсаковыхъ имѣетъ 123 души въ Ельнинскомъ уѣздѣ не жила съ мужемъ своимъ и теперь находится въ сельцѣ своемъ Боровкѣ, Ельнинского уѣзда.

Коллежскій ассесоръ Семенъ Ивановъ сынъ Шубинъ разстрѣлянъ послѣ Энгельгардта за непринятіе службы французской. Осталась по немъ жена Марья, урожденная Витебской губерніи, бездѣтная и въ бѣдности. Изъ сословія призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля доставлена ей въ пособіе тысяча рублей. Еще находится въ живыхъ мать Шубина Христина Константинова, которой тоже изъ сословія прислана тысяча двѣсти рублей. Сестры дѣвицы Татьяна и Агафья, живущія въ Духовскомъ уѣздѣ. Послѣ него состоитъ имѣніе разоренное, лежащее при большой дорогѣ изъ Смоленска въ Духовщину 29 душъ.

Что жъ принадлежитъ до памятниковъ на прахѣ оныхъ за отечество пострадавшихъ дворянскихъ чиновниковъ, по отношенію В. П—ва ко мнѣ уѣздные предводители на мое требованіе отозвались, что по сношеніи съ дворянствомъ донести имѣютъ о расположеніи онаго. Одинъ только Елинской предводитель доставилъ настоящее увѣдомленіе объ усердномъ къ тому расположеніи дворянъ,

которые отъ своей части переслали черезъ предводителя ко мнѣ 205 руб., а отъ прочихъ до сего времени настоящаго увѣдомленія не получено. Кажется причиною тому недостатки въ деньгахъ вообще у всѣхъ дворянъ, которые заставляютъ ихъ отложить не только сихъ малостоющихъ памятниковъ устроеніе, но величественнаго и драгоцѣннаго, о которомъ отозвались мнѣ, покойному свѣтлѣйшему князю Смоленскому, избавителю Смоленской губерніи, потомъ ея покровителю. Великость его души, исполненной человѣколюбія, какъ и всѣ прямо добродѣтельныя особы, въ состраданіи своемъ находила утѣшеніе, зная совершенно, колико разорена Смоленская губернія, хотя лишилась она сего великаго предстателя у Высочайшаго престола, но пораженная симъ чрезвычайнымъ урономъ, оставила на своихъ сердцахъ пламенныя черты вѣчной благодарности и возносятъ о благодѣтельной душѣ его жертвы сокрушеннаго сердца Всеблагому Существу, не оставитъ въ свое время съ Высочайшаго дозволенія воздвигнуть достойный толь великаго вельможи и побѣдоноснаго героя монументъ, который бы всегдашнимъ передъ очами присутствіемъ, увѣковѣчивалъ память его въ Смоленскѣ. Губернскій дворянства предводитель и кавалеръ Лесли.

4. Копія предсмертнаго письма Энгельгардта къ матери.

Дражайшая матушка.

Я по лживому доносу моихъ 4-хъ крестьянъ Григорія Борисова, Михайлы Лаврентьева, Карнѣя Лавринова и Авдѣя Свиридова осужденъ на смерть и севодни кончутъ нить дней моихъ. Молите Бога обо мнѣ, прощайте, попросите прощенія мнѣ у жены моей и тещи. Я сдѣлалъ духовную, исключая подаренныхъ попу Одигитріевскому Мурзакевичу и нѣсколькихъ на волю, предоставилъ въ ваше владѣніе все мое имѣніе. Вотъ участь несчастныхъ, благословите меня хоть мертваго, много поможетъ моленье матерніе ко благосердію Владыки. Сестрицѣ моей Викторіи Михайловнѣ мое почтеніе. Прощайте, дай Богъ, что бы эта участь многихъ не постигла. Мнѣ остается только полчаса наслаждаться свѣтомъ. У подлиннаго тако: есьмъ истинно и усердный сынъ Павелъ Энгельгардтъ. Октября 15-го дня 1812-го года, тюрьма Смоленскъ.

Какъ я имѣлъ переписку съ подполковникомъ Павломъ Ивановичемъ Энгельгардтомъ, почему свидѣтельствую, что сіе написано собственною его рукою. Порѣцкаго дворянства предводитель Баранцовъ. Въ томъ же свидѣтельствую: Порѣцкій городничій и кавалеръ Амболевскій. Въ томъ и утверждаю, что сіе письмо подполковника Павла Ивановича Энгельгардта Егоръ Нестеровскій. Въ томъ же утверждаю, что собственной его руки письмо, въ томъ свидѣтельствую Подпоручикъ Алексѣй Ивановъ Жбанкевичъ».

5. Копія духовнаго завѣщанія Энгельгардта. 1812-го года, Октября 15-го дня.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я нижепоименованный по объявленіи мнѣ французскимъ приговоромъ смерти, исполнилъ весь долгъ христіанскій, здравъ будучи тѣломъ и разсудкомъ, завѣщаю слѣдующее. 1-е, долгъ христіанскаго погребенія и поминовенія чинить духовному моему отцу Одигитріевской церкви священнику Никифору Мурзакевичу, а поминовеніе трехнедѣльное и шестинедѣльное по его изволенію чинить въ домѣ моемъ сельцѣ Дягилевѣ, за что вмѣсто денегъ дарю ему находящагося въ бѣгахъ Максима Силина съ женою его Авдотьею и дѣтьми ихъ Иваномъ и Александрою и дѣвку Прасковью Андрееву, коими владѣть ему вѣчно и кому похочетъ продать и заложить вольно, а равно по душѣ словесно мною указанныя деньги и серебряныя вещи. 2-е, отпускаю вѣчно на волю благопріобрѣтенныхъ моихъ людей Льва Алексѣева съ женою его Авдотьею Трофимовою и дочерью ихъ, и сверхъ сего дарю ему Порѣцкой округѣ въ с-цѣ Оболоной два жеребья земли съ примѣромъ и состоящею на рѣкѣ Дражнѣ мельницу о двухъ поставахъ, озеромъ, плотиною и съ находящимися 13 паръ каменьями и со всѣмъ строеніемъ, которою движимостью и недвижимостью владѣть ему вѣчно и вольно кому похочетъ продать и заложить. 3-е, отпускаю вѣчно на волю Авдотью Алексѣеву съ сыномъ ея Иваномъ и Татьяну Лисѣеву съ дочерью ея Анною, для пропитанія жъ ихъ дарю имъ— пополамъ въ с-цѣ Малыхъ Плоткахъ жеребій земли съ примѣромъ

и съ строеніемъ, озеромъ и со всѣми угодьи, которымъ имѣніемъ имъ владѣть по досовершеннаго возраста ихъ дѣтей, не продавать никому, не употреблять, а по совершеннолѣтіи дѣтей ихъ дѣти вольны продать и заложить, буде-жъ дѣти ихъ въ малолѣтствѣ помрутъ, то право продажи предоставить матерямъ, 4-е, отпускаю вѣчно на волю Павла Силина съ женою его Матреною и сыномъ его Иваномъ и дочерью Ульяною съ предоставленіемъ ему владѣть вѣчно жеребьемъ земли съ примѣромъ и со всѣмъ строеніемъ, въ которомъ нынѣ живетъ. Полосы пахотной и сѣнокосной земли имѣть ему по соразмѣрности жеребья, буде жъ пожелаетъ продать или заложить сіе ему вольно. 5-е, отпускаю вѣчно на волю Свирида Дмитріева съ женою его Агафьею и сыномъ ея, Агафьи, Иваномъ. Сверхъ сего дарю ей Агафьѣ въ с-цѣ Михалцовѣ Духовской округи земли по купчей доставшейся мнѣ отъ Стунѣева пятьдесятъ десятинъ и еще отъ Янковскихъ пятьдесятъ десятинъ, а всего сто десятинъ, которою землею владѣть ей вѣчно, и кому похочетъ продать и заложить вольно. 6-е, отпускаю вѣчно на волю Катерину Иванову, Прасковью Трофимову, Марфу Иванову и другую Марфу Иванову и Прасковью Данилову. 7-е, смоленскому мѣщанину Дмитрію Иванову, живущему у меня въ домѣ, дарю половинную часть какъ въ землѣ со всѣми угодьями, такъ и въ строеніи въ сельцѣ Дягиловѣ, будежъ похочетъ кому продать или заложить и то ему вольно. 8-е, исключая все вышеписанное, остальное мое движимое и недвижимое имѣніе со крестьяны, землею, двумя мельницами: 1-я на рѣчкѣ Дубянкѣ, 2-я—въ деревнѣ Руднѣ со всѣми лѣсы и со всѣмъ какія только есть угодьи, дарю моей родительницѣ коллежской ассесоршѣ Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардовой, и владѣть ей онымъ вѣчно и кому похочетъ продать и заложить вольно, а равно хотя заемныя обязательства моими крестьянами изодраны, сдѣлать въ надлежащихъ мѣстахъ выписки и по онымъ взыскивать деньги въ пользу ея-жъ матери моей. Всему вышеписанному воспріять дѣйствіе со дня моего погребенія, сіе мое духовное завѣщаніе всепокорнѣйше прошу Смоленскаго верховнаго правленія интенданта господина де-Виллебланша явить, утвердить и въ книгу записавъ выдать духовнику моему Мурзакевичу, которой имѣетъ оповѣстить о вышепрописанномъ всѣхъ, до кого оно касается. У

подлиннаго подписано тако Подполковникъ Павелъ Ивановъ сынъ Энгельгардтъ.

Что сіе завѣщаніе писано собственною его подполковника Энгельгардта рукою, въ томъ свидѣтельствую: Рославльскій мѣщанинъ Прокофій Яковлевъ сынъ Васытинъ. Что сіе завѣщаніе дѣйствительно собственною рукою подполковника Павла Энгельгардта, въ томъ свидѣтельствую: артиллеріи подпоручикъ Рухлядко, въ томъ же свидѣтельствую и подписаюсь коллежскій секретарь Павелъ Никифоровъ сынъ Барсовъ. Въ подлинномъ написано на французскомъ діалектѣ: «свидѣтельствую, что послѣдняя воля подполковника Павла Энгельгардта. 129-го полка поручикъ Вартели». Членъ совѣта Федоръ Рагулинъ въ томъ же свидѣтельствую. 8-го дня Ноября 1812-го года.

6. Письмо свящ. Мурзакевича вдовѣ Энгельгардта. [1]

Милостивая Государыня

Елена Александровна.

По случаю несчастнаго послѣдствія, когда отъ водворившихся въ Смоленскѣ непріятелей объявлена была сентенція предать смерти мужа вашего Павла Ивановича Энгельгардта, то онъ призвалъ меня въ Спасскую Церковь, гдѣ содержались ихъ арестанты и наши соотечественники, просилъ меня исповѣдовать и пріобщить животворящихъ таинъ, что я исполнилъ. И по желанію его для утѣшенія и утвержденія въ непоколибимомъ упованіи на милость Божію, я отъ него не отходилъ до самой полуночи. И на слѣдующій день по просьбѣ же его, придя къ нему очень рано, выслушалъ объясняемыя имъ мнѣ душевныя мысли и расположенія, относительно его дома и вѣрныхъ людей.

Смерть Павлу Ивановичу объявлена 3-го октября, онъ весь день былъ покоенъ и съ веселымъ духомъ говорилъ о кончинѣ, судьбою ему назначенной: и нынѣшній годъ какое то было предчувствіе, что онъ долженъ умереть. 15 октября въ 11 часовъ утра при-

---

1 «Отеч. Зап.», 1839 г., т. VI, стр. 75.

шелъ къ нему бывшій здѣсь въ генеральномъ засѣданіи членомъ, польскій полковникъ Костенецкій, и принесъ полъ бутылки простого вина и просилъ его оное съ нимъ распить, извиняясь при томъ, что онъ сожалѣетъ, что во время суда изъ Смоленска былъ откомандированъ, иначе участь была бы инаково черезъ обслѣдованіе; онъ хотя отъ того ослабѣлъ нѣсколько, ибо 14 числа ничего ни пилъ, ни ѣлъ и всю ночь не спалъ, но показалъ геройскій духъ, поблагодарилъ его за учтивость, отвѣчалъ: что смерть христіанину не страшна, а сожалѣю, что многіе дворяне подвергнутся подобной участи; ибо не будутъ у васъ просить должностей или залога; я съ радостью умираю, какъ невинный, и смерть моя сдѣлаетъ осторожными другихъ противъ злодѣевъ, которымъ скорое неминуемое послѣдуетъ наказаніе,—и требовалъ, чтобы скорѣй его вели на мѣсто, дабы не видѣть и не слышать тиранства. Когда пришли за нимъ, онъ просилъ меня идти съ нимъ, что онъ нѣкоторыя записки мнѣ вручитъ и чтобы отпѣть по немъ проводъ и предать землѣ тѣло. За Молоховскими воротами, въ шанцахъ начали читать ему приговоръ, но онъ не далъ имъ дочитать, закричалъ по-французски «полно врать, пора перестать, заряжай поскорѣй и пали, чтобы не видать больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ». Начали ему завязывать глаза, но онъ не позволилъ, говоря: «прочь никто не видѣлъ своей смерти, а я ее буду видѣть». Потомъ, прощаясь со мною, и съ двумя дѣтьми, которыя его въ тюрьмѣ со мной посѣщали, и съ Рагулинымъ Ѳедоромъ Прокофьевичемъ, которому вынувши изъ пазухи духовную отдалъ, чтобы по оной послѣднюю его волю выполнили, а мнѣ далъ двѣ записки, которыми онъ благодаритъ за неоставленіе, о чемъ и въ духовной упомянулъ. Потомъ сказавши: «Господи, помяни мя, егда пріидеши во царствіи Твоемъ; я въ руки Твои предаю духъ мой» велѣлъ стрѣлять; и изъ 18 зарядовъ 2 пули прошли грудь и одна животъ. Онъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничъ палъ, имѣя поднятыя руки и глаза къ небу, по примѣру первомученника Стефана, началъ кончаться; и какъ дыханіе въ немъ еще длилось, то одинъ изъ 18 спекуляторовъ, зарядя ружье, выстрѣлилъ въ високъ,—и тогда скончался. Я началъ здѣсь отпѣвать погребеніе, а Рагулинъ досталъ людей выкопать могилу. Не успѣлъ я долгъ христіанскій кончить и спекуля-

торы раздѣли его до нога и ничкомъ въ три четверти въ выкопанную яму вбросили, и окровавленную одежду и обувь раздѣлили себѣ.

Октября 24-го такая же участь постигла Шубина, а пятеро дворянъ и до 15 рославльскихъ мѣщанъ особенною Божіею милостію избавились отъ казни, а именно: Петръ Михайловичъ Храповецкій, Петръ Ивановичъ Кусанскій, Яковъ и Алексѣй Петровичи Тимоѳеевичи и Николай Ивановичъ Адамовичъ. Первый изъ нихъ былъ отпущенъ для покупки хлѣба, увѣрилъ часового, что онъ не арестантъ и изъ усердія къ роднымъ содержащійся для прислуги къ нимъ, живетъ; часовой повѣря ему, не смотрѣлъ за нимъ, и онъ ушелъ, за что прочихъ строже содержали и за сіе передъ выходомъ изъ Смоленска непріятелей ведены были на мѣсто казни, но бомбы пали предъ конвоемъ и всѣхъ разсѣяли; несчастные отведены были въ молоховскую кордегардію, гдѣ они содержались два дня. И когда молоховскую башню взорвали, часовые повели ихъ съ собою за городъ и какъ сами спѣшили бѣжать, то при темнотѣ они одни отстали и, воротясь въ городъ, пришли въ домъ капитанши Лебедевой, а отъ ея, по вступленіи нашихъ въ Смоленскъ, по утру пошли по домамъ своимъ; изъ нихъ почти всѣ теперь больны, а Петръ Кусонскій представился. О себѣ скажу, что неоднократно былъ въ рукахъ смерти но Богъ не только меня и церковь мою въ цѣлости соблюлъ, и черезъ мое стараніе все въ ризницѣ архіерейской оставленное сбережено. Итакъ соборъ со всѣмъ имуществомъ здѣшнихъ гражданъ, въ ономъ сокрытомъ сбереженъ. Декабря 11 дня 1812 года.

7. Письмо генерала Шелиля къ смоленскому коменданту о приговорѣ надъ Шубинымъ отъ 23 октября (5 ноября) 1812 г. [1]

Смоленскъ, 5 ноября 1812 г.

Господинъ Комендантъ.

Называющій себя Семенъ Ивановичъ Шубинъ, прежней службы маіоръ россійскій обличенъ уговаривающимъ солдатъ въ арміи французской переходить къ казакамъ и старающійся возму-

1 Архивъ губерн. правленія.

тить крестьянъ—былъ осужденъ сего утра на смерть особою комиссіею. Постарайтесь прискорить всѣ приготовленія, нужныя чтобы сей судъ былъ выполненъ завтра по обыкновенному обряду изъ отрядомъ всякаго корпуса, составляющаго гарнизонъ.

Повелите, чтобы сіе осужденіе было переведено на русскій языкъ и чтобы оно было сообщено властямъ окружнымъ. Имѣю честь засвидѣтельствовать мои поздравленія. Генералъ Шелиль.

8. Указъ Правительствующему Сенату.

По изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи дошло до свѣдѣнія Моего, что помѣщики Смоленской губерніи: подполковникъ Павелъ Энгельгардтъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ, содѣйствовавшіе истребленію врага въ мѣстахъ своего жительства, захвачены были впослѣдствіи французами, занимавшими тогда городъ Смоленскъ, и сколько за патріотическій подвигъ сей, сколько и за непреклонность вступить въ должности предложенныя имъ и нарушить обязанность свою къ отечеству, подвержены тюремному заключенію и наконецъ суду. Злощастіе ихъ постигшее, не сильно было среди всѣхъ опасностей тогдашняго времени побудить принять льстивыя обѣщанія непріятеля и они съ твердостью духа, россіянину свойственной, предпочли смерть измѣнѣ своему Государству.

Все сіе подтверждено сенаторомъ Каверинымъ, имѣвшимъ порученіе отъ Меня развѣдать подробнѣе обстоятельства, сопровождавшія судьбу упомянутыхъ чиновниковъ и открыть настоящее положеніе семействъ, по смерти ихъ оставшихся.

Удостовѣрясь въ истинѣ, Я поспѣшаю воздать справедливый долгъ симъ усерднымъ сынамъ отечества, при бѣдномъ состояніи не прельстившимся на искушеніе непріятельское, пребывшимъ непоколебимыми въ привязанности къ Государству своему и пожертвовавшими жизнью за вѣру и вѣрность. И потому оставшемуся послѣ нихъ семейству опредѣленъ по смерть нижеслѣдующій пенсіонъ каждогодно.

Подполковника Энгельгардта брату капитану Ивану Энгельгардтъ по шести тысячъ руб., племяннику, поручику Петру Энгельгардтъ по три тысячи и малолѣтней племянницѣ, рожденной отъ сестры его Губиной по три тысячи руб. Коллежскаго ассесора Шубина женѣ по девяти тысячъ руб., матери по шести тысячъ руб. и двумъ сестрамъ дѣвицамъ по три тысячи руб. каждой.

Правительствующему Сенату повелѣваю предписать о производствѣ пенсіоновъ сихъ Министру Финансовъ, а о извѣщеніи поименованныхъ наслѣдниковъ Энгельгардта и Шубина гражданскому начальству.

Въ Богеміи, г. Теплицъ,
30 Августа 1813 г.

Александръ.

Письмо къ издателямъ объ устройствѣ госпиталя С. А. Хомяковымъ [1].

Можетъ быть, что я сообщаю вамъ происшествіе, уже давно извѣстное и помѣщенное въ вашемъ журналѣ, но какъ мнѣ не удалось читать всѣхъ книжекъ онаго, а въ тѣхъ, которыя я читалъ, нѣтъ того, что я намѣренъ сообщить вамъ, то и надѣясь что, не обременю васъ извѣстіемъ о добромъ дѣлѣ, хотя бы оно было и не новое: никому изъ благомыслящихъ не наскучитъ и сто разъ слышать о благодѣтелѣ человѣчества.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ проѣзжалъ чрезъ здѣшній городъ въ армію неизлѣчившійся отъ ранъ 5 егерскаго полка Подпорутчикъ Левицкій, который сообщилъ мнѣ слѣдующее:

22 Октября 1812 года подъ селомъ Ѳедоровскимъ авангардъ нашей арміи Суворовскимъ натискомъ ударилъ во Французовъ, разбилъ ихъ и пустился въ погоню. Г. Левицкій, пораженный четырьмя пулями, остался на полѣ сраженія. Неподалеку отъ него лежали также раненые того полка Маіоръ Свѣчинъ, Прапорщикъ Лѣсовскій и нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ—въ отчаяніи

---

1 «Сынъ Отечества» 1814 г., стр. 173.

и ожиданіи смерти. Наступила темная осенняя ночь. Въ 10 часовъ пріѣзжаетъ на поле сраженія Сычевскаго уѣзда, села Липицъ помѣщикъ отставной гвардіи Порутчикъ Степанъ Александровичъ Хомяковъ съ коляскою и нѣсколькими крестьянскими повозками единственно для призрѣнія раненыхъ. Офицеровъ положили въ коляску, а рядовыхъ, болѣе 40 человѣкъ, на повозки и отправили въ село Липицы въ собственный домъ г. Хомякова, гдѣ учреждена была военная госпиталь на его иждивеніи. При ней опредѣленъ былъ искусный врачъ, снабженный всѣми потребностями. Г. Левицкій со слезами благодарности упоминаетъ о личныхъ попеченіяхъ г. Хомякова и всего дома его въ призрѣніи и продовольствіи раненыхъ воиновъ. Все, по содержанію и леченію потребное, лилось само собою благодѣтельною рѣкою. Офицеры и рядовые покоились какъ въ домахъ отцовъ и матерей своихъ. Хозяинъ и его домашніе предупреждали малѣйшія желанія страждущихъ съ благосердіемъ старинныхъ людей Русскихъ.—Госпиталь сія существовала до выздоровленія послѣдняго солдата. Офицеры, по исцѣленіи, выпровождены были въ экипажахъ господскихъ до Минска, снабженные всѣми надобностями въ пути. Нижніе чины отправлялись также на подводахъ къ ближайшимъ командамъ, обшитые и обмытые, напутствованные хлѣбомъ и солью, и деньгами.

Вотъ повѣствованіе г. Левицкаго! Пусть услышитъ почтенный г. Хомяковъ, что доброе дѣло его не умираетъ и что люди, вовсе ему неизвѣстные, чтутъ его имя.

Ал-дръ Владимірской, главный врачъ госпитали всей гвардіи, надворной совѣтникъ и кав.

20 Декабря 1813.
Городъ Кемпенъ, Калишскаго деп.
въ Герцогствѣ Варшавскомъ.

Свидѣтельство, выданное отъ дворянъ Смоленскаго уѣзда предводителю Воеводскому въ благодарность за его дѣятельность во время военныхъ дѣйствій. [1]

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Господину надворному совѣтнику Смоленскому уѣздному дворянства предводителю Петру Дмитріевичу Воеводскому отъ благороднаго сословія Смоленскаго уѣзда въ томъ, что Вы съ начала вступленія Вашего въ должность сію проходили ее съ примѣрнымъ усердіемъ и ревностію, заслужившею особенное вниманіе, уваженіе и благодарность благороднаго дворянства. Во время протекшаго военнаго положенія открыло въ полной мѣрѣ неусыпные труды Ваши къ пользѣ общей; поспѣшное назначеніе во временное ополченіе людей изъ уѣзда, продовольствіе побѣдоносной арміи Россійской во время пребыванія ея здѣсь показало намъ, что Вы превозмогли всѣ трудности, оправдали возложенную на васъ довѣренность и удовлетворили пользамъ общимъ, предписаніямъ военнаго и гражданскаго начальства. Свидѣтельство сіе да будетъ навсегда памятникомъ признательности нашей. Февраля дня 1813 г. (подписи).

Представленіе губернскаго предводителя дворянства отъ 5 марта 1813 г. за № 161 на имя смоленскаго губернатора. [2]

Смоленскій господинъ уѣздный дворянства предводитель Воеводскій представилъ мнѣ отъ разныхъ чиновниковъ дворянства, живущихъ въ Смоленскомъ уѣздѣ, за подписаніемъ ихъ, свидѣтельство ему въ ознаменованіе особенной признательности ихъ за отличный трудъ во время служенія предводителемъ, а наипаче за продовольствіе обѣихъ западныхъ армій при Смоленскѣ провіантомъ и

---

1 Арх. смол. двор. деп. собр.
2 Арх. смол. двор. деп. собр.

фуражомъ и самопоспѣшное ополченія пѣшаго и коннаго составленіе. Оному дворянству я не мало обязанъ за вниманіе къ дѣятельной ревности своего предводителя. Безъ сего едва не пропустилъ я долгу своего отдать предводителю онаго всю справедливость. Поставляя наравнѣ, какъ невиннаго подвергнуть взысканію, такъ достойнаго не представить къ награжденію. Его неусыпные труды тѣмъ важнѣе, что имѣлъ почти непреодолимыя препятствія—болѣзнь, признанная медицинскими чиновниками неизлѣчимой, которою и теперь страдаетъ, не остановила его дѣятельности и усердія къ службѣ Государю Императору и Отечеству... Онъ исполнилъ Ваши предписанія и подъ руководствомъ Вашего Превосходительства успѣвалъ не только въ пріемѣ со всей губерніи доставленнаго отъ дворянства провіанта и фуража многочисленныхъ въ Смоленскъ транспортовъ, но въ одно и то же время прошедшаго 1812 г. іюля мѣсяца и въ началѣ августа продовольствовалъ двѣ западныя арміи провіантомъ и фуражемъ. Тутъ особенная требовалась расторопность собрать способныхъ людей тотчасъ и составить обширную канцелярію, а къ провіанту и фуражу многое число надежнѣйшихъ и самыхъ расторопныхъ дворянскихъ чиновниковъ для принятія и для выдачи всѣмъ полкамъ и командамъ. Сей предводитель умѣлъ, скоропостижно избравъ, собрать оныхъ и распредѣлить на немаломъ пространствѣ, присматривая лично и дѣйствуя повсюду, что нималѣйшей остановки ни въ чемъ не происходило. Какъ я самъ, бывая у него почти ежедневно и обозрѣвая вездѣ распорядокъ и успѣшность, могу и долженъ засвидѣтельствовать. Тѣмъ еще важнѣе, что онъ Воеводскій озабоченъ былъ тогда же набрать Смоленское ополченіе конное и пѣшее со всѣмъ потребнымъ и къ оному начальниковъ, а сіе столь поспѣшно выставилъ, что оно въ краткое время было готово слѣдовать по велѣнію начальства къ Дорогобужу, но удержано для способствованія арміямъ, отъ коихъ не отлучая военнослужащихъ, командировали Смоленскихъ ратниковъ для препровожденія плѣнныхъ французовъ и для хлѣбопеченія на россійскіе полки. А изъ охотниковъ дворянскіе чиновники, съ конными ратниками Смоленскаго уѣзда поспѣшили для содержанія постовъ противъ непріятеля на границѣ Краснинскаго уѣзда съ Бѣлоруссіею и потомъ присоединясь къ россійскимъ пол-

камъ, были на первомъ сраженіи подъ Краснымъ августа 2 числа. Сія неусыпная безпрерывная дѣятельность предводителя происходила не только въ виду Вашего Превосходительства, въ виду моемъ и всей губерніи, но и въ виду обѣихъ западныхъ армій. Ревность его къ службѣ Государю Императору и Отечеству заставила презрѣть свою болѣзнь, предать забвенію свой домъ и деревни, единственно состоящія Смоленскаго уѣзда на двѣнадцатой верстѣ большой дороги, которыя непріятелемъ разорены въ конецъ. Поколику онъ занятъ будучи, отъѣхалъ изъ Смоленска тогда уже, когда непріятель приступилъ къ оному. Не ослабѣваетъ же и нынѣ въ трудахъ при всей болѣзни и разоренномъ своемъ положеніи, вышолняя порученія начальства и довольствуя крестьянъ казенныхъ и владѣльческихъ Смоленскаго уѣзда, неимѣющихъ пропитанія, покупая на отпускаемыя казенныя деньги хлѣбъ весьма по сходнымъ цѣнамъ. Чѣмъ обратилъ на себя вниманіе и благодарность комиссіи, учрежденной для назначенія разореннымъ отъ непріятеля пособія и льготы. То въ поощреніе другихъ и чтобы достоинство не осталось безъ награжденія, прошу Вашего Превосходительства покорнѣйше куда слѣдуетъ представить о награжденіи сего достойнаго предводителя. Смоленскій губернскій дворянства предводитель и кавалеръ Сергій Лесли.

Свидѣтельство, выданное бѣльскому предводителю дворянства Льву Ивановичу Колѣнову о его заслугахъ.[1]

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Данное отъ губернскаго предводителя дворянства Смоленской губерніи г. надворному совѣтнику и кавалеру Льву Ивановичу Колѣнову въ томъ, что онъ послѣ увольненія его изъ военной службы въ 1800 г. послѣдовавшаго, продолжалъ таковую по выбору дворянъ Бѣльскаго уѣзда въ 1802 г. судьею тамошняго уѣзднаго суда, въ 1806 г. избранъ былъ въ земское ополченіе и находился

---

1 Арх. смол. двор. деп. собр.

казначеемъ. Въ 1808 г. выбранъ предводителемъ Бѣльскаго дворянства и въ сей должности какъ чиновникъ, доказавшій свою справедливость и попеченіе о дворянахъ Бѣльскаго уѣзда находился сряду три трехлѣтія, т. е. по 1817 г., между тѣмъ, съ 13 мая по 2 іюля 1816 г. за отсутствіемъ предмѣстника моего Федора Ивановича Лыкошина, исправлялъ должность губернскаго предводителя дворянства, а 1817 г. Ноября 12, за 12-ти лѣтнее по выборамъ дворянства служеніе, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владимира 4 степени. Бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ неутомимой дѣятельности его, г. Колѣнова, во время продолженія сей службы по выборамъ отъ дворянъ, ревностнаго прилежанія къ должности и точности въ исполненіи оной—симъ удостовѣряю, присовокупляя при томъ къ доказательству отличнаго служенія его, г. Колѣнова, и стараніе къ казенной общественной пользѣ, слѣдующее обстоятельство, также мнѣ извѣстное и въ 1813 г. бывшему Смоленскому гражданскому губернатору барону Ашу мною сообщенное, а отъ него на уваженіе и для предстательства у Государя Императора о награжденіи его, г. Колѣнова, къ г. главнокомандующему въ С.-Петербургѣ представленное. Въ 1812 г., когда совершенная опасность непріятельскаго вторженія угрожала Смоленской губерніи, онъ, г. Колѣновъ, какъ истинный ревнитель пользѣ отечества, устремился на составленіе военнаго ополченія съ уѣзда ему ввѣреннаго и въ самое короткое время, собравъ не только слѣдовавшее по расчисленію число воиновъ, вооруженныхъ и снабженныхъ всѣмъ нужнымъ, но и болѣе ста человѣкъ лишнихъ, отправилъ въ указанное мѣсто. Вслѣдъ затѣмъ онъ, г. Колѣновъ, лучшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ исполнилъ возложенное на него порученіе, по тогдашнему времени весьма трудное—въ отношеніи доставленія для арміи провіанта и удовлетворенія многоразличныхъ военныхъ требованій. По занятіи жъ непріятелемъ города Вязьмы, когда вывезены были изъ г. Бѣлой казначейство и дѣла, то жители при семъ доказательствѣ предосторожности, подъ угнетеніемъ страха и отчаянія удалились изъ домовъ своихъ безъ всякой цѣли; но онъ, г. Колѣновъ, всегда принимавшій живѣйшее участіе въ ихъ положеніи, и здѣсь не оставилъ своимъ убѣжденіемъ о безопасности. Сею мѣрою не только остановилъ оробѣвшихъ, но возвратя даже удалившихся, вооружилъ

до 600 конныхъ, съ которымъ ополченіемъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, защищалъ онъ, г. Колѣновъ, Бѣльскій уѣздъ отъ непріятельскихъ партій, преслѣдовалъ ихъ нерѣдко въ другихъ мѣстахъ и наносилъ значительный уронъ. Прекращая возникшіе между обывателями безпорядки и доставляя имъ всѣ возможныя выгоды, собственнымъ примѣромъ и внушеніемъ воспламенилъ всѣхъ обывателей Бѣльскаго уѣзда къ вооруженію противъ врага. Къ усугубленію-жъ вышеписаннаго онъ, г. Колѣновъ, ознаменовалъ себя отличнымъ человѣколюбіемъ, давъ въ своемъ домѣ убѣжище стекавшимся въ городъ раненымъ воинамъ, самъ перевязывалъ имъ раны и врачевалъ ихъ. Когда же сихъ страдавшихъ составилось до ста человѣкъ, онъ вытребовалъ Тверской губерніи изъ г. Ржева штабъ-лекаря, который пользовалъ ихъ собственными г. Колѣнова лекарствами и на его содержаніи. А по изгнаніи непріятеля командированъ былъ въ Духовщинскій уѣздъ и его городъ для возстановленія прежняго порядка и начальства, что исполнилъ съ желаемымъ успѣхомъ. Января 23 дня 1823 г.

Отношеніе губернскаго предводителя дворянства вяземскому предводителю отъ 12 іюля 1812 года. [1]

Препровождаю копію Высочайшаго рескрипта и собственноручной записки Его Императорскаго Величества, изъ коихъ изволите усмотрѣть съ дворянствомъ сколь нужны единодушное содѣйствіе и рѣшительныя мѣры противъ такого непріятеля отечества для защиты губерніи въ подкрѣпленіе здѣсь находящихся войскъ временно вооружить людей, которыхъ по губерніи со всѣхъ званій назначено пятнадцать тысячъ въ томъ числѣ вашего уѣзда съ владѣльческихъ душъ девять сотъ шестьдесятъ шесть съ каждыхъ 31-й души по одному ратнику безъ причисленія и отчисленія въ другіе уѣзды душъ, а въ разсужденіи раздробленія владѣній слѣдуетъ назначить ратниковъ на владѣльческія, которые

---

1 Арх. смол. дворян. деп. собр. Такія же отношенія были разосланы и всѣмъ другимъ уѣзднымъ предвод. дворянства Смолен. губ.

и менѣе 31-й души такъ что приходить на 15-ть въ томъ числѣ и съ оставшихъ отъ большихъ душъ. По полученіи сего извольте какъ наискорѣе не чрезъ десяцкихъ, а чрезъ нарочныхъ созвать уѣздное дворянство для объявленія Высочайшаго повелѣнія и для немедленнаго исполненія онаго, которое по съѣздѣ дворянства объявя тотчасъ приступить къ избранію депутата отъ дворянства, на сей только случай быть обще съ предводителемъ при избраніи начальниковъ ко времянному вооруженію и обще съ другими чиновниками для назначенія ратниковъ отъ городовъ и уѣздовъ представляемыхъ. Послѣ депутата избрать одного тысячнаго, трехъ пятисотенныхъ и четырнадцать сотенныхъ начальниковъ, преимущественѣе изъ такихъ, которые не такъ давно были въ военной службѣ или милиціи и сколько можно сообразуясь чинамъ и способностямъ съ поведѣніемъ чиновники во излишествѣ избираются потому что можетъ случится и для тѣхъ какая-либо должность; въ прочемъ сіи чиновники избраны будутъ для отводу ратниковъ къ назначенному мѣсту.—Изъ отставныхъ генераловъ или 4-го класса чиновниковъ и находящихся отъ выбора при должностяхъ отнюдь не выбирать въ помянутые начальники времянно вооруженнаго войска. За симъ въ собраніи дворянства назначаются ратники сколько слѣдуетъ съ котораго владѣнія и немедленно сообщить въ городѣ и въ уѣздѣ предписать, при собраніи народа по церквамъ для благодарственного молебствія за здравіе Государя Императора, что Высочайше позволено къ защитѣ отечества, губерніи, семействъ, своихъ женъ, дѣтей, домовъ имуществъ вооружить людей на время, чрезъ кого слѣдуетъ увѣрить народъ имянемъ Государя Императора, что сіе назначеніе людей будетъ на самое краткое время и что потомъ всѣ отпущены будутъ въ домы свои, а для назначенія ратниковъ чтобы владѣльцы или управляющіе вотчинами и начальники крестьянъ казенныхъ доставляли людей тотчасъ въ городъ при своихъ росписяхъ для свѣденія которыя назначены отъ города и уѣзда. Записанныхъ въ ратники отдавать обратно въ вотчины до востребованія куда слѣдуетъ, приказавъ исправлять крестьянскія работы и быть въ повиновеніи у владѣльцовъ и у чиновниковъ избранныхъ. Представляемыхъ въ ратники назначать и записывать вамъ господину уѣздному предводителю

обще съ избраннымъ депутатомъ дворянства. Тысячнымъ и старшимъ пятисотеннымъ квитанціи должны давать вы и тысячный. Какъ же при записываніи людей должно означить оружіе съ какимъ будетъ который ратникъ съ пикой или косой, или изъ стрѣльцовъ съ охотничьимъ ружьемъ, какъ въ собственноручной запискѣ Государя Императора изображено пѣшкомъ ли, а есть ли которые имѣютъ изъ лѣсничихъ, кои умѣютъ стрѣлять на лошади, также Господскихъ егерей умѣющихъ ѣздить вѣрьхомъ угодно Государю Императору что бы дали на сей случай, которые ратники записаны будутъ съ ружьями на тѣхъ пріуготовили бы въ вотчинѣ пороху съ пулями по ружейному калибру зарядовъ не менѣе какъ по тридцати или болѣе, а изъ псарей конюшихъ и конюховъ, которыхъ дадутъ для составленія казаковъ вооружа пиками, о чемъ заѳремянно и повѣстить въ уѣздахъ; но естьли бы случилось что изъ господскихъ людей и крестьянъ явился бы кто самъ чтобъ его записали въ ратники то безъ воли помѣщиковъ не принимать; на противъ того естьли кто изъ дворянъ по нынѣшнему положенію явясь къ вамъ обязался письменно служить при семъ вооруженіи не требуя начальства или пожелалъ поставить излишнихъ людей или жертвовать чемъ либо то сіе отличное усердіе къ Государю Императору и къ защитѣ отечества принимать увѣдомлять меня тотчасъ дабы поставить сей особенной подвигъ въ виду. При записываніи ратниковъ съ пиками сообщить тогда же городничему о выдачѣ изъ хранящихся въ его вѣденіи оставшихся отъ милиціи пикъ подъ расписку присланную отъ вотчины, которая можетъ починкою исправить а кому недостаетъ тѣмъ исправить новые или съ косой слѣдовать можетъ. Ратниковъ при семъ добровольномъ назначеніи не браковать ни въ ростъ и ни въ чемъ былъ бы только здоровъ, не старъ, не моложе 20-ти лѣтъ, и не имѣлъ колечества препятствующаго временному служенію. Провіантъ былъ бы отъ вотчины заготовленъ въ сухаряхъ на 10-ть дней съ пропорціею крупъ, а въ мукѣ и крупѣ на мѣсяцъ; а что бы двойной перевозки и двойной здачи не было то есть въ уѣздномъ городѣ и потомъ въ Смоленскѣ то лучше доставили бы отъ вотчины прямо въ Смоленскъ для отдачи избранному ли отъ Смоленскаго уѣзднаго дворянства чиновнику съ отвѣденіемъ мѣста для поклажи и давая расписки въ пріемѣ, которые неукоснительно являть къ

уѣздному предводителю или уже въ казенное вѣдомство отдать по распоряженію Господина Гражданскаго Губернатора и кавалера барона Казимира Ивановича Аша, откуда по присоединеніи къ резернымъ баталіонамъ и принимать будутъ для своего продовольствія по требованію, а до того времени въ жилищахъ своихъ и дорогой до Смоленска могутъ довольствоваться по распоряженію владѣльцевъ и вотчинъ; что жъ принадлежитъ до одѣжды ратниковъ то въ какой пожелаютъ представить лишь бы не была изношена, а сапоги ежели можно то дать, бороды не брить; назначить въ уѣздѣ зборное мѣсто для ратниковъ по дорогѣ къ Смоленску дабы по первому востребованію для присоединенія къ резервнымъ баталіонамъ какъ въ собственноручной Государя Императора запискѣ ознаменовано собрались. На оное при избранныхъ чиновникахъ собравшись слѣдовали къ Смоленску. Раскладочныя списки ратникамъ двойнымъ числомъ равно имянныя списки избранныхъ чиновниковъ и списки ратникамъ чьего владѣнія и деревень съ показаніемъ которой съ какимъ оружіемъ доставить ко мнѣ. Прошу Васъ Милостивый Государь мой покорно все назначеніе ратниковъ и времянное вооруженіе окончить непремѣнно въ двѣ недѣли. Въ прочемъ разумѣется что ратники не должны отлучаться отъ домовъ своихъ и начальникамъ находиться при ратникахъ своей части. Господамъ дворянамъ другихъ уѣздовъ которые находятся въ уѣздѣ Вашемъ повѣстить чтобы явились въ свои уѣзды. Губернскій дворянства Предводитель и кавалеръ Лесли.

Свѣдѣніе о лицахъ, служившихъ на офицерскихъ должностяхъ въ Смоленскомъ ополченіи. [1]

Начальникомъ ополченія былъ избранъ тайный совѣтникъ Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, но такъ какъ онъ во время нашествія непріятеля на Смоленскую губернію находился въ Петербургѣ, то за невозможностью вызвать его оттуда и неизвѣстностью

---

[1] Архивъ смол. дворян. деп. собр.

его адреса губернскимъ предводителемъ дворянства было предложено 6 Августа 1812 г. принять начальство надъ ополченіемъ генералъ-лейтенанту Николаю Петровичу Лебедеву, который и командовалъ ополченіемъ по Декабрь, когда умеръ, а начальство перешло къ генералъ-маіору Семену Степановичу Вистицкому, находившемуся во главѣ ополченія до роспуска послѣдняго.

Списокъ начальниковъ ополченія Смоленской губерніи.

Духовщинскаго уѣзда:

Тысячный полковникъ Алексѣй Петровичъ Лебедевъ.

Пятисотенные: подполковникъ Курошъ и маіоры Мельниковъ и Трамбицкій.

Сотенные: гвардіи шт.-капитанъ Ганецкій, Капитанъ Трасницкій, шт. капитаны: Потемкинъ, Рачинскій, Панинъ, коллежскій секретарь Максимовичъ, поручики Трубниковъ и Савостьяновъ, губернскій секретарь Рачинскій, артиллеріи поручикъ Ченцовъ, подпоручики Богушевскій, Рачинскій, Пятницкій.

Пятидесятные: подпоручикъ Копыловъ, прапорщики: Кунцевичъ, Пересвѣтовъ, Сакаловъ, Адамовичъ, Бердяевъ, 14 класса Василевскій, коллежскій регистраторъ Яновичъ, губернскіе регистраторы: Киркоръ, Богушевскій, Сергѣевъ и Яновскій, канцеляристы: Залѣсскій, Волонцевичъ, унтеръ-офицеръ Худолей и писецъ Сторынинъ.

Дорогобужскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ, полковникъ Егоръ Ивановичъ Сивай.

Пятисотенные: флота капитанъ лейтенантъ Абруцкій (находился при командующемъ ополченіемъ правителемъ канцеляріи и употреблялся для порученій), гвардіи шт.-капитанъ Станкевичъ и штабсъ-капитанъ Станюковичъ.

Пятисотенные: поручики: Орда, Гарцевичъ, Казырскій, подпоручики Розенбергъ, Булгакъ, прапорщики: Курошъ, Старадубцовъ, Тарнавскій и Калачевскій, коллежскіе регистраторы: Лихаревъ, Грахольскій, Евреиновъ, Арещинковъ.

Пятидесятный: изъ дворянъ Лопатинъ.

Бѣльскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ подполковникъ Павелъ Денисовичъ Рачинскій.

Пятисотенные: коллежскій ассесоръ Аршеневскій и капитанъ Калапуцкій.

Сотенные: штабсъ-капитаны: Стефановскій, Войтеховскій, Кулитъ, Турчинъ, Равицкій; подпоручики: Брящинскій, Алехновичъ, Кобелевъ, Раткевичъ, Брящинскій, Акуровъ, поручики: Новицкій, Майдановичъ и 14 класса Калмыковъ.

Пятидесятные: подпоручики: Ермолинскій, Потресовъ, Кубаровскій 1 и Кубаровскій 2-й, прапорщики: Альшевскій и Кветковскій, 14 класса Каховскій, 14 класса: Станкеевъ, Брящинскій, Василевскій, губернскій регистраторъ Равицкій, фонекъ-юнкеръ Вольскій, канцеляристы Ермолинскій и Богушъ, унтеръ-офицеръ Ермолинскій и дворяне: Кулешъ, Шляхтинскій, Калапуцкій, Селицкій, Ермолинскій, Ратковичъ 1, Ратковичъ 2, Доможировъ 1, Ширковъ, Кибовскій, Доможировъ 2, Верховскій, Буткевичъ, Ламанчевскій, Шивелевъ и прапорщикъ Алехновичъ.

Сычевскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ, капитанъ 2-го ранга Алексѣй Михайловичъ Мельниковъ.

Пятисотенные: артиллеріи штабсъ-капитанъ Шаманскій 1-й, штабсъ-капитанъ Шаманскій 2-й и подпоручикъ Ловейко.

Сотенные: артиллеріи лейтенантъ Тулубьевъ, подпоручики: Богдановъ и Щочка, коллежскіе регистраторы: Леновъ, Лошаковъ, Агеяновъ, Граблиновъ, губернскій секретарь Потуловъ, коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикъ Каверинъ (находился при командующемъ ополченіемъ адьютантомъ, сынъ Сенатора Каверина) и изъ дворянъ Корженевскій.

Пятидесятные: коллежскій регистраторъ Абельдяевъ, унтеръ-офицеръ Калапуцкій (безъ вѣсти пропалъ), дворяне: Лесли 1, Лесли 2, Зинкевичъ, и изъ «немцовъ» Локавицъ.

Смоленскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ подполковникъ Михаилъ Антоновичъ Вонлярлярскій.

Пятисотенные: оберъ-провіантмейстеръ Рарогъ, маіоръ Зенковичъ и капитанъ Глинка.

Сотенные: штабсъ-капитаны: Полуграблиновъ, Вонлярлярскій, Осиповичъ, Шуклинъ, Русановъ, Пятницкій, подпоручики: Вонлярлярскій, Потемкинъ, Свинтицкій и 14 класса Рарогъ.

Пятидесятые: поручики: Бѣлановичъ, Бублѣевъ 1-й, подпоручики: Бублѣевъ 2-й, Тихановскій, Антоньевъ, прапорщики: Воеводскій, Плескачевскій, Букаревъ, корнетъ Еремѣевъ, 14 класса: Зилинскій, Даниловъ, Есмонтъ, унтеръ-офицеры Смолдовскій и Плескачевскій и дворяне: Васковскій, Качановъ 1-й, Качановъ 2-й и Пташинскій.

Краснинскаго уѣзда, причисленные къ Смоленскому:

Сотенные: поручикъ Граматинъ и 14 класса Яновичъ.

Пятидесятные: подпоручики Пулинскій и Полушкинъ

Вяземскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ маіоръ Павелъ Матвѣевичъ Карабановъ. Пятисотенные: штабсъ-ротмистръ Юкавскій, гвардіи поручикъ Лунинъ и флота лейтенантъ Нестеровъ.

Сотенные: поручики Волчениновъ, Мельгасовъ и Игнатьевъ; подпоручики: Коровяковскій 1-й, Коровяковскій 2-й, коллежскій ассесоръ Палибинъ, губернскій секретарь Потемкинъ и губернскій секретарь Жигаловъ.

Пятидесятные: подпоручикъ Семичевъ, прапорщикъ Касаковичъ 1-й, коллежскіе регистраторы Критскій и Протопоповъ, губернскій секретарь Чернявскій, губернскій регистраторъ Брагинъ, канцелярист Шатихинъ, гвардіи капралъ Дерновъ, унтеръ-офицеръ Глотовъ, дворяне: Малафеевъ, Нарбутъ, Ладынинъ.

Поступившіе въ сей уѣздъ охотники: губернскій секретарь Соколовъ, коллежскій регистраторъ Козловъ и канцелярист Касаковичъ 2-й.

Юхновскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ подполковникъ Петръ Федоровичъ Лагуновъ.

Пятисотенные: маіоръ Подушкинъ и капитанъ Подушкинъ.

Сотенные: поручики: Михайловъ, Бибиковъ, Сивай, подпоручики: Богдановъ и Микулинскій, губернскіе секретари: Ахочинскій, Зубовъ и Пригира, прапорщикъ Ладынинъ и коллежскіе регистраторы: Окольничій, Краевскій, Гулевичъ 1-й, Гулевичъ 2-й и Давыдовъ.

За сотенныхъ пятидесятные: прапорщикъ Ладынинъ 1-й и коллежскій регистраторъ Ладынинъ 2-й.

Пятидесятные: унтеръ-офицеръ Ладынинъ 3-й, почталіонъ Ладынинъ 4-й, губернскіе регистраторы: Картовой и Турчаниновъ, унтеръ-офицеръ Брантъ, подканцеляристы: Поляковъ и Ахочинскій и дворяне: Бердяевъ, Краевскій, Лапацкій, Клесовъ 1-й и Клесовъ 2-й.

За пятидесятныхъ урядники: Бересневъ, Шатининъ 1-й, Шатининъ 2-й и рядовой Ларіоновъ (изъ крестьянъ).

Ельнинскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ, маіоръ Дмитрій Николаевичъ Глинка.

Пятисотенные: капитаны Длотовскій и Лисовскій, шт.-кап. Е. Г. Сербинъ.

Сотенные: капитанъ Кушлянскій, штабсъ-капитанъ: Кайсаровъ, Длотовскій, Саловъ; поручики: Станкевичъ и Дудинскій; подпоручики: Сербинъ 1-й, Сербинъ 2-й, Михайловскій и Рарогъ, гвардіи корнетъ Путято, прапорщикъ Михалевскій и 14 класса Дудинскій.

Пятидесятные: прапорщикъ Худолей, фанекъ-юнкеръ Белановецъ, подпрапорщикъ Прозоркевичъ, унтеръ-офицеры: Труневскій и Духновъ, подканцелярист Добровольскій и дворяне: Воскресенскій, Бушинскій, Федоровичъ 1-й, Васняцкій, Матусевичъ, Соболевскій, Лисовскій 1-й, Федоровичъ 2-й, Пастовскій, Грагольскій, Пузыревскій, Глотовъ, Судейкинъ, Чеплевскій, Лутохинъ,

Дюрюжинскій, Вавулинъ, Орелъ 1-й, Орелъ 2-й, Абуховскій и Лисовскій 2-й.

Рославльскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ штабсъ-капитанъ Богданъ Яковлевичъ Азанчевскій.

Пятисотенные: капитанъ Прозоркевичъ, штабсъ-капитаны: Есиповичъ, Судовскій.

Сотенные: Штабсъ-капитанъ Мильковскій, поручики: Потемкинъ, Роговцевъ, Кулешъ, Судовскій и Прикотъ. Подпоручики: Людоговскій, Есиповичъ 1-й, Есиповичъ 2-й и Курошъ; прапорщики: Потресовъ и Буланцевъ.

Пятидесятные: подпоручики: Кетлинъ и Андреевъ; прапорщики: Скугаревскій, Чигиръ и Тюпинъ; коллежскіе регистраторы: Рыковъ и Краткошеевъ, губернскій секретарь Белановецъ, губернскій регистраторъ Зефистъ, подпрапорщикъ Щербовъ, юнкеръ Сорневъ, унтеръ-офицеры: Ваулинъ, Душакъ, Будаевъ и Зинковичъ и дворянинъ Судовскій.

Гжатскаго уѣзда:

Тысячный начальникъ подпоручикъ Глѣбъ Ивановичъ Микулинъ.

Пятисотенные: титулярный совѣтникъ Даниловъ, прапорщикъ Власьевъ и коллежскій регистраторъ Сутолокинъ.

Сотенные: подпоручикъ Калакуцкій и дворяне: Бурковскій, Лебедевъ 1-й и Лебедевъ 2-й.

Списокъ этотъ составленъ въ маѣ мѣсяцѣ 1813 года.

Отношеніе Главнаго управленія начальника главнаго штаба всѣхъ армій отъ 15 января 1813 г. за № 157 на имя начальника смоленскаго ополченія ген.-л. Лебедева [1].

«Смоленскаго ополченія маіоръ Подушкинъ, будучи командированъ для препровожденія плѣнныхъ, дѣлалъ имъ самыя безчеловѣчныя и тираническія истязанія, до того, что изъ 4.000 ввѣрен-

---

1 Архивъ смол. губерн. правленія.

ныхъ ему плѣнныхъ, 2.000 сдѣлались жертвою его жестокости и тиранства.

Его Свѣтлость, князь Смоленскій, получа о семъ донесеніе, приказалъ маіора Подушкина непремѣнно отыскать и представить къ нему.

Какъ же Подушкинъ прошлаго 3-го декабря находился въ Рославлѣ и оттоль неизвѣстно куда отлучился, то я обращаюсь къ вашему превосходительству и покорнѣйше прошу приказать его непремѣнно отъискать и представить къ его свѣтлости. Г-нъ главнокомандующій поставляетъ въ непремѣнную обязанность вашу сдѣлать по сему точное исполненіе. Въ противномъ же случаѣ, если Подушкинъ отъисканъ не будетъ, то его свѣтлость возлагаетъ отвѣтственность за поступокъ его на ваше превосходительство за то, что вы удостоили порученія такого офицера, который не заслуживаетъ такой довѣренности. Подписано: генералъ-лейтенантъ Князь Волконскій. г. Іоганисбургъ, въ Старо-Пруссіи».

Объ этомъ же, въ февралѣ 1813 г. сообщилъ Генералу Вистицкому, принявшему командованіе надъ ополченіемъ по смерти Лебедева, и губернаторъ баронъ Ашъ. Былъ-ли розысканъ Подушкинъ, въ дѣлѣ нѣтъ свѣдѣній.

Свѣдѣнія о движеніи Смоленскаго ополченія. [1]

Августа 10 генералъ-квартирмейстеръ, генералъ-маіоръ Вистицкій передалъ генералъ-лейт. Лебедеву приказаніе князя Багратіона о томъ, чтобы все Смоленское ополченіе было собрано 11 августа утромъ или около обѣда къ городу Дорогобужу, а конные ополченцы—въ деревню Пушкарщину, въ 5 верстахъ отъ Дорогобужа, по ельнинской дорогѣ, гдѣ стояли Донскіе казаки.

Того же 10 августа передано приказаніе Багратіона принять присланныхъ плѣнныхъ и отправить ихъ въ Вязьму.

11 августа 1812 г. изъ лагеря при Дорогобужѣ командиръ

---

[1] Извлечены изъ дѣлъ архива Смолен. двор. деп. собр.

4 резервнаго кавалерійскаго корпуса генералъ-маіоръ графъ Сиверсъ писалъ генер.-лейт. Лебедеву слѣдующее:

«По повелѣнію его сіятельства, г-на главнокомандующаго 2-ю западною арміею генерала отъ инфантеріи и кавалера князя Багратіона оставленъ я здѣсь съ 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, 27 пѣхотною дивизіею и состоящей у вашего превосходительства милиціею съ предписаніемъ располагать по моему усмотрѣнію всѣми оными частями для защиты города Дорогобужа на обоихъ берегахъ рѣки Днѣпра, почему мнѣ нужно имѣть свѣдѣніе о наличномъ числѣ ратниковъ и чиновниковъ при вашемъ превосходительствѣ, за исключеніемъ нынѣ на работѣ при Дорогобужѣ состоящихъ, которое свѣдѣніе прошу вашего превосходительства чрезъ сего нарочнаго доставить, дабы я могъ безъ замедленія сдѣлать распоряженіе гдѣ какую часть расположить. Такъ какъ Сычевской округи ратники всѣ находятся на работѣ въ позиціи, то командиръ оныхъ капитанъ 2 ранга господинъ Мельниковъ мною при нихъ оставленъ».

Того же 11 августа генералъ-маіоръ Невѣровскій сообщилъ, что по приказанію князя Багратіона Смоленское ополченіе прикомандировано для дѣйствій къ его дивизіи и просилъ выслать къ нему одного офицера для принятія приказанія, а съ нимъ доставить свѣдѣніе о числѣ ратниковъ.

Августа 13 дежурный генералъ при 1 западной арміи сообщилъ Лебедеву предписаніе главнокомандующаго о томъ, чтобы все ополченіе съ обозомъ и «экипажами слѣдующихъ за онымъ обывателей» шло въ Вязьму проселочными дорогами, отнюдь не занимая большой дороги, чтобы не препятствовать движеніямъ арміи. Если же малыхъ дорогъ вдоль большой не окажется, то ополченію разрѣшено идти по большой дорогѣ не менѣе какъ въ 15 верстахъ отъ арміи, форсированными маршами, отнюдь не дѣлая ночлеговъ, но только короткіе привалы.

Августа 14 ополченію было приказано расположиться около Вязьмы лагеремъ, на мѣстѣ, которое будетъ указано начальникомъ инженеровъ генералъ-лейтенантомъ Трузсономъ, при чемъ предписано обозъ помѣстить въ отдаленіи отъ лагеря, не занимая большой дороги.

Августа 15 приказано отъ г.-л. Трузсона не принимать лагернаго мѣста, а идти съ обозомъ на Сычевку, а въ распоряженіе Трузсона оставить нужное число ратниковъ для работъ, снабдивъ ихъ провіантомъ на 6 дней.

Августа 19 Лебедеву было отдано Барклаемъ-де-Толли спѣшное приказаніе идти съ ополченіемъ изъ Сычевки на Можайскъ, идя туда проселками и не занимая большой дороги.

Августа 23 начальникъ главнаго штаба генералъ Ермоловъ просилъ Лебедева сообщить, когда ополченіе прибудетъ къ Можайску и съ тѣмъ вмѣстѣ передалъ приказаніе Кутузова о томъ, чтобы часть ополченія была командирована въ распоряженіе генералъ-маіора Левицкаго, для употребленія при обозахъ, при отправленіи и препровожденіи больныхъ и раненыхъ и при обезпеченіи провіантскихъ транспортовъ, а остальныхъ ополченцевъ распредѣлить по корпусамъ, «гдѣ они будутъ всѣ тѣ должности отправлять, которыя отвлекаютъ строевыхъ людей отъ полковъ», при чемъ это распредѣленіе должно быть выполнено какъ можно поспѣшнѣе.

Къ Левицкому, согласно его требованію отъ 23 августа, было отправлено 1.000 чел. пѣшихъ и 200 конныхъ ополченцевъ.

Августа 25 дежурный генералъ требовалъ 500 человѣкъ для конвоированія раненыхъ и плѣнныхъ до Можайска.

Августа 26 изъ главной квартиры въ Можайскѣ поступило требованіе, изъ котораго видно, что хотя отъ ополченія и было отряжено 250 ратниковъ, но ихъ, по случаю большого числа раненыхъ, недостаточно и поэтому требовалось еще 100 человѣкъ съ офицеромъ.

Августа 31 было получено послѣднее приказаніе главнокомандующаго идти со всѣмъ ополченіемъ къ д. Сетунь, что на большой дорогѣ, о прибытіи немедленно донести, съ представленіемъ вѣдомости о наличномъ числѣ ополченія.

Ноября 8 отъ генерала Коновницына было отправлено на имя генерала Лебедева слѣдующее письмо:

«Для устроенія полиціи, необходимой для водворенія благоустройства Смоленской губ., покорно прошу Ваше Превосходительство, по требованію г. губернатора Каверина, наряжать къ нему

нужную команду изъ ввѣреннаго Вамъ ополченія и особо отряжать благонадежныхъ чиновниковъ, коихъ бы могъ онъ употреблять по должностямъ городской и земской полиціи».

Высочайшій указъ отъ 30 марта 1813 г. о роспускѣ Смоленскаго и Московскаго ополченій.

Изъ народныхъ государственныхъ силъ, столь единодушно и ревностно въ защиту Отечества ополчившихся, прежде всѣхъ составились Смоленское и Московское ополченіе. Они первыя встрѣтили непріятеля и мужественнымъ сопротивленіемъ и многократными съ нимъ битвами оказали усердіе свое и заслуги. Нынѣ, по истребленіи врага въ предѣлахъ Нашихъ, уже далеко за оными, не дерзаетъ онъ предъ побѣдоноснымъ Нашимъ воинствомъ появляться. Почему, въ силу обнародованнаго Нами обѣщанія, освобождая Смоленское и Московское ополченіе отъ пребыванія на службѣ, повелѣваемъ Мы, изъявляя къ нимъ Монаршее Наше благоволеніе и признательность, распустить оныя по домамъ. Да обратится каждый изъ храбраго воина паки въ трудолюбиваго земледѣльца, и да наслаждается посредѣ родины и семейства своего пріобрѣтенною имъ честію, спокойствіемъ и славою».

Представленіе губернскаго предводителя дворянства Смоленскому гражданскому губернатору отъ 16 сентября 1816 г. за № 817.[1]

Имѣю честь представить Вашему Превосходительству мнѣніе мое. Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Николаевичъ Яфимовичъ, послѣ отличнаго 35 лѣтъ происхожденія служенія своего, которое оставилъ по слабости здоровья, получа въ награду пенсіонъ 1,000 руб., жительствуетъ въ г. Смоленскѣ. Предъ самымъ нашествіемъ непріятеля подалъ первый примѣръ къ

---

1 Архивъ смол. дворян. деп. собранія.

вооруженію добровольнаго земскаго ополченія и изъ состоящихъ за нимъ десяти только душъ дворовыхъ людей, поставилъ воина, предлагая и себя къ служенію по волѣ дворянъ, а дабы исполнить долгъ вѣрноподданнической присяги, оставивъ домъ со всѣмъ имуществомъ, удалился въ Симбирскую губернію, гдѣ въ долговременномъ пути отъ невыгодной жизни лишился дочери. А по возвращеніи въ Смоленскъ отъ тѣхъ же послѣдствіевъ лишился и послѣдней. Нашедъ домъ свой разореннымъ, а имѣніе все непріятелемъ ограбленнымъ, чѣмъ нанесено ему убытка на 32.250 р. Получалъ онъ до разоренія ежегодно отъ разныхъ хозяйственныхъ заведеніевъ и экономіи не малый доходъ. Нынѣ положеніе г. Яфимовича съ семействомъ его крайне бѣдное и день отъ дня становится гибельнѣе. Хотя жъ мною и было представлено его свѣтлости господину генералъ-фельдмаршалу князю Салтыкову объ устройствѣ судьбы г. Яфимовича, но и до нынѣ никакого удовлетворенія не послѣдовало. Одно средство улучшить его положеніе—представить исключительно воззрѣнію только милосерднаго Монарха. О чемъ испрашиваю представленія Вашего Превосходительства Его Сіятельству графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, съ мнѣніемъ его, г. Яфимовича отвѣта къ нему предместника моего и представленія моего о немъ его свѣтлости на благоусмотрѣніе Вашему Превосходительству точныя копіи при семъ представляю. Губернскій предводитель Федоръ Лыкошинъ.

Записка о ходѣ народной войны въ 1812 году. [1]

По г. Бѣлому и Бѣльскому уѣзду.

По отбытіи изъ г. Смоленска губернскаго начальства и по занятіи его французами, бѣльскія присутственныя мѣста перевезены были въ г. Зубцовъ Тверской губерніи, къ которой на то время онъ былъ и причисленъ, а въ Бѣломъ и уѣздѣ его оставались бывшіе тогда: предводитель Бѣльскаго дворянства надворный совѣтникъ

---

[1] Извлечена изъ дѣлъ архива смол. губерн. правленія.

Левъ Ивановичъ Колѣновъ, исправникъ, титулярный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Богуславскій и городничій, колежскій ассесоръ Михаилъ Андреевичъ Адамовичъ, изъ коихъ первый благоразумными распоряженіями своими весьма много способствовалъ къ сохраненію въ уѣздѣ спокойствія. Въ военномъ же отношеніи Бѣльскій уѣздъ охранялся отрядомъ казаковъ подъ командою полковника Дибича и составленнымъ изъ жителей подъ личнымъ распоряженіемъ г. Предводителя Колѣнова внутреннимъ охраннымъ войскомъ, которое ввѣрено было избраннымъ дворянамъ, въ числѣ коихъ, какъ извѣстно, находились: майоръ Дмитрій Борейша, поручикъ Андрей Борейша, поручикъ Лабутъ, подпоручикъ Григорій Майдановичъ и прапорщикъ Петръ Борщевскій. Сверхъ того многіе заслуженные чиновники, находившіеся уже тогда въ отставкѣ, снова вступили въ ряды храбрыхъ русскихъ воиновъ и одинъ изъ нихъ, а именно гвардіи полковникъ Потемкинъ, тяжело раненый въ Бородинскомъ сраженіи, былъ захваченъ въ плѣнъ и тамъ, на рукахъ враговъ отечества, умеръ отъ изнеможенія и болѣзни. Г. Колѣновъ устроилъ въ домѣ своемъ больницу для раненныхъ русскихъ воиновъ, число которыхъ простиралось иногда до 200 человѣкъ и пользовалъ ихъ собственнымъ иждивеніемъ, черезъ приглашеннаго имъ нарочно изъ г. Ржева лекаря, а Бѣльскій помѣщикъ коллежскій ассесоръ Миллеръ, съ успѣхомъ занимающійся и теперь врачеваніемъ, пользовалъ въ имѣніи своемъ раненыхъ и больныхъ русскихъ офицеровъ. Всѣ сословія соревновали дворянству въ любви и преданности къ отечеству. Два случая, о которыхъ упоминается ниже сего, свидѣтельствуютъ о ихъ усердіи. Партія непріятельскихъ фуражировъ болѣе нежели изъ 200 человѣкъ состоявшая, дойдя до селенія Казулина, находящагося на большой отъ г. Дорогобужа къ Бѣлой дорогѣ, усмотрѣли вдругъ бивачные огни и пикеты изъ вооруженныхъ дворовыхъ людей составленные, не рѣшились уже идти прямо селеніемъ, но обойдя проселочною дорогою, сдѣлали въ ночи нападеніе на село Бѣлый Берегъ; между тѣмъ дворовые люди с. Казулина, собравъ окольныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, пошли вслѣдъ за непріятелями, которые, увидя себя окруженными толпою поселянъ, до 500 человѣкъ простиравшеюся, начали отступать съ оставленіемъ на пути всего ими награбленнаго и съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ уби-

тыми и плѣнными. Другой случай, означающій также духъ мужества и любовь къ родинѣ, состоитъ въ слѣдующемъ. Отрядъ французовъ числомъ до трехъ тысячъ человѣкъ съ четырьмя пушками, слѣдовавшій отъ г. Духовщины къ Бѣлой по большой смоленской дорогѣ, захватилъ д. Новоселокъ крестьянина Семена Силаева, принадлежавшаго помѣщику Воеводскому, для указанія пути къ удобнѣйшему проходу въ Бѣлую мѣстами свѣжими и не опустошенными еще войною; но ни обѣщаньями, ни угрозами, ни жестокостями наказанія командовавшій тѣмъ отрядомъ генералъ не могъ вынудить у него правды; выведены были изъ фронта солдаты съ заряженными ружьями разстрѣливать его, но и тутъ онъ все увѣрялъ, что дорога не проходима, что на всемъ пространствѣ непроходимаго Свитскаго Мха, который въ то время былъ совершенно сухъ, мосты сожжены и подѣланы засѣки и окопы, которые защищаются многочисленнымъ корпусомъ, прибывшимъ изъ Осташкова, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ въ г. Бѣлой былъ только небольшой отрядъ казаковъ и тотъ готовился уже къ отступленію. Потомъ, когда они предложили ему золото, требуя провести на с. Чичаты, то онъ хотя и объявилъ имъ, что дорога тѣсна и завалена лѣсомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ, что войско и поселяне того и ждутъ, чтобы они вошли въ лѣсъ для выгоднаго на нихъ нападенія. И такъ французы, предупрежденные крестьяниномъ Силаевымъ въ невыгодности ихъ положенія, перешли обратно за рѣку и разломали за собою мосты.

По г. Рославлю и Рославльскому уѣзду.

Во время занятія непріятелемъ Смоленска и ретирады французской арміи Рославльскій уѣздъ былъ поприщемъ ежедневныхъ стычекъ между многочисленными партіями непріятельскихъ мародеровъ и вооруженными отрядами крестьянъ, собранныхъ и предводительствуемыхъ оставшимися дворянами. Кордонный начальникъ князь Тенишевъ переловилъ болѣе 400 мародеровъ и дѣятельно защищалъ уѣздъ отъ набѣговъ непріятельскихъ, какъ о томъ удостовѣряетъ данное ему отъ дворянъ свидѣтельство, за что по представленію главнокомандующаго князя Кутузова, удостоился Высочайшаго вниманія и награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени. Дѣйствія его описаны подробно въ книгѣ, изданной коллежскимъ ассесоромъ А. Федоровымъ, подъ заглавіемъ: «Патріо-

тическіе подвиги князя Ивана Григорьевича Тенишева» и въ журналѣ: «Отечественныя записки 1826 года» въ статьѣ «Преданность государю и отечеству жителей Смоленской губерніи».

Въ то же время тогдашній исправникъ Рославльскаго уѣзда г. Семичевъ въ разъѣздѣ съ партіею казаковъ по брянской дорогѣ былъ убитъ непріятельскимъ отрядомъ, направленнымъ къ брянскимъ арсеналамъ.

Купцы и мѣщане г. Рославля также на свой счетъ вооружили и содержали около 400 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, изъ среды своихъ выбранныхъ, которые были раздѣлены на нѣсколько партій и дѣлали разъѣзды въ Рославльскомъ и ближайшихъ уѣздахъ, отыскивали и преслѣдовали мародеровъ и болѣе 300 человѣкъ взятыхъ ими плѣнныхъ препроводили въ Брянскъ, Орелъ и Мглинъ. Конный отрядъ изъ купцовъ и мѣщанъ числомъ 150 человѣкъ, въ сельцѣ Козловкѣ былъ обойденъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ, потерпѣлъ совершенное пораженіе и потерялъ 12 человѣкъ убитыми, 17 тяжело ранеными и 20 плѣнными.

По г. Гжатску и Гжатскому уѣзду.

Особыхъ частныхъ подвиговъ въ виду нѣтъ, но всѣ вообще жители, имѣвшіе несчастіе оставаться въ окрестныхъ селеніяхъ, вооружались противъ непріятельскихъ отрядовъ и изъ числа ихъ вотчины помѣщицъ Каровой и Бѣлкиной два бурмистра дер. Крупицъ Игнатъ Никитинъ и Галактіонъ Максимовъ, за особенное въ томъ участіе, награждены знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія.

По г. Вязьмѣ и Вяземскому уѣзду.

Во время занятія непріятелемъ г. Вязьмы и его уѣзда, народъ не хотѣлъ повиноваться властямъ, не отъ законнаго царя поставленнымъ и предпочелъ лучше оставить свои жилища на разграбленіе, нежели управляться иноземною волею, а потому дворяне, жители городовъ и дворовые люди удалились въ разныя безопасныя отъ нашествія непріятеля губерніи, а крестьяне скрывались въ лѣсахъ при набѣгахъ мародеровъ.

По Сычевскому уѣзду.

При слѣдованіи непріятеля въ 1812 году изъ Смоленска черезъ сосѣдственные уѣзды Гжатскій и Вяземскій и при обратной

ретирадѣ его изъ Москвы тѣмъ же трактомъ, въ Сычевскомъ уѣздѣ весьма часто появлялись большими отрядами непріятельскіе мародеры для отысканія фуража.

Жители г. Сычевокъ и уѣзда подъ предводительствомъ бывшихъ тогда: дворянства предводителя, коллежскаго секретаря Николая Нахимова, земскаго исправника, губернскаго секретаря Евстафія Богуславскаго, отставного майора Емельянова и вотчинныхъ начальниковъ къ предохраненію селеній отъ истребленія, вооруживъ себя, съ чрезвычайнымъ мужествомъ и неустрашимой храбростью сражались съ непріятелемъ, поражали его и забирали въ плѣнъ. Г. Сычевки и уѣздъ были тогда подъ непосредственнымъ управленіемъ гг. дворянства предводителя, исправника и городничаго, за что гг. Нахимовъ и Богуславскій получили высочайшее награжденіе орденомъ св. Владимира 4-й степени, а майоръ Емельяновъ, способствовавшій имъ въ томъ, убитъ непріятелемъ. Сычевскій помѣщикъ штабъ-капитанъ Николай Тимашевъ за отличныя дѣйствія противъ непріятеля получилъ слѣдующій чинъ. Управляющіе имѣніемъ сычевскихъ помѣщиковъ: оберъ-егермейстерши графини Моденъ—изъ крестьянъ Агапій Ивановъ, генералъ-маіорши Ломоносовой—Сергѣй Мироновъ, экономическій Баскаковской вол. голова Василій Никитинъ, оберъ-провіантмейстерши Настасьи Олонкиной—бурмистръ Максимъ Васильевъ, крестьянинъ Андрей Степановъ и графа Гудовича—бурмистръ Антонъ Антоновъ, вооружа крестьянъ господъ своихъ и начальствуя надъ ними, одушевляли ихъ благоразумными внушеніями къ единодушнымъ подвигамъ на изгнаніе непріятеля изъ Сычевскаго уѣзда, наводили съ мужественною неустрашимостью на непріятеля, поражали отряды и значительное число было взято въ плѣнъ съ отправленіемъ въ г. Сычевки; за это и храбрость получили всемилостивѣйшее награжденіе знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія съ серебряными медалями въ память 1812 года. Сычевскій городничій надворный совѣтникъ Павелъ Карженковскій за благоразумное распоряженіе, пріятое къ безопасности города—отправленіе вооруженныхъ обывателей для поисковъ непріятеля—всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. Инвалидной команды поручикъ Аксентій Подлуцкій за содѣйствіе въ распоряженіяхъ

городничаго со стороны внутренней стражи награжденъ слѣдующимъ чиномъ. Членъ городовой ратуши—бургомистръ Масленниковъ, ратманы Денисовъ и Байдуринъ за вспомоществованіе городничему къ вооруженію и распредѣленію обывателей на защиту города награждены серебряными медалями для ношенія на шеѣ на владимирской лентѣ, квартальный надзиратель, губернскій секретарь Василій Леоновъ за храбрость въ сшибкахъ съ непріятелемъ и за благоразумныя мѣры, принятыя въ сраженіи въ то время, когда былъ убитъ майоръ Емельяновъ, награжденъ слѣдующимъ чиномъ.

Обыватели г. Сычевокъ, бывшіе въ сраженіяхъ противъ непріятеля, получили по Высочайшему повелѣнію благоволеніе и по пяти руб. въ награду.

По г. Порѣчью и уѣзду.

Въ отечественную войну 1812 года, когда первая западная армія подъ предводительствомъ князя Барклая-де-Толли, при отступленіи отъ Витебска къ Смоленску, 18 іюля прибыла въ Порѣчье, тогда жители города и дворяне, по усердію своему къ храбрымъ защитникамъ отечества, доставили проходившимъ войскамъ на четыре дня продовольствіе безъ всякой платы и оказывали всякое возможное пособіе русскимъ раненымъ, а равно и плѣннымъ французамъ, слѣдовавшимъ при арміи. По занятіи Смоленска непріятелемъ, нѣсколько отважныхъ мѣщанъ, вооружась пиками и другимъ орудіемъ, дѣлали разъѣзды въ видѣ казаковъ, нападали на небольшіе отряды и брали ихъ въ плѣнъ. Однажды предводительствовавшій этою разъѣздною партіею мѣщанинъ Никита Минченковъ захватилъ французскаго курьера съ депешами и представилъ его въ армію къ главнокомандующему, за важность которыхъ и за мужественный поступокъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія и впослѣдствіи по Высочайшему повелѣнію всемилостивѣйше пожаловано ему и его подвижникамъ, забиравшимъ мародеровъ и отбившимъ одного орла пѣхотнаго полка, девять тысячъ рублей. Бывшій тогда въ Порѣчскомъ уѣздѣ исправникъ Бининъ съ 16 человѣками дворянъ и дворовыми людьми напалъ на отрядъ непріятеля въ числѣ 28 человѣкъ шедшихъ въ городъ Порѣчье, изъ котораго одного убили, двухъ ранили, а остальныхъ взяли въ плѣнъ.

По г. Ельнѣ и Ельнинскому уѣзду.

Исторія гор. Ельни въ 1812 году представляетъ такую же поражающую картину разоренія и опустошенія, какой подверглись и другіе города. Жители города Ельни, пораженные извѣстіемъ о занятіи французами Смоленска, забравъ скотъ, лошадей и нѣкоторое имущество, скрывались со всѣми семействами въ лѣсахъ. 17 августа продвинулась къ Ельнѣ слѣдовавшая изъ Могилева черезъ Мстиславль французская конница съ артиллеріею подъ командою генерала Домбровскаго и остановилась у Смоленской заставы; узнавъ же, что городъ оставленъ жителями, безпрепятственно вошла въ него и забравъ оставшіеся съѣстные припасы и часть имущества, на другой день выступила по вяземской дорогѣ. Другіе непріятельскіе отряды, проходя черезъ Ельню, также грабили все, что имъ попадалось, случайно открывая прятавшихся жителей, лишали ихъ послѣдняго. Особенно примѣчателенъ нанесеніемъ вреда отрядъ подъ командою генерала Ожеро, который расположась частью въ городѣ, а частью за городомъ на зимнія квартиры, обнесъ улицы тыномъ и полисадами, и оставался въ укрѣпленномъ положеніи до прибытія россійскихъ войскъ. Выступая же изъ Ельни, ознаменовалъ его сожженіемъ до 40 домовъ. По изгнаніи французовъ 1-го ноября прибылъ въ Ельню съ первою западною арміею главнокомандующій свѣтлѣйшій князь Кутузовъ Смоленскій, пробылъ два дня и отправился къ городу Красному. Успокоенные жители начали собираться въ дома, но бѣдность и опустошеніе долгое время послѣ того показывали разрушительныя дѣйствія войны.

Дворянство Ельнинскаго уѣзда, могшее носить оружіе, поступало на службу въ дѣйствовавшія арміи и формировавшіяся ополченія, прочія семейства, заключавшіяся въ престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, по занятіи непріятелемъ Смоленска, выѣхали изъ домовъ въ разные сосѣдніе уѣзды и губерніи и возвращались оттоль по изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Смоленской губерніи.

Многіе изъ обывателей, вооружаясь на защиту отъ непріятеля, лишились жизни, а также нѣкоторые помѣщичьи крестьяне, усердствуя къ пользѣ господъ своихъ, выѣхавшихъ изъ имѣній, сберегали часть достояній, оставленныхъ владѣльцами ихъ, даже съ по-

терей собственной жизни, при чемъ были случаи, что брали въ плѣнъ французовъ и доставляли ихъ въ городъ Юхновъ, въ находившійся тамъ отрядъ ополченія.

Записка объ отличіяхъ, оказанныхъ противъ непріятеля. [1]

1) Смоленскій губернаторъ, рапортомъ отъ 26 іюня 1815 года № 4989 проситъ сенатора Каверина объ исходатайствованіи награды: коллежскому регистратору Евреинову, служившему въ Дорогобужскомъ ополченіи, который выносилъ раненыхъ въ Бородинскомъ сраженіи подъ пулями, содѣйствовалъ устройству переправъ и полевыхъ укрѣпленій во время сраженій, а затѣмъ, исправляя должность дорогобужскаго почтмейстера, оказалъ много услугъ по уборкѣ труповъ и коллежскому регистратору Лихареву, служившему въ томъ же ополченіи и потомъ командированному для сопровожденія партій военно-плѣнныхъ въ Оренбургскую губернію.

2) Ходатайство губернатора о награжденіи Юхновскаго предводителя дворянства титулярнаго совѣтника Семена Храповицкаго, который командовалъ собраннымъ имъ въ уѣздѣ отрядомъ, отразилъ наступленіе партій непріятельскихъ мародеровъ на Юхновъ и способствовалъ вооруженію дворянъ, независимо отъ выступившаго на войну ополченія, съ которыми и защищалъ уѣздъ отъ вторженія французовъ.

3) Ходатайство духовщинскаго предводителя о награжденіи корнета Якова Скрыдло, отличившагося въ истребленіи непріятельскихъ партій.

4) Прошеніе Рославльскаго помѣщика князя Тенишева объ исходатайствованіи ему награды за защиту жителей отъ непріятельскихъ мародеровъ и удержаніе крестьянъ въ повиновеніи властямъ.

5) Рапортъ сычевскаго предводителя дворянства 3 сентября 1812 года за № 162 на имя главнокомандующаго князя Кутузова о дѣйствіяхъ отрядовъ, составленныхъ имъ и исправникомъ Богуслав-

---

[1] Извлечена изъ дѣлъ архива смол. дворян. деп. собранія.

скимъ изъ сычевскихъ крестьянъ. Изъ рапорта этого видно, что съ 18 августа по 3 сентября Сычевскіе партизаны убили 572 и взяли въ плѣнъ 325 человѣкъ, въ томъ числѣ трехъ оберъ-офицеровъ и сами потеряли убитыми 44 и ранеными 67 человѣкъ.

6) Такой же рапортъ отъ 30 сентября за № 170 о томъ, что за время съ 19 августа по 10 сентября было убито 622 и взято въ плѣнъ 335 непріятелей, въ томъ числѣ 4 офицера, а съ 10 по 30 сентября еще убито 1,098 человѣкъ, въ томъ числѣ 2 офицера, и взято въ плѣнъ 235 человѣкъ, потери же съ нашей стороны за этотъ періодъ были 92 человѣка убитыми и 115 ранеными. Вмѣстѣ съ тѣмъ предводитель дворянства доноситъ, что особенно отличились изъ партизановъ предводительствовавшіе крестьянскими партіями: управляющій вотчиною графини Моденъ Агапій Ивановъ, бурмистръ г-жи Олонкиной Максимъ Васильевъ, приказчикъ ея же имѣнія Андрей Степановъ, экономическій голова Баскаковской волости Василій Никитинъ, крестьянинъ вотчины графини Гудовичъ Антонъ Федоровъ.

Оба эти рапорты были присланы къ Смоленскому губернатору при письмѣ Барклая-де-Толли въ іюнѣ 1813 года для удостовѣренія дѣйствительности оказанныхъ Нахимовымъ и Богуславскимъ отличій.

Дальше изъ дѣла видно, что крестьянамъ с. Спасенокъ, Сычевскаго уѣзда, былъ выданъ похвальный листъ, а пономарю Смирягину, начальствовавшему надъ ними—знакъ отличія военнаго ордена.

7) Отношеніе Сычевскаго предводителя дворянства Нахимова отъ 31 іюля за № 218 о засѣдателѣ земскаго суда, лейтенантѣ Граблиновѣ, участвовавшемъ вмѣстѣ съ предводителемъ и исправникомъ Богуславскимъ въ набѣгахъ на непріятеля.

8) Рапортъ его же о томъ, что Граблинову не было дано никакой награды за непредставленіемъ послужнаго списка, а также ходатайство о выдачѣ медалей въ память войны 12-го года сычевскому купцу Мельникову, сотеннымъ Изренкову и Щеникову и пятидесятникамъ Милееву, Тяполовскому, Костину и Мельникову, выбраннымъ жителями г. Сычевокъ.

9) Отношеніе губернскаго предводителя дворянства Лыкошина отъ 21 января 1814 года объ отличившихся дворянахъ: Бѣль-

скаго уѣзда—поручикѣ Герасимѣ Борейшѣ, Духовщинскаго—маіорѣ Семенѣ Гриневѣ и коллежскомъ регистраторѣ Федорѣ Василевскомъ, Юхновскаго—ротмистрѣ Александрѣ Бѣльскомъ, штабсъ-капитанѣ Яковѣ Волковѣ и корнетѣ Алексѣѣ Марковѣ, Сычевскаго—лейтенантѣ Мельниковѣ и Порѣчскаго—поручикѣ Василіи Длотовскомъ, которые вооружа крестьянъ своихъ и разнаго званія людей, дѣлали разъѣзды, отражали многія непріятельскія партіи отъ границъ своихъ уѣздовъ.

Отношеніе Смоленскаго губернскаго предводителя дворянства на имя Смоленскаго гражданскаго губернатора, отъ 18 ноября 1824 г. за № 1308 о прапорщикѣ Храповицкомъ [1].

Ваше превосходительство, при отношеніи ко мнѣ за № 5552 препровождая въ копіи просьбу прапорщика Петра Храповицкаго объ оказаніи ему за учиненныя въ 1812 году противу непріятеля подвиги, Монаршей милости, на имя Высочайше учрежденнаго комитета имъ поданную—изволите требовать надлежащаго съ моей стороны о семъ удостовѣренія.

Вслѣдствіе сего я предписывалъ Порѣчскому господину уѣздному предводителю дворянства, который нынѣ доноситъ мнѣ, что упоминаемый прапорщикъ Храповицкій, во время непріятельскаго въ Смоленскую губернію нашествія, дѣйствительно участвовалъ въ истребленіи французскихъ фуражировъ и мародеровъ, потомъ взятъ былъ оными въ плѣнъ, а изъ Смоленска бѣжалъ. Изъ имѣющихся же при дѣлахъ депутатскаго дворянскаго собранія въ копіи свидѣтельства отъ бывшаго порѣчскаго господина уѣзднаго предводителя Фроловскаго и сорока человѣкъ дворянъ того уѣзда ему Храповицкому въ маѣ мѣсяцѣ 1813 года даннаго, между прочимъ значитъ, что онъ ный Храповицкій, во время нашествія непріятельскихъ французскихъ войскъ, не успѣвши выѣхать въ другія губерніи, скрывался въ лѣсахъ Порѣчскаго уѣзда и составя изъ 27-ми чело-

1 Изъ архива смол. губерн. правленія.

вѣкъ крѣпостныхъ своихъ людей конную команду, вооруженную пиками и огнестрѣльнымъ оружіемъ, дѣлалъ неоднократныя на отряды непріятельской арміи, соразмѣрныя сему его ополченію, нападенія,—которыхъ часто и удачно поражая бралъ въ плѣнъ, а отбиваемое у нихъ имущество и прочіе пожитки, заграбленные ими въ домахъ разныхъ обывателей, возвращаемы были отъ него, Храповицкаго, по принадлежности, что и теперь нѣкоторыя въ данныхъ ими господину Порѣчскому предводителю объясненіяхъ подтверждаютъ. По взятіи же его, 4 октября 1812 года, отрядомъ французской конницы въ плѣнъ, онъ претерпѣвалъ непомѣрныя истязанія до самаго побѣга своего.

О чемъ извѣщая Ваше Превосходительство, имѣю честь присовокупить, что сія служба прапорщика Храповицкаго не считалась въ числѣ ополченія, 1812 года отъ губерніи собраннаго, но извѣстно мнѣ, что нѣкоторые изъ гг. дворянъ того уѣзда съ своими дворовыми людьми частно ополчались и для истребленія нападали на непріятельскія партіи въ числѣ коихъ извѣстный господинъ подполковникъ Павелъ Энгельгардтъ, который по взятіи французами въ плѣнъ, разстрѣлянъ въ Смоленскѣ, а бывшій тогда Порѣчскій предводитель Баранцовъ сильною непріятеля партіею разбитъ будучи—съ вооруженными людьми удалился въ Тверскую губернію, послѣ того умеръ. Губернскій дворянства предводитель и кавалеръ Сергій Лесли.

Рапортъ сычевскаго уѣзднаго Предводителя Нахимова сенатору Каверину отъ 4 ноября 1812 г. за № 204. [1]

Его Высокопревосходительству господину тайному совѣтнику сенатору калужскому гражданскому губернатору и кавалеру.

Отъ Сычевскаго Дворянства Предводителя

РАПОРТЪ.

Имѣя счастіе находиться подъ начальствомъ Вашего Высокопревосходительства за должное поставлю донести, что непріятель

[1] Архивъ смол. дворян. деп. собранія.

проходя къ Москвѣ отъ Смоленска Вяземскую округу, входилъ разными отдѣленіями и въ Сычевскую, дѣлалъ убивства, грабительства, сожигалъ домы господскіе и селенія крестьянъ, скотъ, лошадей и все имущество забиралъ съ собой, даже и храмы Божіи не остались безъ ограбленія; но какъ по приближенію непріятеля по распоряженію моему были вооружены въ каждомъ селеніи крестьяне пиками, учредя по очереди изъ оныхъ конные разъѣзды, которые слыша или замѣтя о непріятелѣ должны немедля давать знать г. исправнику и въ ближайшія селеніи и чтобы изъ селеній вооруженные крестьяне по первому извѣстію немедленно являлись къ назначенному мѣсту при томъ убѣждая что за вѣру, отечество и Августѣйшаго Государя нашего не должно щадить жизни, что сколько на ихъ сердцахъ подѣйствовало по расторопности г. исправника и къ тому видя и слыша ужасные разоренія непріятелей, что при каждомъ появленіи оныхъ не только съ стремленіемъ стекались вооруженные пиками, но даже съ косами и кольями и по командѣ исправника окружа не страшась пуль и штыковъ бросались на непріятеля, поражали сихъ, въ плѣнъ брали, а иногда разсѣвали и дѣлая нападенія на непріятельскія отряды съ 19 августа по 25 октября убито нашими 1,760 человѣкъ, въ томъ числѣ штабъ и оберъ офицеровъ 6, въ плѣнъ взято 1,009, въ томъ числѣ оберъ офицеровъ 5 съ унтеръ-офицерами, съ нашей стороны крестьянъ убито: 97, ранено: 224 человѣка доставшіяся-жъ ружья отъ непріятелей розданы участвующимъ крестьянамъ и обращались на пораженіе ихъ, а въ недостаткѣ пороха и пуль мною и исправникомъ снабжались; неоднократно и я выѣзжалъ съ исправникомъ противъ большихъ партій непріятельскихъ для распоряженія и поощренія крестьянъ, но по большей части одинъ исправникъ находясь въ округѣ присутствовалъ распоряжалъ, поощрялъ и давалъ собою примѣръ крестьянамъ, о чемъ равно и объ участвующихъ я доносилъ въ главное дежурство и Его Императорскому Высочеству Принцу Георгію Голстенъ-Ондербургскому и хотя крестьяне сычевской округи подъ распоряженіемъ моимъ и г. исправника старались защитить и уменьшить непріятеля, но и за всѣмъ тѣмъ донесу Вашему Высокопревосходительству, что въ теченіи войскъ непріятельскихъ къ Москвѣ, много селъ и деревень выжгли, и многіе разграбили, и между тѣмъ многіе крестьянѣ начинали вы-

ходить изъ повиновенія своего начальства, но какъ я и исправникъ не отлучались отъ своихъ постовъ, а по большей части находились въ округѣ, то при началѣ еще возмущенія старались пресѣчь, и потому округа находятся во всемъ порядкѣ и тишинѣ и какъ по предписанію принца Георгія Голстейнъ Ондербургскаго октября съ 13-го, и находилась Смоленская губернія подъ начальствомъ Тверскаго г. гражданскаго губернатора, который отъ себя прислалъ тамошняго гражданской палаты совѣтника и кавалера Денисова для распоряженія, который въ нашей округѣ назначивъ чиновниковъ и сборныя мѣста поѣхалъ въ Бѣлую для онагожъ по предписанію коего отосланные изъ Сычевокъ всѣ архивы и дѣла въ Зубцовъ, возвращены и въ присутствіи моемъ въ Сычевкахъ присутственныя мѣста открыты. Подлинное подписалъ Сычевскаго дворянства предводитель Николай Нахимовъ.

Предложеніе Святѣйшему Правительствующему Синоду.

С.-Петербургъ 4 іюня 1813 г.

Вслѣдствіе опредѣленія Святѣйшаго Синода сего 3-го апрѣля, я препроводилъ къ управляющему военнымъ министерствомъ французскій знакъ и ландкарту Россіи, отбитыя Сычевскаго уѣзда села Савенокъ, пономаремъ Алексѣемъ Смирягинымъ обще съ крестьянами означеннаго села у французскаго офицера, предводительствовавшаго непріятельскою партіею.

Генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ увѣдомляетъ, что онъ доводилъ о семъ до высочайшаго свѣдѣнія, и что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ наградить пономоря Смирягина знакомъ отличія военнаго ордена, а крестьянамъ, участвовавшимъ въ семъ дѣлѣ дать похвальные листы.

Получивъ отъ князя Горчакова грамоту съ упоминаемымъ знакомъ, я препроводилъ оную къ смоленскому епископу для доставленія Смирягину, о чемъ долгомъ считаю во извѣстіе предложить Святѣйшему Синоду. К. Александръ Голицынъ». [1]

---

[1] «Народные подвиги въ 1812 г.» «Рус. Стар.» 1901 г. Май стр. 362.

Таблица

убытковъ, причиненныхъ отечественной войной 1812 года городскому и сельскому населенію Смоленской губерніи. [1]

ГОРОДА И УѢЗДЫ.	Число жителей		Число разоренныхъ жителей.	Число строеній		Число уничтоженныхъ и разоренныхъ строеній.	Сумма убытковъ въ рубляхъ.
	до войны.	послѣ войны.		до войны.	послѣ войны.		
Смоленскъ	15.000	10.000	—	2.250	350	1.900	6.292.404
Уѣздъ его	—	—	29.431	—	—	5.553	9.231.232
Вязьма	3.500	2.700	—	—	—	1.580	5.193.732
Уѣздъ его	—	—	31.986	—	—	7.580	9.935.191
Гжатскъ	3.079	2.363	—	793	—	793	6.130.209
Уѣздъ его	—	—	53.196	—	—	8.077	7.352.643
Красный	593	413	—	324	107	217	534.311
Уѣздъ его	—	—	29.570	—	—	—	4.711.889
Дорогобужъ	2.389	2.224	—	—	—	672	1.048.874
Уѣздъ его	—	—	32.403	—	—	2.353	7.132.369
Духовщина	570	562	—	300	63	237	363.070
Уѣздъ его	—	—	25.878	—	—	3.395	5.039.435
Порѣчье	1,424	1.314	—	611	448	163	463.246
Уѣздъ его	—	—	34.337	—	—	2.642	791.573
Ельня	—	—	—	—	—	38	116.248
Уѣздъ ея.	—	—	42.034	—	—	—	4.862.673
Рославль	—	—	—	—	—	2	249.894
Уѣздъ его	—	—	8.972	—	—	732	797.619
Сычевка	—	—	—	—	—	—	95.220
Уѣздъ ея.	—	—	24.264	—	—	1.093	2.370.680
Юхновъ	—	—	—	—	—	—	49.811
Уѣздъ его	—	—	15.408	—	—	265	1.694.040
ВСЕГО	26.555	19.576	327.479	4.278	968	37.292	74.456.363

1 Таблица эта составлена на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ архива смоленскаго губернскаго правленія и свѣдѣній, приведенныхъ Михайловскимъ-Данилевскимъ.

Свѣдѣнія о дѣятельности Храповицкаго Смоленскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства въ 1812 г. по показаніямъ его сына. [1]

Въ дни скорби, когда Наполеонъ вторгнулся въ предѣлы Россіи и когда войска его перешли предѣлы Бѣлоруссіи и вступили за рубежъ Смоленской губерніи, дворянство губерніи сей оставляло попелищи свои и слѣдовало во внутреннія губерніи Россіи, принося въ дань отечеству все кто что имѣлъ. Юхновскаго уѣзда г-нъ дворянской предводитель Семенъ Яковлевичъ Храповицкій хотѣлъ тоже, какъ и прочіе покинуть мирное свое жилище и отправляться далѣе; но бывъ возбужденъ вѣрою, духомъ привязанности и любви къ Царю и Отечеству, рѣшился жертвовать всѣмъ и принести даже себя самого въ пользу края родного. Три сына его, изъ которыхъ старшій еще съ незажившими ранами полученными имъ въ послѣднюю Турецкую кампанію были на сѣчѣ кровавой; но для него сего не было достаточно. Служа еще при Великой Екатеринѣ и постигая правила войны, онъ увидѣлъ ясно, что непріятель, слѣдуя изъ Смоленска по московской дорогѣ, можетъ сильными своими партіями захватывать значительный объемъ вправо и влѣво большой дороги и симъ способомъ получать всѣ потребные припасы войскамъ своимъ и даже занять калужскую дорогу, вознамѣрился по силѣ и возможности воспрепятствовать сему и демонстраціями пріостановить его. Пользуясь уваженіемъ и довѣренностью всѣхъ сословій уѣзда своего почтенный сей старецъ собралъ вокругъ себя до двухъ тысячъ человѣкъ ополченія сформировалъ изъ числа оныхъ нѣсколько десятковъ кавалеристовъ для разъѣздовъ и извѣщенія помѣстивъ въ оныя самыхъ расторопнѣйшихъ дворовыхъ людей; пригласилъ нѣкоторыхъ отставныхъ служившихъ въ военной службѣ дворянъ, распредѣлилъ ихъ командирами въ ополченіе сіе, и самъ и всѣ товарищи преднамѣренія его, вооружили чѣмъ только можно было, ружьями, пиками, сихъ воиновъ сильныхъ и крѣпкихъ не вооруженіемъ, но вѣрою и самоотверженіемъ; перешелъ рѣку Угру и ставъ на берегу сей рѣки,

[1] Арх. смол. дворян. деп. собранія.

заслонилъ симъ движеніемъ большую дорогу, ведущую изъ Вязьмы въ Калугу. Послѣдствія оправдали сіи правильныя его дѣйствія. Первыя показавшіяся непріятельскія разъѣзды къ рѣкѣ сей были симъ ополченіемъ отбиты, при чемъ взято было нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Но симъ старецъ сей не довольствовался; въ городѣ Юхновѣ, онъ устроилъ на свой счетъ лазаретъ и зная надобность войскъ въ продовольствіи, учредилъ магазейны разнаго рода, коими потомъ снабжалъ приходившія войска. Съ ополченіемъ своимъ держался на пунктѣ семъ до самаго прихода отряда подполковника Давыдова, съ которымъ находился второй его сынъ, и потомъ во все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ, до самаго его отступленія за Смоленскъ онъ оставался безотлучно въ городѣ Юхновѣ, куда къ нему являлись большая часть старшинъ дворянскихъ имѣній, коимъ онъ строго приказывалъ соблюдать порядокъ работъ полевыхъ и, такимъ образомъ, помѣщики Юхновскаго уѣзда возвратясь назадъ нашли достояніе свое въ возможномъ порядкѣ, несмотря, что во многихъ изъ сихъ имѣній непріятельскія мародеры имѣли свое пребываніе.

Князь Кутузовъ Смоленскій, узнавъ о всѣхъ сихъ подвигахъ, наградилъ сего достойнаго дворянина орденомъ св. Анны 2-го класса, прислалъ ему оной при лестномъ рескриптѣ, въ коемъ его сіятельство выставляетъ на видъ всѣ его благородные дѣйствіи, дѣлающіи честь россійскому дворянству.

Списокъ лицъ, назначенныхъ комиссарами и ихъ помощниками въ Смоленской губерніи.[1]

Подполковникъ Судковскій.
Майоръ Аристархъ Каховскій.
Майоръ Евгеній Абатуровъ.
Майоръ Артемьевъ (умеръ до окончанія слѣдствія).
Капитанъ Степанъ Тѣлесникъ.

---

1 Извлеченъ изъ арх. смол. губерн. правл. дѣло «о лицахъ находившихся въ службѣ у непріятелей въ 1812 г.». № 100—1813 г.

Капитанъ Павелъ Конопадчиковъ.
Штабсъ-капитанъ Петръ Поповъ (отъ своей должности бѣжалъ, скрывался въ Духовщинскомъ уѣздѣ у помѣщика Муромцева, что и удостовѣрено мѣстнымъ дворянствомъ, а потому отъ слѣдствія былъ освобожденъ).
Коллежскій секретарь Григорій Петрунинъ.
» » Иванъ Крапухинъ.
Губернскій секретарь Елисей Селяниновъ.
» » Строевъ.
Поручикъ Власъ Трубниковъ.
» Иванъ Амболевскій (былъ привлеченъ къ слѣдствію только по подозрѣнію въ помощи французскимъ войскамъ).
» Семенъ Есьмонтъ—(помощникъ комиссара; представилъ свидѣтельство дворянства о томъ, что непріятелю не служилъ и поэтому освобожденъ отъ слѣдствія).
» Яковъ Бугайскій.
» Иванъ Тебеньковъ (былъ назначенъ въ Краснинское ополченіе и къ должности не явился, а у непріятеля служилъ комиссаромъ).
» Иванъ Файницкій (тоже).
Титулярный совѣтникъ Демьянъ Краевскій.
Надворный совѣтникъ Платонъ Жиркевичъ.
Коллежскій регистраторъ Антонъ Жиркевичъ.
Подпоручикъ Тарасъ Бородинцовъ.
» Тимофей Мелещенковъ.

Подпоручикъ: Козьма Амболевскій.

» Андрей Четыркинъ (былъ освобожденъ отъ слѣдствія, такъ какъ доказалъ, что непріятелю не служилъ, а былъ захваченъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ).

» Сергѣй Щеченко.

» Козьма Смолдовскій.

Чиновникъ канцеляріи губернатора коллежскій регистраторъ Николай Дроздовскій—(освобожденъ, такъ какъ обвиненіе противъ него осталось не доказаннымъ; онъ былъ при казенныхъ бумагахъ, которыя вывезти изъ Смоленска не успѣлъ и попалъ въ плѣнъ).

Прапорщикъ: Мартынъ Прозоркевичъ (освобожденъ отъ слѣдствія).

» Захаръ Пашкевичъ.

Дворянинъ Яковъ Прежевскій (освобожденъ отъ слѣдствія).

Унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Дмитрій Перскій.

Кадетъ Василій Бугайскій.

Штабсъ-капитанъ Залѣсскій.

Титулярный совѣтникъ Фролъ Роженко.

Поручикъ: Алексѣй Загробской.

» Николай Палицынъ.

Подпоручикъ: Иванъ Злобинъ.

» Филиппъ Путято.

Учитель Евдокимъ Городецкій.

Прапорщикъ: Никита Козловъ.

» Никифоръ Бушинскій.

Дворянинъ: Андрей Лозовицкій.

» Егоръ Санко-Лешевичъ

» Александръ Демяновскій.

Дворянинъ: Николай Щипилла.
» Александръ Дембковскій.
Коллежскій регистраторъ Павелъ Молоховъ (представилъ свидѣтельства Духовщинскаго и Порѣчскаго дворянства о томъ, что непріятелю не служилъ).
Коллежскій секретарь Борисъ Рудовичъ (умеръ до окончанія слѣдствія).
Мѣщанинъ: Василій Щекольниковъ.
» Степанъ Новоженовъ.
» Федоръ Рыжиковъ.
» Варфоломей Хлѣбниковъ.
» Алексѣй Тыркинъ (о немъ производилось особое слѣдствіе Московскимъ военно-окружнымъ судомъ по обвиненію въ шпіонствѣ для французовъ).
Семинаристы: Соколовъ и Тихонъ Звѣревъ.
Лица неизвѣстнаго званія: Егоръ Краинскій. Прокофій Слободчиковъ. Демьянъ Краевскій. Рачинскій. Матвѣй Возненковъ. Михаилъ Бедрицкій. Степанъ Масловъ. Симонъ Залѣсскій (убитъ непріятелемъ).

Письмо сенатора Каверина на имя С. И. Лесли отъ 2 января 1813 г. [1].

Милостивый Государь, Сергій Ивановичъ.

Съ Высочайше возложенною на меня обязанностью управленія Смоленскою губерніею на правахъ сенатора и по прибытіи моемъ

---

1 Арх. смол. дворян. деп. собранія.

въ Смоленскъ, предположилъ я въ ономъ, какъ въ губернскомъ городѣ, возстановить губернское управленіе. Ожидаю теперь къ исполненію сего прибытія Смоленскаго г-на гражданскаго губернатора, губернскихъ чиновниковъ губернскаго правленія и казенной палаты, вслѣдствіе сдѣланнаго о томъ отъ меня къ его превосходительству отношенія.

Кромѣ сего предстоитъ теперь важнѣйшею обязанностью къ исполненію Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа въ 6 день декабря истекшаго года на имя мое состоявшагося и относящагося къ существенной пользѣ обитателей Смоленской губерніи, къ коимъ милосердый Государь Императоръ, по неизрѣченной своей благости, обращаетъ свое вниманіе изліяніемъ особыхъ щедротъ, наипаче же изъясненныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ 25 декабря черезъ гг. депутатовъ Смоленскаго благороднаго дворянства ко мнѣ доставленномъ, съ коего списокъ при семъ препровождаю. А также получилъ я разрѣшеніе отъ комитета гг. министровъ на всѣ предметы всеподданнѣйшаго моего Его Императорскому Величеству представленія отъ 10 ноября о нуждахъ Смоленской губерніи и о благоустройствѣ оной, вслѣдствіе чего ассигнованный милліонъ рублей на закупку хлѣба для нуждающихся въ пропитаніи помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ Смоленской губерніи также ко мнѣ доставленъ.

Высочайшую довѣренность, на меня въ семъ случаѣ возложенную, конечно, при всегдашнихъ моихъ правилахъ, не щадя ни спокойствія, ни самаго здоровья потщусь оправдать и счастливымъ себя почту, ежели услугами моими могу быть полезнымъ жителямъ Смоленской губерніи, наипаче же благородному сословію. Но приступая къ удовлетворенію просьбы гг. депутатовъ, разсмотрѣнію моему Высочайше предоставленной, наипервѣйше почитаю нужнымъ ваше, милостивый государь мой, содѣйствіе, какъ особы, пользующейся довѣренностью благороднаго дворянства и коему нужды каждаго должны быть извѣстны.

Я уже черезъ г-на гражданскаго губернатора сдѣлалъ приглашеніе вамъ къ соприсутствованію въ учрежденной комиссіи, но сверхъ того почелъ нужнымъ, особенно симъ предварить и просить, дабы прибытіемъ вашимъ въ Смоленскъ доставили мнѣ пріятный

случай къ скорѣйшему исполненію Высочайшей воли, къ отвращенію всѣхъ недостатковъ разоренныхъ непріятелемъ жителей Смоленской губерніи и къ доставленію необходимаго имъ пособія. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью Павелъ Каверинъ.

Рапортъ Губернскаго предводителя на имя князя Кутузова о нуждахъ Смоленской губерніи, отъ 26 ноября 1812 г. за № 731 [1].

Когда непріятельская армія въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ по взятіи Смоленска, проходила Смоленскою губерніею, тогда впереди россійской арміи за господиномъ Смоленскимъ гражданскимъ губернаторомъ для исправленія должности моей слѣдовалъ я изъ одного города въ другой, а наконецъ изъ г. Гжатска, по распоряженію начальства, отправился въ г. Ярославль съ присланнымъ ко мнѣ билетомъ.

Но узнавъ тамъ объ успѣхахъ побѣдоноснаго Россійскаго оружія подъ славнѣйшимъ предводительствомъ Вашей Свѣтлости, которымъ непріятель обращенъ въ бѣгство черезъ Смоленскую губернію, спѣшилъ я прибыть въ оную, а по пріѣздѣ Ноября 6 дня Ельнинскаго уѣзда въ имѣніе мое, принужденъ остановиться, будучи не въ силахъ за слабостью здоровья моего слѣдовать далѣе, дабы имѣть счастіе явиться предъ лицо Вашей Свѣтлости.

По прибытіи г. Смоленскаго гражданскаго губернатора и кавалера барона Аша въ городъ Вязьму, Смоленское дворянство обще со мною и съ согласія г. губернатора отправило избранныхъ депутатовъ представить Вашей Свѣтлости всепокорнѣйше нужды и бѣдственное положеніе Смоленской губерніи, но Вашей Свѣтлости изъяснять и доносить состояніе и потребности губерніи—было бы утруждать только Свѣтлѣйшую особу Вашу, поколику Ваша Свѣтлость, постигая бѣгущаго черезъ Смоленскую губернію непріятеля и пріобрѣтая повсюду лавры, соизволили видѣть непосредственно сами

---

1 Рапортъ этотъ, а равно и приложенная къ нему докладная записка извлечены изъ архива смол. дворян. деп. собранія.

дымящуюся губернію и бѣдственно опустошительную, которая всегда въ потомствѣ своемъ и въ лѣтописяхъ прославлять Вашу Свѣтлость будетъ ея избавителемъ. Сего-же избавителя осмѣливаюсь всепокорнѣйше отъ имени Смоленскаго дворянства просить удостоить милостивѣйшимъ заступленіемъ у Высочайшаго Монарха, дабы Смоленская губернія, покрытая пепломъ разоренія, могла, воспрянувъ изъ онаго, придти въ прежнее свое благополучное состояніе. А въ чемъ единою властію своею Свѣтлѣйшій избавитель Смоленской губерніи всесиленъ благотворить, въ томъ непремѣнно явитъ и милость разоренной отъ врага отечества губерніи.

Докладная записка, поданная Князю Кутузову.

(Составлена по отдѣльнымъ просительнымъ пунктамъ).

1. О снабденіи хлѣбомъ Смоленскую губернію, какъ озимью, такъ и яровымъ, съ доставленіемъ, дабы пропитать и обсѣять жителей. Около 200,000 удалившіеся въ другія губерніи и разсѣянные жители, ободренные симъ пособіемъ, возвратятся къ своимъ жилищамъ. А разоренные и выженные города и селенія тѣмъ скорѣе и способнѣе начнутъ выстраиваться. Владѣльческіе крестьяне, которыхъ помѣщики владѣютъ достаточнымъ имѣніемъ въ другихъ губерніяхъ, не должны ожидать такого пособія въ хлѣбѣ, какъ лошадьми и скотомъ.

Хотя по великому вообще неурожаю прошедшаго года ржи, ярового и всего корма для скота и лошадей, довольствовались хлѣбомъ отчасти изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, а многіе владѣльцы не только продовольствовали хлѣбомъ крестьянъ своихъ въ зиму, весною также обсѣяли прошедшаго года рожью, а весною яровымъ, но лошади и скотъ ихъ продовольствовался кормомъ до весны. Однакожъ по вступленіи обѣихъ западныхъ армій въ Смоленскую губернію владѣльцы съ крайней ревностью для продовольствія войскъ доставляли безденежно провіантъ въ мукѣ, сухаряхъ и крупѣ, а фуражъ въ сѣнѣ и овсѣ въ Смоленскъ и другія мѣста, съ такою при томъ невѣроятною поспѣшностью, которая удивляла

самыхъ требователей, при чемъ и остальной магазейный хлѣбъ велѣно перепечь въ сухари и доставлять къ продовольствію войскъ, послѣ чего малые остатки въ губерніи хлѣба отчасти французскими мародерами разграблены, а въ дополненіе того и будущая надежда на озимой и яровой хлѣбъ проходившими россійскими и непріятельскими арміями уничтожена въ великомъ количествѣ скошеніемъ неспѣлаго, отчасти же потоптанъ и потравленъ лошадьми и прогоняемымъ для арміи скотомъ. Во многихъ мѣстахъ не успѣли убрать всего хлѣба за разогнаніемъ крестьянъ, удаленіемъ въ подводы лошадей, которыхъ многіе и вовсе лишились и что многія селенія сожжены—отъ сего даже къ будущему году оставлено земли великое количество не засѣянной. Наконецъ гонимый непріятель обратно черезъ Смоленскую губернію, оставляя повсюду слѣды разоренія, лишалъ не малое число жителей послѣдняго пропитанія. Россійскія арміи, преслѣдовавшія непріятеля, довольствовались также изъ послѣдняго провіантомъ въ Смоленской губерніи, особливо проходящіе полки и донынѣ команды и разные транспорты довольствовались хлѣбомъ и фуражемъ въ овсѣ и сѣнѣ и немногіе изъ нихъ давали квитанціи и то въ маломъ количествѣ, забравъ противу того вдвое или втрое.

2. Лошадьми и скотомъ.

Выше упомянуто о неурожаѣ прошедшаго года корма для скота и лошадей, по которому всякій хозяинъ оставлялъ въ зиму только необходимое нужное число и то едва могъ продовольствовать до весенней травы, на которую выгнаны лошади и скотъ въ совершенномъ изнуреніи и худобѣ. За всѣмъ тѣмъ, не упоминая о лучшихъ лошадяхъ, въ артиллерію весною поступившихъ, также въ милицію и съ охотниками въ передъ великаго числа на почтовыхъ станціяхъ съ прибавленіемъ нарядовъ отъ обывателей и новыхъ станцій учрежденій съ постановленіемъ лошадей отъ обывателей. Но болѣе всего по случаю движенія полковъ, командъ и обѣихъ западныхъ армій по нѣскольку тысячъ обывательскихъ лошадей по дорогамъ въ разныхъ мѣстахъ и въ то же время доставленіе отъ всѣхъ уѣздовъ провіанта и фуража, какъ выше упомянуто, отъ чего не только совершенное изнуреніе лошадей, но великое число изъ оныхъ лошадей вовсе не возвратилось. Не упоминая о лошадяхъ, употребленныхъ

подъ артиллерійскіе снаряды и парки, изъ Смоленска въ Москву отправленные, также для комиссаріатскаго депо, на отправленіе изъ городовъ казны и приказнослужителей съ дѣлами, но послѣ ихъ проходившей непріятельской французской арміи къ Москвѣ и обратно коликаго числа лишились лошадей обыватели. А для преслѣдующей Россійской арміи непріятельскую подводы, также для проходившихъ послѣ того полковъ и донынѣ командъ и разныхъ транспортовъ забираніе всегда безденежно доставленныхъ лошадей, изъ которыхъ множество не возвращены, а скотъ во время прохожденія до Москвы Россійскихъ и непріятельскихъ армій обратно, не только для употребленія въ пищу забираемъ былъ, но цѣлыми стадами отбираемъ. А по недостатку лошадей и скота остановятся работы крестьянскія, при томъ отъ здѣшней земли не удобренной навозомъ, никакого урожая хлѣба ожидать не можно.

3. О сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, чтобы доставленіе годовой пропорціи озимого и ярового хлѣба для тѣхъ же причинъ отсрочить 1814 г. по октябрь мѣсяцъ, а за прошедшіе годы не требовать вовсе.

Какъ уже изъяснено выше, что хлѣбъ изъ оныхъ отчасти употребленъ на продовольствіе жителей по неурожаю въ прошедшій годъ, отчасти на продовольствіе армій, также разграблены французскими мародерами, а нѣкоторые сожжены, то и вовсе оныхъ не находится. Министерство же полиціи истребовало мнѣніе отъ гг. губернаторовъ и губернскихъ предводителей касательно магазиновъ, то на какомъ будетъ впредь основаніи какъ постройка магазиновъ, такъ и сборъ хлѣбный—еще неизвѣстно.

4. О непрохожденіи черезъ Смоленскую губернію полковъ, командъ и плѣнныхъ, также о непрепровожденіи больныхъ и разныхъ транспортовъ.

Сіе составляетъ безопасность всея Россіи, Отечества нашего, дабы войска не заразились болѣзнями, имѣющими свой источникъ во многихъ побѣдахъ Его Свѣтлости, что отъ границъ Московской губерніи до границъ Бѣлоруссіи проведенныя мостовыя изъ побитыхъ непріятельскихъ полковъ и мертвыхъ лошадей наполненныя рѣки, озера и колодези мертвыми тѣлами, отъ чего въ разныхъ уѣздахъ между жителями проявились уже болѣзни, которыя могутъ

легко черезъ проходящіе полки, команды и прочее сообщены быть къ Россійской арміи. Хотя стараніемъ губернскаго начальства поспѣшно очищаются города и дороги отъ тѣхъ мертвыхъ тѣлъ и лошадей, но занесенныя снѣгами и въ водахъ закрытыя льдомъ, до весны пролежать могутъ неминуемо. А провозъ больныхъ черезъ губернію можетъ распространять болѣзни и учинить ихъ повальными, какъ то и было въ 1807 году, что отъ провозимыхъ больныхъ при полкахъ, командахъ, плѣнныхъ и разныхъ милиціяхъ, черезъ губернію проходившихъ, открылись смертоносныя повальныя болѣзни, отъ которыхъ нѣсколько тысячъ народу въ Смоленской губерніи вымерло. А меньшая причина, которая также не маловажна, что полки, команды, плѣнные, больные и транспорты не найдутъ въ Смоленской губерніи никакого продовольствія для людей и лошадей, равно и подводъ по вышеизъясненнымъ обстоятельствамъ.

5. О нерасположеніи Смоленской губерніи по городамъ и уѣздамъ какихъ-либо рекрутскихъ депо и лазаретовъ.

Для тѣхъ же вышеписанныхъ причинъ да и какую лазареты и депо могутъ имѣть выгоду въ разоренной губерніи? А къ излѣченію болѣзней не малою препоною будутъ нездоровье воды и воздуха отъ упомянутыхъ причинъ. Слѣдовательно послужатъ къ помѣшательству токмо строиться вызженнымъ селеніямъ и городамъ стѣсненіемъ оныхъ при таковомъ разореніи. Впрочемъ въ Смоленской губерніи расположена по городамъ и селеніямъ смоленская милиція и отъ оной все продовольствіе имѣетъ.

6. О ненарядѣ и ненаймѣ на счетъ Смоленской губерніи почтовыхъ и курьерскихъ лошадей для содержанія по станціямъ оной, но на счетъ другихъ губерній, удаленныхъ отъ войны.

По описанному уже недостатку лошадей, о снабженіи которыми и прошеніе представляется.

7. О нестроеніи на мѣсто сожженныхъ артиллерійскихъ и кавалерійскихъ конюшень и другихъ зданій вновь изъ земскихъ повинностей, съ народа собираемыхъ и непочинкѣ уцѣлѣвшихъ отъ огня, равно о неподрядѣ и непокупкѣ дровъ изъ земскихъ повинностей на отапливаніе разныхъ зданій, которыя для постоя и на другія потребности занимались нижними воинскими чинами.

Потребности на починки строеній и дровъ на отапливаніе годъ отъ году умножаясь, равно и дороговизна онымъ увеличиваясь, набавили наконецъ отяготительный сборъ съ народа денежной суммы на сіи повинности. А теперь, при недостаткѣ хлѣба, лошадей и удаленіи многихъ жителей изъ городовъ и селеній были бы сіи построенія, починка и дровъ покупка къ совершенному отягощенію прочихъ обывателей Смоленской губерніи.

8. О томъ, чтобы постановить оной среднюю или сложную изъ цѣнъ, по всѣмъ губерніямъ существующихъ.

Цѣна соли въ два рубля столь дорога для простого народа, особливо по неурожаю прошедшаго года всякаго хлѣба и корму въ Смоленской губерніи, что оной весьма немного раскуплено было и отъ сего малоупотребленія соли появилась было въ народѣ цынготная болѣзнь, а соль, пролежа токмо казнѣ въ убытокъ, досталась въ руки французовъ. Сей жизненный запасъ, для здравія народнаго толико необходимый, желательно по нынѣшнему худому состоянію жителей Смоленской губерніи чтобы въ цѣнѣ своей елико возможно былъ сходный.

9. О свободѣ отъ поставки хлѣба съ душъ сухарями, а равно и фуража не требовать.

Недостатки въ Смоленской губерніи во всемъ хлѣбѣ объяснены уже въ первомъ и послѣдующихъ пунктахъ.

10. Объ отведеніи квартиръ безденежно въ другихъ губерніяхъ смоленскимъ дворянамъ съ ихъ семействами, которые убѣгая непріятеля, имѣли только способы доѣхать туда и въ обратный путь по недостатку своему тѣмъ наипаче не имѣютъ никакого способа, что домы ихъ и въ маломъ числѣ за ними въ Смоленской губерніи состоящіе крестьяне разорены и нѣкоторыхъ сожжены и самыя селенія.

Когда непріятель приближался къ Смоленской губерніи, тогда Смоленское дворянство прежде всѣхъ губерній всеподданнѣйше просило Его Императорскаго Величества дозволенія ополчить обывателей на защиту губерніи и въ помощь малаго числа войскъ, находившихся тогда въ оной. Почему не малая часть способнаго дворянства избрана въ разные начальники Смоленской губерніи ополченія, которое въ іюлѣ мѣсяцѣ совсѣмъ было въ го-

товности и собралось при Дорогобужѣ, а охотники особенно изъ дворянъ съ своими вооруженными дворовыми людьми и крестьянами находились на первомъ сраженіи подъ гор. Краснымъ Августа съ 2 на 3 число. Нѣкоторые-жъ изъ оныхъ дворянъ впослѣдствіи получили знаки отличія. Другая часть дворянства изъ самыхъ способныхъ къ военной службѣ и молодыхъ, какъ-то генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, по вступленіи обѣихъ западныхъ армій въ Смоленскую губернію, опредѣлились служить въ войскахъ, достальные-жъ дворяне, между коими обремененные семействами, престарѣлые, также за увѣчьемъ и ранами оставленные, бывши въ штатской службѣ и прочіе, опасаясь, чтобы не почелъ ихъ Бонапарте своими подданными, выѣхали изъ Смоленской въ другія губерніи, не сожалѣя объ имѣніяхъ, сколь впрочемъ ни были оныя обширны, а единственно сохраняя всеподданническую вѣрность, любовь къ Отечеству и честь свою, а нѣкоторые при всемъ недостаткѣ своемъ также выѣхали и проживъ тамъ деньги, не имѣютъ чѣмъ возвратиться, доходу-же получать съ малаго числа крестьянъ, за ними состоявшихъ, никакой возможности до исправленія ихъ не имѣютъ.

11. О ревизіи.

Хотя къ шестой ревизіи сказки и поданы, но какъ въ Смоленской губерніи происходила война и сверхъ милиціи нѣкоторыхъ городовъ мѣщане, а крестьяне—въ уѣздахъ, въ защиту своихъ имуществъ, вооружась, противу непріятеля сражались, а при истребленіи непріятеля многіе изъ нихъ побиты, то въ разсужденіи такой въ народѣ убыли нужно подать новыя ревизскія сказки во всѣхъ уѣздахъ. Сія новая ревизія также откроетъ, которые изъ числа удалившихся изъ губерніи купцовъ, мѣщанъ и уѣздныхъ жителей, платящихъ подати, возвратятся попрежнему въ губернію на свои жилища и которые останутся въ другихъ губерніяхъ, то должны будутъ уже въ тѣхъ подать о себѣ ревизскія сказки.

Прибавленіе къ 10-му пункту.

Охотниками также назвать должно и тѣхъ дворянскихъ чиновниковъ и владѣльцевъ, которые отправя семейства свои въ безопасныя мѣста, остались сами для приглашенія обывателей къ вооруженію и защитѣ городовъ и уѣздовъ своихъ. Таковые суть

Сычевскіе господа предводитель и исправникъ, Юхновскій господинъ предводитель, которые за мужественное низложеніе непріятелей, отчасти истребленіемъ, отчасти взятіемъ въ плѣнъ многихъ непріятельскихъ партій получили знаки отличія. Порѣцкой господинъ предводитель съ нѣкоторыми дворянами истреблялъ непріятелей въ Порѣцкомъ уѣздѣ, а Рославльскій городничій съ исправникомъ отражали непріятеля изъ Рославльскаго уѣзда. Подлинное подписали Губернскій дворянства предводитель и кавалеръ. За Бѣльскаго предводителя Юревичъ, за Вяземскаго Шагаровъ, Порѣцкаго Баранцовъ, Сычевскій Нахимовъ, Юхновскій Храповицкій, Ельнинскій Глинка.

Постановленіе собранія предводителей и депутатовъ дворянства 21 августа 1813 г. о главнѣйшихъ нуждахъ губерніи[1].

1813 года, августа 21 дня. Смоленской губерніи собраніе губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, согласно желанія дворянства на отправленіе депутатовъ къ высшему правительству, а по востребованію надобности и къ Государю Императору для всеподданнѣйшаго испрошенія Высочайшаго милосердія отъ щедротъ Государя Императора жителямъ Смоленской губерніи, о чемъ хотя и объяснялъ Губернскій предводитель господамъ начальникамъ губерніи въ іюлѣ мѣсяцѣ, но по просьбѣ уѣздныхъ дворянства предводителей, прибывшихъ для рекрутской раскладки, докладывалъ вторично господину тайному совѣтнику, сенатору, калужскому гражданскому губернатору, управляющему Смоленской губерніею на правѣ сенатора и кавалеру Павлу Никитичу Каверину вчерашняго дня при уѣздныхъ предводителяхъ, съ запискою, по какимъ статьямъ просить черезъ посланныхъ депутатовъ, то угодно было Его Превосходительству, что бы по сей запискѣ представить ему письменно. И для того постановили: донести его Превосх., что имѣемъ желаніе отправить дворянства депутатовъ по предме-

1 Архивъ смол. дворян. деп. собранія.

тамъ слѣдующимъ: Въ разоренной губерніи касательно набора съ 500 душъ по 10 рекрутъ и послѣдствій отяготительныхъ онаго сопряженныхъ съ чрезвычайною въ ревизскихъ душахъ отъ стеченія различныхъ причинъ убыли. О ссудѣ владѣльцамъ на исправленіе необходимыхъ потребностей разореннаго отъ непріятеля состоянія какъ собственнаго, такъ и своихъ крестьянъ двадцати или двадцати пяти милліоновъ на правѣ 20-ти лѣтняго банка. О ревизіи въ 1814 году, въ разсужденіи великой убыли ревизскихъ душъ. О льготѣ жителямъ губерніи еще на два года. О зачетѣ ратниковъ безъ вѣсти пропавшихъ и невозвратившихся. О почтахъ, что обыватели натурою содержатъ лошадей, а съ оными и земледѣльцы на станціяхъ. О дозволеніи мелкопомѣстнымъ подавать ратническія квитанціи. О проходящихъ полкахъ и командахъ воинскихъ: число оныхъ черезъ Смоленскую губернію по возможности уменьшить, особливо взиманіе подводъ и людей ограничить. О даваемыхъ свидѣтельствахъ на дворянство отъ уѣздныхъ предводителей и потомъ губернскаго послѣ разоренія губерніи и згоренія архива губернскаго правленія, чтобы могли неудобства отъ того исходатайствовать исключительныя правила. Хотя-же увѣрены, что Его Превосходительство изволилъ уже представлять по всѣмъ онымъ предметамъ, но тѣмъ надежнѣе и нужнѣе дворянству отправить депутатовъ. Подлинное за подписями всѣхъ предводителей.

ОПИСЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

		стран.
1.	Александръ I. Съ портрета изъ «Военной галлереи 1812 г.»	1
2.	Наполеонъ. Съ портрета художника Adam	8
3.	Планъ города Смоленска. Съ фотографіи	60
4.	Барклай-де-Толли. Съ портрета изъ «Военной галлереи 1812 г.»	76
5.	Багратіонъ. Съ портрета изъ «Военной галлереи 1812 г.»	80
6.	Сенъ-При, Толь, Вистицкій, Ермоловъ. Съ портретовъ изъ «Военной галлереи 1812 г.»	84
7.	Невѣровскій. Съ портрета изъ «Военной галлереи 1812 г.»	92
8.	Битва подъ Краснымъ 2 августа. Съ рисунка Faber du Faur	94
9.	Раевскій. Съ портрета изъ «Военной галлереи 1812 г.»	100
10.	Бивакъ вице-короля на большакѣ подъ Краснымъ въ ночь съ 4 на 5 авг. Съ аквар. худ. Adam	112
11.	Бивакъ вице-короля подъ Смоленскомъ. Съ аквар. худ. Adam	112
12.	Дохтуровъ. Съ портрета изъ «Военной галлереи 1812 г.»	118
13.	Паскевичъ, графъ Кутайсовъ, Коновницынъ, принцъ Евгеній Вюртембергскій. Съ портретовъ изъ «Военной галлереи 1812 г.»	120
14.	Видъ на горѣвшій Смоленскъ съ окрестности Свирской церкви. Съ рисун. худ. Faber du Faur	124
15.	Вюртембергская артиллерія у Свирской церкви. Съ рис. худ. Faber du Faur	132
16.	Сраженный подъ ивами отважный стрѣлокъ. Съ рис. худ. Faber du Faur	134
17.	Видъ пылавшаго Заднѣпровья. Съ рис. худ. Faber du Faur	134
18.	Битва въ южныхъ предмѣстьяхъ Смоленска. Съ акварели худ. Adam	136
19.	Видъ Смоленска съ сѣверной стороны. Съ рисун. худ. Adam	138
20.	Между Смоленскомъ и Валутиной Горой. Съ рис. худ. Faber du Faur	146
21.	Гр. Орловъ-Денисовъ, Платовъ, бар. Корфъ, Тучковъ 3. Съ портретовъ изъ «Военной галлереи 1812 г.»	148
22.	Бивакъ вюрт. див. за Валутиной Горой. Съ рис. худ. Faber du Faur	152
23.	Переправа корпуса вице-короля черезъ р. Вопь. Съ аквар. худ. Adam	156
24.	Главная квартира вице-короля въ Засельѣ. Съ аквар. худ. Adam	156
25.	Главная квартира Наполеона въ Славковѣ. Съ рис. худ. Faber du Faur	160
26.	Передъ пылавшей Вязьмой. Съ рис. худ. Faber du Faur	162
27.	Смотръ войскамъ въ Вязьмѣ. Съ рис. худ. Faber du Faur	162
28.	Фельдмаршалъ князь М. И. Кутузовъ-Смоленскій. Съ портрета изъ «Имп. Александръ I» Шильдера	168

стран.
29. Бивакъ маршала Нея передъ Гжатскомъ. Съ рис. худ. Faber du Faur . 174
30. Передъ заставой въ Гжатскѣ. Съ рис. худ. Faber du Faur 176
31. Гжатскъ горитъ. Съ рис. худ. Faber du Faur 176
32. Милорадовичъ. Съ порт. изъ «Военной галлереи 1812 г.» 186
33. На походѣ близъ Пневой Слободы. Съ рис. худ. Faber du Faur 196
34. На походѣ между Дорогобужемъ и Михайловкой. Съ рис. худ. Faber du Faur 198
35. Бивакъ у дер. Михайловки. Съ рис. худ. Faber du Faur 198
36. Партизаны: Фигнеръ, Дороховъ, Сеславичъ, Давыдовъ. Послѣдніе три съ порт. изъ «Военной галлереи 1812 г.» 204
37. Наполеонъ и смоленскія стѣны. Съ фотографій 208
38. Французскіе маршалы: Даву, Жюно, Ней; кн. Понятовскій 210
39. Вице-король. Съ порт. худ. Adam. Мюратъ, Мортье, Бертье 212
40. Между Корытней и Краснымъ. Съ рис. худ. Faber du Faur 216
41. Взятые подъ Краснымъ трофеи 228
42. Взятые подъ Краснымъ трофеи 234
43. С. И. Лесли. Съ порт., помѣщ. въ домѣ Смол. дв. собранія 240
44. Разстрѣлъ Энгельгардта. Съ рис., пом. у Шильдера «Имп. Ал. I». Памятникъ Энгельгардту. Съ фотографіи. 250
45. Братья Лесли; старинный господскій домъ въ с. Станьковѣ. Съ фотографій 266
46. Потѣшные листы: старостиха Василиса и бурмистръ села Левшина . . 276
47. Священникъ от. Никифоръ Мурзакевичъ. Съ порт. Рус. Стар. 290
48. Чудотворная икона Смоленской Божіей Матери. Съ фотограф. 334
49. Кутузовская икона. Съ фотографіи 340
50. Памятники 1812 г. въ Смоленскѣ и близъ Краснаго. Съ фотогр. 342

СПИСОКЪ ПЛАНОВЪ И КАРТЪ.

1. Карта общаго театра военныхъ дѣйствій 10
2. Современная карта Смоленской губерніи и бывшей Смоленской земли (IX—XIV ст.). 36
3. Карта соединенія двухъ нашихъ западныхъ армій подъ Смоленскомъ . 82
4. Карта передвиженій нашихъ армій передъ Смоленскомъ 88
5. Карта вступленія непріятеля въ Смоленскую губ. и боя съ нимъ Невѣровскаго 98
6. Планъ сраженія при Смоленскѣ 4 августа 110
7. Планъ сраженія при Смоленскѣ 5 августа 122
8. Карта отступленій 1-й армій отъ Смоленска къ Соловьевой переправѣ и планъ боевъ при Гедеоновкѣ, Валутиной и Лубинѣ 152
9. Карта движеній войскъ отъ Соловьевой переправы къ Бородину . . . 172
10. Планы сраженій при Вязьмѣ 190
11. Карта движеній войскъ отъ Вязьмы на Красный 214
12. Планъ Краснинскихъ боевъ 4 и 5 ноября 224
13. Планъ Краснинскаго боя 6 ноября 234
14. Карта передвиженій непріятельскихъ войскъ по Смоленской губерніи. . 282

ПЕРЕЧЕНЬ СОДЕРЖАНІЯ.

стран.

Предисловіе . . . . . V— VI
Отъ автора . . . . . VII—VIII

I. Отечественная война и значеніе Смоленской губ. въ ея эпоху.

Глава первая.—Общее значеніе давности вѣка.—Смыслъ Отечественной войны для русскаго народа.—Взглядъ на событія Отечественной войны прежній и современный.—Соперничество Франціи съ Англіей и континентальная система.—Противоположеніе началъ французской революціи устоямъ крѣпостной Россіи.—Значеніе героической борьбы русскаго народа.—Значеніе и характеръ попытокъ непріятеля склонить на свою сторону простой русскій народъ.—Роковая необходимость войны и ея поводы. —Роль Англіи и ея генералъ Вильсонъ.—Вступленіе Наполеона въ Россію и его вооруженныя силы. — Вооруженныя силы Россіи и раздѣленіе ихъ на арміи. — Мѣстонахожденіе нашихъ армій и ихъ назначеніе.—Планъ генерала Фуля.—Дрисскій лагерь. — Ошибочность первоначальнаго нашего плана.—Стремленіе нашихъ армій къ соединенію и противодѣйствіе Наполеона.—Приказы Наполеона и Александра I войскамъ.—Блестящій видъ великой арміи и смѣлыя надежды французовъ.—Начавшіяся трудности похода.—Стремленія Наполеона къ генеральному сраженію.—Выгоды для русскихъ тактики отступленій.—Давнишняя идея Барклая.—Образцовый порядокъ отступленій нашихъ армій.—Сравнительная легкость похода непріятелей въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ.—Надежды и планы поляковъ и ихъ энтузіазмъ.—Появленіе непріятеля въ Вильнѣ, Минскѣ, Витебскѣ и Могилевѣ.—Надежды непріятеля на Смоленскъ . . . 1—16

Глава вторая.—Роковое значеніе для непріятелей Смоленской губерніи и города Смоленска.—Разногласія по вопросу о дальнѣйшемъ походѣ на Москву.—Рѣшеніе Наполеона немедленно про-

стран.

должать походъ.—Оцѣнка этого рѣшенія генераломъ Вильсономъ.—Роль Вильсона въ русской арміи и взглядъ Кутузова на англичанъ.—Начало народной войны.—Образованіе партизанскихъ отрядовъ.—Опасенія Наполеона.—Прохожденіе непріятельской арміи по Смоленской губерніи.—Неудачи Наполеона въ въ этой губерніи.—Исключительно важное значеніе въ Отечественную войну Смоленской губ. въ связи съ ея прошлымъ.—Воспоминанія о 1812 годѣ не омрачаютъ дружественныхъ отношеній между русскимъ и французскимъ народами . . . . . 16—29

II. Смоленскъ и его область.

Глава первая.—Городъ Смоленскъ.—Расположеніе города.—Окрестности.—Лѣвобережная главная часть города и ея расположеніе и укрѣпленіе.—Предмѣстья.—Заднѣпровье, его мѣстоположеніе и пути сообщеній.—Размѣры и населенность Смоленска къ 1812 году. — Характеристика смолянъ по Мурзакевичу.—Утрата Смоленскомъ историческаго значенія и его славное прошлое . . . 30—34

Глава вторая.—Образованіе и развитіе Смоленской области.—Основаніе Смоленска и происхожденіе его названія.—Первыя свѣдѣнія о Смоленскѣ.—Возвышеніе Смоленска и составъ его области.—Древнѣйшее и послѣдующее населеніе.—Заключеніе о культурѣ Смолянъ по свидѣтельству памятниковъ.—Курганные предметы.—Выгодное географическое положеніе.—Торговыя сношенія и договоры. — Нѣмецкіе и литовскіе гости. — Приспособленіе монастырскихъ помѣщеній и церковныхъ притворовъ къ торговлѣ.—Торговые обороты.—Обширность Смоленска въ XIII вѣкѣ.—Уровень умственнаго развитія и литературно-просвѣтительная дѣятельность.—Принятіе христіанства и появленіе монастырей.—Климентъ Смолятичъ и Григорій.—Смоленскій просвѣтитель Авраміи. — Монастырскія книгохранилища. — Учрежденія школъ писцевъ и живописцевъ; развитіе изящныхъ искусствъ.—Сооруженіе собора и храмовъ Іоанна Богослова и Михаила Архистратига.—Духовно-литературныя произведенія Смоленска и его значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія древней Руси.—Просвѣтительная дѣятельность смоленскихъ князей Ростислава Мстиславича и сына его Давида.—Политическая судьба Смоленска.—Вѣчевое его устройство.—Подчиненія власти князя Игоря.—Поселеніе князей въ Смоленскѣ.—Образованіе особой княжеской мѣстности.—Общее число смоленскихъ князей. — Смоленское великое княжество и число великихъ князей смоленскихъ.—Число удѣльныхъ княжествъ въ Смоленской области. . . . . 34—42

Глава третья.—Упадокъ Смоленскаго княжества и покореніе его Литвою.—Причины упадка: экономическія бѣдствія и политическія потрясенія.—Голодъ и моръ.—Нашествіе татаръ; подвигъ преподобнаго Меркурія.—Подчиненіе татарамъ.—Угнетеніе Литвой и Москвой.—Уменьшеніе Смоленской области.—Появленіе литовцевъ.—Ростъ литовскаго могущества съ воцареніемъ Гедимина.—

стран.

Союзъ Смоленска съ Литвой противъ татаръ.—Борьба съ татарами на Куликовскомъ полѣ.—Временное овладѣніе Смоленскомъ Витовта.—Литовское покореніе Смоленска.—Развитіе восточной окраины—Рачевки.—Пребываніе Витовта на форштадтѣ.—Взятіе въ Москву иконы Богородицы Одигитріи и возвращеніе ея въ Смоленскъ.—Участіе Смоленскихъ полковъ въ Грюнвальденской битвѣ.—Угнетеніе Смоленска преемниками Витовта.—Бунтъ противъ маршала Андрея Саковича и подавленіе мятежа.—Возвышеніе Москвы.—Продолжительное пребываніе въ Смоленскѣ короля Казиміра.—Усиленіе Смоленской крѣпости и ея древность.—Перенесеніе княжескаго дворца въ крѣпость.—Попытки Москвы овладѣть Смоленскомъ.—Возобновленіе доброжелательной политики Литвы по отношенію къ Смоленску.—Религіозная рознь какъ препятствіе къ государственному единенію Литвы со Смоленской областью.—Учрежденіе особой литовской митрополіи.—Митрополиты Григорій Цамблакъ и Григорій Болгаринъ.—Вѣротерпимость Литвы.—Политика смоленскихъ епископовъ . . 42—48

Глава четвертая.—Власть Москвы (1514—1611 г.).—Походы московскаго царя Василія III Ивановича на Смоленскъ.—Успѣхъ 3-го похода и сдача Смоленска.—Заговоръ въ Смоленскѣ въ пользу Литвы.—Крутая расправа намѣстника князя Шуйскаго съ заговорщиками.—Нападенія на Смоленскъ польскаго воеводы Вишневецкаго и литовскаго вельможи Кмита.—Паденіе въ Смоленскѣ Свирской слободы и торговое развитіе Заднѣпровья.—Прежнее значеніе Заднѣпровья.—Заботы Москвы объ укрѣпленіи Смоленска.—Постройка крѣпостной стѣны.—Значеніе смоленской крѣпости для Москвы и Польши.—Смутное время на Руси и обложеніе Смоленска польскимъ королемъ Сигизмундомъ.—Станъ польскаго короля подъ Смоленскомъ дѣлается средоточіемъ переговоровъ и дѣйствій высокой государственной важности.—Избраніе на русскій престолъ польскаго королевича Владислава.—Посылка подъ Смоленскъ «великаго» посольства.—Приказъ Верховной Думы о сдачѣ Смоленска польскому королю.—Упорство смолянъ.—Нападеніе мальтійскаго рыцаря Новодворскаго.—Уговоры московскаго посольства настоять на сдачѣ Смоленска.—Совѣщаніе бояръ и дѣтей боярскихъ.—Новое нападеніе на городъ и взрывъ башни и стѣнъ.—Приказъ московскаго правительства о сдачѣ города.—«Воровскія» грамоты.—Стойкость Смоленска.—Новый посолъ Салтыковъ Кривой и его угрозы.—Историческое значеніе стойкости Смоленска. . . . . 49—57

Глава пятая.—Польское плѣненіе (1611—1654 г.).—Предательство измѣнника Дѣдешина.—Рѣзня въ Смоленскѣ и сдача города полякамъ.—Плѣнъ Шеина.—Заселеніе Смоленска «литовскими людьми» и его украшеніе.—Новый гербъ Смоленска и его старые гербы.—Распространеніе и укрѣпленіе католичества.—Притѣсненіе православія.—Попытки Москвы возвратить Смоленскъ.—Неудачный походъ на Смоленскъ московскаго войска и Деулинское перемиріе.—Осада Смоленска московскими войсками подъ начальствомъ боярина Шеина.—Взрывъ Грановитой башни.—

стран.

Появленіе на помощь осажденному польскому войску короля Владислава и запорожскихъ казаковъ.—Капитуляція Шеина.—Изображеніе подвиговъ поляковъ Гондіусомъ на гравировальныхъ таблицахъ . . . . . 58—62

Глава шестая.—Окончательное присоединеніе къ Москвѣ и образованіе Смоленской губерніи.—Государственная необходимость побуждаетъ Москву стремиться къ присоединенію Смоленска.—Осада Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.—Сдача Смоленска.—Продолженіе борьбы съ Польшей за Смоленскъ и Андрусовскій мирный договоръ.—Слѣды польскаго господства въ Смоленской области.—Заботы московскаго правительства объ упроченіи въ области православія и русской народности.—Мѣры къ усиленію боевой готовности Смоленска.—Возстановленіе православныхъ храмовъ и постройка собора.—Мѣры къ обрусенію.—Административныя дѣленія Смоленской области. . . . . 63—66

III. Военныя дѣйствія 1812 года въ Смоленской губ.

I. Наступленіе великой арміи.

Глава первая.—Передъ войной.—Тревога войны.—Дворянская среда.—Приближеніе опасности для Смоленской губ.—Прибытіе Государя и его пребываніе въ Смоленскѣ.—Высочайшій указъ на имя смоленскаго епископа.—Огромное движеніе черезъ губернію.—Устройство переправъ черезъ Днѣпръ.—Бѣгство изъ города.—Мѣропріятія мѣстныхъ властей.—Сообщеніе главнокомандующаго о безопасности губерніи.—Воззваніе къ общему вооруженію. . . . . 67—74

Глава вторая.—Соединеніе двухъ нашихъ западныхъ армій.—Планъ Наполеона.—Стремленіе нашихъ армій къ соединенію.—Направленіе 1-ой арміи.—Ложное извѣстіе о движеніи непріятеля къ Смоленску.—Усиленный маршъ Дохтурова къ Смоленску.—Воспоминанія Жиркевича.—Вступленіе Барклая въ Порѣчье.—Положеніе Порѣчья и усердіе его жителей.—Интендантскіе порядки.—Прибытіе 1-ой арміи въ Смоленскъ.—Извѣстіе о приближеніи къ Смоленску 2-ой арміи.—Появленіе атамана Платова.—Порученія данныя Платову и Винцингероде.—Пріѣздъ къ Смоленскъ Багратіона.—Встрѣча главнокомандующихъ и примиреніе ихъ.—Прибытіе въ Смоленскъ 2-ой арміи.—Общая численность соединенныхъ армій.—Необезпеченность дороги черезъ г. Красный.—Отправленіе въ Красный дивизіи Невѣровскаго.—Оживленіе въ Смоленскѣ и воодушевленіе войскъ.—Появленіе мародерства въ нашей арміи и мѣры противъ него.—Внутренніе враги . . . . . 75—83

Глава третья.—Маршъ и контръ-маршъ нашихъ армій передъ Смоленскомъ.—Пріостановленіе операцій и отдыхъ непріятельской арміи.—Расположеніе непріятельскихъ войскъ на линіи Витебскъ-Могилевъ.—Пребываніе въ Смоленскѣ нашихъ армій.—Военный совѣтъ въ Смоленскѣ и его рѣшеніе.—Заявленіе Барклая совѣту.—Мѣры предосторожности, принятыя Барклаемъ.—Переходъ въ

стран.

наступленіе.—Первое движеніе къ Руднѣ.—Направленіе 1-ой арміи.—Движеніе 2-ой арміи.—Распоряженія Барклая о пріостановкѣ движенія армій.—Передвиженіе съ руднянской дороги на порѣчскую. — Дѣло у Молево-Болота. — Необычайная освѣдомленность непріятеля о нашихъ передвиженіяхъ.—Отрицательное отношеніе Багратіона къ распоряженію Барклая о передвиженіи.—Возвращеніе Багратіона къ Смоленску.—Бездѣйствіе армій.—Развѣдки Платова. — Второй маршъ на Рудню.—Недовольство войскъ вслѣдствіе безплодныхъ передвиженій. — Ошеломѣлые марши.—Распря между главнокомандующими. . . . . 84—90

Глава четвертая.—Вступленіе непріятеля въ Смоленскую губ. и бой его подъ Краснымъ съ Невѣровскимъ.—Неожиданное движеніе Наполеона на краснинскую дорогу.—Переправа его на лѣвый берегъ Днѣпра.—Наступленіе на Красный.—Дивизія Невѣровскаго.—Подготовки ея къ бою и перемѣна позиціи.—Атака г. Краснаго Неемъ.—Бой подъ Краснымъ.—Приказъ Невѣровскаго.—Атаки французской конницы.—Увлеченіе Мюрата.—Попытки непріятельской артиллеріи.—Медленное отступленіе Невѣровскаго.—Стойкость его дивизіи.—Пріемная позиція на Ивань рѣкѣ.—Отступленіе къ Смоленску за р. Ясеную.—Потери Невѣровскаго.—Высокое значеніе подвига Невѣровскаго и его оцѣнка . . . . . 90—99

Глава пятая.—Оборона Смоленска генераломъ Раевскимъ.—Сосредоточеніе нашихъ войскъ у руднянской дороги.—Оставленіе Смоленска.—Гренадерскій корпусъ задержалъ выступленіе изъ Смоленска послѣднихъ войскъ.—Приказъ Раевскому идти черезъ Смоленскъ къ Красному на помощь Невѣровскому.—Прибытіе авангарда Паскевича къ Ясеной и встрѣча съ Невѣровскимъ.—Прибытіе въ Смоленскъ корпуса Раевскаго.—Совѣтъ генерала Бенингсена.—Позиція занятая Раевскимъ за Смоленскомъ.—Сосредоточеніе непріятельскихъ войскъ у р. Ясеной.—Трудное положеніе Раевскаго.—Соотношеніе нашихъ и непріятельскихъ силъ у Смоленска.—Военный Совѣтъ.—Рѣшеніе принять бой въ стѣнахъ города.—Размѣщеніе войскъ въ предмѣстьяхъ и городѣ.—Распоряженія Раевскаго и его настроеніе.—Нравственное состояніе жителей Смоленска.—Вѣсть о занятіи Краснаго —Вывозъ казны и дѣлъ.—Отъѣздъ губернатора и архіерея.—Отправленіе въ Цуриково соборной иконы Божіей Матери Одигитріи.—Общее бѣгство и уходъ коменданта съ гарнизономъ.—Начало боя и обложеніе Смоленска войсками непріятеля.—Движеніе къ Смоленску нашихъ армій.—Атака конницы Мюрата.—Штурмъ города пѣхотой маршала Нея.—Движеніе средней колонны на Королевскій бастіонъ.—Прибытіе Наполеона на поле сраженія.—Мужественное поведеніе священника Мурзакевича на Королевскомъ бастіонѣ.—Неудачныя атаки правой и лѣвой колоннъ.—Смерть полковника Потулова.—Записка Багратіона Раевскому.—Размѣщеніе нашихъ армій до полученія извѣстій о необходимости спѣшить на выручку Смоленска.—Самообладаніе Раевскаго.—Обстрѣлъ города орудійнымъ огнемъ.—Приближеніе къ Смоленску и прибытіе нашихъ

стран.

армій.—Пріѣздъ въ городъ главнокомандующихъ.—Благодарность Раевскому и Паскевичу.—Взглядъ Раевскаго на сраженіе при Смоленскѣ 4 августа.—Сужденіе Наполеона о томъ же сраженіи.—Намѣреніе Наполеона вовлечь въ сраженіе наши главныя силы.—Планъ дѣйствій, принятый главнокомандующими нашихъ армій.—Распоряженія относительно обороны Смоленска 5 августа.—Отступленіе 2-ой арміи по московской дорогѣ.—Предрѣшеніе участи Смоленска.—Донесеніе Государю Багратіона о необходимости удержать Смоленскъ. . . . . 99—112

Глава шестая.—Оборона Смоленска генераломъ Дохтуровымъ.—Обложеніе Смоленска 5 августа непріятельскими войсками.—Число непріятельскихъ силъ, стянутыхъ къ Смоленску.—Приближеніе корпусовъ Жюно и вице-короля.—Походъ вице-короля черезъ Красный.—Назначеніе корпуса генерала Дохтурова для обороны Смоленска 5 августа.—Болѣзнь генерала Дохтурова и его готовность защищать Смоленскъ.—Смѣна войскъ Раевскаго корпусомъ Дохтурова.—Соотношеніе силъ непріятелей и генерала Дохтурова.—Размѣщеніе въ Смоленскѣ нашихъ войскъ.—Установленіе нашихъ батарей на высотахъ праваго берега Днѣпра.—Батарея подполковника Нилуса близъ церкви св. Гурія, Самона и Авивы.—Разсказъ генерала Левенштерна объ опасности, угрожавшей Барклаю-де-Толли.—Французская гвардія подъ стѣнами Смоленска.—Обзоръ Наполеономъ смоленскихъ стѣнъ.—Начало сраженія.—Пріѣздъ Барклая и пребываніе его съ Дохтуровымъ на террасѣ Молоховскихъ воротъ.—Наши вылазки изъ города.—Горячность 24-ой дивизіи Лихачева. — Пріостановка боя. — Тщетное ожиданіе Наполеономъ генеральнаго сраженія. — Полученіе Наполеономъ извѣстія о начавшемся отступленіи нашей второй арміи по московскому тракту.—Провѣрка этого извѣстія самимъ Наполеономъ.—Попытка отрѣзать наши отступавшія войска отъ остальной арміи.—Розыскъ бродовъ для переправы черезъ Днѣпръ.—Разсказы лейбъ-казака Шамшева о попыткѣ непріятельской кавалеріи перейти Днѣпръ.—Отдыхъ нашихъ войскъ.—Замѣченное движеніе въ рядахъ непріятеля.—Сигналъ къ общей атакѣ и грянувшая канонада изъ 150 орудій.—Атака Нея на Краснинское предмѣстье.—Атака польскихъ войскъ Понятовскаго на Никольское предмѣстье и Рачевку.—Смерть генерала Скалона.—Губительное дѣйствіе польской артиллеріи.—Отчаянная храбрость поляковъ.—Отступленіе 27 дивизіи Невѣровскаго.—Появленіе генерала Невѣровскаго и встрѣча его съ гр. Кутайсовымъ. — Видъ Невѣровскаго и вліяніе его на войска.—Появленіе среди войскъ въ разгаръ боя священника Мурзакевича.—Геройскія усилія поляковъ сломаны нашими войсками.—Судьба поручика Кунцевича.—Атака маршала Даву на Молоховскія ворота.—Губительное дѣйствіе канонады у Молоховскихъ воротъ.—Смерть генерала Балла; рана Коновницына. — Просьба генерала Дохтурова о присылкѣ подкрѣпленія.—Посылка въ Смоленскъ 4-ой дивизіи принца Вюртембергскаго.—Первыя впечатлѣнія принца, вступившаго въ Смоленскъ.—Трудное положеніе у Молоховскихъ воротъ.—Бомбар-

СТРАН.

дировка города генераломъ Сорбье.—Опустошительное дѣйствіе снарядовъ внутри стѣнъ города.—Распредѣленіе войскъ 4-ой дивизіи.—Появленіе принца Вюртембергскаго съ егерями у Молоховскихъ воротъ.—Отступленіе дивизіи Капцевича.—Сбитая съ позиціи наша артиллерія.—Вылазка принца Вюртембергскаго изъ города и отраженіе непріятеля.—Усиленная канонада непріятельской артиллеріи.—Опустошенія въ городѣ.—Оставшееся на мѣстахъ духовенство.—Выносъ изъ Благовѣщенской церкви чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери и совершеніе передъ ней молебствій.—Передача иконы въ батарейную роту капитана Глухова.—Разсказъ Жиркевича о его бесѣдѣ съ генераломъ Эйлеромъ относительно словъ евангелія, читаемаго за молебномъ.—Новый штурмъ города.—Прекращеніе боя и наступившій отдыхъ.—Пожаръ Смоленека, наблюдавшійся съ окрестности Свирской церкви и съ Покровской горы.—Недовольство въ русской арміи рѣшеніемъ Барклая отступить отъ Смоленска.—Ходатайство, посланное къ Барклаю черезъ графа Кутайсова, о продолженіи защищать Смоленскъ.—Отвѣтъ Барклая.—Потери сторонъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ . . . . . 112—126

Глава седьмая.—Занятіе Смоленека непріятелемъ.—Пожаръ Смоленска въ ночь на 6 августа, и страшное опустошеніе города.—Дальнѣйшая оборона Смоленска представлялась Барклаю безцѣльной и опасной.—Его донесеніе Государю.—Распоряженіе объ оставленіи Смоленска войсками и жителями.—Особая заботливость Дохтурова и Коновницына.—Обращеніе великаго князя Константина Павловича къ жителямъ Смоленска.—Осужденіе Барклая и сыпавшіяся на него обвиненія.—Мужество и хладнокровіе Барклая. Ночная прогулка офицера Андреева спасаетъ отъ плѣна цѣлый баталіонъ.—Извѣстіе объ оставленіи Смоленска, привезенное въ соборъ казакомъ.—Оставленіе Смоленска послѣдними нашими войсками.—Расположеніе въ Петербургскомъ предмѣстьѣ нашихъ егерей.—Вступленіе въ городъ непріятельской арміи.—Развѣдка, произведенная однимъ изъ оберъ-офицеровъ арміи Даву.—Вступленіе въ городъ польской бригады.—Привѣтствія поляковъ французской арміею.—Появленіе Наполеона передъ Никольскими воротами.—Разсказъ доктора де-ла-Флиза о встрѣчѣ, устроенной Наполеону русскими властями и дворянствомъ.—Возможность инсценированія такой встрѣчи.—Устройство подобной встрѣчи въ Витебскѣ.—Дѣйствительная обстановка вступленія великой арміи въ Смоленскъ по свидѣтельству французскаго историка.—Переполненіе города убитыми и ранеными.—Помощь раненымъ.—Въѣздъ въ Смоленскъ Наполеона и осмотръ имъ города.—Посѣщеніе Наполеономъ Богоматеринской церкви и установка пушекъ на балконѣ церкви.—Попытки непріятелей овладѣть Петербургскимъ предмѣстьемъ.—Оплошность егерской бригады Потемкина и подкрѣпленіе ея егерской бригадой Коновницына.—Движеніе непріятельской артиллеріи отъ Свирской церкви къ стѣнамъ города.—Занятіе ею позиціи въ мѣстности теперешняго нѣмецкаго кладбища.—Артиллерійскій бой угрожаетъ выбить наши войска изъ Заднѣ-

стран.

провья.—Образованіе особаго аріергарда барона Корфа для удержанія Петербургскаго предмѣстья.—Занятіе этого предмѣстья нашими войсками и перестрѣлка нашихъ егерей черезъ рѣку съ непріятелями.—Занятіе непріятелемъ опасной для него позиціи у Никулинской башни.—Мѣткая стрѣльба нашихъ егерей.—Геройская смерть отважнаго стрѣлка.—Разореніе Петербургскаго предмѣстья.—Передвиженія непріятельскихъ войскъ на противоположномъ лѣвомъ берегу Днѣпра.—Картина лѣтняго вечера передъ оставленіемъ Смоленска нашими войсками.—Пожаръ Заднѣпровья. . . . . 126—135

Глава восьмая.—Отступленіе отъ Смоленска и бой при Гедеоновкѣ.—Отступленіе 2-й арміи.—Уклоненіе Багратіона отъ исполненія соглашенія, состоявшагося у него съ Барклаемъ.—Возможность самыхъ серьезныхъ послѣдствій такого уклоненія.—Опасность позиціи подъ Смоленскомъ, занятой 1-й арміей.—Необходимость перевода Барклаемъ своей арміи съ петербургской дороги на московскую.—Диспозиція фланговаго марша и его значеніе.—Авангардъ Тучкова 3-го.—Трудности его похода.—Отсутствіе прикрытія предпринятыхъ передвиженій войскъ.—Рѣшимость Тучкова 3-го образовать необходимое прикрытіе московской дороги со стороны Смоленска.—Неудачное передвиженіе 2-й колонны Тучкова 1-го.—Часть ея, блуждая ночью на походѣ изъ Смоленска, неожиданно появилась опять подъ Смоленскомъ у Гедеоновки.—Самообладаніе Барклая и его распорядительность.—Созданіе бокового аріергарда принца Евгенія Вюртембергскаго.—Выступленіе непріятельскихъ войскъ изъ Смоленска.—Встрѣча принца Евгенія съ корпусомъ Нея.—Нерѣшительность Нея.—Позиція занятая у Гедеоновки Принцемъ Евгеніемъ.—Бой при Гедеоновкѣ . . . . . 135—143

Глава девятая.—Бой у Валутиной Горы и сраженіе при Лубинѣ.—Значеніе Гедеоновскаго боя.—Необходимость обезпечить нашимъ войскамъ выходъ на большую дорогу.—Мѣстность между Валутиной Горой и Лубинымъ.—Позиція Тучкова 3-го между рѣчками Колодней и Волченкой.—Распоряженія Наполеона о передвиженіи французскихъ корпусовъ.—Движеніе корпуса Нея.—Видъ съ пути его на Смоленскъ.—Обложеніе Неемъ позиціи Тучкова 3-го.—Расположеніе войскъ Нея.—Прибытіе бригады Желтухина.—Бой у Валутиной Горы.—Отступленіе Тучкова 3-го за рѣчку Строгань.—Занятіе имъ позиціи у дер. Лубино.—Расположеніе на этой позиціи нашихъ войскъ.—Наступленіе Нея и расположеніе его войскъ.—Переправа дивизіи Гюденя и смерть его.—Лубинское сраженіе.—Бездѣйствіе Жюно.—Схватка кавалеріи Жюно съ нашей конницей.—Лихія атаки нашей кавалеріи.—Подвигъ лейбъ-казаковъ.—Значительныя подкрѣпленія, прибывшія къ отряду Тучкова 3-го.—Развитіе Лубинскаго сраженія.—Окончаніе сраженія и исходъ его.—Отсутствіе единства дѣйствій у противника.—Общее значеніе Лубинскаго сраженія.—Лагерь Вюртембергской дивизіи Маршана.—Движеніе нашей арміи къ Соловьевой переправѣ и переправа черезъ Днѣпръ . . . . . 143—153

стран.

Глава десятая.—Движеніе отъ Соловьевой переправы къ Царево-Займищу.—Заслонъ движенія 1-ой арміи къ Дорогобужу.—Поиски нашихъ главнокомандующихъ удобныхъ для боя позицій.—Потребность въ генеральномъ сраженіи.—Занятіе 1-й арміею позиціи при Усвятьѣ.—Осмотръ позиціи, избранной Толемъ.—Рѣзкое замѣчаніе, сдѣланное Багратіономъ Толю.—Отступленіе нашего аріергарда.—Переправа черезъ Днѣпръ непріятельскихъ войскъ и пути ихъ слѣдованія.—Движеніе корпуса вице-короля.—Оставленіе нашими арміями позиціи при Усвятьѣ.—Занятіе позиціи у Дорогобужа.—Ошибка полковника Толя при расположеніи нашихъ войскъ на позиціи у Дорогобужа.—Оставленіе позиціи у Дорогобужа и отступленіе къ Вязьмѣ.—Роздыхъ въ Семлевѣ.—Продолженіе поисковъ удобныхъ для сраженія позицій.—Донесеніе Барклая Государю изъ Семлева.—Занятіе Дорогобужа непріятелемъ.—Распоряженія Наполеона и движенія его войска къ Вязьмѣ.—Главная квартира Наполеона въ Славковѣ.—Стычка на рѣкѣ Осьмѣ у селенія Рыбки.—Нападеніе на отрядъ Крейца.—Главная квартира Барклая въ Вязьмѣ.—Отступленіе за Вязьму и перенесеніе главной квартиры нашихъ армій въ Федоровское.—Оставленіе позиціи при Федоровскомъ и отступленіе къ Царево-Займищу.—Назначеніе командиромъ аріергарда Коновницына, взамѣнъ Платова.—Большее обезпеченіе Коновницынымъ спокойствія арміи.—Вступленіе нашихъ армій на позицію у Царево-Займища и занятіе непріятелемъ Вязьмы.—Пожаръ въ Вязьмѣ.—Смотръ войскамъ, произведенный Наполеономъ въ Вязьмѣ . . . . . 154—162

Глава одиннадцатая.—Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ и движеніе къ Бородину.—Рѣшеніе принять сраженіе на позиціи у Царево-Займища.—Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.—Вредъ, проистекавшій отъ отсутствія единоначалія въ нашихъ арміяхъ.—Причины недовольства Барклаемъ и твердость его духа.—Обсужденіе общаго положенія дѣлъ на военномъ театрѣ особымъ комитетомъ по повелѣнію Государя.—Составъ комитета и его заключенія.—Высочайшій рескриптъ на имя Кутузова.—Личное мнѣніе Государя о Кутузовѣ и его переписка съ Барклаемъ.—Отъѣздъ Кутузова въ армію и его прибытіе въ Гжатскъ.—Пріѣздъ Кутузова въ Царево-Займище и посѣщеніе лагеря.—Восторженный пріемъ войскъ.—Новыя назначенія и перемѣщенія въ арміи.—Воззваніе Кутузова къ смолянамъ.—Оставленіе позиціи у Царево-Займища и отступленіе къ Гжатску.—Донесеніе Кутузова Государю о вступленіи въ командованіе арміями.—Численность нашихъ войскъ ко времени прибытія Кутузова.—Развитіе въ нашей арміи мародерства и причины этого явленія.—Тяжелое положеніе великой арміи и большая смертность среди нея.—Отступленіе нашей арміи къ Бородину.—Медлительное отступленіе нашего аріергарда.—Подвигъ генерала Крейца у Гжатска.—Наступленіе непріятеля къ Гжатску.—Главная квартира Нея въ помѣщичьей усадьбѣ.—Занятіе Гжатска непріятельскими войсками.—Приготовленія Наполеона къ генеральному сраженію.—Пребываніе Наполеона въ

стран.

Гжатскѣ.—Выступленіе непріятелей изъ Гжатска въ походъ на Москву.—Пожаръ въ Гжатскѣ.—Атака непріятелями нашего аріергарда у Гриднева.—Выходъ непріятельской арміи у Колоцкаго монастыря изъ предѣловъ Смоленской губ. . . . . 163—177

II. Отступленіе союзной арміи.

Глава двѣнадцатая.—Общія условія отступленія непріятеля и движеніе до Вязьмы.—Занятіе непріятелемъ Москвы послѣ Бородинскаго сраженія. — Оставленіе Москвы. — Неудачныя попытки непріятелей отступить на Калугу. — Вступленіе непріятелей на разоренную смоленскую дорогу въ предѣлы Смоленской губ.— Непріятельскій госпиталь въ Колоцкомъ монастырѣ. — Мнѣніе Бутурлина объ отступленіи Наполеона. — Пребываніе Наполеона въ Вязьмѣ.—Расположеніе корпусовъ непріятельской арміи на большой дорогѣ.— Испытываемыя непріятелемъ бѣдствія и упадокъ дисциплины.— Предпринятый Кутузовымъ планъ параллельнаго преслѣдованія непріятеля.— Осуществленіе этого плана.— Нападеніе Платова на непріятельскій аріергардъ у Колоцкаго монастыря.—Отступленіе непріятелей къ Гжатску и къ Вязьмѣ и преслѣдованіе ихъ колонной Милорадовича.—Поступленіе въ аріергардъ корпуса Нея на смѣну корпуса Даву . . . . . 178—185

Глава тринадцатая.—Сраженіе при Вязьмѣ.—Сосредоточеніе непріятелей у Вязьмы.—Расположеніе нашихъ войскъ передъ Вяземскимъ сраженіемъ.—Бой у села Федоровскаго.—Битва между Ржавцемъ и хуторомъ Рибопьера.—Вяземское сраженіе и отступленіе непріятеля.—Успѣхъ Вяземскаго сраженія.—Причины, по которымъ наша главная армія не приняла участія въ Вяземскомъ сраженіи.— Донесеніе Кутузова Государю.—Заблужденіе Наполеона относительно Вяземскаго сраженія.— Донесеніе Нея.—Надежды на Смоленскъ . . . . . 185—193

Глава четырнадцатая.—Отступленіе отъ Вязьмы до Смоленска.—Значеніе Вяземскаго сраженія.—Наступленіе зимы и новыя бѣдствія непріятелей.—Выполненіе Кутузовымъ своего плана преслѣдованія непріятеля.—Торопливое отступленіе Наполеона и всей его арміи.— Операціи противъ непріятелей на большой смоленской дорогѣ.— Битва въ Дорогобужѣ.—Страшныя бѣдствія, претерпѣваемыя непріятелями на бивакахъ.—Занятіе Дорогобужа русскими войсками.—Преслѣдованіе непріятеля Юрковскимъ за Дорогобужъ.— Корпусъ вице-короля сворачиваетъ въ Дорогобужѣ на Духовщину.—Переправа черезъ Вопь.—Пораженіе всего корпуса вице-короля.—Донесеніе Кутузова Государю и его приказъ по войскамъ.—Занятіе вице-королемъ Ельни и отступленіе на Смоленскъ.—Пораженіе отряда Ожеро на ельнинской дорогѣ.—Донесеніе Кутузова Государю объ этомъ пораженіи.—Фланговый маршъ Кутузова . . . . . 193—207

стран.

Глава пятнадцатая.—Отступленіе черезъ Смоленскъ къ Красному.—Вступленіе Наполеона въ Смоленскъ.—Полное разстройство его арміи.—Отсутствіе продовольствія въ Смоленскѣ.—Донесеніе Наполеону Бертье.—Мѣры Наполеона къ упорядоченію арміи.—Выступленіе непріятелей изъ Смоленска.—Битва вице-короля съ казаками въ Смоленскѣ.—Выступленіе Даву.—Стычка войскъ Нея съ казаками.—Ней довершаетъ разореніе Смоленска.—Выступленіе Нея.—Движеніе войскъ нашей арміи. . . . . 207—214

Глава шестнадцатая.—Краснинскіе бои.—Безпрерывность битвъ на территоріи Краснинскаго уѣзда.—Движеніе Милорадовича на краснинскій большакъ.—Отступленіе Наполеона съ гвардіей къ Красному.—Пораженіе принцемъ Евгеніемъ остатка дивизіи Маршана.—Вступленіе Наполеона въ Красный.—Пораженіе корпуса вице-короля.—Остатки корпуса спасаются въ Красномъ.—Планъ Наполеона отвлечь вниманіе нашихъ войскъ отъ большой дороги.—Планъ Кутузова.—Раздѣленіе нашей арміи на двѣ части.—Диспозиція на 5 ноября.—Уваровскій бой.—Маршалъ Даву пробивается къ Красному.—Битва при Лосминѣ.—Отступленіе непріятелей по всей боевой линіи.—Отступленіе Наполеона съ гвардіей за Красный . . . . . 215—226

Глава семнадцатая.—Краснинскіе бои (продолженіе).—Причины отступленія непріятельской арміи за Красный.—Нерѣшительность Кутузова и пріостановка движенія Тормасова.—Пораженіе непріятельскаго аріергарда.—Возобновленіе движенія Тормасова.—Бой въ дер. Доброй.—Потери непріятелей.—Радость Кутузова.—Отступленіе Нея къ Красному.—Сраженіе съ корпусомъ Нея и его полное пораженіе.—Ней ускользаетъ отъ преслѣдованія.—Непріятели массами сдаются въ плѣнъ.—Донесеніе Милорадовича фельдмаршалу.—Значеніе Краснинскихъ боевъ.—Появленіе Кутузова на бивакахъ гвардейскаго корпуса.—Высочайшій указъ о пожалованіи Кутузову титула Смоленскаго . . . . . 226—236

IV. Народная война.

Глава первая.—Смоленское дворянство и его ополченіе.—Отношеніе дворянства къ войнѣ и его значеніе.—Помѣщики и крестьяне.—Идея земскаго ополченія.—Высочайшій манифестъ о всеобщемъ ополченіи.—Иниціатива ополченія въ семьѣ Лесли.—Предложеніе Яфимовича.—Дворянское собраніе и ходатайство объ ополченіи.—Всеподданнѣйшій рапортъ губернскаго предводителя дворянства С. И. Лесли.—Высочайшее повелѣніе объ образованіи Смоленскаго ополченія.—Милостивое отношеніе Государя къ дворянству и записка его объ ополченіи.—Дворянское собраніе для выбора чиновниковъ въ ополченіе.—Рѣчь одного изъ дворянъ.—Воодушевленіе дворянъ и примѣры самоотверженія: Калячитскій, Клочковъ, Пассекъ, Реадъ, Петрунинъ, семья Лесли.—Подвиги Энгельгардта и Шубина.—Свѣдѣнія объ Энгельгардтѣ.—Дѣятельность Энгель-

СТРАН.

гардта, донось на него и его арестъ; бесѣды съ Мурзакевичемъ и отправленіе на казнь.—Мужество Энгельгардта и его разстрѣлъ. Свѣдѣнія о Шубинѣ и казнь его.—Высочайшій указъ о пенсіяхъ родственникамъ Энгельгардта и Шубина.—Служеніе дворянъ больнымъ и раненымъ: Хомяковъ, Храповицкій, Колѣновъ.—Образованіе дворянами иррегулярной конницы.—Оставленіе дворянскихъ гнѣздъ.—Скитаніе дворянскихъ семействъ: Ельчаниновъ, Корбутовскій, Вонлярлярскіе.—Мужество Цыцырева.—Странствіе семьи Потемкина и радушіе Изъѣдиновыхъ.—Участіе дворянства въ продовольствіи армій.—Труды дворянства по сформированію земскаго ополченія.—Кипучая дѣятельность Воеводскаго и Колѣнова.—Многосложность дѣлъ по сформированію ополченія.—Быстрота въ назначеніи, снаряженіи и сборѣ ополченцевъ.—Затрудненія въ сформированіи ополченія.—Численность ополченія.—Выборъ начальниковъ ополченія и дворянъ въ офицерскія должности.—Звѣрство Подушкина.—Движеніе и дѣятельность Смоленскаго ополченія.—Разореніе дворянства . . . . . 237—257

Глава вторая.—Смоленскіе партизаны.—Народное движеніе.—Французское воззваніе.—Имущественныя пожертвованія смолянъ.—Размѣры пожертвованій по отдѣльнымъ уѣздамъ и общая ихъ сумма.—Образованіе партизанскихъ отрядовъ.—Мѣста средоточія дѣятельности партизановъ и организація ихъ.—*Партизаны Краснинскаго уѣзда*: Энгельгардтъ, Семенъ Архиповъ.—*Порѣчскіе партизаны*: Бининъ, Минченковъ, Храповицкій.—*Партизаны Смоленскаго уѣзда*—братья Лесли.—*Партизаны Духовщинскаго уѣзда.*—*Партизанская дѣятельность въ Ельнинскомъ уѣздѣ*: священникъ Іоаннъ Стабровскій; нападеніе на Новоспасскій храмъ.—*Партизаны Дорогобужскаго уѣзда*: Васильевъ; дѣятельность священника села Негашева Федора Павлинова.—*Партизанскіе отряды въ Гжатскомъ уѣздѣ*: Федоръ Потаповъ, Самусь, Давыдовъ, Четвертаковъ и его подвиги.—*Сычевскіе партизаны*: дѣятельность Нахимова; Емельяновъ; бурмистръ села Левшина; пономарь Смирягинъ; старостиха Василиса; осада Сычевки польскими уланами.—*Партизаны Рославльскаго уѣзда*: князь Тенишевъ и его подвиги; Семичевъ, Полозовъ, Голиковъ.—Партизанская дѣятельность въ *Бѣльскомъ уѣздѣ*: Колѣновъ; появленіе непріятелей въ уѣздѣ; подвигъ Семена Силаева.—Дѣятельность *Юхновскихъ* партизановъ; Храповицкіе . . . . . 257—283

V. Смоленская губернія во власти непріятеля и ея освобожденіе.

Глава первая.—Пребываніе непріятеля въ Смоленскѣ.—Занятіе Смоленска непріятелемъ.—Пребываніе въ Смоленскѣ Наполеона.—Разговоръ его съ генераломъ Тучковымъ.—Оставшіеся въ Смоленскѣ жители.—Священникъ Мурзакевичъ и его заступничество.—Оскорбленія непріятелями религіозныхъ чувствъ русскаго народа.—Буйное поведеніе союзныхъ войскъ.—Недостатки про-

стран.

довольствія.—Угнетеніе жителей.—Смерть царила въ Смоленскѣ.—Ожиданія Наполеона. — Встрѣча его. — Грабежи. — Разореніе, хаосъ и сцены человѣческихъ мученій.—Выступленіе Нея, взрывъ башенъ и пожары . . . . . 284—300

Глава вторая — Мѣры управленія. — Органы французскаго управленія.—Интендантъ.—Губернаторъ.—Комендантъ.—Верховная комиссія, ея составъ и компетенція.—Муниципалитетъ, его открытіе и составъ; предметы его вѣдомства.—Дѣятельность мера.—Комиссары и ихъ помощники.—Бездѣятельность назначенныхъ французами властей. — Старанія Виллебланша оживить ихъ дѣятельность. — Бѣдственное положеніе завоеванной Смоленской губ.—Рапортъ комиссара Щербакова . . . . . 300—307

Глава третья. — Возвращеніе русской власти. — Платовъ замѣчаетъ сборы непріятелей къ оставленію Смоленска.—Благодарственный молебенъ.—Послѣдній грабежъ непріятельскихъ мародеровъ и расправа съ ними народа.—Вступленіе въ Смоленскъ маіора Горихвостова и водвореніе порядка.—Возвращеніе въ Смоленскъ духовенства и русскихъ властей.—Прибытіе въ Смоленскъ чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери.—Пріѣздъ члена Синода Ѳеофилакта и сенатора Каверина. — Возникновеніе дѣла о лицахъ, бывшихъ въ услуженіи у непріятелей.—Возникновеніе дѣла о священникѣ Мурзакевичѣ; ходъ его и окончаніе.—Дѣла о другихъ лицахъ.—Образованіе слѣдственной комиссіи.—Свѣдѣнія, собранныя этой комиссіей въ дѣлѣ «о 41 человѣкѣ, употребленныхъ непріятелемъ въ разныя должности». — Санко-Лешевичъ, Фурса-Жиркевичъ, Ярославцовъ, Симонъ Чапа, Узелковъ, Желтовскій, Рагулинъ, Великановъ, Коховскій, Брунъ.—Комиссары и ихъ дѣятельность.—Постановленіе слѣдственной комиссіи.—Высочайшій манифестъ . . . . . 307—319

Глава четвертая.—Смоленское разореніе.—Изслѣдованія комиссіи сенатора Львова.—Наиболѣе пострадавшіе города и уѣзды.—Размѣры понесенныхъ убытковъ.—Убыль людей.—Уборка труповъ.—Церковное разореніе въ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ.—Бѣдственное положеніе Смоленской епархіи.—Назначеніе для ея устройства архіепископа Ѳеофилакта.—Разореніе учебнаго дѣла.—Обзоръ училищъ Бекетовымъ.—Его поѣздки по губерніи и впечатлѣнія.—Бѣдственное положеніе населенія губерніи.—Голосъ дворянства о помощи населенію.—Депутація къ Кутузову.—Письмо его къ Лесли.—Рапортъ губернскаго предводителя дворянства Кутузову о нуждахъ Смоленской губ. и докладная записка по тому же предмету—.Высочайшій рескриптъ.—Оказанныя губерніи вспомоществованія . . . . . 319—333

VI. Памятники Отечественной войны въ Смоленской губ.

Память объ Отечественной войнѣ тѣсно связана съ иконой Смоленской Божіей Матери.—Исторія этой иконы.—Чудесное исцѣленіе.—Значеніе этой смоленской святыни.—Пребываніе иконы въ рядахъ

стран.

войска и ея возвращеніе въ Смоленскъ.—Сообщеніе генерала Коновницына.—Рапортъ священника Васильева съ описаніемъ торжества встрѣчи иконы.—Кутузовская икона.—Памятникъ 1812 г. въ Смоленскѣ, торжество его открытія.—Открытіе такого же памятника близъ Краснаго.—Памятникъ Энгельгардту и Шубину.—Картины сраженій Смоленскаго и Вяземскаго.—Икона Казанской Божіей Матери въ Юхновскомъ соборѣ.—Могильные курганы.—Краснинскія братскія могилы.—Сооруженіе новыхъ памятниковъ въ ознаменованіе столѣтія Отечественной войны . . . 334—345

Приложенія.

Списокъ предводителей дворянства Смоленской губ. въ 1812 г.—Прошеніе дворянина Алымова о пособіи.—Копія собственноручной записки Государя Александра I.—Свѣдѣнія объ Энгельгардтѣ и Шубинѣ:—1. Донесеніе порѣчскаго предводителя дворянства; 2) Письмо губернатора; 3) Рапортъ губернскаго предводителя дворянства. 4) Предсмертное письмо Энгельгардта. 5) Духовное завѣщаніе Энгельгардта. 6) Письмо свящ. Мурзакевича. 7) Письмо генерала Шелиля. 8) Указъ Правительствующему Сенату.—Письмо объ устройствѣ госпиталя С. А. Хомяковымъ.—Свидѣтельство предводителю Воеводскому.—Представленіе губернскаго предводителя дворянства о дѣятельности Воеводскаго.—Свидѣтельство предводителю Колѣнову.—Циркулярное отношеніе губернскаго предводителя дворянства объ ополченіи.—Свѣдѣніе о лицахъ. служившихъ на офицерскихъ должностяхъ въ Смоленскомъ ополченіи.—Отношеніе о розыскѣ Подушкина.—Свѣдѣнія о движеніи Смоленскаго ополченія.—Указъ о роспускѣ ополченія.—Представленіе губернскаго предводителя дворянства о разореніи Яфимовича.—Записка о ходѣ народной войны.—Записки объ отличіяхъ.—Отношеніе губернскаго предводителя дворянства о Храповицкомъ.—Рапортъ предводителя дворянства Нахимова о партизанской дѣятельности жителей Сычевскаго уѣзда.—Предложеніе Синоду о награжденіи пономаря Смирягина.—Таблица убытковъ.—Свѣдѣнія о дѣятельности Храповицкаго.—Списокъ коммисаровъ и ихъ помощниковъ.—Письмо сенатора Каверина о вспомоществованіяхъ Смоленской губ.—Рапортъ губернскаго предводителя дворянства Кутузову о нуждахъ губерніи.—Докладная записка по тому же предмету.—Постановленіе собранія предводителей и депутатовъ дворянства о нуждахъ губерніи . . 349—412

X7

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Московская областная
БИБЛИОТЕКА

10 р

тир

л.